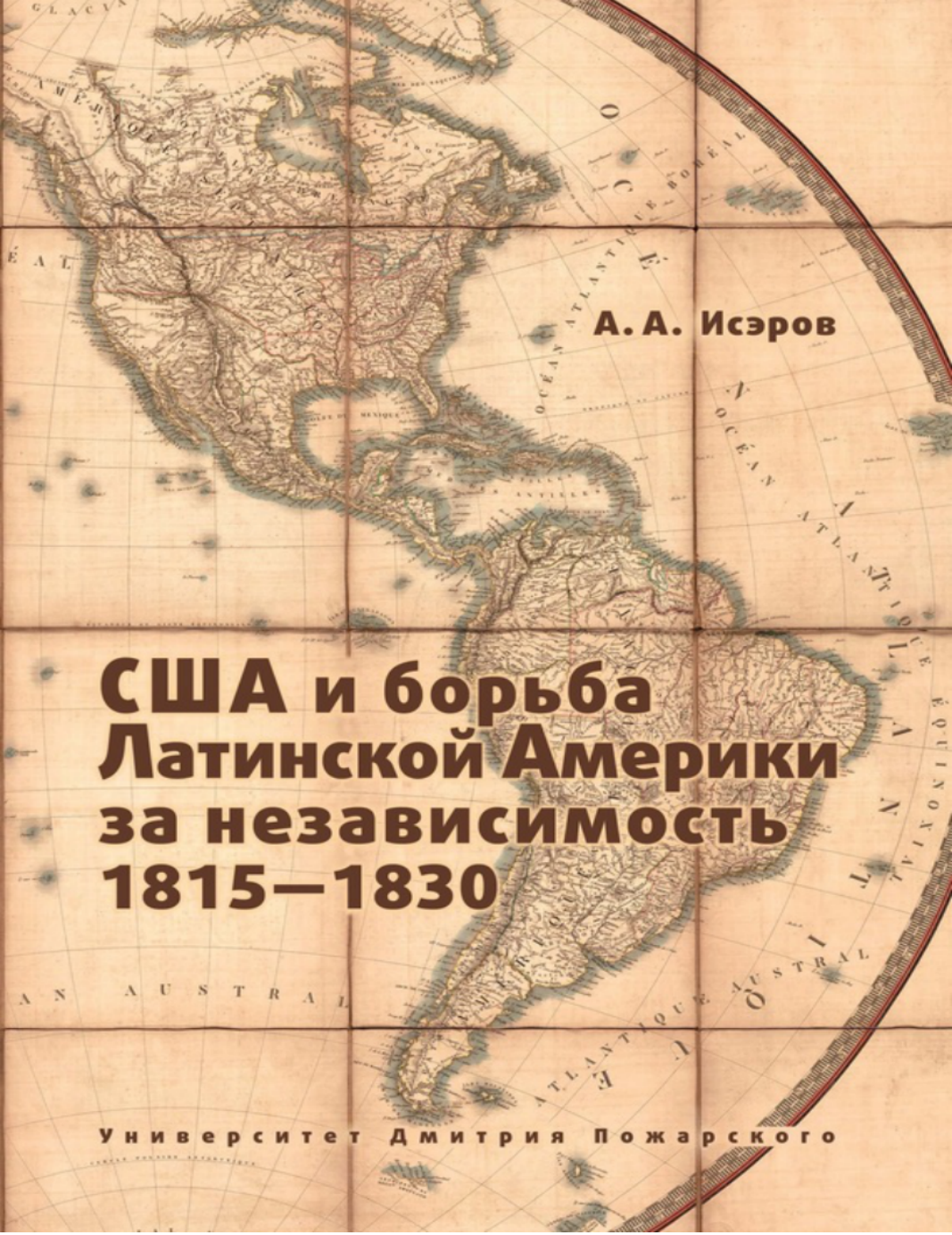


А. А. Исэров

США и борьба Латинской Америки за независимость 1815–1830

Университет Дмитрия Пожарского

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Монография посвящена становлению дипломатических и торговых отношений США с государствами Латинской Америки: от первых официальных контактов до дипломатического признания и подписания межгосударственных договоров. Дается оценка деятельности различных участников этих событий: политиков, военных, купцов и просто – авантюристов. Работа имеет серьезное значение для понимания развития внешнеполитических принципов США, в том числе известной доктрины Монро. Автор выявляет социально-культурные предпосылки будущих конфликтов между двумя Америками. Книга написана с опорой на широкий круг опубликованных источников и материалов из архивов США.

- Андрей Исэров
  - ○
  - ○ Введение
  - ○ Обзор источников
  - ○ Обзор литературы
  - ○ Глава I
    - ■
    - ■ Как создавался образ Латинской Америки в США: парадоксы «черной легенды»
    - ■ Энтузиасты и критики «южных братьев» 1815-1822
    - ■ Борьба за помощь, признание и торговлю: латиноамериканцы в США
    - ■ Комиссия Родни – Грэхема – Блэнда в Бразилии, Ла-Плате и Чили 1817-1818
    - ■ Генри Клей и оппозиция дипломатии Адамса – Монро в конгрессе 1818-1822
  - ○ Глава II
    - ■ Соединенные Штаты признают независимость Латинской Америки! Торговые отношения и дипломатия
    - ■ Под эгидой доктрины Монро
    - ■ Спорные вопросы: Техас, Куба, Пуэрто-Рико
    - ■ США и Панамский Конгресс (1826)
  - ○ Глава III
    - ■
    - ■ Достижения и провалы североамериканских дипломатов

- Граждане США на службе новых государств
- Испанская Америка на страницах “North American Review”: проект Джареда Спаркса, 1823-1830
- «Вашингтон» или «Бонапарт» Юга? Боливар в глазах североамериканцев

- Заключение
- Библиография
  - ИСТОЧНИКИ
  - Историография
  - СОКРАЩЕНИЯ
  - СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИИ И КАРТ
  - SUMMARY
- Книги, изданные русским фондом содействия образованию и науке

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28

- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72

- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116

- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160

- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204

- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248

- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292

- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336

- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380

- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424

- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468

- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512

- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556

- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600

- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644

- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688

- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732

- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776

- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802
- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812
- ○ 813
- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817
- ○ 818
- ○ 819
- ○ 820

- ○ 821
- ○ 822
- ○ 823
- ○ 824
- ○ 825
- ○ 826
- ○ 827
- ○ 828
- ○ 829
- ○ 830
- ○ 831
- ○ 832
- ○ 833
- ○ 834
- ○ 835
- ○ 836
- ○ 837
- ○ 838
- ○ 839
- ○ 840
- ○ 841
- ○ 842
- ○ 843
- ○ 844
- ○ 845
- ○ 846
- ○ 847
- ○ 848
- ○ 849
- ○ 850
- ○ 851
- ○ 852
- ○ 853
- ○ 854
- ○ 855
- ○ 856
- ○ 857
- ○ 858
- ○ 859
- ○ 860
- ○ 861
- ○ 862
- ○ 863
- ○ 864

- ○ 865
- ○ 866
- ○ 867
- ○ 868
- ○ 869
- ○ 870
- ○ 871
- ○ 872
- ○ 873
- ○ 874
- ○ 875
- ○ 876
- ○ 877
- ○ 878
- ○ 879
- ○ 880
- ○ 881
- ○ 882
- ○ 883
- ○ 884
- ○ 885
- ○ 886
- ○ 887
- ○ 888
- ○ 889
- ○ 890
- ○ 891
- ○ 892
- ○ 893
- ○ 894
- ○ 895
- ○ 896
- ○ 897
- ○ 898
- ○ 899
- ○ 900
- ○ 901
- ○ 902
- ○ 903
- ○ 904
- ○ 905
- ○ 906
- ○ 907
- ○ 908

- ○ 909
- ○ 910
- ○ 911
- ○ 912
- ○ 913
- ○ 914
- ○ 915
- ○ 916
- ○ 917
- ○ 918
- ○ 919
- ○ 920
- ○ 921
- ○ 922
- ○ 923
- ○ 924
- ○ 925
- ○ 926
- ○ 927
- ○ 928
- ○ 929
- ○ 930
- ○ 931
- ○ 932
- ○ 933
- ○ 934
- ○ 935
- ○ 936
- ○ 937
- ○ 938
- ○ 939
- ○ 940
- ○ 941
- ○ 942
- ○ 943
- ○ 944
- ○ 945
- ○ 946
- ○ 947
- ○ 948
- ○ 949
- ○ 950
- ○ 951
- ○ 952

- ○ 953
- ○ 954
- ○ 955
- ○ 956
- ○ 957
- ○ 958
- ○ 959
- ○ 960
- ○ 961
- ○ 962
- ○ 963
- ○ 964
- ○ 965
- ○ 966
- ○ 967
- ○ 968
- ○ 969
- ○ 970
- ○ 971
- ○ 972
- ○ 973
- ○ 974
- ○ 975
- ○ 976
- ○ 977
- ○ 978
- ○ 979
- ○ 980
- ○ 981
- ○ 982
- ○ 983
- ○ 984
- ○ 985
- ○ 986
- ○ 987
- ○ 988
- ○ 989
- ○ 990
- ○ 991
- ○ 992
- ○ 993
- ○ 994
- ○ 995
- ○ 996

- ○ 997
- ○ 998
- ○ 999
- ○ 1000
- ○ 1001
- ○ 1002
- ○ 1003
- ○ 1004
- ○ 1005
- ○ 1006
- ○ 1007
- ○ 1008
- ○ 1009
- ○ 1010
- ○ 1011
- ○ 1012
- ○ 1013
- ○ 1014
- ○ 1015
- ○ 1016
- ○ 1017
- ○ 1018
- ○ 1019
- ○ 1020
- ○ 1021
- ○ 1022
- ○ 1023
- ○ 1024
- ○ 1025
- ○ 1026
- ○ 1027
- ○ 1028
- ○ 1029
- ○ 1030
- ○ 1031
- ○ 1032
- ○ 1033
- ○ 1034
- ○ 1035
- ○ 1036
- ○ 1037
- ○ 1038
- ○ 1039
- ○ 1040

- ○ 1041
- ○ 1042
- ○ 1043
- ○ 1044
- ○ 1045
- ○ 1046
- ○ 1047
- ○ 1048
- ○ 1049
- ○ 1050
- ○ 1051
- ○ 1052
- ○ 1053
- ○ 1054
- ○ 1055
- ○ 1056
- ○ 1057
- ○ 1058
- ○ 1059
- ○ 1060
- ○ 1061
- ○ 1062
- ○ 1063
- ○ 1064
- ○ 1065
- ○ 1066
- ○ 1067
- ○ 1068
- ○ 1069
- ○ 1070
- ○ 1071
- ○ 1072
- ○ 1073
- ○ 1074
- ○ 1075
- ○ 1076
- ○ 1077
- ○ 1078
- ○ 1079
- ○ 1080
- ○ 1081
- ○ 1082
- ○ 1083
- ○ 1084

- ○ 1085
- ○ 1086
- ○ 1087
- ○ 1088
- ○ 1089
- ○ 1090
- ○ 1091
- ○ 1092
- ○ 1093
- ○ 1094
- ○ 1095
- ○ 1096
- ○ 1097
- ○ 1098
- ○ 1099
- ○ 1100
- ○ 1101
- ○ 1102
- ○ 1103
- ○ 1104
- ○ 1105
- ○ 1106
- ○ 1107
- ○ 1108
- ○ 1109
- ○ 1110
- ○ 1111
- ○ 1112
- ○ 1113
- ○ 1114
- ○ 1115
- ○ 1116
- ○ 1117
- ○ 1118
- ○ 1119
- ○ 1120
- ○ 1121
- ○ 1122
- ○ 1123
- ○ 1124
- ○ 1125
- ○ 1126
- ○ 1127
- ○ 1128

- ○ 1129
- ○ 1130
- ○ 1131
- ○ 1132
- ○ 1133
- ○ 1134
- ○ 1135
- ○ 1136
- ○ 1137
- ○ 1138
- ○ 1139
- ○ 1140
- ○ 1141
- ○ 1142
- ○ 1143
- ○ 1144
- ○ 1145
- ○ 1146
- ○ 1147
- ○ 1148
- ○ 1149
- ○ 1150
- ○ 1151
- ○ 1152
- ○ 1153
- ○ 1154
- ○ 1155
- ○ 1156
- ○ 1157
- ○ 1158
- ○ 1159
- ○ 1160
- ○ 1161
- ○ 1162
- ○ 1163
- ○ 1164
- ○ 1165
- ○ 1166
- ○ 1167
- ○ 1168
- ○ 1169
- ○ 1170
- ○ 1171
- ○ 1172

- ○ 1173
- ○ 1174
- ○ 1175
- ○ 1176
- ○ 1177
- ○ 1178
- ○ 1179
- ○ 1180
- ○ 1181
- ○ 1182
- ○ 1183
- ○ 1184
- ○ 1185
- ○ 1186
- ○ 1187
- ○ 1188
- ○ 1189
- ○ 1190
- ○ 1191
- ○ 1192
- ○ 1193
- ○ 1194
- ○ 1195
- ○ 1196
- ○ 1197
- ○ 1198
- ○ 1199
- ○ 1200
- ○ 1201
- ○ 1202
- ○ 1203
- ○ 1204
- ○ 1205
- ○ 1206
- ○ 1207
- ○ 1208
- ○ 1209
- ○ 1210
- ○ 1211
- ○ 1212
- ○ 1213
- ○ 1214
- ○ 1215
- ○ 1216

- ○ 1217
- ○ 1218
- ○ 1219
- ○ 1220
- ○ 1221
- ○ 1222
- ○ 1223
- ○ 1224
- ○ 1225
- ○ 1226
- ○ 1227
- ○ 1228
- ○ 1229
- ○ 1230
- ○ 1231
- ○ 1232
- ○ 1233
- ○ 1234
- ○ 1235
- ○ 1236
- ○ 1237
- ○ 1238
- ○ 1239
- ○ 1240
- ○ 1241
- ○ 1242
- ○ 1243
- ○ 1244
- ○ 1245
- ○ 1246
- ○ 1247
- ○ 1248
- ○ 1249
- ○ 1250
- ○ 1251
- ○ 1252
- ○ 1253
- ○ 1254
- ○ 1255
- ○ 1256
- ○ 1257
- ○ 1258
- ○ 1259
- ○ 1260

- ○ 1261
- ○ 1262
- ○ 1263
- ○ 1264
- ○ 1265
- ○ 1266
- ○ 1267
- ○ 1268
- ○ 1269
- ○ 1270
- ○ 1271
- ○ 1272
- ○ 1273
- ○ 1274
- ○ 1275
- ○ 1276
- ○ 1277
- ○ 1278
- ○ 1279
- ○ 1280
- ○ 1281
- ○ 1282
- ○ 1283
- ○ 1284
- ○ 1285
- ○ 1286
- ○ 1287
- ○ 1288
- ○ 1289
- ○ 1290
- ○ 1291
- ○ 1292
- ○ 1293
- ○ 1294
- ○ 1295
- ○ 1296
- ○ 1297
- ○ 1298
- ○ 1299
- ○ 1300
- ○ 1301
- ○ 1302
- ○ 1303
- ○ 1304

- ○ 1305
- ○ 1306
- ○ 1307
- ○ 1308
- ○ 1309
- ○ 1310
- ○ 1311
- ○ 1312
- ○ 1313
- ○ 1314
- ○ 1315
- ○ 1316
- ○ 1317
- ○ 1318
- ○ 1319
- ○ 1320
- ○ 1321
- ○ 1322
- ○ 1323
- ○ 1324
- ○ 1325
- ○ 1326
- ○ 1327
- ○ 1328
- ○ 1329
- ○ 1330
- ○ 1331
- ○ 1332
- ○ 1333
- ○ 1334
- ○ 1335
- ○ 1336
- ○ 1337
- ○ 1338
- ○ 1339
- ○ 1340
- ○ 1341
- ○ 1342
- ○ 1343
- ○ 1344
- ○ 1345
- ○ 1346
- ○ 1347
- ○ 1348

- ○ 1349
- ○ 1350
- ○ 1351
- ○ 1352
- ○ 1353
- ○ 1354
- ○ 1355
- ○ 1356
- ○ 1357
- ○ 1358
- ○ 1359
- ○ 1360
- ○ 1361
- ○ 1362
- ○ 1363
- ○ 1364
- ○ 1365
- ○ 1366
- ○ 1367
- ○ 1368
- ○ 1369
- ○ 1370
- ○ 1371
- ○ 1372
- ○ 1373
- ○ 1374
- ○ 1375
- ○ 1376
- ○ 1377
- ○ 1378
- ○ 1379
- ○ 1380
- ○ 1381
- ○ 1382
- ○ 1383
- ○ 1384
- ○ 1385
- ○ 1386
- ○ 1387
- ○ 1388
- ○ 1389
- ○ 1390
- ○ 1391
- ○ 1392

- ○ 1393
- ○ 1394
- ○ 1395
- ○ 1396
- ○ 1397
- ○ 1398
- ○ 1399
- ○ 1400
- ○ 1401
- ○ 1402
- ○ 1403
- ○ 1404
- ○ 1405
- ○ 1406
- ○ 1407
- ○ 1408
- ○ 1409
- ○ 1410
- ○ 1411
- ○ 1412
- ○ 1413
- ○ 1414
- ○ 1415
- ○ 1416
- ○ 1417
- ○ 1418
- ○ 1419
- ○ 1420
- ○ 1421
- ○ 1422
- ○ 1423
- ○ 1424
- ○ 1425
- ○ 1426
- ○ 1427
- ○ 1428
- ○ 1429
- ○ 1430
- ○ 1431
- ○ 1432
- ○ 1433
- ○ 1434
- ○ 1435
- ○ 1436

- ○ 1437
- ○ 1438
- ○ 1439
- ○ 1440
- ○ 1441
- ○ 1442
- ○ 1443
- ○ 1444
- ○ 1445
- ○ 1446
- ○ 1447
- ○ 1448
- ○ 1449
- ○ 1450
- ○ 1451
- ○ 1452
- ○ 1453
- ○ 1454
- ○ 1455
- ○ 1456
- ○ 1457
- ○ 1458
- ○ 1459
- ○ 1460
- ○ 1461
- ○ 1462
- ○ 1463
- ○ 1464
- ○ 1465
- ○ 1466
- ○ 1467
- ○ 1468
- ○ 1469
- ○ 1470
- ○ 1471
- ○ 1472
- ○ 1473
- ○ 1474
- ○ 1475
- ○ 1476
- ○ 1477
- ○ 1478

Андрей Исэров
США и борьба Латинской Америки за независимость, 1815 – 1830

Такая Америка, как: наша, – только одна There is but one America like ours

Генри Брэкенридж (1819)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of World History
DMITRIY POZHARSKIY UNIVERSITY

Andrey A. Isserov

The UNITED STATES and the LATIN AMERICAN STRUGGLE for INDEPENDENCE **1815–1830**

MOSCOW
Dmitriy Pozharskiy University
2011

The monograph is devoted to the beginnings of relations between the United States and the Latin American nations. It discusses the first formal and informal contacts, the diplomatic recognition of the Latin American independence by the United States, and political, military and merchant networks in the New World at the time of the independence movement. Based upon a wide range of published and

archival sources, this research is important for understanding the formation of U.S. foreign policy principles, including the famous Monroe Doctrine, and the socio-cultural background of conflicts between two Americas.

Подготовлено к печати и издано по решению Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Рецензенты:
доктор исторических наук М. *С. Альперович*
доктор исторических наук *Б. М. Шпотов*

Введение

История межамериканских отношений окутана в общественном сознании туманом накопившихся за два столетия легенд, домыслов, предрассудков. Зачастую взгляд на нее диктует не трезвый анализ, а эмоции, которые рождают образ либо доброго и сильного северного соседа, несущего свет свободы и демократии в неразвитые страны, либо мощного империалистического хищника, навеки закрепившего зависимое и отсталое состояние региона. Очевидно стремление историков обратиться к истокам связей Соединенных Штатов и Латинской Америки, чтобы отыскать зерно будущей драмы. Война за независимость испанских колоний совпала с ключевым периодом ранней национальной истории США, что делает задачу исследователя интересной, важной, но и сложной.

Борьба за независимость Латинской Америки завершила черед революций Просвещения. Это была последняя атлантическая революция, совершенная на излете героической эры трансокеанского капитализма Нового времени, последняя «дотелеграфная» война парусников и каперов. Но одновременно те противоречивые события заложили основу будущего развития Западного полушария.

В первой трети XIX в. Соединенные Штаты стояли в самом начале своего пути от небольшой рыхлой конфедерации к мировой сверхдержаве. После завоевания независимости перед победителями сразу встала задача разработать собственные внешнеполитические принципы, которые бы лучше всего соответствовали большим амбициям и пока еще скромным возможностям молодого государства. Основы доктрины были заложены в Прощальном послании Джорджа Вашингтона (1796) и первой инаугурационной речи Томаса Джефферсона (1801). Расширение свободных торговых связей, обеспечение прав нейтрального мореплавания не должны были, по мысли отцов-основателей, вести за собой «связывающие союзы» (entangling alliances). Этот ранний изоляционизм подвергся испытанию в годы «Второй войны за независимость» с Англией 1812–1815 гг., когда молодая республика, изменив принципу нейтралитета, поставила под вопрос свое существование как суверенной нации.

После окончания войны настало время осмысления бурного опыта республики: в период «эры доброго согласия» были разработаны или развиты концепции «естественных границ», «политического тяготения», программа «Американской системы», наконец, доктрина Монро. Соединенные Штаты приходили к

осознанию своего исключительного положения как единственной крупной демократической республики на периферии монархического легитимизма Венской системы и старались понять, в чем состоят их цели. В молодом государстве становление национального самосознания и поиск своего места в мире шли одновременно и были взаимосвязаны. Разделение государственной политики на внутреннюю и внешнюю здесь не более чем привычная условность.

История США – это во многом история освоения и расширения территории государства. В 1776 г. независимость провозгласили всего 13 штатов, территория которых не выходила за границы Аллеганских гор. Согласно Парижскому мирному договору 1783 г., западная граница только что признанного государства прошла по р. Миссисипи – площадь страны увеличилась более чем вдвое. Становилось ясно: Соединенные Штаты обречены были стать *огромной* республикой, порывая тем самым с античным политическим идеалом.

Дебаты 1810-х – 1820-х гг. о присоединении Флориды и Техаса стали частью широкого спора о национальных интересах США, о том, в каком направлении развиваться стране. Это также спор, как строить отношения с такими разными и по-своему сложными в переговорах империями – могущественной рациональной Англией и слабевшей, зачастую плохо предсказуемой Испанией, а затем и возникшими на месте ее колоний новыми, увы, редко политически устойчивыми латиноамериканскими государствами.

Даже секционные различия не могли еще поколебать веру в континентальное «предназначение» Соединенных Штатов. Недаром в те годы одним из самых ярких (и, бесспорно, самым деятельным) сторонников роста территории государства был новоанглийский пуританин Джон Куинси Адамс. Можно говорить о стойком экспансионистском consensus'е в североамериканской политике конца XVIII – начала XIX вв.

Борьба Латинской Америки за независимость стала для Соединенных Штатов серьезным вызовом, на который необходимо было дать достойный ответ. Кризис и распад Испанской и Португальской империй привлек внимание великих европейских держав к борьбе за влияние в Новом Свете – на короткое время «Западный вопрос»[1] стал важнейшей темой мировой политики.

Даже признав в 1822 г. независимость латиноамериканских стран, США не определились в своем отношении к новым государствам. Кто они – союзники и партнеры в борьбе с европейским влиянием или весьма далекие соседи с точки зрения их географического положения, политической культуры,

экономических интересов? Активная политика в полушарии могла бы поставить Соединенные Штаты во главу нового республиканского сообщества, но заодно грозила серьезными, возможно, неоправданными осложнениями на мировой арене. Принятие верного решения было делом крайне непростым, ведь в достижении внешнеполитических задач Соединенные Штаты не могли пока опереться ни на сильную армию, ни на профессиональный дипломатический корпус.

Задачи книги включают определение предпосылок восприятия в Северной Америке борьбы за независимость испанских и португальских колоний; исследование деятельности латиноамериканцев в США и североамериканцев в Латинской Америке; изучение роли дебатов в Конгрессе США в выработке латиноамериканской политики; анализ признания Соединенными Штатами независимости государств Западного полушария и становления межамериканских дипломатических и торговых связей; трактовку эволюции образа Латинской Америки в общественном мнении США. Такой комплексный анализ никогда не предпринимался в исторической литературе. Некоторые архивные источники впервые вводятся в научный оборот.

Исследование в основном охватывает время от окончания англо-американской войны 1812–1815 гг. до 1829 г. – прихода к власти президента Эндрю Джексона, который совпал с относительным падением интереса североамериканцев к внешним делам. Это был переходный период от джефферсоновской к джексоновской демократии, завершение эпохи ранней республики, на которое пришлись правления президентов из партии национальных республиканцев – Джеймса Мэдисона, Джеймса Монро («эра доброго согласия») и Джона Куинси Адамса. В Латинской Америке именно в середине 1810-х гг. начался решающий подъем революционного движения, а к рубежу 1820-х – 1830-х гг. с политической арены ушло большинство политиков поколения освободителей.

Изложение фактической канвы сочетается в работе с попыткой интерпретации сквозных проблем, таких как, например, антикатолицизм англо-саксонского мира и «черная легенда» об Испанской империи. Решение поставленных задач требует, помимо описания происходивших событий, также анализа их восприятия современниками. Так, для изучения общественного сознания важно не только то, была ли интервенция Священного союза в Латинскую Америку реальной опасностью, но и то, насколько вероятной считали ее политики, дипломаты, журналисты.

Под общественным мнением в работе понимаются взгляды

активного меньшинства – представителей разных социальных слоев, кто своей деятельностью и высказываниями участвовал в создании единого «общественного пространства» (Offentlichkeit по Юргену Хабермасу) молодого государства.

Исследователь общественного мнения неизбежно имеет дело со стереотипами – упрощенными, схематизированными понятиями, к которым люди во все времена склонны сводить сложную реальность. «В огромном шумном многоцветий внешнего мира мы вычленяем то, что уже было определено нашей культурой», – писал создатель концепции стереотипа Уолтер Липман (1889–1974)[2]. Точно так же и образ Латинской

Америки создавался под влиянием двух систем взглядов, предшествовавших опыту: «черной легенды» и классического республиканизма.

Чтобы сохранить связность изложения и полноту картины, мы кратко остановились в нашем повествовании и на хорошо известных, в основном дипломатических, сюжетах, таких как Трансконтинентальный договор 1819 г. и провозглашение доктрины Монро. Но основное внимание уделено слабо или вовсе не исследованным темам: дебатам в Конгрессе по признанию независимости стран Испанской Америки и участию США в Панамском конгрессе, деятельности латиноамериканской комиссии 1817–1818 гг., первых знатоков региона Генри Брэкенриджа и Джареда Спаркса, педагога Джозефа Ланкастера в Великой Колумбии, восприятию Симона Боливара в США.

В заключение следует пояснить употребление некоторых понятий, в первую очередь, из области международного и морского права. В 1780 г. Екатерина II предложила европейским державам новаторские принципы «вооруженного нейтралитета», нацеленные на защиту нейтрального судоходства в условиях войны: 1) нейтральный флаг покрывает неприятельскую собственность (flag covers the goods/cargo), за исключением военной контрабанды; 2) нейтральная собственность под неприятельским флагом не подлежит захвату, за исключением военной контрабанды; 3) блокада должна быть установлена не только de jure, но и de facto (состояние, когда флот не может на деле осуществлять провозглашенную блокаду побережья, но произвольно задерживает суда на огромных, якобы блокированных просторах, получило название «бумажной» блокады). Обладая мощным торговым флотом и придерживаясь нейтралитета, Соединенные Штаты со времени обретения независимости вслед за Россией и другими государствами континентальной Европы в противовес «владычице морей» Англии последовательно отстаивали курс на такую

либерализацию морского права в интересах нейтрального судоходства, в том числе «перевозочной» торговли (carrying trade), то есть торговли, осуществляемой на кораблях третьей страны.

Важной составной частью войны на море в то время было каперство, то есть, по сути, легальное пиратство: с разрешения какого-либо воюющего государства (такое разрешение называлось «каперским свидетельством» – lettre de marque) можно было снарядить частное судно для нападения на торговые корабли – как враждебные стране, выдавшей каперское свидетельство, так и нейтральные, но везущие вражеский груз. Разумеется, с точки зрения принципов «вооруженного нейтралитета», на нейтральном судне могло быть конфисковано только вражеское оружие и боеприпасы. Захваченные трофеи делились в соответствии со строгими правилами в особых «призовых судах» (prize courts) страны приписки каперского корабля[3]. Капер получал доход – а государство, выдавшее ему каперское свидетельство, подрывало морскую торговлю противника.

На Парижском конгрессе 1856 г. ведущие мировые державы по инициативе Франции особой Декларацией о морской войне утвердили принципы «вооруженного нейтралитета» и запретили каперство. До этого времени правила судоходства трактовались каждым государством в собственных интересах, что в военное время порождало постоянные споры, примеры которых читатель найдет в этом исследовании.

Режим наибольшего благоприятствования (most favored nation) в международной торговле гарантирует взаимные обязательства не распространять на другие государства льготы, не предоставленные договаривающимися сторонами друг другу. Режим взаимности (reciprocity) идет дальше и означает взаимные уступки сторон по обложению пошлинами любых товаров вне зависимости от их происхождения. Первый такой договор был подписан Соединенными Штатами с Францией в 1778 г., а четкое определение принципа было принято в 1815 г. (Reciprocity Act)[4].

Современники называли латиноамериканских революционеров «патриотами». Будучи антонимом слову «роялист», понятие «патриот» подразумевало не только любовь к американской родине (и соответственно ненависть к ее реальным или мнимым угнетателям), но и служило синонимом определению «республиканец». Такой смысл восходит к Великой французской революции. В сознании граждан США «патриот» в Западном полушарии не мог быть монархистом: это означало бы предательство интересов родины во имя «европейской системы». В обиходе сочувствовавших повстанцам

североамериканских газет часто использовалось и другое определение – «южные братья» (South(ern) brethren).

Термин «Латинская Америка» в те годы еще не существовал, он зародится лишь во второй половине XIX в. Современники обычно говорили «Испанская Америка», «Португальская Америка» или, что чаще всего, «Южная Америка», включая порою в последнее понятие и Мексику с Центральной Америкой. Пересказывая речь современников событий, мы часто, не оговаривая того, заменяли понятие «Южная Америка» на определение «Латинская Америка».

До 1831 г. Новая Гранада (Колумбия), Венесуэла и Кито (Эквадор) составляли единое государство – Великую Колумбию (Gran Colombia). Современная Аргентина после распада испанского вице-королевства Рио-де-ла-Плата (Буэнос-Айрес) в годы революции называлась по-разному, но чаще всего – Соединенные Провинции Рио-де-ла-Платы (Provincias Unidas del Rio de la Plata) или Соединенные Провинции Южной Америки (Provincias Unidas de Sudamerica). В тексте мы обычно используем краткое название – Ла-Плата. До 1932 г. Пуэрто-Рико в США называли Порто-Рико. Всюду в тексте мы используем современное название острова.

Чтобы избежать путаницы, говоря о США, мы обычно употребляем слово «североамериканский» вместо общепринятого «американский».

Вслед за академической «Историей всемирной литературы» (М., 1983–1994) и юбилейным изданием «Дон-Кихота» в серии «Литературные памятники» (М., 2003) мы отказываемся от распространенного обычая писать испанские фамилии с союзом «и» (y) через дефис, поскольку они не являются двойными и в таком виде не наследуются.

Выражаю благодарность своим учителям: М. О. Трояновской, заинтересовавшей меня дипломатией «эры доброго согласия», В. И. Терехову, Н. Н. Болховитинову, отечественным и североамериканским историкам Западного полушария: М. С. Альперовичу (ИВИ РАН), В. И. Журавлевой (РГГУ), В. В. Согрину (МГИМО), Б. М. Шпотову (ИВИ РАН), В. П. Казакову (ИВИ РАН); Конраду Райту (Массачусетское историческое общество), Уильяму Шейду (Университет Лихай), библиотекарям и архивистам Москвы, Бостона, Кембриджа (Массачусетс), Вустера (Массачусетс), Нью-Йорка, Филадельфии, Балтимора, Вашингтона.

Отдельная признательность – программе Фулбрайта и гранту руководимого Бернардом Бейлиным гарвардского Международного семинара по истории Атлантического мира, а

также факультету иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, благодаря которым стали возможными стажировки в США в 2004–2005 уч. г. и в январе-феврале 2009 г.

Обзор источников

Данный очерк не ставит задачей описать все использованные в работе материалы, его цель – дать краткий обзор важнейших источников. В целом мы более широко, чем обычно принято в традиционной дипломатической и политической истории, привлекали материалы газетных и журнальных статей, памфлетов, публицистики, литературы путешествий. Только такой подход позволяет исследователю увидеть новые проблемы в столь хорошо изученной теме.

Важнейшие материалы по становлению дипломатических связей США с Латинской Америкой опубликованы Уильямом Мэннингом (1871–1942)[5]. Отдельные, практически исчерпывающие публикации посвящены мексикано-американским[6] и аргентино-американским отношениям[7]. Значительная часть дипломатических донесений отложилась в бумагах Джона Куинси Адамса (1767–1848)[8], Джоэля Пойнсета (1779–1851)[9], Александра Хилла Эверетта (1790–1847)[10]. В связи с этим оригиналы в Национальных архивах привлекались лишь в незначительной степени[11].

Главным конкурентом (не только торговым, но и идейным) Соединенных Штатов в Латинской Америке была Англия, чьей политике в регионе посвящен двухтомник Чарльза Уэбстера[12]. Происхождение и история доктрины Монро стала темой особых документальных публикаций[13].

Выборочное сравнение изданий с оригиналами показывает, что публикаторы честно подходили к своей задаче и выбирали для печати если не все, то действительно самые главные материалы, стараясь не выказывать своих идеологических пристрастий.

Значение личных архивов для изучения политической истории невозможно недооценить: в письмах друзьям и близким видные государственные деятели и дипломаты позволяли себе куда более честные, откровенные оценки текущих событий. Особенно интересны уже упоминавшийся нами архив первого посланника США в Мексике Джоэля Пойнсета, а также бумаги консула в Перу и поверенного в делах в Бразилии Уильяма Тюдора (1779–1830)[14], «особого агента» в Чили Джереми Робинсона (1787–1834)[15].

Особняком выделяется хранящийся в Массачусетском историческом обществе в Бостоне громадный (605 микрофильмов) архив семьи Адамсов[16], где представлены частная и официальная переписка государственного секретаря

(1817–1825) и президента (1825–1829) Джона Куинси Адамса, а также его дневник, мимо которого не может пройти ни один исследователь истории Соединенных Штатов конца XVIII – первой половины XIX вв. Прославленный дипломат и государственный деятель всю свою жизнь, как истинный пуританин, тщательно записывал ход событий, участником которых он был, подробно излагал ход бесед, которые вел, давал оценки различным политическим деятелям. По сути, его дневник представляет собой подробную хронику североамериканской политической жизни за более чем полувековой период. Исследователи справедливо доверяют свидетельствам Адамса, многократно проверенным по самым разнообразным источникам. Нельзя, конечно, забывать, что Адамс порой мог быть весьма резок в оценках, особенно по отношению к возможным политическим соперникам, в частности к Генри Клею в 1815–1824 гг.

По примерным подсчетам, двенадцатитомное издание дневников, предпринятое сыном автора Чарльзом Фрэнсисом Адамсом, включает примерно лишь от трети до половины текста, однако сравнение с оригиналом показало, что публикатор опускал в основном записи личного характера[17]. Общественная жизнь Адамса представлена в публикации не исчерпывающе, но довольно полно. Семитомное издание бумаг Адамса под редакцией Уортингтона Форда (1858–1941) доведено лишь до середины 1823 г. и содержит примерно треть сохранившихся материалов[18].

Пробелы в опубликованных бумагах Джеймса Монро (1758–1831) восполняются в его архивах в Библиотеке Конгресса и Нью-Йоркском историческом обществе[19]. Ключевое значение для изучаемой темы имеют недавно завершенное полное издание Генри Клея (1777–1852)[20], а также публикации бумаг Томаса Джефферсона (1743–1826)[21], Джеймса Мэдисона (1750/1751 – 1836)[22], Альберта Галлатина (1761–1849)[23], Эндрю Джексона (1767–1845)[24], Дэниела Уэбстера (1782–1852)[25], Джона Кэлхуна (1782–1850)[26], колонизаторов Техаса Мозеса и Стивена Остинов (1761–1821, 1793–1836)[27]. Использовались публикации архивов Предтечи и Освободителя – Франсиско де Миранды (1750–1816) и Симона Боливара (1783–1830), мексиканского революционера Хосе Марии Морелоса (1765–1815)[28].

Материалы дебатов в Конгрессе ежедневно публиковались в газете “National Intelligencer” и перепечатывались другими изданиями по всей стране. Только с осенней сессии 1824 г. известные частные издатели Джозеф Гейле (1786–1860) и Уильям Ситон (1785–1866) по заказу государства начали регулярное издание томов с протоколами Конгресса под названием «Регистр

дебатов»[29]. Дебаты 1789–1824 гг. были собраны воедино и опубликованы Гейлсом и Ситоном только в 1834–1856 гг.[30] Следует подчеркнуть, что как «Анналы Конгресса», так и «Регистр дебатов» в полном смысле стенограммой дебатов не являются: в них много сокращений и различных исправлений, правда, только стилистического характера. Отдельные выступления представлены лишь в кратком изложении.

Высокое значение риторики и общественного красноречия в Европе конца XVIII – первой половины XIX вв. очевидно. Особенности же политического устройства Соединенных Штатов ставили ораторское искусство на недосягаемую для любого другого проявления общественной жизни высоту. По мнению известного историка Дэниела Бурстина, история для американцев представлялась в ту эпоху «чередой событий, связанных знаменитыми речами». Рассуждая о воспоминаниях знаменитого сенатора от Миссури Томаса Харта Бентона (1782–1858), Бурстин заключает: «Казалось, произнесение речей стало главной формой политической деятельности, почти заменив собой законотворчество. “Великие речи” того периода воздействовали на народ, они обладали исторической и символической значимостью, которую нам теперь трудно понять»[31].

Роль дебатов в Конгрессе в начале XIX в. была выше, чем в последующее время, когда они стали намного более длинными и скучными. Во время парламентских сессий стенограммы дебатов занимали по крайней мере четверть газетных полос. Именно в Конгрессе его председатель Генри Клей начал в 1818 г. громкую кампанию за признание независимости стран Западного полушария, ставшую частью общей критики администрации Монро – Адамса. Известный историк Чарльз Гриффин был совершенно прав, когда писал: «Можно смело утверждать, что внимание многих американцев к вопросу латиноамериканской независимости было впервые привлечено обсуждениями в Конгрессе»[32]. Крайне важны также тексты президентских посланий[33].

Периодика a priori является важнейшим источником по изучению общественного мнения. Нигде в мире не было в то время столько периодических изданий, как в Соединенных Штатах, где даже в крошечном западном городке могло издаваться несколько газет. Не случайно лорд Холланд (1773–1840) считал, что североамериканцы унаследовали две отличительные английские черты – «многообразие газет и омнибусы»[34].

Газеты читались всеми мало-мальски грамотными людьми и, создавая единое информационное пространство, были средством

объединения нации, так как значительная часть материалов местной прессы представляла собой перепечатки официальных материалов из прессы крупных городов и столицы. В соответствии с Почтовым актом 1792 г., издатели могли бесплатно пересылать газеты в редакции других изданий, и они свободно заимствовали новости друг у друга[35]. В республиканской Америке не толстый журнал, а ежедневная газета стала основным полем борьбы общественных идей.

Несмотря на то, что до подавляющего большинства избирателей именно местные газеты доносили последние известия, достаточно одного взгляда на несколько номеров любого издания, чтобы понять, что сведения о Латинской Америке шли через издания портовых городов – Нового Орлеана, Чарльстона (Южная Каролина), Норфолка (Виргиния), Балтимора, Филадельфии, Нью-Йорка, Бостона и иногда Сэйлема или Ньюберипорта (Массачусетс). Комментарии к международным новостям были довольно редки, ведь избранная новость обычно говорила сама за себя.

Мы сознательно ограничили нашу выборку лишь некоторыми основными газетами «эры доброго согласия». Полуофициальный вашингтонский “National Intelligencer” (издатели Джозеф Гейле и Уильям Ситон) относился к латиноамериканским революционерам явно с большей симпатией, чем администрация. После выборов 1824 г. “National Intelligencer” не уйдет в оппозицию, а будет всецело поддерживать внешнеполитический курс Адамса – Клея.

Видимо, лучшей газетой рассматриваемого периода был балтиморский “Niles Weekly Register”. Его издатель, Иезекия Найлс (1777–1839), поставил политическую журналистику на невиданную до него в США высоту, строя свою газету на предельно широком круге наиболее достоверных материалов и порой выступая с яркими редакционными статьями. По сути, “Niles’ Weekly Register” занимал нишу между газетой и журналом: он издавался раз в неделю в книжном формате in-quarto, его подшивки переплетались в тома, снабженные чрезвычайно полезным указателем, – редактор будто понимал, что его издание будет использоваться как справочник. Найлс горячо поддерживал борьбу Латинской Америки за независимость, уделял этой теме много внимания на своих полосах и даже посвятил один том издания «патриотам Мексики и Южной Америки»[36]. Тем сильнее будет разочарование Найлса в конце 1820-х гг., когда нестабильность молодых республик опрокинет его республиканские надежды.

Мы также использовали сохранившиеся в бостонском

Атенеуме разрозненные номера “New York Columbian”, издателем которой был один из самых противоречивых героев данного исследования – журналист, дипломат и авантюрист, противник Боливара, яростный республиканец и почти якобинец Бэптис Ирвайн. Филадельфийская газета Уильяма Дуэйна (1760–1835) “Aurora”, известная как наиболее последовательное орудие влияния латиноамериканских революционеров в США, цитировалась нами лишь по многочисленным перепечаткам в других публикациях. Дело в том, что после англо-американской войны этот когда-то важнейший джефферсоновский орган вошел в затяжной кризис, почти потеряв читателей[37], так что его значение состояло как раз в том, чтобы служить источником многочисленных новостей о Латинской Америке для других, более популярных изданий.

Если “National Intelligencer” и “Niles’ Weekly Register” выступали как ярые сторонники Латинской Америки, то одна из основных новоанглийских газет, федералистская “Columbian Centinel”[38], относилась к борьбе колоний Испании явно скептически. В этой газете часто сопоставлялись известия об одном и том же военном событии из обоих лагерей, и сравнение обычно было не в пользу революционеров.

Мы также обращались к филадельфийской “National Gazette” Роберта Уолша-мл. (1784–1859) и виргинской “Richmond Enquirer” Томаса Ритчи (1778–1854). Примечательно, что если в целом “Richmond Enquirer” поддерживал молодые страны Латинской Америки, в месяцы Панамских дебатов он присоединился к джексоновскому хору противников миссии – по соображениям исключительно внутриполитического свойства.

Обычно пессимистически настроенный “Columbian Centinel”, следуя линии бостонца и бывшего федералиста Адамса, в 1822 г. поддерживал признание независимости южных республик, а в 1826 г. участие США в Панамском конгрессе. Точно так же сперва довольно скептическая к «южным братьям» “National Gazette” изменила свой настрой с переменой официального взгляда на Латинскую Америку в 1822 г., поскольку ее редактор ориентировался на Адамса, с которым его связывала довольно регулярная переписка.

Откровенно партийным джексоновским органом с самого начала был основанный в 1826 г. вашингтонский “U.S. Telegraph”. Газета заработала первый политический капитал на весьма истеричной критике участия США в деятельности Панамского конгресса.

Заметим, что, по сути, круг рассматриваемой периодики расширяется, ведь газеты постоянно дают ссылки на

используемые ими издания. Порой, но не так часто, газеты полемизируют друг с другом по внешнеполитическим вопросам, что дает возможность лучше понять расстановку общественных сил.

В прессе также публиковались тосты на общественных банкетах и приемах, в первую очередь, в честь 4 июля. В политической культуре ранней республики они играли важную роль. Мы убедились, что набор тех или иных тостов на различных празднествах является тонким барометром общественного мнения, показывающим, например, не только отношение к международным делам, но и само место внешней политики в сознании избирателей[39].

При всем богатстве газетной периодики, Соединенные Штаты не могли в те годы похвастаться изобилием серьезных общественно-литературных журналов. В 1810-е – 1820-е гг единственным таким изданием – если не считать недолго продержавшийся балтиморский “Portico” (1816–1818) – был бостонский журнал “North American Review” (1815–1940), следовавший традициям солидных европейских книжных обзоров, в первую очередь, лонгмановского “Edinburgh Review”. Когда в 1823 г. редактором издания стал энтузиаст латиноамериканской революции Джаред Спаркс (1789–1866), бывшие испанские колонии стали одной из его ведущих тем.

С 1827 г. крупнейшее филадельфийское издательство “Carey & Lea” пытается создать противовес “North American Review”, пригласив редактировать новый журнал “American Quarterly Review” (1827–1837) уже упоминавшегося нами известного журналиста Роберта Уолша. В этом журнале Уолш опубликовал несколько важных статей на латиноамериканскую тематику, в том числе две, написанные Джоэлем Пойнсетом.

К сожалению, сохранившиеся архивы Уильяма Дуэйна и Роберта Уолша крайне невелики по размерам и ничего не добавляют к нашим знаниям по исследуемой теме. Фактическая гибель архива Дуэйна особенно печальна, если учесть, что именно в его руках находились бумаги первого посланника Великой Колумбии в США, главного борца за признание Латинской Америки Мануэля Торреса (1762–1822). Зато прекрасно сохранился почти не исследованный огромный архив редактора “North American Review” Джареда Спаркса, который включает его дневник и обширную переписку с дипломатами США в Латинской Америке и самими латиноамериканскими революционерами[40]. Совершенно не изучены ранние латиноамериканские интересы крупного новоанглийского юриста, политика и дипломата Калеба Кашинга (1800–1879),

который в молодости деятельно сотрудничал как с “North American Review” и “American Quarterly Review”, так и с “American Annual Register” (1827–1835) и “Encyclopaedia Americana” (1829–1833). Истинный янки, как и Спаркс, Кашинг также оставил грандиозный архив, где прекрасно представлены его переписка 1820-х гг. и подготовительные исследовательские материалы, черновики[41].

Американские журналы в те годы публиковали статьи анонимно. Авторство в “North American Review” определялось по каталогу Уильяма Кашинга и указаниям в архиве Джареда Спаркса[42]. Атрибуцию статей в “American Quarterly Review” удалось провести по принадлежавшей Джорджу Тикнору подшивке этого журнала, которая теперь хранится в Бостонской публичной библиотеке (Boston Public Library): знаменитый филолог аккуратно надписывал известных ему авторов.

Другой принятой формой воздействия на общественное мнение был памфлет. Авторы почти всех подобных сочинений на латиноамериканскую тему стояли на стороне революционеров. Наибольшую известность приобрело открытое письмо Генри Брэкенриджа (1786–1871) президенту Монро, в котором автор настаивал на необходимости скорейшего признания независимости стран Испанской Америки[43]. Помочь Мексике призывал купец и авантюрист Уильям Робинсон (1774 – между мартоммаем 1824 г.)[44], а один анонимный автор хотел, чтобы Соединенные Штаты открыто поддержали Испанскую Америку, и не боялся даже войны с метрополией[45]. Против признания выступил филадельфийский купец Джеймс Ярд[46].

Известные журналисты Дуэйн и Ирвайн указывали на значимость латиноамериканского рынка для США[47]. Отдельные авторы даже призывали к конфедерации всего Западного полушария[48]. К скептикам примкнул автор солидных политических трактатов дипломат Александр Эверетт, веривший в исключительность Соединенных Штатов, но не всего Нового Света[49].

После передачи Флориды Соединенным Штатам бывший посланник Испании Луис де Онис (1762–1827) опубликовал свои взгляды на будущее Северной Америки в целом, где указывал на экспансионистские цели Вашингтона[50]. Известно, что этот текст получил определенную (и вполне логичную) известность в Мексике. В памфлетной форме выступали и дипломатические представители США в молодых государствах Латинской Америки, защищая свои противоречивые, подчас скандальные действия[51]. Наконец, серьезный интерес представляют книги и памфлеты латиноамериканцев, адресованные англоязычной аудитории[52].

Литература путешествий – жанр чрезвычайно популярный в первой половине XIX в. – в последнее время привлекает внимание в основном филологов и исследователей культуры, а не историков. Между тем, в таких источниках содержатся не только материалы для анализа обыденных представлений, стереотипов, общественного мнения, но и масса важных конкретных сведений. Нам удалось полностью изучить, видимо, весь корпус книг, написанных североамериканцами о Латинской Америке в рассматриваемый период, включая один текст, оставшийся неопубликованным[53].

Среди очерков о путешествиях особенно выделяется выпущенный по итогам миссии Родни – Грэхема – Блэнда 1817–1818 гг. двухтомник Генри Брэкенриджа – лучший североамериканский труд по Латинской Америке в рассматриваемый период[54]. Брэкенридж был одним из немногих североамериканцев, изучившим в середине 1810-х гг. не только испанский язык, но и иберийскую культуру и право – он долгое время жил в Новом Орлеане, где проникся духом романского мира. О популярности книги свидетельствуют ее немецкое и сокращенное английское переиздания[55].

Книга Пойнсета, итог, кстати, лишь нескольких месяцев пребывания в итурбидистской Мексике, долгое время оставалась единственным систематическим описанием огромного южного соседа, вышедшим из-под пера североамериканца[56]. Труд о Мексике Уильяма Робинсона известен тем, что в нем содержатся уникальное свидетельство о неудачной освободительной экспедиции Франсиско Хавьера Мины (1789–1817) 1817 г. и план строительства трансокеанского канала в Центральной Америке, привлекший, между прочим, внимание самого Иеремии Бентама (1748–1832) – английского философа-утилитариста, мечтавшего о воплощении своих идей в Новом Свете[57].

Уильям Дуэйн совершил свое весьма утомительное путешествие в Великую Колумбию (из Каракаса в Картахену через Боготу с переходом через Кордильеры и сплавом по Магдалене) уже после признания независимости стран Латинской Америки, смерти Мануэля Торреса и банкротства газеты “Aurora”[58]. Хотя повод был самый прозаичный – престарелому разоренному журналисту предложили выступить в качестве делового представителя в переговорах по одному долговому обязательству – посещение родины недавно ушедшего лучшего друга стало своеобразным, в чем-то сентиментальным, итогом давнего увлечения ирландца-радикала борьбой республиканских «южных братьев». Дуэйн и его семья вернулись из вроде бы сложных дальних странствий внутренне обновленными, преодолевшими

гнет тяжелых времен.

В целом большинство книг о Латинской Америке были написаны купцами и моряками[59]. Воспоминания о Чили, увы, весьма краткие, оставил доживший до глубочайшей старости вице-консул в Сантьяго коммерсант Генри Хилл (1795–1892)[60].

К счастью, не все рассказы о путешествиях принадлежат перу выходцев из образованных и/или обеспеченных слоев общества. Чрезвычайно любопытны воспоминания Генри Брэдли о Бразилии, Чили и Перу. Их автор – рабочий-типограф из Ньюберипорта, штат Массачусетс, издавший книгу, чтобы возместить «потерянные» в денежном отношении годы странствий[61]. Таким образом, открываются интересные возможности сравнить впечатления о далеком иберо-американском мире представителей одной англосаксонской культуры, но разных классов.

В качестве показателя интереса читателей к латиноамериканской теме заметим, что еще до публикации выдержки из книг Брэкенриджа и Робинсона печатались в газетной периодике[62], а отпечатанные экономным мелким шрифтом почти без полей воспоминания Генри Брэдли выдержали пять изданий в 1823–1824 гг.

Помимо собственно североамериканских, мы в целях сравнения использовали и некоторые английские сочинения, опубликованные как в Великобритании, так и в США[63]. Подчеркнем, что англо-американский издательский мир уже в те годы представлял собою единый механизм: большинство книг, бытовавших в Северной Америке в начале XIX в., были изданы в Великобритании, филадельфийские, нью-йоркские, бостонские издательства активно перепечатывали свежие английские книги (существовал, впрочем, и обратный поток, пусть менее значимый). Порой книга выходила одновременно в обеих странах.

К воспоминаниям о путешествиях вплотную примыкают не предназначавшиеся для печати дневники граждан США в Латинской Америке. В их числе дневники посланника в Буэнос-Айресе Джона Муррея

Форбса (1771–1831)[64], Джереми Робинсона[65], секретаря миссии в Мехико в 1825–1828 гг. Эдварда Торнтона Тэйло (1803–1876)[66], корабельные записи торговавшего с тихоокеанскими портами капитана Сэмюэля Хилла за 1815–1817 и 1817–1822 гг.[67], мексиканские дневники купца Джосайи Смита[68].

Хорошо известные материалы по истории латиноамериканской комиссии Родни – Грэхема – Блэнда в 1817–1818 гг. дополняет никогда не использовавшийся исследователями дневник Брэкенриджа, посвященный

переговорам с правительством Буэнос-Айреса и частично вошедший в его книгу. В том же переплетенном конволюте находится оригинальный черновик одного из отчетов комиссии, написанный рукой Брэкенриджа и лишь отредактированный Родни[69]. Сохранились также чилийские дневниковые записи и подготовительные материалы Теодорика Блэнда[70].

Интересные детали о политической борьбе вокруг участия США в Панамском конгрессе содержатся в мемуарах сенатора от Миссури джексоновца Томаса Харта Бентона[71] и его политического противника Натана Сарджента (1794–1875)[72].

Еще при жизни Боливара в свет вышли воспоминания о нем, сочиненные иностранными офицерами на латиноамериканской службе, одно в целом доброжелательное[73] и другое, резко критическое, даже ругательное[74].

Школьный учебник по географии, справочник или энциклопедия представляют собой ценнейший конденсат знаний, идей и предрассудков своей эпохи, являя тем самым интереснейший источник для изучения представлений о другом народе. Задавшись целью исследовать образ Латинской Америки в США, мы использовали, помимо четвертого издания “Encyclopaedia Britannica” (1810), первого издания “Encyclopaedia Americana” (1829–1833) и американской энциклопедии Абрахама Риса (1810–1824), наиболее популярные справочники[75] и учебники по географии[76]. Нам удалось установить, что автором статей на латиноамериканские темы в первом издании “Encyclopaedia Americana” был юрист, политик и литератор Калеб Кашинг. Крайне полезным оказалось обращение к современным историческим сочинениям – первой обобщающей североамериканской книге по истории революции в Испанской Америке[77], первому в истории труду по дипломатии США[78], очерку эпохи 1810-х – 1820-х гг[79].

Обзор литературы

Становление латиноамериканской политики США в начале XIX века относится к числу ключевых тем дипломатической истории Западного полушария. Ее внимательное изучение было начато на рубеже XIX–XX вв. Джоном Латанэ (1869–1932) и Фредериком Пэксоном (1877–1848)[80], а затем продолжено Декстером Перкинсом, Уильямом Робертсоном, Джеймсом Риппи, Артуром Уитекером, Сэмюэлем Бимисом. Именно эти выдающиеся историки, серьезно изучив государственные архивы трех континентов, очертили круг проблем и создали то магистральное повествование (нарратив, как теперь принято писать), с которым отныне работает любой исследователь дипломатической истории США.

Зарождение интереса к этой теме было связано с панамериканским движением конца XIX в., резкой активизацией присутствия США в Западном полушарии и новым обращением политиков к подзабытой доктрине Монро, ставшей чуть ли не одним из национальных символов[81]. Именно ее изучение стало ключевой проблемой для историков и правоведов. В этом обзоре мы, стремясь возможно более кратко и ясно очертить эволюцию дипломатической истории США в целом, решили начать именно с литературы по доктрине Монро как наиболее серьёзно изученной и показательной теме.

Первым глубоким исследователем президентского послания 1823 г. стал Декстер Перкинс (1889–1984) – автор трилогии, посвященной провозглашению доктрины Монро, ее эволюции и восприятию[82]. Перкине первым выступил против общепринятого представления о доктрине Монро как реакции на представлявшуюся реальной угрозу вторжения Священного союза в Латинскую Америку. Материалы европейских (французских, испанских и русских) архивов, в фондах которых молодой историк работал в 1911 г. после окончания Гарварда, доказывали, что подобных планов попросту не существовало[83].

Фундаментальные исследования Перкинса, отличающиеся безупречной логикой аргументации, во многом прояснили многие запутанные аспекты внешней политики того периода. Достоинства доктрины Монро он видел как в утверждении демократического принципа невмешательства в противовес легитимистскому вмешательству[84], так и в демократическом характере самого ее провозглашения – впервые четко сформулированная внешнеполитическая доктрина государства была открыто объявлена перед лицом представительного органа.

Влиянием доктрины Монро в Латинской Америке занимался основатель главного журнала латиноамериканистов США “Hispanic American Historical Review” Уильям Робертсон (1872–1955)[85]. Выводы Робертсона и Перкинса в целом схожи: при своем провозглашении доктрина Монро носила декларативный характер, и Соединенные Штаты не собирались на ее основании вмешиваться в дела Латинской Америки, оставляя за собой свободу рук и не неся никаких обязательств.

Вышедшая в 1975 г. книга известного гарвардского специалиста в области истории международных отношений Эрнеста Мэя (1928–2009) доказывает, что в исторической науке не бывает «закрытых», «исчерпанных» тем[86]. Известная, казалось бы, во всех подробностях история провозглашения доктрины Монро впервые предстает под совершенно иным углом – с точки зрения влияния на нее внутриполитической жизни США. Основываясь на методологии Кроче и Коллингвуда, Мэй стремится уйти от узко позитивистской проблемы перечисления различных факторов, повлиявших на то или иное явление. Автор-историк пытается вжиться в своих персонажей, понять их цели и мотивы, восприятие и оценку конкретных событий и общих понятий (например, «национального интереса»), чтобы в конечном итоге постигнуть внутренние причины поступков. Мэй доказывает, что именно перспектива выборов 1824 г. стала главной причиной как многих внешнеполитических шагов администрации, так и действий главного ее оппонента – Генри Клея. К сожалению, автор не рассматривает другие внутриполитические, в том числе экономические, причины, которые могли влиять на выбор внешнего курса.

В отечественной науке историей доктрины Монро долгие годы занимался Н. Н. Болховитинов (1930–2008). В его монографии и многочисленных статьях доктрина рассматривается «как обобщение сложившейся к тому времени теории и практики внешней политики Соединенных Штатов»[87]. Автор доказывает, что при своем появлении она диалектически сочетала оборонительный и экспансионистский характер. Болховитиновым было окончательно опровергнуто мнение, что Священный союз всерьез готовил карательную экспедицию в Латинскую Америку.

Планов интервенции действительно не существовало, но ведь североамериканские политики, дипломаты и журналисты не знали о подлинных замыслах Священного союза, и лишь опытный и дально-

видный Джон Куинси Адамс не сомневался, что такое вторжение невыгодно европейцам. Об этом нельзя забывать,

анализируя механизм принятия внешнеполитических решений, на что совсем недавно обратила внимание М. О. Трояновская[88].

К числу основателей современной дипломатической истории США бесспорно принадлежит друг Перкинса, йельский профессор Сэмюэль Бимис (1891–1973), автор многократно переиздававшейся «Дипломатической истории Соединенных Штатов», фундаментальных работ по дипломатии времен Войны за независимость, по договорам Пинкни и Джея, редактор 10-томной серии «Американские государственные секретари». Первый том его биографии Джона Куинси Адамса без преувеличения можно назвать фундаментальным исследованием по истории международных отношений конца XVIII в. – 1820-х гг. Кстати, Бимис стал первым историком, которого допустили в закрытый до 1956 г. личный архив семьи Адамсов. Именно он окончательно убедил американцев, что Джон Куинси Адамс был лучшим государственным секретарем за всю историю страны. Бимис крайне высоко оценивает латиноамериканский курс администрации, считая ее реакцию на постоянные изменения сложной мировой обстановки неизменно разумной и взвешенной[89].

Идеал Бимиса – история отношений государств, написанная на материалах государственных архивов разных стран. Роль общественного мнения в международной политике Бимис считал несущественной, о чем он постоянно говорил студентам на лекциях и аспирантам[90]. Здесь с ним расходился другой знаток дипломатической истории, современник Бимиса Томас Бейли (1902–1983)[91].

Отличительной чертой историографии 1920-х – 1930-х гг. стало внимание к англо-американским противоречиям, причем сами исследователи готовы были объяснять свой интерес параллелями с современностью: после Первой мировой войны Соединенные Штаты вошли в число великих держав, оспорив европейскую гегемонию в мире. Эдвард Тэйтэм считал, что доктрина Монро была направлена именно против Англии, ее амбиций на Американском континенте[92]. Джеймс Риппи (1892–1964) выпустил превосходную работу о соперничестве Англии и США в Латинской Америке[93]. Детально рассматривая англо-американские противоречия в целом и в каждом отдельном регионе континента, автор приходит к выводу о постоянном конфликте интересов держав – конфликте, который будет продолжаться вплоть до 1920-х гг. Впрочем, обширный материал книги зачастую не дает оснований для такого смелого заключения.

В том же русле развивалась заочная полемика американца

Сэмюэля Бимиса и англичанина Чарльза Кингсли Уэбстера (1886–1961). В своих исследованиях оба автора настойчиво подчеркивали, что завоевание независимости странами Латинской Америки стало, прежде всего, итогом героической борьбы самих латиноамериканцев, однако спорили о влиянии внешнего фактора. Уэбстер доказывал значимость английского вклада в обретение колониями государственности: недаром, писал он, уже к 1825 г. Англия обеспечила себе преобладающее влияние на континенте[94]. В ответ на заявление Уэбстера Бимис посвятил особое частное исследование доказательству своего общего тезиса: американцы в силу своего нейтрального статуса, развития «перевозочной» торговли, наконец, континентальной и республиканской солидарности оказали повстанцам большую поддержку, нежели англичане[95].

Стремясь опровергнуть точку зрения оппонента, Бимис, в первую очередь, опирается на материал 1810-х гг., когда активность граждан США в Латинской Америке намного превосходила активность англичан. Естественно, что Уэбстер сосредотачивает свое внимание на событиях 1820-х гг., когда после признания независимости стран Латинской Америки именно Англия стала важнейшим торговым партнером молодых государств, а Боливар настойчиво искал союза с могущественной империей как гарантии против североамериканской экспансии.

В послевоенной историографии тезис о соперничестве Великобритании и США был основательно пересмотрен. В своей трилогии, посвященной англо-американским отношениям в 1795–1823 гг., сын Декстера Перкинса Брэдфорд (1925–2008) доказывал, что сразу после завершения войны 1812–1815 гг. оба государства взяли курс на последовательное улучшение отношений. По мнению исследователя, не следует преувеличивать значение громких газетных статей или безоговорочно доверять антианглийским высказываниям в известных мемуарах североамериканского посланника Ричарда Раша (1780–1859). Отказ от предложенного Джорджем Каннингом в 1823 г. межгосударственного союза не привел к ухудшению отношений. Исследователь напоминает, что дух изоляционизма уже был настолько глубоко укоренен в сознании американцев в 1810-е – 1820-е гг., что проведение активной внешней политики в Латинской Америке не могло представляться важной государственной задачей[96].

Основополагающие работы по становлению политики Соединенных Штатов в Латинской Америке принадлежат Чарльзу Гриффину (1902–1976) и Артуру Уитекеру (1895–1979)[97]. Поводом к написанию книги Гриффина стали, как пишет сам

автор, раздумья о причинах длительной задержки с ратификацией Трансконтинентального договора (1819–1821). Итогом его исследований стала целостная картина североамериканской политики по отношению к Испании и ее колониям, основанная на самом широком круге источников. Впервые серьезное внимание было уделено социально-экономическим аспектам североамериканской политики в Латинской Америке. Гриффин сохраняет весьма критический подход к позиции США, считая своей главной целью «исправить излишне идеалистический взгляд на ранние контакты между великой республикой Севера и ее более молодыми соседями»[98]. Он подчеркивает, что, хотя освобождение испанских колоний не принесло Соединенным Штатам, ставшим в итоге «классической» страной внутреннего рынка, серьезных экономических выгод, в общественном мнении того времени ожидание блестящих перспектив на латиноамериканских рынках серьезно влияло на отношение к борьбе южных соседей.

Рамки книги Уитекера шире границ, поставленных Гриффином: в своей монографии он подробно рисует широкое полотно становления межамериканских отношений – от самого начала оппозиционных движений в Латинской Америке до установления Соединенными Штатами дипломатических отношений с новыми государствами. Важнейшая заслуга Уитекера состоит в том, что он одним из первых обратил внимание на образ Латинской Америки в США, выйдя тем самым за рамки узко дипломатической истории. Историк мастерски описывает «открытие» иберoамериканского мира Соединенными Штатами в 1808–1823 гг. и последовавшие к концу 1820-х годов разочарование и падение интереса к региону.

Свои мысли Уитекер развил в небольшой работе под заголовком «Идея Западного полушария: ее расцвет и упадок»[99]. В ней автор исследует любопытный феномен: комплекс идей, противопоставляющих Западное полушарие Восточному. Сперва «идея Западного полушария» служила ответом на критику американской действительности европейскими просветителями Корнелиусом де Пау, Жоржем Бюффоном и аббатом Рейналем, а затем апологией республиканского мира и осуждением монархической Европы. Противопоставление Старому Свету, по сути, утверждает единство всего Нового Света, независимо от языка, религии, исторической судьбы. Под тем же углом зрения выполнена недавняя диссертация аргентино-французской исследовательницы Моники Анри[100].

Примерно с первой половины 1970-х гг. изучение дипломатической истории США вступило в стадию глубокого

кризиса[101]. Традиционно одна из ключевых исторических дисциплин была, по сути, отодвинута на дальние задворки гуманитарного знания. Предпочтения левых либералов (а именно к их числу принадлежит подавляющее большинство американских историков) лежат в области социальной истории, истории, которая пишется «снизу вверх» (from the bottom up). Однако прорыв «новых историй» в этих областях не должен влечь за собой искажение картины прошлого, из которой изымаются «мертвые белые мужчины», принимавшие судьбоносные решения. Пренебрежение профессиональных историков к исследованию политики и дипломатии ведет к тому, что дисциплина монополизируется специалистами по международными отношениям, политической науке и просто журналистами, либо авторами биографий. Те же, кто не потерял интерес к истории дипломатии, в основном сосредоточены на изучении XX столетия, особенно Холодной войны, ведь рассекречивание архивов открывает путь к серьезным открытиям[102].

В 1985 г. редактор “Journal of Social History” высказал опасение, что исторической профессии грозит «вредный раскол интересов между увлечением внутренними делами и апатией или невниманием к ключевым вопросам войны и мира»[103].

В 1960-е – 1990-е гг. единственным ярким явлением в области дипломатической истории стала висконсинская ревизионистская школа «новых левых»[104], восходящая к Уильяму Эпльмэну Уильямсу (1921–1990) и Фреду Харрингтону (1913–1995). «Новые левые» подчеркивают экономический базис внешней политики Соединенных Штатов, который обуславливает курс на завоевание мировых рынков. Таким образом, лежащие в основе течения идейные постулаты диктовали в конечном итоге интерес к событиям после Гражданской войны, когда Соединенные Штаты стремительно становились мировой экономической державой, или, используя любимый термин ревизионистов, «империей». Единственное исключение – интерес Уолтера Лафибера к Джону Куинси Адамсу, которого он считает наиболее умелым проводником американского экспансионизма.

Следовательно, с уходом поколения классиков дипломатической истории уровень анализа раннего периода межамериканских отношений стал падать. Так, исследователь профсоюзного движения Кеннет Коулмэн объясняет живучесть доктрины Монро ее скрытым психологическим гегемонизмом, забывая отделить первоначальный смысл доктрины от позднейших напластований[105]. Коллективная монография по становлению отношений США и Латинской Америки содержит непростительные фактические ошибки[106].

Ларе Шульц в недавней обобщающей работе подчеркивает, что североамериканцы всегда видели в южных соседях людей низшего порядка[107]. Однако на раннем периоде отношений автор почти не останавливается, подобрав лишь яркие произвольные цитаты скептиков. А ведь ровно также можно подобрать цитаты противоположного свойства, принадлежащие энтузиастам латиноамериканской борьбы за независимость, которых, как мы постараемся показать в нашей работе, было немало.

В лучших работах последнего времени исследуется связь латиноамериканской политики с внутренними проблемами США – интересом к территориальной экспансии, в одном случае, и тревогой о судьбе федерального союза, в другом[108]. Эти и некоторые более ранние исследования[109] стали ответом на высказанную Липманом и развитую Вудвордом идею «бесплатной безопасности» (free security) США до начала XX столетия[110]. На деле-то отцы-основатели сомневались в прочности созданного государства. Монографии Уильяма Уикса и Джеймса Льюиса – действительно шаг в верном направлении, хотя, на наш взгляд, в них отсутствуют блеск и глубина старых книг Перкинса, Бимиса, Уитекера, Риппи.

Связи США с отдельными государствами континента прекрасно изучены исследователями как Соединенных Штатов, так и Латинской Америки, причем вплоть до 1970-х гг. раннему периоду отношений уделялось серьезное внимание[111]. В отечественной историографии становлением американо-мексиканских контактов успешно занимались М. С. Альперович и Н. В. Потокова[112].

Авторы задуманной в 1989 г. Лестером Лэнгли серии по истории отношений США с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна основное внимание уделяют более поздним событиям, в основном – XX веку. Стивен Рэндалл, например, сознательно сосредотачивается на отношениях США и Колумбии после 1890-х гг., честно оговаривая, что предыдущая история лучше всего изложена в старой книге Тэйлора Паркса[113]. Автор книги об американо-чилийских отношениях даже не упоминает деятельность семьи Каррера, без чего вообще невозможно представить становление связей двух стран[114]. В последних обзорах новой литературы по отношениям США и Латинской Америки не упоминается ни одна книга, которая была бы целиком посвящена событиям до начала XX века[115].

Безусловно, кризис дисциплины был замечен и осмыслен ее представителями. Уже с середины 1950-х гг. Декстер Перкинс говорил, что нужно преодолевать узость традиционной

дипломатической истории, не отрывать историю внешней политики от истории социальной и экономической, использовать в подобных комплексных исследованиях достижения интеллектуальной истории[116]. Немного позднее Н. Н. Болховитинов призывал изучать не только отношения между государствами, но отношения между народами в широком смысле, «общественно-политические, научные и культурные связи»[117]. О необходимости изучать представления, образы, национальные мифы в истории дипломатии писали также основатели современной французской школы изучения международных отношений Пьер Ренувен (1893–1974) и Жан-Батист Дюрозель (1917–1994)[118].

К сожалению, застой в изучении внешней политики ранней американской республики (Early Republic) продолжается. В 1997 г. участники круглого стола по проблемам ранней внешней политики США, по сути, повторили пожелания Декстера Перкинса почти полувековой давности – активнее использовать зарубежные архивы, выйти за узкие рамки истории дипломатии, воспринять достижения социально-экономической и культурной истории[119]. Увы, за прошедшие без малого пятнадцать лет почти ничего не изменилось[120], если не считать выхода фундаментальной монографии, посвященной продвижению США на испанском пограничье – «флоридскому» и «техасскому» вопросам[121]. Так и не написан обобщающий труд по истории американской дипломатии после Гентского договора 1815 г. до войны с Мексикой 1846–1848 гг., про необходимость составить который писал Лэнгли в 1981 г.[122]В самые последние годы серьезные исследователи современных международных отношений, опираясь на опубликованные источники и старые классические работы, вновь после долгого перерыва обратились к ранней внешней политике США, ища в ней истоки нынешних побед и поражений[123]. На те же исследования, выдержавшие испытание временем, опирается в начальных главах своего повествования и автор свежего масштабного труда по истории внешней политики США[124].

Зато серьезные перемены произошли в изучении внешней политики США конца XIX–XX вв. Теперь ни один номер журнала “Diplomatic History”, ни одно собрание Общества историков внешних сношений США (SHAFR – Society for Historians of American Foreign Relations) не обходятся без статей или докладов, «включающих» культуру США в анализ дипломатии[125]. При этом редко кто обращается к удачной книге 1977 г. Мориса Хильда и Лоренса Каплана, где, кстати, один из разделов посвящен становлению политики США в Латинской Америке[126].

Путеводной звездой для молодого поколения исследователей стал крайне популярный объемный том «Культуры империализма США» под редакцией Дональда Пиза и Эми Каплан[127]. Именно в этой коллективной монографии методы так называемой постколониальной критики были применены в изучении внешней политики США.

Постколониальная критика (как составная часть постмодернистской «культурной критики» левой интеллигенции) восходит к книге литературоведа Эдварда Саида (1935–2003) «Ориентализм» (1979) – исследованию «империализма» западной науки о Востоке. Приверженцы теории, «новые американисты» (New Americanists), или «постнационалисты» (Postnationalists)[128] стремятся вскрыть империалиетический смысл навязываемых знаний и представлений о мировой периферии, в которую включается и Латинская Америка. «Постнационалисты» обвиняют классиков дипломатической истории по меньшей мере в пренебрежении Латинской Америкой (Перкинс, Уитекер, Риппи), а то и в шовинизме (Бимис)[129].

За последние двадцать лет постколониальная критика сложилась в ясное направление гуманитарного знания. Переработанные диссертации публикуются одна за другой, в первую очередь в редактируемой Дональдом Пизом серии “New Americanists” (Duke University Press). Так, в 2005 г. впервые за 30 лет вышла новая книга о доктрине Монро, выполненная, впрочем, в жанре литературоведения. Она посвящена случайно избранным сопоставлениям образов из, к примеру, романа Лидии Чайльд (1802–1880) «Хобомок» (1824) и программной речи Джона Куинси Адамса от 4 июля 1821 г. в самых произвольных интерпретациях. Самостоятельно, без разъяснений автора, даже самый искушенный читатель не уловит, скажем, империалистический замысел «Дома о семи фронтонах» (1851) Натаниела Готорна (1804–1864) или риторику американской исключительности и скрытый расистский (и «сексистский») смысл в романе Чайльд о браке добродетельного индейца и белой женщины. Тем более непонятно, каким образом этот роман связан с доктриной Монро[130].

Без ссылок на Эдварда Саида не обходится в последние пятнадцать-двадцать лет почти ни одно американское исследование литературы путешествий, отношений мира более развитого с точки зрения современной цивилизации со странами, известными как «отсталые»[131]. Такое отношение к авторитету, напоминающее вульгарный советский марксизм, является следствием политизации гуманитарного знания и ведет к падению качества исследований. Так, один из видных

представителей постколониальной критики аргентинец Рикардо Сальваторе в своей статье об образе Латинской Америки в США в 1810 – 1860-е гг. причисляет к литературе путешествий очерк Джона Найлса – коннектикутского политика, который никогда не был даже в Мексике[132]. Автор никак не обосновывает ни хронологические рамки работы, ни выбор текстов для анализа.

Постколониальную критику отличают характерные недостатки любой политизированной теории, неважно какого толка, правого или левого. Стремление во что бы то ни стало разыскать в изучаемой реальности требуемый «ориентализм» само по себе довольно смешно. Исследователи увлеченно ищут в исследуемых текстах сравнений Латинской Америки с Востоком, теряя необходимые гуманитарию выдержку, самоиронию и чувство юмора. Можно ведь найти и иные сопоставления – допустим, британский путешественник Бэзил Холл (1788–1844) сравнивал с мусульманским купол массачусетского Стейт-Хауса – копии, кстати, лондонского Сомерсет-Хауса! – на фешенебельном бостонском Бикон-Хилле[133]. Наконец, опровергая все «мифы», «дискурсы» и «метанарративы», «новые американисты» остаются, на наш взгляд, верны главному мифу современной цивилизации – либеральному мифу прогресса, не выходя тем самым за интеллектуальный горизонт западного среднего класса.

Большим познавательным потенциалом обладают, на наш взгляд, призывы к «международной» и «транснациональной истории» (International History, Transnational History) – то есть истории, где государственные границы не являются непреодолимым препятствием для исследователя[134]. В применении к Новому времени примерно до 1820-х гг. такой замысел реализуется в популярной нынче «истории Атлантического мира» (Atlantic History, History of the Atlantic World)[135]. Одним из первых и лучших образцов «атлантического подхода» к проблемам данного исследования стала монография Пегги Лисе, где политическое и идеологическое брожение эпохи Просвещения рассматривается в теснейшей связи с развитием мировой торговли в Северной и Южной Америке вплоть до сер. 1820-х гг.[136]

В той же издательской серии, что и исследование Лисе, вышла яркая книга старейшего латиноамериканиста США Джона Джонсона (1912–2004). Автор рассматривает важнейшие внутренние (индустриализация, колонизация Запада, отношение к католицизму и монархии, этнорасовые предрассудки) и внешние (действия Англии и самих латиноамериканских государств) причины, которые влияли на становление политики США в молодых государствах полушария. Задача исследователя –

объяснить наступившее к концу 1820-х гг. отчуждение североамериканцев по отношению к южным соседям[137].

В целом же пренебрежение исследователей дипломатической историей США конца XVIII – первой половины XIX вв. ярко выделяется на фоне тех огромных успехов, которые были достигнуты в изучении ранней республики в последние десятилетия. Теперь историки совсем иначе, чем пятьдесят лет назад, представляют молодые Соединенные Штаты. В нашем распоряжении монографии о формировании североамериканского национального самосознания[138], политической экономии[139], «рыночной революции»[140], войне[141], классическом республиканизме и федерализме[142], публичной риторике и идеологии[143].

Особый интерес вызывает изучение «общественного пространства» (public space/sphere, espace publique, Offentlichkeit) ранней республики[144]. В самые последние годы молодые авторы успешно стремятся вписать политическую историю в контекст «общественного пространства», неуклюже окрестив такое направление «новой новой политической историей» (New New Political History)[145]. Хотя это терминотворчество представляется едва ли не рекламным трюком, очевидно, что сфера политического в ранней республике явно выходила за рамки избирательного процесса и властных решений. Подобный подход к внешней политике обещает плодотворные результаты. Серьезное исследование Роберто Романи про европейские трактовки «национального характера» (причины его изменчивости или устойчивости) кажется нам более подходящим для анализа начала межамериканских отношений, нежели «Ориентализм» Эдварда Саида[146].

Подведем итоги. Обзор историографии помогает понять, в каком направлении следует, на наш взгляд, идти исследователям: с одной стороны, нужно теснее связать дипломатическую историю США с «внутренней» (социально-экономической, политической, культурной и интеллектуальной) историей США, а с другой – вписать внешнюю политику республики в самый широкий контекст международного развития в целом, действительно сделав ее частью «международной истории» (International History). Наконец, международные отношения стоит трактовать предельно широко, как действительно отношения народов, а не только правительств. Блестящие примеры таких исследований существуют – это упомянутые нами книги Уитекера, Мэя, Лисе, Стэгга.

Мы никоим образом не претендуем на то, что выполнили такую программу, но по крайней мере наметили образец и

оцениваем недостатки работы, исходя именно из этих критериев.

Глава I
«Второе открытие Америки»? Между иллюзиями и скепсисом, 1815–1822

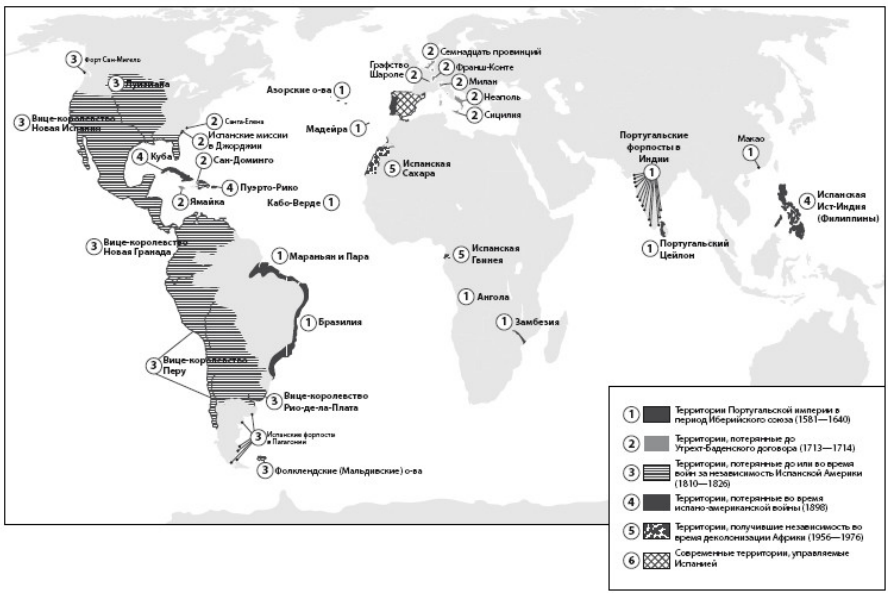
Как создавался образ Латинской Америки в США: парадоксы «черной легенды» и классический республиканизм

Вплоть до конца XVIII в. англосаксонский мир был крайне слабо осведомлен о событиях в испанских и португальских колониях. Огражденная системой монополий, Латинская Америка была закрыта от взоров путешественников и купцов – торговать с колониями могли соответственно лишь Кадис и Лиссабон. Легенды о невиданных богатствах Америки распаляли воображение предприимчивых англичан и янки, чьи торговые аппетиты сдерживались меркантилизмом метрополий. В контрабандной же коммерции царили голландцы. Затем положение начнет меняться: с 1778 г. Испания разрешила иностранную торговлю со своими колониями (правда, только через Кадис), а с 1797 г. и вовсе пошла на радикальные меры, допустив нейтральные суда в большинство американских портов. Пользуясь защитой Англии, Португалия удерживала монополию вплоть до 1808 г.[147]

Примерно к этому времени относится первая масштабная иностранная исследовательская экспедиция в Латинскую Америку: в 1799–1804 гг. ее разрешили осуществить Александру фон Гумбольдту (1769–1859). Многотомные труды Гумбольдта и его спутника Франсуа Депона (1751–1812) весьма быстро вышли в США[148]. Тогда же в США была впервые, с 10-го (!) английского издания, напечатана «История Америки» Уильяма Робертсона (1721–1793), издан труд иезуита Хуана (Джованни) Игнасио Молины (1740–1829) о Чили[149]. Именно этим фундаментальным работам, в первую очередь, трудам Гумбольдта и Депона, суждено было стать основными справочными изданиями англосаксонского мира по Латинской Америке по крайней мере вплоть до конца 1820-х гг. Подчеркнем, что они были написаны до начала революции, которая до основания сотрясет основы функционирования общественного механизма. Как выяснится впоследствии, авторы описывали регион на пике его экономического развития, но в первой четверти XIX века многие наблюдатели полагали, что они как раз сознательно преуменьшали достижения латиноамериканцев в угоду колониальным властям, скрывали подлинные масштабы торговли.

Важным фактором в создании картины Латинской Америки в Соединенных Штатах стал комплекс представлений о

Пиренейской цивилизации, который принято называть «черной легендой» (leyenda negra). В нее входят стереотипы об упадке Испании (и Португалии), деспотизме правительств, коррупции, изуверстве (bigotry) и лени (indolence) народа, жестокости завоевания Америки (как будто бы англосаксонская колонизация несла благодеяния местному населению!), а также определенная идеализация доколумбовых цивилизаций и самих индейцев в руссоистском духе[150].



Испанская и Португальская империи

Одновременно и причиной, и следствием развития «черной легенды» было нежелание изучать иной культурнополитический мир, подчас далекий от англо-саксонских идеалов. Так, ставшие притчей во языцех «деспотические» испанские «Законы Индий» (1681) никогда не переводились на английский[151].

Корни «черной легенды» восходят к бурным временам конца XV – начала XVI вв. – эпохе жесткого противостояния европейских держав и Реформации. Таким образом, «черная легенда» стала порождением зависти англичан и голландцев к открытию Америки и ненависти зарождавшегося протестантизма к католической церкви. Среди ее источников были и популярные сочинения самих испанцев, в первую очередь, «Кратчайшее сообщение о разрушении Индий» (1542) защитника индейцев епископа Бартоломе де Лас Касаса (1484–1566). Возмущенный конкистадорскими злоупотреблениями и жестокостью, Лас Касас шел на колоссальные преувеличения, оценив, в частности, потери

коренного населения от испанского завоевания в 50 миллионов человек[152].

Как точно заметил латиноамериканист Филип Пауэлл, именно в XVIII в. различные составные части «черной легенды» окончательно составили ясную рационализированную догму – «широкое, более осмысленное осуждение Испании как жуткого примера всего того, что Просвещению положено было бичевать», а именно образца порочной связи католической церкви и государства, нетерпимости, традиционализма, обскурантизма[153]. Именно дух Просвещения породил насыщенные мифами «черной легенды» популярную шеститомную «Философскую и политическую историю обеих Индий» (1770) аббата Гийома-Тома Рейналя (1713–1796), роман «Инки, или разрушение перуанской империи» (1777) энциклопедиста Жан-Франсуа Мармонтеля (1723–1799). Даже наиболее благожелательно настроенные рецензенты резко критиковали «Историю Америки» (1777) борца с укоренившимися предрассудками Робертсона за симпатии к мадридскому двору[154]. США естественно унаследовали антииспанские предубеждения от Англии. В независимых Соединенных Штатах «черная легенда» звучит уже в поэме Филипа Френо (1752–1832), где он писал о «грабительских полчищах Испании», жестокостях Кортеса и Писарро[155].

Как уже говорилось, одним из источников «черной легенды» является традиционный протестантский антикатолицизм. К началу XIX века антикатолические предрассудки были следствием не только английской традиции[156], векового североамериканского пуританизма, но и Просвещения, стремительно распространявшихся учений «либерального христианства», в первую очередь, унитаризма. «Несчастья Испании можно свести к одному слову – монахи», – утверждал североамериканский дипломат Уильям Тюдор[157]. Североамериканцы видели в господстве католической церкви в странах Латинской Америки наследие «невежества, изуверства, суеверия, предрассудков» (ignorance, bigotry, superstition, prejudice) и надеялись, что республиканский строй и гражданские свободы естественным образом приведут к ее ослаблению. Скептики, вроде одного из отцов-основателей США Джона Адамса (1735–1826), не верили в совместимость «римской религии» и свободного правления[158]. Религиозная терпимость является «основой гражданской свободы», без нее суверенитет и независимость останутся лишь пустым звуком, – писал “National Intelligencer”[159].

Сторонник латиноамериканской революции спикер Палаты

представителей Генри Клей защищал католицизм, но настаивал на отделении церкви от государства: «В католической церкви нет ничего, противного свободе. Все религии, объединенные с государством, в большей или меньшей степени враждебны свободе. Они же, отделенные от государства, совместимы со свободой»[160]. Впрочем, и он не был лишен антикатолических чувств. Так, Клей был убежден, что в руках испанцев Техас станет «прибежищем деспотизма и рабов, подчиненным гнусному господству Инквизиции и суеверий… В наших руках он будет заселен свободными людьми и их детьми, которые принесут с собой наш язык, наши законы и наши свободы; построят в техасских прериях церкви, посвященные свойственному нашей религии простому и благочестивому образу служения Богу, а также храмы свободы, которой мы поклоняемся вслед за Ним»[161].

Автор классического учебника географии Иедидия Морзе (1761–1826) надеялся на падение влияния церкви в Венесуэле, ведь католическая религия «никогда не процветала и не сможет процветать в свободной стране». С энтузиазмом он приветствовал и весть о снижении интереса молодых людей Буэнос-Айреса к богословскому образованию[162]. Автор другого учебника приравнивал католицизм (наряду с православием) к «невежеству» (ignorance), плодом которого «почти неизбежно» является «общее повреждение нравов» (corruption)[163].

Стремясь показать масштаб католических суеверий, журналист Иезекия Найлс заявлял, что в Войне за испанское наследство (1701–1714) св. Антоний якобы получил генеральский чин и получает жалование до сих пор. Он же писал о якобы готовившейся карательной экспедиции против Колумбии, что впереди полков пошлют особое «подразделение *священников* – первопроходцев в деле деспотизма»[164]. И это при том, что священниками были, к примеру, вожди мексиканской революции Мигель Идальго (1753–1811) и Хосе Мария Морелос!

Типограф на службе революционеров Сэмюэль Бэрр Джонстон одобрил упразднение монастырей чилийским правительством и сожалел, что, несмотря на «общее развитие знаний», «суеверие» еще крепко и вряд ли может быть искоренено, пока не сменится поколение, ведь чилийцы боятся «усомниться в божественном происхождении самой несущественной религиозной церемонии»[165].

Рабочий-типограф из Ньюберипорта близ Бостона Генри Брэдли видел в религии «лишь маску для худших из преступлений» против морали, совершающихся в одном из приморских городов Чили[166].

Правнук Бенджамина Франклина и пасынок Уильяма Дуйэна, лейтенант Ричард Бэйч (1794–1836) высмеивал изобилие религиозных праздников, чрезмерное внимание к обрядности, умерщвление плоти в монастырях Боготы[167]. С явной радостью Бэйч отмечал, что во многих колумбийских городах ежедневные службы посещаются лишь некоторыми женщинами, их же мужья с «либеральным образованием» ходят не чаще чем раз в неделю[168]. Презрение к католической церкви и обрядности сочеталось у Бэйча, как и у многих других очевидцев, с уважением к встреченным на пути священникам[169].

Бостонский купец Ричард Кливленд (1773–1860), торговавший в Латинской Америке в 1802–1803 гг. и 1817–1820 гг., утверждал, что в начале XIX века священники Чили прекрасно понимали, что, подобно господству испанских чиновников, «их власть основана на невежестве людей» и потому старались не допустить книги в свои владения[170]. Кливленд был потрясен влиянием религии в Лиме, а особенно в Трухильо, который он сравнил с «огромным монастырем», – но внимание к молитве никак не исправляет людей, не делает их честнее. Количество священников влияет на нравственность народа, пишет Кливленд, но не в прямой, а в обратной пропорции. «Я не видел другого народа, который, казалось, был столь предан делу религии, но где так широко нарушается каждая из десяти заповедей». Монастыри никак не способствуют смирению тщеславия и страстей человека, – доказывал автор[171]. Примечательно, что, подобно Бэйчу, Кливленд отмечал дружелюбие, доброту встреченных им священников, так же, как и он, оговариваясь, что их личные качества сочетались с религиозной нетерпимостью, которая приравнивалась им к необразованности[172].

Влиянием церкви пресса США объясняла волнения в Центральной Америке: «Мы не можем ожидать спокойствия в молодых республиках, пока священников не научат благочестию в школе скромности. Они – это политические львы и тигры, которые должны быть посажены на цепь или в клетку»[173]. Монахов называли «полком», так сказать, пятой колонной против независимости: «Они не успокоятся, пока не станут распорядителями *кошельков* и совести людей»[174]. Еще в 1815 г. лучшие газеты перепечатали письмо некоего Жозефа Айолы, который, исходя из высоких цен на требы, делал далеко идущий вывод, что монахи будут сопротивляться «вечному установлению разумной свободы и независимости»[175].

Североамериканцы скептически относились к наследию схоластического высшего образования, считая его бесполезным и

устаревшим[176]. Корреспонденты в один голос жаловались на влияние церкви, суеверия, мешающие работе долгие праздники[177].

Особенно оскорбительным казался англосаксам обычай снимать шляпу и опускаться на колени при проносе гостии. Часто они не делали этого, вызывая гнев толпы верующих. Лейтенант Бэйч не поклонился по незнанию, но по размышлении решил, что поступил правильно, и в дальнейшем в ходе путешествия принципиально старался избегать возможной встречи с такой процессией. Свое неуважение к католической обрядности Бэйч старался возвести в универсальное правило поведения: «Нашим государственным чиновникам, пребывающим в католических странах, следует сопротивляться любому посягательству на их права в отношении религиозных взглядов», так как такое посягательство унизительно, а сопротивление постепенно приведет к распространению терпимости[178]. Сложно придумать более безответственное заявление, – ведь никто не унижал религиозные взгляды самого Бэйча, от него просто требовали должного уважения к вере другой страны.

Вопрос подчас действительно приобретал серьезную остроту. Консул в Лиме Уильям Тюдор конфиденциально сообщал командиру эскадры США о необходимости принять все меры, чтобы сограждане не допускали таких действий, которые «могут раздражать суеверные чувства этого народа». Когда английский консул проскакал в шляпе на лошади мимо религиозной процессии в Санта-Розе («будто он находился в своей стране на боксерском поединке»), местная газета осудила поведение «грубых иностранцев». Губернатор провинции, «в высшей степени способный, прекрасный человек, но изувер в делах религии», выступил с протестом, и Тюдору пришлось ответить (с явной долей лукавства), что североамериканцы, в отличие от англичан, уважительно относятся к традициям католицизма[179].

«Суеверие все еще простирает железный скипетр над Буэнос-Айресом», – писал “Niles’ Weekly Register”, комментируя новость, как один англичанин при проносе гостии не слез с лошади и был забит до смерти, и призывая к наказанию «священников и их клики» (mobs). Почти через год та же газета сообщила, как толпа «жестоко атаковала и избила» гражданина США в колумбийском Момпосе – тот не поклонился святым дарам, так как был болен[180].

Пресса сообщала, что после скоропостижной смерти североамериканского дипломата Джона Превоста (1766–1825) в далеком городке по пути из Лимы в Куско ему как еретику было отказано в погребении[181]. Все эти обвинения сложно проверить,

вполне возможно, что они были достоверны. В любом случае налицо известная психологическая уловка: когда североамериканцам нравились отдельные представители духовенства, они считали, что их добрые качества не были связаны с якобы навязанным католицизмом, когда же встреченные священники вызывали недовольство, чувство распространялось на всю католическую церковь.

Определенное разочарование даже среди оптимистов вызвало сохранение официального католицизма в Мексике и Буэнос-Айресе после завоевания ими независимости[182]. Обращаясь за помощью к посланнику США в Мексике, агент Библейского общества Джон Ритчи называл Мехико «средоточием всего фанатизма Мексиканской республики». «Среди духовенства есть несколько очень либеральных людей, но большинство фанатиков», в силах которых задержать «прогресс либеральных мнений»[183]. Зато существование протестантского кладбища в Буэнос-Айресе было для североамериканцев символом гражданской и религиозной свободы[184].

Посланник в Сантьяго, вермонтский пуританин Хеман Аллен (1779–1852) жаловался Адамсу, что священники захватили всю власть в делах не только духовных, но и государственных. Он надеялся на антиклерикальные действия чилийского правительства и сравнивал церковь с инкубом, душащим рост страны[185].

Колонизатор Техаса Стивен Остин считал католическое духовенство «врагами свободы, человеческого счастья и всего рода человеческого». Их обиталища – «логова разврата, интриг, подлости, порока». Именно «предрассудки и фанатизм» держат мексиканцев во тьме заблуждений: «Духовенство буквально высосало кровь несчастного народа». В другом письме Остин признался брату, что если монахи появятся на территории их поселения, он будет готов их повесить[186].

Секретарь миссии мексиканского посланника Джоэля Пойнсета, выходец из знатной виргинской семьи Эдвард Торнтон Тэйло возмущался церемонией в честь патрона Мехико блаженного Фелипе де Хесуса: «Я наблюдал [событие] со смешанным презрением и сожалением… Конгресс – республиканский и свободный конгресс, прославляющий святого, и Президент страны, поклоняющийся ему!»[187]

Сочетание республиканских и религиозных лозунгов поразило и Генри Брэкенриджа, который, впрочем, стремился понять, а не осудить это зрелище. Несмотря на свое знание и уважение к иберийской культуре, он не мог скрыть впечатления о «мрачности (gloominess) колониальной католической веры»[188].

Открыто защитить католическую религию и даже столь чуждые англосаксам процессии попытался журналист Уильям Дуэйн, сам по происхождению католик-ирландец. Он подчеркивал патриотизм латиноамериканского духовенства и без предубеждения относился к пышным религиозным процессиям[189]. Впрочем, и Дуэйн считал монастыри противоестественным институтом и обвинял церковь в устройстве ложных чудес вокруг почитаемых образов[190].

Бэптис Ирвайн, еще один радикальный журналист-ирландец, также не видел противоречия между свободой и католицизмом. Он напоминает читателям, что «первые шаги к свободе» после «темных веков» сделали еще до Реформации католики Италии, Швейцарии, Англии, наконец, что в последние годы все революционные движения развивались именно в непротестантских странах – Латинской Америке, Неаполе, Испании, Португалии, Греции. Дело в том, что «священники не могут всегда диктовать политику», значит, религия не обязательно является определяющей общественной силой. Он указывает, что равно несвободны и католическая Австрия, и лютеранская Пруссия, и Россия с ее греческой церковью.

«Гражданская свобода и образование» преобразуют вероисповедания, так что недалек тот час, когда «… либерализована будет любая секта – даже иудейская и магометанская». По утверждению Ирвайна, никто в Латинской Америке не соблюдает 40 дней поста (sic!), а священники уже «не заняты сварами», а «изучают искусства, продвигают науки и пишут исторические сочинения»[191].

В общем, даже когда на общем «антипапистском» фоне звучали редкие попытки североамериканцев ирландского происхождения защитить католицизм, они были основаны не на утверждении внутренних достоинств традиционной церкви, а на апологии общего движения всех конфессий к религиозному либерализму.

Выросшая на классическом республиканизме идеология ранней республики во главу угла ставила добродетельного образованного гражданина, достойного участвовать в управлении своим селом/городом/ государством[192]. Существование различных избирательных цензов в ранней республике ясно давало понять: такими гражданами являются не все жители США. Отсутствие доблести/добродетели (virtue) в условиях гражданской свободы ведет к анархии, погубившей, как хорошо знали отцы-основатели, все древние республики. Любая ли страна, любой ли народ является достаточно подготовленным, чтобы грамотно воспользоваться «даром разумной свободы»?

Террор Французской революции не позволял ответить на этот вопрос положительно. Только в 1820-е гг. пришедшее к власти второе поколение американских политиков забудет столь свойственную отцам-основателям «макиавеллиевскую тревогу» и сочтет эксперимент удачным. Действительно, Соединенные Штаты успешно преодолели испытания тяжелой англо-американской войны 1812–1815 гг., а до нуллификационного кризиса 1832–1833 гг. никто не хотел верить, что вопрос о рабстве может поставить под угрозу единство складывавшейся нации и федерального союза.

К тому времени североамериканцы уже твердо считали свою политическую систему наилучшей из возможных, но далеко не все изначально были уверены в возможности повторения успешного опыта. Следовательно, унаследованная «черная легенда» неизбежно воздействовала на оценку латиноамериканской революции в США.

Чтобы обсуждать влияние классического республиканизма и «черной легенды» на образ южных соседей в США, необходимо ввести понятие национального характера – одно из ключевых для интеллектуального поля эпохи, на котором разворачивались споры о перспективах Латинской Америки. В XVIII столетии рассказ об истории и современности народа обязательно включал обсуждение национального характера, причем к концу столетия понятие нации окончательно включило в себя весь народ, а не только его верхи. Как пишет современный исследователь, суть проблемы национального характера в англосаксонской традиции – это отношение между свободным правительством (и/или рыночной экономикой) и «качеством» граждан[193]. Что же определяет национальный характер? Здесь к началу XIX века сложились две основные традиции: Монтескье (вслед за Гиппократом, Платоном, другими античными мыслителями и Макиавелли) подчеркивал влияние климата и других постоянных факторов на общий дух (esprit general) народа. С Монтескье в «Общественном договоре» (1762) согласится Руссо. Споря с автором «Духа законов» (1748), Юм (а вслед за ним и Вольтер, Фенелон, Тюрго) утверждал господство других, переменчивых сил.

В очерке «О национальных характерах» (1748) Юм резко критикует взгляды Монтескье на роль климата в становлении национального характера, пишет о влиянии экономики, истории, правительства[194]. В статье «О суеверии и энтузиазме» (1741) Юм утверждал, что с «политической свободой» равно несовместимы как католический «предрассудок», так и пуританский «энтузиазм», например, времен Английской революции, уходя тем

самым от примитивного антикатолицизма. Если Юм ставил во главу угла влияние политических институтов, то, скажем, Тюрго подчеркивал роль образования.

Упрощенно говоря, если Монтескье считал национальный характер в целом неизменным, то Юм подчеркивал его изменчивость под воздействием обстоятельств, в том числе политических. Символами двух подходов для современников были Солон и Ликург – первый строил законы, исходя из характера афинян, второй стремился законами изменить характер спартанцев.

Пользуясь введенным Мишелем Фуко термином, скажем, что идеи Монтескье и Юма о национальном характере были частью дискурса второй половины XVIII – первой половины XIX вв., попав, в частности, на страницы школьных учебников. Так, географ Уильям Вудбридж (1794–1845), следуя Юму, указывал на физические (климат, почва и др.) и моральные (правление, религия, состояние общества) причины национального характера, причем именно причины моральные определяли его в первую очередь[195].

Североамериканцы в целом, за исключением, может быть, Брэкенриджа, соглашались, что колониальное наследие Испании оказывает однозначно дурное воздействие на молодые республики и не содержит в себе ничего достойного сохранения. Пессимисты видели в этом безнадежность борьбы за свободу, оптимисты верили, что правильная политика и законодательство помогут гражданам порвать с пагубным прошлым. Имена Монтескье и Юма звучали в этой полемике не столь часто (хотя все же звучали!), но главное состояло в другом: эти авторы и другие просветители определили поле восприятия и борьбы идей. Североамериканцы первой трети XIX в. мыслили именно в таких категориях, именно к этим понятиям сводили виденное и испытанное в Латинской Америке. Если английские «вульгарные виги» (термин историка Дункана Форбса) во всем французском видели проявление «рабской сущности» этого народа[196], то, так сказать, «вульгарные республиканцы» Соединенных Штатов считали не-англосаксов, а в их числе – латиноамериканцев, неспособными к самоуправлению и подлинному республиканизму.

Так, комментируя планы Франсиско де Миранды по освобождению своей родины, Джон Адамс счел конфедерацию свободных республик Испанской Америки такой же химерой, что и «установление демократии среди птиц, зверей и рыб»[197]. Новоанглийский федералист, редактор “Columbian Centinel” Бенджамин Рассел верил в конечном итоге в успех патриотов-

креолов (или скорее в поражение роялистов), но замечал: «Каждый американец естественно желает успеха борьбе за независимость народа, достойного этого дара (blessing), – но он знает, что личное тщеславие демагогов и жадность отчаянных авантюристов не должно мешать со святым духом Революции, пронизывающим всю нацию, которой Божественное Провидение повелевает быть свободной. Чтобы заслужить успеха, испанским революционерам нужно больше системы – больше организации и больше того самоотверженного Патриотизма, которым были вдохновлены Вашингтон и его современники, чем они показали в своих поступках»[198].

Подобные взгляды звучали не только в правом лагере. Например, Джефферсон сомневался, «оставят ли шоры изуверия, оковы священства, завораживающий блеск рангов и богатства право голоса (fair play) здравому смыслу народной массы [испаноамериканцев], чтобы они стали достойны самоуправления, – этого мы не знаем. Возможно, наши желания превосходят ожидания». Естественно, Джефферсон понимал республиканизм в демократическом ключе и, соответственно, желал, чтобы латиноамериканцы осознали его «основной закон» – «право большинства». Иначе, как в годы Французской революции, на смену придет право силы, ведущее к военному деспотизму[199].

В конце 1820-х гг. Джоэль Пойнсет, прямо споря с Юмом, указывал, что неизменный расслабляющий климат Мексики, который позволяет «ленивому креольскому купцу» целый день курить сигару под пересказ городских сплетен, оказывает пагубное воздействие на национальный характер[200]. В целом разочарованный дипломат думал, что ничто не может исправить мексиканцев. Его секретарь Уильям Брэдфорд Рид (1806–1876), напротив, в юмовском духе считал положительные изменения неизбежными: «Их обеспечат гений свободных институтов, более расширенное взаимодействие с иностранными государствами и растущий либерализм в отношении религии». Развитие образования сделает свое дело, и через поколение наблюдатель увидит «самые счастливые последствия» реформ[201].

Почти все авторы, описывая католический мир Латинской Америки, повторяли кем-то изобретенную триаду – «изуверство, предрассудки, праздность» (bigotry, prejudice, indolence). О первых двух чертах речь уже шла, теперь настал черед праздности, которая сама по себе признается всеми христианами тяжким грехом, ну а с точки зрения кальвинизма и буржуазного этоса может быть причислена к наитягчайшим порокам. Праздность считалась одной из основных черт испанского и португальского национального характера, усиленной в Новом Свете

развращающим климатом и природными богатствами.

Четвертое издание «Британники», в целом с уважением описывавшее иберийский мир, все же отмечало, что среди испанцев «главным недостатком во всех слоях является отвращение к труду и прилежанию», характерное, впрочем, более всего для кастильцев и воинственных эстремадурцев. В Америке положение обстоит еще хуже: из-за праздности, жары и «легкомысленного наслаждения всем» мексиканские креолы полностью потеряли твердость и гордость. «Варварская роскошь, позорные удовольствия и романтические интриги истощили всю силу их добродетелей»[202]. «Британнике» вторил Иедидия Морзе: «Нравы обоих полов ужасно (deplorably) порочны. Праздность – общая черта»[203].

Энциклопедия Абрахама Риса писала о «праздности и ненависти [испанцев] к труду» как черте национального характера, ведущей за собой презрение к сельскому хозяйству и торговле. Тем не менее Рис шел глубже, отмечая, что «праздность» – следствие социально-экономических причин: в лишенных дорог, рек и каналов внутренних провинциях Испании бурная деятельность лишена практического смысла. А вот в приморских провинциях Пиренейского полуострова население трудолюбиво[204].

В глазах англосаксов, природные богатства Латинской Америки в совокупности с деспотической властью лишь усугубляли укорененную «праздность» жителей Пиреней. Начитавшись Гумбольдта, североамериканцы восхищались изобилием Латинской Америки, но именно это самое изобилие, по их мнению, усиливало самые дурные качества национального характера испанцев и португальцев. Яснее всего такая трактовка выражена в учебнике географии Вудбриджа. Отмечая «необычное величие природных черт» Южной Америки, «непревзойденное богатство полезных ископаемых», Вудбридж возводит недостатки латиноамериканцев к неверному роду занятий, пренебрежению наиболее благородным трудом – сельским хозяйством, и развращающему климату: «В *испанских и португальских колониях* Северной и Южной Америки сочетались несколько причин, остановивших улучшения в сельском хозяйстве. Природную *праздность* португальцев и испанцев усилили расслабляющее влияние теплого климата и препятствия, возведенные правительственным угнетением. *Страсть к горному делу* породила общее отвращение к более неспешной, но гарантированной прибыли в сельском хозяйстве; ей особенно пренебрегают в горных районах»[205].

В Бразилии, писал Вудбридж, люди «чрезвычайно ленивы, и

состояние образования очень низко. Страсть к горному делу ради быстрого обретения богатства ведет к небрежению всеми видами промышленности. Почти все работы производятся неграми». В общем повсюду, от дорог до кухни, видны «последствия праздности и небрежности». Сильно отстает прогресс и в соседней Ла-Плате, где все потребности удовлетворяют скотоводство и шахты[206].

Попадая в Латинскую Америку, англосаксы видели вокруг себя подтверждение усвоенного образа иберийской лени. Английский офицер на службе Боливара Фрэнсис Холл (ум. в 1833 г.), агитируя англосаксов эмигрировать в Великую Колумбию, заявлял, что сами колумбийцы признают «невежество и праздность нынешних жителей [страны]», их неспособность «извлечь выгоду из безмерных преимуществ собственной почвы»[207].

Пламенный сторонник латиноамериканской независимости Генри Брэкенридж вынужден был признать, что «апатия, легкая жизнь (ease) и праздность» основной массы креолов (а также общность культуры с метрополией) долгое время способствовали сохранению власти Испании в Новом Свете[208].

Даже аргентинский капер из Коннектикута Дэвид Кертис Дефорест (1774–1825), несмотря на весь свой оптимизм, обусловленный личным интересом в успехе революции, говорил в беседе с «особым агентом» Джереми Робинсоном: «Праздность и отсутствие знаний (information) не всегда сочетаются с постоянной гражданской свободой»[209].

Вскоре после прибытия в Буэнос-Айрес консул Джон Форбс жаловался на дороговизну рабочей силы, которая проистекает из «врожденной праздности народа и легкости, с которой он поддерживает свое существование»[210].

Ленивыми считали не только креолов, но и индейцев. Молодой капеллан миссии коммодора Перри (1819) Джон Хэмблтон (1798–1870) полагал коренных жителей Венесуэлы «самым праздным и бездейственным народом в мире; вместо возделывания земли они круглыми днями качаются в гамаках»[211]. Иедидия Морзе считал индейцев Новой Гранады «почти целиком ленивыми и бесчестными»[212].

Знакомая триада «изуверство, предрассудки, праздность» звучит и в письме техасского колонизатора Стивена Остина брату, где он описывал свои первые впечатления от Мехико[213]. «Ленивыми» и «праздными» считал мексиканских индейцев, метисов и креолов будущий посланник в этой стране Джоэль Пойнсет, замечая, впрочем, что «рабочий (labouring) класс» трудолюбив[214].

Хеман Аллен полагал, что находящимся в «грубом и необразованном состоянии» чилийцам требуется «рука цивилизации», чтобы они заслужили «гордое именование свободных людей». Но, увы, эта страна «без денег, кредита или способностей», но со столь свойственной всем слоям народа (classes of people) врожденной апатией, кажется, «склоняет их [людей] скорее к праздности и сну, нежели к усилиям тела или разума, особенно второго»[215].

Капитан принадлежавшего крупнейшему бостонскому купцу Томасу Хэндэсиду Перкинсу (1764–1854) корабля “Packet” Сэмюэль Хилл писал о чилийском «тщеславии» (vanity), «роскоши и экстравагантности», «врожденной гордости и праздности»[216].

Во всех этих свидетельствах звучат, во-первых, типичное для просветительского сознания представление о взаимозависимости физических и нравственных качеств, корни которого лежат еще в античной философии, а во-вторых, не менее древняя мысль, что политический деспотизм порождает разврат и апатию в обществе. А вот третья идея, стоящая за словом «праздность», принадлежит исключительно миру Просвещения – это прогресс, модернизация. Ведь сами авторы зачастую понимали, что «праздность» и «невежество» связаны с традиционной экономикой, не ориентированной на рынок. Если некуда сбыть излишки, зачем стараться произвести больше, чем нужно для удовлетворения минимальных потребностей? Для англо-американцев такой образ жизни был отрицанием самого смысла эпохи, посягательством на основы собственного мировоззрения[217].

Но юмовская вера в возможность перемены национального характера и природный оптимизм североамериканцев давали надежду на радикальную трансформацию Латинской Америки после обретения ею независимости. Ведь и революционеры 1776 года также находили много недостатков в собственном народе, но верили в моральное перерождение сограждан в условиях республики[218]. «Особый агент» на Кубе и в Мексике, новоанглийский купец Уильям Шэйлер (1773–1833) еще на рубеже 1811–1812 гг. замечал, что свободное общение с иностранцами начинает менять нравы кубинцев, «откидывая тот мрачный полог, наброшенный на их умы варварским правительством и суеверной Религией». Господство европейских испанцев ставится под сомнение, а священный сан «более не обороняет [монахов] от насмешливых и сатирических выпадов (shafts of ridicule and satyre)»[219].

Генри Брэкенридж признавал, что многое из того, что пишут иностранцы о морали латиноамериканцев, верно, но «они по природе ничем не лучше или хуже других народов», а причина

«огромной части их пороков» лежит в колониальной системе, невозможности найти применение своим силам. «У меня нет сомнений, что мы сейчас более добродетельный народ, чем были до революции», – заключал Брэкенридж, веря, что подобная перемена произойдет и с южными соседями[220].

Открыто споря с Монтескье, Брэкенридж утверждал, что «подлинное достоинство человеческого характера зависит не от климата или почвы, а от свободы (liberty and freedom) правления», что «человек повсюду существо благородное и возвышенное»[221]. Даже если латиноамериканцы хуже готовы к независимости, чем их северный сосед, любой, пусть поначалу не столь совершенный, как в США, политический строй, будет лучше абсолютного деспотизма[222].

Многие авторы, начиная от Риса и заканчивая Пойнсетом, понимали историческую обусловленность трудовой этики. Географы Вудбридж и Морзе, как и другие наблюдатели, верили в конечный успех независимых «Мексики и наций Южной Америки». Вудбридж, впрочем, отмечал, что из-за смут (confusion) и плохого развития «искусств и улучшений» пройдет еще много времени, пока эти страны займут «важное место на политическом небосклоне (scale)»[223].

Убежденный в блистательном будущем Нового Света, анонимный памфлетист подчеркивал уникальность революции в Южной Америке: «Мы увидели, как народ, погруженный, думали мы, в праздность и медлительность – естественные последствия их правления, внезапно поднимается с энтузиазмом во имя дела свободы и независимости, встречая все опасности и страдания ради их защиты»[224].

Корреспондент “National Intelligencer” из Сантьяго писал, что креолы «честны, благожелательны и гостеприимны – горячи, но праздны и не наделены той энергией ума, необходимой для постоянства (stability).

Их суеверия и предрассудки сдерживали прогресс умственного роста, но теперь люди меняются»[225].

Многие возлагали надежды на экономическую необходимость, которая поборет старые привычки: «Если бы труд был естественен для человека, Колумбия скоро бы расцвела, как пальма; но эта привычка неизбежно развивается скорее в холодном, а не жарком климате… Ничто не ускорит перемену скорее, чем стремление к прибыли. Жадность есть заклятый враг праздности»[226].

К проблеме национального характера вплотную примыкает обсуждение расового состава населения Латинской Америки. Сразу подчеркнем, что преувеличивать расизм североамериканцев

в оценке южных братьев – значит, попасться на презентистский крючок. В те годы еще сильна была традиция просветительского универсализма, и расизм еще не стал таким важным фактором в общественном сознании США, как это сложится к середине XIX века.

Так, Уильям Дуэйн говорил о своем уважении к «красивому мулату» генералу Гомесу (1783–1853)[227]. Один виденный им весьма процветающий колумбийский городок, заселенный исключительно свободными неграми, ничем не отличался от соседних[228]. Спутник Дуэйна Бэйч с удовольствием слушает танец и музыку мулатки и негра и восхищается беседой с офицером-негром. Бэйч признавал в себе определенные расистские предрассудки, с которыми стремился бороться: «Те, кто видели африканскую расу только в Соединенных Штатах, где ее, ожесточенную невежеством и деградацией, полагают средним звеном между свободным человеком и низшими животными, не могут подумать о связях с ними, кроме как с чувством отвращения; и возможно, то же чувство передалось мне, когда я пишу о встречах с людьми этой несчастной расы, чьей дружбы мне следовало искать»[229].

Джон Милтон Найлс (1787–1856) хвалил просвещенную политику колумбийского правительства, законодательно отменяющего рабство и расовое деление[230]. Говоря о Чили и Боливии, филадельфийский купец Бенджамин Чеу (1758–1844) опасался, что укоренившиеся расовые предрассудки еще долго просуществуют в Латинской Америке, несмотря на правительственную борьбу с ними, а ведь там, где господствует «превосходство белых над другими расами (colours)», не может быть «демократического равенства»[231].

Безусловно, расизм был основой жизни Юга США. На общенациональном уровне он проявлялся, когда под угрозой оказывалось единство Союза. Наиболее ярко это показала реакция на события 1817–1818 гг. на флоридском острове Амелии, который был захвачен разношерстными борцами с Испанской империей, объявившими об освобождении рабов, – но продолжавшими, кстати, подпольную работорговлю. В испуганном воображении североамериканцев сразу замаячил призрак успешной революции рабов на острове Сан-Доминго (1791–1804), завершившейся провозглашением независимого Гаити, изгнанием французов с острова и резней тех белых, кто не успел бежать.

Расистские предрассудки выплеснулись на полосы вашингтонского “National Intelligencer” – издания столичного, общенационального, либерального, но одновременно южного.

Так, корреспондент из Саванны, Джорджия, говоря об Амелии, писал, что, несмотря на все его горячее желание независимости Южной Америки, он предпочтет, чтобы те навеки оставались в подчинении Европе, чем видеть их освобождение «дикарями Сан-Доминго» – этими «самыми неподходящими соседями»[232].

В письме в редакцию “National Intelligencer” автор, явно южанин, боялся, что обученные в «школе Боливара» (тут цитировались антирабовладельческие прокламации Освободителя) *«цветные патриоты»* Амелии захотят спровоцировать всеобщее восстание рабов ближайших к Флориде штатов и легко примут «пришельцев, даже самого темного сложения»[233]. Впрочем, даже либеральная филадельфийская “Democratic Press” опасалась, что захваченная пиратом Луи Ори (1788? – 1821?) и «его бандитами из Сан-Доминго» Амелия станет приютом беглых рабов из Джорджии. В той же статье подчеркивалось, что независимое правительство Венесуэлы окажется в руках *«Черных или Цветных»*[234].

Даже в 1825 г. на пике оптимизма по отношению к южным соседям в газетах могло появиться расистское высказывание. Корреспондент из Ла-Гуайры сообщал, что в Венесуэле *«цветные касты»* «буквально налагают темный отпечаток на дела». Косвенное избирательное право «может на много лет сохранить олигархию и всю ее *гнилъ*, но и то и другое предпочтительнее, чем *худшее зло*… Дикари неспособны к политической власти, и правильно сократить их права настолько, насколько это может быть благоразумно сделано. Кто-то верно сказал, что медведей не следует расковывать, пока они не укрощены»[235]. Расистские выпады будут звучать из уст южных сенаторов и членов Конгресса в ходе борьбы будущих джексоновцев против участия Соединенных Штатов в деятельности межамериканского Панамского конгресса 1826 г.[236]

Заметим, что антииндейские настроения не были столь выражены, как антиафриканские. Если в индейцах видели, на худой конец, ленивых и пассивных крестьян, то негров боялись – помня о собственных рабах и гаитянской революции. Но более всего североамериканцы сомневались в качествах смешанных рас – согласно представлениям того времени, потомки разных кровей наследовали не лучшие, а худшие черты предков[237]. Так, “Southern Patriot” сомневался, что смешанное население Южной Америки готово воспринять дар *«хорошо регулируемой свободы»*[238].

Виргинский “Richmond Enquirer” Томаса Ритчи последовательно поддерживал борьбу Латинской Америки, не упоминая о ее расовом составе. Очевидно, лишено расистских

предрассудков было одно из влиятельнейших периодических изданий, выходившее, кстати, в южном Балтиморе, – “Niles’ Weekly Register”. Его редактор Иезекия Найлс хвалил венесуэльского генерала Хосе Антонио Паэса (1790–1873), которого он считал негром, осуждал бразильское рабство и просто восторгался реформами гаитянского президента Жан-Пьера Буайе (1776–1850)[239]. Но даже эта газета опасалась негритянской революции на Кубе как потенциальной угрозы стабильности южных штатов[240].

Определенную неготовность латиноамериканцев к республиканской независимости вынужденно признавали и они сами. Так, крупный колумбийский политик Педро Гуаль (1783–1862) подчеркивал, что испаноамериканским революционерам приходится одновременно сражаться с врагом и учить соотечественников «азбуке свободы». Им следует «подражать добродетелям и любви к Родине [североамериканцев]»[241]. Анонимный корреспондент из Буэнос-Айреса (возможно, это был Дэвид Кертис Дефорест или кто-то из его круга), убеждая читателей в неизбежности победы революционеров, должен был признаться: «Нашей физической силы, так же как и военных средств, вполне хватает, чтобы разгромить все попытки Испании подчинить страну, но мы не привыкли к самоуправлению и обладаем лишь в крайне недостаточной мере упрямой добродетелью и решительным патриотизмом североамериканцев»[242].

Необходимость идейно оправдать восстание против власти метрополии заставляло мыслителей испаноамериканской революции рисовать три века европейского владычества как непрестанный поток насилия, унижений, грабежа и беззакония, создавая свой, креольский национализм[243]. Они обратились к хорошо известному арсеналу «черной легенды», о которой мы уже говорили в начале главы. Но тем самым они, потомки завоевателей, ставили под вопрос собственную политическую культуру.

Арсенал «черной легенды», ссылки на Лас Касаса используются в важнейших документах революции – в «Письме к американцам испанского происхождения» (1791) перуанца Вискардо и Гусмана (1748–1798), «Письмах одного американца» (1811–1812) мексиканца Хосе Сервандо Тересы де Мьера, «Письме с Ямайки» (1815) Боливара[244]. Аргентинец Бернардо Монтеагудо (1789–1825), один из вождей восстания 1809 г. в Верхнем Перу, писал в «Диалоге Атауальпы и Фердинанда VII на Елисейских полях» (1809): «Среди наций вы не найдете столь жестокой и тиранической, как испанцы»[245].

Среди многочисленных деклараций, провозглашенных в ходе освободительных войн в Латинской Америке, наибольшее распространение получил обращенный к народам мира Тукуманский манифест 1816 г. – не собственно декларация независимости, но объяснение ее причин. Его перевод был приложен к отчету комиссионера в Южной Америке Сизера Родни и книге Генри Брэкенриджа, обширно цитировался спикером Генри Клеем. Обращался к его тексту в своей книге и рабочий-типограф Генри Брэдли[246].

Тукуманский манифест повествует о трех веках беспрерывного «губительного опустошения» Испанской Америки, отсутствии «того прогресса, какого культурные нации в века просвещения достигли в… искусствах». Власти хотят «вырождения» американцев, «Испании не нужно, чтобы вырастали ученые, она боялась, что разовьются гении и таланты, способные служить интересам своей Родины, содействовать быстрому прогрессу цивилизации, нравов и развитию прекраснейших способностей, которыми одарены ее сыны»[247].

В Декларации независимости США виновником бедствий объявлен правящий английский король, но не британская нация в целом. Известно, что отцы-основатели не только не стремились порвать с английским наследием, напротив, подчас хотели подчеркнуть свою, так сказать, «английскость». В Испанской Америке дела обстояли ровно наоборот: креолы обвиняли не только короля Фердинанда VII (1808, 1813–1833) или систему власти метрополии, но и вообще «испанцев» или «Испанию».

В подобном духе Педро Гуаль утверждал в письме главе патентного ведомства Уильяму Торнтону (1759–1828), что на протяжении трех столетий Южной Америке приходилось исполнять любые прихоти поработителей: «Испанцы были Рабами Короля, в Южной Америке мы были Рабами Рабов»[248].

С не меньшей, а порой и большей силой антииспанская риторика отразилась в произведениях латиноамериканских революционеров, рассчитанных на англоязычную публику, в первую очередь, в книгах Мануэля Паласио Фахардо и Висенте Пасоса Канки.

Венесуэлец Мануэль Паласио Фахардо (1784–1819), министр иностранных дел и финансов в одном из кабинетов Боливара, анонимно издал свой «Очерк революций в Испанской Америке» в Лондоне и Нью-Йорке в 1817 г. Уже в следующем году книга вышла по-немецки под более откровенным названием – «Борьба за свободу в Испанской Америке», а в 1819 г. увидело свет французское издание. Испанский перевод вышел лишь в 1953 г. [249] В качестве предпосылок революции Паласио Фахардо

приводит жалобы креолов на злоупотребления властью чиновников, ущемление их прав, отсутствие представительства в высшей власти. Широко стал известным пример, когда на петицию об открытии университета в венесуэльской Мериде испанский чиновник ответил, что развивать образование в Америке бессмысленно, так как ее жителям «природой суждено работать в шахтах»[250]. Заметим: даже если все это правда, слова на самом деле принадлежали одному чиновнику, а не, допустим, королю Фердинанду VII, которому их часто приписывали. Нельзя забывать, что именно в Испанской Америке расположены старейшие учебные заведения Нового Света: университеты в Мехико и Лиме были основаны в 1551 г. Приведенные в работе примеры жестокости испанцев широко разошлись по самым разным книгам, памфлетам, газетам. Паласио Фахардо писал свою книгу в годы войны и, конечно, описывал лишь зверства противной стороны, вице-короля Новой Испании в 1813–1816 гг. Феликса Кальехи (1753–1828) и генерала Пабло Морильо (1775–1837). Самый жуткий пример автора – казнь Кальехой 14 тысяч стариков, женщин и детей в Гуанахуато – факт, кстати, совершенно недостоверный[251]. Книга Паласио Фахардо была одной из основных в арсенале сторонников борьбы Испанской Америки за независимость. На нее постоянно ссылаются Брэкенридж, Джон Милтон Найлс, Джаред Спаркс, генерал Уильям Миллер (1795–1861). Знакомы с материалами книги были Джон Куинси Адамс[252] и Джеймс Монро[253].

Большим влиянием в США пользовались и сочинения Висенте Пасоса Канки (1778–1851) – выходца из уважаемой семьи кечуа в Верхнем Перу (Боливия), получившего образование в университете Куско и ставшего яростным противником Испании[254]. Его судьба полна неожиданных поворотов: став доктором богословия, он разочаровался в традиционном образовании, изучил канон европейского Просвещения, перевел Тома Пейна на испанский, издавал радикальные газеты в Буэнос-Айресе, провел несколько лет в Европе, состоял в правительстве пиратской республики острова Амелии, затем представлял латиноамериканских революционеров в Вашингтоне, а уже после окончания борьбы за независимость переселился в Лондон, где для Библейского общества перевел на кечуа евангелие от Марка, принял англиканскую веру, служил посланником Боливии при Сент-Джеймсском дворе, а перед смертью вернулся в Буэнос-Айрес[255].

Его главным трудом стали посвященные Генри Клею «Письма о Соединенных Провинциях Южной Америки», в основном повествующие о Верхнем и Нижнем Перу и Ла-Плате[256]. Рисуя

широкую картину жизни испанских колоний, автор последовательно подчеркивает способности и успехи местного населения и обвиняет метрополию во всех смертных грехах.

Особую ненависть Пасоса (напомним, доктора богословия!) вызывала официальная католическая вера, которая в испанских странах «стала ничем иным, как кучей суеверных церемоний и орудием жадности и подавления». Некоторые выражения в книге Пасоса взяты, кажется, из какого-то антиримского памфлета времен Реформации, которая, кстати, как полагал автор, служит «в огромной степени причиной прогресса света и свободы в мире»[257].

Пасос обвиняет испанцев в разрушении языческих храмов древнего Перу, насильственном крещении не только инков, но и мавров – этих двух «самых милосердных (charitable) народов мира». Европейские испанцы плохо образованы, и «их религия есть слепая изуверская (bigotted) преданность папизму»[258]. Автор ненавидит не только официальный испанский католицизм, но и католическую веру вообще. Так, он называет целибат «варварским законом»[259]. Либерал Пасос отвергает идею официальной религии как таковой[260]. А ведь даже либеральный гарвардский унитарий Спаркс, скрепя сердце, соглашался с необходимостью государственного католицизма в Латинской Америке. Впрочем, не только государственный католицизм вызывает ненависть Пасоса, даже привычную испанской культуре корриду зовет он «варварским и деморализующим развлечением»[261].

Общественный идеал Пасоса – это англосаксонские свободы и прогресс, недаром он напишет для южноамериканского читателя историю США. Путь к этому идеалу состоит в учении у иностранцев, следовании «просвещенным институтам братьев на Севере», «вечном запрете религиозной нетерпимости, этого гибельного испанского наследства»[262]. Пасос видит перемены к лучшему: если на богословском факультете в Кордове (Ла-Плата) все образование пока состоит в «изучении папистских святош», то юристы университета в Чаркас (ныне Сукре, Боливия) уже «восхищаются Вольтером, как граждане Парижа»[263].

В целом по прочтении книги складывается впечатление, что жизнь Южной Америки после Колумба заключалась только в борьбе коренного населения с разлагающим, безнравственным влиянием необразованных испанцев – народа, весь вклад которого в мировую историю состоит в геноциде мавров и инков. Католические священники – сплошь негодяи и кровопийцы, Пасос даже ни разу не упоминает одного из создателей той самой черной легенды – прославленного защитника индейцев епископа

Бартоломе де Лас Касаса. Весьма провинциально боготворя Вольтера, он не говорит об испанских просветителях.

Разумеется, Пасос надеялся исправить положение самым коренным образом, перечеркнув испанское прошлое и создав просвещенными реформами новый народ. Неудивительно, что в другом своем сочинении Пасос высказал убеждение (в общем, юмовское), что даже самое разнородное содружество обретает единый *«национальный характер»* и становится единой нацией, если жители «признают единую власть» и подчиняются «одним и тем же законам»[264].

Так рождался латиноамериканский антииспанский либерализм, нашедший свое законченное воплощение в «Евангелии Америки» (1864) чилийца Франсиско Бильбао (1823–1865) с его чеканным: «Прогресс состоит в том, чтобы перестать быть испанцами (desespanolizarse)»[265]. Под «прогрессом» здесь, очевидно, подразумевается прогресс в англосаксонском духе.

В латиноамериканских трактовках «черной легенды» крылась очень опасная для революционеров ловушка: за исключением Пасоса, все создатели этого мрачного образа были креолами, то есть, собственно, потомками испанцев, родившимися на чужой земле. Отказ от корней во многом подрывал доверие мира к их собственным действиям. Ведь если испанцы столь чудовищны, то чем креолы – их прямые потомки, лишь перенесенные на другую почву, но воспитанные в той же религии и культуре, говорящие на том же языке, – лучше своих предков?! Можно ли доверять наследникам столь тяжкого бремени? Получается, что единственным путем к республике, «разумной свободе» и общественному развитию является отказ от собственной культуры. А чем еще, например, является переход Пасоса в англиканскую церковь, как не сознательным разрывом с взрастившим его миром, подобным, скажем, переходу молодого В. С. Печерина в католичество. Пауэлл назвал такое поведение «матереубийством»[266].

Революционеры потратили немало сил, живописуя зверства испанцев в ходе войны. Но и роялисты, естественно, тоже стремились представить миру свою версию событий, сообщая о верности королю мирного населения и жестоких рекрутских наборах революционеров. И то и другое только укрепляло старую традицию «черной легенды», одинаково вредило образу иберо-американского мира в глазах англосаксов.

Североамериканцы восприняли и охотно повторяли антииспанскую революционную пропаганду, что неизбежно рождало сомнение в будущности молодых стран: если создатели латиноамериканских государств сами не видят в прошлом

ничего, достойного уважения, каким же образом у них получится создать устойчивую власть на столь зыбком человеческом фундаменте?! Такой вопрос наверняка задавали себе многие. В инструкциях первому посланнику США в Великой Колумбии Джон Куинси Адамс называл независимость Латинской Америки одним из величайших событий мировой истории, но замечал, что века «испанской тирании» не могли породить в местных жителях «никакого духа свободы», «никакого общего принципа разума»[267].

Латиноамериканские революционеры хотели, чтобы в них видели не креолов-католиков, а космополитичных либералов. Они не ставили целью заинтересовать мир (и Соединенные Штаты как его часть) своей складывавшейся самобытной традицией, привлечь внимание к наработанным за столетия испанского владычества культурным ценностям. Здесь лежит одна из причин, почему внимание североамериканцев к «южным братьям» окажется столь поверхностным и преходящим: важен был только «республиканский эксперимент», а все остальное заведомо лишено всякого интереса.

В 1826 г., на пике внимания к Латинской Америке, англичане впервые открыто издали четыре тома составленных в середине XVIII в. «Тайных заметок об Америке» Хорхе Хуана (1713–1773) и Антонио Ульоа (1716–1795). Текст был несколько сокращен, а разоблачительный пафос усилен. Так секретное расследование официального Мадрида, целью которого было обосновать проведение просветительских реформ, использовалось как очередное доказательство пороков испанской власти[268].

Создатели картины Латинской Америки в Соединенных Штатах хорошо знали репертуар «черной легенды». Так, редактор “North American Review” Джаред Спаркс ссылался на Лас Касаса, исследователя мексиканской истории иезуита Франсиско Хавьера Клавихеро (1731–1787) и латиноамериканские трактовки «Законов Индий»[269], дипломат Джоэль Пойнсет – на «Тайные заметки»[270].

В 1810-е – 1820-е гг. среди бостонских интеллектуалов весьма неожиданно зародилось глубокое увлечение культурой Испании[271]. Наиболее известными представителями этого движения стали первый гарвардский профессор французского и испанского языков, составитель фундаментальной истории испанской литературы, собиратель рукописей Джордж Тикнор (1791–1871) и писатель, автор до сих пор популярных книг по завоеванию Нового Света Уильям Прескотт (1796–1859). Примечательно, что эти деятели не проявляли совершенно никакого внимания к современной им Латинской Америке ни в

годы освободительной революции, ни впоследствии.

А вот самые преданные энтузиасты борьбы Латинской Америки за независимость, такие как Генри Клей, Уильям Торнтон, Уильям Дуэйн, были совершенно лишены как знаний, так и интереса к иберийской культуре. Редким исключением является здесь разве что один Генри Брэкенридж, несколько лет проживший в Новом Орлеане, который в 1763–1800 гг. принадлежал Испании и управлялся ею вплоть до 1803 г. – практически до передачи Луизианы Соединенным Штатам. «Второе открытие Америки» не только не способствовало борьбе с «черной легендой», скорее напротив, дало ей новое рождение. Латиноамериканская версия иберийской культуры оставалась странной экзотикой, по мнению большинства комментаторов, мешающей строить здоровое радостное республиканское будущее.

Зато в сознании североамериканцев развивалась «идея Западного полушария» – представление о внутренней близости Северной и Южной Америки, основанной на антиколониальной борьбе и республиканизме[272]. Латиноамериканцы также часто подчеркивали значение примера США. «Особый агент» Превост надеялся, что Чили и Соединенные Штаты составят «единую великую американскую семью» и с радостью констатировал: «[И]мя “американский” обладает магией, которая смешивает нас с ними; налицо склонность к Соединенным Штатам, сочетающаяся с желанием подражать нашим институтам»[273].

Хваля действия Боливара, газета писала об истинно «американской доблести» (prowess), которую патриоты Испанской Америки показали в борьбе с европейской тиранией[274].

На приеме в честь первого посланника Вашингтона в Боготе Ричарда Андерсона (1788–1826) гости подчеркивали, что в 1776 году Северная Америка подала всему миру пример свободы и что отныне колумбийцы будут содействовать ей в «распространении либеральных принципов»[275]. Первый посланник Буэнос-Айреса Карлос де Альвеар (1779–1852) лелеял надежды на «тесный (intimate) союз» двух стран: «Они [надежды] вырастают из симпатии, которая естественно существует во всей великой американской семье, порожденная одинаковыми обстоятельствами и невзгодами на славном пути освобождения»[276]. Колумбийский Орден Освободителей походил на Общество Цинцинната, объединявшее с 1783 г. офицеров-ветеранов Войны за независимость США[277].

Латиноамериканская революция вписывалась в просвещенческий телеологизм североамериканцев: после 1776 года все страны, пробудившись от векового сна, идут к своему

республиканскому освобождению, возрождению античных идеалов свободы. На праздновании 4 июля 1824 г. в Вашингтоне читали оду некоего Мура, главный образ которой – белоголовый орлан, возвещающий клич свободы в Южной Америке, на Пиренеях, в Греции[278]. В стихотворении бостонского моряка Джорджа Фрэкера (1795–1880) о «факеле свободы» андская вершина Чимборасо сопоставляется с Парнасом, Южная Америка – с современной Грецией[279]. Маркиз де Лафайет (1757–1834) на приеме в Олбани в свою честь провозгласил тост за «республики Южной Америки и Мексики и классическую Грецию»[280].

Легитимизм Священного союза представал лишь временным препятствием, обреченным заговором королей на пути мощного республиканского потока. В 1815 г. Найлс верил, что южноамериканцы спасут «Новый Свет от власти плута, дурака и изувера» и надеялся, что Соединенные Штаты протянут им руку помощи: *«Пусть гибнут "легитимисты", – говорю я – Да здравствуют республики, прочь короли»*[281].

Настоящий интерес к Латинской Америке возникнет в США с завершением в 1815 г. англо-американской войны и наполеоновских войн в целом. Во-первых, с наступлением мира североамериканские купцы утратили свое главное преимущество на мировых рынках – нейтральный статус. Отныне они не могли больше извлекать значительные прибыли из перевозки, скажем, французских товаров в германские земли, или наоборот. Следовательно война в Латинской Америке давала им возможность возместить ущерб, связанный с потерей торговых связей, налаженных за долгие годы европейских неурядиц. Во-вторых, после Венского конгресса и Гентского мира латиноамериканская революция станет главной международной новостью (антимонархические движения в Италии и Испании, греческое восстание против Турции начнутся чуть позднее).

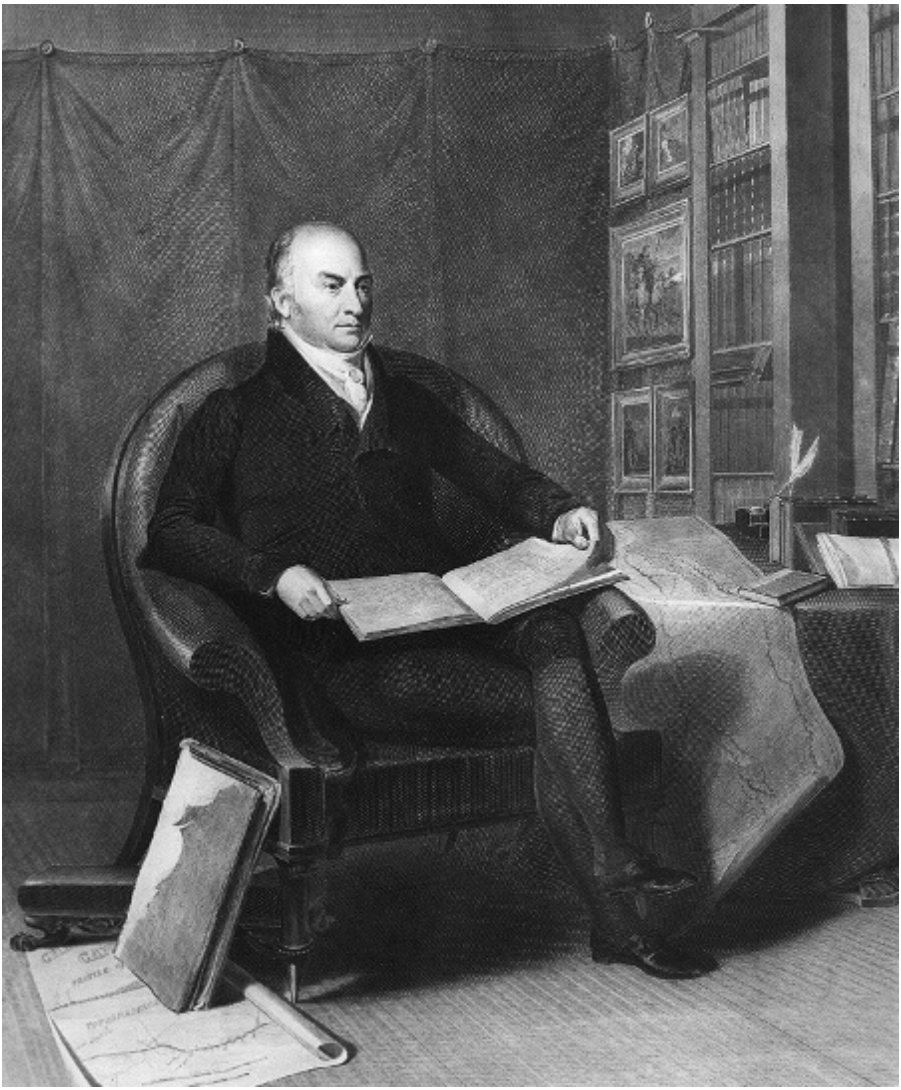
Именно тогда внимание североамериканцев обратилось на юг, где как раз начинался новый этап освободительного движения испанских колоний. Неспокойно было и в Бразилии, где в 1817 г. восстание поднимется в провинции Пернамбуку. Но удовлетворить возникший интерес было нелегко: свежие, а главное, правдивые сведения о положении в Латинской Америке получать было крайне сложно из-за трудностей коммуникации, пропагандистских усилий враждующих сторон и зачастую прямого или косвенного корыстного интереса североамериканских корреспондентов. Возникло противоречие между осознанным в прессе стремлением больше узнать о «южных братьях» (и одновременно обвинениями в адрес равнодушных соотечественников) и явным дефицитом

достоверных данных[282].

В 1815 г. Иезекия Найлс восклицал: «Удивительно, насколько равнодушным кажется огромная часть народа Соединенных Штатов к событиям в этих обширных областях». Он доказывал: «Свобода одной *Мексики* на деле в пятьдесят раз важнее для Соединенных Штатов, чем было спасение Испании из рук Наполеона, важнее в торговом отношении, независимо от тех желаний, которые мы как республиканцы должны разделять, жаждая ее освобождения»[283]. В следующие годы на североамериканцев обрушится вал новостей о «южных братьях». Но и десять лет спустя редактор “North American Review” Джаред Спаркс указывал на дефицит сведений о Латинской Америке: «Наши газетные редакторы в основном не знают испанского и дают лишь темные разрозненные намеки, да и те часто ошибочные, а ведь все наше знание приходит через газеты»[284]. Открытие Латинской Америки состоялось, но, как нам предстоит увидеть, было во многом неполным и фрагментарным. Северные соседи оценивали события, руководствуясь то абстрактной идеологией, то унаследованными предрассудками. Реальность часто ускользала от их понимания.

Энтузиасты и критики «южных братьев» 1815-1822

Латинская Америка с самого начала борьбы за независимость против метрополии пользовалась поддержкой общественного мнения США. Испании и Португалии не сочувствовали даже те, кто сомневался в способности креолов самостоятельно управлять своими странами. По сути, в 1810-е гг. сложился широкий и порой весьма влиятельный круг сторонников «южных братьев» (“South brethren”). Они стремились воздействовать на администрацию, чтобы власти США по крайней мере признали независимость Латинской Америки или даже оказали реальную помощь повстанцам.



Джон Куинси Адамс

Джеймс Монро

Тем не менее, вплоть до 1822 г. президент Джеймс Монро и государственный секретарь Джон Куинси Адамс придерживались умеренного курса в отношении соседей по полушарию. Опытные политики, они опасались преждевременности признания (напомним, что до победы при Аякучо в декабре 1824 г. исход революций был еще неочевиден), возможного конфликта с Испанией, а то и другими европейскими странами. В конце 1810-х гг. Адамс вел сложнейшие переговоры с Испанией, которым суждено было увенчаться присоединением Флориды и проведением «трансконтинентальной» южной границы по договору 1819 г. (ратифицирован в 1821 г.). В предвкушении подобных приобретений администрация не хотела лишний раз

портить отношения со слабеющей пиренейской державой. Более всего выгоден был нейтралитет, позволявший североамериканским купцам свободно торговать с обеими сторонами[285]. Итак, естественная республиканская симпатия к революционерам наталкивалась на стену государственных интересов. Скептики спорили с энтузиастами, подчас добиваясь значительных успехов.

Генри Клей

Наиболее видным сторонником признания независимости Латинской Америки в 1816–1822 гг. был яркий оратор, председатель Палаты представителей (1811–1814, 1815–1821) кентуккиец Генри Клей. Его поддерживали другие конгрессмены от штата Кентукки – Ричард Джонсон (1780–1850) и Дэвид

Трамбл (1782–1842). Среди столичных чиновников самым высокопоставленным энтузиастом был бессменный глава Патентного ведомства, врач и архитектор Уильям Торнтон. Торнтон имел прямой доступ к президенту и государственному секретарю и постоянно использовал эту возможность, чтобы помочь своим друзьям из Латинской Америки. Под псевдонимом «Колумбиец» он регулярно выступал в вашингтонской газете “National Intelligencer”.

Среди журналистов к этому кругу принадлежали Уильям Дуэйн (“Philadelphia Aurora”), Бэптис Ирвайн (“N.Y. Columbian”), Джонатан Элиот (“Washington City Gazette”), Томас Ритчи (“Richmond Enquirer”), Иезекия Найлс (“Niles’ Weekly Register”, Балтимор), Джон Скиннер (“Maryland Censor”). Издатель наиболее заметной западной газеты “Argus of Western America” Амос Кендалл (1789–1869) поддерживал латиноамериканцев в силу лояльности Генри Клею[286]. В печати выступали также купец Уильям Робинсон, юрист Генри Брэкенридж, морской офицер Дэвид Портер (1780–1843).

В статьях, памфлетах, книгах сторонников дела «южных братьев» читатель постоянно встречает два риторических приема: 1) сравнение событий революции Латинской Америки с собственной Войной

за независимость; 2) описание зверств испанцев в войне с патриотами. Таким образом движение против Испании сближалось с собственным опытом, причем картины насилия «пробивали» обывательское равнодушие к международным событиям[287]. Сравнение с Войной за независимость США ставило латиноамериканское движение в ряд национально-освободительных республиканских революций, пробужденных «духом семьдесят шестого», вместе с испанской революцией 1821 г., восстанием Греции против Турции, а порой (в радикальных толкованиях) и гаитянской революцией. Даже монархическая Бразилия порой воспринималась как младшая сестра Соединенных Штатов, сосед по континенту, наконец, страна с примерно равным населением и количеством провинций на момент обретения независимости[288].

Сравнение революций доказывало, что у испаноамериканцев было больше причин для восстания, чем у колонистов Северной Америки[289]. Но хотя гнет метрополий в Латинской Америке носил иной характер, современники все же осознавали общность «орудия несправедливости» – европейской колониальной системы, пусть в разных ее проявлениях[290]. “National Intelligencer”, цитируя английскую газету, вспоминал Франклина и «Здравый смысл» Пейна: если зависимость просторных

американских колоний от далекой небольшой Англии была абсурдна, тогда господство Испании и Португалии над своими колоссальными владениями абсурдно в еще большей степени[291].

Джон Милтон Найлс заключал, что если причины революций в Северной Америке и Колумбии были разными, одинаковы были поведение революционных правительств и чувства повстанцев[292]. Географ Морзе напоминал, что декларация независимости (вторая в Новом Свете!) была провозглашена Венесуэлой через 35 лет и один день после Соединенных Штатов[293]. Постепенно складывалось представление о единстве общеамериканского революционного потока.

Даже скептики признавали исключительность героизма испаноамери-канцев, добившихся независимости без какой-либо помощи из-за рубежа, их невиданное самопожертвование[294]. Впечатленные географическим масштабом событий и числом участников, современники склонялись видеть в освободительной борьбе Испанской Америки событие большего масштаба, чем собственная Война за независимость против Англии[295].

Наиболее широко и последовательно сравнение революций провел Генри Брэкенридж, чьи сочинения[296] подвергнутся подробному разбору ниже. Джон Скиннер (Лаутаро) обвинял «прихлебателей (minions) легитимизма» в том, что те использовали неудачи революционеров, чтобы создать образ *«неготовой к свободе»* Южной Америки… «Обстоятельства и дело Народа Южной Америки должны разбудить наши лучшие чувства; теперь они борются за *свободу* и независимость. Они наши братья; неужто мы откажемся протянуть им руку помощи (fellowship)»[297].

Современники стремились найти параллели в военных событиях двух революций: победа Ла-Платы над испанцами под Монтевидео в 1814 г. сопоставлялась с победой над войсками генерала Джона Бургойна под Саратогой, победу Боливара в Вояке (1819) сравнивали с Банкер-Хиллом (1775), решающий триумф при Аякучо (1824) – с Йорктауном (1781)[298]. Сам Боливар удостоился высокого сравнения с Вашингтоном[299]. Парадный въезд Сан-Мартина в Буэнос-Айрес после победы при Майпу ставился рядом с триумфами Вашингтона в Филадельфии и Джексона в Новом Орлеане[300]. Споря со скептиками, горячий сторонник «южных братьев» Уильям Дуэйн справедливо напоминал соотечественникам, что и в собственной революции были свои предатели и своя ревностная вражда между военачальниками[301].

Клей подчеркивал, что право народа на свержение тирании было «великим принципом» Английской и Американской

революций, сравнивал состояние южноамериканских государств с положением североамериканских колоний в 1776–1778 гг. (то есть до признания повстанцев Францией). В ходе дебатов Клей напомнил старейшим депутатам, в каком «беспокойном одиночестве, в ходе нашей Революции» они «обращали свои глаза к Европе и просили признания», как «радостно забилось сердце при известии, что Франция нас признала». Не отрицая разногласий в стане революционеров, Клей вспоминал «наших тори, наши интриги, наши фракции» времен Войны за независимость[302].

Антифедералист Иезекия Найлс советовал колумбийцам запретить возвращение испанцев, иначе они долгие годы будут страдать от действий партии, подобной той, что создали лоялисты-тори в США: «Видимая жесткость часто есть милосердие – частичное зло может быть общим благом»[303].

Сравнение с собственной революцией порождало веру во всемирное значение латиноамериканской освободительной войны: «Мы полагаем, что независимость Мексики будет событием, следующим по важности для всего цивилизованного мира после декларации независимости Соединенных Штатов 4 июля 1776 г., и способствовать этому любыми честными и достойными путями – значит соответствовать желаниям и интересам всех классов наших сограждан», – писал Робинсон[304]. Брэкенридж сопоставлял бурный начальный этап революции в Буэнос-Айресе с освоением Луизианы и цитировал… «Метаморфозы» Овидия о борьбе стихий при сотворении мира[305].

Вести о невиданных зверствах испанской армии укрепляли сочувствие североамериканцев к борьбе «южных братьев». Война за независимость Латинской Америки действительно отличалась крайним ожесточением, особенно по сравнению с североамериканской революцией 1776 г.[306]Боливар еще в июне 1813 г. объявил испанцам «войну не на жизнь, а на смерть» (guerra a muerte). Зверства совершали солдаты обеих сторон, но благосклонно настроенные к революционерам газеты США перепечатывали лишь известия о жестокости испанцев. Источниками североамериканских газет были письма из революционных городов, газеты патриотов “Caracas Gazette”, “Correo del Orinoco”, книги и памфлеты латиноамериканцев, в частности, Тукуманский манифест и очерк Паласио Фахардо.

Распространялись слухи, что генерал Морильо, взяв остров Маргариту и город Барселону, приказывал уничтожить все их население, включая женщин и детей[307], что король Фердинанд приказал убивать каждого грамотного жителя Буэнос-Айреса[308]

– или что пресловутый Морильо действительно казнил *всех* умеющих читать и писать в Боготе[309] и на Маргарите[310]. Брэкенридж призывал мировое общественное мнение осудить отношение метрополии к своим «трансатлантическим братьям» как вопиющее нарушение правил ведения войны[311]. Освещение получали не только зверства испанских войск, но и жестокость, с которой португальцы подавили восстание в Пернамбуку[312].

Порой негодование имело расистский подтекст. Латиноамериканский патриот Висенте Пасос напоминал об ужасах, которые совершили «полки черных рабов» борцов с революцией Хосе Бовеса (1782–1814), Франсиско Моралеса (1781/1783 – 1845) и Пабло Морильо[313]. Газеты распространяли весть, как после взятия венесуэльской Куманы одну республиканку подвергли садистской экзекуции – провезли обнаженной через город с одновременной поркой негром-роялистом[314].

Среди городов, проявивших наибольший интерес к Латинской Америке, особенно выделяются Филадельфия и Балтимор. Внимание последнего к борьбе испанских колоний за независимость легко объяснимо. Благополучие этого наиболее быстро развивавшегося города США основывалось на нейтральной торговле в годы наполеоновских войн. Во время «Второй войны за независимость» балтиморские каперы невиданно обогатились, атакуя английские суда. После того, как в 1815 г. в Европе и Америке воцарился мир, процветание энергичных балтиморцев оказалось под угрозой. Многие моряки потеряли работу и были готовы поступить на службу или искать каперских свидетельств *(lettres de marque*) в Латинской Америке[315]. Наконец, Балтимор был изначально терпим к католицизму, а большое количество эмигрантов разного происхождения в этом городе-«парвеню» ослабляло этнокультурные предрассудки.

С начала 1816 по 1821 гг. многие балтиморские моряки переквалифицировались в каперов на службе различных правительств Латинской Америки, обычно Соединенных Провинций Ла-Платы. Сотни каперских свидетельств привез в США осенью 1815 г. мексиканский представитель Хосе Мануэль де Эррера[316]. Впрочем, наиболее выгодны были *lettres de marque* от борца за независимость Восточного берега (Уругвая) генерала Хосе Гервасио Артигаса (1764–1850), сражавшегося одновременно и с Испанией, и с Бразилией, – соответственно, их обладатели имели право грабить не только испанские, но и португальские суда.

Среди каперских компаний особенно выделялся так

называемый Американский концерн, среди пайщиков которого были многие видные купцы, а также городской почтмейстер и газетный издатель Джон Скиннер (1788–1851), зять судьи Теодорика Блэнда (1776–1846). Деньги в снаряжение каперских судов вкладывали не только балтиморцы, но и, например, выходец из Нью-Хэйвена Дэвид Кертис Дефорест и даже консул в Буэнос-Айресе Томас Хэлси (1766–1855).

Испуганная размахом промысла, администрация США добилась принятия в 1817 г. закона о нейтралитете, запретив, в частности, участие собственных граждан в каперском промысле на стороне непризнанных государств. Жалобы испанского и португальского посланников Луиса де Ониса и аббата Корреа да Серры (1750–1823) были, казалось, удовлетворены. Пресса закон не критиковала. Среди его немногих противников был Уильям Коббет (1763–1835) – известный английский радикал, живший тогда в США[317].

Историк Гриффин разыскал в архивах материалы дел экипажей 21 балтиморского каперского судна. Если принять за средний экипаж 90 – 100 человек, получается, что в сомнительном промысле участвовали по крайней мере две тысячи моряков (многие, впрочем, не были балтиморцами)[318]. Число более чем внушительное, если учесть, что все население города составляло в те годы около 60 тысяч. Одна из городских газет писала, что размах каперства сделал невозможным найм матросов для честной торговой экспедиции, отчего купцам приходилось обращаться в Филадельфию[319].

Действия балтиморских судов вызвали серьезное недовольство коммерсантов и моряков других портовых городов Соединенных Штатов[320]. Систематически уничтожая торговлю метрополий, каперы подвергали опасности нейтральный статус Соединенных Штатов, позволявший торговать как с повстанцами, так и с роялистами.

Так, в Бостоне против каперства как нарушения права собственности выступили представители лучших семей – Кулиджи, Кэботы, Уэры (Ware), Вустеры, Уотерстоны, Воузы (Vose), Тэппэны. Среди подписавшихся под антикаперским воззванием в Конгресс были такие яркие фигуры как Дэниел Уэбстер, историк Уильям Прескотт, богослов-унитарий Уильям Эллери Чаннинг (1780–1842)[321]. “North American Review” опубликовал статью юриста Джона Гэллисона (1788–1820), где автор отстаивал необходимость запрета каперства, цитируя множество авторитетов по международному праву от Гроция до Ваттеля и Мартенса[322]. Последовательно осуждал латиноамериканских каперов бостонский “Columbian

Centinel”[323]. Государственный секретарь также был недоволен размахом грабежей испанских и португальских судов[324]. Волна протестов донеслась даже до Огайо[325].

Характерно, что даже ведущая балтиморская газета “Niles’ Weekly Register” резко критиковала земляков-каперов, считая, что тем самым они порочат святое дело революции в Западном полушарии. Граждане США, возмущался редактор издания Иезекия Найлс, «под маской помощи испанским патриотам Южной Америки» занимаются «позорным грабежом»[326].

В 1819 г. был принят новый закон о пиратстве, но и его действенность была не столь велика. Признание обвиняемых получить было почти невозможно, а присяжные, сочувствуя латиноамериканским революционерам, были склонны оправдывать каперов. В 1819 г. под суд попали только 45 человек, из них 35 были помилованы самим президентом по согласованию с кабинетом. Назначение Теодорика Блэнда федеральным судьей Мэрилендского округа еще больше ослабляло эффективность закона[327].

На нечестность Блэнда жаловались Джону Куинси Адамсу аббат Корреа да Серра, филадельфийский журналист Роберт Уолш, участник миссии в Южной Америке Генри Брэкенридж и балтиморский купец Сэндс (который был сам вовлечен в каперство). Тем не менее, государственный секретарь упорно не хотел верить в нечистоплотность судьи[328]. Блэнда, недавно вернувшегося из южноамериканской миссии, рекомендовали генерал Джон Томсон Мэйсон (1787–1850) и журналист Иезекия Найлс[329]. Первые сомнения появились у Адамса в ноябре 1819 г. во время обсуждения кандидатуры Блэнда на пост окружного судьи – уж слишком настойчиво проталкивали это назначение. Тем не менее, 23 ноября 1819 г. Блэнд добился своего, несмотря на возражения генерального атторнея Уильяма Вирта (1772–1834), считавшего его ставленником каперов и пиратов[330]. К началу 1820 г. Адамс полностью убедился в коррумпированности нового судьи, но было уже поздно[331].

Впрочем, на своем высоком посту Блэнд выгораживал не всех каперов. Так, он приговорил к казни за пиратство семерых моряков корабля “Irresistible”[332]. По-настоящему строг к каперам был судья Восточнопенсильванского федерального округа Ричард Петерс (1744–1828), осудивший, например, экипаж судна Дэвида Кертиса Дефореста “Julia De Forest”[333].

Испанский посланник Луис де Онис называл «систему пиратства, налаженную в Балтиморе», «в тысячу раз более гнусной, чем в варварийских странах»[334]. На каперство продолжал жаловаться администрации США португальский

посланник Корреа да Серра, за что пользовался ненавистью балтиморских газет[335]. В сложный двухлетний период между подписанием и ратификацией Трансконтинентального договора 1819 г. Монро и Адамс также сочли борьбу с каперством важной задачей, видимо, опасаясь вызвать раздражение Испании долгим бездействием[336]. 6 октября 1821 г. под давлением представителя США Джона Форбса правительство Буэнос-Айреса запретило выдавать каперские свидетельства[337]. Этот запрет в совокупности с реальными успехами латиноамериканцев в борьбе с Испанией быстро свели промысел на нет.

В Филадельфии интерес к Латинской Америке в меньшей степени основывался на надежде материальной выгоды, но скорее логически вытекал из революционной и религиозной (квакерство) традиции города. Среди двух северных культурных центров ранней республики Филадельфия, в отличие от Бостона, оказалась более космополитичной, открытой влиянию международного радикализма рубежа XVIII – начала XIX вв. Делу латиноамериканских повстанцев сочувствовали многие, но более всех выделялся Уильям Дуэйн[338]. Он вел пропаганду латиноамериканской революции в своей газете “Aurora” – когда-то знаменитом рупоре джефферсонианцев, стремительно терявшем популярность в обстановке относительного партийного мира «эры доброго согласия».

Дружба Дуэйна со многими латиноамериканскими эмигрантами, в первую очередь, колумбийцем Мануэлем Торресом, а также с поставщиком оружия революционерам Уильямом Робинсоном, открыла каналы новостей о событиях в полушарии.

Таким образом, в 1817–1822 гг. (до продажи газеты) Дуэйн стал одним из основных поставщиков сведений с революционного континента – новостей всегда враждебных Испании, подчас попросту пропагандистского толка. Оптимизм журналиста был важен именно в то время, когда ситуация на фронтах оставалась крайне запутанной, а конечный исход борьбы за независимость – далеко не ясным. Хотя тираж “Aurora” был невелик, влияние газеты было по-настоящему значительным, так как многие редакторы перепечатывали ее материалы по Латинской Америке. Даже критики, например, бостонский “Columbian Centinel” признавали осведомленность Дуэйна[339].

Вашингтонская усадьба Октагон (1798–1800), арх. Уильям Торнтон

Заметим, что подчас Дуэйн стремился использовать свои латиноамериканские связи и в личных целях. Оказавшись в тяжелом финансовом положении, он по просьбе Торреса и с рекомендациями кентуккийского политика Ричарда Джонсона пытался (за 5 % – 6 % комиссии) организовать поставку 10 тысяч ружей армии Венесуэлы. Резко против этого плана, впрочем, выступили и Монро, и Адамс. Последний даже полагал, что в идее Дуэйна содержится скрытое предложение купить таким образом молчание его газеты[340].

Видимо, самым горячим и экстравагантным энтузиастом Латинской Америки был основатель и глава Патентного ведомства Уильям Торнтон (1759–1828)[341]. Выходец из богатой английской квакерской семьи, Торнтон унаследовал веру в совершенствование человечества. Утопические общественные идеалы Торнтона вели его от одной красивой схемы к другой. Так, он мечтал, что все Западное полушарие образует в итоге одно государство – Колумбию, со столицей в городе Америка на Панамском перешейке. Оно представляло бы собой поделенную на секции конфедерацию с общим гражданством, двумя официальными языками (английским и испанским – португальский почему-то забыт!), выборным Инкой во главе, а также палатами сахемов, касиков и судей. Кстати, в чем-то Торнтон был провидцем: например, он предсказывал, что

совершенствование телеграфа уничтожит расстояния[342].

Не всем идеи Торнтона казались утопией. Так, житель Нью-Йорка Джозеф Фэй соглашался с эмоциональным автором: «Благоразумие требует расширить и усилить союз всех друзей свободы для самозащиты против угрожающей комбинации тиранов Европы – и ничто не могло доставить мне больше удовлетворения, чем рассказ о Вашем плане объединения Северной и Южной Колумбии»[343].

В целом памфлет Торнтона принес сторонникам Латинской Америки больше вреда, чем пользы. Бывший испанский посланник в Вашингтоне Луис де Онис счел эту утопию тонким макиавеллиевским замыслом экспансии США[344]. Учитывая широкое распространение сочинения Ониса в Латинской Америке в 1820-е гг., есть основания полагать, что его трактовка не прошла незамеченной. Позднее, в 1826 г., план Торнтона вспомнят противники участия США в первом межамериканском Панамском конгрессе, чтобы высмеять энтузиастов единства Нового Света[345].

Но торнтоновская конституция Колумбии при всей своей необычности выражала распространявшуюся в общественном мнении «идею Западного полушария». Еще до окончания войны с Англией Джефферсон в письме Гумбольдту замечал, что какими бы ни были новые креольские правительства, они будут правительствами «*американскими*», то есть в любом случае лучше европейских[346]. О единстве интересов, целей, мировоззрения двух Америк писали, к примеру, Пасос и Ирвайн[347].

В Европе одним из наиболее деятельных сторонников освобождения испанских колоний был бывший архиепископ Малина (Мехелена) плодовитый автор аббат Доминик де Прадт (1759–1837), прославившийся тем, что именно у него в Варшаве останавливался Наполеон в бегстве из России[348]. Один вдумчивый исследователь даже сделал попытку обосновать влияние Прадта на доктрину Монро[349]. Сам Боливар считал деятельность аббата столь полезной для латиноамериканских революционеров, что просил его принять особую пенсию в три тысячи песо[350].

Нам кажется, что влияние де Прадта было на деле весьма ограниченным, по крайней мере в США. Его многочисленные произведения ни разу не упоминает Джеймс Монро. Лишь однажды ссылаются на аббата Адамс и Брэкенридж, приводя его пышные, но банальные, ни к чему не обязывающие сравнения: в одном случае, латиноамериканская революция сопоставляется по значению для Европы с французской, в другом – указывается, что город Буэнос-Айрес построен столь удачно, что при лучшем

правлении (без испанцев!) его расцвету позавидовали бы Тир, Карфаген и Рим[351]. Мэдисон остался равнодушен к трудам аббата, и только один Джефферсон отмечал его «глубокие взгляды», скрытые, впрочем, за водянистыми фразами[352]. Клей цитировал Прадта лишь однажды, говоря о блестящем будущем торговли освобожденной Южной Америки[353].

Поначалу работы де Прадта, особенно их направленность против великих держав – Великобритании и России, увлекли писателя и дипломата Александра Эверетта. Вскоре, впрочем, и он разочаровался в «отважном пророке», «чье перо подчас бежит впереди мысли»[354].

Крайне скептически относился к неутомимому французу редактор “North American Review” Джаред Спаркс. Читать его книги – значит, разгребать «кучу шелухи в поисках зернышка пшеницы. Охотиться за мыслью или фактом в трудах аббата – что искать крупицы золота в песках Северной Каролины», – оба занятия крайне истощают[355]. Другой автор этого журнала, Калеб Кашинг назвал Прадта плодовитым «фантастическим спекулятором»[356].

Выдержки из наиболее важных глав («Может ли Испания вновь завоевать и сохранить Америку?», «О правах Европы в войне Испании против Америки») его трактата 1817 года публиковал “National Intelligencer”. Аббат верно указывал на невозможность сохранить власть Испании над столь обширной и далекой территорией, подчеркивал единство интересов американского континента. Уверенность автора вызвала, впрочем, и весьма гневные возражения читателей газеты[357].

Аббат де Прадт не был ни глубоким политическим мыслителем, ни провидцем. Но его bons mots способствовали развитию интереса к Латинской Америке среди либеральных единомышленников в Европе и до некоторой степени в США, среди космополитически настроенных интеллектуалов[358]. В 1817–1825 гг. постоянно выходившие трактаты аббата все время напоминали читающей публике о борьбе латиноамериканцев – в этом и заключается его настоящее значение. Наиболее важна работа «О колониях и о нынешней революции в Америке» (1817) – как, возможно, первое высказывание европейца в поддержку независимости Латинской Америки, сделанное после наполеоновских войн. По сути, аббат де Прадт был лишь одним из множества европейских авторов самого разного масштаба и политической направленности, которые в один голос предсказывали грядущее величие Нового Света и ослабление Старого[359].

Очевидно, основным источником знаний североамериканской

публики о революционных событиях в полушарии служили газеты. Кстати, как уже упоминалось, после разгрома Наполеона Латинская Америка на некоторое время стала единственным регионом в мире, откуда поступали военные вести. Купцы-корреспонденты сообщали самые разные сведения, поступавшие как из революционных, так и лояльных портов. Безусловно, разноголосица становилась особенно очевидной в разгар битв, тем более, что зачастую информация шла не напрямую, а через вест-индские острова. Налицо было противоречие между огромным интересом к Латинской Америке и неточностью, предвзятостью новостей.

Автор единственного монографического исследования взглядов прессы США на латиноамериканскую борьбу за независимость пришел к заключению, что газеты единодушно поддерживали революцию от ее начала до завершения[360]. В целом этот вывод верен, но не следует забывать и о деталях.

В 1815 – начале 1817 гг. дела революционеров обстояли плохо, так что им приходилось идти на откровенные фальсификации, чтобы войска не потеряли веру в победу. Бостонский “Columbian Centinel” обвинял южноамериканцев в бесстыдном вранье, сравнивая бюллетени Освободительной армии Венесуэлы с печально известными бюллетенями Наполеона. Высокопарные и часто откровенно недостоверные боливаровские листовки вызывали раздражение сдержанного пуританина Рассела, считавшего их «помпезную манеру» «в высшей степени отвратительной» и отмечавшего «позорные преувеличения»[361]. Регулярно отмечалось, что новости из Новой Гренады и Венесуэлы «противоречивы и ужасны», «в огромной степени преувеличены»[362].

Редактор газеты Рассел обычно публиковал рядом известия и комментарии с обеих сторон и сопоставлял их. Практически всегда получалось, что свидетельства роялистов достовернее. Значит, «через своих вест-индских друзей» «сторонники испанских патриотов… часто распространяют ложные и раздутые известия о событиях на южном континенте». Впрочем, при всей ограниченности информации редактору было ясно, что «дело Боливара становится безнадежным»[363].

«Официальная басня одного *дня* постоянно опровергает *официальный* отчет дня предыдущего», – писал Рассел, указывая на деятельность в Соединенных Штатах представителей обеих враждующих сторон. Опровергая «очередное вест-индское блюдо», газета разъясняла: «Публике следует знать, что революционные агенты действуют в Вест-Индии и Америке с единственной целью распространять ободряющие истории об успехе их дела, чтобы

обманывать и склонять на свою сторону неосведомленных и тем самым обеспечить поддержку деньгами и боеприпасами и сторонниками». Доставалось и газетчикам, которые готовы поддаться на «фабрикации». Редактор понимал, что и роялистские известия также «часто составлены из преувеличений и оправданий», но обычно отдавал им предпочтение[364].

Рассел не только публиковал роялистские реляции, но и был готов предоставить полосы соотечественникам-скептикам. Напоминая читателям о провале Миранды, один корреспондент утверждал, что Испании требуется «только открытая, либеральная политика и исправление злоупотреблений, вызванных невежеством, гордыней и жадностью офицеров, которые управляли колонией». Тогда Венесуэла вновь подчинится метрополии, так как «для революции она еще не созрела». «Свобода и Независимость, не поддержанные Добродетелью, Патриотизмом и Энергией, – ничто», отсюда угроза попасть под «старое ярмо». В Мексике, сообщал другой корреспондент, патриотизм заменен «эгоизмом, казнокрадством и предательством»[365].

Друзья латиноамериканской революции, например Торнтон, зорко следили за появлявшимися в печати роялистскими версиями и всегда были готовы выступить с опровержением[366]. “National Intelligencer” либо печатал бюллетени повстанцев, либо предпочитал не публиковать никаких новостей вообще. Но даже энтузиаст Иезекия Найлс порою был вынужден признать противоречивость известий[367].

Впрочем, когда Найлсу приходилось подтверждать печальные для революционеров новости, он всегда подчеркивал, что его вера в победный исход революции не поколеблена[368]. Время показало, что именно Найлс и подавляющее большинство редакторов вместе с ним оказались правы, а формально точный издатель “Columbian Centinel” ошибался в главном – дни Испании в Новом Свете были сочтены. Когда Боливар стал одерживать одну победу за другой, его сторонники, уже не лукавя душой, с чистой совестью просили «уверить друзей южноамериканской свободы в Соединенных Штатах, что в конечном успехе предприятия нет никаких сомнений»[369].

Не спеша с официальным признанием, с 1808 г. администрация США в своей латиноамериканской политике опиралась на донесения «особых агентов» (Special Agents). Их полномочия были весьма ограничены: способствовать налаживанию дружеских связей, следить за развитием ситуации в борющихся колониях. В 1817 г. первыми «особыми агентами» после окончания войны с Англией были назначены первый судья

территории Орлеан, пасынок Аарона Бэрра Джон Превост и молодой мэрилендский политик Уильям Уортингтон (1785–1856). Им предстояло работать в Ла-Плате, Чили, Перу.

Увы, агенты зачастую выходили за рамки своих инструкций. Так, Уортингтон опрометчиво подписал от своего имени договор с Ла-Платой, то есть с не признанным Соединенными Штатами государством. Узнав об этом, Монро был в ярости и приказал немедленно отозвать его[370]. Кстати, Уортингтон приходился родственником балтиморскому каперу Дэниелу Чэйтеру и по его предложению разработал для Соединенных Провинций Ла-Платы план организации военно-морского флота. Наконец, уже по собственной инициативе агент написал проект чилийской конституции, естественно, по федеративному образцу[371].

В начале 1818 г. с миссией в Венесуэлу направили Бэптиса Ирвайна – редактора нескольких радикально-республиканских газет (в то время – “New York Columbian”), ирландца по происхождению, начинавшего поденщиком у издателя “Aurora” Уильяма Дуэйна. Другой известный энтузиаст латиноамериканской революции Генри Брэкенридж в воспоминаниях назвал журналиста «либералом якобинской традиции». Издатели “National Intelligencer” замечали, что несчастье Ирвайна – в его темпераменте, «природном нетерпении», всегдашней готовности принять «облака за дым» или «дым за облака»[372].

Но лучше всего об Ирвайне написал Адамс: «Он один из тех людей, какими изобилует наше время, – фанатик свободы для всего рода человеческого – честный, но с умом всегда озлобленным (brain always in a snarl) – с образованием достаточным лишь для того, чтобы быть педантичным, и темпераментом, достаточным, лишь чтобы быть невежливым; [он] безжалостен в своих антипатиях, не знает меры в разочаровании – но при всем неустанно трудолюбив и упорен. По рождению он ирландец, и у него нет врожденных американских чувств. Следовательно, он, как и все европейские республиканцы, которых я знал, обычно думает о свободе, как даре (blessing), который надо обрести, и никогда – как о даре, с которым надо жить (to be enjoyed)»[373]. Увы, основа этой тонкой характеристики подходит слишком многим героям данного повествования.

Действительно, Ирвайну не удалось выполнить поручение властей и договориться с Боливаром о возмещении за два ограбленных венесуэльцами нейтральных судна с испанским товаром. Не лучше обстояли дела и у других представителей США. Например, Томас Хэлси был отозван после жалоб министра

иностранных дел Ла-Платы Грегорио Гарсиа де Тагле (1772–1845) на его связи с каперами Артигаса[374].

Наиболее известным среди «особых агентов» был Джоэль Робертс Пойнсет – яркий южнокаролинец, который провел молодость, изучая военное дело в Англии и путешествуя по Европе, в том числе по России (Александр I даже предлагал ему перейти на русскую службу). С 1810 по 1815 г. Пойнсет провел в Буэнос-Айресе и Чили, активно участвуя в местной политике[375]. Неудачи первого этапа освободительного движения оставили Пойнсета глубоко разочарованным. В Мексике, писал он Ричарду Рашу, революционеры «живут грабежом» и не пользуются поддержкой креольской элиты, в «Каракасе нет власти, а есть только военная сила, объединенная под командованием Боливара», а в Буэнос-Айресе не прекращается чехарда правительств[376].

У администрации не было в те годы достойного кадрового резерва для подобных назначений второго ряда, так что среди «особых агентов» были не дипломаты, а либо авантюристы, решавшие свои личные задачи (Хэлси), либо наивные идеалисты (Уортингтон), либо искатели славы и приключений (Пойнсет). В целом Монро и Адамс остались крайне разочарованы деятельностью «особых агентов», регулярно превышавших свои скромные полномочия[377]. Кстати, назначений в Латинскую Америку настойчиво добивались также Дуэйн и Торнтон[378]. Можно лишь предположить, что если бы их усилия увенчались успехом, эти пылкие энтузиасты без какого-либо дипломатического опыта также могли бы совершить целый ряд серьезных ошибок.

Неудачи «особых агентов» укрепляли уверенность администрации в правильности курса на законодательно закрепленный нейтралитет. Здесь их поддерживали многие представители деловых кругов, связанных с «перевозочной» торговлей. В наиболее ясной форме такие умеренные проправительственные взгляды выразил филадельфийский купец Джеймс Ярд. В своем памфлете он объявлял нейтралитет «единственно правильной политикой». Несмотря на все свое сочувствие и возвышенные слова о «духе революции», который сражается «не только против тирании, но и против невежества и суеверия», Ярд боялся войны с Испанией и полагал признание преждевременным. Наконец, автор считал, что освобождение испанских колоний будет выгодно в первую очередь Англии, а Соединенным Штатам из-за аграрной конкуренции принесет больше убытков, чем пользы[379].

Кстати, нейтральная торговля также была сопряжена с

серьезным риском. Купцы страдали не только от каперов, но и от официальных флотов – как Испании, так и стран Латинской Америки. Например, после взятия Картахены роялистами генерал Морильо не снимал флаг патриотов, заманив тем самым в порт семь североамериканских (два – из Балтимора) и четыре британских судна. Несколько моряков вскоре умерли в заключении[380]. Однако главным врагом купцов Соединенных Штатов стал командующий военно-морскими силами Чили в 1818–1822 гг. лорд Томас Кохрэйн (1775–1860). Ветеран наполеоновских войн, Кохрэйн в 1814 г. потерял титул по спорному обвинению в мошенничестве. В 1817 г. генерал Бернардо О'Хиггинс (1778–1842) пригласил Кохрэйна в Чили – и именно в Южной Америке в полной мере раскрылся морской талант шотландского аристократа, который начал умелую борьбу против лояльного Испании Перу. Следуя британской трактовке нейтрального судоходства, Кохрэйн регулярно конфисковывал груз североамериканских кораблей, владельцы которых стремились нажиться на торговле между враждующими Перу и Чили. Морское ведомство США пошло навстречу коммерсантам, направляя в Тихий океан на защиту торговых судов военные эскадры, которыми в разное время командовали Дэвид Портер, Джеймс Биддл (1783–1848), Айзек Халл (1773–1843), Чарльз Стюарт (1778–1869)[381].

Газета "Columbian Centinel" регулярно выступала с обвинениями в адрес Кохрэйна[382]. Настоящим ударом стал грабеж судна "Macedonian" с грузом по крайней мере на 120 тысяч долларов. Среди пайщиков были многие известные бостонские коммерсанты, в том числе богатейший купец Томас Хэндэсид Перкинс. Ненависть янки к Кохрэйну выразилась в одном тосте на празднике 4 июля в городке Бриджуотер, штат Коннектикут: «южноамериканского грабителя (free-booter) собственности янки» мечтали «повесить, как и московский Царь-колокол»[383]. Даже Найлс назвал действия чилийского адмирала «откровенным пиратством»[384]. Рассел обвинял Дуэйна в том, что тот стремится обелить Кохрэйна, любой ценой оскорбить администрацию и защитить поведение «испанских повстанцев Южной Америки»[385].

В общем, недаром, когда генерал О'Хиггинс объявил, по сути, «бумажную» блокаду всего чилийского побережья, "Columbian Centinel" опубликовал на первой полосе открытое письмо Адамсу, где анонимный автор обвинял южноамериканских революционеров во всех грехах и становился на сторону роялистов Лимы[386].

Весьма точная оценка общественного мнения Северной

Америки во второй половине 1810-х гг. принадлежит Брэкенриджу: «Хотя в Соединенных Штатах чувство в поддержку [латиноамериканских] патриотов почти всеобщее и, кажется, становится с каждым днем все искреннее, существуют, впрочем, и немногие сторонники холодного равнодушия, которые даже говорят о патриотах в тех же выражениях, в каких наши враги в ходе революционной войны привыкли говорить о нас. Патриотов зовут мятежниками, повстанцами (rebels, insurgents), а нам настойчиво советуют презирать их… Мы сочувствовали испанцам, когда в их страну беззаконно вторглась Франция, мы сочувствовали России, теперь мы сочувствуем Франции, но у нас не находится чувств для наших южных братьев»[387]. Итак, сочувствие не исключало серьезного скептицизма в отношении революции и не перерастало в реальную поддержку, если не считать каперства или нескольких попыток снарядить освободительные экспедиции. Речь о них пойдет в следующем разделе.

Борьба за помощь, признание и торговлю: латиноамериканцы в США

В Северной Америке с конца XVIII в. побывали почти все деятели борьбы Латинской Америки за независимость, начиная с Франсиско де Миранды и Симона Боливара. Гости видели в северном соседе пример для подражания, пытались получить поддержку победивших республиканцев. Задачей-минимум латиноамериканцев было заручиться гарантией беспрепятственной торговли с нейтральными Соединенными Штатами, обеспечить благоприятное общественное мнение, задачей-максимум – добиться признания независимости, а то и военной помощи северного соседа.

Как мы уже писали, особое место в истории ранних связей Латинской Америки с США занимают города Филадельфия и Балтимор. Филадельфия была крупнейшим торговым и культурным центром, притягивавшим просвещенных латиноамериканских радикалов еще на рубеже XVIII–XIX вв. Балтимор после англо-американской войны прославится деятельностью каперов на службе революционных правительств.

Именно в Филадельфии в 1794 г. уроженец Генуи и бывший кадисский купец Сантьяго Пулья (1760–1831) выпустил на деньги посланника революционной Франции гражданина Женэ свой памфлет «El desengano del hombre» («Людское разочарование»). Автор впервые использует радикальные взгляды Тома Пейна, чтобы обосновать необходимость революции в Латинской Америке, призывает к народному восстанию против Испании – «Да умрет Король, да здравствует Закон» (Muera el Rey, Viva el Ley). Этот весьма слабый памфлет не оказал сколько-нибудь значительного влияния на текущую политику, но вошел в историю как первый (одновременно со столь же бездейственным переводом Антонио Нариньо (1765–1823) французской Декларации прав и гражданина, вышедшим в Боготе тоже в 1794 г.) печатный призыв к свержению существующей власти в Латинской Америке[388].

Почти через 20 лет, в 1811 г. в Филадельфии венесуэлец Мануэль Гарсиа де Сена (1780–1816) выпустит переводы из произведений Пейна, особо подобранные, чтобы оправдать независимость своей родной страны, а также Декларацию независимости США, Статьи Конфедерации, федеральную Конституцию, конституции штатов[389].

Филадельфия, наряду с Лондоном, стала крупнейшим

издательским центром латиноамериканской революции. Ее типографии печатали сочинения Хосе Альвареса де Толедо (1779–1858), Мигеля Рамоса Аріспе (1775–1843), Хосе Сервандо Тересы и Мьера, Хуана Хермана Россио (1763–1821), Висенте Рокафуэрте (1783–1847), раннего Мануэля Видаурре (1773–1841), Хосе Марии Саласара, революционные поэмы Феликса Мехии (1776–1853), а также классические книги Лас Касаса, просветителей Беккарии, Руссо, Пейна, автора разоблачительной истории Инквизиции Хуана Антонио

Льоренте (1756–1823). Особый интерес вызывал республиканский опыт северного соседа – переиздавались Декларация независимости и Конституция, биография Вашингтона Дэвида Рамсея, Гарсиа де Сена выпустил свой перевод истории США Мак-Куллоха (1807 г.)[390]. Официальная поддержка Соединенными Штатами испанской власти на Кубе не мешала падре Феликсу Вареле (1788–1853) издавать в 1824–1826 гг. один из первых журналов немногочисленных кубинских революционеров «El Habanero»[391].

Наибольший вклад в пропаганду латиноамериканской революции в США внес знатный уроженец Испании, борец за свободу Новой Гренады и будущий первый посланник Великой Колумбии в США Мануэль Торрес[392]. Он оказался в Филадельфии в 1796 г., спасаясь от преследований после разгрома антииспанского заговора 1794 г., и прожил в этом городе всю оставшуюся жизнь. Обладая поначалу значительными средствами, он сперва широко, пусть, как правило, безуспешно, занялся коммерческими предприятиями, причем не только торгуя с родиной, но и, к примеру, производя алкоголь[393]. По сути же Торрес был полномочным агентом испаноамериканских революционеров в Соединенных Штатах. Он быстро сблизился со знаменитым редактором джефферсонианской газеты “Aurora” Уильямом Дуэйном. В этой дружбе как бы встретились два потока радикальной революционной («пейновской») иммиграции в Филадельфию – креольский и ирландский[394].

Новый виток борьбы за независимость Латинской Америки совпал с окончанием англо-американской войны 1812–1815 гг. Внимание североамериканцев обратилось теперь на юг, где как раз вновь разгорелась борьба за независимость испанских колоний. Интерес этот не был чисто идейным, ведь завершение наполеоновских войн означало потерю внешних рынков и кризис коммерции США: купцы потеряли главное преимущество – свой нейтральный статус, который обеспечивал выгодную «перевозочную» торговлю. Серьезный торговый дефицит сохранялся в США вплоть до 1820-х гг.[395]

Торрес грамотно использовал интерес США к новым рынкам. В 1816 г. он выпустил небольшое, но полезное пособие для купцов, торгующих с Испанской Америкой[396]. Его главная цель – убедить их в великом будущем освобожденных колоний. Расположенной между Азией, Европой и Соединенными Штатами, обладающей превосходными гаванями на обеих побережьях, Южной Америке предназначено, по мнению автора, стать «средоточием (common centre) торговли всего мира». В рекламе книги правдивость сведений Торреса заверяли братья Паттерсоны – директор монетного двора США и проректор (Vice Provost) Пенсильванского Университета[397].

Рынок Испанской Америки автор оценивает в 100 миллионов долларов ежегодно, причем в обмен на промышленные и сельскохозяйственные товары купцы получают драгоценные металлы, столь важные для торговли с Китаем и обеспечения собственного торгового дефицита.

В общем, рост коммерческого оборота сулит Соединенным Штатам и Испанской Америке «обоюдную безопасность и процветание»[398]. Книжку завершают почти 90 страниц таблиц мер, весов, курсов валют, пошлин.

Заметим, что и в Филадельфии Торрес, стремясь быть голосом всей Испанской Америки, оставался колумбийцем. Он объявил, что именно Новая Гранада и Венесуэла, а не более известная иностранцам Мексика (Новая Испания) «всегда будут занимать первое место среди различных частей Испанской Америки». Именно там, вблизи выгодных торговых путей (Торрес вновь объявил Андский регион центром мира), в самых разнообразных климатических условиях производятся все известные в мире сельскохозяйственные товары, а заодно добываются драгоценные металлы[399].

На те же преимущества торговли Соединенных Штатов с Южной Америкой обращал внимание и Пасос, который, настаивая на ключевой роли драгоценных металлов в экономике, спорил с самим Адамом Смитом и повторял устаревшие меркантилистские положения[400].

Латиноамериканцы упорно пытались добиться от Соединенных Штатов если не помощи, то хотя бы признания независимости. Еще Франсиско де Миранда посещал США в 1783–1784 и 1805–1806 гг., встречался с Вашингтоном, Гамильтоном, Пейном и Джефферсоном, дружил с посланником в Лондоне Руфусом Кингом (1755–1827) и организовал в Нью-Йорке освободительную экспедицию против Испании (судно “Leander”, 1806 г.), которая, правда, завершилась неудачей. В оформлении корабельных документов и вербовке добровольцев ключевую роль

сыграл старый товарищ Миранды полковник Уильям Стивенс Смит (1755–1816), зять Джона Адамса и инспектор Нью-Йоркского порта. За такое нарушение североамериканского нейтралитета Смит поплатился своим выгодным постом[401].

Первая дипломатическая миссия была отправлена Симоном Боливаром в 1810 г. – в ней состояли его брат Хуан Висенте (1781–1811) и Телесфоро де Ореа (1766–1837). Позднее располагавшееся в Картахене мятежное правительство представлял Мануэль Паласио Фахардо. Революционные эмиссары Буэнос-Айреса, Венесуэлы, Новой Гранады, Мексики, Кубы стремились заручиться поддержкой североамериканской республики, старались закупить боеприпасы и вооружения для войны с Испанией и использовать Соединенные Штаты как плацдарм для организации освободительных экспедиций[402].

После англо-американской войны первым латиноамериканским агентом в США стал будущий министр иностранных дел Великой Колумбии (а в конце жизни президент Венесуэлы) Педро Гуаль. Он прибыл в Филадельфию 20 августа 1815 г., откуда сразу направил письмо высокопоставленному сторонника «южных братьев» Уильяму Торнтону. Гуаль, видимо, поначалу остановился у уважаемого и обросшего связями Торреса. Одно время и Гуаль, и Висенте Пасос будут жить в Филадельфии у старого друга Торреса и Торнтона, знаменитого врача и устроителя званых вечеров Каспара Уистара, чей дом находился в нескольких минутах ходьбы от единственной в то время католической церкви св. Марии[403]. Через Торнтона и Торреса Гуаль познакомился с Джоэлем Пойнсетом, президентом Американского философского общества Пьером Дюпонсо (1760–1844) и другими известными и влиятельными людьми.

Зиму 1815–1816 гг. Гуаль провел в Вашингтоне, ставя задачу повернуть «общественное мнение в пользу Южной Америки»[404]. К тому времени дипломат уже знал, что роялисты восстановили контроль над Боготой и Картахеной, так что представлять ему было некого. Действительно, именно тогда положение повстанцев против Испании повсюду, кроме Ла-Платы, стало предельно тяжелым: Боливар оказался в изгнании, а войска Морильо захватывали один форпост за другим. Новый (и только в конечном итоге решающий) революционный подъем начнется в Венесуэле и Новой Гренаде лишь с середины 1816 г.

Церковь св. Марии в Филадельфии

Наперекор печальным фактам Гуаль убеждал Торнтона и других новых знакомых, что независимость Испанской Америки – дело решенное. Латиноамериканскому эмиссару удалось произвести благоприятное впечатление даже на исполнявшего обязанности государственного секретаря друга Торнтона Ричарда Раша. Немного позднее Боливар определит задачу Гуаля следующим образом: доказать, что Соединенным Штатам выгодно продавать сражающейся Венесуэле «оружие, боеприпасы, обмундирование»[405].

В Балтиморе Гуаль встретился с Иезекией Найлсом. В то тяжелое для революционеров время знаменитый журналист предоставил страницы своего издания Гуалю, где тот писал об успехах в Каракасе, Боготе, Картахене – известия, в общем, далекие от правды, но внушавшие надежду, которой суждено будет сбыться в недалеком будущем[406].

В те месяцы в Филадельфии и Балтиморе собралась «критическая масса» борцов против власти Испании: венесуэльцы Торрес, Гуаль, Мариано Монтилья (1782–1851), Хосе Рафаэль Ревенга (1786–1852), Телесфоро де Ореа, Хуан Херман Россио, мексиканец Мигель Сантамария (1789–1837); позднее, к лету 1817 г. к ним присоединятся Мануэль Морено (1782–1857) и Висенте Пасос из Буэнос-Айреса[407]. Первоначально эмигранты-революционеры строили планы атаковать мексиканский порт Тампико одновременно с Гаити (где тогда у президента Петиона жил Боливар) и из Нового Орлеана. Организатор экспедиции Хосе

Альварес де Толедо выступал с призывами помочь освобождению Мексики[408]. Этот «генерал мексиканской армии» должен был выступить в ноябре 1816 г.[409], но лишь в самый последний момент выяснилось, что он на самом деле являлся агентом Испании и готовился сдать всех участников. Один из каперов перехватил переписку авантюриста с генерал-капитаном Кубы, где последний, в частности, сообщал о своей просьбе к посланнику Испании в США Луису де Онису выплатить Толедо вознаграждение в две тысячи долларов[410].

Но параллельно в Соединенных Штатах готовилась и другая операция против испанских властей в Мексике. Ее проведение связано с именем Франсиско Хавьера Мины, племянника известного испанского генерала Франсиско Эспоса и Мины (1781–1836). Еще в Англии он познакомился с главой оппозиции лордом Холландом и другими сторонниками независимости Латинской Америки.

В Соединенные Штаты Мина прибыл летом 1817 г. уже с рекомендательными письмами от латиноамериканских энтузиастов, в частности, от находившегося тогда в Лондоне героя войны 1812–1815 гг. генерала Уинфилда Скотта (1786–1866)[411]. Экспедиция готовилась в Балтиморе, где купцы Деннис и Александр Смиты основали для ее финансирования особую Мексиканскую компанию, обеспечив судно «Каллипсо» вооружением, боеприпасами и деньгами. Сам Жозеф Бонапарт (1768–1844), живший тогда в Филадельфии, выдал Мине кредитное письмо для лондонских банков на 100 тысяч долларов. Декларации были отпечатаны Гуалем в Филадельфии, но в экспедицию завербовался и молодой типограф из Бостона, которому предстояло издавать полевые бюллетени[412]. Мину восторженно приветствовали газеты Балтимора и Филадельфии, видя в нем едва ли не спасителя свободы в Латинской Америке[413].

Увы, экспедиция с самого начала имела немного шансов на успех. На необъятных просторах северной Мексики власть метрополии еще была достаточно сильна, чтобы быстро разгромить небольшое и плохо готовое к тяготам тропического климата войско молодого Мины. В конце октября 1817 г. почти все бойцы были уничтожены в решающей схватке, а сам Мина попал в плен и был вскоре расстрелян. Главным врагом экспедиции оказалась, впрочем, не армия, а желтая лихорадка, выкосившая многих солдат и офицеров и, очевидно, подорвавшая моральный дух экспедиции[414].

Хосе Мигель Каррера

Газеты сперва полнились сведениями о блестящих успехах армии Мины, дошедшей якобы чуть ли не до Мехико[415]. Потом через Новый Орлеан пришло письмо об отступлении бойцов – но организованном «в лучшем порядке»[416]. Затем пришло внезапное отрезвление – “Baltimore Patriot” получил весть о поражении и пленении Мины[417]. Тем не менее балтиморские газеты явно не желали верить в поражение и гибель героя, покорившего сердца и кошельки горожан, и в крах всего начинания[418]. Даже окончательно признавая печальное известие не только о казни самого Мины, но и о гибели всей экспедиции, Найлс процитировал рядом корреспонденцию в “Aurora”, оставлявшую какие-то надежды[419].

В последний раз опровержение вести о гибели Мины

появилось уже в середине 1819 г.[420] А еще через год “National Intelligencer” опубликовал выдержки из вскоре изданной книги Уильяма Робинсона. Ее источником был дневник лондонца Джеймса Браша – одного из нескольких выживших участников экспедиции[421].

Другим латиноамериканским генералом, который стремился заручиться поддержкой США, был Хосе Мигель Каррера (1785–1821). Его связи с североамериканцами восходили к временам первой Чилийской республики (Patria Vieja) 1811–1814 гг. Прийдя к власти после переворота в ноябре 1811 г., Каррера с двумя братьями руководил тогда государственным строительством и составил первую конституцию республики. «Особый агент» США в Южной Америке, Джоэль Пойнсет подружился с молодым вождем и, выходя за границы своих инструкций, с энтузиазмом помогал ему руководить войском и страной[422]. Методы братьев Каррера вызвали недовольство многих республиканцев и привели к открытому выступлению О’Хиггинса, которого поддержал Хосе де Сан-Мартин (1778–1850). Раздоры ослабили революционеров, что помогло в 1814 г. испанским войскам отвоевать Чили.

Каррера прибыл в Соединенные Штаты в самом начале 1816 г. и сразу обратился к Пойнсету, который представил его коммодору Дэвиду Портеру и самому президенту Мэдисону[423]. Пойнсет сопровождал Карреру в Нью-Йорке и Филадельфии, вел переговоры с богатейшим человеком США Джоном Астором (1763–1848) и другими влиятельными деловыми людьми, в том числе в кругах наполеоновской эмиграции. Каррера встречался с Аароном Бэрром (1756–1836), губернатором Нью-Йорка Деуиттом Клинтоном (1769–1828) и его сторонником Тэрло Уидом (1797–1882), Эндрю Джексоном, Педро Гуалем. Встреча с председателем палаты представителей Генри Клеем, которому предстоит стать наиболее известным сторонником Латинской Америки в США, состоялась в его родном штате Кентукки[424].

Но наиболее удачным оказалось посещение Балтимора, где пропаганда Карреры нашла готовую почву. Довольно быстро ему удалось сплотить вокруг себя сильную группу сторонников. В итоге к числу «карреристов» принадлежали Пойнсет, Портер (живший в Вашингтоне, то есть недалеко от Балтимора), судья Теодорик Блэнд и его зять, Джон Скиннер. В Южной Америке Карреру поддержит уроженец Массачусетса, купец и авантюрист Гильермо (Уильям) Уайт (1770–1842), который сколотил состояние на каперстве и различных поставках для революционеров Венесуэлы, Ла-Платы и Чили[425].

Наконец, в Балтиморе Каррере помогали Мануэль Морено, Пасос и другие эмигранты, изгнанные дружественным О’Хиггинсу

правительством Ла-Платы[426]. Наибольшую помощь в снаряжении экспедиции окажут балтиморские богачи Джон Неттервиль Дарси (Netterville D'Arcy, ок. 1760–1834) и Генри (Анри) Дидье (Didier), а также судовладельцы и поставщики оружия и боеприпасов Марсена Монсон, Дюпон и другие. Они надеялись, что расходы окупятся сторицей выгодными контрактами после прихода Карреры к власти в Чили.

Уже вскоре после приезда опального чилийца полуофициальный "National Intelligencer" отмечал «честный, боевой и предприимчивый дух» братьев Каррера[427]. «Карреристы» умело поддерживали благожелательный настрой прессы. В их распоряжении были и собственные издания: Скиннер некоторое время публиковал "Maryland Censor", а с 1819 г. основал популярную газету "American Farmer". В журналистских кругах был известен и другой сторонник «партии» – Бэптис Ирвайн. В защиту Карреры выступал Портер и, возможно, сам Пойнсет[428].

Другим, пусть менее значимым вкладом в популярность Карреры стала вышедшая в 1816 г. книга Сэмюэля Бэрра Джонстона. Ее автор, профессиональный типограф, прибыл в Чили помогать печатать первую газету, затем служил в освободительной армии, попал в испанский плен и, вернувшись домой, остался пылким сторонником вождя Patria Vieja[429].

В декабре 1816 г. чилиец отплыл из Балтимора с завербованными шестьюдесятью добровольцами (по одному из свидетельств, среди них было девять офицеров)[430] на трех кораблях[431]. Когда он прибыл в Буэнос-Айрес в поисках солдат, корабли были конфискованы для нужд революционного правительства Ла-Платы, а самому Каррере пришлось искать убежища в Монтевидео у генерала Артигаса. Оттуда он писал злые письма Пойнсету, обвиняя верховного директора Ла-Платы Хуана Мартина де Пуэйрредона (1776–1850) во всех грехах и называя его режим «тиранией и абсолютным деспотизмом»[432]. Более 80-ти сторонников Карреры были арестованы, но затем отпущены на свободу[433]. Тем временем, в 1817 г. после победы при Чакабуко О'Хиггинсу и Сан-Мартину удалось восстановить Чилийскую республику. Выступившие против новой власти два брата Карреры были казнены.

Именно влиянием Хосе Мигеля Карреры и его сторонников-журналистов Скиннера и Ирвайна, а также Пасоса объясняется критика правительства Ла-Платы и его главы Пуэйрредона, а также Сан-Мартина и О'Хиггинса в прессе США в 1817–1818 гг. Газета Ирвайна превозносила борьбу Артигаса против пуэйрредоновской Ла-Платы и монархической Бразилии, а

Скиннер отстаивал в споре с “Richmond Enquirer” право уругвайского генерала выдавать каперские свидетельства[434]. Направленный с миссией в Венесуэлу, Ирвайн побывал в Буэнос-Айресе и Монтевидео, откуда слал гневные письма против Сан-Мартина, Пуйэйрредона и обращения самого Карреры властям Соединенных Штатов[435].

Корреспонденты утверждали, что «республиканизм никогда не будет процветать» в Буэнос-Айресе, винили в этом подозрение правительства к американцам и «господство английской фракции»[436]. Заметим, кстати, что в Чили оппозиционеров-«каррерист0в» часто называли «североамериканской партией»[437].

Тем временем Хосе Мигель Каррера замышлял свергнуть правительство Буэнос-Айреса, а затем перейти через Анды в Чили, чтобы там вернуться к власти, изгнав Сан-Мартина и О’Хиггинса. В Монтевидео он при негласной поддержке Артигаса наладил связи с федералистами Ла-Платы и в 1820 г. совместно с Карлосом де Альвеаром захватил власть в Буэнос-Айресе. Теперь ничего не мешало Каррере двинуться на Чили, но в пограничной Мендосе он был схвачен в плен и расстрелян.

Хотя впоследствии Каррера войдет в историю Чили как один из ее национальных героев и основателей государства, личные амбиции его клана вошли в противоречие с общим направлением освободительного движения[438]. Революционеры не могли забыть, как в 1813–1814 гг. необузданные амбиции братьев поставили Чили на грань пропасти. В англоязычной литературе эта точка зрения утвердилась в итоге под влиянием книг Паласио Фахардо, Генри Брэкенриджа, Марии Грэхем (1785–1842) и генерала Миллера[439].

Тем не менее, «каррери́стские» публикации продолжали появляться вплоть до самой гибели чилийского героя. Сожалея о казни братьев Карреры, балтиморский журналист назвал их «принципиальными республиканцами» и «одними из лучших друзей Соединенных Штатов во всей Южной Америке»[440]. За Карреру и против Сан-Мартина выступил и один из офицеров фрегата “Macedonian”[441]. Подобные взгляды разделял и один корреспондент из Буэнос-Айреса[442].

Нам известны судьбы некоторых из завербованных Каррерой солдат и матросов. Лейтенант Генри Кеннеди, ветеран англо-американской войны 1812–1815 гг., познакомился с Каррерой на филадельфийской военной верфи и перешел к нему на службу. После конфискации кораблей Карреры властями Буэнос-Айреса Кеннеди в чине капитана воевал в армиях Ла-Платы (в том числе на Восточном берегу) и Чили, в 1821 г.

был тяжело ранен, после чего полностью потерял зрение. Уже слепой, он был осужден военным трибуналом в Чили и несколько месяцев провел в тюрьме. Затем добрые люди помогли ему добраться до Вальпараисо, где его подобрал корабль военно-морского флота США “Franklin” под командованием коммодора Стюарта. Вернувшись в Нью-Йорк в июле 1822 г., инвалид, лишенный возможности самостоятельно зарабатывать, еще много лет безуспешно пытался получить компенсацию за службу от правительств Буэнос-Айреса и Чили[443]. Другой североамериканец, Дэвид Джуитт (1772–1842), предпочел после провала Карреры уехать из Буэнос-Айреса в Рио, где сделал блистательную морскую карьеру[444].

Когда до Соединенных Штатов дошла весть о смерти Карреры, его былые сторонники не поспешили забыть неудачника, как это сделали бы авантюристы наших дней. Пойнсет передал обширную статью для памятной публикации в новой газете Скиннера. «Карреристы» также хотели, чтобы Ирвайн написал биографию «храброго Карреры» и передали ему необходимые источники. Журналист, впрочем, отказался, так как к тому времени был завербован для участия в очередной «освободительной» авантюре в Карибском бассейне[445].

Предприятия Карреры и Мины не остались единственной попыткой организовать антииспанскую освободительную экспедицию с территории США. Другая идея была связана с захватом Флориды – проект, реализация которого прямо бы затронула экспансионистские интересы Соединенных Штатов. Северо-западная часть полуострова была постепенно оккупирована США в 1810–1813 гг. В сентябре 1810 г., воспользовавшись ослаблением испанской власти в ходе наполеоновских войн, североамериканские колонисты провозгласили в Батон-Руже республику и ходатайствовали о вступлении в союз. Эта территория указом Мэдисона войдет в состав территории Орлеан (с 1812 г. – штат Луизиана)[446].

В 1811–1812 гг. губернатор Орлеана Джеймс Уилкинсон (1757–1825) занял другую часть Западной Флориды с центром в городе Билокси, которая затем вошла в штат Миссисипи. В 1813 г. Уилкинсон захватил базу англичан (союзников Испании против Наполеона) в бухте Мобил.

В январе 1811 г. Конгресс принял закон об оккупации Восточной Флориды[447]. В 1814 г. генерал Джексон захватил Пенсаколу, но через несколько дней был вынужден ее оставить. Набеги криков и семинолов, сдерживать которых Испания обязалась по договору Пинкни 1795 г., по-прежнему страшили жителей Джорджии и Алабамы. Таким образом, очевидно, что

ситуация в Западном Флориде была прямо связана с безопасностью Нового Орлеана и южных штатов в целом[448]. Известный историк Томас Бейли удачно назвал Флориду «пистолетом, направленным прямо в рот Миссисипи»[449].

В начале 1817 г. из Англии в Филадельфию прибыл шотландский авантюрист Грегор Мак-Грегор (1786–1845), уже имевший опыт участия в боливаровских операциях. В феврале он обсуждал с Гуалем, Лино де Клементе (1767–1834), Россио идею захвата Флориды, которой предстояло бы стать плацдармом для освобождения всей Мексики[450]. Итак, если бы революционерам удалось бы изгнать из Флориды немногочисленные войска метрополии, сосредоточенные всего в трех фортах (Сан-Агустин, Сан-Маркос и Пенсакола), Испания бы лишилась важного козыря в переговорах с США[451]. Понимая это, 31 марта 1817 г. находившиеся в Филадельфии южноамериканские агенты уполномочили «генерала Мак-Грегора, бригадного генерала независимых американских армий Венесуэлы и Новой Гранады» на захват Флориды[452].

Мак-Грегор, впрочем, вел двойную игру По его просьбе, Торнтон передал своему другу, временно исполнявшему обязанности госсекретаря Рашу, следующее предложение: США не мешают Мак-Грегору захватить Флориду, которую он потом продаст североамериканцам за полтора миллиона долларов[453]. Реакции на такое предложение, правда, не последовало; впоследствии Монро выражал недовольство связями Торнтона с человеком сомнительной репутации[454].

Еще в Англии Мак-Грегору удалось увлечь за собой определенное число сторонников. В США он продолжал вербовку в Чарльстоне и Саванне. Найти наемников было нетрудно как в Англии, так и в Соединенных Штатах: моряки и каперы, оставшиеся без работы после наступления мира в 1815 г., были готовы ввязаться в авантюру. В операции Мак-Грегору помогал давно орудовавший на Карибах французский пират Луи Ори. Среди его людей были не только обездоленные ветераны, но и закоренелые пираты и искатели приключений, часть которых происходила с Гаити[455]. Подчеркнем, что и Мак-Грегор, и Ори действовали в конечном итоге самостоятельно, не имея формального приказа или комиссии от какого-либо из южноамериканских правительств. Филадельфийский документ, пусть и подписанный видными эмигрантами-революционерами, с юридической точки зрения был филькиной грамотой[456].

Позднее государственный секретарь Адамс точно определит, кто принимал участие в той экспедиции. Это были, с одной стороны, «некоторые наши граждане, введенные в заблуждение

патриотической окраской… ошибочно принявшие роман за реальную жизнь политической морали». Другие же просто хотели «спекулировать и грабить». В банде Мак-Грегора «самого разнородного состава» состояли «дикие и щедрые энтузиасты, контрабандисты, работорговцы, пираты и каперы». Участие Пасоса в авантюре Адамс объяснял «молодостью, неопытностью, пылающей любовью к Свободе и ревностным стремлением к военной славе»[457].

30 июня 1817 г. люди Мак-Грегора и Ори захватили принадлежавший тогда Испании остров Амелию близ северо-восточной оконечности Флориды и объявили о создании новой республики[458]. К тому времени Амелия успела обрести печальную известность как оплот контрабандной работорговли после ее запрета в 1808 г. Теперь остров должен был стать опорой для атаки на Флориду и перевалочным пунктом для кораблей латиноамериканских революционеров.

Мак-Грегор превратил это «государство» в форпост беззастенчивого пиратства. Главным инструментом власти стал призовой суд, где председательствовал сам Мак-Грегор, в изобилии выдававший каперские свидетельства. Он же отвечал за военную власть, передав гражданские дела в руки недавнего нью-йоркского шерифа Рагглса Хаббарда (1778–1817), который еще в США создал компанию для финансирования авантюры, и Джареда Ирвина (1768–1818), члена Палаты представителей от Пенсильвании в 1813–1817 гг. Затем после раскола между французами и англо-саксами (в раздорах англичане принимали сторону североамериканцев) Маг-Грегор со своим окружением покинул остров[459]. Не выдержав напряжения, Хаббард умер, и с октября всю власть захватил Ори[460]. В сентябре 1817 г. венесуэльский бриг “America Libre” привез пополнение – около 130 человек, среди которых были Гуаль и Пасос[461]. На острове работал типографский станок, печатавший прокламации на трех языках – испанском, французском и английском[462]. Пасос издавал газету “El Telegrafo de las Floridas”, ни один номер которой, видимо, не сохранился[463].

Сложно представить себе нечто более диковинное, чем эта островная «республика». В многонациональном и многорасовом мини-«государстве» наряду с беспринципным авантюристом Грегором МакГрегором и пиратом Луи Ори у вершины власти находились бывший чиновник Хаббард и политик Ирвин, а затем интеллектуалы Гуаль и Пасос. Среди 22 депутатов законодательного собрания Амелии был и полковник Джеймс Грант Форбс (1769–1826) – сын шотландского священника, брат гарвардского однокурсника Адамса Джона Муррея Форбса, тогда

консула в Копенгагене, а в 1820–1831 гг. – «особого агента», затем консула и посланника в Буэнос-Айресе[464]. На этом острове не было рабства (оно было запрещено основателями «республики»), но полным ходом шла нелегальная работорговля.

Несмотря на то, что события на острове затрудняли испаноамериканские переговоры о судьбе Флориды, новости о «республике Амелии» были сперва восприняты весьма благожелательно. Ее поддержали не только люди, прямо заинтересованные в успехе дела, или отдельные бескорыстные энтузиасты, готовые встать на защиту любой авантюры. Даже с рабовладельческого Юга, казалось бы, более всего заинтересованного в приобретении Флориды для США и распространении рабства, шли обнадеживающие вести о «лестной будущности» Амелии[465]. Только в августе чарльстонские газеты сообщили о «разочаровании» и «противоречивом характере» предприятия. Лишь осенью окончательно утвердилось мнение о провале замысла[466]. В «убогую схему» Амелийской республики продолжали верить только Торнтон (избравший псевдоним «Колумбиец») и Дуэйн[467].

С самого начала скептически смотрел на события во Флориде бостонский “Columbian Centinel” Узнав о планах атаки на Сан-Агустин, газета осудила такой *«наступательный патриотизм»* авантюриста Мак-Грегора, который к революционерам-креолам не имел никакого отношения[468].

Настоящую тревогу вызвал переход власти от Мак-Грегора к Ори с его гаитянцами. Не только южные, но и северные газеты опасались, что Амелия станет приютом беглых рабов из Джорджии[469]. Действительно, известно, что на севере Флориды укрывалось в те годы до 800 беглецов[470]. В Вашингтоне события на Амелии, естественно, вызвали нешуточное беспокойство. Его только усиливало существование второго подобного пиратского «государства», устроенного Жаном Лаффитом (1770-е – 1823?) на острове Гальвестон около техасского побережья. В итоге на заседании кабинета по инициативе президента Монро «республику» решили подавить[471]. Против нападения на Амелию выступал спикер Генри Клей, которому совсем скоро предстоит стать главным оппонентом латиноамериканского курса администрации[472].

23 декабря 1817 г. посланная Монро эскадра коммодора Дэвида Портера, не встретив сопротивления и не пролив ни капли крови, расправилась с пиратским гнездом[473]. Известно, что определенную разведывательную помощь правительству оказал Джон Скиннер[474]. Против действий властей выступил только Дуэйн[475].

Затем перед администрацией встал вопрос, отдавать ли Амелию Испании или оставить остров под контролем эскадры Портера. Надеясь на скорое приобретение всей Флориды, Монро поначалу настаивал на возвращении острова метрополии, но затем склонился к точке зрения государственного секретаря, считавшего продолжение оккупации козырем в переговорах с Испанией. Если государство не может управлять территорией, которая становится источником беспокойства для соседей, то «на время его юрисдикция неизбежно прекращается», – сказал президент в особом послании Конгрессу от 13 января 1818 г.[476]

После разгрома Амелии Висенте Пасос провозгласил себя представителем всей независимой Южной Америки и поехал в Вашингтон, чтобы в феврале 1818 г. представить президенту меморандум с претензиями Соединенным Штатам. Он называл Ори «капитаном флота Независимых государств Мексики и Новой Гранады, гражданским и военным губернатором Острова Амелии, главнокомандующим войсками, чья цель заключается в изгнании испанских властей из обеих Флорид» и требовал вывода войск США (как нейтральной державы) и возмещения убытков.

Пасос настаивал, что захват острова Амелии Мак-Грегором и Ори являлся законным нападением на вражескую территорию. Такая республика, подчеркивал автор, не стала бы опасным соседом Соединенных Штатов, потому нужды атаковать ее не было. Напротив: «Основание Амелии было школой, где патриотов бы учили подражать героическому поведению, которое эта нация [Соединенные Штаты] показала сорок лет назад». В ответ на упрек об используемых амелийцами средствах, Пасос напоминал, что, например, каперские свидетельства иностранцам выдавал и Франклин в Париже[477].

В ответ рассерженный Адамс составил для президента длинный комментарий к тексту, где указывал, что ни Пасос, ни другие эмиссары Южной Америки не имеют никаких юридических прав представлять кого-либо. Перечисляя доказанные факты грабежей судов, государственный секретарь делал вывод, что Амелия представляла собой не свободолюбивую республику, а разбойничий притон[478].

Естественно, Пасосу не удалось добиться от кабинета Монро извинений и компенсаций[479], зато он более чем удачно использовал свое пребывание в США, чтобы завязать отношения со сторонниками «южных братьев». Вскоре он издаст одно из своих основных сочинений – разобранные нами выше «Письма о Южной Америке».

Неудачами заканчивались и попытки других посланцев латиноамериканских революционеров – венесуэльца Лино де

Клементе и аргентинца Мануэля де Агирре (1763–1843) – убедить власти США в необходимости признать независимость их стран. На взгляд Адамса, все они не имели никаких юридических прав считать себя представителями какой-либо власти[480]. Защитнику амелийской авантюры Лино де Клементе было даже отказано в приеме.

Прибывший с комиссией от Пуэйрредона и О'Хиггинса Агирре был принят, но его долгие переговоры с государственным секретарем оказались совершенно бесплодны[481]. В августе Адамс подробно изложил позицию кабинета: «беспристрастный нейтралитет» и выжидание. Соединенные Штаты будут готовы признать независимость Ла-Платы, когда она действительно докажет свою зрелость, например, уладит отношения с Восточным берегом (Уругваем) и Парагваем, утверждал Адамс[482].

Впрочем, хотя за нарушение закона о нейтралитете 1817 г. Агирре пришлось провести три дня в нью-йоркской тюрьме, ему все же удалось купить и снарядить два фрегата для нужд революционеров[483]. Приехавший на смену Агирре упорный уроженец Коннектикута Дэвид Кертис Дефорест оказался, возможно, наиболее настойчивым (и надоедливым) просителем, но и ему не удалось пробить стену скепсиса Адамса[484]. Ситуация, однако, складывалась весьма напряженно: государственный секретарь даже получил письмо, где анонимный доброжелатель советовал ему не выходить на улицу и опасаться «южноамериканских эмиссаров»[485].

В своей аргументации латиноамериканские эмигранты последовательно подчеркивали единство политики Нового Света, развивали «идею Западного полушария». «Наши интересы, как американцев, все одинаковы. Мы смотрим на эту страну, еще не загрязненную интригами европейских кабинетов. Мы смотрим на вас как на братьев», – писал Гуаль Торнтону[486]. Борцы с европейскими метрополиями с готовностью ссылались на события Славной революции 1688 г., закрепившие в британской конституции право народа на восстание[487].

Возможно, наиболее ярким примером такого рода риторики служит протест Пасоса против подавления Амелии, эпиграфом к которому стоят цитаты из Декларации Независимости США. Именно Соединенные Штаты, пишет Пасос, «подготовили путь к освобождению (emancipation and liberty) Нового Света». Южная Америка, продолжал он, «разбила ярмо угнетателей», руководствуясь «примером и заповедями» северного соседа. Значит, конфликт из-за Амелии есть только лишь «несчастливое непонимание», «братские раздоры» (так сказать, заметим в

сторону, «спор славян между собою»). Недаром конституция островной «республики» во многом строилась на 70-м выпуске Федералиста[488].

Пытаясь защитить безрассудное предприятие и растопить сердца столичных политиков, посланник Амелии напоминал, что и «бессмертного Вашингтона» в годы войны за независимость звали «отчаянным повстанцем» и «мятежником»[489]. Не только Пасос винил североамериканцев в «самом жестоком равнодушии» к республиканским братьям. «Крайне жаль, что Соединенные Штаты смогли так легко забыть невзгоды собственной революции», – грустно замечал Гуаль[490].

Общее мнение выразил известный географ из Луизианы Уильям Дарби (1775–1854), участвовавший в подобном «флибустьерском» рейде на Техас в 1812–1813 гг. Критикуя «черную легенду» и недооценку испанского народа, он подчеркивал различие национальных традиций и естественные трудности межкультурного общения. «Прямое участие» граждан США в войне Испанской Америки за независимость не только бесполезно, но просто вредно для креолов. Дарби, однако, призывал оказывать «самую обычную (trivial) помощь» революционерам (сложно сказать, что точно он имел в виду – наверное, торговые поставки) и не возражал против службы сограждан в Латинской Америке в качестве военных советников и специалистов[491].

Комиссия Родни – Грэхема – Блэнда в Бразилии, Ла-Плате и Чили 1817-1818

Рост внимания североамериканцев к революциям в Западном полушарии не мог остаться незамеченным администрацией. Стремясь основать политику на более широком и беспристрастном материале, чем предвзятые донесения зачастую некомпетентных «особых агентов», президент Монро решил направить официальную комиссию, главной задачей которой было разведать на месте положение в Южной Америке, а в первую очередь – выяснить степень зрелости революционного правительства Буэнос-Айреса: именно в бывшем захолустном вицекоролевстве Рио-де-ла-Плата утвердился к тому времени наиболее прочный революционный режим Латинской Америки.

Наиболее подготовленным и способным знатоком Латинской Америки был в то время Джоэль Пойнсет. К нему и обратился первым делом Монро, но получил отказ – недавно избранный в законодательное собрание Южной Каролины, Пойнсет сослался на занятость политикой штата[492]. В итоге в комиссию были назначены известный делавэрский политик, генеральный атторней при Джефферсоне и Мэдисоне Сизер Родни (1772–1824), балтиморский судья Теодорик Блэнд и искушенный сотрудник государственного департамента Джон Грэхем (1774–1820).

Секретарем миссии стал Генри Брэкенридж, один из первых уроженцев Питтсбурга, некоторое время служивший окружным судьей в Луизиане. Именно там Брэкенридж заинтересовался иберийской культурой, изучил испанский язык, литературу и право[493]. Молодой юрист обладал незаурядными литературными способностями – он умел писать быстро и хорошо. Получив назначение в комиссию, Брэкенридж был полон надежд, предвкушая наступление самого важного периода своей жизни[494]. В ожидании отплытия он провел несколько месяцев в пустынном читальном зале Библиотеки Конгресса, штудируя всю доступную литературу по Латинской Америке.

Итогом работы стал изданный в октябре 1817 г. обширный памфлет – открытое письмо президенту Монро – в поддержку скорейшего признания независимости «южных братьев»[495]. Брэкенридж утверждает американскую исключительность (свободная Америка против Европы) и верит в единый «американский интерес». Он прямо объявляет «открытие Америки, независимость британских колоний и нынешнюю борьбу за независимость колоний Испании» «самыми

интересными событиями» тысячелетия. Полагая, что «принципы свободы» легче применить на американской (как северо-, так и южно-), а не европейской земле, автор одновременно стремится опровергнуть мнение о невозможности свободы за пределами англо-саксонского мира.

Автор спорит с «господствующей идеей, будто они [южноамериканцы] совершенно неспособны к самоуправлению», целиком погружены в «состояние предельного невежества и унижения (debasement)», лишены нравственности, «ленивы, непостоянны, ничего не стоят, но в то же время склонны к насилию, ревности, жестокости, состоят из разнородных каст, которые, вероятно, распадутся на отдельные фракции и, если оставить их наедине друг с другом, начнут кровопролитнейшие гражданские войны».

Прибегая к излюбленному приему защитников Латинской Америки, Брэкенридж вспоминает, как скептически смотрели иностранцы на усилия отцов-основателей США. Впрочем, напоминает он, освободительная война против Англии, тоже не проходила гладко, но как Соединенные Штаты преодолели внутренние разногласия (во что не верили враги республики), так, думал автор, преодолеют их и молодые страны Латинской Америки. Повествуя об успехах революционеров, он верно предсказал освобождение Перу войсками Сан-Мартина[496].

Признавая, что южноамериканцы хуже готовы к свободе, чем соотечественники автора в 1776 г., Брэкенридж замечает, что и они ближе к либеральному идеалу, чем любые европейцы, за исключением швейцарцев: «Американец всегда был свободным человеком; несмотря на тиранские меры, целью которых было задержать всеобщее процветание, он был свободен в силу самой природы его родной страны. Давайте не подражать эгоизму британцев, считающих себя единственным народом Вселенной, способным быть свободным. Давайте верить, что свобода бывает разная; Швейцария была свободной, Голландия была свободна, но каждая по-своему. Южная Америка тоже будет свободной, причем есть повод верить, что она будет столь же свободной, как и мы». Свобода, в отличие от рабства, не есть нечто исключительное, напротив, это естественное состояние человека. Более того, частью политической культуры самой Испании являлись не только деспотическая монархия, но и хунты (союзы), кабильдо (городские советы), наконец, конституция 1812 г.[497]

Брэкенридж переносит североамериканскую исключительность (наличие свободных земель, нехватка рабочих рук и относительное благосостояние народа, либеральное духовенство, наконец, относительное равенство) на весь

континент в целом. Во всей Америке, указывал автор, явно преувеличивая, нет ни знати, ни толпы, а значит – не будет и почвы для междоусобиц, гражданских неурядиц, для аристократической фронды или охлократического террора времен Французской революции. Автор надеется, что патриоты Испанской Америки воспользуются полезным опытом Соединенных Штатов, обращает внимание читателей на изданные в Филадельфии переводы сочинений революции 1776 года и конституций, федеральной и штатов[498].

Автор верит в скорый успех «пяти американских империй», особенно в том случае, если те «будут счастливо подражать мудрой политике Соединенных Штатов, открывая свободную торговлю со всеми нациями, принимая и терпя всех иностранцев; тогда их население скоро возрастет, а все ресурсы быстро пущены в дело». Промышленность, внутренние улучшения, предприимчивые иммигранты совершат подлинный переворот – и только тогда *«открытие Америки действительно завершится»* (курсив мой – А. И.). От такой перемены выиграет и Европа (в первую очередь Англия), но в первую очередь плодами успехов Латинской Америки воспользуется ближайший сосед – Соединенные Штаты. В отличие от многих современников, Брэкенридж не опасается конкуренции не только континентальной Европы, но и Англии; он не ревнив к ее влиянию, полагая, что места для торгового освоения континента хватит всем[499]. При этом он утверждал существование единого «американского интереса» против интереса европейского[500].

Вывод автора ясен – следует признать независимость (Брэкенридж смягчает выражения, говоря «установить официальные отношения») республик Ла-Платы и Чили, что, на взгляд автора, не является ни поводом к войне, ни нарушением суверенитета, но лишь увеличит международный престиж США. Именно Соединенным Штатам как государству более старому, населенному более однородным, активным и «в целом более просвещенным» народом, суждена роль «естественной главы Нового Света». Брэкенридж призывает Монро к более решительным действиям, тем более, что в стране царит политический мир: «Вашингтону была дана возможность добиться независимости одной половины Америки, я же искренне надеюсь, что Вам выпадет право признать независимость другой половины [континента]»[501].

Менее чем через две недели после публикации памфлета его конспект с выводами напечатал “National Intelligencer”. В своем комментарии редакторы, впрочем, постарались остудить пыл Брэкенриджа, заметив, что администрации все же не следует

торопиться с поспешными радикальными действиями[502].

Авторство памфлета было секретом Полишинеля. Его раскрыли в одобрительных рецензиях редактор “Richmond Enquirer” Томас Ритчи, а затем Найлс, а также связанная с Родни уилмингтонская газета “Delaware Watchman”[503]. В 1819 г. и сам Брэкенридж включил текст памфлета в приложение к своей двухтомной книге о миссии, тем самым ясно признав, чьему перу он принадлежал.

Сочинение Брэкенриджа ввело автора в круг сторонников «южных братьев». Коммодор Дэвид Портер был целиком согласен с выводами памфлета и пригласил Брэкенриджа в свое поместье под Вашингтоном. Чтение подготовительных материалов к памфлету укрепило, по собственному признанию коммодора, его энтузиазм в отношении Латинской Америки[504].

Ставя во главу угла «независимость Америки от Европы», Брэкенридж в своем сочинении приветствовал и автономию Бразилии, несмотря на ее монархический характер. Восстание 1817 г. на севере Бразилии, в Пернамбуку, он счел лишь сепаратистским мятежом, а не подлинным движением «патриотов» за освобождение всей страны[505]. Меньше чем через месяц в Филадельфии вышел критический ответ. Анонимный автор (им был агент революционеров Пернамбуку в США Антониу Гонсалвеш да Круш, [ок. 1775–1833]), обвиняя «континентальную систему Европы» и португальский дом Браганса, упрекал Брэкенриджа в том, что тот отнесся столь скептически к республиканскому движению в Пернамбуку. Он сравнивал восстание против Жуана VI (1816–1826) с восстанием римлян против Тарквиния Гордого, швейцарских кантонов – против Австрии, наконец, самих португальцев против власти испанских Габсбургов, и призывал помощь собратьев-республиканцев[506].

Памфлет Брэкенриджа получил широкий отклик не только в Соединенных Штатах, но и в Европе. Он был дважды перепечатан в Лондоне[507] и издан во Франции в переводе самого аббата де Прадта с чрезвычайно высокопарным предисловием, чем автор крайне гордился[508].

Одновременно с памфлетом Брэкенриджа свет увидела серия из семи писем за подписью «Лаутаро» (по имени героя арауканского народа, воевавшего против испанцев в XVI в.)[509]. Автором этих посвященных Генри Клею статей был уже упоминавшийся нами представитель одного из старейших и наиболее уважаемых мэрилендских семейств, почтмейстер Балтимора, редактор различных газет, пайщик каперских экспедиций и кредитор чилийца Карреры, зять судьи Блэнда Джон Скиннер[510]. Отстаивая примерно те же аргументы, что и

Брэкенридж (хотя и не столь талантливо), Скиннер выступал за признание независимости только Чили – страны, прославленной мягким климатом, храбростью арауканов[511], наконец, общества расово однородного. Он стремился доказать, что правительство Буэнос-Айреса расколото и нестабильно, а в Чили видел слабое звено испанской власти – прорвется оно, и метрополии вскоре придется покинуть все свои владения в Новом Свете. В отличие от не связанного обязательствами Брэкенриджа, Скиннер, отстаивая признание независимости Чили, преследовал в первую очередь личные корыстные цели, свой интерес в победе Карреры.

Письма Лаутаро также вызвали громкую реакцию в прессе. Против их тезисов выступил корреспондент под псевдонимом «Фокион». Он пугал читателей осложнениями с Испанией и Англией, разгулом каперства в случае преждевременного признания независимости «южных братьев»[512]. Некий «Янки» поддержал открытое признание и даже действенный «союз» с революционными правительствами, но критиковал каперство (может, он знал, кто скрывался за именем «Лаутаро» и чем он занимался) и говорил о необходимости соблюсти «строгий и беспристрастный нейтралитет». Неясно, впрочем, как «Янки» собирался сочетать нейтралитет с союзом[513]. Защищая латиноамериканцев, на первое письмо Фокиона (и на другие скептические статьи) быстро откликнулся корреспондент, подписавшийся «Колумбиец», – очевидно, уже знакомый нам Торнтон, неоднократно использовавший такой псевдоним[514].

Недавно Уильям Уикс, подробнейшим образом разбирая эти статьи, постарался показать, что за именем Фокион скрывался не кто иной, как сам Адамс. Думая, что их главный адресат – избиратели Юга, историк обвинил Адамса в лицемерии и политической интриге, направленной против Клея[515]. Но доказательство Уикса более чем шатко: оно основано лишь на уклончивом ответе Адамса португальскому посланнику Корреа да Серра, когда тот предположил авторство государственного секретаря[516]. На спорность тезиса Уикса указал Джеймс Льюис, высказав куда более убедительное предположение, что автором писем Фокиона был зять Монро Джордж Хэй (1765–1830)[517].

В целом общество поддержало президентскую идею южноамериканской комиссии. Среди ее противников был разве что эксцентричный бостонский ультрафедералист старой закалки Кристофер Гор (1758–1827), критиковавший внешнеполитические назначения без консультации с Конгрессом и боявшийся войны «с некоторыми из важнейших европейских держав»[518].

Тем временем отправка миссии задерживалась из-за болезни и смерти сына Сизера Родни. Раздосадованный событиями на

Амелии, назойливостью латиноамериканских эмиссаров, разгаром газетной полемики, президент провел несколько особых заседаний кабинета, спрашивая в том числе, следует ли признавать независимость Ла-Платы и стоит ли вообще посылать комиссионеров. В итоге было решено комиссию все же посылать, а вопрос о признании отложить до ее возвращения[519].

Воспользовавшись задержкой с отбытием, Брэкенридж успел опубликовать перевод речи верховного правителя Буэнос-Айреса Хуана Мартина де Пуэйрредона от 21 июля 1817 г. с комментарием, где доказывал, что этот политик – не «низкий тиран», а настоящий государственный муж[520]. Впрочем, уже в своем памфлете Брэкенридж встал на сторону Пуэйрредона, защищая в том числе и его поведение по отношению к Хосе Мигелю Каррере[521]. Хотя Брэкенридж лично встречался с Каррерой в США, он не стал «каррерист0м», подобно Пойнсету, Портеру, Блэнду, Скиннеру и Ирвайну, и, видимо, питал определенные подозрения в его адрес еще до поездки в Южную Америку[522].

Родни и Блэнд перед отплытием по поручению Монро дважды встретились с представителем Ла-Платы в США Мануэлем де Агирре, стремившемся добиться признания своей страны. Дипломаты отмечали решительную благосклонность общественного мнения США к борьбе Латинской Америки за независимость, что в итоге отразилось в идее президента направить комиссию. Одновременно они подчеркивали «честный нейтралитет» Соединенных Штатов, нежелание становиться на ту или иную сторону – и возможность торговать со всеми участниками конфликта[523].

Принимая предложение стать секретарем миссии, Брэкенридж превозносил Блэнда, утверждал, что хорошо его знает и что трудно найти более подходящего кандидата для поездки[524]. Вскоре ему предстоит разочароваться в балтиморском судье, которого вели в Южную Америку собственные финансовые интересы. С самого начала Блэнд будет держаться особняком, давая более чем реальные поводы подозревать его в каких-то тайных намерениях. И действительно: Блэнд добился участия в миссии, в первую очередь, чтобы лично встретиться с Каррерой и вернуть четыре тысячи долларов (две тысячи долларов, выданные под 100 % годовых!), которые тот был должен его зятю Скиннеру[525].

В этом и заключалась главная интрига Блэнда – убедить администрацию, что его одного необходимо отправить в Чили, так сказать, продлить миссию, но не тратить на это слишком много денег. Он писал Монро: «Чили само по себе кажется мне

более важным, чем Буэнос-Айрес и Перу». Кстати, Блэнд предлагал президенту назначить секретарем миссии Бэптиса Ирвайна, служившего «карреристам» журналистским рупором[526].

Пропаганда Блэнда, Скиннера и Ирвайна оказала влияние даже на чрезвычайно осторожную бостонскую газету, которая сообщала, что во всей Испанской Америке только в Чили провозглашены и исполняются «подлинные североамериканские революционные принципы». Именно чилийские граждане «склонны к либеральной конституции и патриотизму», тогда как в других странах царят амбиции и жадность[527].

В сложившейся обстановке Брэкенридж встанет на сторону Родни. Осторожный и опытный дипломат Грэхем старался остаться в стороне от раздоров и вообще принимать поменьше участия в работе комиссии.

В самом конце января 1818 г. комиссионеры достигли Рио-де-Жанейро. В Бразилии, где в то время размещался двор Португальской империи, им предстояло провести менее двух недель[528]. Посланник Соединенных Штатов Томас Самтер (1768–1840) симпатизировал Пуэйрредону и другим вождям Ла-Платы, но считал признание (и даже саму комиссию) преждевременной[529].

Отношение Брэкенриджа (и, видимо, других членов комиссии) к Бразилии было непростым – в нем сочетались восхищение перед американской молодостью и масштабом страны и обязательное для настоящего янки недоверие к монархии. Он пишет о недооценке страны в старой литературе, процветании Рио (с чьей гаванью может сравниться лишь Нью-Йорк), здоровье народа, высокой рождаемости, благотворном климате, отсутствии расистских предрассудков, росте коммерческого оборота, в том числе с Соединенными Штатами, хвалит свободу торговли и иммиграции, предвидит рост населения и освоение новых земель[530]. Ведь сравнивать показатели юной Америки и старой Европы – то же, что сравнивать «младенца-гиганта» и «взрослого карлика». Хотя автор не размышляет о возможном отделении Бразилии от Португалии, он рассматривает ее будущее как самостоятельной страны («империи»). Брэкенридж видел в Бразилии «тело и сердце Южной Америки» и сравнивал страну с Китаем, Россией и Соединенными Штатами, предвидел в ней «великую морскую державу» и соперника США.

Хотя комиссионеры пробыли в Рио совсем недолго, они успели посетить пышную церемонию возложения на сына Жуана VI дона Педру традиционного титула принца Бразилии. «Такой

была первая коронация в Америке – будет ли она последней?» – риторически восклицал Брэкенридж[531]. Личное уважение к способному (по словам Самтера) королю и хорошее впечатление от аудиенции не могли изгладить республиканское презрение автора к монархии[532].

Именно монархизм объясняет, по мнению Брэкенриджа, отсутствие политической жизни (а следовательно – «деспотизм» правительства), «самое низкое состояние политической деградации народа», отсутствие того, что мы сегодня назвали бы гражданским обществом (public), слабое развитие печатного дела да и других искусств и ремесел. В конечном итоге, правда, автор даже не возражал против монархии, ведь будь Бразилия республикой, она стала бы еще более серьезным конкурентом США: «Короли медленно воспринимают прогресс (improvements) своей эпохи, их почти так же трудно цивилизовать, как наших североамериканских индейцев». Он советует развивать дружеские отношения с «этой растущей империей. Пусть делают, что хотят, со своим монархическим правлением; мы не ищем прозелитов республиканизма; достаточно знать, что наши собственные институты наиболее совершенны; у других есть то же право на такое же мнение и такое правительство, какое им лучше подходит»[533].

Затем комиссионеры направились в разоренный войной Монтевидео, где их ждали встречи не только с вождем местных патриотов Артигасом, но и португальским генералом Карлушем Фредерику Лекором (1764–1836), а также опальным чилийцем Каррерой и его другом Гильермо (Уильямом) Уайтом. Лекор плохо отзывался и о неуравновешенном режиме Ла-Платы, и о «свирепом дикаре» Артигасе, и о Каррере с его «смертельной враждой к правительству Буэнос-Айреса» и даже тамошнему народу[534].

Именно в Южной Америке Брэкенридж (и, видимо, Родни) окончательно потерял доверие в Каррере. Разочарованный военный вождь виделся секретарю миссии «скорее Кориоланом, чем Фемистоклом». Такое мнение сложилось у него не только на основании личного впечатления, но и по прочтении разбиравшегося нами «Очерка революций в Южной Америке» Паласио Фахардо, который был опубликован как раз в 1817 г.

В беседах с комиссионерами Каррера говорил об отчаянном положении революционеров, обреченности Буэнос-Айреса, а своих политических противников – Пуэйрредона, О'Хиггинса, Сан-Мартина – назвал «кучкой мерзавцев» (a pack of scoundrels). Брэкенридж разгадал, что многие статьи против революционных вождей Латинской Америки в прессе США исходят именно из

круга сторонников Карреры[535].

Каррера даже хотел, чтобы комиссионеры предъявили правительству Буэнос-Айреса свой собственный иск к нему на сумму долга Скиннеру. Родни отказался вовлечь официальных представителей США в подобные склоки, но Блэнд решил оказать Каррере эту услугу как частное лицо[536]. В Буэнос-Айресе Блэнд предъявит иск кабинету, но деньги ему вернуть не удастся[537].

После шести насыщенных дней в Монтевидео корабль отплыл в Буэнос-Айрес – главное место назначения. Брэкенридж сразу полюбил республиканскую столицу, которая напомнила ему Новый Орлеан. Увидев Буэнос-Айрес, *«прославленный престол свободы и независимости юга»,* публицист восклицал: «… им суждено разорвать цепи рабства, невежества и суеверий на юге так же, как мы сделали это на севере»[538]. Одним словом, он чувствовал себя как дома на «земле свободы». Впечатления секретаря миссии разделял и ее врач, известный биолог Уильям Болдуин (1779–1819), заключавший в письме другу: «Между гражданами (members) *Республик* существует, как только что заметил мистер Брэкенридж, союз чувств и интересов, который подданные деспотизма никогда не могут ощутить – даже по отношению друг к другу»[539].

В начале марта 1818 г. комиссионеры провели переговоры с революционным руководством Ла-Платы – верховным директором Пуэйрредоном и министром иностранных дел Гарсиа де Тагле. Родни и Грэхем сразу заявили о «самом дружелюбном расположении народа Соединенных Штатов» к революционерам Латинской Америки.

Грэхем заметил, что именно от отчета комиссионеров зависит признание независимости Ла-Платы. Это обстоятельство прекрасно понимали революционные власти. Принимая комиссионеров, Пуэйрредон говорил о восторге местных жителей перед США и единстве целей двух стран. Он подчеркивал, что оба государства «населяют одну часть света» (portion of the globe), что пример Соединенных Штатов окажется спасительным для Буэнос-Айреса. Впрочем, Пуэйрредон вынужден был признать, что его народ еще только находится в становлении *(We are a people who are but just beginning to be).*

Родни последовательно использовал ту же риторику республиканского единства Нового Света, что и Пуэйрредон, подчеркивая «общность дела», единство континента, «тот же дух свободы» Соединенных Штатов и Ла-Платы. Но единственным материальным выражением этой общности была трактовка администрацией США борьбы Испанской Америки за независимость как войны гражданской (где равны обе стороны), а

не как мятежа или восстания (insurrection or rebellion); следовательно, несмотря на «строгий нейтралитет», корабли Ла-Платы принимались в портах США на тех же основаниях, что и испанские. Заметив, что послы Соединенных Штатов в Европе делают все, чтобы обеспечить благосклонность иностранных государств к Испанской Америке, Грэхем ясно выразил умеренные взгляды администрации: помощь может быть оказана только «влиянием и примером».

Стремясь произвести наиболее благоприятное впечатление, Пуэйрредон приказал приставить к комиссионерам почетную стражу, что к его удивлению вызвало недовольство комиссионеров – они понимали, что подобные почести не будут оказаны агентам Ла-Платы в США, а значит, от них следует отказаться.

В конце переговоров обсуждался и вопрос, осложнявший репутацию молодой республики в мире, – грабежи каперами Ла-Платы нейтральных судов. Гарсиа де Тагле отвечал, что правительство принимает все усилия, чтобы исправить положение, и даже направило боевой корабль проверять грузы судов под собственным флагом[540].

В Буэнос-Айресе действия комиссии вызвали некоторое разочарование. Революционное руководство надеялось, что комиссия приехала с известиями о скором признании, а услышало лишь общие слова о сочувствии. Напоследок горожане решили показать, что значит подлинно южное гостеприимство, устроив в честь комиссионеров роскошный бал (присутствовало около 200 дам). Зала была с явным намеком декорирована флагами Соединенных Штатов и Ла-Платы, а оркестр играл «марш Вашингтона»[541].

В конце апреля комиссия покинула Буэнос-Айрес. Все ее участники, кроме Блэнда, отправились домой. Последний же, как и замышлял, поехал в Чили, описав перед тем в письме президенту свое впечатление о неустойчивости положения в Ла-Плате[542]. Впоследствии Родни говорил Адамсу, что тот покинул комиссию без его согласия, Грэхем же возражал: по его словам, Родни действительно сперва считал поездку ненужной, но потом все же согласился с планом Блэнда. К тому времени отношения между дипломатами стали крайне напряженными[543]. В Чили балтиморский судья встретился с О'Хиггинсом и другими политиками и убедился, что Каррера не пользуется среди них никакой поддержкой, что его «партию» боятся «столь же, или даже больше, чем роялистов»[544].

Действия комиссии привлекли широкое внимание североамериканских газет. Родни анонимно слал свои

оптимистичные корреспонденции в “Delaware Watchman”. Политик опасался только того, что инициативу в делах «южных братьев» перехватит Англия, ведь все остальные «цивилизованные нации», «не исключая, увы, Соединенные Штаты», «преступно невнимательны» и «чрезвычайно невежественны в любых материях, относящихся к Америке»[545]. Он признавался, как преодолел собственные предрассудки по отношению к испанской культуре и католической церкви, хвалил освобождение рабов и другие мероприятия революционных правительств[546].

Филадельфийская “Franklin Gazette” даже утверждала, что комиссионеры, возможно, получили инструкции заключить с Буэнос-Айресом наступательный и оборонительный союз против возможных атак Европы «на свободы Нового Света», и одобряла подобный шаг. Заметка “Franklin Gazette” попала в нью-йоркское издание Ирвайна “Columbian”[547]. Странно, но та же газета допустила странную оплошность, перепечатав также крайне благоприятную статью о Ла-Плате из враждебного «карреристам» “Delaware Watchman”, автором которой, видимо, был сам Родни. В ней подчеркивались внимание граждан Буэнос-Айреса к образованию, переводам североамериканской республиканской классики и их уважение к политическому опыту Соединенных Штатов[548].

Вся комиссия, включая находившегося в Чили Блэнда, вернулась в Соединенные Штаты в июле 1818 г. Общественное мнение было в целом готово к весьма благоприятным итогам дипломатического путешествия. Сообщая о прибытии Родни и Грэхема, норфолкские газеты указывали, что и тот, и другой считают правительство Буэнос-Айреса настолько устойчивым, насколько это вообще возможно в эпоху революции[549]. “Delaware Watchman” даже считал признание Буэнос-Айреса, Чили и Венесуэлы неизбежным[550].

На самом деле единодушия между комиссионерами не было, так что составление единого отчета стало невозможным. Грэхем отказался подписать весь текст Родни и составил свой дополнительный небольшой отчет, куда более пессимистический. Но наиболее мрачно смотрел на перспективы Буэнос-Айреса Блэнд. Задачей его отчета было привлечь внимание кабинета к Чили, соответственно он не жалел черных красок, рисуя положение в Ла-Плате, чтобы на таком фоне преимущества тихоокеанской страны выступили еще ярче. В итоге в первых числах ноября 1818 г. на стол государственного секретаря поступил не один, а целых три доклада[551].

Газеты поддерживали своих фаворитов. Так, “Delaware Watchman”, а вслед за ним “Niles’ Weekly Register”, счел текст

Грэхема, «хотя и хорошо написанным», но «более спекулятивным, нежели практическим по стилю, содержащим больше размышлений, чем фактов, а следовательно, менее насыщенным интересными сведениями, чем отчет Родни; он также не несет той печати исследований и наблюдений, которая заметна в последнем»[552].

Стремясь опереться на более широкий круг мнений, Адамс попросил также изложить взгляды на положение «южных братьев» южно-каролинца Джоэля Пойнсета, которого до публикации книги Брэкенриджа смело можно было называть главным знатоком Латинской Америки. Личный друг и советник Карреры, разочарованный неудачами государственного строительства в Чили в начале 1810-х гг., Пойнсет в значительной мере потерял свой первоначальный энтузиазм и считал признание Ла-Платы преждевременным, а перспективы республиканизма в Испанской Америке весьма туманными[553].

Родни и Брэкенридж, подтверждая присланные Адамсу сведения из Балтимора, обвиняли Блэнда в связях с каперами Скиннера и в лоббировании им интересов каррериcтской партии, но Грэхем уверял государственного секретаря в честности комиссионера. В конце ноября 1818 г. Роберт Уолш говорил с Адамсом о «беспринципной жажде популярности» судьи Блэнда, который, как утверждал журналист, едва избежал разоблачения в каперстве на стороне Артигаса[554]. Увы, как мы уже видели, до поры до времени Адамс с редкой для себя недальновидностью не верил в нечистоплотность балтиморского судьи.

В целом результаты миссии убедили Монро и Адамса, что признавать независимость государств Латинской Америки преждевременно. На заседании кабинета государственный секретарь выступил против признания Буэнос-Айреса, прислушавшись к мнению Блэнда, Пойнсета и Грэхема, а не Родни – Брэкенриджа[555]. С позицией кабинета был согласен и бывший президент Мэдисон[556].

В определенной степени такой исход миссии был связан с активной деятельностью Блэнда, которому было выгодно скорейшее признание

Чили, а не Буэнос-Айреса, хотя именно Буэнос-Айрес более других восставших колоний соответствовал критериям суверенного государства[557]. Впрочем, вряд ли Монро и Адамс решились бы на признание испанских колоний в самом конце 1818 г., когда сулившие территорильные приобретения переговоры с испанским посланником Луисом де Онисом находились в самом разгаре.

Амбициозный Брэкенридж остался недоволен экспедицией, ее

участниками – «ленивым» Грэхемом, нечестным Блэндом, даже Родни – «хорошим человеком, но совершенным ребенком»[558]. От него как всего лишь секретаря, а не участника комиссии никакого собственного отчета не требовалось. Но именно Брэкенридж написал по итогам путешествия солидный двухтомник – настоящий кладезь сведений по Бразилии, Восточному берегу (Уругваю) и Ла-Плате и одновременно гимн революционерам Испанской Америки. Книга была тепло принята публикой, ожидавшей выхода труда еще с августа 1818 г.: обширные статьи автора, которые потом в переработанном виде вошли в итоговый текст книги, публиковались в лучших газетах страны уже вскоре после возвращения миссии[559].

В прессу попало и письмо другого члена экспедиции, врача Уильяма Болдуина, где тот крайне высоко оценивал «таланты, трудолюбие и прекрасное знание испанского языка» Брэкенриджа, его «верные взгляды на южноамериканцев». Болдуин заранее рекомендовал книгу о миссии, которую, как он справедливо полагал, Брэкенридж собирался вскоре издать[560].

Эта книга, на которую мы обильно ссылались выше, была основана не только на личных наблюдениях, но и на широком круге испаноязычных источников. Энергичный представитель молодой нации, Брэкенридж был готов с равной легкостью обсуждать любые темы, от персиковой водки (brandy) до высот политической философии. Борнхольдт верно называет его первым латиноамериканистом США: «Генри Брэкенридж был, возможно, наиболее известным из всех пропагандистов испаноамериканского дела как в Соединенных Штатах, так и в Европе. По качеству своих литературных трудов и по размаху аудитории он превзошел Скиннера, Ирвайна и Портера, Найлса, Клея, Дуэйна и даже аббата де Прадта»[561]. Брэкенридж, конечно, не был самым известным сторонником Латинской Америки, но точно принадлежал к числу наиболее осведомленных энтузиастов.

Именно Брэкенридж наиболее последовательно использовал прием сопоставления двух атлантических революций, который разбирался нами выше. Например, он признает, что пресса Буэнос-Айреса в первые годы независимости была еще «лишь сравнительно свободна», но и пресса Соединенных Штатов времен революции также воздерживалась от критики правительства. Сочинение иезуита из Ла-Платы Франсиско Итурри (1738–1822) «в оправдание Америки и американцев» (1798) автор рассматривает как продолжение «Записок о штате Виргиния» Джефферсона. Он напоминает о потрясении, которое испытали британские колонисты после первых выступлений

Томаса Пейна и Патрика Генри[562].

Брэкенридж указывает, что и федералисты, и централисты Буэнос-Айреса активно ссылаются на североамериканский пример, пусть не всегда грамотно понимая принципы политического устройства Соединенных Штатов, что они стараются усвоить урок Революции 1776 года. С радостью он видел в литературе патриотов Ла-Платы переводы Декларации независимости, федеральной Конституции и других основополагающих документов, Франклина, Пейна, «Федералиста», цитаты из текстов Джона Адамса в защиту Конституции, из пятитомной биографии Вашингтона (1805–1807) Джона Маршалла (1755–1835)[563].

Автор рисует картину становления из революционного процесса единого общественного пространства (пользуясь термином Юргена Хабермаса) Испанской Америки. Он вдохновенно пишет о создании «национального духа» и общественного мнения из новостей о победах и поражениях, об осознании единства интересов, росте образования, превращении подданных в политически ангажированных граждан. Так через национальные песни, газеты и складывается республиканский *«общий набор идей» (common stock of ideas)*[564].

В книге утверждается, что солдаты и офицеры армии Ла-Платы материально обеспечены не хуже, чем в США, следовательно, ее обороноспособность находится на необходимом уровне. В общем, история революции Буэнос-Айреса сделала бы честь любой стране и создает «высокое мнение о силах [народа] и способностях вождей»[565].

Впрочем, настойчиво декларировавший равенство национальных культур Брэкенридж все же считал Соединенные Штаты высшим проявлением общественного прогресса и республиканизма. Верный наследник пуритан и отцов-основателей, он твердо верил в исключительность США. «Мы суть самый разумный народ среди ныне живущих», – замечает путешественник мимоходом. А ближе к концу второго тома следует гордое заявление: «Такая Америка, как наша, – только одна» (There is but one America like ours)[566].

С критикой труда выступил Бэптис Ирвайн. Пропагандист партии «карреристов», теперь, после поражения кумира, он подчеркивал неготовность латиноамериканцев к независимости и слабость их вождей. Очевидно, что главной целью Ирвайна было уязвить Брэкенриджа, открыто выступившего против сторонников чилийского политика в США[567].

Между тем, конфликт между комиссионерами не был завершен. Когда в конце 1818 г. Брэкенридж баллотировался в

законодательное собрание Мэриленда, многие газеты с подачи «карреристов» обвиняли его в некомпетентности, предвзятости и даже плохом знании испанского. Слухи такого рода не прекратились и после успешного избрания Брэкенриджа, так что уже весной 1820 г. ему пришлось просить личного секретаря Родни опровергнуть клевету[568].

После публикации книги Брэкенридж продолжал агитировать за «южных братьев». В обширной докладной записке президенту в связи с революцией в Испании он подчеркивал экономические выгоды, которые Соединенные Штаты могут извлечь из независимости Латинской Америки, особенно Мексики. Освобождение этих земель от «привилегий и монополий» должно, по мысли автора, нести внушительные выгоды североамериканским торговцам[569].

Трудолюбие Брэкенриджа и его упорство в защите испаноамериканских революционеров составили ему, наконец, определенное имя, и он добился правительственной должности, став алькальдом (градоначальником) Пенсаколы во Флориде, окончательно вошедшей в состав Соединенных Штатов в 1821 г. Заметим, что в 1840-е гг. вернувшийся в родную западную Пенсильванию былой апологет всеамериканского единства выступал, в отличие от большинства вигов, за войну с Мексикой.

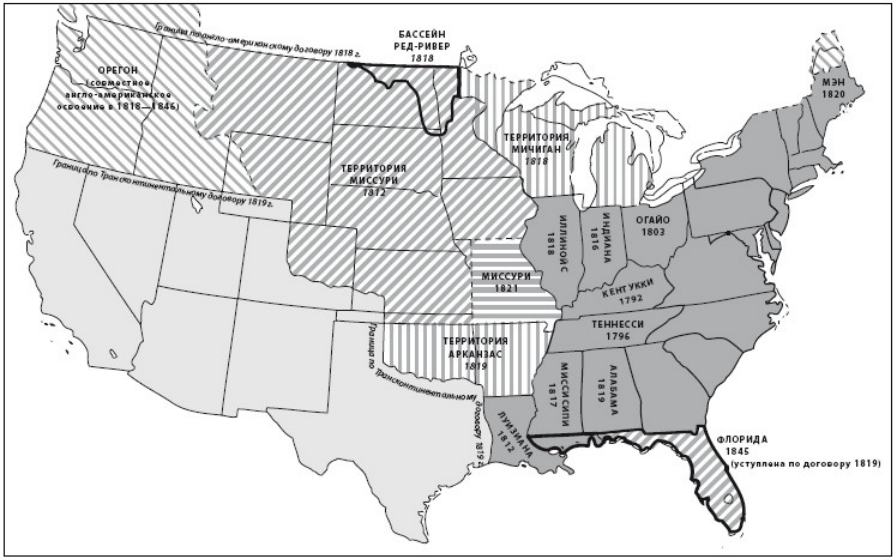
Комиссия 1817–1818 гг. стала первой попыткой властей США выстроить системную латиноамериканскую политику на основании обширного объема фактов. Высказанный ее секретарем Брэкенриджем план союза государств Западного полушария под эгидой США найдет вскоре развитие во внешнеполитической части «Американской системы» Генри Клея. В ходе переговоров к риторике единства Нового Света прибегали обе стороны – и комиссионеры, и революционные власти Буэнос-Айреса.

Генри Клей и оппозиция дипломатии Адамса – Монро в конгрессе 1818-1822

Главным оппонентом официального внешнеполитического курса Монро – Адамса выступил председатель палаты представителей Генри Клей. Его интерес к Латинской Америке восходит еще ко времени участия во фракции «военных ястребов» перед войной 1812–1815 гг. Постепенно Клей стал восприниматься в общественном мнении как главный сторонник испаноамериканских повстанцев; именно ему посвящали свои сочинения Висенте Пасос, Джон Скиннер (Лаутаро), автор анонимного памфлета 1818 г.

Клей не знал испанского языка и ни разу не был ни в Испании, ни в ее колониях, однако, как видно из его речей и переписки, был знаком с основной литературой по Латинской Америке, выходившей в то время (в первую очередь с трудами Франсуа Депона и Александра Гумбольдта). Клей находился в более или менее интенсивной переписке со многими сторонниками независимости Южной Америки в Соединенных Штатах – Уильямом Дуэйном, Мануэлем Торресом, Генри Брэкенриджем, Сизером Родни[570]. Еще со времен учения в Ричмонде Клей дружил с издателем “Richmond Enquirer” Томасом Ритчи[571].

Клея нельзя назвать знатоком Южной Америки, но он все же был достаточно хорошо осведомлен в этой области (насколько позволял уровень англоязычной литературы) и всегда стремился расширить свои познания. В ходе выступлений Клей не будет испытывать недостатка как в ярких примерах из истории и современности (последние – в основном из “Niles’ Weekly Register” и “National Intelligencer”, а также из филадельфийской “Aurora”), так и в сухих статистических сведениях.



Рост территории США

Когда в конце 1810 г. положение на юго-восточных границах республики обострилось, Клей призывал в Сенате к оккупации Восточной Флориды и довольно подробно доказывал законность американских претензий. Затем исторические аргументы уступают место «последнему» доводу: если США не воспользуются выгодным моментом для приобретения этих земель, их получит другая держава. «Я не являюсь… сторонником страсти к захватам. Но разрешите мне подвести итог, выразив надежду увидеть вскоре (ere long) *новые* Соединенные Штаты… охватывающие не только старые тринадцать штатов, но и всю область к востоку от Миссисипи, включая Восточную Флориду, а также некоторые земли к северу от нас», – так Клей завершил свою речь, уходя под восторженные аплодисменты республиканцев[572]. Речь Клея об оккупации Восточной Флориды занимает важное место в эволюции его политических взглядов и формировании идеологии «военных ястребов» в целом. Воинственный дух выступления вполне соответствовал общественным настроениям эпохи перед англо-американской войной. Подводя итог своему анализу этой речи, Ремини пишет, что «бьющий через край национализм» Клея, представление о *«новых* Соединенных Штатах» «были важными элементами его зарождавшейся политической философии. Государство, расширяющееся как территориально, так и экономически, управляемое динамичным и авторитетным центральным правительством, – вот, что лежит в самой основе его взглядов на будущее развитие Соединенных Штатов» [573].

Впервые Клей упоминает Южную Америку в своей речи от 8–9 января 1813 г., посвященной увеличению военных расходов. Описывая политическую ситуацию в Европе, Клей неожиданно обрывает сам себя: «Все это домыслы (speculations). Я смотрю на политические дела в Европе (исключая те, что могут иметь возможное влияние на нас) так же, как занимаюсь историей других государств или других времен. *Я не слежу за ними и с половиной того интереса, с которым наблюдаю за событиями в Южной Америке* [курсив мой – *А. И.*]… Когда мы едины, мы слишком сильны для самой могущественной державы в Европе, или для всей Европы вместе взятой. Если мы разделены и разорваны порознь, то станем легкой добычей слабейшей из них [европейских государств]. В последнем, гибельном случае, наша страна не стоит того, чтобы ее защищать»[574]. Как мы видим, уже в 1813 г. Клей высказывает мысли в духе «идеи Западного полушария». Представление о единстве всего Нового Света развивает концепции отцов-основателей, противопоставлявших молодое американское государство «деспотической» Европе. Впрочем, говоря об этом единстве, Клей пока еще не объясняет, в чем оно должно заключаться: он еще не говорит ни о признании независимости испанских колоний, ни о панамериканском союзе. Главным здесь было простое противопоставление Америки Европе, что в условиях войны с Англией звучало злободневно. В конце 1810-х – начале 1820-х гг. эти представления войдут в разработанную Клеем программу «Американской системы».

Постепенно идея независимости «южных братьев» находила все больший отклик в душе Клея. Во время обсуждения доходных статей бюджета 20 января 1816 г. Клей среди многочисленных вопросов упомянул и о Южной Америке. Он предложил помочь ей в ее борьбе за независимость. Известный своей неуравновешенностью Джон Рэндольф из Роанока (1773–1833) в ходе дебатов даже обвинил Клея в желании увеличить регулярную армию, чтобы устроить «крестовый поход в Южную Америку»[575].

Совсем скоро, 29 января Клей в пространной речи о прямых налогах вспомнит о Южной Америке в связи с общим состоянием испаноамериканских отношений. Именно тогда Клей впервые кратко сформулировал свои взгляды на признание независимости испанских колоний: «…безусловно, верно будет принять сторону патриотов Южной Америки». Клей «с громадным сожалением» отметил «безразличие» (supineness) общественного мнения США в этом вопросе. А пока Соединенные Штаты выжидают, Англия увеличивает свое присутствие в Южной Америке. Чрезвычайно важен главный тезис Клея: он полагал, что «освобождение любой

части Америки от господства Европы» увеличивает «общую безопасность [всего] Нового Света»[576]. Итак, в начале 1816 г. Клей продолжил осмысление идейного комплекса, который в будущем составит доктрину Монро.

С 1817 г. Клей переходит к активной агитации в поддержку борьбы Южной Америки за независимость. Связанные с этой темой речи Клея можно условно разделить на две группы: 1) речи, посвященные пересмотру закона о нейтралитете, и 2) речи о признании независимости южноамериканских государств.

Вопрос о пересмотре закона о нейтралитете был поставлен в Палате представителей после особого послания президента Мэдисона от 26 декабря 1816 г. В ответ на просьбу об ужесточении действовавшего закона 1794 г. Комитет по иностранным делам представил 14 января билль, «препятствующий гражданам Соединенных Штатов продавать боевые корабли гражданам или подданным любого иностранного государства, а также препятствующий вооружению и оборудованию боевых кораблей в портах Соединенных Штатов с целью их использования против государств, которые находятся в дружбе с Соединенными Штатами». В поддержку этого законопроекта выступали в том числе и дипломатические представители – главы миссий Англии, Франции и Португалии Чарльз Бэгот (1781–1843), Ид де Невиль (1776–1857), аббат Корреа да Серра[577]. В ходе обсуждения и принятия законопроекта, а затем и поправок к нему Клей представил свое понимание политики нейтралитета в речи от 24 января 1817 г., в речах и резолюциях от 3 декабря 1817 г. и 18 марта 1818 г., а также в замечаниях к поправкам и резолюциях от 17 и 19 марта[578].

Приверженность «строгому нейтралитету» остается для Клея главным постулатом внешней политики, однако вопрос крылся в его трактовке. Клей полагает, что в отношении испанских колоний нейтралитет не соблюдается. Политика администрации – это, по его мнению, нейтралитет на словах, по сути направленный против южноамериканских патриотов.

Впервые Клей открыто признается, что желал бы независимости для Южной Америки. В ответ на распространенные убеждения, что невежество и суеверия (superstitions) южноамериканцев не позволят им правильно распорядиться завоеванной свободой, Клей возражал: нельзя ставить все с ног на голову. Общественные пороки испанских колоний являются прямым следствием тирании и гнета Испании. Независимость станет «первым шагом к улучшению их состояния»[579]. Совсем скоро Клей выскажется по поводу

перспектив испанских колоний более определенно, предсказывая освобожденной Южной Америке блестящий расцвет.

Клей вновь указывает на рост влияния Англии в сражающихся испанских колониях, главной причиной которого является ее мудрая политика. Оратор ссылается на английскую декларацию о нейтралитете от 27 ноября 1817 г., где испанские колонии были фактически признаны сражающейся стороной[580]. Использование доктрины нейтралитета (то есть развитие закона 1794 г.) в отношении к южноамериканским повстанцам было, по мнению политика, логической ошибкой. Очевидно, что нейтралитет подразумевает признание повстанцев воюющей стороной, тогда как формально речь должна была бы идти о невмешательстве во внутренние дела иностранной державы[581]. Клей использовал это противоречие, чтобы сформулировать концепцию, так сказать, широкого толкования политики нейтралитета, подразумевавшего только военное невмешательство. Такая интерпретация, безусловно, была выгодна испанским колониям. Требование равенства воюющих сторон, по сути, «поднимало» испанские колонии до уровня субъектов переговоров[582]. Заметим: по сути, именно так и трактовался нейтралитет администрацией США, следовательно, критика Клея звучала не вполне обоснованно.

Выступления спикера были замечены кабинетом. Министр финансов Уильям Кроуфорд (1772–1834) даже предложил серьезно обсудить вопрос признания Ла-Платы и Чили, чтобы перехватить инициативу у нарождавшейся оппозиции; военный министр Джон Кэлхун, государственный секретарь Джон Куинси Адамс и президент Джеймс Монро, впрочем, выступили против. Адамс считал, что, оседлав «свой большой южноамериканский конек», Клей целит на подрыв исполнительной власти[583]. Молодой земляк спикера, будущий первый посланник США в Боготе Ричард Клауф Андерсон записывал в своем дневнике, что Клей («может быть, тщеславный человек, может, плохой человек, но очевидно самый честный политик среди тех, кого я видел») повсюду говорит о своей оппозиции кабинету по южноамериканскому вопросу[584].

Однако еще 19 марта 1818 г. Клей убеждал аудиторию, что его цель не состоит в «косвенном признании южноамериканской независимости». События следующей недели покажут, что спикер, по меньшей мере, лукавил. Идеи, высказанные в ходе дискуссии о нейтралитете, совсем скоро получили свое логическое завершение.

Непосредственным поводом обсуждать в нижней палате признание независимости Южной Америки стало утверждение

расходов на «особых агентов». Клей предложил устранить всю «двусмысленность» их положения, отпустив восемнадцать тысяч долларов на создание в Соединенных Провинциях Ла-Платы официальной миссии США во главе с полномочным посланником. По сути это означало признание одного из южноамериканских государств. Свою точку зрения Клей изложил в своих замечаниях от 24 марта 1818 г. и в речах от 24–25 марта и 28 марта. Почти через год, 10 февраля 1819 г., спикер вновь вернулся к теме независимости Южной Америки[585].

Знаменитые речи Клея от 24–25 и 28 марта 1818 г. Декстер Перкинс назвал «одним из великих ораторских достижений в его карьере»[586]. Именно в этих речах, обладающих также несомненными литературными достоинствами, Клей подробно изложил свои взгляды на признание южноамериканских государств, на взаимоотношения Европы и Америки и на роль Соединенных Штатов на американском континенте.

Клей последовательно утверждает идею панамериканского единства и будущего союза. Обвиняя Испанию в тирании, он разъясняет: главным свойством ее политики было все то, что «возвышает европейский и унижает американский характер». Вне зависимости от различных форм правления, которые утвердятся в различных частях Южной Америки, все их правительства «будут вдохновлены американским чувством и будут руководствоваться американской политикой. В противопоставление европейской системе, они подчинятся законам системы Нового Света, часть которого они составляют». Клей подчеркивает, что Соединенные Штаты ни в коем случае не должны навязывать новым государствам свой образ правления, однако он уверен, что те последуют примеру северного соседа: «Мы были для них великим примером. О нас они постоянно говорили как о братьях, имеющих общие корни. Они восприняли наши понятия, заимствовали наши институты и в некоторых случаях прибегали к самому языку и идеям наших революционных памфлетов». Панамериканское единство, приверженность «американскому духу» означают также невмешательство в европейские дела и противостояние попыткам Европы вмешаться в дела Нового Света. Клей провозглашает принципы, которые впоследствии станут внешнеполитической составляющей его программы «Американской системы».

Континентальная солидарность сочетается в аргументации спикера с солидарностью идейной, политической. Разве можно ожидать, что «короли подадут нам пример признания единственной республики на земле, кроме нашей собственной»? Получается, восклицал Клей, что Соединенные Штаты принимают представителей всех монархов вплоть до тунисского дея, но

отказываются признать соседа, разделяющего к тому же общие политические принципы[587].

Споря со скептиками, Клей был убежден в благополучном будущем Латинской Америки: «Обвинение в невежестве часто используется господами, которые сами невежественны в отношении реального положения этого народа». Да и сама точка зрения, что «человек слишком невежествен, чтобы управлять самим собой» принадлежит, как считает Клей, роялистам.

Клей использует все свое красноречие, чтобы показать достоинства южных соседей. Самые авторитетные авторы, говорит он, «соревнуются в описании свойственных народу Испанской Америки выдающейся сообразительности, способностей и особой склонности к изучению точных наук, а также всех других, которые им разрешалось развивать». После перечисления имен выдающихся мексиканских астрономов XVIII в. Клей, ссылаясь на Гумбольдта, утверждает, что в Мехико «больше солидных научных учреждений, чем в любом городе даже Северной Америки»[588].

Клей настаивает, что Южная Америка сильно изменилась за последние восемь лет: благотворное воздействие на пробуждение лучших качеств народа оказал ход освободительной революции. Клей подкрепляет это утверждение яркой цитатой из английского “Colonial Journal”, где в том числе указывалось, что в одном Буэнос-Айресе выходит больше периодических изданий, чем в Испании и Португалии вместе взятых. Опубликованное в “National Intelligencer” послание верховного директора Ла-Платы Хуана Мартина де Пуэйрредона[589] Клей сравнивает с лучшими декларациями Джефферсона и Мэдисона.

Характеризуя положение испанских колоний в целом, Клей использует оригинальную метафору: Южная Америка представляется ему «старшим братом, на чье образование не обращали внимания, с кем дурно обращались, которого лишили наследства из-за нелюбви приемного родителя». Когда Клей смотрит на ту «славную борьбу, которую сейчас ведет эта страна, он думает, что видит того брата, который с силой и энергией присущего ему мощного гения поднимается на то достойное положение, которое уготовили ему природа и Бог»[590].

Экономические причины также служат, по мнению Клея, важным стимулом к признанию южноамериканской независимости. Выгода здесь состоит в первую очередь не в торговле с бывшими колониями, а в морских перевозках южноамериканских товаров. При этом Южная Америка не станет конкурентом Соединенных Штатов на мировом рынке, так как ее экспорт носит совершенно иной характер (не табак и хлопок, а

драгоценные металлы, какао, кофе и др.). Высоко оценивая экономические перспективы молодых государств, Клей ссылался как на их выгодное географическое положение (между Африкой и Европой, с одной стороны, и Азией, с другой, рядом с США), так и на изобилие природных богатств. Освободившись от «оков деспотизма», экономика Южной Америки станет «безгранично весомой»[591].

Оппоненты Клея всерьез опасались осложнений, которые неизбежно возникнут после признания независимости колоний с Испанией и – как думалось многим – со всеми державами Священного союза. Войны с Испанией Клей не боялся, полагая, что та на нее никогда не пойдет. Более того, он считал, что если «оказание помощи без признания» является поводом к войне, то «признание без оказания помощи» таковым поводом никак являться не может[592].

Таким образом, Клей пришел к определенным выводам, которые можно суммировать следующим образом: 1) Ла-Плата имеет все права на признание своей независимости, 2) признание соответствует политике нейтралитета, 3) США заинтересованы в признании независимости любого государства Южной Америки, в том числе и Ла-Платы, 4) признание независимости не приведет к угрозам со стороны Испании или Священного союза[593].

Несмотря на все усилия, Клею так и не удавалось убедить большинство своих коллег в необходимости признания независимости южноамериканских государств. Законопроект о нейтралитете 1817 г. успешно прошел голосование, а принятые впоследствии поправки спикера не оказали серьезного воздействия на политику администрации. Неудачей закончилась и попытка заручиться поддержкой Конгресса. Клея поддержали лишь 45 депутатов, 115 проголосовали против[594]. Атмосфера партийно-политической стабильности конца 1810-х гг. не способствовала принятию Конгрессом решений, оппозиционных курсу администрации. Найлс отмечал, впрочем, что «вопрос о патриотах Южной Америки» становится одним из ключевых в разграничении политических партий, а кентуккиец Андерсон думал, что Клей умело выражает взгляды молодых западных штатов[595]. В поддержку спикера выступил анонимный нью-йоркский памфлетист, не боявшийся даже участия США в войне с Испанией[596].

По прошествии времени станет ясно, что март 1818 г. стал ключевым в парламентской карьере Клея – в начале месяца Клей впервые в ясной форме излагает свой курс «внутренних улучшений» (internal improvements), который составит социально-экономическую программу прославившей его «Американской

системы». В конце месяца спикер призвал к признанию независимости государств Латинской Америки, тем самым заложив основы внешнеполитической части своего плана.

Примечательно, что среди избирателей борьба Клея за признание независимости испанских колоний рассматривалась как главнейшая составляющая его политической деятельности. На банкете в Лексингтоне 28 мая 1818 г. провозглашали тосты за «наших братьев Южной Америки», за «независимое меньшинство 45-ти», наконец, за Клея – «который поддерживал дело южноамериканской свободы с силой римского красноречия и в этом как никогда хорошо выразил чувства своих избирателей». Сам спикер обещал вновь поднять вопрос о признании независимости Испанской Америки на следующей сессии Конгресса[597].

Дебаты по предложению Клея привлекли внимание не только американской публики, но и европейских политиков. Так, эта резолюция Клея вызвала беспокойство английского министра иностранных дел виконта Каслри (1769–1822). Русский посланник в Лондоне граф Х. А. Ливен (1774–1838) отмечал «его облегчение, когда пришли известия, что она [резолюция] была отозвана»[598]. Видимо, английский политик опасался, что признание независимости испанских колоний приведет к росту влияния США в Западном полушарии.

Об усилиях Клея по защите независимости испанских колоний знали и в Латинской Америке. Так, мексиканские повстанцы весной 1817 г., в тяжелейшие для революции дни, официально признали заслуги спикера в деле «процветания молодой республики»[599]. Речи Клея переводились на испанский язык и зачитывались перед войсками повстанцев[600].

Другое известие из Мексики пришло в конце 1822 г. Хосе Мануэль Эррера привез Клею личное послание от Агустина де Итурбиде (1783–1824), в мае 1822 г. провозглашенного Конгрессом императором Мексики. Свежеиспеченный император Агустин I выражал Клею (в то время – частному лицу) свое почтение и признательность в подчеркнуто пышной и цветистой манере. После свержения в марте 1823 г. режима Итурбиде свои приветствия Клею направляет уже министр республиканского правительства, знаменитый мексиканский историк и государственный деятель Лукас Аламан (1792–1853)[601].

Вне зависимости от их исхода, итоги дискуссий 1817–1818 гг. о нейтралитете и о признании независимости Южной Америки были весьма существенны. Идеи, развитые и популяризированные Клеем, способствовали как оформлению доктрины Монро и теории панамериканского единства, так и утверждению этих

взглядов в общественном мнении. Клей четко противопоставлял политику Старого Света и американского континента и был сторонником взаимного невмешательства. Он был убежден в необходимости признания независимости испанских колоний и одновременно – как Джон Куинси Адамс и Эндрю Джексон – в неизбежности территориальной экспансии США, в том числе и в южном направлении, в сторону Техаса[602]. Таковы были взгляды Клея и его сторонников ко времени подписания испано-американского Трансконтинентального договора.

Предыстория договора такова. Еще в 1810–1813 гг. Соединенные Штаты частично оккупировали Западную Флориду, находившуюся тогда в испанском владении. У северного соседа всегда было готовое оправдание агрессии: согласно договору Пинкни 1795 г., Испания обязалась сдерживать индейцев от нападения на земли США, выполнить же это условие одряхлевшая империя уже не могла. Продолжение набегов семинолов на Джорджию и Алабаму послужило поводом к предпринятому генералом Эндрю Джексоном по собственной инициативе наступлению на Восточную Флориду. К лету 1818 г. ее территория была занята американскими войсками, насчитывавшими около трех тысяч человек[603].

Фактическая оккупация всей Флориды Соединенными Штатами, безусловно, способствовала резкому усилению американских позиций при обсуждении готовившегося соглашения с Испанией[604]. С конца 1818 г. переговоры государственного секретаря Джона Куинси Адамса с испанским посланником в Вашингтоне Луисом де Онисом вступили в заключительную и наиболее напряженную стадию[605]. Итоговый текст договора был подписан 22 февраля 1819 г. в день рождения Вашингтона. Вечером обычно сдержанный Адамс запишет в дневнике: «Это был, вероятно, самый важный день в моей жизни. Каковы могут быть последствия договора, подписанного сегодня с Испанией, – об этом известно только всезнающему и всеблагому Провидению»[606]. Безусловно, у Адамса были все основания для подобного выражения чувства исполненного долга. Главным достижением Адамса стало даже не окончательное приобретение всей Флориды, а демаркация границы: по р. Сабине, затем по 32° с.ш. и далее на север до Ред-Ривер и до 100° з.д., потом на север до р. Арканзас, а от истоков Арканзаса по 42° с.ш. на запад вплоть до Тихого океана[607]. Это был важнейший шаг к «предопределению судьбы» (Maniifest Destiny), заявка прав США на весь североамериканский континент. Техас, однако, оставался в руках испанской короны. Адамс, конечно, пытался претендовать и на эту провинцию[608], но Флорида, а главное,

«трансконтинентальная» граница были более значимыми, а главное – более реалистичными целями[609]. Взамен Соединенные Штаты согласились принять на себя выплату вознаграждений по искам своих граждан к Испании, на сумму в 5 миллионов долларов[610].

Дискуссии возобновились после непредвиденных сложностей, возникших в Испании с ратификацией соглашения, уже единогласно ратифицированного 25 февраля Сенатом США. Дело в том, что восьмая статья договора объявляла недействительными земельные пожалования испанской короны, сделанные после 24 января 1818 г. Но тут неожиданно выяснилось, что совсем незадолго до указанной даты король Фердинанд VII пожаловал трем своим фаворитам огромные земельные владения во Флориде. Для разрешения возникших осложнений в Испанию отправился новый американский посланник, но при мадридском дворе уже разыгрывалась интрига, целью которой было не допустить передачи Флориды США, – фавориты не собирались расставаться с дарованными владениями. В итоге 30 июня Государственный совет проголосовал против договора[611].

Администрация Монро придавала большое значение успешному подписанию и ратификации Трансконтинентального договора. Об этом свидетельствует текст ежегодного послания Президента Конгрессу от 7 декабря 1819 г., больше половины которого посвящено именно соглашению с Испанией[612]. Тем не менее, когда восторги улеглись, в обществе стали распространяться слухи, что США могли добиться в переговорах большего, чем они получили. Узнали и о земельных пожалованиях Фердинанда VII, грозивших перечеркнуть все преимущества от приобретения Флориды. Этот деликатный вопрос еще предстояло уладить. Именно задержка с ратификацией договора Адамса – Ониса, связанная с драматическими событиями на Пиренеях, позволила Генри Клею поставить проблемы отношений с Испанией и ее американскими колониями на повестку дня Конгресса. Вдохновитель миссурийских компромиссов 1820–1821 гг., на время уладивших отношения между Севером и Югом, «великий миротворец» (Great Pacificator, Great Compromiser) Генри Клей находился тогда на вершине своей популярности[613]. «Флоридский» договор и «техасский вопрос» стали одной из острых тем американской политики.

27 января 1820 г. виргинский конгрессмен Джон Флойд (1783–1837) внес резолюцию, требуя, чтобы президент сообщал в Конгресс все сведения о договоре с Испанией. Поводом послужило письмо Адамса новому послу в Испании Джону

Форситу (1780–1841), в котором тот утверждал, что Онис в итоге уступил меньше, чем предполагалось Мадридом. Флойд подчеркивал, что представители американского народа могут быть ознакомлены и с теми сведениями, которые правительство может обоснованно скрывать от общественного мнения. Резолюция была отвергнута 88 голосами против 67[614].

Однако вскоре настрой в нижней палате изменился. Менее чем через месяц конгрессмен от Джорджии (в 1839–1841 гг. – губернатор Флориды!) Роберт Рейд (1789–1841) предпринял вторую попытку, внеся 21 февраля аналогичную резолюцию. 22 февраля она успешно прошла голосование (77 голосов «за», 59 голосов «против»)[615].

Соответствующие материалы вместе с сопроводительным письмом от Адамса были переданы Монро в Конгресс 8 марта[616]. Южнокаролинец Уильям Лаундс (1782–1822) от Комитета по международным делам предложил законопроект об оккупации Восточной и Западной Флорид и учреждении там временного правительства (то есть еще до ратификации договора!). В случае задержки ратификации он полагал такие действия должным ответом «на захват имущества наших граждан, на вторжение на нашу почву, на слабость или предвзятость, сделавшие испанскую территорию местом сбора и стоянки врага и затем позволившие индейским поселенцам на этой земле (которых Испания по договору обязана сдерживать) ввязаться в яростные враждебные действия против нас; за все эти акты войны народ, менее приверженный миру, искал бы удовлетворения только в войне»[617].

27 марта Монро передал в Конгресс свое новое особое послание, касавшееся договора с Испанией. В нем сообщалось, что Россия, Франция и Великобритания поддерживают США в их стремлении к скорейшей ратификации договора. В Мадриде же в присутствии влиятельного русского посла Д. П. Татищева (1767–1845) было дано обещание назначить в Вашингтон нового представителя «с полномочиями уладить все затруднения к удовлетворению обеих сторон» (подразумевалось, что посланник приедет уже с официальной ратификацией). Поэтому президент предлагал «отложить решение по вопросам, которые теперь зависят от Испании, до следующей сессии» (то есть до декабря 1820 г.), чтобы дать последней время разобраться сперва с внутренними проблемами[618]. И действительно, 1 января 1820 г. под предводительством офицера Рафаэля дель Риего (1785–1823) в Испании началась революция, а уже 9 марта были восстановлены муниципальные советы, конституция, созвана временная хунта, упразднена инквизиция. Власть короля

Фердинанда VII висела на волоске.

К президенту в Конгрессе не прислушались. Не заставил себя долго ждать и ответ Клея. В письме своему другу, бывшему сенатору и директору Банка Кентукки Джону Криттендену (1787–1863) Клей пишет о своем чувстве разочарования правительственной политикой. «Эти люди ставят меня в оппозицию… как я могу участвовать в таком глупом курсе?» – возмущается Клей. Он критикует Монро за нейтралитет в делах Латинской Америки, провозглашенный 7 декабря в ежегодном послании, и считает одной из причин внешнеполитических неудач непременное желание ратифицировать договор. 29 января Клей в письмах Криттендену и Расселу уже четко формулирует свою позицию по испано-американским отношениям: 1) признание независимости Латинской Америки и 2) захват Техаса[619]. Именно эти меры в конечном итоге обеспечат и контроль над Флоридой. Клей опасался, что из-за миссурийских дебатов дело вряд ли дойдет до обсуждения договора[620]. Мы увидим, что опасения спикера не подтвердятся.

24 марта Клей вновь излагает Расселу свое видение положения дел с договором Адамса – Ониса. Он критикует идею Лаундса об оккупации Флориды как ведущую к войне и вновь говорит о претензиях на «Луизиану в ее полном объеме» и признании независимости стран Латинской Америки. Это, по его мнению, будет чувствительным ударом для Испании, но не даст повода к войне[621].

Ровно на следующий день после просьбы президента отложить обсуждение договора до следующей сессии Клей внес на рассмотрение нижней палаты две резолюции. Первая из них гласила: «Конституция Соединенных Штатов наделяет Конгресс полномочиями распоряжаться территорией, им принадлежащей; ни один договор, имеющий целью отчуждение любой ее части, не признается действительным без согласия Конгресса», – ее задачей было отстоять внешнеполитические полномочия нижней палаты[622].

Вторая резолюция носила более конкретный характер и утверждала, что «эквивалент, предложенный Испанией Соединенным Штатам в договоре, заключенном между ними в 22-й день февраля 1819 г., за ту часть Луизианы, что лежит к западу от Сабины, был несоразмерен; нецелесообразно передавать ее какой-либо иностранной державе или возобновлять вышеупомянутый договор»[623].

Обсуждение резолюций началось 3 апреля с обширной речи Клея, в которой он предложил свой план развития отношений с Испанией. Клей говорит о «двух системах политики», между

которыми у администрации был выбор. Первая подразумевает невмешательство в дела южных соседей, вторая – немедленное признание независимых правительств Испанской Америки и оккупацию Техаса. Нератифицированный договор – плод первой системы, идущей в итоге на пользу Испании[624].

Обвиняя администрацию в недальновидности, Клей не считал, что Флорида должна быть первой целью американской политики. Ремини характеризует эти рассуждения Клея как «одно из самых ранних высказываний» о «предопределении судьбы»[625]. Клей патетически восклицал: «Мы стремимся к Флориде, или скорее – мы *будем* стремиться к Флориде, или – говоря еще точнее – мы не хотим, чтобы кто-то другой владел ею. Она не нужна нам для немедленного использования. Она занимает место в нашем воображении, и мы хотим завершить ею округление (arrondissement) нашей территории. Безусловно, она должна стать нашей. Так падает созревший плод. Флорида закрыта Алабамой и Джорджией и не может ускользнуть. Техас может. Получим ли мы Флориду сейчас или через пять-десять лет, не имеет значения, если ее не получит ни одна другая держава; а если любая держава предпримет такую попытку, существующий акт Конгресса уполномочивает президента предотвратить это»[626]. В другом месте, говоря о Техасе, Клей вновь высказывает схожие мысли, утверждая, что весь континент с течением времени будет в соответствии с волей Провидения полностью заселен. Вопрос же заключается лишь в том, какой народ заселит его[627].

Критика предложения президента отложить обсуждение договора из-за революционных событий в Испании основана на утверждении, что слабость королевской власти необходимо как раз использовать. Клей вспоминает, что оккупация части Западной Флориды между реками Миссисипи и Пердидо (эти земли вошли в состав территории Миссисипи) была связана с ослаблением Испании в ходе наполеоновских войн. Более того, поддержка договора нанесет ущерб борьбе Латинской Америки и самой Испании за свободу против Фердинанда VII.

Важной частью аргументации Клея стало обвинение администрации в зависимости от иностранных держав. Здесь самые малые уступки могут «с течением времени создать в сердце нашей страны русскую фракцию, британскую фракцию, французскую фракцию». Клей цитирует «весьма освежающее» чтение – письмо российского министра иностранных дел Нессельроде посланнику в Вашингтоне П. И. Полетике (1778–1849) от 27 ноября 1819 г., рекомендующее способствовать ратификации договора Адамса – Ониса. Клей грубовато иронизирует: «Стали бы его Императорское Величество внимать

нашим протестам против обширных приобретений, сделанных им в последнее время? Он насытил свою огромную утробу Финляндией и польскими трофеями и, пока идет сложный процесс пищеварения, кричит с дивана: “Не тревожьте мой отдых!”» Клей также приводит выдержки из двух бесед посланника в Лондоне Ричарда Раша с лордом Каслри, желавшим скорее видеть договор ратифицированным, и предлагает слушателем представить возможный тон переписки России, Великобритании и Испании. Он подозревает, что две империи выражают Испании искреннее сочувствие по поводу действий «честолюбивой республики, стремящейся поживиться за ее счет».

Любое государство вне зависимости от формы правления должно с опаской относиться к вмешательству в свои внутренние дела. Для республики же такое вмешательство особенно пагубно: «С того момента, когда Филипп вмешался в греческие дела, свобода Греции была обречена на неизбежную гибель»[628].

Стремление во что бы то ни стало добиться ратификации договора с Испанией Клей сравнивает с «тем неистовым чувством, с которым безутешная мать сжимает в объятиях свое мертвое дитя в тщетной надежде вернуть его к жизни»[629]. В конечном итоге именно неудача с ратификацией позволяет перейти к политике, предложенной им в резолюциях.

Главным оппонентом Клея выступил талантливый глава Комитета по международным делам Уильям Лаундс. Он сомневался, «не станет ли попытка со стороны нашей Палаты взять ведение переговоров с иностранными державами в свои руки исключительно пагубной для интересов страны», не опасно ли само открытое обсуждение столь деликатных дипломатических вопросов. Лаундс подчеркивает, что после президентского послания от 27 марта стало ясно, что цели Соединенных Штатов могут быть достигнуты и без санкции Конгресса на оккупацию Флориды, на чем ранее настаивал его комитет[630].

При этом Лаундс настаивает, что Флорида должна как можно скорее перейти в состав США. В самых осторожных выражениях предсказывая распад Испанской колониальной империи, он боится, что в случае появления независимой Мексики Мадрид сможет удержать Флориду. Тогда овладеть этой территорией можно будет только военным путем. Лаундс полагает, что «стечение обстоятельств» диктует поспешность в решении «флоридского вопроса». Через год-два положение может измениться самым радикальным образом[631].

Споря с Лаундсом, активный сторонник Клея виргинец Джон Арчер (1789–1855) подчеркивает, что для общественного мнения

страны договор с Испанией уступает по важности лишь миссурийским дебатам, потому обсуждение его должно быть предельно открытым. Откладывать вопрос до следующей сессии Конгресса бесполезно – из послания президента Арчеру стало ясно, что договор будет ратифицирован Испанией в ближайшее время[632].

Вслед за Клеем Арчер оценил сумму исков граждан США к Испании в 15 (а не пять!) миллионов долларов, напомнил и про флоридские земельные пожалования Фердинанда VII. Испания, считал Арчер, добилась в договоре явного успеха: помешав сближению США с южными соседями, она получит деньги за Флориду, которая может в любой момент либо оказаться в руках испаноамериканских повстанцев, либо перейти к США в результате революции[633].

Речь кентуккийца Дэвида Тримбла своей высокопарностью выделяется даже на общем фоне парламентской риторики. Вслед за Клеем его следует считать одним из предтеч доктрины «предопределения судьбы»[634]. Тримбл развивает теорию «естественных границ» государств: «Отец Вселенной своим провидением дал естественные границы каждому континенту и царству – постоянные, физические, вечные пределы каждому государству, чтобы ограждать его от вторжения. Человек, в своем бешеном стремлении к славе, жажде власти, отверг, почтя ненужными, великие и постоянные границы природы ради им самим созданных идеальных, непрочных пределов. Окиньте взором величественные контуры каждого континента, и вы найдете их разделенными рукою Провидения на области и уделы, пригодные для общественного счастья… Миллионы людей были безжалостно убиты, чтобы возвратить честолюбивые народы в их природные пределы». В конце своей речи оратор вновь определит границы как дар «Великого Инженера». «До этого рубежа мы дойдем; мирно, если сможем, силой, если придется… возможно, он не достанется нам даром»[635].

В отличие от Тримбла, Ричард Андерсон не поддержал знаменитого земляка. Ссылаясь на общественное мнение, он подчеркивал значимость приобретения Флориды. Весь ход переговоров с Испанией был связан со «всеобщим убеждением», что «Флорида должна принадлежать нам». Только с присоединением Флориды будут окончательно прекращены набеги индейцев на южные штаты[636].

Андерсон обратил внимание на восприятие американской политики в Старом Свете. Принятие резолюций Клея приведет к падению престижа США в Европе: «Ход этих затянувшихся переговоров принес нам большой почет в глазах мира. Хотя нам

до сих пор не удалось получить возмещение за зло, причиненное нам, мы приобрели достоинство, что стоит много больше. Мы показали всему миру, что стремимся к справедливости, а не к расширению; мы показали, что можем воздерживаться от войны, даже когда наш противник дал нам повод, более чем достаточный. Мы одержали верх над недоброжелательными предсказаниями политиков Европы, которые утверждали, что мы искали только оправдание для захвата Флориды… Мы искали лишь мира и справедливого соглашения», – восклицал кентуккиец. Отказ от ратификации прежде уже ратифицированного договора вызовет неприятие общественного мнения внутри страны и за рубежом, породив «сомнение в постоянстве» политического курса страны.

Поддержка договора сочетается у Андерсона с уверенностью в необходимости признания южноамериканских государств. Он был готов участвовать в «любых публичных действиях, которые приведут к установлению между нашей страной и независимыми правительствами Южной Америки тех отношений, которых… требуют чувства наших граждан и справедливые требования тех правительств, – отношений, которые… скоро будут установлены со всеобщего одобрения»[637].

Защитники ратификации Лаундс и Андерсон подчеркивали важность приобретения Флориды. Клей, Арчер и Тримбл, осуждая Трансконтинентальный договор как пагубный для национальных интересов США, в первую очередь говорили о неоправданной «уступке» Испании территории Техаса. Клей ясно понимал, что умеренность официальной политики в деле признания южноамериканских государств обусловлена в первую очередь стремлением добиться ратификации договора с Испанией. Считая подобную политику заведомо обреченной на провал, спикер предлагал резко усилить давление на Испанию, захватив Техас и признав независимость ее колоний. Таким образом, если в 1818 г. Клей доказывал необходимость признания независимости южных соседей, исходя из общих соображений самого различного порядка, то в 1820 г. речь шла уже о решительных действиях, в том числе военных, эффект от которых стал бы ясен немедленно. Присоединение Флориды и Техаса стало бы, по мнению спикера, наградой Соединенным Штатам за поддержку борьбы Латинской Америки против Испании.

В день окончания дебатов о Трансконтинентальном договоре Клей внес новые резолюции, посвященные отношениям с Испанией. На этот раз он прямо говорил о независимости Южной Америки. Первая резолюция почти полностью повторяет резолюцию марта 1818 г., требуя установить жалование

посланникам в южноамериканских государствах. Единственное малозаметное, на первый взгляд, но важное отличие состоит в передаче инициативы президенту: резолюция рекомендует президенту и Сенату признать одну из бывших испанских колоний. Вторая резолюция касается частного вопроса: вице-король Перу Хоакин де ла Песуэла (1761–1830) подарил в 1817 г. командующему эскадрой США капитану Джеймсу Биддлу богато украшенный меч. В декабре 1819 г. Биддл по возвращении в США передал меч в государственный департамент. Клей требует, чтобы президент США наградил этим мечом наиболее выдающегося генерала любого из государств Южной Америки[638].

Обсуждение резолюций состоялось за несколько дней до окончания сессии уже вслед за президентским посланием от 9 мая, в котором Монро впервые резко критиковал действия Испании, необоснованно задерживавшей ратификацию[639]. Речь Клея от 20 мая 1820 г. представляет собой не просто повторение идей, однажды уже высказанных в ходе ставших знаменитыми дебатов марта 1818 г. Обвиняя администрацию в зависимости от Священного союза, Клей призывает «не следить за намеками (watch the nod) любого европейского политика; стать настоящими, подлинными американцами, поставить себя во главе Американской системы». Именно в этой фразе Клей впервые употребил выражение «Американская система» – так будет называться программа, которая прославит его в недалеком будущем[640]. Также впервые в столь ясной форме Клей излагает свое представление о месте Соединенных Штатов в системе американских государств: «В отношениях с Южной Америкой, народ Соединенных Штатов займет то же положение, что и население Новой Англии по отношению к остальной части Соединенных Штатов»[641].

Вторая резолюция была в итоге отозвана. В обсуждении первой приняли участие 15 депутатов, в их числе – Лаундс, Флойд, Тримбл. Представитель Иллинойса Дэниел Кук (1794–1827) предложил дополнить резолюцию требованием оккупации Восточной и Западной Флорид, однако эта идея получила поддержку лишь 42 депутатов, в то время как 112 проголосовали против. Тогда последовало голосование по самой резолюции. Она была принята с 80 голосами «за» и 75 «против». Среди ее сторонников были Андерсон (сдержавший свое обещание проголосовать за независимость Южной Америки), Арчер, Тримбл. Лаундс голосовал против[642].

Именно итоги этого голосования стали первой победой Клея в его деле борьбы за признание новых государств Южной Америки. Но эта победа ознаменовала и другую тенденцию: Клей,

по сути, отказался от былой резкой критики администрации и, напротив, передал в ее руки инициативу признания новых государств. Как замечает Бимис, эта резолюция скорее усиливала позиции Монро и Адамса, чем ослабляла их[643].

Начало второй сессии шестнадцатого Конгресса было почти целиком посвящено миссурийским дебатам. Однако еще до заключения второго миссурийского компромисса Клей вновь возвращается к теме независимости Южной Америки. 3, 6 и 9 февраля 1821 г. в связи с обсуждением бюджета он еще раз предлагает внести в него сумму в восемнадцать тысяч долларов на жалование посланнику и обустройство миссии в одном из государств Южной Америки[644].

В числе многих сторонников Клея (виргинец Джон Флойд и Джеймс Стивенс (1768–1835) от Коннектикута, Джон Калпеппер (1761–1841) от Северной Каролины) самым ярким вновь был Дэвид Тримбл. Оппонентами Клея выступили Лаундс, Джордж Робертсон (1790–1874) и Джон Рей (1753–1832). Стенограмма сохранила лишь выступление земляка Клея Робертсона. Его выбор весьма любопытен: горячо поддерживая признание независимости государств Южной Америки, он голосовал против резолюции. Робертсон полагал, что ее цель – не помочь патриотам, а навязать президенту принятие определенного решения.

На этот раз, как в 1818 г., резолюции Клея были отклонены. Однако голоса разделились почти поровну: 73 «за» и 77 «против» 6 февраля и 79 «за» и 86 «против» 9 февраля[645].

Итак, никем не предвиденная отсрочка ратификации Трансконтинентального договора была в полной мере использована Клеем для агитации в пользу своих взглядов на межамериканские отношения. Он увязывал признание независимости латиноамериканских государств с заключением договора с Испанией. Именно признание испанских колоний, ослабив позиции их метрополии, должно было, по мнению Клея, способствовать реализации амбициозных внешнеполитических планов Соединенных Штатов – присоединению Флориды и Техаса.

Несмотря на то, что резолюции Клея не получили в начале февраля 1821 г. необходимого большинства голосов, число его сторонников постепенно росло. Неблагоприятный для предложений спикера исход голосования был связан с тем, что многим (как, например, Робертсону) не нравился антиправительственный дух его выступлений. Нельзя забывать, что пора президентства Монро не случайно еще в то время была названа «эрой доброго согласия», а репутация самого президента всегда была исключительно высока. Можно было предполагать,

что с изменением курса администрации число сторонников Клея резко возрастет. Перемены были возможны как в связи с какими-либо исключительными событиями в Южной Америке, которые бы резко изменили status quo, так и после вступления в силу Трансконтинентального договора. Как мы увидим в дальнейшем, именно отсрочка с подписанием выгодного договора с Испанией диктовала Монро и Адамсу необходимость умеренной политики в отношениях с Латинской Америкой.

В обсуждении резолюций Клея принимали участие депутаты только Юга (Лаундс, Арчер, Рей) и Запада (Тримбл, Андерсон, Браш). Активное участие в дебатах представителей родного штата Клея – Кентукки – служит показательным примером роста влияния «нового Запада»[646].

Значение дебатов в Конгрессе в период между подписанием и ратификацией Трансконтинентального договора представляется не менее существенным по сравнению с дебатами 1818 г. Вопрос признания независимости государств Латинской Америки предстал в

1819–1820 гг. под другим углом зрения: это решение должно было, по мнению Клея, в самой ближайшей перспективе прямо содействовать национальным интересам – расширению территории США. Нужно подчеркнуть, что среди выступлений других депутатов тема признания независимости южных соседей (в ее связи с испаноамериканскими отношениями и американской экспансией) была затронута лишь Андерсоном, который, как и Клей, был давним сторонником южноамериканских повстанцев.

В ходе этих дебатов впервые столь остро на повестку дня стал вопрос о приобретении Техаса, на чем мы подробнее остановимся в следующей главе. Особенно настойчиво тему территориальной экспансии развивали Клей и Тримбл: в их выступлениях содержатся ранние подступы к будущей доктрине «предопределения судьбы». Территориальная экспансия в аргументации спикера и его сторонников сочеталась с лозунгом панамериканизма. В своей речи от 10 мая 1820 г. Клей впервые представил свое видение единства американских государств при главенствующем положении Соединенных Штатов. Эти идеи будут развиты им в Лексингтонской речи в мае 1821 г. Дебаты привлекают внимание не только своей внешнеполитической тематикой. Интересна поставленная Клеем конституционная проблема соотношения полномочий президента и Сената, с одной стороны, и нижней палаты – с другой, в определении внешней политики государства.

Действия Генри Клея в поддержку «южных братьев» были замечены в Латинской Америке. Колумбийский конгресс особой

резолюцией выразил ему благодарность наряду еще с несколькими видными иностранцами, такими как аббат де Прадт[647]. В Боготе в его честь будут звучать тосты[648].

Идея «Американской системы» также была воспринята латиноамериканской общественной мыслью. К примеру, гватемальский публицист и политик Хосе дель Валье (1777–1834) писал о становлении «Американской *системы*» в противовес господствующей системе Европы[649]. Впрочем, у Клея нашлись и серьезные оппоненты. Гарвардский профессор, а в недалеком будущем политик Эдвард Эверетт (1794–1865) был склонен думать, что «Южная Америка станет для Америки Северной тем же, чем Азия и Африка являются для Европы»[650]. Наконец, не все американцы спешили признать себя частью системы своего полушария. Монархическая Бразилия, исходя из своего политического режима, настойчиво претендовала на место именно в «европейской системе»[651].

Память о выступлениях Клея не забылась и через много лет. Так, когда Клей готовился к президентской кампании 1844 г., филадельфийские виги заказали его парадный портрет. На большом полотне кисти популярного тогда живописца Джона Нигля (1796–1865) Клей, стоя на платформе кентуккийского мрамора, указывает на глобус, повернутый так, что видна Южная Америка с Панамским перешейком. Справа от героя на заднем плане – морской корабль, пасущиеся коровы, плуг и горн – аллегория «внутренних улучшений». Художник символически изобразил две стороны «Американской системы», роль Клея в признании независимости «южных братьев» и подготовке к межамериканскому Панамскому конгрессу 1826 г. Сегодня авторскую копию этого портрета видят миллионы посетителей Конгресса США на третьем этаже в восточном коридоре возле зала заседаний[652]. Новая волна интереса к Клею будет связана с панамериканизмом конца XIX – начала XX вв. Например, в 1905 г. один аргентинский политик предложил назвать именем Клея улицу в Буэнос-Айресе и полагал необходимым ставить памятники в его честь в каждой латиноамериканской столице[653].

Тем временем, пока в США разгоралась дискуссия о возможности пересмотра так и не вступившего в силу Трансконтинентального договора, изменилось отношение к нему в самой Испании. Успехи революционного движения Рафаэля дель Риего сделали мадридский двор сговорчивее в вопросах внешней политики. 30 сентября 1820 г. вновь созванные Кортесы секретно ратифицировали договор и признали королевские земельные пожалования во Флориде недействительными. 24

октября ратификационная грамота была подписана королем Фердинандом. Не исключено, что одной из важнейших причин изменения испанской политики стала также угроза принятия предложенного Клеем радикального курса на захват Техаса и признание независимости Испанской Америки. Так политик мог косвенно содействовать вступлению в силу договора, который он так пламенно критиковал.

13 февраля президент передал договор на рассмотрение Сената. 19 февраля он был вторично ратифицирован, правда, на сей раз не единогласно, а с четырьмя голосами «против»[654]. 22 февраля – ровно через два года после подписания – произошел наконец, обмен ратификационными грамотами между государственным секретарем Адамсом и новым испанским посланником Франсиско Дионисио Вивесом (1755–1840)[655]. Вечером 3 марта Сенат единогласно принял закон об исполнении договора 1819 г. с Испанией. Таким образом, все формальности были выполнены – договор вступил в силу[656]. Отныне Флорида по закону стала принадлежать Соединенным Штатам, а Техас номинально остался испанским – а на деле принадлежал Мексике, окончательно добившейся независимости в том же 1821 г.

Подведем промежуточный итог. Расизм, очевидно, присутствовал в создании образа Латинской Америки в США, но как фактор он, на наш взгляд, уступал антикатолицизму и «черной легенде». Обычно расизм выходил на поверхность, когда движение негров разворачивалось (или грозило развернуться) в опасной близости от рабовладельческих штатов Юга, как то было на Амелии или Кубе. Кстати, многие северяне-либералы считали расистские предрассудки недостойными просвещенного человека, – но вот «черная легенда», которую, увы, часто пропагандировали сами революционеры-креолы, как раз хорошо сочеталась с республиканской идеологией.

Вера североамериканцев в конечный успех южных соседей зиждилась на абстрактных теориях Просвещения, укоренившемся к 1810-м гг. республиканском оптимизме и вере в изменчивость человеческой природы. Их скепсис и сомнения в республиканской добродетели креолов, напротив, восходили к вековым антииспанским и антикатолическим предрассудкам Северной Европы, порой (но далеко не всегда) отягощенным расистскими представлениями.

Весьма незначительны были успехи латиноамериканских эмиссаров в Соединенных Штатах. Им не удалось ускорить признание независимости своих стран. Серьезнейшим препятствием на их пути стали надежды кабинета Монро

получить от Испании Флориду – государственный секретарь Адамс не хотел рисковать успехом переговоров с испанским посланником Луисом де Онисом. Однако борьба Испанской Америки против метрополии трактовалась властями как гражданская война, а не как восстание против законной власти, так что корабли революционеров могли свободно торговать в портах США[657].

Безусловно, дело борцов против власти монархической Европы вызывало общее сочувствие многих купцов и журналистов в крупнейших городах США, особенно в Филадельфии и Балтиморе, а также Нью-Йорке. Очевидно, граждане одинокой молодой республики стремились увидеть в революционерах возможных союзников. Не случайно латиноамериканцев постоянно называли «южными братьями».

Впрочем, авантюризм военных вождей, таких как Мина или Каррера, порой ставил это сочувствие под угрозу. От взора североамериканцев не могла ускользнуть и ожесточенная фракционная борьба среди революционеров. Вербовка моряков и солдат в городах США вызывала естественное возмущение. К 1819 г. публика была полностью разочарована в любых проектах освободительных экспедиций, снаряжение которых проходило бы на территории Соединенных Штатов. Противодействие скептикам выразилось в «идее Западного полушария», которая нашла свое законченное воплощение во внешнеполитической составляющей «Американской системы» Генри Клея – плане республиканского союза государств Нового Света под эгидой США в противовес монархической Европе.

Глава II
«Медовый месяц»: от признания к Панамскому конгрессу, 1822–1826

Соединенные Штаты признают независимость Латинской Америки! Торговые отношения и дипломатия

Ратификация Трансконтинентального договора сняла самое серьезное препятствие признанию независимости государств Латинской Америки. Адамс прямо увязывал его с приобретением Флориды. В дневнике он записал: если революционная нестабильность в Испании продолжится, «мы будем вынуждены овладеть Флоридой, и с этим, думал я, одновременно признать Колумбийскую республику»[658].

При этом Адамс ни в коей мере не разделял оптимизм Клея в отношении «южных братьев». Вскоре после ратификации Трансконтинентального договора у двух будущих кандидатов на президентский пост состоялась длительная, чрезвычайно важная беседа. Клей сожалел о разногласиях с администрацией по Южной Америке, но надеялся на их скорейшее разрешение. Адамс достаточно откровенно изложил свои взгляды: «Я никогда не сомневался, что итогом их [восставших провинций] нынешней борьбы будет полная независимость от Испании. Так же ясно, что наша верная политика и наш долг заключаются в том, чтобы не принимать чью-либо сторону в этой схватке. Принцип нейтралитета во *всех* иностранных войнах, по моему мнению, фундаментален для сохранения наших свобод и нашего союза. Пока они сражаются за независимость, я желаю их делу всего самого лучшего; но я не видел и не вижу сейчас никаких надежд (prospects) на то, что они создадут свободные или либеральные государственные учреждения. Они вряд ли разовьют дух свободы или порядка…». От сотрудничества Соединенных Штатов с новыми государствами, заметил Адамс, не видно особой пользы ни в политической, ни в экономической областях[659].

Оставаясь скептиком, Адамс прекрасно понимал неизбежность обретения государствами Латинской Америки политической независимости, а значит, и неизбежность ее признания Соединенными Штатами. Следующим логическим шагом должно было стать официальное признание испанских колоний при сохранении нейтралитета.

В 1821–1822 гг. Клей на время покинул политику, стремясь поправить трудное финансовое положение. Уже 7 июня 1820 г. Клей помещает в лексингтонском “Kentucky Reporter” объявление о том, что он собирается возобновить свою адвокатскую деятельность. После окончания сессии Конгресса Клей на

торжественном банкете объявляет о временном уходе из политики, объясняя это «мужским долгом по отношению к своей семье» и необходимостью сохранить «независимость мыслей и действий»[660].

Вернувшись на время в родной штат, Клей все же не забывал о своем основном призвании. Краткая речь на банкете в Лексингтоне от 19 мая 1821 г. стала одним из наиболее ярких его выступлений. Клей кратко изложил видение внешнеполитического курса Соединенных Штатов и свою программу «внутренних улучшений»[661]. Он вновь осуждает политику Священного союза, чей принцип легитимизма, по сути, означает «более мягкое и скрытое наименование деспотизма». Клей напоминает аудитории о недавнем подавлении неаполитанских революционеров по решению Лайбахского конгресса. Вряд ли усмирение итальянских карбонариев войсками соседней Австрии убедило Клея в возможности применения силы против заокеанских революций, однако на фоне подобных предупреждений сильнее звучало его главное предложение.

Суть внешнеполитических взглядов Клея в то время выразилась в предложении создать «род противовеса Священному союзу» в «обеих Америках, во благо Национальной Независимости и Свободы, для действий силою примера и нравственного влияния; здесь должно быть место сбора (rallying point) и прибежище для свободных людей и для самой свободы»[662]. Мысль о создании на всем пространстве американского континента «противовеса Священному союзу» Бимис назвал «Лексингтонской доктриной» Клея[663]. В этом состояла внешнеполитическая составляющая его знаменитой программы «Американской системы». Важным идейным звеном системы Клея были антимонархизм и взлелеянная еще отцами-основателями подозрительность к Старому Свету. Призывая не доверять «политике низкого торга» (higgling policy) королей и «двуличных посланников», сторонник Клея Тримбл выразил общее мнение сограждан[664].

Помимо панамериканского единства в противовес Священному союзу, существовал и другой вариант борьбы с его принципами. В мае 1820 г. в “Edinburgh Review” была опубликована статья, где предлагался союз английских либералов с Соединенными Штатами против легитимизма Священного союза, отстаивавшего свои позиции во Франции, в Испании, в Италии[665]. Адамс с большим вниманием прочитал эту статью и остался ею сильно недоволен: «Она внушает политическую доктрину самого гибельного направления для этой страны, тем

более гибельную, что она льстит нашему тщеславию – доктрину, утверждающую *деятельное* участие в будущей политической реформации Европы политическим долгом Америки». Его не удовлетворял ни один вариант ответа на реальную или мнимую угрозу Священного союза в обеих полушариях – ни панамериканское единство, ни англо-американский союз. Более того, Адамс, как впрочем и Клей, не верил в возможность интервенции Священного союза в Новый Свет[666]. Государственный секретарь не позволял себе увлечься различными масштабными внешнеполитическими проектами, которые могли бы, по его мнению, нанести ущерб национальным интересам Соединенных Штатов.

Ответом Адамса на статью из “Edinburgh Review” и «Лексингтонскую доктрину» Клея стала его торжественная речь, обращенная к гражданам Вашингтона в День независимости[667]. Облаченный в докторскую мантию, Адамс с балкона Капитолия в самых возвышенных выражениях изложил историю завоевания Соединенными Штатами независимости и особо остановился на замечательных достижениях его родины. Многих удивили и даже поразили содержавшиеся в речи явные антианглийские выпады. Если же отвлечься от высокопарных утверждений, которые исследователи любят приводить как пример раннего американского национализма, смысл речи заключается в следующем: с одной стороны, Адамс утверждает право народов самостоятельно решать свою судьбу, с другой, отстаивает политику невмешательства[668]. Адамс предупреждал против соблазна участвовать в «политической реформации» Европы или Южной Америки и насаждать повсюду республиканизм: «Благословения, молитвы и сердце [Америки] – с теми, кто развернул стяг свободы и Независимости. Но она не устремляется в другие страны в поиске чудовищ. Она всем желает свободы и независимости, но борется лишь за свою» (But she goes not abroad, in search of monsters to destroy. She is the well-wisher to the freedom and independence of all. She is the champion and vindicator only of her own)[669].

Таким образом, государственный секретарь косвенно дал понять, что Соединенные Штаты готовы признать независимость испанских колоний, но не будут связывать себя какими-либо обязательствами по отношению к ним. Это было первое высказывание такого рода, сделанное не в частной беседе, а перед огромной аудиторией.

Речь Адамса не осталась в тот день единственным выпадом против европейских держав. На последовавшем после речи государственного секретаря банкете прозвучала язвительная

шутка (по выражению русского посланника Полетики – «жалкий каламбур») зятя Монро Джорджа Хэя, опубликованная на следующий день в “National Intelligencer”. Он провозгласил тост за «вечное процветание и славу Священного союза – наших Соединенных Штатов».

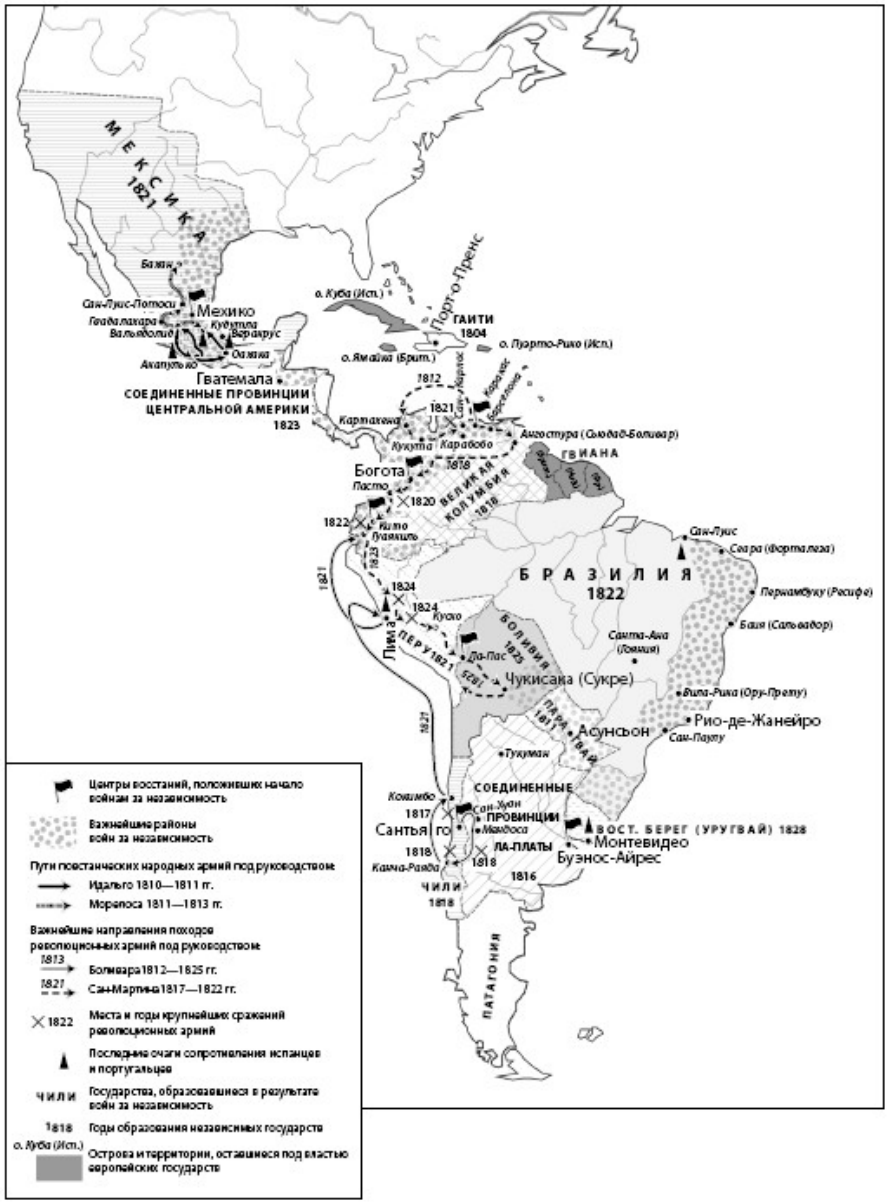
Неожиданно резкий настрой речи обычно сдержанного Адамса вызвал негодование многих дипломатов. Так, Полетика охарактеризовал речь Адамса как «злобную диатрибу против Англии», рассчитанную не на образованных и просвещенных граждан, а на «численное большинство американской публики». Сам государственный секретарь, по мнению русского посланника, добровольно выступил в роли, приличествующей молодым начинающим адвокатам. В то же время Полетика отметил, что определенные положения речи Адамса составляют «краеугольный камень (clef) американской политики»[670]. Таким образом, расчет Адамса, что его голос будет верно понят в Европе, можно считать оправдавшимся.

Речь Адамса от 4 июля 1821 г. показывает, что поворот в настроениях администрации, которого так долго ждал Клей, уже совершился. Этот поворот был связан с успешной ратификацией «величественного» (magnificent – определение Бимиса) Трансконтинентального договора. Последние преграды на пути признания испанских колоний были сняты.

8 марта 1822 г. президент Монро, давно ждавший удачного момента, обратился к Конгрессу с просьбой признать независимость государств Латинской Америки – Ла-Платы, Великой Колумбии, Чили, Перу и Мексики. Особо президент подчеркнул, что это решение не означает отказа от политики нейтралитета и не должно привести к ухудшению отношений с Испанией, которая, как он утверждал, в последнее время проявляла совсем мало внимания и интереса к событиям в своих американских колониях[671]. Доклад по вопросу признания испанских колоний вскоре предоставил член Комитета по международным делам, давний сторонник Генри Клея Джонатан Рассел (1771–1832). Публикуя этот текст, еще недавно крайне скептический “Columbian Centinel” назвал доклад «талантливым и умным государственным документом»[672]. Подчеркнем, что, несмотря на все усилия Клея, инициатива в признании государств Латинской Америки исходила в итоге от исполнительной, а не законодательной власти.

Конгресс одобрил доклад 28 марта, а уже 4 мая депутаты поддержали выделение суммы в сто тысяч долларов на создание дипломатических представительств. На этот раз согласие Конгресса было почти единодушным: 167 голосов «за» и лишь 1

«против» в нижней палате и 39 «за» при 3 «против» в Сенате[673]. Разительный контраст по сравнению с голосованиями 1818–1820 годов!



Молодые латиноамериканские государства

Единственным депутатом, голосовавшим против в Палате представителей, был земляк Монро виргинец Роберт Гарнет (1789–1840). Уже на следующий день президент устроил ему резкий выговор за такое противостояние общественному мнению

и откровенно попросил признать ошибку: признание Латинской Америки произведет «сильнейший эффект повсюду, особенно в Испании и провинциях», но отсутствие единодушия ставит под вопрос действенность поступка. Гарнет решил сделать покаянное заявление, отметив, что «в принципе» он за поддержку новых республик, но голосовал против по тактическим соображениям. «Я не против независимости бывших провинций, напротив, разделяю мнение остальных моих соотечественников. Я сердечно радуюсь их достижениям и перспективам свободы и счастья, которые теперь открылись им», – заключал депутат[674].

Испанский посланник Хоакин де Андуага сразу обвинил Соединенные Штаты в нарушении норм международного права, но главное, в расчетливом цинизме – признание произошло сразу после приобретения Флориды. Адамс холодно ответил, что война в испанских колониях уже, по сути, закончилась и Соединенные Штаты лишь подтвердили фактическое положение вещей[675].

Мэдисон даже посоветовал президенту издать особый меморандум с разъяснением политики признания Соединенных Штатов, где подчеркивались бы давняя симпатия общественного мнения к борьбе «соседей», нейтралитет и, наконец, прогресс самих новых республик[676]. Как всегда осторожный Монро признавался, что курс на признание не был лишен риска, но откладывать его значило вызвать разочарование молодых республик Южной Америки, чем не преминули бы воспользоваться европейские державы[677].

К этому времени североамериканская публика действительно была единодушно настроена в поддержку признания. Дэвид Тримбл был прав, когда в своей речи в конгрессе утверждал, что новая латиноамериканская политика – следствие *«мощи общественного мнения»*[678]. За такой курс Монро – Адамса выступили даже вчерашние скептики, консервативные редакторы склонных к федерализму изданий, поскольку они в целом поддерживали администрацию.

Так, “Columbian Centinel” одобрял поступок кабинета и ошибочно полагал, что объятая революцией метрополия признает независимость своих американских владений в ближайшие полгода[679]. Столь же недоверчивая поначалу, как и “Columbian Centinel”, филадельфийская “National Gazette” также изменила свою позицию. Позднее в частной переписке редактор издания Роберт Уолш утверждал, что читал все доступные ему материалы о Латинской Америке, и высоко отзывался о революционных вождях[680]. Приветствовал признание и высоколобый бостонский журнал “North American Review”, издававшийся тогда Эдвардом Эвереттом[681].

Признание независимости «южных братьев» могло примирить с администрацией ее давних критиков, наследников джефферсоновской линии. Предпринимались даже попытки привлечь на сторону администрации радикального демократа старой закалки, яркого сторонника борьбы латиноамериканцев Уильяма Дуэйна. Узнав об этом, Адамс попросил прекратить подобные действия и раздраженно заметил, что скорее предпочтет, чтобы Дуэйн и “Aurora” выступали против, а не в поддержку его[682].

Монро и Адамс не хотели спешить с назначением посланников в признанные государства, предпочитая выждать, кого (и в каком дипломатическом ранге) пришлют сами революционеры. Монро опасался, что назначение посланников, а не поверенных в делах во вновь признанные республики может вызвать подозрения иностранных держав, которые могут решить, что «наша цель состоит в том, чтобы объединить эти новые правительства против европейских государств». В ответ же, боялся президент, Европа может выступить против Южной Америки, если не против самих Соединенных Штатов[683].

Мемориальная доска – дань уважения Мануэлю Торресу – на здании церкви св. Марии в Филадельфии

Хотя Кроуфорд был готов сразу назначить четырех посланников, Адамс настоял на своем – ждать, кого направят в

США Мексика, Ла-Плата и Чили, и признать Мануэля Торреса представителем Великой Колумбии[684]. С Адамсом соглашались другие члены кабинета – Джон Кэлхун и Смит Томпсон (1768–1843)[685]. Итак, первым формально признанным государством стала не Ла-Плата, как предполагал в 1818 г. Клей, а Великая Колумбия. Это стало данью уважения к тяжело больному астмой Торресу, добившемуся, наконец, основной цели – международного признания независимости своей родины.

19 июня 1822 г. Адамс торжественно представил президенту Торреса как поверенного в делах Колумбийской республики. С трудом передвигавшийся колумбиец был глубоко взволнован церемонией, но нашел в себе силы произнести короткую речь. Президент предложил ему сесть и «говорил с ним с добротой, тронувшей его до слез». Беседа продолжалась всего несколько минут. Напоследок Торрес подарил Адамсу экземпляр конституции родной страны[686].

Главное дело жизни Торреса было выполнено. После торжественного приема он вернулся в Филадельфию, где скончался менее чем через месяц. Его похороны с военными почестями на кладбище при церкви св. Марии стали значительным событием в жизни города. В траурной процессии участвовали все видные жители Филадельфии, прощаться с телом шли с раннего утра до половины первого пополудни, корабли гавани приспустили флаги[687]. В сентябре того же года обанкротится лучший друг Торреса, уже немолодой Уильям Дуэйн, преследуемый долгами и падением тиража. После продажи газеты “Aurora” и всего имущества знаменитый журналист, воспользовавшись предложением купцов уладить один торговый спор, отправится в Великую Колумбию, чтобы своими глазами увидеть мир, борьбе за интересы которого он отдал столько сил[688].

Несмотря на определенный отход от изоляционизма, разумный скепсис Адамса в отношении связей с новыми государствами Западного полушария сохранялся. В июне 1822 г. он записал в дневнике: «Что бы мы ни делали, торговля с Южной Америкой будет намного важнее и полезнее для Великобритании, чем для нас… по той простой причине, что у нее есть возможность (power) обеспечить их потребности своими мануфактурами»[689]. Время подтвердит прогноз государственного секретаря.

Когда Трансконтинентальный договор уже вступил в силу, а государства Западного полушария были признаны, у Клея и Адамса не осталось поводов для разногласий в области внешней политики. Бимис с явным удовлетворением замечает:

«Противоположные направления латиноамериканской политики Адамса и Клея к 1823 г. сблизились, так что все различия сошли на нет. Отзывчивый Клей, отстаивая идеалы освобождения всего Нового Света и его политического отделения от европейской системы сакрального монархизма и политики силы, в итоге согласился, чтобы Адамс в первую очередь обеспечил континентальные интересы самих Соединенных Штатов. Невозмутимый Адамс, достигнув своей честолюбивой дипломатической цели – трансконтинентальной республики – жизненно важной территориальной основы государства, затем способствовал воплощению более широких американских концепций Клея»[690]. Подчеркивая общее во взглядах двух политиков, Бимис, на наш взгляд, ближе к истине, чем современный исследователь Кинли Брауэр (1935–2003). Последний видит в Генри Клее лидера промышленников-протекционистов, надеявшихся на латиноамериканский рынок, а в Адамсе – выразителя взглядов купцов, которым был выгоден нейтралитет[691]. Однако из предыдущего абзаца как раз видно, что и Адамс думал об интересах нарождавшейся североамериканской промышленности. Умеренность правительственного курса до 1822 г. диктовали в первую очередь не узко экономические причины, а интересы экспансии США и природная осторожность опытных дипломатов Монро и Адамса.

Соединенные Штаты стали первым иностранным государством, которое установило дипломатические отношения с революционными правительствами Испанской Америки (если не считать находившийся в Рио-де-Жанейро португальский двор, признавший в 1821 г. независимость Чили). В 1822 г. этот шаг не выглядел политическим безрассудством, пользовался всеобщей поддержкой общественного мнения страны и предоставлял определенные козыри при налаживании торговых связей с Латинской Америкой. В Европе действия США вызвали не протест, а понимание, их поддержали ведущие газеты – французская “Journal des Debats” и английская “London Courier”[692]. Оставалось только грамотно использовать возникшее преимущество.

Первыми посланниками Соединенных Штатов в бывших испанских колониях стали люди, давно отстаивавшие необходимость признания Латинской Америки. Участник южноамериканской комиссии 1817–1818 гг. делавэрец Сизер Родни получил назначение в Ла-Плату, кентуккиец Ричард Клауф Андерсон – в Великую Колумбию. В далекое Чили неожиданно был направлен строгий провинциал из Вермонта Хеман Аллен[693]. В своих обширных инструкциях Адамс отказывается от

того скептического тона, которым была проникнута его беседа с Клеем в феврале 1821 г., видимо, понимая, что их текст может быть опубликован. Как пишет Бимис, «слова Джона Куинси Адамса вполне могли бы быть словами самого Генри Клея»[694]. Действительно, государственный секретарь называет независимость Латинской Америки одним из значительнейших мировых событий, надеется на процветание межамериканских отношений, основанных «на новых принципах политики и морали, вызывающих отвращение монархов и господ Старого Света, но распространяющихся на всю поверхность земли и вечных, как смена времен года». Адамс верил, что основой государственного строя новых республик станут «*гражданская, политическая, торговая и религиозная свободы*». Впрочем, такой гимн «Американской системе» не означал отказа от привычного нейтралитета: Соединенные Штаты были готовы поддержать идею дипломатического конгресса Западного полушария, но выступали против разного рода конфедераций.

Главными задачами дипломатов были развитие торговых связей с молодыми республиками и противостояние «монархическому» европейскому влиянию в Новом Свете. Предполагалось заключение договоров о дружбе и торговле и мореплавании, желательно на основе принципа взаимности (reciprocity) или же наибольшего благоприятствования. Адамс подчеркивал необходимость продвигать в отношениях с признанными государствами североамериканское правило свободы морей, защищавшее нейтральное судоходство[695].

Именно содействие экономическим интересам североамериканских купцов должно было стать основной задачей дипломатов. Подготовленное чтением Гумбольдта и Торреса, общественное мнение ожидало настоящего прорыва в межамериканских коммерческих связях. Например, нью-йоркский сторонник Клея, автор школьных учебников и приключенческих морских историй Уильям Карделл (1780–1828) полагал, что три года непризнания (1819–1822) обошлись североамериканской торговле в 20 миллионов долларов[696].

С признанием независимости стран Латинской Америки объем работы в государственном департаменте да и сам его бюджет резко возросли. Так, из четырнадцати государств, с которыми в 1825 г. Соединенные Штаты поддерживали дипломатические отношения, семь относились к американскому континенту. В Великой Колумбии, Чили и Мексике представители США имели дипломатический ранг посланника, а не поверенного в делах – тем самым отношения с этими государствами были приравнены к отношениям с европейскими державами – Англией,

Францией, Россией, Испанией. Количество консулов США в государствах Латинской Америки также было весьма велико: к примеру, в Мексике их было шесть. На Латинскую Америку приходилось вплоть до половины всей той огромной официальной переписки, которую вел преемник Адамса Клей на посту государственного секретаря.

Сложнее судить о важности этих интенсивных дипломатических контактов с Латинской Америкой. Главным направлением внешней политики США, безусловно, оставалось английское – продолжались трудные и в целом малоуспешные переговоры по статусу Орегона, по определению границы США с Канадой, по торговле с Британской Вест-Индией.

Господствуя в мировой экономике, Великобритания – «владычица морей» и главная соперница США на американском континенте – быстро заняла главные позиции во внешней торговле молодых государств[697]. Кроме того, именно с ней латиноамериканцы связывали надежды на политическую поддержку новых режимов. Широко известно, насколько привлекательной казалась Симону Боливару английская политическая система. Наконец, географическая удаленность Англии позволяла надеяться на отсутствие у нее экспансионистских устремлений в Новом Свете. Рост британского влияния в Латинской Америке отмечали все североамериканские дипломаты[698].

Чрезвычайно важен был и личный фактор. Уровень знаний и опыта английских дипломатов, как правило, соответствовал сложности стоявших перед ними задач. Умение английского поверенного в делах в Мексике Генри Уорда (1797–1860) тактично настоять на своей позиции выгодно отличалось от упрямого напора и интриганства посланника США Джоэля Пойнсета. Другим ярким примером служит бесплодное соперничество поверенного в делах в Буэнос-Айресе Джона Форбса с английскими дипломатами Вудбайном Пэришем (1796–1882), а затем лордом Понсонби (ок. 1770–1855). Североамериканскому посланнику в Испании Александру Эверетту, сменившему на этом посту Хью Нельсона (1768–1836), также было нелегко составить конкуренцию искушенному Фредерику Лэму (1782–1853)[699].

К тому времени окончательно установилось место торговли США в Западном полушарии. В 1820-е гг. объем торговли США с Латинской Америкой снизился по сравнению с пиком «перевозочной» торговли военного времени[700]. Заключительной «революционной» страницей межамериканской торговли стали поставки продовольствия в последние форпосты роялистов. При

поддержке североамериканской эскадры коммодора Стюарта нейтральные суда перевозили зерно из Чили (в первую очередь через Вальпараисо) в блокированный чилийским же флотом Кальяо, где испанцы держались вплоть до января 1826 г. Спасая этот порт от голодной смерти, купцы получали невиданные сверхприбыли[701].

Конец 1820-х гг. можно условно считать временем стабилизации межамериканской торговли после бурных событий войны за независимость. Ценным рынком сбыта североамериканских товаров стала Мексика: на ее долю в 1830 финансовом году приходилось почти 34 процента экспорта США в Латинскую Америку, импорт же был совсем невелик.

Еще важнее для Соединенных Штатов была колониальная Куба – крупнейший поставщик сахара в мире: ее доля в латиноамериканском экспорте США в том же финансовом году составляла более 32 процентов, а в импорте – более 48 процентов, общий товарооборот – свыше 40 процентов. Подобная пропорция сохранится и в следующие пять лет. Голландский консул генерал Лоеб отмечал, что Куба, по сути, принадлежит американцам, которые контролируют % кубинской торговли и не несут расходов по управлению островом[702]. Выдающийся английский экономист, министр Уильям Хаскиссон (1770–1830) в разговоре с Альбертом Галлатином назвал остров de facto колонией США[703]. К примеру, в 1826 г. из 964 судов в Гаванском порту 783 прибыли из Соединенных Штатов, а в 1827 г. – 916 из 1053[704]. В целом же на протяжении 1820–1833 гг. объем торговли США с Кубой равнялся в среднем 12 миллионам долларов в год[705]. Купцы утверждали, что торговля США с Гаваной уступает только торговле с Ливерпулем[706]. Ключевой была роль треугольной и «перевозочной» коммерции: купцы закупали кубинский сахар и в обмен на него получали европейские товары. Именно «открытие» этого товарооборота позволило Н. Н. Болховитинову опровергнуть установившееся мнение о слабости русско-американских торговых связей в 1810-е – 1830-е гг.[707]

В целом же доля Латинской Америки во внешней торговле США достигала 20 процентов. Можно смело утверждать, что лишь торговля с ближайшими южными соседями – Мексикой и Кубой – представляла для Соединенных Штатов значительный интерес. К числу основных торговых партнеров США на американском континенте принадлежали также Британская Вест-Индия и Гаити. Место Южной Америки во внешней торговле США было незначительным: товарооборот был меньше торговли, например, с Гаити. Среди портов, на которых держалась межамериканская коммерция, по-прежнему выделялся Балтимор[708].

Предприимчивые янки стремились расширить свое экономическое присутствие в Латинской Америке, выйти за рамки исключительно торговли. Энтузиаст Уильям Торнтон одновременно со своей бескорыстной деятельностью в поддержку «южных братьев» хотел закрепить в Латинской Америке свои права на устройство пароходного сообщения[709]. Опираясь на личную дружбу с Гуалем, он получил это исключительное право в Великой Колумбии для себя и своего компаньона Фернандо Ферфакса[710]. Переписка с Гуалем показывает, что Торнтон был не единственным претендентом на патент, причем борьба за будущие подряды по организации речного транпорта разгорелась, когда и Магдалена, и озеро Маракайбо еще находились в руках роялистов.

В Буэнос-Айресе Торнтон столкнулся с соперничеством консула Томаса Хэлси, который уже сам успел получить соответствующий патент. Хэлси согласился признать приоритет Торнтона, но с условием, что будет получать 30 % прибыли[711]. Торнтон пытался закрепить свои права на пароходные перевозки и в Бразилии, но получил вежливый отказ[712].

Увы, все планы престарелого главы вашингтонского Патентного ведомства так и остались на бумаге. В 1823 г. 20-летнюю привилегию на обустройство пароходного транспорта по реке Магдалене получил уроженец Рейнской области Хуан Бернардо (Иоганн Бернард) Элберс (1776–1853). В 1825 г. он заказал нью-йоркским инженерам судно «Боливар», но дело не сдвинулось с мертвой точки и в 1828 г.[713] Как раз в 1820-е гг. товарооборот по Миссисипи вырос лавинообразно, но вот Магдалену оседлать не удалось. Регулярное сообщение будет налажено только после 1850 г., когда отмена монополии приведет к подлинному буму табачной промышленности[714].

В те годы была в очередной раз выдвинута идея строительства канала между Тихим и Атлантическим океанами. “Edinburgh Review” ожидала, что, завоевав независимость, Латинская Америка справится с этой задачей менее чем за полвека[715]. Североамериканцы так долго ждать не хотели: уже с 1820 г. они обсуждали прокладку канала через Панамский (Дарьенский) перешеек[716]. Маршрут через озеро Никарагуа предлагал Уильям Робинсон[717].

Официально идею постройки канала высказал посланник Центральной Америки в Вашингтоне Антонио Хосе Каньяс (1785–1844), предполагая проложить его через территорию Никарагуа. Соединенные Штаты заинтересовались идеей. Клей даже думал об обсуждении этой темы на Панамском конгрессе[718]. После торжественного открытия судоходства по каналу Эри (6 октября

1825 г.) все казалось тогда по плечу умелым североамериканцам.

В июне 1826 г. нью-йоркский купец А. Палмер с партнерами, опередив английскую компанию Баркли, выиграл право построить канал через озеро Никарагуа и устроить пароходное сообщение между океанами. По оптимистичным подсчетам на строительство требовалось 6 тысяч рабочих и полтора года[719]. Увы, уже в марте 1827 г. Палмер признал невозможность осуществить свой проект. По слухам, право было передано одному французскому барону[720].

При тогдашнем уровне как техники, так и эпидемиологии (невозможность борьбы с желтой лихорадкой) дело не могло пойти далеко – и открытия канала пришлось ждать еще почти 100 лет. Однако разнообразные иллюзии сохранялись – в 1828 г. поверенный в делах в Боготе Бофорт Уоттс (1789–1869) получил для одной североамериканской компании право строительства железной дороги через Панамский перешеек[721].

Общество и экономика стран Латинской Америки не были готовы воспринять первые плоды промышленного переворота – и о пароходном сообщении, и о каналах, и о железных дорогах речь, конечно, вести было еще рано. Из-за политической нестабильности провалились идеи заселения Великой Колумбии эмигрантами из Европы и США[722].

Намного успешнее складывались дела у купцов, традиционно продвигавших как треугольную, так и «перевозочную» торговлю. В 1826 г. путешествие вдоль тихоокеанского побережья Южной Америки совершил бриг бостонца Чарльза Брэдфорда «Гилпин». Брэдфорд продавал чилийцам и перуанцам кантонские товары, в первую очередь шелка и другие ткани, шали, чай. Особым спросом на тихоокеанском побережье пользовался именно шелк, ведь в Перу дольше всего в иберийском мире сохранялся обычай носить мантильи[723]. В Китае партнером была знаменитая фирма Томаса Хэндэсида Перкинса. Из Чили в Перу везли зерно, в Перу закупали боливийское олово, драгоценные металлы, шерсть[724].

С начала 1820-х гг. новоанглийские моряки, в основном, из Нэнтакета и Нью-Бедфорда, активно развивали китобойный промысел на Тихом океане[725]. Его пик придется на 1840-е гг.

В 1824 и 1826–1827 гг. в свои первые торговые экспедиции в Бразилию и на Кубу отправился будущий знаменитый бостонский богач и благотворитель Огастес Хеменуэй (1805–1876). 1829–1837, 1838–1839 гг. он проведет в Вальпараисо, вывозя из Чили медь, шерсть, шкуры. К середине XIX века его интересы будут включать также торговлю с Перу и Боливией и производство сахара на Кубе[726].

Очевидно, налаживание экономических связей при всей

аполитичности торговых занятий не всегда проходило гладко. Английский путешественник Бэзил Холл вспоминал, как в мае 1822 г., сразу после провозглашения империи Итурбиде, в один мексиканский городок прибыло судно из США. Рассматривая товары, мексиканцы заметили на подошвах башмаков штамп с гербом США и приняли это за оскорбление их собственного, только что принятого национального герба – имперского орла. Градоначальнику пришлось снарядить на корабль особую комиссию, которая убедились, что белоголовый орлан изображен там почти повсюду Тем не менее доверие местного населения так и не было полностью восстановлено[727].

Конечно, даже энергичным североамериканцам трудно было конкурировать с главной коммерческой державой XIX столетия. С ослаблением роли метрополии в Латинской Америке свое присутствие там быстро наращивала Англия. Если в 1808 г. английский торговый оборот с Латинской Америкой уступал североамериканскому, то впоследствии положение сильно изменилось. На протяжении 1820-х гг. торговля Англии с Латинской Америкой более чем вдвое превышала торговлю Соединенных Штатов. Иначе и быть не могло: промышленность США была тогда слишком слаба, чтобы удовлетворить спрос потенциальных импортеров. Впрочем, общая доля Латинской Америки в совокупном объеме внешней торговли США была выше соответствующего показателя в Англии, многие политики США опасались конкуренции латиноамериканских сельскохозяйственных товаров[728]. Объем латиноамериканской торговли в английском внешнем товарообороте 1800-х – 1830-х гг. ни разу не превысил 12 процентов (уровень 1825 г.).

Никто не мог оспорить место Англии как главного, а то и единственного кредитора Латинской Америки. Уже в 1824–1825 гг. первые займы были предоставлены Лондоном Мексике, Аргентине, Бразилии. Англия была в те годы единственной страной, которая могла себе позволить крупные капиталовложения за границей. Ее инвестиции в облигации молодых государств, а также ценные бумаги вновь образованных акционерных обществ (обычно горнорудных) быстро составили значительную сумму, однако этот спекулятивный инвестиционный бум завершился к концу 1827 г. полным крахом и банкротством подавляющего большинства компаний[729]. Так, если на рубеже 1824–1825 гг. колумбийские облигации шли в Лондоне по 96 фунтов, то осенью 1826 г. они не стоили уже больше 30. С перуанскими ценными бумагами дело обстояло еще хуже[730]. Тем не менее, и в дальнейшем Англия продолжала занимать главное место как инвестор и кредитор Латинской

Америки[731].

Крах горнорудных компаний стал очевидным следствием завышенных ожиданий, основанных в первую очередь на статистике Гумбольдта. Так, он писал, что вывоз серебра из Испанской Америки составляет 3,5 миллиона марок серебра, Торрес говорил, что реальная цифра и того больше – 5,5 миллионов[732]. На деле же никто никогда не знал подлинных объемов производства, но, по примерным оценкам, разоренные войной 1810-х – начала 1820-х гг. шахты Перу, Боливии, Мексики восстановили дореволюционный уровень добычи только в 1840-е гг.[733]

Под эгидой доктрины Монро

Концентрированным выражением внешней политики ранней республики стали тезисы президентского послания Конгрессу, составившие впоследствии доктрину Монро. Серьезную роль в ее создании сыграли весь ход обсуждения, подписания и ратификации Трансконтинентального договора, а также дискуссии о признании независимости государств Нового Света. Доктрина Монро прекрасно изучена несколькими поколениями исследователей, что позволяет нам ограничиться лишь кратким очерком ее становления и места в латиноамериканском курсе США в 1820-е гг.

2 декабря 1823 г. президент Монро провозгласил «в качестве принципа, с которым связаны права и интересы Соединенных Штатов, что американские континенты ввиду свободного и независимого положения, которого они добились и которое они сохранили, не должны впредь рассматриваться в качестве объекта для будущей колонизации любой европейской державы».

Помимо принципа неколонизации, выдвигался принцип взаимного невмешательства государств Старого и Нового Света: «В войнах европейских держав, в вопросах, касающихся их самих, мы никогда не принимали участия, и это согласуется с нашей политикой… Политическая система союзных держав… значительно отличается от политической системы Америки… мы будем рассматривать любую попытку с их стороны распространить их систему на любую часть нашего полушария опасной для нашего спокойствия и безопасности. Мы не вмешивались и не будем вмешиваться в дела существующих колоний или зависимых территорий любого европейского государства. Но что касается правительств, которые провозгласили свою независимость и сумели ее сохранить и независимость которых мы признали при зрелом размышлении и согласно с принципами справедливости, то мы не можем рассматривать вмешательство в их дела со стороны какой-либо европейской державы с целью их подчинения или контроля любым другим способом их судьбы иначе как проявление недружелюбного отношения к Соединенным Штатам»[734].

Третьей частью доктрины Монро как «объединенной (combined) системы политики»[735] стала идея «неперехода» (no-transfer, противодействие переходу колониальных владений в Новом Свете в руки другой державы), пусть она и не вошла в сам текст президентского послания от 2 декабря 1823 г. Впервые этот принцип четко выразил Адамс в конфиденциальном

меморандуме, адресованном русскому посланнику барону Ф. В. Тейлю (1771–1826) 27 ноября 1823 г.[736]

Формальным поводом к провозглашению идей, известных сегодня под именем доктрины Монро, стали переговоры с Россией по освоению северо-запада американского континента. Другим столь же важным поводом стали конфиденциальные беседы нового английского министра иностранных дел Джорджа Каннинга (1770–1827) с американским посланником Ричардом Рашем в августе – сентябре 1823 г. Каннинг предложил Соединенным Штатам стратегический союз и совместные действия в Южной Америке. Таким образом искусный дипломат Каннинг намеревался вовлечь Соединенные Штаты (не говоря уже о бывших испанских колониях) в фарватер английской политики[737]. В октябре 1823 г. он получил от французского посла заявление, которое вошло в историю как «меморандум Полиньяка»: дипломат обещал, что его страна не будет вмешиваться в отношения Испании с ее (бывшими) владениями. Англия была, по сути, единственной державой, действительно способной на активные действия в Новом Свете. На наш взгляд, именно стремление сохранить независимость от бывшей метрополии в проведении внешней политики было все же главнейшей причиной доктрины[738].

Непосредственного влияния на политику США доктрина Монро в первые десятилетия после ее провозглашения оказывать не могла (да и само свое название она получит лишь в 1850 г. в связи с обсуждением договора Клейтона – Булвера, определившего совместное англо-американское освоение зоны будущего Панамского канала). Лишь во время североамериканской экспансии 1840-х гг. доктрина Монро получит свое реальное выражение в доктринах Тайлера и Полка. Значение доктрины в рассматриваемый нами период заключалось в ином: она служила, повторим, «объединенной (combined) системой политики», выражением концепции национальных интересов Соединенных Штатов. Доктрина Монро стала плодом общих усилий, ее положения, по сути, носились в воздухе. Свой вклад в оформление тех идей, что нашли свое лаконичное выражение в доктрине Монро, внесли Томас Джефферсон, Джеймс Мэдисон, Джон Куинси Адамс, Генри Клей и многие другие известные и забытые политики и публицисты.

Обсуждение доктрины Монро неотделимо от вопроса, готов ли был Священный союз вмешаться в войну Испании с американскими колониями. Сегодня историки хорошо знают, что такая интервенция никогда не планировалась[739]. Но североамериканские политики не имели возможности участвовать

в тайных конференциях Священного союза и не были осведомлены о том, что сегодня известно исследователям.

Судя по разнообразным источникам, слухи о готовящейся интервенции возникали дважды: в 1817–1818 гг. в связи с подготовкой и проведением Ахенского конгресса, этой первой встречи Священного союза, и в 1823 г., после Веронского конгресса, за которым последовало подавление французскими войсками испанской революции.

Впрочем, еще в 1816 г. газеты перепечатывали эмоциональную статью Альвареса де Толедо, готовившего тогда в Новом Орлеане экспедицию против замиренной Мексики. «Они уже вынашивают крестовый поход против свобод рода человеческого в Западном полушарии… Прогресс свободы в Новом Свете тревожит европейских властелинов», – восклицал революционер-авантюрист[740]. В конце 1817 г. сообщение о якобы существующих планах подавить испанские колонии опубликовал “National Intelligencer”[741]. Португальский посланник аббат Корреа да Серра, явно стараясь запугать Адамса, также намекал, что европейские державы готовы вмешаться в борьбу Латинской Америки и что Россия готовится обзавестись солидным форпостом в Западном полушарии[742].

Критиковавшие политику Монро – Адамса сторонники скорейшего признания Латинской Америки, такие как Иезекия Найлс, не верили в замыслы интервенции[743]. И Брэкенридж, и Скиннер (Лаутаро) считали, что Европа не решится на такое безрассудство[744]. Анонимный памфлетист думал, что интервенция будет невыгодна не только либеральной Англии, но и континентальным державам[745]. Судья Блэнд говорил властям Буэнос-Айреса, что континентальной Европе просто выгодна независимость Южной Америки[746]. В статьях в “Aurora” (июнь 1817 г., март-апрель 1818 г.) Дуэйн подчеркивал внутреннюю слабость европейских монархий, призывая помогать революционерам Западного полушария[747].

Не верил в возможность вторжения армий Священного союза в Новый Свет и Клей. Это, утверждал он в своей знаменитой речи о признании Латинской Америки, никак не может быть твердо обосновано юридически и просто невыгодно всем европейским державам, заинтересованным в свободной торговле с Новым Светом (особенно Англии). Революция в Западном полушарии не представляет угрозы идейным основам Священного союза из-за огромного расстояния, разделяющего континенты: «Государства, как люди, не очень сильно ощущают и редко противостоят угрозам, далеким либо во времени, либо в пространстве. Об Испанской Америке огромному большинству населения Европы

почти ничего не известно». Клей обращал внимание на существующие разногласия (в частности, антианглийские настроения даже среди французских роялистов) в Священном союзе, чье единство сплачивала борьба против общего врага – Наполеона. Затем Союз стал, по сути, номинальным, так как объединенные действия стали невозможными. Вывод Клея ясен: он «не верит в химеру крестового похода против независимости страны, чье освобождение будет существенно содействовать интересам всех европейских держав»[748].

Даже поддерживавший кабинет “Columbian Centinel” понимал, что цель Священного союза – «долгий мир»[749]. Европейские впечатления также не давали повода подозревать планы агрессии: в них не верил, к примеру, временный поверенный в делах в Париже Дэниел Шелдон[750]. К тем же выводам пришел Джонатан Рассел после бесед в высшем обществе Дрездена и Вены[751].

Тем не менее, осторожный президент Монро подчеркивал, что успех внешней политики США заключается в том, что она не предоставила Ахенскому конгрессу поводов к вторжению в Западное полушарие[752]. И действительно, в Новом Свете подлинные замыслы Священного союза были никому не известны. На угрозу интервенции ссылались лишь те, кто стремился защитить умеренный курс администрации, например, анонимный корреспондент (возможно, федералист) бостонской газеты или генерал и юрист из Балтимора Уильям Уиндер (1775–1824) в письме аргентинцу Грегорио Гарсиа де Тагле[753].

Открыто провозглашенное в Троппау-Лайбахе (октябрь – ноябрь 1820 г.) легитимистское право вмешательства до поры до времени не очень встревожило далекую Америку. Джеймс Мэдисон, например, прекрасно понимал пределы возможностей Священного союза[754].

Подавление монархической Францией конституционалистов Рафаэля дель Риего по решению Веронского конгресса потрясло многих американцев. Виднейшие политики были действительно напуганы. Эндрю Джексон сообщал в письме Кэлхуну, что боится интервенции, если Франции удастся расправиться с революцией в Испании[755]. Кэлхун разделял страхи Джексона и заразил ими Монро. Адамс замечал: «Кэлхун разжигает панику; новости о взятии Кадиса французами так повлияли на президента, что он, казалось, полностью отчаялся в деле Южной Америки. Через несколько дней президент пришел в себя, но никогда прежде я не видел в нем столько нерешительности»[756].

Именно оккупация Испании стала фоном, на котором прозвучало предложение Каннинга о союзе Англии и США.

Джефферсон сразу поддержал эту идею, в целом одобрил ее и Мэдисон. Сам Адамс не верил в реальность вторжения ни в 1818 г., ни в 1823 г. К этому времени он уже был совершенно убежден в конечном успехе испаноамерикан-цев: «Скорее Чимборасо скроется в океане, чем Священный союз восстановит испанскую власть на американском континенте»[757]. 21 ноября 1823 г. на заседании кабинета Адамс заявил, что Соединенные Штаты никогда ранее не находились в состоянии столь надежной безопасности, столь прочного мира со всеми иностранными государствами. Кэлхун возразил: «думающая часть нации» встревожена «общим ожиданием» нападения Священного союза на Латинскую Америку, и президент должен предупредить народ об опасности[758].

До последней минуты Монро переживал, не слишком ли опрометчиво его открытое заявление, не угрожают ли тезисы послания интересам Соединенных Штатов. Сам факт президентского обращения окончательно убедил североамериканское общественное мнение в реальности угрозы.

Найлс, когда-то твердо уверенный, что Священный союз не пойдет на вторжение в Новый Свет, теперь признавался, что недооценивал опасность (иначе зачем президенту было делать такие заявления) и призывал к повышению эффективности армии (но, между прочим, не расходов на нее). Россия якобы намерена устроить испанскую экспедицию против Колумбии – на французские деньги, с французской артиллерией[759]. В статье Найлса говорилось «только» о 12 тысяч солдат, но потом из Лондона пришли сведения на сей раз уже о 30-тысячной экспедиции[760].

Редакторы “National Intelligencer”, в недавней заметке на актуальную тему даже не упоминавшие про возможность европейской интервенции[761], перепечатали полные инвектив против «ненавистных тиранов» Священного союза статьи балтиморских газет. В одной из них утверждалось, что слабость и неуверенность Соединенных Штатов «парализует усилия свободы в каждой стране», «ускорит падение только что признанных нами молодых сестер-республик и, может быть, в конце концов уничтожит нашу собственную под пятой абсолютной монархии»[762].

Сторонник Клея, известный кентуккийский политик Джон Криттенден считал, что общественное мнение расценило принципы послания президента как направленные в защиту «свободных правительств Южной Америки» против «деспотизма и рабства» Священного союза. Горячо поддержали принципы Монро и осудили европейских монархов Генеральная ассамблея

Пенсильвании и законодательное собрание Кентукки[763].

Видимо, наиболее ярким выражением энтузиазма североамериканцев стала опубликованная в бостонской газете новогодняя ода «Священный союз» – так сказать, переложение доктрины Монро в стихотворной форме:

> ‘Tis said by some, the Holy Allies,
> In some of their vain-glorious sallies —
> Intend to make these Western regions
> A new *arena* of their Legions. —
> A word to this. – One Hemisphere
> Belongs to them; but ‘tis as clear,
> Another, God has given
> to US —
> Who swear it ne’er shall bear
> the curse
> Of slav’ry’s chain, nor Tyrant’s sway.
> Europe may manage in her way
> Her own affairs – And so will we
> And well she knows how *that* will be.
> In Amity and Peace with all
> We wish to live, and never call
> Their rights in doubt. Our
> Eagle’s claws
> *thunder* to defend our laws,
> But hold the *olive wreath* to those
> Who meddle not with our repose[764]

> Говорят, Священный союз
> В своем тщеславном порыве
> Хочет сделать эти западные земли
> Новой *ареной* для своих легионов.
> Ответ на то. – Одно полушарие
> Принадлежит им; но ясно,
> Что другое [полушарие] Господь
> дал США[765] —
> Кто им клянется, никогда не будет нести
> ни проклятья
> Рабских цепей, ни ярма тирана.
> Европа может по-своему управлять
> Своими делами – Так и мы.
> Она хорошо знает, что *так* и будет.
> В дружбе и мире со всеми
> Хотим мы жить, и никогда не ставить

Их права под сомнение. Когти
нашего Орла
Гремят, чтобы защитить законы,
Но вручают *ветвь оливы* тем,
Кто не мешает нашему спокойствию.

Это стихотворение, возможно, и было первым шагом на долгом пути мифологизации доктрины.

Итак, во многом именно текст президентского послания убедил общественное мнение, что интервенция все же готовилась, что мудрая администрация знала об опасных замыслах Священного союза. Именно так, например, разъяснял своим избирателям логику событий будущий агент США на Кубе, конгрессмен от Иллинойса Дэниел Кук[766].

На долгие годы окончательно установится представление, что только доктрина Монро и действия Каннинга (меморандум Полиньяка, а затем дипломатическое признание Латинской Америки) спасли Новый Свет от интервенции континентальных держав Европы и монархии[767].

Сходным образом думали и дипломаты США в Европе. Пока текст президентского послания не дошел в Европу, Александр Эверетт (тогда посланник в Гааге) считал вторжение Священного союза крайне мало вероятным. Его взгляды переменились буквально за месяц. В своем донесении Эверетт сообщал, что президентское послание было одобрительно встречено в Англии, в либеральных кругах Франции и Нидерландов. «Кажется, все думают, что оно [послание] сделает интервенцию невозможной», – заключал дипломат, убежденный в коварных замыслах Священного Союза после анализа правой французской прессы[768].

Позднее, когда разговоры о возможно грозившей опасности останутся в прошлом, Эверетт сочтет, что только провозглашение доктрины Монро и признание Латинской Америки Англией спасли Западное полушарие от неминуемой интервенции[769].

Ричард Раш вспоминал, что когда текст послания Монро прибыл в Лондон, «весь документ возбудил огромное внимание». Особенно радовались латиноамериканские эмиссары; акции новых государств поднялись в цене – все были уверены, что отныне Новый Свет будет защищен от возможного давления Европы[770].

Либеральная партия в Англии (ее голоса – лондонские “Morning Chronicle” и “London Courier”) явно стремилась разжечь подозрения по отношению к намерениям континентальных

держав[771]. Так, на следующий день после оглашения президентского послания “Columbian Centinel” опубликовал выдержки из “Morning Chronicle” и “Morning Herald” из которых следовало, что Франция готова помочь Испании и Португалии в возвращении американских колоний, но что британский кабинет готов признать молодые государства[772].

В одной статье “Morning Chronicle” говорилось, что русский посланник в Париже граф К. О. Поццоди-Борго (1764–1842) в 1817 г. якобы выступал даже за подавление республики в самих Соединенных Штатах. Статья широко перепечатывалась североамериканской прессой, но только “Columbian Centinel” выступил с резким опровержением[773].

Английский офицер на колумбийской службе считал, что планы интервенции были остановлены лишь твердой позицией британского кабинета[774]. Не только не слишком проницательный бывший «особый агент» в Южной Америке Уильям Уортингтон, но и карьерный дипломат Джон Форбс и в середине 1824 г. боялись, что Священный союз способен подавить свободу в Западном полушарии[775].

Послание Монро конгрессу быстро нашло отклик не только в Европе. Его текст был сразу же переведен для латиноамериканцев на испанский язык либеральным уроженцем Пиренеев, жителем Балтимора Мариано Куби и Солером (1801–1875). Он назвал принципы послания «самыми республиканскими, свободными и либеральными»[776].

Любопытно, что именно монархическая Бразилия стала первой страной, попытавшейся повернуть доктрину Монро в свою пользу.

Португальский король Жуан VI считал «американцев Юга, а также и Севера» естественными союзниками Бразилии. Еще в 1819 г. адмирал Пинту Гедеш предложил создать «Американскую лигу», «без согласия которой ни одно европейское государство не могло бы сохранять свои колонии в Америке». В 1822 г., после провозглашения Педру I (1822–1831) бразильской независимости, глава правительства Жозе Бонифасиу де Андрада (1763–1838) поручил консулу в Буэнос-Айресе проверить почву для заключения «договора об оборонительном и наступательном союзе между всеми государствами американского континента»[777].

Сразу после установления американо-бразильских отношений в 1824 г. ее представитель Жозе Силвештр Ребелью (ум. в 1844 г.), основываясь на положениях доктрины Монро, предложил Соединенным Штатам заключить с Бразилией союз[778]. После президентских выборов Ребелью вновь стремился убедить уже

нового государственного секретаря в пользе такого союза, опять приводя в доказательство выдержки из послания Монро от 2 декабря 1823 года[779]. Примечателен ответ Генри Клея: вчерашний противник актов о нейтралитете, он ссылается на несовместимость такого союза с как раз твердым нейтралитетом США. Если Бразилия почему-либо и имеет право на такие особые отношения с США, то такие же права имеют и все остальные латиноамериканские государства. С другой стороны, Соединенные Штаты выступают за подписание договора о мире, дружбе, мореплавании и торговле[780]. В инструкции поверенному в делах в Рио-де-Жанейро Конди Рэгету (1784–1842) Клей вновь настаивает на заключении с Бразилией торговой конвенции, но никак не союза[781]. Так закончилась первая попытка латиноамериканцев апеллировать в переговорах с США к доктрине Монро.

В том же 1824 г. Великая Колумбия также предложила Соединенным Штатам союзные отношения[782]. Адамс отклонил идею, вновь основываясь на нейтралитете США[783]. Действительно, с самого своего появления доктрина Монро была односторонним и декларативным документом, не налагавшим никаких обязательств. Ее применение целиком зависело от текущего политического момента.

Соединенные Штаты стремились не к союзам, а к торговым договорам с молодыми государствами. Первое такое соглашение (наряду с конвенцией против работорговли) удалось заключить с Великой Колумбией[784]. Переговоры начались почти сразу после прибытия Андерсона в декабре 1823 г., но итоговый документ был подписан только 3 октября 1824 г. – североамериканский посланник уже начинал жаловаться на «испанскую медлительность»[785]. Дело в том, что колумбийский министр иностранных дел Педро Гуаль, опасаясь мощного коммерческого флота США, выступал против принципа взаимности. В итоге соглашение было основано на принципе наибольшего благоприятствования, зато Соединенные Штаты добились, чтобы их торговля по всем пошлинам была уравнена в правах с британской[786].

Подобно многим своим соотечественникам, Андерсон в своем отношении к молодым республикам Латинской Америки сочетал республиканский оптимизм и скептицизм. 8 октября 1824 г. он писал своему отцу, что колумбийцы далеко отстают от североамериканцев: «Видимо, потребуется смена поколений, чтобы они могли прийти к полному пониманию дара свободного правления (blessings of a free government)». Одновременно Андерсон считал победу под Аякучо важным достижением «дела

свободного правления во всем мире»[787]. Главное – личные взгляды Андерсона не оказали влияния на его добрые отношения с колумбийскими властями.

Первый посланник в Буэнос-Айресе Сизер Родни тяжело заболел вскоре после прибытия в страну в декабре 1823 г. и скончался 10 июня 1824 г. По сути, единственное, чем запомнилась миссия Родни, – это роскошным приемом в его честь, равного которому не помнил даже опытный консул Форбс, много лет проведший в Европе. По случаю был даже выпущен особый номер “Gaceta de Buenos Ayres”[788]. После похорон Родни на английском кладбище власти Буэнос-Айреса решили поставить скромному в жизни политику конный памятник в городе[789]. На смену покойному посланнику пришел умелый дипломат, но ярый англофоб Форбс, о действиях которого речь пойдет в следующей главе. Форбсом руководило убеждение, что монархия неизбежна и в независимой Латинской Америке, – это пилюля, прописанная европейскими политическими докторами, чтобы очистить эти страны от «абсурдных и опасных теорий». Увы, непросвещенный народ не выскажет серьезного недовольства: «Пилюля может вызвать несварение некоторых желудков, но большинство с готовностью ее проглотят»[790].

Тем временем в США подошло время президентских выборов 1824 г., этой «битвы гигантов»[791], которая ознаменует начало конца «эры доброго согласия»[792]. Состязались политические тяжеловесы – государственный секретарь Джон Куинси Адамс, министр финансов Уильям Кроуфорд, председатель Палаты представителей Конгресса Генри Клей, генерал Эндрю Джексон.

Как и в 1800 г., ни одному из кандидатов не удалось набрать абсолютного большинства выборщиков. Относительное первенство принадлежало Джексону. В соответствии с XII поправкой к Конституции, президента должна была выбрать Палата представителей из числа трех лидирующих претендентов.

Клей обогнал Кроуфорда по поданным голосам, но уступил ему по числу выборщиков и оказался тем самым на последнем месте. Если бы он опередил министра финансов и участвовал бы в выборах в Палате представителей, ни у кого бы не возникло сомнений в исходе голосования: все знали, каким влиянием обладает в Конгрессе его председатель[793]. Теперь же Клей должен был стать свидетелем того, как один из его вчерашних соперников станет следующим президентом Соединенных Штатов. Еще 7 декабря он надеялся, что эта «тягостная доля» все же его минует[794]. Увы, надежде не суждено было сбыться.

Когда стали ясны окончательные итоги выборов, Клей решил из трех оставшихся кандидатов поддержать Адамса, ведь

государственный секретарь, в отличие от Джексона и Кроуфорда, был сторонником «внутренних улучшений»[795]. В воскресный вечер 9 января Клей встретился с Адамсом и после трехчасовой беседы убедился в совпадении политических взглядов[796]. С того дня ни для кого не было секретом, что сторонники Клея при голосовании в палате поддержат Адамса. Безусловно, такая позиция была нарушением воли избирателей. Так, по официальным данным, в родном Кентукки Клей набрал 17331 голос избирателей, а Джексон – 6445. За Адамса и Кроуфорда не проголосовал ни один человек. При голосовании же в Палате представителей депутаты от Кентукки отдадут все свои голоса Адамсу. Депутаты от других штатов «нового Запада» – Огайо и Миссури, а также от Луизианы – тоже проголосуют за Адамса вопреки наказам собственных избирателей.

Итак, 9 февраля в Палате представителей новым президентом США был избран Джон Куинси Адамс, а 7 марта Клей был назначен государственным секретарем. Это дало повод противникам обвинять Адамса и Клея в «нечестной сделке» (corrupt bargain). Впрочем, поддержка Клеем Адамса выглядит вполне логично, ведь последний разделял его взгляды на развитие США. Пренебрегая мнением рядовых избирателей «нового Запада», Клей в собственном выборе исходил из продуманных представлений о пути национального процветания.

Подозрения в «сделке» Адамса и Клея дорого обошлись обоим. Некоторые бывшие сторонники Клея навсегда отвернулись от него и перешли в стан главного противника – генерала Эндрю Джексона. Отныне для многих (например, для известного сенатора от Миссури Томаса Харта Бентона) уже не Клей, а «бескомпромиссный» Джексон будет воплощать дух демократии «нового Запада».

Английский поверенный в делах Генри Эддингтон (1790–1870) красочно рисует взаимоотношения политических противников: «Приняв сторону Адамса, он [Клей] немедленно стал богом для его сторонников (Adamsites) и дьяволом для джексоновцев. Последние поносили его как злейшего человека в мире, как самого Катилину, как Демосфена, продавшего свое влияние, чтобы разрушить собственную страну. Первые же прославляли Клея как ангела веры, как Солона, Конфуция, Иегову. И когда стало известно, что он принял пост государственного секретаря от человека, которого сам облек в пурпур, такой пены у рта, что изрыгали клан Джексона и его пресса, никто не видел, кроме как у больных водобоязнью»[797].

Возможно, Клей еще в полной мере не осознавал, что Джексон умело извлечет уроки из своего поражения.

Администрации президента Адамса с самого начала предстояло столкнуться с серьезными трудностями. Любые начинания кабинета вызывали ожесточенное сопротивление джексоновцев, получивших большое влияние в обеих палатах Конгресса. В оценке действий президента поколения исследователей вынуждены соглашаться со словами, сказанными поэтом Уолтом Уитменом (1819–1892) сразу после смерти Адамса в 1848 г.: «Самый великий государственный секретарь, он был также одним из наименее преуспевших президентов»[798]. Мудрость внутриполитических планов, вошедших в программу «Американской системы», стала ясной лишь с течением времени[799].

Замечательный оратор и полемист, мастер парламентской борьбы плохо чувствовал себя в кресле чиновника, однако занятый им пост государственного секретаря традиционно считался последним шагом на пути к президентству. Лишь много позднее Клей понял, что согласие на это назначение (по сути – признание факта «нечестной сделки»), возможно, окончательно лишило его надежд стать президентом[800].

Несмотря на все внутренние распри, Клей сохранил преемственность в отношениях с южными соседями. Заложенные в соглашении с Великой Колумбией либеральные принципы были развиты в Договоре о мире, дружбе, торговле и мореплавании, который был заключен Соединенными Штатами с Федеральной республикой Центральной Америки в Вашингтоне 5 декабря 1825 г. В его 33 статьях подробнейшим образом регламентировались все аспекты межгосударственных отношений[801]. Конечно, внешнеполитическое значение договора с маленькой федерацией было невелико, да и торговый оборот с этим государством был чрезвычайно мал. Однако он на долгие годы стал типовым внешнеполитическим соглашением, текст которого неоднократно воспроизводился практически без изменений в договорах со многими государствами.

Главная статья договора с Центральной Америкой гласила, что торговые отношения между государствами основываются на «либеральном основании совершенного равенства и взаимности». Тем самым стороны отказывались от ограниченного принципа наибольшего благоприятствования в пользу подлинно фритредерских постулатов. Равенство условий торговли не зависело от происхождения товара на борту судна. Предусматривалась защита купцов в случае войны между договаривающимися сторонами: после начала боевых действий у них был в распоряжении шестимесячный срок на улаживание взаимных претензий.

Подчеркнем, что именно 1822–1825 гг. ознаменовали пик энтузиазма Соединенных Штатов в отношении южных соседей. Именно тогда были опубликованы в целом хвалебные книги Уильяма Дуэйна, Генри Брэдли, Айзека Коффина (1787–1861), Джорджа Фрэкера, чуть позднее – двухтомник будущего сенатора от Коннектикута Джона Милтона Найлса. Особенно оптимистично смотрела североамериканская пресса на события в Великой Колумбии[802]. Триумфом «идеи Западного полушария» стал тост на праздновании дня рождения Вашингтона в Боготе: гости пили за единую «американскую семью», связанную «природой, свободой и торговлей»[803]. Клей, должно быть, с радостью читал в письме Лукаса Аламана, что Мексика в своем государственном развитии выбрала путь Соединенных Штатов[804].

Кэлхун, видимо, одним из первых выделил «атлантические революции» (используя современный термин) в единое понятие, когда предположил, что потомки сочтут «ряд событий, начавшихся в Лексингтоне [апрель 1775 г.] и завершившихся в Аякучо [декабрь 1824 г.] «одним из самых замечательных и важных» в мировой истории». Всего за пятьдесят лет, говорил он в речи перед избирателями, власть на всем американском континенте перешла от европейцев к «свободным и независимым» местным уроженцам, выбравшим единую политическую модель[805]. Тем не менее, даже в те годы надежд и иллюзий межамериканские отношения не были безоблачными.

Спорные вопросы: Техас, Куба, Пуэрто-Рико

Противоречия сопровождали связи США с новыми государствами Латинской Америки с момента их признания. Наиболее запутанный узел, где сплелись североамериканский экспансионизм, торговые интересы, реальные и мнимые европейские амбиции, был связан с пограничным Техасом и важными в коммерческом отношении и территориально близкими южным штатам островами Кубой и Пуэрто-Рико.

После покупки Луизианы в 1803 г. территория США увеличилась почти вдвое, превысив 1,7 млн квадратных миль (свыше 4,4 млн квадратных километров), однако границы новых владений не были четко определены. По условиям договора, Соединенные Штаты получали колонию «с той же территорией, какая сейчас находится в руках Испании и какая существовала, когда ею владела Франция»[806]. Именно наиболее выгодное решение проблемы границ (не только южной, но также северной и западной) Луизианы будет в последующие десятилетия одной из важнейших задач североамериканской дипломатии. Заметим, что на рубеже XVII–XVIII вв. земли между Ред-Ривер и Рио-Гранде (в те годы ее называли Рио-дель-Норте) осваивались не только испанскими, но и французскими первопроходцами – это обстоятельство определит притязания Франции (и следовательно, Соединенных Штатов после 1803 г.) на Техас[807].

Президент Томас Джефферсон, считая Техас частью покупки Луизианы, в 1804 г. объявил границу по Рио-Гранде. Лишь через два года, после целого ряда политических осложнений была произведена фактическая демаркация испано-американской границы. В ноябре 1806 г. генерал Джеймс Уилкинсон и подполковник Симон де Эррера (1754–1813) провели ее вдоль реки Сабины, оставив тем самым Техас в руках испанской короны. Войска Испании и США стояли в те дни по обе стороны реки друг против друга, готовые к бою[808].

Суровые испытания англо-американской войны 1812–1815 гг. окончательно доказали, что канадцы вовсе не стремятся войти в состав Соединенных Штатов. Когда надежды на соединение с Канадой не оправдались, внимание экспансионистов сосредоточилось на южном и западном направлениях[809]. Интересны два вопроса: насколько североамериканские политики были в то время едины в стремлении приобрести Техас и какое место в их расчетах занимал секционный фактор.

Уже уйдя на покой, Томас Джефферсон не оставлял мысли доказать права США на Техас. В 1816 г. он писал государственному секретарю Джеймсу Монро о, возможно, единственной сохранившейся у него копии рукописи истории Луизианы, авторство которой принадлежало французскому первооткрывателю Бернару де Лагарпу (1683–1765). Лагарп стремился доказать приоритет Франции в освоении Техаса, что служило для Джефферсона убедительным свидетельством в пользу североамериканских прав на испанскую провинцию[810].

Клей также был убежден в неизбежности и необходимости расширения территории США. 7 марта 1818 г. в своей первой речи, посвященной «внутренним улучшениям», он в частности заявил, что границы США со временем достигнут Тихого океана на северо-западе и Рио-дель-Норте на юге[811]. Таким образом, уже в 1818 г. Клей считал, что Техас будет принадлежать Соединенным Штатам. Территориальный рост государства являлся для Клея, как и для Адамса и Джексона, делом уже предопределенным. Брэкенридж призывал не только к признанию независимости южных соседей, но и к захвату Флориды и Техаса[812].

Позиция Испании по Техасу в ходе переговоров Адамса – Ониса была недвусмысленной. Французские революционеры-бонапартисты в Луизиане (их насчитывалось несколько сотен) мечтали тогда о правительственной поддержке США, чтобы вторгнуться в Мексику и помочь южноамериканским повстанцам. Да и в самом Техасе в те годы жило несколько сот французов. Боясь создания на этих территориях антииспанского плацдарма, министр иностранных дел Хосе Гарсиа де Леон и Писарро (1770–1835) в инструкциях Онису предписывал при любых обстоятельствах держаться за Техас, пусть и ценой Флориды. Сохранение Техаса стало, возможно, единственным достижением Ониса в ходе переговоров[813].

Как мы уже говорили в I главе, отказ Испании ратифицировать Трансконтинентальный договор сделал «техасский вопрос» злободневной политической темой. Казалось бы триумфальное соглашение устраивало теперь не всех.

Рассуждая о договоре с Испанией, Джефферсон заявлял известному политику Генри Дирборну (1751–1829): «Отказавшись от Техаса, мы отказались от сахарного края, достаточного, чтобы снабжать Соединенные Штаты. Я бы скорее сохранил его, веря, что Флорида неизбежно упадет нам в руки». В письме действующему президенту Джефферсон признавался, что «не сожалеет о нератификации Испанского договора». Флорида и так обязательно станет североамериканской, ведь права на нее

признают все европейские государства. Джефферсон считал, что не только Флорида, но и Техас, и, возможно, Куба войдут в состав Соединенных Штатов. Техас, предсказал он, станет «богатейшим штатом нашего Союза»[814].

Отвечая прославленному корреспонденту, Монро напомнил о недавних миссурийских дебатах и указал на опасность дальнейшего обострения отношений Севера и Юга[815]. 23 мая 1820 г. он писал генералу Джексону, что вопрос о Техасе «затронул чувства и вызвал осложнения… которых ранее не существовало. Некоторые части нашего Союза стали даже меньше стремиться к приобретению Флориды, в то время как другие, недовольные этим, жаждут овладеть Техасом… Давно зная то раздражение, с которым восточная часть нашего Союза наблюдает его расширение на запад и юг, я являюсь убежденным сторонником того мнения, что в настоящее время мы должны довольствоваться Флоридой»[816]. Сам Джексон в ответном письме Монро от 20 июня 1820 г., по сути, повторил слова президента: по его мнению, необходимо «довольствоваться [Восточной и Западной] Флоридами». Впрочем, при удобном случае Джексон и в те годы не упускал повода критиковать Адамса за «сдачу» Техаса[817].

В письме Галлатину Монро вновь пишет о неизбежных внутриполитических осложнениях в случае попытки аннексировать Техас. Однако президент не был уверен, удастся ли сдержать «соблазнительную страсть» территориальных приобретений[818].

У Монро были все основания так говорить. Как только договор с Испанией был подписан, Сабину перешел отряд авантюриста-южанина Джеймса Лонга (1793–1821), который, захватив пограничный Накодочес, провозгласил независимую республику Техас. Осенью того же года провозглашенное государство было разгромлено местными войсками[819].

В апреле 1820 г. Генри Клей сделал захват Техаса ключевой частью своего плана латиноамериканской политики, который он вынес на обсуждение Палаты представителей[820]. Соглашаясь со спикером, его земляк-кентуккиец Дэвид Тримбл считал Техас «естественной» частью Соединенных Штатов: «Каковы должны быть рубежи нашего Союза? Вот был великий вопрос, доверенный нашему представителю. Ни одно должностное лицо не занимало более важный пост, ни на кого не возлагалась большая ответственность – священная ответственность определять границы единственной существующей свободной нации». Тримбл полагал, что «естественные границы» республики пролегают по Рио-дель-Норте и, проведя странную географическую аналогию

между США и Францией, сделал вывод, что Рио-дель-Норте – это, так сказать, американский Рейн[821].

Противники ратификации Трансконтинентального договора усматривали в нем необоснованную «сдачу» Техаса в обмен за несравнимо меньшую по территории Флориду. Вопрос об «уступке» Техаса занимал важное место в аргументации Клея против договора. Отстаивая права США на Техас, Клей делает вывод о несоразмерности компенсации за него. Техас в три-четыре раза больше Флориды[822], его климат «восхитителен», почвы плодородны, а вдоль берегов рек тянутся дубравы. Обоснованные вопросы вызвало утверждение Клея, что Техас обладает «одним из лучших портов на Мексиканском заливе»[823]. Впрочем, удовлетворительными сведениями о землях к югу от Ред-Ривер не могли похвастаться даже самые горячие сторонники их присоединения.

Виргинец Джон Арчер вынужден был признать, что о Техасе известно слишком мало. Однако и тех скудных сведений достаточно, чтобы понять его неоспоримые преимущества – и по объему территории, и по плодородию почв. В превосходных степенях Арчер рисует самое широкое разнообразие плодов этой земли – зерновых, сахара и хлопка, обязанное «соседству и союзу» подходящей почвы и «исключительной целебности» климата. Отмечаются и «самые выдающиеся признаки высокого политического значения» Техаса. Связанный с Новым Орлеаном, Техас может вместить обширное население. Нельзя отдавать такие земли за «пески Флориды» – подчеркивал Арчер[824].

Тримбл отмечал, что Техас является неотъемлемой частью покупки Луизианы, и остался испанским лишь благодаря благожелательной позиции США. Уступив Техас, администрация предает немногочисленных техасских колонистов – французов по происхождению и, как считал Тримбл, граждан США согласно договору о покупке Луизианы. А гражданство «не является предметом торга»[825].

Подробно остановился Тримбл и на экономических преимуществах владения Техасом. Порты Галвестон и Матагорда обеспечивают надежную связь с Веракрусом, а торговля в регионе Мексиканского залива одинаково выгодна как восточным, так и западным штатам. Техас, утверждает Тримбл, является единственной кофейной областью в распоряжении США[826]. Территориальные «уступки» ущемляют положение всех граждан США и в первую очередь представителей Запада, чьи интересы будут затронуты в наибольшей степени из-за неустойчивого положения Нового Орлеана – «великой ярмарки (emporium) Нового Света» и в то же время его «ахиллесовой пяты»[827].

Существовала, по мнению Тримбла, и еще одна важнейшая стратегическая причина, настоятельно диктующая приобретение Техаса. По его сведениям, Англия якобы готова была потребовать у потрясенной революцией Испании Кубу и купить за бесценок Техас[828]. Американцам Техас ценен «для сельскохозяйственных целей; для военной обороны; для морской защиты; чтобы поддерживать мир между нами и Мексикой». В качестве английской колонии он станет постоянной угрозой. Оратор усиливает риторический эффект, напоминая аудитории о команчах и других индейских племенах – «непокоренных потомках Монтесумы», «казаках Америки», «спартанцах наших дней», «детях Солнца», которых, как и в XVIII столетии, англичане будут использовать против североамериканцев[829].

Горячий сторонник предложения Клея, Тримбл не ограничил свою агитацию стенами Конгресса. В личной беседе он даже пытался убедить Адамса, что у него есть только один путь стать популярным на Западе – признать независимость Латинской Америки и присоединить Техас[830].

Глава Комитета по международным делам Уильям Лаундс (Южная Каролина) не считал присоединение Техаса невозможным. Однако, он, с одной стороны, возражал против голословных, по его мнению, утверждений Клея об «относительной ценности территории» почти не исследованного Техаса в сравнении с Флоридой. С другой стороны, политик подчеркивал, что «если мы обладаем справедливыми притязаниями на эту область… то в нашей власти всегда будет находиться претворение их в жизнь. Судьба области, располагающейся между нами и Мексикой, всегда будет по существу зависеть… от американских интересов». Флорида же, по мнению председателя комитета, вполне может остаться за Испанией, если Мексика завоюет независимость. Тогда присоединение Флориды станет возможным лишь в результате войны с Испанией[831].

Неумеренное восхваление достоинств почти не изученного Техаса вызвало обоснованную иронию Ричарда Андерсона (Кентукки), который, как и Лаундс, справедливо сомневался в существовании на побережье Техаса прекрасного порта. Андерсон осуждал тех, кто в погоне за Техасом считает Флориду лишь «песчаной отмелью». Другой вопрос: принадлежал ли когда-либо Техас США? Андерсон доказывает, что Техас – это спорная территория, так как 1) Испания никогда не признавала американские права на него, 2) США никогда им не владели, 3) президент США в 1806 г. одобрил границу по реке Сабине. А судьба спорных границ должна, по мнению конгрессмена,

решаться исполнительной властью, а не в стенах Палаты представителей[832].

В целом для аргументации обеих сторон характерна одна особенность. Сторонники оккупации Техаса полагали, что он, в отличие от Флориды, вполне может в дальнейшем «ускользнуть» от США. Те же, кто поддерживал официальный курс, подчеркивали, что как раз Флорида может оказаться за границей американских владений, а вот Техас «не уйдет». Общее мнение выразил представитель Теннесси Джон Рей: «…Конституция рассчитана на рост и расширение государства, а не на его умаление»[833].

Нелестные слова Клея и его сторонников в адрес Флориды не должны вводить в заблуждение. В конечном итоге одной из главных целей плана Клея, заключавшегося в оккупации Техаса и немедленном признании независимости Латинской Америки, было как раз укрепление позиций во Флориде[834].

Поскольку Клей в итоге не поставил свои «техасские» резолюции на голосование, невозможно сказать, как в целом отнеслись депутаты Палаты представителей к идее захвата этой провинции. Мы не знаем, как проголосовали бы конгрессмены Северо-Востока, но показательно, что ни один представитель этой секции не принял участия в дебатах[835]. Если это молчание и не было знаком согласия, оно, возможно, свидетельствует об определенной готовности признать южную экспансию, а значит, и неотвратимое ослабление своего влияния в Союзе.

Вторичная ратификация Трансконтинентального договора положила конец спорам об «уступке Техаса». Видимо, для четверых противников ратификации, в числе которых был и знаменитый представитель Миссури Томас Харт Бентон, камнем преткновения стал именно «техасский вопрос»[836]. Через пять дней, 24 февраля 1821 г., мятежный генерал Агустин де Итурбиде провозгласил план Игуала, требовавший независимости Мексики. 28 сентября победоносная хунта окончательно объявила о независимости страны. С тех пор Техас стал яблоком раздора в отношениях Соединенных Штатов уже не с Испанией, а с Мексикой.

В январе того же 1821 г. произошло куда менее заметное для современников событие, чье значение для будущего Техаса окажется неизмеримо выше любых парламентских дебатов или дипломатических переговоров. Разорившийся немолодой предприниматель из

Сент-Луиса Мозес Остин получил от губернатора Мартинеса право поселить в Техасе, на берегу реки Колорадо, 300 семей колонистов. По иронии истории, с разницей всего в несколько

недель власти США, окончательно ратифицировав Трансконтинентальный договор, официально отказались от притязаний на Техас, – а власти Испании дали формальное разрешение на освоение этих земель североамериканскими гражданами.

Остин-старший умер, не успев воспользоваться привилегией, и дело отца с успехом продолжил сын Стивен, подтвердивший свое право у мексиканских властей: сперва у правившего с сентября 1821 г. Итурбиде («императора Агустина I»), а затем, после его свержения в 1823 г. в республиканском Конгрессе. Итак, Техас стал ареной не государственной, а «вольной» фермерской колонизации под руководством хитроумных дельцов. Вскоре начали завозить и негров-рабов, причем поток этот не прекратился и после окончательного запрета рабства в Мексике в 1829 г. Стивен Остин был лишь главным среди многих empresarios[837], получивших полномочия освоить те или иные территории мексиканского штата Техас-Коауила. За считанные годы североамериканские поселенцы превзошли количеством мексиканцев и индейцев. Джефферсон предсказывал Техасу будущее сахарной житницы США, Тримбл надеялся собирать урожаи кофе, но на деле главным занятием поселенцев стали скотоводство и – как повсюду на Юге – хлопководство (в последнем прав оказался Арчер).

3 января 1823 г. мексиканское правительство приняло либеральный закон о колонизации: поселенцы на 6 лет освобождались от всех налогов, а следующие 6 лет платили их в половинном размере. Хотя законом предписывались существенные преимущества для мексиканцев и католиков, это условие никак не затруднило деятельность колонистов. Никто ведь не мешал североамериканским поселенцам формально числиться мексиканскими подданными и католиками. Уже в том же году государственный департамент Мексики начал зондаж агрессивных намерений Соединенных Штатов[838], но никаких действий предпринято не было.

В 1824–1825 гг. Остин и другие предприниматели добились разрешения поселить 10 тысяч семей из США[839]. Вновь основанные поселки процветали, разрастались и вскоре начали представлять серьезную угрозу для мексиканского правительства. Уже с 1826 г. североамериканцы начали создавать отряды рэйнджеров (rangers) – вооруженной револьверами конной полиции. У Мексики же не было никаких возможностей содействовать заселению Техаса своими уроженцами. Первое восстание североамериканских поселенцев, провозгласивших независимость, произошло под предводительством Хэйдена

Эдвардса (1771–1849) в декабре 1826 г. Дело все скорее шло к неизбежному конфликту, который в итоге разразился в 1835 г. и привел к отделению Техаса. В 1845 г. независимая республика Техас вступила в состав Соединенных Штатов, а после тяжелого поражения в войне 1846–1848 гг. Мексика вынуждена была смириться с потерей.

Уже к концу 1820-х гг. техасский колонизатор мог гордиться успехом своего начинания: «Перспективы этой страны очень быстро улучшаются; ее наполняют самые уважаемые эмигранты. Упорство и время устранили препятствия, тормозившие заселение Техаса, когда я приступил к этому предприятию. Он был тогда пустыней, лишенной ресурсов, наводненной враждебными индейцами, без организованного правительства. Подлинную цену земли либо не знали, либо в ней крайне сомневались. События доказывают, что я был прав – еще несколько лет и процветание Техаса поразит многих…». Знаток Северной Америки «от Коннектикута до Мексики», Остин считал Техас лучшим местом континента, если не считать долину Миссисипи[840].

Администрация США не осталась в стороне от проблемы Техаса. Уже в своих первоначальных инструкциях новый государственный секретарь Клей ставил посланнику Пойнсету задачу зондировать отношение мексиканского правительства к возможному пересмотру еще не размеченной границы по реке Сабине. Возможно, Мексика готова согласиться с границей вдоль реки Бразос, либо по Снежным горам, по

Колорадо или же по Рио-Гранде (Рио-дель-Норте)[841]. Официальным предлогом послужили бы споры, которые могут в будущем возникнуть из-за судоходства по рекам Ред-Ривер и Сабине и притокам Арканзаса, которые в соответствии с границей 1819 года находились на территории обоих государств. Со своей стороны, США обязались бы сдерживать проживающих в Техасе воинственных команчей от нападений на мексиканские провинции[842]. О своей убежденности в целесообразности расширения североамериканской территории вплоть до реки Рио-Гранде Пойнсет сообщил уже 27 июля 1825 г. Отмечая, что территория Техаса быстро заселяется как легальными, так и нелегальными поселенцами (either grantees or squatters) из США, Пойнсет предсказывал серьезные трудности, которые мексиканское правительство вскоре испытает с этим новым населением. Тогда оно «не будет столь возражать против» передачи Техаса во владение Соединенных Штатов[843]. Сперва Клей лишь принял к сведению мысли Пойнсета – ведь продолжались переговоры по демаркации границы. До их

завершения, полагал Клей, никакой разговор о возможной покупке Техаса невозможен[844]. Да и в переговорах с Пойнсетом мексиканский министр Лукас Аламан ясно дал понять, что Мексика не собирается отступать от границ, зафиксированных в испано-американском договоре 1819 г.[845]

Однако переговоры о демаркации границы все затягивались, и тут Клей решил сменить тактику и перейти в наступление. Его аргументы развивали идеи Пойнсета: во-первых, если мексиканское правительство так легко и в таком объеме бесплатно раздает поселенцам земли в Техасе, это свидетельствует о том, что этими землями оно не очень-то дорожит. Во-вторых, «эти эмигранты принесут с собою наши принципы законности, свободы, религии и, хотя следует надеяться, что они будут склонны к союзу с древним населением Мексики в том, что касается политической свободы, нельзя ожидать (it would be almost too much to expect), что можно будет избежать столкновений по другим вопросам». Видимо, Клей подразумевал вопросы земельной и прочей собственности. Если столкновения и взаимное непонимание неизбежны, то почему бы не предложить Мексике продать Техас за один миллион долларов (или половину Техаса, то есть до реки Колорадо, за полмиллиона). Такое соглашение можно было бы включить в американо-мексиканский договор о границе[846]. Президент Адамс был согласен с идеей Клея[847].

Мексика не намеревалась продавать Техас. Напротив, ее подозрения насчет коварства северного соседа только усилились. Если сперва Пойнсет объяснял нежелание продавать Техас слишком незначительной суммой, предложенной Клеем[848], то затем ему дали понять, что Мексика принципиально против такой сделки[849].

Был ли Остин агентом Вашингтона? Нет, он никак не координировал свою деятельность с представителями властей США, более того – в своей переписке с родственниками старательно подчеркивал свое новое подданство и заинтересованность в процветании Мексиканской республики. Как Пойнсет (но независимо от него), Остин был горячим сторонником федералистской партии йоркинос и даже предлагал учредительной хунте свой проект конституции[850]. Он заставлял семью учить испанский и старался переписываться на этом языке с братом[851]. Разделяя характерные англо-саксонские предрассудки, Остин считал, что мексиканцы еще невежественнее индейцев чокто и вообще им, закабаленным духовенством, не хватает «лишь хвостов, чтобы быть зверьми, худшими, чем обезьяны». Одновременно он приветствовал «возрождение

гражданской свободы» Мексики после падения Итурбиде и ждал, как страна «разобьет цепи суеверия»[852].

Остин и его окружение знали о предложении покупки Техаса в 1827 г.[853], но вплоть до конца этого года просто не имели связей с Пойнсетом. Остин лишь однажды обратился к посланнику, сообщая о своем стремлении поощрять переселенцев-северян из Огайо, поскольку борьба с рабством в Мексике тормозила колонизационную активность южан[854].

Позднее Пойнсет последовательно отрицал причастность Соединенных Штатов к попыткам приобрести огромную провинцию. В своей статье о Мексике он опровергал как «абсурдные и невероятные» подозрения английского дипломата Уорда, что Соединенные Штаты якобы предлагали займ Мексике в 12 миллионов долларов в залог Техаса. Пойнсет «в свою бытность в Мексике никогда не предлагал ни залог, ни передачу Техаса Соединенным Штатам», – заключал североамериканский посланник[855]. Как мы видим, Пойнсет лукавил – он предлагал просто продажу, и здесь его приемы ничем не отличаются от макиавеллизма европейских дипломатов. В беседе с президентом Джексоном в 1830 г, Пойнсет по сути предсказал, как будут развиваться события в Техасе – за освоением последуют восстание и присоединение к США по просьбе народа[856].

Судьба Техаса оказалась тесно связана с вопросом о распространении рабства в Соединенных Штатах. Когда почти через 25 лет Техас станет ключевой проблемой североамериканского общества, былые оппоненты Адамс и Клей вместе будут возглавлять группу так называемых сознательных, или совестливых, вигов (Conscience Whigs), выступавших против Мексиканской войны и аннексий. Политические ветераны справедливо боялись, что экспансия в южном направлении чрезмерно усилит позиции рабовладельцев, опрокинет хрупкое равновесие между Севером и Югом.

Очевидно, что план Клея 1820 г. по захвату Техаса был, по меньшей мере, нереалистичен: Соединенные Штаты тогда просто не обладали достаточной военной силой, чтобы осуществить такое масштабное мероприятие. Но дебаты в Конгрессе по Трансконтинентальному договору, пусть и закончившиеся ничем, внесли заметный вклад в развитие риторики североамериканской экспансии. Обсуждение в Конгрессе привлекло общественное внимание не только к борьбе Латинской Америки за независимость, но и к судьбе малозаселенных южных земель. Показательно, что искреннее сочувствие «южным братьям» со стороны таких сторонников независимости Латинской Америки, как Клей или Брэкенридж, сочеталось в их сознании с

убежденностью в необходимости аннексии территорий к югу от Сабины и Ред-Ривер.

* * *

«Турция трансатлантических отношений» – так метко окрестила Кубу пресса середины 1820-х гг., подчеркивая как сложность и запутанность внутренней ситуации на богатом острове, так и огромное значение Кубы для внешней политики великих держав, стремящихся «подхватить ее в падении»[857]. Впрочем, когда в 1824 г. Фердинанд VII даровал этому последнему форпосту Испанской империи титул «неизменно верного острова», в определении была серьезная доля правды. Креольская плантаторская верхушка боялась революции рабов (40 % населения острова) по гаитянскому сценарию и помогла новому генерал-капитану Дионисио Вивесу расправиться в 1823–1824 гг. с активными, но немногочисленными заговорщиками. С января 1822 г. кубинцам вновь дарют привилегию свободной торговли. Надеясь на доход от пошлин, метрополия освободила Кубу от многих налогов, даже церковной десятины. Латифундистское рабовладельческое хозяйство переживало подлинный хозяйственный бум. Ответом благодарных плантаторов была лояльность власти Испании[858].

США не могли остаться равнодушными к развитию ситуации на соседнем острове, занимавшем столь значительное место в их внешнеторговом обороте. Южане Джефферсон, Кэлхун, Пойнсет были убеждены, что рано или поздно Куба станет владением США. Джефферсон надеялся, что после неизбежного «общего разделения испанских колоний» «Куба присоединится к нам и будет давать сахар», и считал остров «самым выгодным (interesting) приобретением» для США[859]. До вспышки революционных заговоров на Кубе независимость острова (в противодействие английскому влиянию) поддерживали только купец-авантюрист Уильям Робинсон и Генри Брэкенридж, наверное, еще не задумываясь о последствиях возможного освобождения рабов для южных штатов[860].

Рассматривая Кубу и Пуэрто-Рико как возможный объект экспансии, Соединенные Штаты опасались перехода этих островов из рук слабеющей Испании к третьей державе, более всего – к Англии. Именно этого боялся виргинец Гарнет, когда, единственный среди всех членов Палаты представителей, голосовал в 1822 г. против признания независимости стран Латинской Америки[861].

Осенью 1822 г. кабинет получил через известного натуралиста, президента Американского философского общества Пьера Дюпонсо провокационное послание от Барнабе Санчеса, где тот призывал оказать помощь тем плантаторам, которые якобы выступают за вступление Кубы в состав Соединенных Штатов. Иначе, предупреждал корреспондент, возобладают сторонники Англии, и Куба навсегда будет потеряна для Вашингтона. Кэлхуну идея понравилась, но возобладала точка зрения Адамса – «война с Великобританией за Кубу закончится тем, что остров достанется им, а не нам»[862]. Во внутренние дела острова было решено не вмешиваться.

Когда весной 1823 г. в газетах появились слухи о возможной британской аннексии Кубы[863], Кэлхун даже призвал к новой войне с бывшей метрополией, чтобы предотвратить такое развитие событий[864]. “Columbian Centinel” подчеркивал, что потеря кубинской торговли станет особенно тяжелым ударом именно для Новой Англии[865].

Одновременно в США боялись создания на этом острове негритянской республики по гаитянскому образцу – опасного примера для собственных рабов. Географическая близость Кубы южным штатам усиливала опасения: восстание рабов легко могло бы перекинуться на территорию США. Значит, северный сосед был прямо заинтересован в надежном успехе Вивеса в его борьбе с кубинскими революционерами.

В такой атмосфере была сформулирована известная доктрина «политического тяготения», автором которой стал, кстати, не южанин, а северянин. Джон Куинси Адамс в инструкциях посланнику в Мадриде Хью Нельсону доказывал, что, с географической точки зрения, острова Куба и Пуэрто-Рико являются частью континента Северной Америки и, следовательно, из рук Испании могут перейти только к США. Государственный секретарь писал: «…Существуют законы политического (наряду с физическим) тяготения, и подобно тому, как яблоко, отделенное бурей от дерева, не имеет другого выхода, кроме падения на землю, так и Куба может тяготеть только по направлению к Североамериканскому союзу, который по тем же самым законам природы не может сбросить ее со своей груди»[866]. Таким образом, делалось заключение о целесообразности сохранения власти Испании на Кубе и Пуэрто-Рико. Именно о такой позиции США Нельсон должен был сообщить испанским властям. В инструкциях новому посланнику в Мадриде Александру Эверетту Генри Клей подтверждает: «Кубе и Пуэрто-Рико следует остаться зависимыми от Испании»[867].

Как оценивали события на Кубе североамериканские

очевидцы? Джо-эль Пойнсет, посетивший остров в 1823 г., остался скептически настроен по отношению к местному освободительному движению: «Некоторые креолы расположены низвергнуть испанское иго… и объявить Кубу независимым государством, но страх перед рабами и низшим классом белых горожан, может быть, заставит их остаться спокойными»[868].

Примерно в том же духе представлял суть дела торговый представитель в Гаване Фрэнсис Блэк. Он утверждал, что, хотя большинство кубинцев были бы рады освободиться от власти метрополии, их останавливает страх перед расовыми беспорядками. Креольская верхушка и офицерство поддерживают генерала-капитана Вивеса, «богатейшего собственника» и «человека либеральных принципов». Уже в те годы богатые рабовладельцы ощущали общность своих интересов с плантаторами Юга США – Блэк писал об их интересе к конституции южных штатов. Некоторые же хотели бы, чтобы Соединенные Штаты разместили войска во Флориде «под предлогом защиты границ», а на деле – чтобы обеспечить стабильность Кубы. Революцию поддержали бы лишь те креолы, «чья собственность состоит в товарах, которые легко обратить в деньги и вывезти», – думал автор донесения.

Если революция все же разразится, то те, кому есть, что терять, выступят за независимость страны лишь как за «предварительный и необходимый шаг к союзу с Соединенными Штатами» – единственной мере обеспечения безопасности и стабильности любой приличной (good) формы управления островом[869]. Что ж, если вспомнить события освободительной борьбы Кубы конца XIX – начала XX вв., слова Блэка покажутся пророческими.

Для Генри Клея важным источником стало частное письмо от давнего знакомого и сторонника Томаса Робертсона[870]. Он эмоционально описывал политические беспорядки, деспотизм Вивеса, ужасающее состояние немногочисленных школ, мостов, дорог, масштабы нелегальной работорговли (до 25 тысяч рабов в год) и пиратства. Не внушали оптимизма и те люди, которые представляли интересы США в столь важном регионе, – «пьяницы, банкроты, нарушители наших же собственных законов и принципов»[871]. Письмо Робертсона не прошло незамеченным: чтобы установить доверительные отношения с английским поверенным в делах Генри Эддингтоном, Клей зачитал ему это свидетельство[872].

В итоге положение на острове было истолковано следующим образом: либо на Кубе сохраняется status quo (остров во владении слабой Испании), либо же она в случае обретения независимости

неизбежно попадает в сферу интересов какой-либо великой державы, скорее всего – Англии, а то и становится в случае освобождения рабов угрозой расовому «порядку» на Юге США. В 1825 г. стало известно о планах совместной экспедиции Великой Колумбии и Мексики для свержения власти Испании на Кубе и Пуэрто-Рико. Было очевидно, что в случае ее успеха рабы на острове получили бы свободу так же, как и в других молодых государствах Испанской Америки[873].

Национальные интересы США требовали закрепления status quo – сохранения Кубы под властью Испании одновременно с признанием последней независимости других государств Латинской Америки. Так исключалась бы возможность вмешательства Европы в дела Нового Света под предлогом посредничества в улаживании отношений бывших колоний с метрополией[874]. Наконец, аннексировать независимую Кубу стало бы куда сложнее, чем колониальную.

Обстановка требовала от Адамса и Клея неординарных ходов. И такой ход был найден – США обратились за поддержкой к России. Этот дипломатический демарш с целью склонить Испанию к примирению и признанию бывших колоний стал одним из наиболее важных мероприятий, проведенных Клеем на посту государственного секретаря. Н. Н. Болховитинов отмечает: «На некоторое, хотя и сравнительно короткое, время испаноамериканский вопрос занял в отношениях между Россией и Соединенными Штатами центральное место, причем обе державы, как это ни парадоксально на первый взгляд, оказались в одном лагере – лагере сторонников скорейшего мирного урегулирования и признания Испанией независимости новых американских государств»[875].

Итак, 10 мая 1825 г. Клей по поручению Адамса направил посланнику в Петербурге Генри Миддлтону (1770–1846) довольно обширные инструкции, где просил искать посредничества России – великой державы без прямых интересов в Латинской Америке – в деле примирения Испании с ее бывшими колониями.

Более всего волновало Клея положение Кубы в силу ее «близости Соединенным Штатам, важности торговли и природы населения».

В кубинских делах также были крайне заинтересованы Англия и Франция. Клей признает, что «большая часть» населения Кубы стремится к независимости и готова помочь мексикано-колумбийской освободительной экспедиции, серьезно увеличивая шансы республиканцев на успех. Мексика и Колумбия, таким образом, угрожали бы изменить весь ход вест-индской торговли, затронув интересы многих государств, прежде всего Англии. В

любом случае Клей опасался войны в Карибском море, которая привела бы к резкому росту каперства в непосредственной близости от берегов США. Самым неприятным же для Соединенных Штатов стало бы вмешательство в события великих европейских держав, в первую очередь Англии. Подобное развитие ситуации могло бы завершиться установлением протектората Англии над Кубой.

Таким образом, по мнению Клея, примирение Испании со своими бывшими колониями позволит ей сохранить последние форпосты империи – Кубу и Пуэрто-Рико, охранит их положение от посягательств других иностранных государств, как европейских, так и американских. Соединенные Штаты просили Россию обратиться к Испании, чтобы содействовать скорейшему заключения мира к выгоде как Соединенных Штатов, так и Испании[876]. Очевидно, подразумевалось, что и Россию не могло не беспокоить возможное резкое усиление позиций Англии. Таким образом, юридическое признание status quo в Латинской Америке было бы на руку, по сути, всем континентальным державам.

Текст этих инструкций Миддлтону должен был стать известным всей Европе. С этой целью он был также отправлен посланникам США в Лондоне и Париже[877]. Предполагалось, что представители США сообщат европейским кабинетам о плане Клея. 13 мая Клей передал текст этих инструкций русскому посланнику в Вашингтоне барону Тейлю. 19 мая Тейль встречался с самим президентом. Адамс был предельно откровенен с петербургским дипломатом. Как сообщил Тейль Нессельроде, Адамс, «отнюдь не скрывал от меня, что с точки зрения интересов его страны нежелательно, чтобы остров Куба был подвластен другой европейской державе, а не Испании, или же оказался в руках Мексики или Колумбии, и добавил, что *если когда-нибудь этому острову суждено принадлежать какому-нибудь американскому государству, то таким государством могут быть лишь Соединенные Штаты* (курсив мой – А. *И.)*»[878].

Исследователи долго считали, что Россия не отнеслась к предложению Соединенных Штатов со всей серьезностью. Делая такой вывод, они исходили в первую очередь не из архивных разысканий, а из общих представлений о реакционности царской России и ее солидарности с монархической Испанией[879]. Исследования Н. Н. Болховитинова доказывают, что царское правительство предприняло действенные шаги в соответствии с просьбой Соединенных Штатов[880].

Текст инструкций был получен в Петербурге 18 июня (10 июля). В ответе Миддлтону русский министр был весьма

осторожен: одобряя мнение США в отношении Кубы и Пуэрто-Рико, Нессельроде писал о необходимости сперва точно выяснить позицию Испании. Пересылая текст ответа Нессельроде, Миддлтон подчеркнул, что *«по существу»* его содержание настолько благоприятно, насколько этого только можно было ожидать[881]. В Вашингтоне нота Нессельроде была встречена с энтузиазмом – барон Тейль отметил, что «ответ императорского министерства на предложения г-на Миддлтона произвел здесь приятную сенсацию»[882].

Нессельроде разослал инструкции представителям России в Лондоне, Париже, Берлине, Вене. Представителям стран Священного союза в Петербурге содержание североамериканского плана уже было известно.

Миддлтон полагал, что предложение Клея будет одобрено союзниками. В общем, вопрос представлялся Миддлтону «улаженным»[883].

Новый американский посланник в Мадриде Александр Эверетт сразу же приступил к переговорам с главой испанского кабинета Франсиско де Сеа Бермудесом (1779–1850). Тот не скрыл от Эверетта, что считает небезопасным для собственной карьеры предложить Фердинанду VII план Клея. Он отверг идею любого посредничества, итогом которого стало бы признание независимости колоний. Более того, испанский министр всерьез и с выраженной решимостью даже говорил о возможностях восстановления власти Испании в Новом Свете.

В конце октября 1825 г. Сеа Бермудес был сменен на своем посту фаворитом короля герцогом дель Инфантадо (1768–1841). Эверетт поначалу еще надеялся на возможность серьезного обсуждения североамериканского демарша. Безусловно, герцог дель Инфантадо обладал определенным личным обаянием и сумел произвести на американца намного более благоприятное впечатление, чем его предшественник. Однако, сперва он просто уклонялся от обсуждения насущных проблем, ссылаясь на недостаточность сведений, а потом ясно дал понять Эверетту, что позиция Испании не изменилась[884].

Русский посланник в Мадриде П. Я. Убри (1775–1847) в соответствии с инструкциями от Нессельроде[885] обсуждал сначала с Сеа Бермудесом, а затем и с герцогом дель Инфантадо предложения США. Если Эверетт еще долго надеялся на смягчение позиции герцога, более искушенный Убри сразу сделал должные выводы о личности министра. В донесениях в Петербург посланник охарактеризовал его как человека, обладающего самыми смутными понятиями как о внешней политике иностранных держав, так и о реальном положении Испании, ее

национальных интересах[886]. Эверетт поначалу несправедливо подозревал Убри в двуличности, полагая, что Россия на деле лишь подстрекает Фердинанда VII к решительным действиям. В действительности русский посланник предпринимал настойчивые попытки убедить испанское правительство в необходимости определиться в своей позиции[887]. Как отмечает Н. Н. Болховитинов, «по своему объективному значению демарш П. Я. Убри представлял вежливую форму давления и призыв к новому рассмотрению сложившегося в Америке положения»[888]. Однако, испанские власти твердо решили игнорировать любые возможные предложения о посредничестве.

Если в Испании дело зашло в тупик, то переговоры с Великой Колумбией и Мексикой складывались на редкость успешно. Клей направил представителям этих государств в Вашингтоне ноту, в которой сообщал об инструкциях Миддлтону от 10 мая 1825 г. и утверждал, что европейские державы предпринимают все усилия, чтобы склонить Испанию к миру. От республик требовалось одно – «отсрочка, на определенное время, отплытия экспедиции против Кубы или Пуэрто-Рико». Ответ колумбийского посланника Хосе Марии Саласара (1785–1828) был выдержан в самом выгодном для Соединенных Штатов ключе: утверждалось, что Колумбия давно ждет удачного момента для осуществления планов освобождения Кубы, однако такая экспедиция может быть предпринята только, если ее одобрит конгресс американских государств, который планируется созвать в Панаме. Таким образом, оставалось время для завершения посреднической миссии русского императора[889]. Затем Великая Колумбия решила пойти на весьма откровенный шаг: через Соединенные Штаты предложить Испании заключить мир или хотя бы перемирие на 10 или 20 лет в обмен на отказ от освободительной экспедиции на острова Карибского бассейна[890]. 10 июня Эверетт передал колумбийское предложение герцогу дель Инфантадо[891], однако никакого ответа с его стороны не последовало. В августе 1826 г. герцог дель Инфантадо ушел в отставку, а новый глава кабинета Мануэль Гонсалес Салмон (1778–1832) не обладал серьезным политическим весом и влиянием на короля, так что переговоры с ним стали бессмысленны[892].

Были попытки использовать и другие каналы, чтобы склонить Испанию к принятию плана Клея. Серьезные усилия предпринял посланник США в Париже Джеймс Браун (1766–1835). Руководствуясь духом инструкций Миддлтону, он решился обратиться к европейским державам через министра иностранных дел Франции барона де Дама (1785–1862)[893]. 17 июля 1825 г. обращение Брауна обсуждалось на конференции представителей

Священного союза. От имени правительства США Браун предлагал «Франции и другим морским державам гарантировать Испании обладание Кубой и Пуэрто-Рико, однако при условии, что она примет эти державы как посредниц между ней и восставшими колониями». В ходе обсуждения реакция барона де Дама была более чем сдержанной: он полагал, что испанское правительство не примет предложенного посредничества[894]. Тем не менее, Браун сохранял оптимизм: он был убежден в том, что Франции и Англии удастся склонить Фердинанда VII к признанию независимости колоний при условии гарантии Кубы и Пуэрто-Рико[895].

Однако на деле все обстояло намного сложнее. Вполне возможно, что знакомство испанских властей с инструкциями Клея Миддлтону от 10 мая 1825 г. только утвердило их в нежелании признавать независимость Латинской Америки. При испанском дворе мог быть сделан следующий вывод: если Соединенные Штаты не намерены способствовать освобождению Кубы и Пуэрто-Рико, у Испании нет причин идти на уступки своим бывшим колониям[896]. С другой стороны, латиноамериканские государства могли усмотреть в предложении США предательство их интересов[897].

Стремление провести североамериканский план в жизнь сохранялось и после 1826 г. Подчеркивая исключительную выгоду предложения США для Испании, Нессельроде уже в конце 1827 г. пишет русскому посланнику о целесообразности продолжения переговоров. Однако, отмечал русский министр, Испания, к сожалению, так и не дала своего ответа. Убри признал, что вопрос о бывших колониях в Новом Свете «весьма труден для переговоров с Испанией»[898].

Другая важнейшая инициатива по «кубинскому вопросу» исходила от английского министра иностранных дел Джорджа Каннинга. Когда североамериканский посланник в Лондоне Руфус Кинг сообщил Каннингу об инструкциях Миддлтону от 10 мая 1825 г., последний через три дня предложил свой план сохранения status quo в Карибском бассейне: Англия, Франция и США должны подписать трехстороннее соглашение, которое обязало бы эти державы навсегда отказаться от претензий на Кубу[899]. Так, по мнению Каннинга, можно было бы рассеять взаимные подозрения по поводу агрессивных намерений в отношении «всегда верного острова».

В инструкциях Кингу от 17 октября 1825 г. Клей бесповоротно отверг идею Каннинга, обосновав свою позицию тем, что Испания, узнав о таком соглашении, решит, что иностранные гарантии Кубы и Пуэрто-Рико позволят ей вообще

уклониться от заключения мира со своими бывшими колониями[900]. Итогом предложения Каннинга стал лишь письменный отказ от претензий на карибские владения Испании, сделанный от лица французского посла в Лондоне и никак юридически не закрепленный[901].

Как объяснить нежелание Соединенных Штатов идти на вроде бы заманчивый английский план гарантии Кубы? В переписке государственного секретаря ясного ответа не содержится. Ответ, видимо, состоит в следующем: молодое государство не собиралось сковывать себя какими-либо обязательствами, особенно с европейскими странами. США готовы были согласиться с сохранением власти Испании на Кубе и Пуэрто-Рико в целях скорейшей стабилизации положения на континенте и сохранения status quo на Карибах[902]. В будущем же США не исключали для себя приобретения этих островов, о чем недвусмысленно заявил Адамс еще в 1823 г., когда формулировал теорию «политического тяготения».

Отказ США от принятия английского плана был воспринят довольно болезненно. Раздраженный Каннинг писал посланнику в Вашингтоне Чарльзу Воэну (1774–1849), что притязания Соединенных Штатов «поставить себя во главе конфедерации всех (sic!) Америк и повернуть эту конфедерацию против Европы (включая Великобританию)» не следует поощрять или терпеть»[903].

Всегда сдержанный английский министр явно преувеличил амбиции Соединенных Штатов. Письмо Каннинга еще не было получено Воэном, когда в США начались сложные дебаты об участии в Панамском конгрессе, поставившие под вопрос всю латиноамериканскую политику кабинета.

Все попытки склонить Испанию к примирению с бывшими колониями еще долго не могли увенчаться успехом. Признание ею государств Латинской Америки растянулось почти на 60 лет – с 1836 по 1895 гг.[904] Однако неверно говорить о неудаче действий США, ведь молодое государство с успехом продемонстрировало серьезность своей внешней политики. В Европе все признавали, что Соединенные Штаты показали себя с лучшей стороны, выступив с разумной, взвешенной инициативой, выражающей как свои собственные национальные интересы, так и общеевропейское мнение. Провал предложения Клея полностью объясняется косной, недальновидной позицией испанских правящих кругов. Серьезным шагом на пути укрепления независимой внешней политики Соединенных Штатов стал отказ от английского плана трехсторонней гарантии Кубы.

Судьба Кубы же продолжала тревожить североамериканцев. В

мае 1826 г. «кубинский вопрос» станет одной из важнейших тем инструкций Клея представителям США на межамериканском Панамском конгрессе[905]. В 1827 г., когда присутствие английских войск в неспокойной после смерти короля Жуана VI Португалии привело к резкому обострению отношений с Испанией, горячие головы предсказывали англоиспанскую войну и, как следствие, нападение Англии на Кубу[906].

Александр Эверетт опасался, что Боливар предпримет атаку на остров: «Способный и опытный военный деспот во главе армии негров – явно не тот сосед, кого мы хотели бы видеть на наших южных рубежах»[907]. Обсуждение североамериканскими политиками судьбы Кубы показывает, как сильно боялись они распада Соединенных Штатов и как были готовы идти на уступки рабовладельческому Югу. Бостонец Эверетт, к примеру, не был расистом – он считал черную расу прародительницей европейской культуры и был противником рабства[908].

Заметим, между прочим, что официальная кубинская политика Соединенных Штатов не влияла на иммиграционные меры. После разгрома заговоров начала 1820-х гг. многие революционеры нашли убежище в США (в первую очередь – в Филадельфии), в их числе – один из основоположников кубинской поэзии Хосе Мария Эредиа (1803–1839), аргентинский врач и поэт Хосе Антонио Миралья и уже упоминавшийся нами издатель “El Habanero” падре Феликс Варела[909].

Более того, не все граждане США поддерживали политику властей. Так, один из предводителей восстания в Батон-Руже 1810 г., джексоновец из Луизианы Филемон Томас (1763–1847) восхищался героическим замыслом Боливара освободить Кубу и Пуэрто-Рико[910]. Сам Андерсон, убеждая, согласно инструкциям, колумбийского министра в нецелесообразности карибской экспедиции, признавался в своем дневнике, что в душе поддерживал освободительные планы революционеров[911].

* * *

Существенно менее значимый, чем Куба, остров Пуэрто-Рико также стал источником затруднений для официального Вашингтона. В 1822 г. с территории США отправилась экспедиция, целью которой было освободить Пуэрто-Рико от власти Испании и создать республику Борика (Boriqua)[912]. Ее руководитель, выходец из франко-немецкой голштинской аристократии Анри-Луи-Вийом Дюкудре-Гольштейн (1763–1839) участвовал во Французской революции, перешел на сторону

Бонапарта, пытался устроить побег Лафайета из австрийской тюрьмы в Ольмюце[913], а после поражения наполеоновских сил оказался в Западном полушарии, где, объявив себя генералом, присоединился к Боливару, который поначалу доверял ему весьма важные задачи[914].

Отношения с Боливаром у Дюкудре-Гольштейна не сложились, так что он покинул армию, жил с молодой женой и детьми на Гаити и Кюрасао, зарабатывая частными уроками. По его словам, в конце 1821 г. на Кюрасао его посетили несколько гостей с Пуэрто-Рико, которые настойчиво уговаривали его возглавить освободительную экспедицию; после колебаний отставной военный согласился[915].

Вербовать войска для рискованной операции было решено в Нью-Йорке и Филадельфии. Весной 1822 г. Дюкудре-Гольштейн прибыл в Нью-Йорк с принадлежавшего Дании карибского острова Санкт-Томас и быстро нашел там «предприимчивых людей», готовых помочь[916]. Одним из таких авантюристов был уже знакомый нам Бэптис Ирвайн. Свое участие в авантюре Ирвайн объяснял самым невинным образом: он писал книгу о Южной Америке, но материалов не хватало, а в середине июля Дюкудре-Гольштейн в Филадельфии обещал ему некие ценные рукописные и опубликованные источники после четырех месяцев службы[917].

Всего Дюкудре-Гольштейну удалось завербовать сорок «офицеров», а в общей сложности с ним оказалось до семидесяти человек. К шведскому острову Сен-Бартельми экспедиция из двух кораблей – один был снаряжен в Нью-Йорке, другой в Филадельфии – незаконно шла под флагом США[918]. Затем экспедиция собиралась направиться в Ла-Гуайру (возможно, совершить какие-то торговые операции), потом вернуться на датский Санкт-Томас, чтобы оттуда начать освободительную миссию. Но случай помешал исполнению замысла: по пути в Ла-Гуайру корабли попали в шторм и 16 сентября 1822 г. пристали у голландского Кюрасао, почему-то под голландским же флагом. 22 сентября они были арестованы по обвинению в пиратстве. На борту были обнаружены листовки с декларацией независимости острова, разные прокламации за подписью «Верховного правителя» барона Гольштейна и «государственного секретаря» Ирвайна[919]. Судя по обнаруженным документам, заговорщики обещали ввести расовое равенство, что сильно встревожило гаванских рабовладельцев. Подпольная организация на Пуэрто-Рико была раскрыта, ее вождь мулат Педро Дюбуа расстрелян[920].

В ответ на попытки капитана североамериканского судна

вызволить Ирвайна как гражданина США, губернатор Кюрасао ответил, что на основании обнаруженных прокламаций Ирвайн таковым считаться не может. Наученные провалом снаряженных в США освободительных экспедиций Миранды, Мины, Карреры, газеты США на сей раз сразу резко осудили авантюру, назвав ее организатора «обманщиком», совращающим неопытных молодых людей[921].

Хотя Ирвайн обвинял колониальную администрацию Кюрасао в плохом отношении к узникам, власти, видимо, разрешали им встречи с соотечественниками. По крайней мере, журналисту удалось переслать в США письмо в Конгресс, где он просил о помощи, обосновывал правомерность освободительной экспедиции ссылками на Ваттеля и обвинял Дюкудре-Гольштейна в слабости и неспособности возглавить благородное дело[922].

Сам Дюкудре-Гольштейн писал Монро, напоминая о своей дружбе с Лафайетом. Ирвайн обращался с мольбами о помощи к Клею, который пересылал эти письма президенту[923]. По сообщению газет, он даже пытался устроить свой побег, заручившись поддержкой самого генерального прокурора острова[924]. У узников были причины опасаться за свою судьбу – их приговорили к 30-летней каторге на соляных шахтах. Впрочем, усилия властей по вызволению неудачников не понадобились: в феврале 1824 г. король Нидерландов помиловал осужденных под условием высылки с острова, и после почти полутора лет заключения они смогли вернуться домой.

Сразу после освобождения Ирвайн почему-то направился в Ла-Гуайру[925], где составил памфлет с обвинениями против голландских властей, который был издан в Балтиморе. На этом его следы теряются. Дюкудре-Голыптейн, по всей видимости, прямо направился в США, где его ждали спокойная старость, написание воспоминаний о Лафайете и Боливаре, преподавание в захолустном колледже в Женеве, штат Нью-Йорк, и Женской академии Олбани. В ноябре 1824 г. дело Дюкудре-Гольштейна обсуждалось на заседании кабинета: все выступили за уголовное преследование неудачливого освободителя, кроме Адамса, считавшего, что тот уже понес достаточное наказание. Окружному прокурору все же было указано завести дело, но реальных последствий это решение не имело[926].

«Освободительная» авантюра привлекла к себе внимание самых высоких властей. Ею был весьма озабочен посланник Англии в Вашингтоне Стрэтфорд Каннинг, явно боявшийся, что экспедиции тайно помогало правительство США с целью овладеть островом[927]. Разъяснений по поводу произошедшего требовало и правительство Испании[928].

Как только завершилась история с горе-экспедицией Дюкудре-Гольштейна – Ирвайна, Пуэрто-Рико вновь привлекло к себе внимание руководства США. Речь идет о так называемом «деле Фахардо» (Foxardo, Fajardo): в ноябре 1824 г. один из подчиненных командира эскадры США Дэвида Портера прибыл в этот городок на восточном берегу острова, чтобы потребовать разъяснений об ограблении местными пиратами североамериканского склада на датских Виргинских островах. Но молодого офицера и слушать не стали, задержали на несколько часов и отправили назад – в памяти колониальных властей свежи были воспоминания об авантюре Дюкудре-Гольштейна.

Дэвид Портер

Разъяренный Портер прибыл в Фахардо с 200 матросами, выстроил испанских чиновников и потребовал официальных извинений. Портер считал, что таким топорным образом он отстоял честь своей страны, но налицо было нарушение границы Испании, почти что casus belli. По сути положение было таким же, что и у Джексона в 1818 г. после флоридского рейда, только у

последнего оказался тогда влиятельный защитник – Джон Куинси Адамс. За Портера никто не заступился, последовал трибунал, приговоривший коммодора к шести месяцам домашнего ареста[929].

Тревожный для властей США в 1820-е гг. «кубинский вопрос» не перерос в открытое противостояние держав. Мексикано-колумбийской освободительной экспедиции в Карибском море не суждено было состояться. Не случилось и передачи карибских островов в руки Великобритании. Куба и Пуэрто-Рико вплоть до конца XIX века оставались под властью метрополии, будучи тесно связанными с экономикой США. При этом Соединенные Штаты успешно избежали подписания совместной с Англией и Францией конвенции, которая бы связала свободу политического маневра в отношении испанских колоний. После войны 1898 г. Пуэрто-Рико станет владением, а Куба – de facto протекторатом США.

США и Панамский Конгресс (1826)

24 октября 1825 г. во влиятельной парижской газете “Journal des Debats” властитель дум европейских консерваторов, «первый из современных французских писателей» (слова Пушкина), недавно ушедший в отставку с поста министра иностранных дел Франсуа Рене де Шатобриан (1768–1848) опубликовал свою очередную статью под названием «О прощальном обращении президента Соединенных Штатов к генералу Лафайету»[930]. Противопоставляя разрушительную силу республиканской пропаганды анемичному бездействию монархических сил, Шатобриан писал: «И Соединенные Штаты теперь не одни влияют на дух народов; они создали вокруг себя целый республиканский мир, который вскоре проведет в Панаме свой всеобщий конгресс. Речи с этого собрания разнесутся через моря».

В следующей статье от 28 октября Шатобриан развивал свои взгляды на трансатлантические взаимоотношения. Автор предсказывал коренное изменение баланса сил в мире и даже высадку республиканских войск Западного полушария в слабой и безвольной монархической Европе. Он обвинял европейских легитимистов в преступном бездействии и требовал всецело способствовать созданию в Латинской Америке конституционных монархий. Символом пугающих перемен был для Шатобриана тот самый готовившийся в Панаме первый межамериканский конгресс[931].

Что же должна была собой представлять эта международная встреча, созыва которой так боялся прославленный французский писатель и политик? Идея Панамского конгресса, на котором были бы представлены все американские нации, открыто впервые высказал Боливар в 1815 г. в своем знаменитом «Письме с Ямайки»: «Как было бы чудесно, если бы Панамский перешеек стал бы для нас тем, чем был Коринф для греков! Может быть, в один прекрасный день мы созовем там державный конгресс представителей республик, королевств и империй, чтобы обсуждать важнейшие вопросы войны и мира с нациями трех других частей света»[932]. Целью этого конгресса стало бы учреждение «конфедерации и вечного союза» американских наций, никак, впрочем, не ущемлявших суверенитет молодых государств. Заметим, что под «американскими нациями» Боливар обычно понимал только Испанскую Америку. После решающей победы 9 декабря 1824 г. при Аякучо путь к созыву первого в истории межамериканского конгресса был, наконец, открыт.

Продумывая внешнюю политику молодых государств

Латинской Америки, Боливар все свои надежды возлагал на Англию. Именно эта страна служила для него примером наилучшего государственного и общественного устройства. Проанглийская ориентация молодых государств позволила бы им чувствовать себя уверенно на переговорах со всеми государствами, в первую очередь с Испанией и набиравшими силу Соединенными Штатами. Присутствие английского представителя на Панамском конгрессе должно было, по мысли Освободителя, гарантировать жизненность принятых решений, укрепить престиж Латинской Америки на мировой арене. Напротив, опасаясь экспансионистских планов северного соседа, Боливар не желал видеть среди гостей Панамы дипломатов США[933].

Реальность, увы, оказалась суровее ожиданий: Панамский конгресс действительно состоялся, но представлены на нем были далеко не все приглашенные государства Западного полушария, а решения его остались на бумаге. Сразу после провозглашения независимости стран Латинской Америки обострились серьезные противоречия между вновь возникшими государствами. Война Бразилии и Аргентины за территорию Восточного берега Рио-де-ла-Платы (Уругвая), споры Чили и Аргентины с Великой Колумбией из-за территорий соответственно Нижнего и Верхнего Перу – вот каким был фон первого межамериканского конгресса. Чрезвычайно напряженной была внутриполитическая ситуация в молодых государствах: после свержения О'Хиггинса в 1823 г. на грани гражданской войны находилась Чили, в Аргентине централизаторские устремления Бернардино Ривадавии (1780–1845) наталкивались на упорное противодействие партии федералистов. Гражданская война разразится в Аргентине сразу же после принятия конституции в июле 1826 г.

Несмотря на противодействие Боливара, Соединенные Штаты позвали на Панамский конгресс по настоянию вице-президента Великой Колумбии Франсиско Сантандера (1792–1840)[934]. Помимо Англии и США, приглашен был представитель Нидерландов – государства, также обладавшего владениями в Западном полушарии. Однако, приглашение не было направлено властям отстоявшей свою независимость негритянской республики Гаити.

В Северной Америке к идее Панамского конгресса с самого начала отнеслись с серьезным вниманием. Еще в 1817 г. Брэкенридж критически оценивал этот замысел, но отстаивал близость интересов американских государств в противовес европейским[935]. О необходимости следить за планами конгресса писал государственный секретарь Джон Куинси Адамс в своих

инструкциях первому посланнику США в Великой Колумбии Ричарду Андерсону[936]. Возможное участие США обсуждалось в политических кругах Боготы на протяжении 1824 г.[937]

Заметным этапом в становлении общественного мнения США относительно Панамского конгресса стала публикация 23 апреля 1825 г. в полуофициальном вашингтонском издании “National Journal” перевода статьи из “Gaceta de Colombia” (27 февраля 1825 г.) о планируемой повестке дня этой международной встречи. В ней четко разделялись вопросы, затрагивающие только участников освободительной войны с Испанией, и вопросы, общие для всех американских государств. В число последних входили обеспечение неколонизации континента, гарантии невмешательства во внутренние дела государств, либерализация принципов мореплавания, а также отношения с Гаити[938]. Именно такие цели входили в сферу национальных интересов США. Это разграничение, безусловно, удовлетворяло общественное мнение Соединенных Штатов, снимало возможные противоречия, связанные с их нейтральным статусом.

Вскоре в столичной прессе последовало продолжение дискуссии. Незадолго до этого 18 марта в филадельфийской “Democratic Press” под псевдонимом Муций Сцевола (а этот псевдоним Клей несколько раз использовал в прошлом) была напечатана статья с призывом не уступать европейским замыслам в отношении Латинской Америки и самим встать во главе «Конфедерации американских государств», которая подразумевала бы не только военный союз, но и общий суд высшей инстанции – «ареопаг». Настрой Сцеволы был близок духу знаменитых речей Клея пятилетней давности. 26 апреля эта статья была перепечатана в “National Intelligencer” вместе с выдержками из статьи “Gaceta de Colombia” и с критическим комментарием. Газета критиковала «величественную схему филадельфийского Муция» как отказ от нейтральной политики, вовлечение в союзы и даже частичный отказ от государственного суверенитета. Соединенные Штаты не желают быть членом какой-либо конфедерации, кроме своей собственной[939]. Через год сторонник Джексона конгрессмен от Пенсильвании Сэмюэль Ингхэм (1779–1860), обвиняя администрацию в авантюризме и противоречиях, заявит, что авторство статьи Сцеволы принадлежит Клею, а комментария – Адамсу. Сам Клей никогда не высказывался по поводу этого текста и своего предполагаемого авторства. Исходя из оценки сложившегося курса Адамса – Клея, исследователи склонны были не доверять высказыванию Ингхэма, однако не могли ни подтвердить, ни опровергнуть его слова[940].

Нам представляется, что под псевдонимом скрывался

филадельфийский купец Бенджамин Чеу, сторонник конфедерации именно такого рода, включавшей военный союз и унификацию права[941]. Комментарий же, скорее всего, был написан издателями “National Intelligencer” Гейлсом и Ситоном, которые поддерживали курс Адамса – Клея.

Президент Адамс указал на необходимость участия США в проведении Панамского конгресса в своем первом ежегодном послании от 6 декабря 1825 г.[942] В январе 1826 г. лучший североамериканский журнал того времени “North American Review” опубликовал статью под заголовком «Союз южных республик»[943]. Ее основными источниками служили памфлет погибшего незадолго до того министра иностранных дел Перу Бернардо Монтеагудо[944] и упомянутая нами статья в “Gaceta de Colombia”. Приветствуя созыв Конгресса как «одно из наиболее заметных событий политической истории» и высоко оценивая перспективы молодых республик, автор статьи, главный редактор журнала Джаред Спаркс призывал участвовать в его деятельности. Членство в планируемом союзе американских государств было для Соединенных Штатов неприемлемо, но обсуждение на Конгрессе общих вопросов стало бы крайне полезным для «будущего национального прогресса», пусть пока выгоды от участия «нелегко предвидеть или оценить». Хотя дух статьи в “North American Review” был взвешенным и умеренным, противники участия США в Панамском конгрессе сочли ее радикальной, пренебрегающей интересами собственной страны[945].

Давний сторонник латиноамериканских патриотов, новый государственный секретарь Генри Клей считал участие в Панамском конгрессе первостепенным вопросом, о чем свидетельствует выбор кандидатур представителей США. Клей направил официальные предложения одному из наиболее авторитетных и опытных политиков и дипломатов Альберту Галлатину, а также посланнику в Великой Колумбии Ричарду Андерсону, который, будучи в 1817–1821 гг. конгрессменом от Кентукки, довольно активно участвовал в обсуждении латиноамериканского курса[946]. Уговаривали даже бывшего президента Монро[947]. Галлатин отказался принять участие в Панамской миссии, сославшись на опасности тропического климата и незнание испанского языка[948]. Все уговоры Клея оказались напрасны, и в итоге Галлатина заменил Джон Серджент (1779–1852) – влиятельный филадельфийский адвокат, член Палаты представителей в 1815–1823 гг.[949] Заметим, что до 1826 г. Серджент никогда не проявлял интереса к делам Латинской Америки. В отличие от Галлатина, Андерсон принял

предложение с удовольствием, понимая почетность миссии, стремясь к перемене мест и в очень большой степени – надеясь заработать (за свое участие он получил бы годовое жалование посланника) и сэкономить, так как необходимость жить в Боготе на широкую ногу дорого стоила обремененному многочисленными долгами дипломату[950].

Затем кандидатуры представителей на Панамский конгресс были направлены для утверждения в Сенат[951]. Здесь администрацию ждала непредвиденная задержка. К обсуждению кандидатур приступили не сразу, а сами «Панамские дебаты» в Сенате и Палате представителей заняли весь март и апрель 1826 г.[952] Мартин Ван-Бюрен (Нью-Йорк, 1782–1862), Роберт Хейн (Южная Каролина, 1791–1839), Томас Харт Бентон (Миссури), Джон Макферсон Берриен (Джорджия, 1781–1856), Джон Холмс (Мэн, 1773–1843) и другие сенаторы подчеркивали, что участие США в Панамском конгрессе означало бы забвение изоляционистских принципов отцов-основателей и участие в тех самых «постоянных» (permanent) или «сковывающих союзах» (entangling alliances), против которого предупреждали Джордж Вашингтон в Прощальном послании и Томас Джефферсон в первой инаугурационной речи.

Противники участия США в Панамском конгрессе подвергли яростной и умной атаке основы выдвинутых в 1820-е гг. внешнеполитических принципов. Они полагали, что, следуя на деле постулатам Монро, Соединенные Штаты возьмут на себя слишком тяжелые обязательства, откажутся от выгодного нейтралитета. Многие обращали внимание на лицемерную двойственность политики США: с одной стороны, администрация поддерживает молодые республики Латинской Америки, а с другой – исходя из собственных интересов, выступает за сохранение власти Испании на Кубе и Пуэрто-Рико.

Другой мишенью стали латиноамериканские дипломатические документы относительно созыва Панамского конгресса, многие положения которых допускали широкое толкование. Исходя из них, можно было сделать вывод, что межамериканский конгресс станет не просто дипломатической встречей, а постоянным наднациональным органом воюющей с Испанией конфедерации Южной Америки. Критики даже сопоставляли Панамский конгресс с Континентальным конгрессом времен Войны за независимость. Таким образом, участие США в Панамском конгрессе неизбежно означало бы потерю нейтрального статуса, а то и необходимость вмешаться в войну с Испанией.

Интересно, что и противники, и сторонники участия США в

Панамском конгрессе были согласны в одном: он виделся им совершенно новым, невиданным, подлинно эпохальным событием. В ходе дебатов сенаторы строили самые смелые догадки, но никто даже не решился предположить, что встреча в Панаме окажется столь неплодотворной.

В конечном итоге 14 марта Сенат все же проголосовал за кандидатуры американских представителей в Панаме. Оставалось утвердить финансирование поездки.

Сопротивление Конгресса планам администрации вынудило Адамса выступить 15 марта с довольно пространным и высокопарным посланием, где обосновывалась необходимость присутствия США в Панаме[953]. Освобождение Латинской Америки от колониальной зависимости Адамс назвал «великой революцией в делах людских», «одним из самых многообещающих событий эпохи». Все решения Панамского конгресса глубоко затронут интересы США. Отказ от участия в нем станет грандиозной ошибкой, упущена будет возможность «послужить целям Божественного Провидения; распространить заветную благодать Спасителя Человечества; содействовать, чтобы в грядущих веках воцарились “на земле мир, в человеках благоволение”»[954]. Красной нитью в тексте проходит старый прием энтузиастов борьбы «южных братьев»: движение латиноамериканских повстанцев неоднократно сравнивается с Войной за независимость США. Одной из главных задач Адамса было убедить аудиторию в том, что участие в деятельности Панамского конгресса не противоречит Прощальному посланию Вашингтона. Совет Вашингтона относился к отношениям слабых республиканских Соединенных Штатов с далекой могущественной Европой. С тех пор положение кардинально изменилось: возможности США выросли, рядом возникли восемь новых государств, семь из которых разделяют республиканские идеалы, и задачи противодействия европейскому вмешательству должны решаться сообща.

Адамс заключил свое послание настоящим гимном Панамскому конгрессу: «Он направлен на улучшение состояния человека. Он близок тому духу, которым проникнута декларация нашей независимости, который вдохновил преамбулу нашего первого договора с Францией, продиктовал наш первый договор с Пруссией и инструкции, согласно которым он был заключен, заполнил сердца и зажег души бессмертных основателей нашей Революции»[955].

Доказательства президента не убедили депутатов. Вопрос о выделении необходимых средств на участие в Панамском конгрессе также вызвал новые ожесточенные дискуссии, в

основном уже в нижней палате. Единственным ярким выступлением в поддержку кабинета осталась речь Дэниела Уэбстера, который указал вконец сбитой с толку публике, что Панамский конгресс следует сравнивать с межгосударственными конгрессами в Вестфалии (1648) или Утрехте (1713), а не с Континентальным конгрессом в Филадельфии[956]. Выделение денег на поездку американских представителей было одобрено Сенатом только 3 мая (23 голоса «за» и 19 «против»).

Закулисным организатором кампании против участия США в Панамском конгрессе был мастер политической интриги Мартин Ван-Бюрен, которому удалось привлечь на свою сторону вице-президента Кэлхуна – политика, только за год до того стоявшего в ряду энтузиастов «идеи Западного полушария». Основной бой был дан именно в Сенате, где, как считал Ван-Бюрен, заседали наиболее талантливые противники исхода выборов 1824 г.[957]

Сенатская обструкция сильно ударила по позициям кабинета. В политическую историю США эти дебаты вошли как важный этап формирования Демократической партии – партии генерала Эндрю Джексона[958]. Все девятнадцать сенаторов – противников участия США в

Панамском конгрессе – войдут в 1830-е гг. в Демократическую партию (Хейн и Харпер, правда, поддержат нуллификаторов, а Берриен в 1841 г. перейдет к вигам), десяти из них Джексон предложит посты в администрации (двое откажутся от предложения)[959].

Плантаторам Юга, защитникам «прав штатов» предстояло стать одной из опор складывавшейся Демократической партии. Действительно, среди противников участия США в Конгрессе Юг представляли 11 сенаторов, среди же сторонников администрации южан было всего семь. В числе первых были такие видные сторонники рабства, как Джон Рэндольф, Роберт Хейн, Уильям Харпер (1790–1847), Натаниел Мэйкон (1758–1837), Литтлтон Тэзуэлл (1774–1860). Некоторые южане опасались, как бы в ходе заседаний Панамского конгресса белым представителям не пришлось бы сидеть вместе с чернокожими[960]. С нескрываемой тревогой смотрели противники миссии на планы освобождения Кубы и Пуэрто-Рико, отмены расовой дискриминации, запрета работорговли. Более всего страшила угроза «экспорта» карибской «революции рабов» в соседние земли южных штатов США. Не случайно крупнейший историк причин Гражданской войны Уильям Фрилинг ставит «Панамские дебаты» в ряд наиболее знаменательных событий на пути к южнокаролинской сецессии[961].

Редактор “North American Review” Джаред Спаркс записал в

дневнике интересное свидетельство секционного характера Панамских дебатов. По дороге из Фредериксбурга в Ричмонд беседа попутчиков шла своим чередом, пока разговор не зашел о политике: посланник Шведского королевства в США барон Берндт Стакельберг (1784–1845) оказался, будто бы неожиданно, «решительным другом Панамской миссии» и сторонником Адамса, что вызвало такое недовольство пассажиров-южан, что участникам спора пришлось сменить тему[962]. Иезекия Найлс обвинял Юг в саботаже и противодействии «маршу свободы», цитировал возмутительные, на его взгляд, расистские цитаты из дебатов[963].

Противники миссии джексоновцы-северяне, такие как Холмс (Мэн) и Вудбери (Нью-Гемпшир, 1789–1851), представляли консервативную оппозицию промышленной революции крупных городов, масштабным планам Адамса и Клея и боялись забвения сурового республиканизма и изоляционизма. Против голосовали и конгрессмены от отдаленных, сельских округов Пенсильвании. Зато администрацию поддержал торговый (портовый, а не плантаторский) Юг – представители Мэриленда (Балтимор), Луизианы (Новый Орлеан), наконец, виргинцы из Норфолка и долины Шенандоа[964]. Налицо контуры будущих северных демократов и южных вигов.

Именно после завершения Панамских дебатов конгрессмен от Южной Каролины Джозеф Джист (1775–1836) одним из первых провозгласил появление новой двухпартийной системы – разделение политиков на сторонников администрации и оппозиционеров[965]. Андерсон, еще только узнав о задержке с обсуждением миссии, предсказал, что Панамские дебаты приведут к разделению на партии врагов и друзей администрации[966]. Действительно, обсуждение участия США в первом межамериканском конгрессе вышло за рамки внешнеполитических споров, став, по сути, голосованием о вотуме доверия президенту Джону Куинси Адамсу.

Панамские дебаты скандально прославились благодаря речи Джона Рэндольфа. В ходе своего многословного выступления виргинский сенатор произнес следующую странную тираду: «Я был побежден кавалерией, пехотой, драгунами – уничтожен – и начисто разбит – коалицией Блайфила и Черного Джорджа [намек на отрицательных героев из романа Генри Филдинга] – неслыханным доселе союзом пуританина с шулером». Под пуританином и шулером, естественно, подразумевались Адамс и Клей. Участие же США в Панамском конгрессе Рэндольф уподобил «кентуккийскому кукушкиному яйцу, подложенному в испанское гнездо»[967]. Всего за несколько дней до выступления

Рэндольфа подобные обвинения были растиражированы в газете “United States Telegraph” – новом вашингтонском органе джексоновцев[968]. У оскорбленного Клея оставался лишь один выход – дуэль. Последовавший 8 апреля поединок завершился в итоге примирением сторон, но сам факт дуэли государственного секретаря с неуравновешенным депутатом скорее повредил его репутации[969].

Дискуссия о Панамском конгрессе на время целиком заняла внимание прессы. Спор носил чисто партийный, даже внутриполитический характер. К примеру, ставший джексоновским южный “Richmond Enquirer” стал одним из главных противников участия США в конгрессе, хотя ранее именно эта газета горячо поддерживала борьбу Латинской Америки за независимость и призывала к скорейшему признанию новых государств Западного полушария. Другим орудием оппозиции стал “Albany Argus”, поскольку именно Олбани был оплотом Ван-Бюрена и его протопартийной политической машины[970]. Напротив, еще недавно скептический к «южным братьям», впоследствии вигский “Columbian Centinel” поддержал миссию[971]. Впрочем, новоанглийские газеты (даже пресса штата Мэн, чей сенатор Холмс выступил против администрации) осудили Панамские дебаты как таковые – за нарушение приличий и то, что мы назвали бы «желтизной». Недаром сенатор от Массачусеттса Элайджа Миллс (1776–1829) писал жене: «Чтобы не ввязаться в спор, требуются все благоразумие и хладнокровие привычек Новой Англии»[972].

Именно ожесточенная критика Панамской миссии стала первой задачей основанной 6 февраля 1826 г. в Вашингтоне газеты “United States Telegraph”, которой предстояло стать главным рупором партии Джексона. Программная статья объявляла войну президенту и кабинету: «Мы торжественно понимаем, что устойчивость нашей системы зависит от успешного сопротивления», – и призывала к постоянной бдительности и борьбе за права и свободы против узурпации властей. Уже 7 февраля редактор Дафф Грин (1791–1875) обрушился с критикой на замыслы Адамса – Клея и не прекращал филиппики вплоть до завершения Панамских дебатов[973].

Ударной силой в кампании “United States Telegraph” против участия США в Панамском конгрессе стали статьи за подписью «Патриций», явно принадлежащие перу (или написанные с точки зрения) южанина-плантатора. Может, их автором был сам Грин, который впоследствии выступит одним из шумных сторонников нуллификации. «Патриций» отказывался от «чести брататься с «американскими государствами» и связываться с их жителями

всех оттенков – белого, черного, желтого, медного и коричневого – смесью всех кровей и всех цветов»[974]. В обращении к «свободным людям Севера» Грин признавался, что оппозиция борется за сохранение рабства, и пугал ужасами «всеобщего освобождения» по «Боливару и Клею», неминуемой угрозой единству союза[975].

Сторонники администрации морально проиграли не только парламентскую (несмотря на итоговую победу), но и журналистскую борьбу. Аргументы чересчур оптимистичных статей Чеу (Муция Сцеволы) в “Democratic Press” и Спаркса в “North American Review”, многократно использовались и перевирались противниками миссии[976]. Усилия сторонников миссии, пусть и приступивших к подготовке общественного мнения еще в 1825 г.[977], пали под агрессивным натиском джексоновской печати[978].

Если Найлс, Уолш или Гейле и Ситон в освещении дебатов уделяли главное место публикации документов и речей, то Грин в первую очередь печатал собственные разгромные статьи. Стратегия Грина в Панамских дебатах сформирует журналистику нового стиля, характерную для периода коммерциализации хабермасовского просвещенного «общественного пространства»[979]. Методы Грина и его последователей вызывали неприятие опытных редакторов, например, Найлса[980], но были более чем действенны. Завершалась не просто «эра доброго согласия», к концу подходила целая эпоха классического республиканизма.

Все же, несмотря на непредвиденные трудности и задержку, в «панамском вопросе» администрация одержала формальную победу. Дуэль с Рэндольфом не помешала разработке Генри Клеем одного из важнейших документов в его политической карьере. Инструкции государственного секретаря Ричарду Андерсону и Джону Серджент, назначенным представителями США на Панамском конгрессе, обоснованно считаются основным вкладом Клея в теорию и практику американской внешней политики[981]. Впервые столь детально была аргументирована политика нейтралитета США в Западном полушарии. Объем инструкций (около 18 тысяч слов) намного превосходил объем рядовых дипломатических распоряжений.

Исследователи часто пишут о влиянии взглядов Адамса на содержание инструкций Клея. Так, Локки прямо связывает идеи, заложенные в инструкциях Клея, с посланием президента от 15 марта 1826 г.[982]Не следует, тем не менее, преуменьшать роль государственного секретаря. 15 марта Адамс лишь вкратце обозначил позицию США: нейтралитет («незаинтересованность»),

отстаивание принципа взаимности в торговле, борьба с каперством, «бумажными» блокадами и работорговлей[983]. Эти принципы сами по себе не заключали ничего нового во внешнеполитической доктрине США. Нельзя забывать, что послание президента адресовалось оппозиционно настроенному конгрессу, так что самые острые вопросы президент старался затушевать: так, почти ничего не было сказано о «кубинском вопросе». Главным для Адамса было отстоять необходимость участия США, доказать, что оно никак не противоречит принципам Прощального послания Вашингтона. Задача же Клея состояла в составлении руководства к действию для дипломатов, чье присутствие на Панамском конгрессе было делом уже решенным.

В своих инструкциях Клей выделил наиболее важные для Соединенных Штатов темы переговоров – это торговля и мореплавание, морское право, права нейтральных и враждующих государств. При этом основное внимание предписывалось уделить именно двухсторонним переговорам, а не работе над совместными документами[984].

Клей настаивает на узко дипломатической роли Панамского конгресса. Соединенные Штаты отвергают идею создания какого-либо «амфиктионического совета»[985], то есть высшего органа, улаживающего противоречия между американскими государствами. Такое предложение, по мнению Клея, в целом нереалистично и к тому же противоречит Конституции США. Поддерживалось только подписание совместных деклараций о неколонизации (non-colonization) и о свободе вероисповедания.

Исходной точкой позиции США были нейтралитет (в том числе в аргентино-бразильской войне) и признание необходимости скорейшего заключения мира с Испанией, но без каких-либо уступок со стороны молодых латиноамериканских государств.

Защита принципов свободной торговли и нейтрального судоходства должна была, по мысли Клея, стать важнейшей задачей Андерсона и Серджента на конгрессе. Именно здесь лежали противоречия Соединенных Штатов и Англии. Государственный секретарь подчеркивает, что мир с Испанией не должен быть достигнут путем предоставления бывшей метрополии каких-либо торговых привилегий (как произошло при признании Францией независимости Гаити)[986]. Свобода «перевозочной» торговли была выгодна Соединенным Штатам, так как их торговый флот уже достаточно окреп, а у латиноамериканских государств его, по сути, не было. Таким образом, Соединенные Штаты могли стать конкурирующим

посредником в экономических связях Латинской Америки с Европой (в первую очередь с Англией).

Вопрос о форме правления в новых государствах, по признанию самого Клея, принадлежал к числу наиболее деликатных. Было известно о разнообразных планах европейских государств склонить Боливара к установлению монархий в Латинской Америке[987]. Общей рекомендацией служила установка избегать дискуссий по этой проблеме. Клей пишет, что Соединенные Штаты, предпочитая свою форму правления всем другим, ни в коей мере не настроены навязывать ее кому-либо. Однако государственный секретарь считал категорически неприемлемыми предложения, которые увязывали признание латиноамериканских государств с установлением монархических режимов. Формальный акт признания уже независимых de facto стран, кровью завоевавших свободу, не стоил таких уступок. Таким образом, если дискуссий о форме правления следует избегать, нужно тем не менее использовать всякую уместную возможность напомнить о «священном долге любого государства отвергать любой иностранный диктат в своих внутренних делах»[988].

Безусловно, одним из ключевых вопросов Панамского конгресса должно было стать обсуждение ситуации на Кубе и Пуэрто-Рико, где по-прежнему сохранялась власть Испании. Именно кубинский вопрос грозил осложнить отношения США с Латинской Америкой, ведь планы колумбийско-мексиканской освободительной экспедиции на остров угрожали, по мнению Соединенных Штатов, сложившемуся балансу сил в Карибском море. Следуя позиции, впервые изложенной в ноте Миддлтону от 10 мая 1825 г., Клей подчеркивал важность сохранения status quo на Кубе и Пуэрто-Рико, то есть, в сущности, во всем Карибском бассейне[989].

В инструкциях рассматриваются три возможных сценария развития положения на Кубе. Согласно первому из них, Куба получает независимость, сохранение которой основывается на ее собственных силах, без иностранной помощи. Клей стремится доказать, что такой сценарий нереалистичен, что состояние дел на Кубе слишком плачевно, чтобы этот остров мог стать подлинно самостоятельным государством. Он приводит пример с независимостью Гаити, не принесшей ей ничего, кроме бедствий[990].

Другой сценарий – независимость Кубы под гарантиями иностранных государств. Тогда, естественно, встает вопрос, что это будут за государства, только американские, или американские и европейские, в чем будут заключаться эти

гарантии, каков будет вклад сторон, кто будет командовать войсками. Такие осложнения могут привести к совершенно непредвиденным последствиям, – заключает Клей.

Наконец, третий сценарий заключается в попытке аннексии (пусть временной) Кубы Великой Колумбией или Мексикой в случае проведения ими освободительной экспедиции. Сам факт проведения этой экспедиции, независимо от ее исхода, привел бы к серьезному нарушению баланса сил в Вест-Индии, затронул бы интересы многих государств, в том числе великих европейских держав. Клей утверждает, что в случае вмешательства европейских держав в кубинские дела исключительно с целью сохранения status quo, Соединенным Штатам придется против их собственного желания встать на сторону Европы. К тому же Клей полагал, что после потери большей части своих колоний Испания сможет успешно сосредоточить свои силы на защите оставшихся владений – в первую очередь, Кубы. Он сомневался, что Мексика и Великая Колумбия обладают необходимыми возможностями, чтобы удачно провести такую экспедицию. Даже если на первых порах им и будет сопутствовать успех, европейские державы (в первую очередь Англия и Франция) не дадут развить его. Таким образом, возникнет угроза перехода Кубы под власть Англии или Франции. Как уже указывалось, в «кубинском вопросе» был также аспект, тесно связанный не с внешней, а с внутренней политикой США: осложнение ситуации на острове, где 40 процентов населения составляли негры-рабы, могло, по мнению встревоженных североамериканских наблюдателей, привести к войне одной расы против другой и всколыхнуть плантаторский Юг.

Именно в кубинском вопросе Андерсону и Серджент предписывалось проявлять решимость, не останавливаясь перед ухудшением отношений с Мексикой и Великой Колумбией (а следовательно, и с другими государствами Латинской Америки). Сохранение status quo в Карибском бассейне представлялось важнейшим национальным приоритетом США во внешней политике, считалось важнее дружеских отношений не только с Южной Америкой, но и с соседней Мексикой. Возможно, США были даже более заинтересованы в сохранении status quo на Кубе, чем несравненно более могущественная Англия, ведь последняя могла рассчитывать на выгоды от осложнений на Кубе, на усиление своего присутствия[991].

Итак, главной задачей, поставленной Генри Клеем перед посланниками США на Панамском конгрессе, стала необходимость соблюдения строгого нейтралитета. Нота Миддлтону от 10 мая 1825 г. показала, что США готовы стать

одним из посредников в заключении мира между латиноамериканскими государствами и бывшей метрополией. Этот жест только подчеркивал преданность США своему нейтралитету. Следование абстрактным представлениям о межамериканской солидарности не отвечало национальным интересам, так как вело к ненужным осложнениям с Испанией (а вследствие этого и со всей Европой). Этими затруднениями немедленно воспользовалась бы Англия, чье влияние в Латинской Америке все возрастало. Клей – государственный секретарь – прекрасно понимал все эти обстоятельства. Соединенные Штаты были также крайне заинтересованы в сохранении испанской власти на Кубе и Пуэрто-Рико. Требование сохранения status quo на этих островах выражает принцип «неперехода» (no-transfer).

Предпочитая, конечно, видеть Латинскую Америку республиканской, Соединенные Штаты считали неприемлемым вмешательство во внутренние дела иностранных государств с целью навязать ту или иную форму правления. Единственное, что предложил Клей в регламентировании внутренней политики государств Западного полушария, – это подписание совместной декларации о свободе вероисповедания.

Генри Клею удалось изложить широкую программу латиноамериканской политики США. Эта программа основывалась на нейтральном статусе Соединенных Штатов и включала в себя в первую очередь развитие торговых связей на фритредерских принципах. Нейтралитет диктовал невмешательство в отношения между американскими государствами и отказ от заключения каких бы то ни было континентальных союзов. Соединенные Штаты выступали за скорейшее улаживание отношений Испании с бывшими колониями, но при этом принципиальным условием было сохранение испанской власти на Кубе и Пуэрто-Рико.

От былого стремления Клея поставить США во главе всего республиканского Западного полушария не осталось и следа. Маркиз де Лафайет утверждал, что только Соединенные Штаты могут спасти Латинскую Америку от «ползучей монархии и аристократии» и помочь превратить Бразилию в «доброе демократическое содружество»[992], но в Вашингтоне такой энтузиазм к тому времени уже звучал старомодно.

Противодействие джексоновских демократов в Конгрессе помешало публикации инструкций Клея в США отдельной книжкой. Однако в Англии они были перепечатаны вместе с комментарием[993]. Анонимный памфлетист утверждал, что главная цель Соединенных Штатов заключается в том, чтобы вбить клин между еще слабыми государствами Латинской

Америки и Европой. Провозглашение свободы торговли приведет, по его мнению, к переходу в руки США торговли латиноамериканскими товарами с Европой (то есть в первую очередь с Англией)[994]. На эту публикацию откликнулась лондонская “Times”, осуждая стремление Соединенных Штатов утвердиться во главе содружества американских государств[995]. Как мы могли убедиться выше, в своих инструкциях Клей как раз призывал не допускать вовлечения Соединенных Штатов в союз с Латинской Америкой.

К сожалению, позднее согласие Сената на поездку в Панаму, плохие латиноамериканские дороги, а также его величество случай спутали все планы государственного секретаря. Андерсон умер от желтой лихорадки в Картахене по пути в Панаму, так и не успев даже получить текст инструкций, а Серджент попросту опоздал на Конгресс[996]. Таким образом, представителей США на первом конгрессе американских наций не было.

На Панамский конгресс приехали делегаты от Великой Колумбии, Мексики, Центральной Америки и Перу, а также наблюдатели от Англии и Голландии. Он продолжался чуть менее месяца – с 22 июня по 15 июля 1826 г. – и был распущен из-за невыносимых погодных условий и эпидемии желтой лихорадки, от которой умерли, например, оба (!) секретаря английского представителя. Предполагалось, что конгресс будет вновь созван в Такубайе, однако этого так и не произошло[997]. Красивые решения договора «О вечном союзе и конфедерации», включавшие создание общей армии и флота, единую систему разрешения споров и даже общее американское гражданство, были ратифицированы только Великой Колумбией и никогда не были претворены в жизнь[998]. Оценивая итоги конгресса, разочарованный Боливар сравнил себя с тем древнегреческим сумасшедшим, который, стоя на одинокой скале, вообразил, что может управлять морскими кораблями в бушующем море[999]. Панамский конгресс долго обсуждали, тщательно готовили, открытия его ждали с нетерпением – одни с надеждой, другие с тревогой, но итоги встречи поразили даже пессимистов. Разрыв между ожиданиями и результатами оказался ошеломительно велик.

Здание францисканского монастыря, где проходили заседания Панамского конгресса

Единственным государством, извлекшим выгоду из Панамского конгресса, стала Англия. Ее агент, опытный дипломат Эдвард Докинс (1791/2 – 1865) смог с успехом продемонстрировать интерес великой державы к молодым государствам, не замешанный на жажде территориальных приобретений[1000]. Уже по прибытии в Лондон Докинс с

удовлетворением писал Каннингу: «Общего влияния Соединенных Штатов не нужно, по моему мнению, бояться. Оно, безусловно, существует в Колумбии, но очень сильно ослабло даже там из-за протестов против атаки на Кубу и неблагоразумия, проявленного в Мадриде». К тому же, добавляет Докинс, он «нашел принципы всех депутатов [конгресса] куда менее республиканскими, чем ожидал»[1001]. Каннинг мог быть уверен, что английским интересам в Латинской Америке ничто не угрожает.

Провал Панамского конгресса смягчил неудачу Соединенных Штатов. Иронические отзывы вызвала отвлеченная речь президента конгресса перуанца Мануэля Видаурре – «рапсодия романтического либерализма»[1002]. Адамс имел полные основания заявить 5 декабря 1826 г. в своем ежегодном послании: «Нет, однако, причины полагать, что ход обсуждений и решения конгресса были такого свойства, что могли повредить интересам Соединенных Штатов или же потребовать вмешательства наших представителей»[1003].

Вспоминая о Панамских дебатах, джексоновцы любили подчеркнуть, что в своем решении они пошли против общественного мнения, очарованного баснями администрации, а значит, их выступление было принципиальным[1004]. Бентон считал эту историю доказательством зрелости законодательной власти, примером того, как «все правительственные департаменты могут ошибаться – но что подлинно консервативная власть в нашей стране исходит из народа, его суждения и разума, из постоянного обращения к его уму и патриотизму»[1005].

Виг Натан Сарджент, напротив, думал, что Панамская миссия мало интересовала простых избирателей, а значит, оппозиция в конгрессе была «целиком партийной» и южной, расистской по своему характеру[1006]. Согласно его свидетельству, Ван-Бюрен хвастался, что если бы правительство выступило бы против миссии, он устроил бы такой же бой в ее поддержку[1007]. Все мемуаристы были едины в одном: «Ни один другой вопрос в те дни не вызывал более горячей и несдержанной дискуссии, больше трений между Президентом и Сенатом, чем предлагавшаяся миссия на конгресс американских государств в Панаме; и ни один жаркий вопрос не остывал целиком столь внезапно»[1008].

Хотя инструкции Клея представителям США на Панамском конгрессе не были востребованы по своему первоначальному назначению, труд по их подготовке не ушел впустую. Основные положения этого дипломатического документа, обосновавшие политику нейтралитета, либерализацию торговли и мореплавания, действия в защиту status quo в Карибском бассейне, определили направления латиноамериканской политики США почти до самого конца XIX столетия. Можно ли утверждать, что в те годы не доктрина Монро, а Прощальное послание Вашингтона служило теоретической базой внешней политики США? В принципах доктрины Монро (неколонизация и невмешательство) и Прощального послания (нейтралитет и развитие торговых связей) нет противоречий. Подчеркнем, что в самом тексте президентского послания от 2 декабря 1823 г.

наряду с постулатами, которые впоследствии получат название доктрины Монро, содержатся и положения Прощального послания 1796 г. Нужно помнить и о принципе «неперехода», сформулированном Адамсом, но вошедшем в состав доктрины Монро как «объединенной системы политики». Из всего этого набора внешнеполитических концепций во второй половине 1820-х гг. наиболее востребованными оказались именно Прощальное послание и принцип «неперехода».

Отметим еще одно важное обстоятельство. Интересы Соединенных Штатов иногда объективно противоречили интересам молодых латиноамериканских республик. США было выгодно сохранение власти Испании на Кубе и Пуэрто-Рико. С 1821 г. североамериканские поселенцы начали активно осваивать Техас – этот процесс завершится американо-мексиканской войной 1846–1848 гг. и аннексией не только Техаса, но, по сути, всей северной Мексики. Итак, общность принципов государственного устройства (в данном случае, скорее, по форме, чем по содержанию) не исключает конфликта интересов, в том числе антагонистического, разрешимого лишь военным путем[1009]. Это было верно не только для монархий Старого порядка, но и для молодых республик Западного полушария. В ходе Французской революции и наполеоновских войн легитимисты впервые ясно осознают единство своих идейных принципов и в 1815 г. в Париже стремятся возвести новый европейский порядок на основе родства монархических интересов. Шатобриан опрометчиво отождествил свои надежды (частично воплощенные в жизнь) на единство монархий Священного союза с устремлениями республиканского мира всего Западного полушария. Итогом стало удивительное несоответствие оценок и прогноза Шатобриана подлинному положению дел.

После неудачи с Панамским конгрессом у Клея больше не было поводов подробно излагать свои взгляды на перспективы Латинской Америки. Разочарование в будущности бывших испанских и португальских колоний было типичным для североамериканского общественного мнения в 1820-е гг.[1010] Надежды теряли даже такие энтузиасты, как Дуэйн, который, вернувшись из Южной Америки, писал Джефферсону, как колумбийцы не понимают суть республиканизма, как им не хватает деловитости и выдержки[1011].

Иезекия Найлс также с печалью наблюдал крушение республикански х ожиданий в полушарии[1012]. Наиболее показательным примером стала эволюция взглядов редактора “North American Review” Джареда Спаркса в 1823–1830 гг., на чем мы подробно остановимся в следующей главе. Кстати,

разочарование постигло не только американцев, но и европейцев, например, самого Гумбольдта[1013]. Не поддался общему чувству лишь Торнтон, чьи последние годы были, однако, в основном посвящены следующему «освободительному увлечению» – борьбе греков против Османской империи[1014].

Наконец, один из горячих сторонников Панамской встречи итальянец Орацио де Аттелис Сантанджело (1774–1850) своей неумеренной агитацией в поддержку конгресса возбудил подозрения властей Мексики и был выслан из страны, причем вскоре после отплытия из Веракруса от желтой лихорадки умер его сын. Сантанджело винил в смерти местных врачей и стал одним из заклятых врагов мексиканского правительства[1015].

В 1828 г. бостонский джексоновец Теодор Лайман (1792–1849), критикуя администрацию за идею Панамской миссии, не представлял, каким образом Соединенным Штатам с его «хорошо устроенным и организованным, небольшим зрелым правительством» возможно было «соединиться с незрелыми нациями, обретающими существование после 300 лет холопства, невежества и изуверства (servitude, ignorance and bigotry); где все разъединено, раздроблено и текуче; находящимися под угрозами флотов и армий всего Священного союза!»[1016]. О Панамском конгрессе забыли надолго.

Надежды 1810-х – начала 1820-х гг. быстро сменились разочарованием в латиноамериканском будущем и идеях межамериканского единства. Страхи Шатобриана, пророчившего неизбежное столкновение монархической Европы с республиканским Новым Светом, оказались совершенно беспочвенны.

* * *

В том, как легко в конечном итоге совершилось дипломатическое признание Соединенными Штатами независимости испанских колоний, был значительный вклад Генри Клея, с 1817 г. твердо и последовательно поддерживавшего революцию в Новом Свете, а также многих других журналистов, публицистов, путешественников, чья яркая агитация в поддержку южных соседей оказывала серьезное воздействие на общественное мнение. Так сложилось, что независимость испанских колоний была признана, когда ее главный сторонник находился вдалеке от столичных политических бурь. Но усилия его увенчались в конечном итоге успехом. Осторожные Монро и Адамс выбрали, возможно, наиболее удачный момент для признания

независимости государств Латинской Америки – не слишком рано, когда такой шаг мог бы помешать подписанию и ратификации Трансконтинентального договора, но и не слишком поздно, опередив Англию и сделав заявку на идейно-политическое и экономическое лидерство в полушарии, которое североамериканцы хотели бы видеть целиком республиканским.

Уверенность в своих силах породила доктрину Монро. После ее провозглашения североамериканская публика окончательно поверила как в угрозу интервенции Священного союза в Новый Свет, так и в ее успешное предотвращение усилиями Англии и США.

Тем не менее, оспорить могущество Британской империи не получилось. Место стран Латинской Америки в экономике Соединенных Штатов оставалось сравнительно небольшим и после признания их независимости. Более того, хозяйственный и социальный кризис в новых государствах препятствовал внедрению на рынок промышленных товаров и технических достижений, таких как, например, пароход. Прибыль приносили лишь привычные формы морской торговли.

Яркой страницей в складывании доктрины «предопределения судьбы» стал спор о Техасе 1810-х – 1820-х гг. В общественном мнении укрепилось представление о разумности и даже неизбежности аннексии этих земель. Унаследованные от Аристотеля и Монтескье понятия о пределах республиканской территории будут востребованы только в 1840-е гг., когда вопрос южной экспансии вызовет яростные межсекционные споры. В первой трети XIX века за территориальное расширение выступали представители всех секций Союза – Томас Джефферсон, Джон Куинси Адамс, Генри Клей, Джоэль Пойнсет, конгрессмены и сенаторы Бентон, Андерсон, Арчер, Лаундс, Тримбл, Рей. Их разделяли тактические вопросы (что важнее – Трансконтинентальный договор или приобретение Техаса), но не стратегическое видение американской экспансии. Об опасности нарушения равновесия между Севером и Югом в результате безудержного расширения территории государства в южном направлении всерьез задумывался только президент Монро.

Впрочем, после 1821 г. судьба Техаса решалась не в Вашингтоне, Мадриде, Париже, Лондоне и тем более не в Мехико, а на просторах самого штата, положение которого в считанные годы перевернул стремительный наплыв англосаксонских фермеров-колонистов, сделав аннексию делом практически определенным. Властям США отныне нужно было лишь следить за естественным ходом событий, чтобы в решающую минуту обратить дело в свою пользу.

Обсуждение планов участия США в деятельности первого межамериканского конгресса показало неготовность страны вести активную политику во всем Западном полушарии. Джексоновская оппозиция в Конгрессе выявила противоречия во взглядах на иностранные дела, которые по мере развития конфликта Севера и Юга будут только углубляться. Разработанный Адамсом и Клеем латиноамериканский курс США не выходил за рамки строгого нейтралитета и развития торговых связей. Отстаивая сохранение власти Испании на Кубе и Пуэрто-Рико, Соединенные Штаты стремились защитить свои интересы в Карибском бассейне и выступали тем самым в качестве не великой, но региональной державы. Примечательно, что такой исход карибских осложнений был выгоден всей нации: Север заботился о стабильности торговли, Юг тревожила угроза революции рабов.

Глава III
От восторга к разочарованию, 1826–1830

Достижения и провалы североамериканских дипломатов

После неудачи Панамского конгресса Соединенные Штаты быстро теряют интерес к Латинской Америке. Разочарование, во-первых, объяснялось преувеличенными надеждами, возлагавшимися на «южных братьев», во-вторых, реальным развитием ситуации на континенте, наконец – непониманием причин невозможности простого переноса либерального англо-американского опыта на иберо-американскую почву. Впрочем, вплоть до конца 1827 г. президент всегда упоминал новые государства полушария в своих ежегодных посланиях, произнося весьма пространные панегирики «делу свободы и независимости»[1017]. Затем отношение поменялось: 2 декабря 1828 г. Адамс почти не уделил внимания Латинской Америке, заметив лишь, что новые республики стремятся к спокойствию, но пока его не достигли[1018].

К тому времени стало окончательно ясно, что английское экономическое влияние в Латинской Америке существенно превосходит североамериканское. Такое положение будет сохраняться на протяжении всего XIX века. С другой стороны, уже в 1820-е гг. была четко определена сфера американских экономических интересов, охватывавшая Мексику и Карибский бассейн. В силу географической близости именно этот регион и с политической, и с военной точек зрения был для США важнее всей остальной Латинской Америки. Как мы уже отмечали, особенное внимание ведомства Клея привлекала судьба островов Кубы и Пуэрто-Рико.

Наиболее важны для США были отношения с Мексикой. Наличие почти незаселенных земель[1019] возле огромной по протяженности границы между государствами в сочетании с экспансионистскими устремлениями северного соседа неизбежно готовило почву для внешнеполитических осложнений. Клей отлично понимал значение отношений с единственным в то время независимым государством-соседом Соединенных Штатов. Именно инструкции посланнику США в Мексике стали его первым развернутым высказыванием по вопросам латиноамериканской политики на посту государственного секретаря.

Важнейшей и вполне обоснованной причиной недоверия Мексики к любым начинаниям США был страх земельных аннексий. Мексиканцы были в деталях осведомлены о ходе

испано-американских переговоров, приведших к потере Испанией Флориды. Бывший посол Испании в США Луис де Онис приложил серьезные усилия, убеждая мексиканцев в коварстве северного соседа. Одновременно в Мексике активно действовали англичане, которые рассматривали именно эту страну как барьер североамериканскому влиянию в Новом Свете[1020].

В общем, именно в Мексике США более всего нуждались в опытном представителе. Однако с самого начала возникли непредвиденные задержки разного рода – между признанием и назначением дипломатического представителя в Мехико прошло без малого три года. Будущий первый посланник Пойнсет, вернувшись из путешествия по Мексике и предвидя скорый крах режима Итурбиде, считал, что отправка миссии станет косвенной поддержкой императора и ударом по республиканской партии большинства[1021]. На место посланника прочили Эндрю Джексона[1022], Томаса Харта Бентона, Уильяма Гаррисона и многих других кандидатов. Уже отправившегося в путь Ниниана Эдвардса пришлось срочно отозвать, когда выяснилось, что ему принадлежало авторство анонимных писем, порочивших министра финансов Кроуфорда[1023].

Кандидатуру Пойнсета впервые предложил Монро в июне 1824 г. Сам Пойнсет долго и изо всех сил отказывался от назначения, будто предвидя грядущие неурядицы[1024]. Тем более, что его законодательная карьера развивалась успешно, а сторонники Кэлхуна даже надеялись на назначение южнокаролинца государственным секретарем[1025]. Только 6 марта 1825 г. Пойнсет принял предложение[1026].

Судьба Джоэля Робертса Пойнсета была связана с Латинской Америкой еще с 1810 г. В 1822 г. он побывал с краткой миссией в итурби-дистской Мексике, зондируя в том числе отношение властей к аннексии Техаса и Калифорнии. На тот момент в США просто не было человека, более искушенного в делах южных соседей, следовательно, его назначение выглядело как естественный выбор. Однако Пойнсет был хорошим агентом, но плохим дипломатом. Трудно понять, где им двигало честолюбие, где – стремление обеспечить американские национальные интересы за счет Мексики, а где – искреннее желание помочь молодому государству справиться с нарастающим валом серьезных проблем.

Несомненно одно: чем дольше Пойнсет находился в Мехико, тем больше вызывал он раздражение мексиканского правительства и тем менее плодотворной была его деятельность.

Инструкции государственного секретаря Пойнсету известны тем, что именно в них главные положения доктрины Монро

(неколонизация и невмешательство) впервые были изложены последовательно – ведь в послании Монро от 2 декабря 1823 г. первый принцип помещался в начале текста, а второй – в его конце[1027]. Генри Клей указывал на значительность положения Пойнсета – первого посланника США в суверенном соседнем государстве, одной из самых развитых держав бывшей Испанской Америки. Важнейшей задачей объявлялось заключение с Мексикой договора о дружбе, торговле, мореплавании и добрососедстве, официальные полномочия для подписания которого Пойнсет получал вместе с текстом инструкций. В переговорах с мексиканским правительством он должен был настаивать на принципе взаимности, несмотря на то, что к тому времени уже был заключен договор с Великой Колумбией, основанный на принципе наибольшего благоприятствования. Соглашение также должно было включать статью о выдаче Мексикой беглых рабов.

К тому моменту Клею уже было известно о планах объединенной колумбийско-мексиканской освободительной экспедиции на Кубу и Пуэрто-Рико. В инструкциях от 26 марта он выдвигает принципы, которые потом получат развитие в инструкциях посланнику в Петербурге Миддлтону. Клей гарантировал, что, выступая за status quo карибских владений Испании, Соединенные Штаты не собираются аннексировать Кубу, однако подчеркивал, что из всех американских государств этот остров в силу его географического положения может перейти во владение только Вашингтону. Таким образом, Пойнсету предписывалось внимательно следить за возможными планами Мексики в отношении Кубы и в случае необходимости откровенно изложить мексиканским властям позицию северного соседа. Существенное отличие мартовских инструкций Пойнсету от майских инструкций Миддлтону состоит в признании возможности провозглашения независимости самой Кубой. В этом случае Клей выступал за объединенные гарантии ее суверенитета всеми американскими государствами против возможных европейских притязаний.

Помимо формальных, Пойнсет получил и, так сказать, неофициальные инструкции от своего друга, нью-йоркского политика Черчилля Кэмбреленга (1786–1862). Тот советовал ему «обессмертить себя, уничтожив привычку мексиканских женщин к курению, заключив торговый договор, который не даст преимуществ Джону Булю, получить для Соединенных Штатов Техас и добиться независимости Кубы под защитой США, Мексики и Колумбии»[1028]. Пойнсет, конечно, не стремился ни к первой, ни к последней цели, но вел себя в Мехико примерно в

таком же эпатажно-самоуверенном духе, действительно думая войти в историю.

Джоэль Робертс Пойнсет

Приехав в Мехико, Пойнсет убедился, что «англичане полностью являются хозяевами положения», а, значит, Мексика может никогда не стать «членом великой американской системы». Чтобы такого не случилось, надо использовать все силы, чтобы не дать им укрепить «европейскую партию». Президент, правительство и церковь настроены проанглийски, зато в обеих палатах конгресса и в общественном мнении сильны сторонники сближения с США[1029].

Под «европейской партией» Пойнсет подразумевал сторонников централизма – масонов шотландского ритуала (“Escoceses”). Они действительно пользовались негласной поддержкой Англии через ее поверенного в делах Генри Уорда. Английской экспансии мексиканское правительство не опасалось, и это облегчало задачу дипломата, который при этом действовал намного умнее и осторожнее Пойнсета. Англичанину не было еще 30-ти лет, но за его спиной стояли как личный серьезный (почти десять лет) опыт работы в разных европейских посольствах, так и вековые традиции британской дипломатии, да и большие

финансовые возможности. Безусловно, на настрой мексиканского правительства влияли и полученные от Англии займы.

Не жалея денег на роскошные приемы, Уорд за два года пребывания в Мексике (с марта 1825 г. по апрель 1827 г.) добился поставленных целей, ослабив влияние США и противодействуя подписанию фритредерского американо-мексиканского торгового договора. Англо-мексиканский торговый договор был заключен в начале апреля 1825 г. – вскоре после приезда Уорда и за месяц до приезда Пойнсета – и быстро ратифицирован мексиканским Конгрессом. Назначение в 1826 г. министра иностранных и внутренних дел Себастьяна Камачо (1791–1847) посланником в Лондон стало для современников знаком полной победы английского влияния[1030].

Выходя за дипломатические правила невмешательства во внутренние дела страны пребывания, Пойнсет стал одним из инициаторов создания партии, оппозиционной президенту Гвадалупе Виктории (1786–1843). Ее организация относится к концу 1825 г., когда Камачо сменил Аламана на его министерском посту. Как и правящая партия, оппозиция тоже представляла собой политизированную масонскую ложу, на сей раз Йоркского ритуала (“Yorkinos”).

Безусловно, считать Пойнсета создателем партии йоркинос было бы преувеличением. Круг противников централизма и разрозненные ложи Йоркского ритуала сложились до его приезда. Но именно Пойнсет получил от гроссмейстеров Нью-Йорка и Пенсильвании право объединить всех йоркинос Мексики в единую Великую ложу. После этого их число стало расти как на дрожжах[1031]. Любопытно, что сам Пойнсет был посвящен в ложу не только Йоркского, но и шотландского ритуала, так что сперва ему удавалось посещать и встречи своих будущих заклятых врагов – обстоятельство, лишь укрепившее его недоверие к централистам[1032].

Дома у Пойнсета часто проходили партийные собрания, которые посещали генерал и будущий президент Висенте Герреро (1782–1831), будущий диктатор Антонио Лопес де Санта-Анна (1794–1876), министры Мигель Рамос Аристе, Мануэль Гомес Педраса (1789–1851), Хосе Эстева (1783–1830), будущий первый вице-президент независимого Техаса Лоренсо де Савала (1788–1836). Последний, выходец с далекого Юкатана, был другом Пойнсета еще с 1822 г.

Пойнсет был преисполнен надежд в отношении созданной при его участии партии, которую он горделиво называл «американской» (American Party, Partido Americano). Именно она, по его мнению, защищала в молодом государстве идеалы

подлинного республиканизма и боролась с влиянием церкви и армии. Когда осенью 1826 г. йоркинос удалось прийти к власти в большинстве штатов Мексики и получить влияние в правительстве, радости Пойнсета не было предела. Ему действительно виделись лавры спасителя Мексики от монархического заговора. «Я могу прямо сказать, что совершил здесь то, что не сделал бы ни один человек из Соединенных Штатов. Дело не в том, что у меня выше способности, но в глубоком знании народа и страны». Во имя «великой цели развития американской партии» он не жалел ни сил, ни времени, ни личных средств, на что вряд ли пошли бы другие дипломаты[1033].

В США учреждение Великой ложи и другие действия Пойнсета приветствовали как свидетельство отличных добрососедских отношений, тем более, что свободное существование масонов служило, по мнению Найлса, признаком просвещенности государства[1034]. Слава об успехах Пойнсета дошла даже до североамериканцев в Париже, а значит, и до самого Лафайета[1035].

Стремление Пойнсета противопоставить себя англичанам часто обретало попросту ребяческий оттенок. Так, в марте 1826 г. на праздновании дня св. Патрика в Мехико он в присутствии Уорда пожелал, чтобы ирландцы и в родной стране могли пользоваться теми же гражданскими и религиозными правами, что и в США, а после ухода английского посланника позволил себе еще несколько резких антибританских замечаний, почти вызвав серьезный дипломатический скандал[1036]. Сам Пойнсет, впрочем, полагал, что поставил Уорда в глупое положение, ведь репрессии против католиков-ирландцев не могли прийтись по духу их мексиканским единоверцам.

Пойнсет, видимо, не до конца понимал смысл происходящего, когда не раз объявлял себя стороной «сильнейшей и более хладнокровной», считал, что одерживал победу в этой «почти открытой войне» с Уордом[1037]. Уорд и не собирался воевать с Пойнсетом, он просто умело добивался своих целей, что, естественно, не нравилось нетерпеливому американцу.

Примечательно, что Уорд действительно не любил ирландцев-католиков[1038], но не давал воли своим предрассудкам не только в публичных высказываниях, но и в переписке. Супруги Уорды даже крестили дочь в кафедральном соборе Мехико, причем восприемниками были влиятельный друг президента Виктории, владелец серебряных шахт Педро Хосе Ромеро де Терререос, граф Регла (1780–1867) с супругой.

Франсиска Гуадалупе Фелипе де Хесус – в имена девочки вошли и единственный на то время мексиканский блаженный мученик, патрон столичного города францисканец Фелипе де Хесус, и место обретения образа покровительницы всей Мексики Мадонны Гуадалупской. Совсем иначе смотрел на культ блаженного Фелипе де Хесуса, скажем, не скрывавший своего отвращения к католической обрядности секретарь миссии США Эдвард Тэйло[1039].

Стремление Пойнсета заключить либеральный торговый договор с Мексикой с самого начала встретило серьезное сопротивление. Сперва ему вроде бы удалось договориться с министром иностранных и внутренних дел Лукасом Аламаном о разграничении торгового договора и соглашения по границе. Если с заключением второго документа, затрагивавшего наиболее болезненный вопрос в отношениях двух государств, можно было подождать, то торговый договор следовало бы подписать возможно скорее. На вторую аудиенцию Пойнсет предоставил его проект, основанный на принципе взаимности. Однако в ответ был предложен договор по образцу англо-мексиканского: согласно последнему, Мексика имела право предоставлять особые торговые привилегии странам бывшей Испанской Америки. Североамериканский посланник приводил действительно вескую причину против этой уступки, на которую пошел Уорд: Англии этот компромисс только идет на руку, так как вбивает клин между американскими государствами. Соединенным Штатам же следует противиться любой попытке государств Испанской Америки каким-то образом отделить себя от других стран Нового Света[1040]. Генри Клей также усмотрел опасность в мексиканских планах и поддержал Пойнсета в его стремлении заключить соглашение на основе принципа взаимности, без каких-либо уступок и оговорок[1041].

Затем переговоры были приостановлены из-за смены мексиканского правительства (заметим, что правительственный кризис конца 1825 г. был во многом результатом интриг самого Пойнсета). Лишь в мае 1826 г. начались встречи посланника с новым главой мексиканской дипломатии Себастьяном Камачо. Наконец, 10 июля 1826 г. Пойнсету удалось подписать договор о дружбе, торговле и мореплавании[1042]. Ему все же пришлось пойти на уступки: договор был основан на принципе наибольшего благоприятствования[1043]. Причины несогласия Мексики с принципом взаимности очевидны: там понимали, что ее слабый флот не сможет конкурировать с мощным торговым флотом США. Однако договор от 10 июля 1826 г. не был ратифицирован ни американским, ни мексиканским конгрессом[1044]. Мексиканских

законодателей не устроило положение о выдаче беглых рабов, североамериканских – статьи, касавшиеся прав нейтральной страны.

Второе соглашение было подписано 12 февраля 1828 г. В нем Мексика соглашалась на отказ от протекционистских тарифов в пользу своего флота в торговле с США, но с одной оговоркой: это правило вступило бы в силу только через 10 лет после заключения договора. Но и договор 1828 г. в силу не вступил: мексиканский Конгресс вновь его не ратифицировал, протестуя против статей о выдаче беглых рабов и сдерживании проживавших на границе индейских племен[1045]. Существовала и еще одна важная причина, делавшая ратификацию договоров маловероятной: в них не было ни слова о границах между государствами, что в Мексике рассматривали как уловку[1046].

Англичане старались разжигать более чем справедливые подозрения мексиканцев насчет агрессивных планов северного соседа. Так, в 1826 г. в разгар конфликта с Пойнсетом Уорд переиздал «Мемуар» Ониса о подписании Трансконтинентального договора. Впоследствии аргументы Ониса неоднократно будут использованы противниками Соединенных Штатов в Мексике[1047].

В итоге только в 1831 г., после ухода Клея с поста государственного секретаря и отъезда Пойнсета был, наконец, подписан, а затем через год успешно ратифицирован первый в истории американо-мексиканский договор[1048]. Политическая смута, царившая в стране после ухода Виктории в 1829 г. и до прихода к власти Антонио Лопеса де Санта-Анны в 1833 г., вряд ли способствовала внимательному обсуждению внешнеполитических соглашений. В договоре 1831 г. вопросы торговли и мореплавания не отделялись от самой болезненной проблемы границ. Границей между США и Мексикой отныне признавалась линия, указанная в испаноамериканском договоре 1819 г. В одном Соединенные Штаты достигли успеха: договор с Мексикой был основан на фритредерских принципах.

Серьезные трудности в американо-мексиканских отношениях создавали обоснованные опасения мексиканцев насчет территориальной экспансии США в южном направлении. С 1821 г. стал активно развиваться торговый маршрут от Миссури до города Санта-Фе в Новой Мексике. Естественно, что одновременно росло и число североамериканских граждан – жителей Санта-Фе. Из-за боязни территориального расширения США предложение Клея о строительстве новой дороги, которая соединила бы территорию Миссури с Санта-Фе, сразу было воспринято в штыки[1049]. Аламан считал опасным соглашение о

строительстве дороги, когда граница еще не была официально демаркирована.

Новая возможность обсудить план сооружения дороги на Санта-Фе представилась с созывом очередной сессии мексиканского Конгресса. Казалось, дело сдвинулось с мертвой точки: преемник Аламана Себастьян Камачо официально разрешил сент-луисскому купцу Джорджу Сибли (1782–1862) с двумя помощниками провести рекогносцировку того участка дороги, который находился на территории Мексики[1050]. Со своей стороны, Камачо просил правительство Соединенных Штатов назначить мексиканских комиссионеров для соответствующей рекогносцировки уже на территории США. Однако в Вашингтоне ждали большего, надеясь на разрешение строительства дороги[1051]. На этом переговоры о новом пути из Сент-Луиса в Санта-Фе были завершены, не дав никаких положительных результатов.

В 1827 г. политическая жизнь в Мексике обрела новый накал. В январе был раскрыт безрассудный происпанский монархический заговор под руководством францисканца Хоакина Аренаса. Это привело к резкому усилению радикальной части йоркинос и принятию некоторых чрезвычайных мер, самой громкой из которых стало изгнание испанцев из страны. Изгнание поставило Мексику на грань экономической катастрофы, но многие газеты Соединенных Штатов поначалу одобряли и этот шаг, явно руководствуясь предвзятыми письмами Пойнсета и его сторонников[1052]. В Мексике же в Пойнсете стали в лучшем случае видеть сторонника безответственного левого крыла йоркинос, а в худшем – тайную коварную силу, стоящую за всеми неурядицами. Эскосесес обвиняли его даже в секретных связях с самим Аренасом, что, кстати, соответствовало действительности: Аренас по собственному желанию несколько раз посещал североамериканского дипломата. Довершало зловещий образ Пойнсета его стремление (в соответствии с полученными из Вашингтона инструкциями) добиться от мексиканских властей согласия на покупку Техаса[1053].

В итоге законодательные собрания Веракруса и Пуэблы потребовали высылки посланника из Мексики. Веракрусский манифест развивал версию заговора: Пойнсет – умный, дельный политик, работающий на пользу своей страны, а значит, против Мексики. Его конечная цель – расчленение страны и ее вековое ослабление. Когда Пойнсет пожаловался президенту Виктории на эти выступления, последний довольно остроумно заметил, что любой штат имеет право выдвигать свои предложения (iniciativas) – тем самым повернув федерализм против его

главного апологета[1054].

Символически датированный 4 июля 1827 г., ответ Пойнсета был озаглавлен «Экспозиция политики Соединенных Штатов по отношению к новым республикам Америки»[1055]. Посланник подчеркивал дружеское расположение к «южным братьям», приводил даже свою речь 1822 г., когда он вместе с другими конгрессменами выступил за признание их независимости. Пойнсет пытался доказать, что он – не интриган, а честный сторонник федерализма и враг монархии, тем более, что самые первые ложи Йоркского ритуала уже существовали в Мексике ко времени его прибытия. Манифест Веракруса и «Экспозиция…» Пойнсета получили широкое распространение в Соединенных Штатах, перепечатывались в прессе после первой публикации в “National Gazette” Уолша. По стране прокатилась волна газетных выступлений в поддержку Пойнсета[1056].

Под влиянием писем Пойнсета в США сложилось четкое, но упрощенное представление о мексиканских политических партиях: журналисты утверждали, что в рядах эскосесес укрываются сторонники Бурбонов и Испании, что их централизм – лишь маска монархизма. Йоркинос же представали стойкими героями республики, защитниками народных прав. Пойнсет не раскрывал, что и в рядах его партии существовали радикальное и умеренное крылья, между которыми, кстати, вскоре разгорится острый конфликт.

Стремясь упредить возможную опалу, Пойнсет решил представить развернутое оправдание своей политики непосредственно президенту, минуя государственного секретаря. Его огромные (по тридцать рукописных страниц) письма Адамсу в совокупности с отправленными чуть позднее посланиями Клею хорошо складываются в единую картину[1057].

Главной задачей посланника было доказать, что предубеждение правящей «аристократической» партии против Соединенных Штатов существовало до его приезда в Мексику, что, действуя в поддержку, так сказать, прогрессивных сил, он ничем не повредил интересам собственной страны.

Как пишет Пойнсет, по его прибытии власть в Мексике принадлежала централистам-эскосесес – аристократии, не верящей в возможность народного правления, сторонникам конституционной бурбонской монархии, высшему духовенству и испанцам. Именно эскосесес «приспособили институт, созданный только для гуманных благотворительных нужд, для целей политической интриги». Они ненавидят Соединенные Штаты, завидуют их процветанию (оно свидетельствует о ложности их доктрин)[1058], лебезят перед английским посланником и Европой

в целом. Неудачей завершились все попытки Пойнсета убедить президента Викторию, что Соединенным Штатам выгодна сильная Мексика – как крупный рынок сбыта и как союзник. Провал договора он объясняет не только общим недоверием к США, но и влиянием доводов бывшего посланника Испании в Вашингтоне Ониса. Дипломат считал, что свою роль сыграли и лоббисты хлопковой промышленности Мексики, сосредоточенной в тех самых штатах Веракрус и Пуэбла, которые потребовали его изгнания.

Во многом Пойнсет верно понимал главные проблемы страны – основным препятствием на пути к экономическому благополучию были неравномерное распределение земель, сохранение полуфеодальных отношений, майоратный латифундизм, долги крупных поместий церкви, наконец, коррупция, превышающая показатели «любой другой страны». Отсюда нехватка денег и узость рынка. Он признает, что английские инвестиции оживили шахтные районы, но конечный успех их предприятий считает спорным.

В условиях слабости правительства и президента острота межпартийного конфликта была неизбежна, тем более что в Мексике накал политической борьбы не сдерживается «благородными принципами». Впрочем, несмотря на всю свою защиту йоркинос, Пойнсет не скрывал своих подозрений и в их отношении: «…среди друзей Герреро существует сильное американское чувство, на которое, однако, нельзя *слишком* сильно полагаться».

Не во всем Пойнсет одобрял действия радикальных йоркинос. Так, он полагал изгнание испанцев «чрезвычайно неблагоразумным», но не потому, что Мексика потеряла многих способных людей, а потому, что боялся их вооруженного выступления. Среди испанцев много солдат, капитулировавших в 1821 г. после провозглашения плана Игуала и способных на мятеж при поддержке аристократии и духовенства. Примечательно, что при всей своей ненависти к Старому Свету Пойнсет считал европейских испанцев выше креолов по «энергии характера, предприимчивости и трудолюбию». Что ж, видимо, по мнению посланника, их предполагаемые монархические пристрастия перевешивали все положительные качества. Ведь необходимость стойко противостоять интригам европейских монархий – это долг Соединенных Штатов, «старейшей и самой могущественной республики в Америке».

Пойнсет просит отнестись к действиям мексиканцев снисходительно. «Прогресс наук и искусств» прошел мимо этой страны. В столь характерном для XIX столетия (и даже для

сегодняшних североамериканцев) прогрессистском духе он сравнивает положение страны с Европой почему-то конца XIII в. – там царят «то же повреждение нравов (corruption), нехватка доверия (good faith)… отупляющее невежество». Он пишет о необразованности погрязших в пороках монахов и священников, «врожденной любви к волоките» чиновников. В другом письме он скажет о «чрезвычайной и характерной лености этого народа»[1059]. В общем, «ошибки» Мексики – это ошибки «испорченного и капризного (wayward) ребенка и последствия гордости, невежества и предрассудков».

Недовольный итогами деятельности посланника в Мехико, Генри Клей решил обсудить этот вопрос с самим президентом. Трижды за полтора месяца он обращался к Адамсу, излагая свою позицию. Клей подчеркивал приоритетность развития отношений с Мексикой для внешней политики США и предлагал воспользоваться решениями легислатур Веракруса и Пуэблы[1060]. Однако здесь Адамс проявил редкую для себя недальновидность. Он решил, что необходимости в отзыве

Пойнсета нет и что лучше просто принести извинения[1061]. Возможно, на Адамса оказали влияние огромные оправдательные письма Пойнсета, но более вероятно, впрочем, что накануне выборов Адамс не хотел отзывать домой сторонника Джексона[1062].

Если в письмах администрации Пойнсет все же должен был сдерживать свое самомнение, то в переписке с друзьями его тщеславие отразилось в полной мере. Влияние йоркинос продолжало расти, атаки Веракруса и Пуэблы были отбиты, и дипломат кратко сообщил о своих грандиозных, как казалось, успехах: «Совершенно безусловно, что если бы не мое предвидение и мои действия, правительство было бы свергнуто и эта страна потонула бы в крови. Посмотри вокруг на сцены, происходящие в любой другой части Испанской Америки. Во всех концах этой несчастной страны задумывались одновременные выступления в поддержку монархии. – Священный союз сказал: Империи и Королевства, если они должны быть независимыми – посадить европейских монархов на новые троны, если то будет удобно; либо же Боливара или же само Сатанинское Величество, но не [терпеть] эти дурные республики». Пойнсет верил, что Господь поможет ему в «столь священном деле»[1063]. Очевидно, он уже мыслил себя спасителем молодой республики, благодетелем погрязшего в невежестве народа, явно примерял на себя лавры вершителя истории.

Бойкий литератор, Пойнсет не терял ни одной возможности высказать свое мнение. Постоянная переписка связывала его с

редактором “National Gazette” Робертом Уолшем. На просьбу Уолша о статье для открывавшегося филадельфийского журнала “American Quarterly Review”[1064] Пойнсет откликнулся ядовитым памфлетом[1065].

В мексиканцах, пишет Пойнсет, «нет рыцарской храбрости; нет преданности (бескорыстной, разумеется) или любви к делу религии; нет поэтического энтузиазма; нет патриотического сочувствия».

И хотя описывая национальный или индивидуальный характер, легко впасть в заблуждение, «в этом случае черты слишком резко очерчены, чтобы ошибиться»: это «ярость без рыцарства», «жестокие и кровавые развлечения», «расточительность без щедрости», «хвастовство напоказ без гостеприимства», «изуверство, но мало религии», «беспомощность, но не скромность». «Без соответствующего чувства нравственного или религиозного долга общественное мнение, которое контролирует преступность и вознаграждает добродетель, сейчас, как и раньше, – вещь почти неизвестная; с пороком мирятся, а добродетель получает лишь жалкие похвалы».

Главная цель статьи Пойнсета – убедить предпринимателей не вкладывать деньги в кризисную мексиканскую экономику, где взятки берут все от алькальда до министра. При этом выводы автора явно расходились с духом статьи: он заключал, что Мексике суждено преодолеть трудности и стать процветающей республикой, подобно Соединенным Штатам[1066].

В другом номере журнала Уолша была опубликована рецензия Пойнсета на книгу Уорда о Мексике. О книге речь там почти не идет, автор вновь излагает уже знакомый нам взгляд на мексиканскую политику, возлагая, в частности, всю вину за анархию, царящую в стране после 1825 г., на «олигархию эскосесес»[1067].

Многочисленные сочинения и письма Пойнсета 1827–1830 гг. создают единый образ Мексики: это страна насилия, коррупции, злоупотреблений церкви и армии, страна, где благородство равно чуждо как высокомерным верхам, так и невежественным грубым простолюдинам. Презрение Пойнсета к мексиканскому народу парадоксальным образом сочеталось с убежденностью, что только поддерживаемая им политическая сила в полной мере выражает интересы простых мексиканцев, и верой в благотворность республиканского устройства для национального духа.

К концу 1827 г. йоркинос всюду сопутствовал успех. Пойнсет даже признавался, что главной задачей стало «ограничение триумфальной партии рамками благоразумия»[1068]. В конце

декабря эскосесес предприняли попытку повернуть ход событий в свою пользу, однако мятеж вице-президента Николаса Браво (1786–1854) был быстро подавлен правительственными войсками Висенте Герреро. Любопытно, что требования сторонников Браво включали запрет всех тайных (читай: масонских) обществ и изгнание Пойнсета.

На президентских выборах 1828 г., на которые Пойнсет поначалу возлагал большие надежды[1069], успех вновь сопутствовал йоркинос: первое место занял умеренный представитель партии Гомес Педраса, второе – радикал Герреро. Пойнсет, как и радикальные йоркинос, счел итоги подложными[1070]. Воспользовавшись мятежами Санта-Анны и Савалы против избранного президента, Герреро сам возглавил страну. В эти тревожные дни Пойнсет показал себя с лучшей стороны: он спас от неминуемой смерти своих политических врагов – вдову последнего мексиканского вице-короля и еще нескольких монархистов. Когда толпа показалась у его дома, где укрывались опальные испанцы, Пойнсет вывесил американский флаг, и погромщики отступили[1071].

В январе 1829 г. Конгресс аннулировал итоги выборов, а 1 апреля Герреро вступил в должность президента. Казалось бы, Пойнсет мог праздновать победу: радикальные йоркинос окончательно пришли к власти. Североамериканская пресса по-прежнему не сомневалась ни в правильности действий посланника, ни в легитимности нового мексиканского руководства[1072].

До самого конца Пойнсет был убежден, что он незаменим, хотя, конечно, хотел вернуться домой, прочь из «города моральной чумы» и страны, находиться в которой небезопасно. «Оставить мой пост в нынешнем критическом состоянии страны – значит бросить общественный долг», – писал он уже в феврале 1829 г.[1073] К тому времени посланник уповал на триумфальных йоркинос во главе с президентом Герреро, который наряду с другими радикалами продолжал уверять Пойнсета в своем расположении[1074]. Совсем скоро, впрочем, Герреро сам будет просить нового президента США Эндрю Джексона об отзыве посланника, статьи против которого публикуют «почти каждый день в почти каждом штате конфедерации»[1075]. Горячие головы требовали даже объявления войны Соединенным Штатам[1076]. Пойнсет к тому времени разочаруется и в Герреро, сочтя его «столь же подозрительным и двуличным, как и слишком многие его соотечественники»[1077]. 3 января 1830 г. Пойнсет навсегда покинул страну. Дома его наивно встречали как героя, несправедливо оклеветанного борца за республику[1078].

Первый посланник республиканской Мексики в Вашингтоне Пабло Обрегон повесился в сентябре 1828 г. из-за неразделенной любви и долгов[1079], первый посланник США в Мехико был отозван как persona non grata – таков был личный итог первого пятилетия отношений соседей. Итог деловой был не лучше. Напряженная деятельность Пойнсета в итоге не принесла никаких плодов, а сам он вернулся в Соединенные Штаты почти разоренным и полностью разочарованным в Латинской Америке. В его действиях, плохо сочетавшихся с рангом посланника, легко увидеть прообраз поведения «гринго» в Латинской Америке, блестяще описанного ОТенри в бессмертных «Королях и капусте». Влияние йоркинос, «американской партии» Пойнсета, усиливалось на протяжении 1826–1829 гг., но это никак не способствовало продвижению интересов США. На Пойнсете не лежит ответственность за, скажем, устроенное радикалами изгнание испанцев, но общественное сознание винило его во всех грехах. Пойнсет стал в истории Мексики именем нарицательным, символом пагубного засилья иностранцев[1080]. Он ведь, не желая того, присвоил даже имя красивого мексиканского цветка, *flor de nochebuena*, – после того, как дипломат привез растение в США, оно стало известно во всем мире под официальным ботаническим названием пойнсеттии.

Весной 1826 г. с восстанием генерала Хосе Антонио Паэса в Венесуэле начался распад Великой Колумбии. Страна погружалась в пучину анархии, причем положение не спасло даже возвращение Боливара, на которое поначалу возлагали надежды сменивший Андерсона в Боготе Бофорт Уоттс и “National Intelligencer”. В США укреплялось мнение, что колумбийцы не могут самостоятельно управлять своей страной и нуждаются в диктаторе, подобном Кромвелю или Бонапарту[1081].

Первый этап американо-колумбийских отношений завершает миссия под руководством будущего президента, генерала из Огайо Уильяма Гаррисона (1773–1841)[1082]. Идея направить его в Боготу принадлежала Генри Клею, Адамс же долго возражал против назначения, считая Гаррисона неглубоким и самодовольным политическим авантюристом. В итоге все решила необходимость заручиться перед выборами поддержкой западных штатов[1083].

В инструкциях Гаррисону расстроенный действиями Пойнсета Генри Клей подчеркивал, что новому посланнику следует осторожно воздерживаться от участия в действиях враждующих политических партий[1084]. Но Гаррисон не выполнил указаний. По его словам, он увидел, что в стране правит деспотизм, причем если диктаторские режимы порой

могут обеспечить стране хотя бы хозяйственный подъем, то «в Колумбии народ видит только ущерб от действий правительства»[1085]. Гаррисон сперва решил, что Боливар хочет назначить своим преемником английского принца, затем – что он сам хочет короноваться[1086]. И посланник решил установить дружеские отношения с оппозицией Освободителю.

Гаррисон не был прямо замешан в заговоре генерала Хосе Марии Кордовы (1799–1829) против Боливара, но знал о нем и поддерживал связи с участниками мятежа. Почему-то не покинув страну после приезда нового посланника 26 сентября 1829 г., он продолжал встречаться с оппозицией. Обстановка вокруг него сгущалась: двое друзей были объявлены personae non gratae. Отправившись, наконец, домой 19 октября 1829 г., Гаррисон явно предупредил свою неизбежную высылку[1087]. Урон, который его действия нанесли американо-колумбийским отношениям, не стал разрушительным лишь из-за скорой смены власти в южноамериканском государстве.

Секретарем миссии Гаррисона был уже знакомый нам Эдвард Тэйло, работавший в Мехико в 1825–1827 г. За пару месяцев он уверился, что Колумбия ничем не лучше Мексики: «Та же степень невежества и равная доля тщеславия присутствует в обеих странах, но фанатизм здесь глубже, а республиканская свобода подавлена *чрезмерным* весом военного *деспотизма*». Конца ее невзгодам не видно[1088].

Явно на втором плане внешней политики США оказались отношения с Перу, Чили, Аргентиной, Бразилией. Географическое отдаление, незначительный объем торговли этих стран с Северной Америкой, подчас внутренняя нестабильность – все это не способствовало развитию связей. Национальные интересы США затрагивались здесь лишь в самой незначительной степени.

Торговля с Перу была затруднена протекционистской политикой правительства в Лиме[1089]. Так, согласно принятому 6 июня 1826 г. торговому регламенту, пошлина на дешевые североамериканские ткани составила 80 процентов. В отношении английского хлопка эти протекционистские меры не применялись[1090]. В инструкциях назначенному с некоторым запозданием поверенному в делах Джеймсу Кули (1791–1828) Клей вновь ставил вопрос о несправедливых тарифах[1091]. Все это не принесло никаких результатов.

Консул в Лиме Уильям Тюдор стремился дополнить свой скромный заработок участием в деловых предприятиях, что, кстати, в те годы было вполне в порядке вещей. Увы, в отличие от своего брата, знаменитого «ледового короля» Фредерика Тюдора (1783–1864), Уильям совершенно не обладал деловым чутьем. На

паях с двумя североамериканскими купцами и английским морским офицером он вложил деньги в серебряные шахты в горах Серро-де-Паско, много времени проводил там, но скудный доход даже не возмещал потраченных средств[1092]. Долгими отлучками Тюдора возмущались командир североамериканской эскадрой Айзек Халл и купцы из США[1093].

К счастью, Тюдор избежал соблазна вмешаться в бурную политическую жизнь Перу. Активный корреспондент, он, однако, внес серьезный вклад в складывание антиболиваровского общественного мнения в США. Тюдор считал, что Боливар учредил в Перу «военный деспотизм» и мысленно встал на сторону его противника генерала Хосе де ла Мара (1778–1830) [1094], приветствуя переворот 1827 г.[1095] Восторг Тюдора перед действиями и личностью генерала перекинулся и на семью консула. Перед Хосе де ла Маром преклонялись его сестра, жена коммодора Чарльза Стюарта Делия (1787–1860) и ее юная дочь, которая даже назвала генерала «Солоном Южной Америки»[1096].

Уильям Тюдор

«Худшей частью Америки» называл отрезанное от основных торговых маршрутов Перу Уильям Радклиф, сменивший Тюдора на посту консула. Его тревожили кризис горной добычи, сельского хозяйства, мануфактур, недостаток знаний, трудолюбия и добродетели. Торговля с США сведена к минимуму и могла вообще прекратиться, так как правительство обещало запретить с февраля 1829 г. ввоз муки, дешевых тканей и других североамериканских товаров, – отмечал Радклиф[1097]. С соседней Боливией Соединенные Штаты торговли вообще не вели, так что туда консула решили не направлять[1098].

Развитию связей Соединенных Штатов с Чили препятствовало критическое положение этого тихоокеанского государства, находившегося в те годы на грани анархии. По совету посланника Хемана Аллена подписание договора было отложено на неопределенный срок[1099].

Становлению американо-аргентинских отношений серьезно повредила смерть в июне 1824 г. первого американского представителя, осторожного Сизера Родни. Как пишет авторитетный исследователь, новый поверенный в делах, амбициозный и часто несдержанный Джон Форбс «кажется, преуспел лишь в затруднении хода британских переговоров, мало чего достигнув для собственного правительства»[1100]. Поначалу Форбсу сопутствовал успех: министр иностранных дел Мануэль Хосе Гарсиа (1784–1848) предложил подписать договор наибольшего благоприятствования, аналогичный соглашению его страны с Англией[1101]. В своих инструкциях Клей писал о предпочтительности соглашения на основе взаимности, однако в их тексте нет ничего, что могло бы навести на мысль о невозможности заключить договор о наибольшем благоприятствовании[1102]. Безусловно, Форбсу нужно было бы пойти на его подписание, однако он счел это неприемлемым[1103].

Отсутствие торгового договора ставило североамериканскую торговлю в неравное положение по сравнению с Англией, подписавшей очень выгодное соглашение еще в феврале 1825 г. Затем же вопрос о договоре с Буэнос-Айресом вообще отошел на второй план с началом аргентино-бразильской войны из-за Восточного берега (Уругвая), которая продлится до 1828 г.[1104] Успешное английское посредничество в этой войне вызвало лишь глухое раздражение Форбса: противопоставить английским достижениям было нечего, за исключением, правда, того, что Буэнос-Айрес, в отличие от Бразилии, вслед за США не признавал «бумажные блокады»[1105].

Торговля США с Бразилией находилась в менее выгодном положении по сравнению с торговлей Португалии и Англии (пошлина в 24 процента на все товары в противовес десятипроцентной). Чтобы исправить положение, нужно было подписать соответствующий договор, но североамериканский поверенный в делах Конди Рэгет оказался плохим дипломатом, к тому же не скрывавшим симпатий к республиканскому Буэнос-Айресу. В марте 1827 г. после весьма незначительного инцидента из-за одного задержанного в Бразилии судна Рэгет счел себя оскорбленным и решил самовольно вернуться домой.

Пресса встретила Рэгета как героя-республиканца, отстоявшего честь своей страны в монархической Бразилии[1106].

Он явно ждал нового дипломатического назначения, но Адамс и Клей были разочарованы в его способностях и не скрывали своего гнева: Рэгету не хватило выдержки, благоразумия, такта[1107]. Тогда опальный дипломат перешел в атаку, выступив в оппозиционных газетах с обвинением, что администрация не умеет защищать права Соединенных Штатов[1108]. В дальнейшем ему предстоит стать одним из видных джексоновцев.

Новым поверенным в делах был назначен консул в Лиме Тюдор[1109]. Если в Перу его деятельность не принесла серьезных плодов, в Рио дипломату сопутствовал успех. После довольно длительных переговоров Тюдор добился, чтобы Бразилия признала иски, связанные с «бумажной блокадой» во время войны с Ла-Платой[1110]. Тогда уже ничто не мешало подписанию большого соглашения: основанный на принципе наибольшего благоприятствования договор о мире, дружбе, торговле и мореплавании с Бразилией был подписан 12 декабря 1828 г. и вскоре без затруднений ратифицирован[1111].

При Клее было успешно разрешено несколько запутанных коммерческих споров, связанных в первую очередь с определением статуса тех или иных торговых кораблей. Помимо Бразилии, иски граждан США признала Великая Колумбия: 16 марта 1825 г. было подписано соглашение о возмещении на общую сумму свыше 72 тысяч долларов. Заключительная серия исков была принята Колумбией 25 ноября 1829 г.[1112]

Как мы видим, во всех договорах с новыми государствами Западного полушария, кроме соглашения с Центральной Америкой, США не удалось добиться отказа от статуса наибольшего благоприятствования в пользу принципа взаимности. Камнем преткновения здесь служило условие приоритета государственной принадлежности корабля происхождению товара («флаг покрывает товар»). Таким образом, корабли США могли бы на равных условиях перевозить и собственные товары, и товары других стран, в том числе латиноамериканские. Тогда торговые флоты молодых государств Латинской Америки оказались бы в заведомо невыгодном положении по сравнению с сильным торговым флотом США.

В остальном, соглашения, заключенные Соединенными Штатами с южными соседями, содержали детально проработанные фритредерские принципы торгового мореплавания. Объем переписки государственного секретаря по поводу тех или иных спорных случаев, связанных со статусом торговых судов, очень велик. Эти вопросы занимали чуть ли не основное место в деятельности посланников и консулов США в Латинской Америке. Долгая продолжительность войн стран

Латинской Америки за независимость, отсутствие единых правил морской торговли и блокады (как следствие – разгул каперства и задержания нейтральных судов), активные связи североамериканских (в основном балтиморских) купцов как с повстанцами, так и с испанскими властями стали причиной большого числа самых запутанных судебных дел. Новый вал исков породила аргентино-бразильская война 1825–1828 гг.

Разрабатывая основы латиноамериканской политики, Генри Клей во главу угла ставил нейтралитет США. Таким образом формулировались задачи внешней политики, которые можно систематизировать следующим образом: 1) подписание выгодных для США фритредерских договоров с государствами Латинской Америки, 2) содействие признанию Испанией независимости бывших колоний при сохранении status quo в Карибском бассейне, 3) приобретение у Мексики территории Техаса.

Подводя итоги, следует отметить, что деятельность Генри Клея на посту государственного секретаря не принесла ему лавров, не была высоко оценена современниками. Серьезные препятствия на пути реализации поставленных Генри Клеем внешнеполитических задач были созданы оппозицией в Палате представителей и Сенате, приведшей к отсрочке отправки представителей США на Панамский конгресс. Неудачей завершились настойчивые попытки приобрести Техас.

Однако другие задачи были в известной мере выполнены. Важным шагом вперед в сфере международного права стала борьба за принцип взаимности во внешнеторговых отношениях. Только с середины 1840-х гг. на те же фритредерские позиции перейдет Англия. В бытность Клея государственным секретарем были претворены в жизнь договоры о статусе наибольшего благоприятствования с Великой Колумбией и Бразилией и основанный на принципе взаимности договор с Центральной Америкой. Текст последнего стал на долгие десятилетия типовым при заключении соглашений США с иностранными государствами.

Но наибольшие хлопоты доставили Соединенным Штатам отношения с ближайшим южным соседом. Опираясь на поддержку Англии, мексиканцы долго сопротивлялись усилиям США подписать с ними либеральный торговый договор. Отношения государств осложнялись проблемой беглых рабов и набегами обитавших на границе индейцев-команчей, а главное – «техасским вопросом». Генри Клей на посту государственного секретаря сделал неудачную попытку решить проблему Техаса мирным путем. Сложно сказать, мог ли план Клея увенчаться успехом, но очевидно, что при таком представителе США, как

Пойнсет, надежда на этот успех в условиях растущего английского влияния была крайне мала. Впрочем, деятельность североамериканской дипломатии сопровождалась громкими скандалами не только в Мексике, но и в Колумбии и Бразилии.

Гражданские неурядицы и междоусобная борьба генералов в молодых государствах укрепляла североамериканцев в мысли, что новые республики не имеют ничего общего с США, что в них воцарилась не «разумная свобода», а «военная анархия». Отсюда падение интереса к концу 1820-х гг. Разглядев зарождавшийся феномен каудильизма, Найлс надеялся, что у южных соседей появится свой Кромвель или Бонапарт, который бы сдержал амбициозных генералов, раз «у народа, чтобы совершить это, нет ни ума, ни власти»[1113].

Надежды 1810-х – начала 1820-х гг. быстро сменились разочарованием в будущем южных соседей и идеях панамериканского единства. Уже в 1825 г. проект Клея – Адамса по признанию Испанией независимости своих бывших колоний имел своей главной целью сохранение выгодного для США status quo на Кубе и Пуэрто-Рико. Строгий нейтралитет остался основой внешней политики. С тех пор и почти до конца XIX столетия внимание Соединенных Штатов будут привлекать лишь стратегически важные карибские владения Испании и Мексика.

Граждане США на службе новых государств

Обретя независимость, страны Латинской Америки вплотную столкнулись с нехваткой специалистов для многих областей хозяйства, гражданской и военной службы. Очевидно, что у испанских и португальских колоний никогда не было своего военно-морского флота, потому в годы борьбы за независимость боевые корабли в основном были экипированы английскими, шотландскими, ирландскими и реже североамериканскими моряками, оставшимися без работы после окончания наполеоновских войн. Во второй главе мы уже говорили о трагической судьбе капитана Генри Кеннеди.

Яркой и противоречивой страницей вошла в историю освободительной войны служба англичанина лорда Кохрэйна на посту командующего сперва чилийским, а потом бразильским военно-морским флотом. Основателем флота Ла-Платы стал ирландец Уильям Браун (1777–1857), которого до сих пор чтят в Аргентине как национального героя. Довольно много уроженцев США также продолжили служить во второй половине 1820-х гг. на латиноамериканских кораблях. Среди них – Чарльз Вустер (Wooster, 1780–1848), вышедший в отставку контр-адмиралом чилийского флота в 1829 г.; братья Пол и Уильям Делано; уже упоминавшийся Дэвид Джуитт, командовавший бразильским флотом в войне с Ла-Платой; Джон Хэлстед Коу (1805–1864), аргентинский адмирал, а впоследствии главнокомандующий уругвайским флотом, зять прославленного аргентинского генерала и политика Хуана Рамона Гонсалеса де Балькарсе (1773–1836); коммодор колумбийского флота Джон Дэниелс (1786–1865)[1114].

Лучше всего известна и документирована история службы уже знакомого нам коммодора Дэвида Портера на посту главнокомандующего военно-морским флотом Мексиканской республики. В 1822–1824 гг. он возглавлял военно-морскую эскадру по борьбе с пиратами в Карибском бассейне. Служба шла своим чередом, с успехами и неудачами, до «дела Фахардо» (речь о нем шла в предыдущей главе), которое поставило крест на его военной карьере в США. К тому времени у Портера было восемь детей, а судебные издержки стоили годового жалованья[1115]. В итоге обиженный и разгневанный Портер принимает предложение президента Виктории возглавить (а по сути – создать) мексиканский флот. «Думаю, что вижу перед собой светлое поле славы», – писал он своему другу Пойнсету, который, возможно, и предложил мексиканским властям мысль пригласить

опального коммодора[1116].

Оставив жену дома, Портер взял с собой двоих детей и, посетив сперва Мехико, где участвовал в приеме Пойнсета по случаю 4 июля, направился на базу флота, в Веракрус, где 25 июля 1826 г. принял командование[1117]. Поначалу свежеиспеченный мексиканский адмирал питал большие надежды на новую жизнь, деньги и славу. Власти отнеслись к нему с глубоким уважением, корабли были, вроде бы, готовы к ноябрю 1826 г. Главная сложность состояла в острой нехватке подготовленных моряков и офицеров и трудности их набора в Мексике[1118].

Впрочем, и с этим, казалось, можно было легко справиться. Портер получал письма агентов по найму моряков в Новом Орлеане и Бостоне, офицеров[1119], хирургов[1120]. Контракты с ним стремились заключить поставщики одежды и корабельного оборудования[1121]. Между прочим, не стоит думать, что служить в Мексике были готовы лишь моряки-неудачники или те, у кого не было хороших связей. Портер получил, например, письмо от представителя одного из лучших чарльстонских семейств, который рекомендовал своего родственника Джона Ратледжа – внука участника первого Континентального конгресса, внучатого племянника одного из подписавших Декларацию независимости. Единственно, кандидату шел уже 19-й год, и устраиваться на службу во флот США было уже поздно[1122]. Кстати, дети самого Портера тоже были зачислены в штат юнгами.

Так что Портер не мог пожаловаться на отсутствие желающих стать под его начало. А ведь той же осенью 1826 г. газеты печатали письмо молодого филадельфийца, служившего в Южной Америке и Мексике. Он достиг звания полковника, командующего полка, «но думаю, эта честь не излечит раненую ногу, не заполнит голодный желудок, а тем более пустой кошелек». Утверждая, что его положение еще лучше, чем у сотен других добровольцев, автор всячески старался отговорить молодых людей от столь опрометчивого шага – ехать могут лишь те, кто ради «борьбы во благо свободы» готовы пожертвовать всем, не получая ничего взамен. Анонимный офицер заканчивает письмо рассказом о напряженной деятельности Портера в Мексике – но такой мажорный финал скорее лишь подчеркивал тягостное впечатление от всей статьи[1123].

Как отнеслись к переходу Портера на мексиканскую службу в США? “Richmond Enquirer” критиковал такой шаг как непатриотический, а вот “National Intelligencer” считал его этически оправданным, вспоминал пример Лафайета времен Войны за независимость и указывал на теплую дружбу, которая

связывает Портера и Пойнсета[1124]. “North American Review” поздравлял Мексику с таким приобретением[1125]. Журналисты подчеркивали первые успехи Портера в строительстве флота в Веракрусе[1126] и благодарность мексиканского правительства[1127].

Состоявший всего из маленького фрегата, четырех бригов и двух катеров, новый флот Портера был меньше его старой эскадры. Состояние кораблей оказалось все же посредственным, так что отплыть в поход удалось лишь весной 1827 г., после ремонта[1128]. Задача была привычной: борьба с каперством и пиратством в Карибском бассейне. Флагман “Guerrero” и другие корабли удачно вели действия против кубинской торговли[1129]. Эти успехи вкупе со снаряжением четырех каперских судов летом 1827 г. внушали Портеру надежды на конечный успех: «Меньше чем за год Куба будет уничтожена (annihilated), и я не сомневаюсь, что Испания признает независимость республики – чтобы совершить это, мне требуется лишь располагать щедрым доверием правительства»[1130].

Но не все оказалось столь безоблачным. Как главнокомандующий Портер получал большую долю призовых денег (prize money), но серьезная их часть уходила на текущий ремонт и поддержание кораблей, так как государственное финансирование оказалось крайне нерегулярным. Жалование не платили не только офицерам, но и самому Портеру[1131]. Главнокомандующему же полагались 12 тысяч долларов оклада и участок земли в Техасе. На деле он утверждал, что в последние два года службы не мог получить даже средства на необходимый флотский провиант[1132]. В качестве обещанной части жалованья ему пожаловали огромный кусок земли на перешейке Теуантепек, войти во владение которым не удалось ни ему, ни его потомкам. А вот собственное имение под Вашингтоном Портеру пришлось спешно продавать за треть цены, так как денег выплатить долги не было[1133].

Власти, казалось, относились к самому Портеру с уважением[1134], но на него, увы, перекинулся пожар межпартийной борьбы: так, сочувствовавший эскосесес военный и морской министр Гомес Педраса откровенно подчеркивал свою нелюбовь к североамериканскому моряку[1135]. Впрочем, человек сугубо сухопутный, Гомес Педраса вряд ли считал развитие флота важной задачей[1136]. Министр финансов Эстева просто не видел большой нужды в создании флота в условиях послереволюционной разрухи[1137]. Не исключено, впрочем, что скандалы, связанные с Пойнсетом, отразились на отношении к его соотечественнику и другу.

Наверняка изрядная доля вины лежит и на самом Портере с его тяжелым темпераментом и недоверием к местным морякам, которых в одном частном письме он назвал «дикарями». Портер был уверен, что настоящие морские офицеры получатся только из следующего поколения мексиканцев[1138]. Впрочем, постепенно он научился работать с местными матросами, признаваясь, что «дисциплинировать мексиканских [моряков] с мексиканскими офицерами невозможно, но с нашими это самая простая вещь на свете». Он даже признался, что «эти мексиканцы, при внимании к обучению (training), становятся очень толковыми ребятами»[1139]. Такое стремление построить чисто наемный офицерский корпус объяснимо с профессиональной точки зрения, но вряд ли нравилось патриотичным мексиканцам. Кстати, в годы Гражданской войны 1861–1865 гг. отношения североамериканцев с иностранными офицерами-добровольцами также складывались нелегко[1140].

Наконец, Портера ждали в Мексике и личные трагедии: его племянник погиб в феврале 1828 г., командуя “Guerrero” против почти втрое превосходящих сил испанцев, один из сыновей умер на корабле от желтой лихорадки, другой оказался в испанском плену. Здесь главнокомандующему пришлось столкнуться с бюрократическим равнодушием: мексиканское правительство назначило пенсию «вдове капитана Портера», тогда как племянник не был женат, и пенсию нужно было перечислять матери – сестре Портера[1141].

По-видимому, окончательное решение об отъезде Портер принял после покушений в Веракрусе и на дороге в Мехико. Портер обвинял в этих преступлениях нового губернатора Веракруса Санта-Анну, но скорее всего моряк просто стал жертвой бандитских нападений[1142]. Весну-лето 1829 г. командующий флотом провел в столице, стремясь покинуть страну возможно скорее.

Сведения о неудачах Портера скоро дошли до Соединенных Штатов. “National Intelligence” решил посвятить этому человеку «предприимчивого темперамента и незаурядного гения» большую статью на первой полосе одного из своих номеров. Статья была основана на письме Портера другу в Балтимор от 2 августа 1828 г. Портер писал, что усилия оказались впустую, а «все иностранные офицеры на службе (за несколькими исключениями) подали в отставку и уехали в отвращении (disgust)», получив вместо жалованья обесценившиеся в тридцать раз сертификаты. «Мексиканцы с каждым днем все подозрительнее к иностранцам». Потеряв всякую надежду, обездоленные моряки слоняются без дела по улицам Веракруса. Но без иностранцев флота не будет,

ведь в Мексике «нет ни одного офицера, способного командовать хотя бы катером»[1143].

Флот молодого государства находится «в печальном состоянии», а сам Портер собирается вернуться домой, – писала другая газета. Былой оптимист, Найлс не жалел эпитетов: «Сколько тысяч наших храбрых моряков пали жертвой духа приключений на службе новых американских государств! – с ними обращались как с собаками, пока те были годны к службе, и бросали в болезни»[1144]. В одном из следующих номеров Найлс рассказал об агентах Буэнос-Айреса, которые якобы тайно завербовали в Нью-Йорке 40 моряков, и вновь резко выступил против службы соотечественников в Латинской Америке[1145].

По свидетельству сына Портера, привыкший к превратностям судьбы коммодор никогда не чувствовал себя столь подавленным, как по возвращении из Мексики в октябре 1829 г. У него не было ни здоровья, ни сил, ни денег, ни служебных перспектив[1146]. По приезде Портер решил – наверное, с целью напомнить о себе – написать об увиденном в Мексике для нужд родного правительства[1147].

Описав знакомые ему не понаслышке трудности – невыплату денежного довольствия, нехватку опытных экипажей, изношенность судов, размах контрабанды, Портер делает очевидный вывод: флоты Мексики и Колумбии находятся в самом тяжелом положении. Отношение мексиканцев к собственному флоту также не сулит успехов: по старому испанскому обычаю, они отправляют туда преступников да и вообще «не имеют ни малейшего вкуса к морским делам (pursuits)». *«Совершенный* моряк не существует ни в одной части света, ну а во всей Мексиканской республике не найти даже одного *сносного».* Итак, мексиканцы «совершенно не подходят морально, чтобы обрести морской характер», а побережье страны лишено деревьев, годных для постройки кораблей.

Увы, этими выводами Портер не ограничился, решив пойти на широкие обобщения насчет мексиканской натуры в целом:

«Яркая черта мексиканского характера состоит в том, что он [мексиканец] первым навлекает опасность и первым от нее бежит».

«Мексиканцы полностью лишены какого-либо рыцарского чувства».

«В надежде наживы они порой склоняются рискнуть жизнью, но риск должен быть мал».

«Разбой на большой дороге повсеместен, но известно, что они никогда не нападают на большее или равное число людей: застать врасплох безоружного врага и зарезать его на месте – вот

привычная практика. Это нация убийц (assassins), каждый борется за собственную прибыль и никто не заботится о чести или интересе своей страны, разве что он получит от того непосредственную выгоду».

А вот как Портер характеризует партийную борьбу: «Любой политический вопрос решается штыком – если выборы вызывают сомнения, военных зовут, чтобы разрешить их, если ненавистен президент, атака военных гонит его из дворца и страны». Впрочем, в конечном итоге «все в Мексике решается либо штыком солдата, либо ножом или пистолетом наемного убийцы».

О Колумбии Портер был почти столь же пессимистического мнения. У разноплеменных офицеров колумбийского флота (даже североамериканцев!) нет опыта службы в регулярных частях. В отношении этих офицеров-иностранцев существуют те же «предубеждения», что и в Мексике. Пример того, как в 1825 г. колумбийцы не заплатили Швеции за поставленные корабли, ясно доказывает, полагал Портер, насколько этой стране безразличны «национальная вера и национальная честь».

И мексиканцы, и колумбийцы недоверчивы, не готовы и не способны на усилия, чтобы исполнить собственные обещания, властолюбивы, любят пустой военный блеск. Их кругозор чрезвычайно узок, они поклоняются лишь Боливару и тому, кто в данный момент сильнее.

Власти и Мексики, и Колумбии не верят своим служащим, а те в ответ не верят властям. Горе тому, кто служит этим двум правительствам: «Господствующая здесь система волокиты достаточна, чтобы охладить пыл самого ревностного, а постоянно наблюдаемая практика обмана удручает самых терпеливых и выносливых».

Описывая крах военно-морского сотрудничества Мексики и Колумбии, Портер делает вывод, что теперь интересы этих государств столь же далеки, как Новая Земля и Новые Гебриды. Их взаимная ненависть куда больше, чем ненависть к испанцам.

Единственное, что возвышает эти народы в глазах друг друга, – это испанский язык и религия, ведь «не говорить по-испански, не быть католиком – это грехи, которым нет прощения – южноамериканцы знают лишь две религии, христианскую и иудейскую, и считают невеждой любого (have no idea that any man can be otherwise than ignorant), кто не говорит по-кастильски. Изуверство и предубеждение (bigotry & prejudice) представляют отличительные черты в характере обоих [народов], они смягчены в колумбийце, так как он будет терпеть иностранца из-за пользы, невзирая на происхождение; *но желание быть полезным в Мексике есть прелюдия к смерти*» (курсив мой – А.И.).

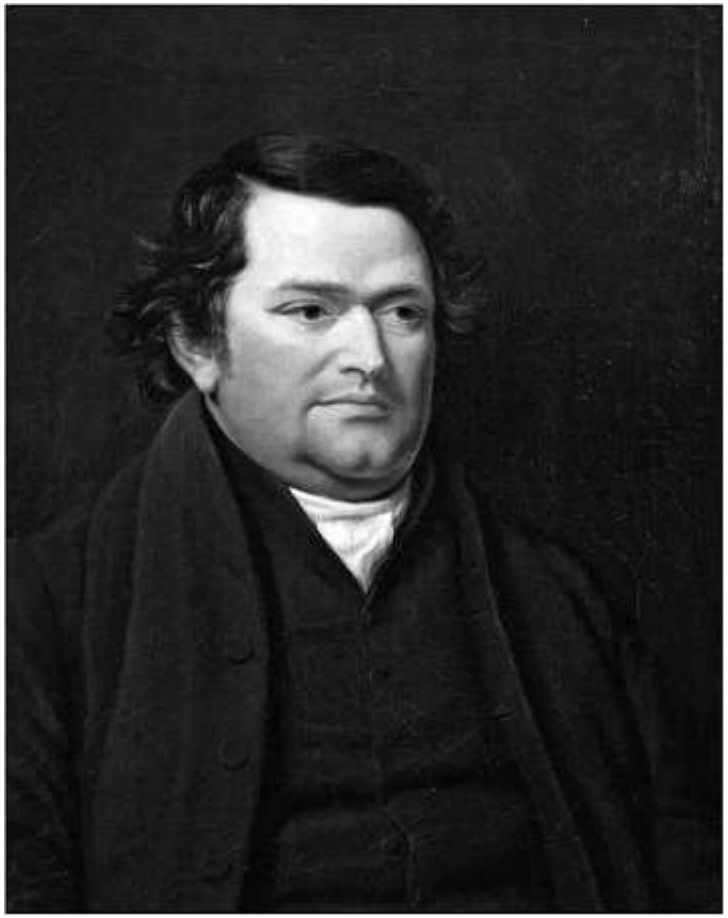
Колумбия, в отличие от Мексики, обладает хорошими гаванями и деревом для постройки кораблей, но в ней также нет ни ремесленников, ни моряков. Все должно доставляться из-за границы, что сделает флот непозволительной роскошью. Более того, ни один иностранец больше не приедет служить в эти страны, так что и Мексике, и Колумбии придется учиться морскому делу самостоятельно. Впрочем, Портер оставляет просвет надежды: кто знает, может, через несколько поколений и там появятся свои моряки и корабли.

Безусловно, слова Портера во многом продиктованы свежей личной обидой, природной вспыльчивостью и неуживчивым характером, предрассудками потомственного моряка, для которого отсутствие традиции мореходства уже само по себе свидетельствует о каком-то серьезном моральном изъяне. Но наблюдения Портера не лишены доли правды: он точно заметил рост противоречий между молодыми государствами, понял, какую роль играют армия и насилие в Латинской Америке.

На счастье Портера у власти уже находились его друзья-джексоновцы, которые были готовы помочь ему. Ветеран получил назначение посланником в Константинополь, где ему суждено будет провести последние четырнадцать лет жизни. Но его отношение к южным соседям не смягчилось. В своей книге об османской столице он вспоминает о мексиканцах как «нации воров и проституток… В Мексике убивают… из кровожадности»[1148].

* * *

Примечательная, но недостаточно известная страница в истории ранних отношений США с Латинской Америкой связана с работой в Великой Колумбии знаменитого английского реформатора образования Джозефа Ланкастера (1778–1838). Его латиноамериканский опыт в общем чрезвычайно типичен для профессионалов, которых тянуло в молодые государства сочетание идеализма и личного интереса – стремление одновременно реализовать свои способности на республиканской службе и улучшить финансовое положение.



Джозеф Ланкастер

Внимание латиноамериканских революционеров к системе взаимного обучения Ланкастера и Белла отвечало духу эпохи – в 1810-е – 1820-е гг. эта система была крайне популярна среди как умеренных реформаторов, так и радикалов, ею увлекались Александр I и декабристы, христианские миссионеры и революционеры-антиклерикалы[1149]. Одни видели в системе возможность мирного совершенствования, другие – предпосылки коренного переустройства общества на республиканских началах. Республика возможна только при наличии критической массы готовых к «разумной свободе» (rational freedom) просвещенных добродетельных граждан, отсюда необходимость быстро расширить образовательную сеть.

Образовательная реформа занимала важное место в воззрениях Боливара: в 1819 г. в ходе Ангостурского конгресса он предложил создать в рамках конституции Венесуэлы, помимо традиционных трех ветвей власти, две особые палаты «моральной

власти» (poder moral), одна из которых должна была обеспечить всеобщее обязательное образование до 12-летнего возраста, следить за воспитанием молодежи «в духе понимания прав и обязанностей человека и гражданина». Сразу после Ангостурского конгресса Боливар приказал открывать ланкастерские школы на подвластных ему территориях[1150]. Позднее, в 1825 г., став диктатором Перу, он одним из первых декретов обязал каждый департамент открыть школу по ланкастерскому методу[1151]. В конце 1826 г., назначая своего друга и наставника Симона Родригеса (1769–1854) заведовать образованием в Боливии, Боливар утверждал, что просвещение является «первейшей обязанностью правительства», подчеркивал необходимость его всеобщности, ведь от воспитания детей зависит «духовное здоровье Республики»[1152]. В 1825–1826 гг. Боливар даже написал трактат «Об общественном образовании».

Внимание к ланкастерскому методу разделяли с Боливаром и другие создатели независимых государств Испанской Америки – Сантандер, О'Хиггинс, Сан-Мартин, Аламан[1153]. В инструкциях Мануэлю Торресу Хуан Херман Россио просил купить в США для Венесуэлы и Новой Гранады образцы ланкастерских учебников наряду с материалами дебатов Конгресса[1154]. В 1823 г. знаменитый просветитель и политик из Кито Висенте Рокафуэрте перевел английский учебник по моральной философии для ланкастерских школ.

Интерес к ланкастерской системе питали не только ее сравнительная дешевизна, но и стремление лишить католическую церковь практической монополии на образование[1155]. Сам Ланкастер был квакером, с типичным для этой деноминации энтузиазмом в отношении общественного прогресса. Другой квакер, Уильям Торнтон, летом 1820 г. выслал книгу Ланкастера буэнос-айресскому политику Мануэлю де Сар-ратеа (1774–1849) со словами: «Ничто так не способствует Развитию Морали и Добродетели, как Образование: и эта Система чрезвычайно хорошо подходит, чтобы приступить к такому доброму Делу»[1156].

Наиболее деятельным и самоотверженным проводником ланкастерской системы в Южной Америке стал шотландский священник Джеймс Томсон (ум. в 1854 г.), который в ходе своей миссии 1818–1825 гг. основал школы в Ла-Плате, Чили, Перу и Великой Колумбии[1157]. В Мексике первое ланкастерское учреждение открылось 22 августа 1822 г.[1158], а к 1825 г. школы взаимного обучения действовали в Сан-Луис Потоси, Гуадалахаре, Гуанахуато и других городах[1159].

В 1824–1827 гг. сам основатель системы Джозеф Ланкастер

служил в Каракасе на посту суперинтенданта национального образования Великой Колумбии. Часто забывают, что последнюю треть жизни Ланкастер провел в Америке, эмигрировав в Нью-Йорк летом 1818 г. после банкротства[1160]. Жизнь знаменитого просветителя в Соединенных Штатах тоже не была легкой – для заработка ему приходилось колесить с лекциями по стране[1161]. Дорога Ланкастера, как и многих других, шла в Латинскую Америку через Балтимор, где тот оказался в 1822 г., основав образовательный институт своего имени.

В Балтиморе Ланкастер завязал связи с Бруком Янгом – молодым офицером на колумбийской службе. Педагог передал тому незапечатанное письмо для Боливара с предложением поставить свои таланты на службу новому государству. Поначалу идея вызвала восторг властей, что было, разумеется, не случайно: сам Боливар, никому еще не известный, посетил вместе с Франсиско де Миранда лондонскую школу Ланкастера летом 1810 г., незадолго до отплытия в Каракас[1162].

Янг писал, что Каракасская хунта передала консулу США Роберту Лоури две тысячи долларов с указанием выдать Ланкастеру эту сумму сразу по его прибытии: «Короче, энтузиазм в отношении Вас витает здесь выше чего угодно». «Я предельно искренне предвижу Вашу долгую счастливую жизнь в этом приятнейшем климате», – радовался Янг[1163].

Увы, с деньгами сразу вышли неожиданные сложности. Платеж был подтвержден торговым агентом Колумбии в Балтиморе, но вот сам Лоури сперва настойчиво убеждал Ланкастера, что никаких сумм выплачено не было[1164]. Лишь в феврале 1824 г., если верить консулу, ему, наконец, выплатили почти две трети, 1313 долларов 35 центов, остальная же часть должна быть выплачена позднее, «но уверенности в этом нет»[1165].

Получив такое подтверждение, Ланкастер мог спокойно отправляться в путь. Сразу по приезде, впрочем, долгожданный гость был по ошибке арестован[1166]. Когда недоразумение разрешилось, Ланкастер сразу принялся за дело переустройства колумбийской системы образования. 5 июля 1824 г. в Каракасе в здании францисканского монастыря под особым патронажем «Президента-Освободителя, генерала Боливара» открылась его семинария[1167]. Впервые в жизни у квакера Ланкастера появился в соответствии с испанским деловым обиходом собственный бланк с изображением колокола с его инициалами – обстоятельство, изумлявшее свежеиспеченного высокого чиновника[1168].

Учебники и канцелярские принадлежности было решено

заказать у известного лондонского издателя Рудольфа Аккермана (1764–1834)[1169], мебель и физические приборы – тоже в Лондоне, у Сэмюэля Паулса[1170]. Учебники и мебель поставлял также филадельфиец Дж. Хоу[1171].

Поначалу все внушало энтузиазм. «Много удовольствия и радости» доставляло Аккерману зрелище того, как деятельно Ланкастер занялся «гигантской работой, чтобы обратить *темноту* в *свет*, и преобразить невежественную и забытую нацию в просвещенных и разумных (rational) Существ»[1172].

Брук Янг сообщал Ланкастеру о деятельности ланкастерских школ в Кито (увы, «метод не *ясно* понят») и звал его «разогнать облака невежества». В Каракасе есть «изуверство и суеверия» (bigotry and superstition), но в Кито их еще больше. Очевиден антикатолический пафос офицера – он пишет о необходимости учить «бедных невежественных сынов Анд, что мы должны поклоняться только одному Богу – что Священники лишь грешные смертные, как они сами, и что их идолы сделаны из того же преходящего вещества, как и создавшие их руки»[1173].

Служба Ланкастера явно улучшала образ Великой Колумбии в США. Джон Милтон Найлс, указывая, что к 1825 г. в стране открыто уже 40 ланкастерских школ, писал: «Учитывая краткость срока, сделано было много, пусть в этом и следует видеть лишь первые плоды предпринятой в Колумбии Боливаром и его патриотическими соратниками великой работы умственного возрождения (mental regeneration) и просвещения (illumination)». Найлс также отмечал создание ланкастерских школ в крупных городах Мексики, в Центральной Америке[1174].

Губернатор Нью-Йорка Деуитт Клинтон считал, что служба в Колумбии станет «славным завершением» карьеры Ланкастера, будет «улучшать сознание растущего поколения того Края, образовывать их для Свободного Правительства и высокой (eminent) пользы». «Сея семена образования, Вы распространяете добродетель и готовите человека к свободе и общественному порядку»[1175]. В этих словах Клинтона – краткое выражение сути образовательной доктрины ранней республики: просвещение учит гражданина равно ценить как свободу, так и общественный порядок. Свобода без порядка – анархия, как в годы Французской революции, порядок без свободы – (монархический) деспотизм.

Боливар щедро оценил усердие Ланкастера, выписав ему чек для английского банка на целых 20 тысяч долларов. Его письмо Ланкастеру перепечатали “Niles’ Weekly Register” и лондонский “Courier”[1176]. «Великодушием (magnificence) *Освободителя*» восхищались профессор Йеля Б. Салливан, а также Огден Найлс (сын и помощник основателя “Niles’ Weekly Register”), Деуитт

Клинтон и другие корреспонденты Ланкастера[1177]. Слава Боливара как просветителя ширилась, и ему пытались передать книги, например, по женскому образованию[1178].

Увы, 20 тысяч долларов от благодарного Боливара так и остались на бумаге. Получить эту сумму должен был Аккерман. Однако лондонские финансисты больше не хотели верить банковскому чеку от Освободителя: «…тот неограниченный Кредит, которым пользовались все южноамериканские государства около двух лет назад, полностью испарился, и теперь им не дадут ни одной сотни фунтов вследствие того, что они не платят по процентам (Devidends – sic!)», – сообщал Аккерман[1179]. Издателю не удавалось добиться оплаты и собственных поставок, счет за которые к ноябрю 1825 г. составил уже десять тысяч долларов[1180].

В середине 1826 г. корреспонденты Ланкастера начинают высказывать сомнения в успехе начинания. Один из поставщиков книг и оборудования писал: «Я крайне сожалею о политических беспорядках в вашей части света. Сомнительно, является ли народная масса достаточно просвещенной, чтобы, с долгой привычкой к подавлению, суеверию и изуверству (oppression, superstition and bigotry), достойно вести себя при либеральном правлении. Все, что им нужно, – это много *Ланкастеров*! чтобы просвещать и улучшать их сознание»[1181].

Ланкастер не терял оптимизма, даже когда положение в стране стало стремительно ухудшаться, а купцы, по его собственным словам, теряли к ней интерес: «В трудные времена посреди шумихи меняющихся правительств я продолжаю на своем посту, исполняю свой долг и уповаю на Господа… школа растет и обретает известность, предрассудки уходят». Учитель надеялся, что при всех тяжелых переменах образование будет развиваться подобно расправившему крылья орлу[1182]. К 1827 г. в Великой Колумбии существовали 52 ланкастерские школы, 434 школы по старому плану (всего обучалось 19709 детей), в каждой из десяти провинций – по училищу, а также три университета[1183].

Тем временем, личная жизнь педагога переменилась коренным образом. В Каракасе скончался знакомый английский миниатюрист Джон Робинсон (1774–1826), завещав перед смертью, чтобы его жена Мэри (1785–1872) вышла замуж за вдового Ланкастера. 23 февраля 1827 г. на свадьбе присутствовал сам Боливар[1184].

Между тем, дела в стране шли все хуже, и надежд на улучшение финансирования больше не было. Один из английских купцов в Ла-Гуайре советовал Ланкастеру уезжать: «Думаю, чем

скорее мы, *Иностранцы*, уедем, тем лучше»[1185]. Впрочем, еще за две недели до получения этого письма Ланкастер, благодаря Освободителя за доброту, писал ему о желании забыть как можно скорее все перенесенные невзгоды и покинуть страну и город, «где я и моя возлюбленная жена испытали пропасть настоящей нищеты». «Тебе [to thyself] благодарен – но в Колумбии я так много страдал», – заключал он[1186]. Перед отъездом Ланкастер принял участие в судьбе более чем 120 шотландских колонистов, безуспешно пытавшихся найти счастье в Ла-Гуайре; после его писем премьер-министру Джорджу Каннингу британское правительство оказало содействие переезду колонистов в только что основанный канадский Гуэлф[1187].

19 апреля 1827 г. Ланкастер, бросив свое скудное имущество, навсегда покинул Южную Америку и в июне вернулся с женой и приемными детьми в США[1188]. Проведенные в Великой Колумбии три года педагог считал потерянными – по сути, он не получил ни морального, ни материального удовлетворения: у идеи расширить государственное образование не было будущего из-за недостатка финансов, ведь в итоге даже сам суперинтендант работал безвозмездно. Сообщая о приезде Ланкастера в Нью-Хэйвен через датский остров Санкт-Круа, газеты писали: «Насколько мы понимаем, его планы не увенчались успехом, и он оставил страну разочарованным»[1189]. Один из знакомых каракасских купцов радовался, что Ланкастер и его жена «вновь оказались меж цивилизованных людей, ведь здешние вряд ли могут считаться таковыми»[1190].

Вновь начались лекционные туры по Северной Америке – Нью-Хэйвен, Трентон, Филадельфия, Нью-Йорк, Монреаль… Ланкастер выступал с лекциями на самые разные темы, в том числе и с рассказами о Южной Америке, естественно, весьма нелестного содержания. Так, в кратких записях к лекции 1827 г. отмечены в числе прочих следующие пункты: «жестокость и подавление [колониальной власти]», «убийство = *равнодушие»,* «бесчестность = и азартная игра», «возмездие и жестокость [революции]», «жестокость в Ла-Гуайре – *испанцы, патриоты»,* «суеверие». Если военные – это «насилие» и «Воровство», то монахи – «продажность» и «обман». Даже после отмены инквизиции и провозглашения свободы печати, религиозная терпимость не допущена. Особо Ланкастер упомянул невыплату жалования в государственных учреждениях[1191]. Стремясь заработать на образование приемных детей, в 1833 г. педагог издал на дешевой бумаге свои довольно сумбурные воспоминания, которые почти исключительно посвящены южноамериканской эпопее и тяжбе с Боливаром[1192].

Подобно суровому моряку Портеру, гуманный просветитель Ланкастер покинул Латинскую Америку разочарованным, оскорбленным в лучших чувствах и не получив вознаграждения за труды. Былые энтузиасты дела «южных братьев», и Портер, и Ланкастер вернулись в США с ненавистью к молодым государствам Западного полушария. Очевидно, неудачи этих хорошо известных общественному мнению людей, а также множества офицеров-добровольцев из Англии и Ирландии способствовали утверждению образа Латинской Америки как непредсказуемого региона, где не умеют ценить честную службу. Складывалось впечатление, что преуспеть удалось лишь врагу североамериканской нейтральной торговли адмиралу Кохрэйну.

Неудачи ждали не только североамериканцев, служивших молодым республикам. Дипломаты США также обычно оставались недовольны странами пребывания. О скорейшем возвращении домой мечтали не только те, чье пребывание в Латинской Америке ознаменовалось скандалами, но и в целом удачливые политики, как, например, Форбс или Андерсон[1193].

Не всем, впрочем, удавалось вернуться из «печальных тропиков». Жертвами желтой лихорадки стали сыновья Портера и Орацио де Сантанджело, бесчисленные солдаты и офицеры из числа иностранных добровольцев. Перемена климата и образа жизни зачастую была губительна и для дипломатов: от той же желтой лихорадки скончались коммодор Перри (1819), посланник в Великой Колумбии Андерсон (1826), поверенный в делах в Центральной Америке Миллер (1825), в Перу умерли «особый агент» Превост (1825) и поверенный в делах Кули (1828), в Венесуэле – консул Лоури (1826), в Бразилии – поверенный в делах Тюдор (1830), в Буэнос-Айресе – посланник Форбс (1831) [1194]. Так что хотя все путешественники отмечали благотворность климата Чили и Буэнос-Айреса, в целом складывался образ Латинской Америки как региона небезопасного не только с политической, но и медицинской точки зрения.

Испанская Америка на страницах “North American Review”: проект Джареда Спаркса, 1823-1830

Редактор “North American Review” Джаред Спаркс предпринял масштабный системный замысел, целью которого было познакомить читателей с Испанской Америкой. Это серьезное начинание так и осталось единственным в истории ранней американской периодики, если не считать зачастую пропагандистские публикации в газете “Aurora” 1810-х – 1822 гг. Проект Спаркса был задуман в конце 1823 г. на волне надежд в отношении «южных братьев». Принеся важные плоды, проект выдохся сам собою к концу 1820-х гг., когда энтузиазм сменился разочарованием.

Тесно связанный с Гарвардом и унитаризмом, журнал “North American Review” был основан в 1815 г. бостонскими интеллектуалами, членами Anthology Club[1195]. Образцом для издания служили знаменитые европейские толстые журналы – книжные обзоры, лучшим из которых был лонгмановский “Edinburgh Review”. По форме такие журналы являлись сборниками рецензий, но, по сути, отзыв на ту или иную книгу служил для авторов поводом к написанию больших статей на порой весьма широкую тему.

Джаред Спаркс

Первым редактором “North American Review” стал будущий консул в Лиме и поверенный в делах в Рио-де-Жанейро Уильям Тюдор. В 1820–1823 гг. журналом руководил Эдвард Эверетт (1794–1865), которому удалось окончательно укрепить высокую репутацию издания, наладить прочные связи с постоянным кругом авторов. Именно при нем тираж вырос с 500–600 экз. до 2500[1196].

Однако подчеркнуто проевропейская редакционная политика Эверетта вызывала подчас серьезное недовольство: болезненно ранимые соотечественники даже прозвали журнал «антиамериканским» – “North Un-American”. В ответ на упреки

Эверетт отвечал: «Ваше замечание о нехватке американизма справедливо, но Вы должны помнить некоторые вещи: 1˚ Из сосуда льется лишь то, что в нем содержится. 2˚ Американских тем действительно мало: американские книги слишком дурны, чтобы их хвалить, а ругать их не годится». Эверетт считал также, что его главные подписчики и друзья, бостонские интеллектуалы, не подвержены тому «яростному американизму» (raging Americanism), как, например, балтиморцы[1197].

В середине 1823 года недовольные Эвереттом владельцы журнала обратились к унитаристскому пастору Джареду Спарксу (1789–1866) с предложением выкупить издание и стать его редактором. Спаркс не был чужаком для “North American Review”: его первая статья в журнале появилась еще в первом номере 1817 г., а пятый и шестой тома (май 1817 – май 1818 гг.) даже редактировались им[1198]. После довольно непростых переговоров Спаркс, не испортив ни с кем отношений, стал преемником Эверетта[1199]. Программа нового редактора была очевидна: журнал должен был не подражать европейским, особенно английским и шотландским, обозрениям, а обрести собственный голос, выражать дух всей новой страны, а не только Новой Англии[1200].

Возглавив журнал, Спаркс деятельно отнесся к подготовке материалов. Как правило, он высылал авторам книги для рецензий, план и идею будущей статьи и серьезно работал с текстом – подготовка некоторых публикаций к печати занимала столько же времени, что и написание собственной статьи того же объема. Порой можно говорить о настоящем соавторстве. «Мое правило – свободно менять, вычеркивать, исправлять язык и слог, но никогда не расширять без знания и одобрения автора, кроме тех случаев, когда автор дает мне полное согласие делать все, что хочу. Я часто добавляю примечания». Хотя подчас Спаркс шел на публикацию спорных, по его мнению, материалов, он никогда не пропускал то, что полагал «явно ошибочным и дурного направления»[1201].

До Спаркса «южные братья» не входили в число значимых для издания тем. Эдвард Эверетт, правда, довольно настойчиво просил Пойнсета написать рецензию на двухтомник Брэкенриджа, но получив отказ, решил никак не отликаться это издание[1202]. Его отношение к Латинской Америке было столь же, если не более, скептическим, как и у брата Александра. Так, в апрельском номере за 1821 год Эдвард Эверетт резко выступил против сопоставления Южной Америки и Северной, будучи уверенным в невозможности построить в бывших испанских и португальских колониях не только республику, но и вообще сколько-нибудь

постоянный политический режим[1203].

В отличие от Эверетта, Спаркс, подобно многим современникам, верил в особую миссию Америки и мечтал о культурной независимости континента от Старого Света[1204]. В разгар переговоров о покупке журнала он писал в своем дневнике о стремлении написать «новую историю Америки». «Я пойду к источнику (fountain) и прочту все, что доступно по этой теме»[1205]. Спаркса явно влекла романтика сильных людей, путешествий и открытий, недаром одной из первых его книг стала биография известного первооткрывателя Джона Ледьярда (1828).

Идея такой истории Америки, впрочем, носилась в воздухе. Все тот же Эдвард Эверетт, несмотря на свой скепсис, выпустил в 1817 г. проспект книги по «истории полушария» в целом – а не только по британским колониям[1206].

Унитаристская церковь в Балтиморе

Составной частью программы Спаркса сделать журнал подлинно американским стал его историко-политический просветительский проект по публикации серии очерков о Латинской Америке. Когда Спаркс впервые увлекся борьбой «южных братьев» за независимость, сказать сложно. В 1819–1823 гг. он служил пастором в Балтиморе – важнейшем центре каперства и латиноамериканской пропаганды. В его унитаристском приходе состоял сам Теодорик Блэнд – член латиноамериканской комиссии 1817–1818 гг., сторонник чилийца

Хосе Мигеля Карреры, окружной судья, благоволивший каперам. Увы, ни дневники, ни переписка (в том числе с самим Блэндом) Спаркса в эти годы не дают никаких свидетельств его интереса к Латинской Америке. Нет доказательств и в архиве Теодорика Блэнда[1207]. Наверняка интерес зародился уже тогда, но подтверждающие эту мысль документы отсутствуют.

По крайней мере, на посту редактора и владельца журнала Спаркс сразу занялся латиноамериканской темой. Сентябрь 1823 г. он провел в Балтиморе, готовя окончательное возвращение в Бостон и собирая материалы для статей по Латинской Америке, Колонизационному обществу и самому Балтимору. В дневнике он отметил встречу с бывшим «особым агентом» в Южной Америке в 1817–1819 гг. балтиморцем Уильямом Уортингтоном. Тот передал Спарксу свои чилийские дневники и предложил написать несколько статей о Южной Америке для журнала[1208].

Конечно, Спарксу хотелось получить сведения о Латинской Америке прямо из первых рук, желательно от североамериканских дипломатов. В государственном департаменте работал его знакомый Джон Бейли. Сперва Спаркс обратился к нему, обрисовав свой величественный замысел составить предельно полную картину латиноамериканских революций на страницах журнала. В своем ответе Бейли несколько разочаровал редактора: хотя государственный секретарь Адамс разрешил Спарксу пользоваться донесениями Уортингтона, в архиве ведомства отложилось мало материалов по Латинской Америке, помимо уже опубликованных и известных отчетов комиссии Родни – Грэхема – Блэнда.

Желая Спарксу успеха в его начинании, Бейли писал: «*Осмелитесь* (курсив автора – А. И.) ли Вы войти в этот лабиринт истории? Признаюсь Вам, что я и за многие тысячи не решился бы осознать (get) и представить отчетливую картину событий в Южной Америке с 1805 г. *Это будет геркулесовой задачей* (курсив мой – А. И.)»[1209].

Затем Спаркс пишет уже самому Адамсу с просьбой о содействии: «Уже несколько месяцев я стараюсь собирать детали, относящиеся к политическим переменам в Южной Америке в последние пятнадцать лет, с мыслью передать в исторической форме посредством “North American Review” те сведения, которые могут обладать общей ценностью и вызывать общественный интерес». Посланники США в Великой Колумбии, Буэнос-Айресе и Чили могли бы «передать для этой цели легко доступные им книги, газеты и опубликованные документы». Если Адамс одобряет начинание Спаркса, он смог бы написать ему

соответствующее рекомендательное письмо, которое тот бы вложил в свои письма этим дипломатам[1210].

Адамс согласился[1211], и Спаркс направил письма посланникам США Родни, Андерсону, Аллену, где впервые в развернутом виде изложил свой латиноамериканский проект: «Важные события, которые произошли и ежедневно происходят в Южной Америке, столь мало известны в Соединенных Штатах, что я счел целью, достойной особого внимания, собирать те подлинные материалы, которые можно достать, и публиковать время от времени в “North American Review” исторические очерки революционных событий в южноамериканских республиках. Стремясь исполнить этот замысел, я нашел, что прийти к знанию фактов крайне трудно… Наши газеты – руководство обманчивое (treacherous guides), они часто сообщают вещи без надежного подтверждения (good authority)». «Лучшие источники сведений, по сути, единственные источники, которым можно доверять, это публичные документы и журналы, изданные в странах, где происходили сами события». Спаркс хотел бы, чтобы дипломаты направляли ему такого рода источники: «Мне желательно иметь каждый общественный документ, аккредитованные газеты или другие работы, появившиеся после начала революционной борьбы». Редактор не скрывал своей политической позиции: «Так как я горячий друг того, что зовется южноамериканским делом, в мои намерения входит представлять благожелательные и обнадеживающие новости по этой теме». Большие надежды Спаркс возлагал на личные связи с латиноамериканскими интеллектуалами: «…Я был бы очень рад наладить переписку с любым джентльменом-литератором, обладающим досугом и желанием помочь моему замыслу познакомить Соединенные Штаты с историческими событиями в Южной Америке»[1212].

Итак, в обмен на “North American Review” Спаркс хотел получать предельно исчерпывающие подшивки опубликованных источников со всех концов огромного региона, чтобы на таком солидном основании строить статьи о революции и современном положении Испанской Америки. Задуманная серия статей должна была стать своего рода справочником. Будущего знаменитого коллекционера исторических документов и издателя явно тянуло к подобного рода энциклопедическим предприятиям. Налицо также кажущееся нам несколько наивным ранкеанское стремление к исторической объективности, стремление полагаться не на разноголосые свидетельства очевидцев, а на опубликованные документы. Не считал ли Спаркс свой латиноамериканский проект частью той самой «новой истории Америки», написать которую он мечтал? Не случайно же он, не

разделяя часть света на северную и южную половины, писал видному аргентинскому политику, брату знаменитого Мариано Морено Мануэлю, что журнал “North American Review” «посвящен делам Америки»[1213].

Одновременно Спаркс со свойственным ему усердием и увлечением принялся за изучение испанского языка, беря уроки трижды (потом дважды) в неделю, «в основном с целью обрести знание южноамериканских дел». В апреле 1824 г., во время короткого посещения Балтимора, он будет ежедневно заниматься со своим знакомым, каталонцем Мариано Куби и Солером, человеком явно неординарным, – профессором балтиморского колледжа св. Марии, создателем системы изучения иностранных языков, автором бесчисленных пособий по испанскому, первым переводчиком доктрины Монро, френологом и горячим сторонником латиноамериканской независимости[1214].

Именно Куби и Солер стал связующим звеном между Спарксом и посланником Великой Колумбии в США, поэтом, драматургом и юристом Хосе Марией Саласаром. Восхищаясь планом Спаркса и обещая направлять ему «публичные документы и бумаги», а «если будет необходимо – некоторые вербальные ноты», Саласар писал: «Только беспристрастный философ и яркий патриот может направить свет критики, чтобы развеять заблуждения и представить политическому миру подлинное положение дел»[1215].

В весенние месяцы 1824 г. Спаркс не терял ни одной возможности расширить кругозор по увлекшей его теме. Во время короткого посещения Филадельфии Спаркс делит пансион вместе со шведским консулом Северином Лориком (1789–1837), долгое время прожившим в Южной Америке. Дипломат любезно снабдил его колумбийскими материалами[1216]. Спарксу предстояло выработать собственное мнение, ведь даже среди близких ему по духу энтузиастов латиноамериканской революции оказывались люди разного темперамента, разных взглядов, по-разному оценивавшие события. Горячий Уортингтон, например, и в 1824 г. продолжал верить, что Южная Америка «будет атакована Священным Союзом, что Англия, возможно, будет разыгрывать фальшивую игру между нами, колониями и союзниками». В этом случае, полагал бывший «особый агент», приморские государства Южной Америки вновь окажутся, причем на неопределенный срок, под властью Испании. Надежды возлагал он лишь на достойное поведение Великобритании[1217].

Зная, что Лондон является важнейшим центром латиноамериканской пропаганды, Спаркс решил обратиться за материалами и к издателю лондонской ежемесячной “Biblioteca

Americana” Хуану Гарсиа дель Рио (1794–1856). Как обычно, он желал наладить обмен этого издания на “North American Review”, а также интересовался официальными гражданскими и военными документами, периодикой как Латинской Америки, так и Испании относительно колоний с 1808 г.[1218]

Пока Спаркс ускоренно входил в новый для него круг проблем, обзор о Чили для журнала писал Эдвард Эверетт[1219]. В своей основной части статья Эверетта построена на классических трудах иезуитов XVIII века, а также на аббате Рейнале и Робертсоне, представляя собой географическое описание богатой природы, здорового климата провинции, торговли (до начала революции), нравов индейцев[1220]. Автор делает, впрочем, и политическое заявление в поддержку недавно провозглашенной доктрины Монро, говоря, что общественное мнение одобряет политику администрации: Соединенные Штаты придерживаются нейтралитета в войне метрополии и колоний, но «будут сопротивляться любым попыткам великих держав Европы помочь Испании покорить их»[1221].

Спаркс остался недоволен статьей, считая ее тон «устаревшим». Эверетт оправдывался, говоря, что опирался на старых авторов, потому что они плохо известны в США, потому что отчеты Пойнсета и Блэнда и так у всех на слуху, да и в целом почти вся североамериканская литература о Южной Америке «слишком безграмотна»[1222].

Но освоение темы шло быстро, и в следующий, июльский номер 1824 г. Спаркс мог уже поместить собственную обширную, в пятьдесят страниц, обобщающую статью с амбициозным заголовком «Южная Америка»[1223]. Очевидна столь характерная для Спаркса методичность: он начал свой проект с описания предпосылок революции – теории и практики управления Испанской Америкой согласно «Законам Индий». Текст Спаркса типичен для работ, основанных на свидетельствах иностранцев или борцов с метрополией, и, по сути, представляет собой качественный антииспанский памфлет, цель которого доказать пагубность светской и церковной власти («одной из самых ненавистных тираний») Испании на протяжении более чем трех веков ее господства в Латинской Америке. С обретением независимости, а следовательно – просвещением, общением с иностранцами, свободной торговлей – благотворные перемены неизбежны, хотя в моментальное создание «системы, основанной на справедливых и либеральных принципах» Спаркс не верил, такое было бы «более чем чудом»[1224].

Колониальное прошлое Испанской Америки стало также темой статьи, заказанной Спарксом новому автору журнала

Калебу Кашингу[1225]. Последний совершенно справедливо считал свой текст *«общим обзором всех важнейших событий революции»*[1226] – перуанского восстания Тупака Амару 1780 г. В статье, проникнутой уважением к храбрости плохо вооруженных повстанцев, подчеркивается, что «тиранская система невыносимого подавления» заставила взяться за оружие даже «мягких и послушных» перуанских индейцев. Автор завершает статью оптимистичным выводом: новые революционные правительства делают все, что в их силах, чтобы уравнять индейцев в правах и возможностях с потомками испанцев[1227].

В том же номере журнала вышла небольшая рецензия Спаркса на книгу полковника Фрэнсиса Холла, призывавшего европейцев эмигрировать в Колумбию[1228]. Спаркс отмечал, что Великая Колумбия уже построила хорошо работающие «свободные, практические и постоянные институты», радовался победам Боливара в Перу – доказательству устойчивости государства и зрелости его граждан. Единственное, что вызывает озабоченность автора, – это унаследованное от испанцев недоверие к иностранной торговле (отсюда высокие пошлины) и не преодоленная еще, пусть и дремлющая, нетерпимость церковников к протестантам – обстоятельство, которое может затруднить массовую иммиграцию в страну.

Вскоре вышла в свет уже развернутая статья Спаркса о Великой Колумбии[1229]. Спаркс не жалел эпитетов, рисуя блистательное будущее страны, с ее талантливыми политиками и военными и справедливыми законами. В отличие от многих североамериканцев, Спаркс поддерживает Боливара в его централизме, считая такую систему более подходящей для Колумбии, чем федеральная. В общем, в Колумбии «просвещенный государственный муж найдет воплощенными свои самые смелые надежды». Налицо «марш улучшений» в «социальном, интеллектуальном и политическом состоянии» народа, скорость которого нельзя было предугадать, если помнить о наследии «бесстыдной» и «разрушительной» тирании. Вдали от держав Священного союза Колумбия, подчеркивает Спаркс, продолжает удачный «эксперимент», начатый Соединенными Штатами, которым удалось наглядно решить «великую задачу политики», доказав, что люди в отдельно взятом обществе способны управлять собой[1230].

Следующая программная статья Спаркса на латиноамериканскую тему была посвящена горнорудному делу в Мексике. Выдержки из нее были даже перепечатаны в “National Intelligencer”[1231]. Спаркс к тому времени уже опубликовал обзор на тему книги Пойнсета, где доказывал, что Мексика «в не столь

отдаленное время» займет «видное место среди наций земли. Безусловно, перспективы Мексики никогда не были столь благоприятны, как сейчас»[1232]. За несколько месяцев после публикации той статьи оптимизм Спаркса не только не ослаб, но скорее лишь усилился.

Понимая, что горнорудная промышленность – дело первостепенной важности для Мексики, Спаркс соглашался с влиятельным Лукасом Аламаном в необходимости понижать пошлины на вывоз драгоценных металлов, поощряя тем самым их производство. А приток денег в горнодобывающие регионы потянет за собой экономический рост их округи и всей страны в целом. Спаркс особо отметил усилия, которые мексиканское правительство прикладывает в восстановлении и развитии образования, архивного и музейного дела, промышленности[1233].

Статья выдержана в столь хвалебном тоне в отношении выходца из богатой горнодобывающей семьи Лукаса Аламана, что немудрено, что он сам назвал ее «великолепной»[1234]. Итак, свободная торговля в антимеркантилистском духе Адама Смита – вот идеал Спаркса, его рецепт для Латинской Америки. Он утверждал, что с провозглашением свободной торговли цены на иностранные товары упали вдвое, но не задумывался, как это могло сказаться на местной промышленности.

После некоторых сомнений 1824 г. Спаркс проникся особенным уважением к мексиканскому федерализму. Под руководством «мудрой администрации», писал он, федеративный эксперимент идет с «триумфальным успехом», законотворчество развивается «гармонично и рассудительно». Люди «осознали, ценят и пользуются» завоеванным правом голоса[1235].

Статьи Спаркса 1824 – начала 1826 гг. составляют, по сути, единое произведение, порою с текстовыми повторами. Его общий смысл очевиден: молодым южноамериканским государствам удается повторить удачный эксперимент Соединенных Штатов по созданию больших дееспособных республик. Даже тяжелое (по мнению Спаркса) испанское наследие получается преодолеть намного быстрее, чем можно было предполагать. Следовательно, эксперимент становится теорией – устойчивая республика осуществима, народ в состоянии сам управлять своей судьбой. Важную роль в этом успехе играет географическая отдаленность молодого освобожденного Нового Света от старой деспотической Европы: «Воздух Америки не таков, чтобы им вольно дышали короли и императоры»[1236].

Изучение этих статей показывает, что чтение Спаркса не ограничивалось лишь трудами по истории революции и «обязательными» Гумбольдтом, Депоном, Уолтоном. Автор

проработал и другой ключевой для понимания Испанской Америки корпус текстов по истории завоевания и управления колониями[1237].

Тем временем связи Спаркса в Латинской Америке ширились. Когда после долгого ожидания, наконец, был назначен посланник в Мехико, Спаркс, естественно, обратился за материалами и к нему, приветствуя «начало дружественных отношений между двумя нациями, которым суждено войти в число наиболее могущественных на земле». Переписку с Пойнсетом наладить было проще, ведь он был подписчиком журнала[1238]. Настоящим подарком для редактора “North American Review” стало назначение в Лиму бостонского интеллектуала и основателя журнала Уильяма Тюдора[1239]. Коллега Спаркса, издатель филадельфийской “National Gazette” Роберт Уолш помогал получить газеты Боготы и Каракаса через колумбийского консула Хосе Леандро Паласиоса (ок. 1782–1836) и британского посланника Воэна[1240].

Почти в каждом своем письме дипломатам США Спаркс повторяет просьбу о текстах для журнала. Спаркс мечтал и о статьях от самих латиноамериканских политиков и журналистов, заочное знакомство с которыми он завязал через посредство североамериканских представителей. С сентября 1825 г. он обращался к министру иностранных и внутренних дел Мексики Аламану, поверенному в делах Великой Колумбии в Чили (и чилийцу по рождению), видному просветителю Мануэлю де Салусу (1754–1841), колумбийскому министру внутренних (с 1827 г. – иностранных) дел Хосе Мануэлю Рестрепо (1781–1863), посланнику Буэнос-Айреса в США (затем – министру иностранных дел), выпускнику медицинской школы Мэрилендского университета Мануэлю

Морено, издателю выходившего в Боготе на испанском и английском языках “El Constitucional” Леандро де Миранде (1803–1886). С тремя последними у редактора завязалась по-настоящему интересная переписка. Хотя ни один государственный деятель Латинской Америки не откликнулся на просьбы Спаркса о статье, в обмен на бостонский журнал они любезно присылали ему нужные источники – периодические издания, памфлеты, другие сочинения по истории революции.

В письмах как дипломатам США, так и латиноамериканцам Спаркс прямо заявлял о своих целях – сделать “North American Review” «двигателем знания» (vehicle of intelligence) по истории революции и внутренним делам молодых государств, всюду повторял, что журнал является их «твердым и пылким сторонником», подчеркивал единство интересов Северной и

Южной Америки. Увы, из-за невежества журналистов, отсутствия источников, предвзятости корреспондентов – «суперкарго или разочарованных авантюристов» – «все наше знание о Южной Америке разрозненно, сбивчиво и несовершенно». Отсюда насущная необходимость исправить положение силами лучшего и самого читаемого североамериканского журнала[1241].

Спаркс думал поддерживать постоянную связь по меньшей мере с одним корреспондентом в каждой из бывших колоний Испании. Им двигала просветительская вера в мощь мнения: «Чем больше мы распространяем знание, тем быстрее исчезнет предубеждение и тем скорее укрепится империя свободы и правды»[1242]. В целом, по собственному признанию Спаркса, особенную помощь оказали Аллен, Андерсон, Пойнсет, а также Мануэль Морено, Рестрепо, Аламан[1243].

Очевидно, что найти надежного корреспондента в каждой стране посредством почти всегда политически ангажированных и зачастую неопытных североамериканских дипломатов, было порой непросто. Так, посланник в Чили Хеман Аллен сперва рекомендовал Спарксу упомянутого нами Мануэля де Саласа. Но вот уже в следующем письме Аллен, извиняясь, сообщает, что Салас принадлежит к «антилиберальной или аристократической партии», о чем он, видите ли, сперва не догадывался. Аллен быстро разочаровался в способностях чилийцев: «Народ этой страны столь ленив и бездействен, что я не верю, что Вы найдете среди них пунктуальных или интересных корреспондентов». Посланник отмечал «общее отсутствие склонности народа этой страны к любому усилию, телесному или умственному, а особенно последнему»[1244]. Явно неполная картина складывалась у Спаркса о положении в Мексике: Пойнсет передавал материалы, исходившие от федералистов-йоркинос, в том числе газету “El Aguila Mexicana”, и не слал источники от своих врагов из партии эскосесес[1245].

Порой Спаркс наверняка испытывал сомнения в отношении профессиональных качеств официальных представителей родной страны. Так, консул в Гватемале Уильям Филипс с удовольствием выслал некоторые материалы, намеревался написать статью, однако его черно-белое видение происходящего выглядело пародией на республиканизм. Консул представлял первого президента Центральной Америки Педро Молину Масарьегоса (1777–1854) «прославленным», «твердым неподкупным патриотом чистой воды, стойким республиканцем, решительным федералистом, либералом», а в его противники записывал монахов и знать – «худшее из всех проклятий» (curse of all curses), «вонючую хитрую (felid) отвратительную аристократию», и

«*централистов*, в одном шаге от монархии». Не забыл консул и пожаловаться на потерю 3500 долларов в крахе очередного проекта трансокеанского канала[1246].

Спаркс понимал, что обзавестись широким кругом подписчиков в Латинской Америке ему не удастся. Все же он верил, что поступление хотя бы одного экземпляра своего журнала в столицы новых республик послужит укреплению связей между странами Западного полушария. Наконец, интерес к журналу вполне могут проявить находящиеся в новых государствах североамериканские граждане, в первую очередь, купцы[1247]. Здесь он был прав: Тюдор, например, писал, что на распространение “North American Review” в Лиме можно надеяться разве что лет через десять, однако ему удалось поместить журнал в читальный зал, подписчиками которого были 40–50 английских и американских коммерсантов. Наконец, на издание подписался известный перуанский политик Мануэль Видаурре[1248]. На несколько читателей в Боготе надеялся посланник Ричард Андерсон[1249].

Усилия Спаркса уговорить дипломатов США писать для журнала увенчались успехом лишь в одном случае – статью о колумбийской конституции написал Андерсон. Спаркс лично познакомился с посланником в Бостоне, во время его короткого отпуска. Редактору понравился ход рассуждений Андерсона о колумбийской конституции, и он решил заказать ему статью на эту тему, подчеркивая важность начинания не только для Колумбии и США, но и «для общих интересов политической науки». По мысли Спаркса, на 20–40 страницах Андерсон должен был изложить краткую историю конституции, взгляды ее создателей, ее принципы, сравнительный взгляд на федерализм и централизм, сопоставить системы Колумбии и США, и наконец, сделать вывод об успехе конституции[1250]. Очевидно, статья должна была выразить тогдашнюю идею Спаркса, что гармоничное республиканское правление возможно и при централизованной системе власти, что успешно работающий в США федерализм – необязательно панацея для молодых государств Юга.

Увы, письмо Спаркса дошло в Боготу до возвращения туда Андерсона в январе 1826 г. и успело затеряться, а секретарь миссии Уоттс помнил только просьбу Спаркса о статье, но не предложенный им план. Так что Андерсон написал текст самостоятельно, благо, что к тому времени он уже довольно долго размышлял о написании книги про Колумбию, набрасывал разные эссе[1251]. Андерсон рассматривал эту статью как эксперимент – удача сподвигнет его продолжать литературные

упражнения, провал заставит навсегда забыть о них[1252]. Спаркс счел статью «превосходной, но слишком длинной и небрежно сочиненной» и отдал ее в печать лишь после коренной редакторской правки, которая заняла три дня[1253].

Безусловно, ни о каком влиянии журнала в самой Латинской Америке говорить не приходилось. В архиве Спаркса, впрочем, сохранилась статья о деятельности “North American Review”, написанная его другом Куби и Солером для органа мексиканских йоркинос “Aguila”. Опубликованный в самый разгар обострения межпартийных противоречий и связанных с Пойнсетом скандалов, этот текст очевидно мог быть воспринят современниками как одно из бесчисленных просевероамериканских высказываний йоркинос. Автор утверждает, что процветание Мексики связано со следованием «верным идеям Соединенных Штатов», превозносит «блестящую карьеру, таланты и добродетели» Пойнсета[1254].

Первые сведения о строительстве республиканских институтов в Латинской Америке, подготовка Панамского конгресса наполняли сознание Спаркса оптимизмом. Боливаровский военный триумф внушал надежду и гордость: Аякучо – вот «…слово, которое навеки будет ненавистно (gall and wormwood) всем врагам свободы в Старом Свете. На равнинах Аякучо была окончательно уничтожена гибнущая надежда тирании в Америке»[1255].

Самые лучшие чувства внушали политики молодых государств, такие как, например, «один из наиболее просвещенных государственных мужей юга»[1256] Аламан с «его талантами, его патриотизмом и его действенным пылом в деле общего улучшения». Крайне обнадеживающие сведения о Великой Колумбии предоставил гостивший дома Андерсон. «Короче, Южная Америка стала в наше время политическим чудом.

Чудеса происходят там, где ни один человек не решился бы предсказать это 15 лет назад. Самый горячий друг свободных институтов не мог предвидеть образы, столь яркие, как сама реальность. Что свободные и либеральные правительства могут быть созданы столь быстро, уже поистине чудо», – радостно заключал Спаркс[1257].

Итак, во второй половине 1825 г. энтузиазм Спаркса достиг наивысшей точки: если в своей первой статье о Южной Америке (июль 1824 г.) он считал быстрое построение гармоничных республик в бывших владениях Испании невероятным чудом, теперь он поверил, что это чудо на самом деле произошло. Недаром в письме Тюдору Спаркс писал о «растущей стабильности южноамериканских республик»[1258]. Сомнения

вызывало разве что «печальное положение» Чили[1259].

С восторженными чувствами Спаркс ожидал открытия Панамского конгресса. Всерьез или с долей иронии, но в письме Александру Эверетту он даже намекнул, что мечтал бы на нем присутствовать: «Я все еще не в Южной Америке, и поистине в отчаянии, что не приеду на великий Конгресс в Панаме»[1260]. Редактор радостно отмечал, что сторонниками Панамского конгресса и линии Адамса – Клея являются его знакомые дипломаты – секретарь русского посольства Ю. А. Валленштейн (1790–1843) и посланник Швеции барон Стакельберг[1261].

Статья Спаркса о Панамском конгрессе была опубликована в январском номере журнала[1262] и не могла пройти незамеченной: ее прочли все участники Панамских дебатов и сам государственный секретарь Клей[1263]. Спаркс думал, что во имя общего дела при подготовке этой статьи ему удалось соблюсти требуемую отстраненность и объективность. По его словам, в ней «содержатся лишь несколько намеков, оставлено место для последующего обсуждения»[1264]. С началом Панамских дебатов в Конгрессе Спаркс быстро понял, что его статья принесла больше вреда, чем пользы, предоставив аргументацию противникам присутствия США в Панаме[1265]. Не думая, что этот вопрос вызовет такую яростную оппозицию, он намеренно уклонился от обсуждения политики собственной страны, остановившись лишь на целях латиноамериканских государств. Таким образом, статья не содержала аргументов в пользу участия США в работе конгресса – автор считал его преимущества чересчур очевидными. На некоторое время этот просчет лишь укрепит Спаркса в мысли о необходимости продолжать свой просветительский проект, бороться с невежеством общественного мнения относительно южных соседей[1266].

Сообщив о неудаче со статьей о Панамском конгрессе, только что избранный сенатором от Массачусетса Эдвард Эверетт, находясь, видимо, в упоении от обретенной близости к рычагам власти, довольно прямо предлагал Спарксу стать орудием администрации Адамса: «Не думаю, что, сочиняя в незнании намерений нашего правительства, Вы могли бы лучше справиться с задачей; но пока правительственное ведение дел (Administration of the General Government) вызывает Ваше доверие, Вам следует заранее быть столь хорошо осведомленным (appraised) в средствах агитации, чтобы Ваш январский номер всегда пересчитывал заклепки на доспехах оппозиции, как стрелы лучника в «Айвенго». Я беседовал на эту тему с мистером Клеем и понимаю, что вопрос может быть впоследствии улажен»[1267].

Никакой реакции от Спаркса на такое недвусмысленное

предложение не последовало. Рассчитанный на людей образованных, обеспеченных и чуждых джексоновской риторике, “North American Review”, конечно, поддерживал не только латиноамериканскую политику Адамса – Клея, но и действия кабинета в целом, но стать откровенно партийным органом, подобно “National Journal” Питера Форса (1790–1868), значило бы навсегда разрушить созданную к тому времени высокую репутацию издания. В мае 1826 г. другой сенатор от Массачусетса Дэниел Уэбстер передаст Спарксу желание Клея лично с ним встретиться. Если судить по дневниковой записи, беседа последних носила чисто информативный характер. Клей разъяснил латиноамериканский курс администрации, подчеркивая «безмерную важность установления торговых отношений на принципах совершенной взаимности» (perfect reciprocity), как в договоре с Центральной Америкой, – замечание, которое Спаркс счел весьма ценным[1268].

В целом взгляды Спаркса, включая его убежденное фритредерство, не выделяются особо на общем фоне либерального общественного мнения США. Но среди многих комментаторов он был наиболее знающим, систематичным и внимательным к деталям. Спаркс не являлся также a priori противником централизма, понимая, что федерализм необязательно подходит латиноамериканским государствам. Он одобрял централизм Великой Колумбии и часто высказывал сомнение в прочности мексиканского федерализма, хотя, безусловно, как и большинство североамериканцев, считал федеративное устройство республик наиболее совершенным[1269].

Панамские дебаты еще не закончились, когда Спаркс отправился в свое первое путешествие по южным штатам в поисках архивных материалов по Войне за независимость (22 марта – 7 июля 1826 г.)[1270]. Еще совсем недавно, летом 1823 – весной 1824 гг., он входил в профессию редактора журнала и латиноамериканиста, теперь пришла пора нового горячего увлечения, которому и будет суждено стать главным делом всей его жизни. В ближайшее время Спаркс окончательно потеряет какой-либо интерес к «южным братьям».

Взгляды Спаркса на Латинскую Америку переменились тогда же, когда и у многих его соотечественников. Его энтузиазм достиг пика во время подготовки Панамского конгресса, в конце 1825 – начале 1826 гг. Провал конгресса стал тяжелым ударом для журналиста, переломным событием на пути от восторженного энтузиазма к глубокому и окончательному разочарованию. Этот путь займет всего чуть больше года – от ранней весны 1826 г. до мая 1827 г. Спаркс вложил всю душу в свою статью в поддержку

Панамской встречи, рисковал репутацией, наблюдал, как эту статью используют противники участия США в деятельности конгресса, выдержал отповедь Эдварда Эверетта – только затем, чтобы увидеть провал всего начинания.

Особенно разочаровала Спаркса, как и его коллег Уолша и Найлса, помпезная и отвлеченная вступительная речь перуанского депутата и президента конгресса Мануэля Видаурре. Расстроенный, он писал Александру Эверетту: «Представление дурное; он болтает о Китае, Египте, Греции и Риме, когда должен был бы говорить о новых республиках, их состоянии, правах, интересах, перспективах и намерениях. Если бы кто-нибудь прислал бы мне такую статью о Панаме для журнала, я бы вернул ее как неудовлетворительную». На Панаму обращены глаза всего мира, потому крайне важно было бы открыть его заседания мощной речью, подобной тем, что звучали в Филадельфии в стенах Континентального конгресса. Все же на тот момент Спаркс еще не терял своего конечного «энтузиазма в поддержку Панамского конгресса»[1271].

Составленная Освободителем конституция Боливии стала следующим ударом для Спаркса. Рестрепо сам спросил его мнение о новом основном законе, и Спаркс решил не скрывать своего разочарования[1272]. Отвечая на просьбу, он прямо пишет, что не согласен с нововведениями, что «весь замысел совершенно не одобряют в Соединенных Штатах». Проект конституции, во-первых, «полностью нереалистичен», а во-вторых, попытки претворить его в жизнь оставят народу «лишь тень той свободы, за которую друзья правды, истины и свободы сражались столь тяжело… в последние полвека»[1273]. В этом письме Спаркс сообщал, что работает над статей о Боливийской конституции, и обещал ее нелицеприятный разбор. Видимо, ему было тяжело и неинтересно расставаться с былыми иллюзиями: статья так и не была завершена. Написанный Кашингом обзор конституции Боливии появился в журнале лишь в январском номере 1830 г. – последнем из редактировавшихся Спарксом[1274]. Спаркс подчеркивал, что в боливийском «кодексе» «мало подлинных черт республиканизма» и задавал риторический вопрос, не является ли этот проект порождением тщеславных замыслов самого Боливара, которые «не может одобрить ни один настоящий друг свободы»[1275].

Откровенные письма из Латинской Америки также не добавляли оптимизма. Еще в оптимистическом 1825 году Саласар признавался, что предсказать, сколько продержится Колумбийская конституция, невозможно, «потому что это зависит от обстоятельств, которые нельзя точно предвидеть»[1276].

Корреспонденты Спаркса считали необходимым изложить свое мнение о федеральной системе. Среди его южноамериканских корреспондентов убежденным федералистом был только Мануэль Морено, одобривший заметку Спаркса против централизма правительства Ла-Платы[1277].

Редактор колумбийского «El Constitucional» Леандро де Миранда, сын Предтечи независимости, сомневался в осуществимости федерализма в своей стране: «Мы недостаточно республиканцы для такой красивой системы: большинство великих мужей Революции выросли в военной среде. Главную роль в событиях играл меч, а не перо, но привыкших командовать трудно научить подчиняться. Подобные стихии не приспособлены к созданию Республики, где только совершеннейший порядок во всех частях может обеспечить правильную работу правительственной машины. На ближайшие годы мы должны быть довольны тем, что есть, и хотя на определенное время мы можем больше преуспеть при институтах, которые Вы рекомендуете, стоит ли подвергать опасности наше нынешнее сравнительное благополучие за те достижения, которые мы только *можем* приобрести (we are only by *possibility* might obtain)?

Французы говорят: “Le mieux est souvent lennemi du bien”[1278]; что полностью применимо к нашему нынешнему состоянию»[1279]. В своем ответе Спаркс соглашался с Мирандой, надеясь, впрочем, что через десять лет привычки военных вождей изменятся, и будет открыт «путь для республиканской системы в ее более полном смысле»[1280].

Сторонником централизма был и Рестрепо. В своем ответе он откровенно признал, что федерализм для Великой Колумбии недопустим, что такая система ведет к распаду государства и анархии, что показал опыт 1816 года. Североамериканский пример не всегда можно перенести на чужую почву, бывшие испанские владения отличаются от бывших английских колоний, «как день от ночи» – сото del dia a la noche, – заключал колумбийский министр[1281]. Фраза потрясла Спаркса, находившегося тогда в Маунт-Верноне – усадьбе Вашингтона, и он процитирует ее в своем дневнике и письме Александру Эверетту: «Я полностью согласен с ним [Рестрепо] по крайней мере в одном: из примера Соединенных Штатов нельзя делать никаких выводов относительно потомков испанцев в Южной Америке»[1282].

Письмо Рестрепо окончательно укрепило Спаркса в его подозрениях. Единой истории Америки не существует, потомки англичан и испанцев слишком далеки друг от друга. Увы, последние оказались пока недостойны республиканской формы

правления.

В наиболее полной и яркой форме его новый, скептический взгляд на будущность Латинской Америки выражен в письме Александру Эверетту от 14 мая 1827 г. Одобряя осторожность Эверетта, высказанную им относительно перспектив молодых республик в трактате «Америка», Спаркс писал: «С того времени, как я прочел речь Видаурре на открытии Панамского конгресса, накал моего пыла относительно дел в той стране начал удивительно остывать. Конгресс, который должен был стать величайшим среди когда-либо происходивших политических событий, получился убогим фарсом, недостойным строчки в истории… В один день свобода тихо воссядет в Южной Америке, чтобы мирно править этой землей, но боюсь, что тот день отстоит от нас дальше, чем я когда-то думал». Цитируя Рестрепо, Спаркс указывает, что, обсуждая прогресс Южной Америки, слишком часто забывают о различии между английским и испанским колониальным наследием.

Примечательно, что примерно половина письма посвящена новому увлечению Спаркса – его работе над дипломатической перепиской Вашингтона. Боливар, очевидно, надежд автора не оправдал[1283]. Можно только предполагать, как нелегко Спарксу было признаться в грустной правоте Александра Эверетта – давнего скептика в отношении Латинской Америки, перед которым редактор “North American Review” никогда не скрывал своего подчас наивного оптимизма.

Последней статьей Спаркса на латиноамериканскую тему стал обзор книги английского путешественника по Ла-Плате и Чили, опубликованный в апрельском номере 1827 г. Отмечая, что «цепи рабства разбиты, учреждены свободные правительства», автор утверждает: испанские «гордость и предубеждение», недоверие к иностранцам, неоправданно высокие пошлины и система монополий мешают внешней торговле, а значит, экономическому развитию страны. Но внешней торговле не способствуют также и скудная емкость чилийского рынка, и приверженность народа старым привычкам. Спаркс не хотел завершать статью на грустной ноте и заметил, что «здоровые перемены идут медленно и постепенно», но в серьезных реформах нуждаются не только торговая система, но и политические и гражданские институты Чили[1284]. Чуда не вышло, и Спаркс с трудом мог скрыть разочарование.

Еще совсем недавно Спаркс с нетерпением ждал выхода книги Рестрепо о колумбийской революции[1285]. Когда же она, наконец, вышла в 1827 г.[1286], редактор не проявил к ней ни малейшего интереса, без комментариев передав ее для обзора

другому автору. Друзья продолжали слать Спарксу известия о Латинской Америке, обычно одну печальнее другой.

Выяснилось, что даже наиболее просвещенная (федералистская!) Мексика, в чьи успехи Спаркс верил еще в начале 1827 г.[1287], тонет в трясине междоусобных неурядиц[1288]. Погрязший в скандалах Пойнсет жаловался на «ревнивый и подозрительный характер» мексиканцев и, по своей привычке, пускался в широкие пессимистические обобщения: «Тремя коренными пороками испанского характера в Европе и Америке являются лень (idleness), невежество… и подозрительность»[1289].

К лету 1827 г. относятся последние письма Спаркса в связи с его латиноамериканским проектом. Он просит корреспондентов продолжать присылать материалы, более того, отметил относительный успех замысла[1290]. Впрочем, по косвенному признанию самого Спаркса несколько лет упорных штудий не внесли ясность в его понимание Латинской Америки. Его письмо Пойнсету весны 1828 г. чем-то похоже на первые письма дипломатам в 1823 г.: Спаркс вновь говорит об ограниченности сведений о Мексике, признается в своем «невежестве» относительно политики этой страны, а главное – не может понять, почему масонство стало там столь взрывоопасной политической темой[1291]. Да, рациональному унитарию Спарксу так и не удалось расколдовать запутанный мир южных соседей!

К тому времени изменилось и отношение Спаркса к самому журналу – все больше времени отнимали занятия историей Войны за независимость[1292]. После исследовательских поездок по США 1826 и 1827 гг. настала очередь европейских туров 1828 и 1829 гг. В его отсутствие “North American Review” редактировали давно связанные с журналом Фредерик Грэй, Джон Пэлфри, Чарльз Фолсом.

Но с падением интереса самого Спаркса к «южным братьям» да и журналу в целом его проект не закончился. Он продолжал получать редкие материалы со всех концов Испанской Америки, которыми нужно было с толком распорядиться. Еще в 1825 г. Спарксу удалось заразить своим энтузиазмом молодого гарвардского выпускника, юриста и политика, мэра Ньюберипорта (Массачусетс) Калеба Кашинга, которому чудом удавалось сочетать литературную деятельность с политической борьбой[1293]. Его увлечение испанским языком и культурой явно соответствовало тогдашней моде в среде образованных бостонцев[1294].

Перу Кашинга принадлежат солидные, основанные на широком круге присланных Спарксом источников статьи о

Христофоре Колумбе[1295] и освоении Нового Света[1296], восстаниях Тупака Амару[1297] и Паэса[1298], о Мексике[1299] и Гватемале[1300], наконец, о Боливаре и его конституции[1301].

Кашинг вслед за Спарксом критикует протекционизм и систему монополий (в Центральной Америке – на табак и порох) не только гватемальского, но и всех латиноамериканских правительств, считая подобные принципы «в корне ошибочными». «Живительный дух свободы» может преобразить Центральную Америку, сделает ее средоточием торговли двух океанов, но для этого нужно преодолеть и это экономическое невежество[1302].

Сочетая в себе добротное изложение фактов со стремлением вдуматься в смысл событий, статьи Кашинга достойно соответствовали высокому уровню журнала, хотя никогда, в отличие от многих статей Спаркса, не становились событием в литературно-политической жизни США. Впрочем, благодаря природной новоанглийской сдержанности, Кашингу удавалось избежать той желчи разочарования, который столь часто определял тон статей о Латинской Америке в конце 1820-х гг.

Сотрудничество Кашинга с “North American Review” завершилось летом 1829 г., когда он отправился в европейское путешествие. Перед выездом ему пришлось спешно возвращать Спарксу задержанные им по разным причинам латиноамериканские материалы. Их список доказывает интенсивность связей: у Кашинга скопилось почти три десятка книг, памфлетов и газетных подборок от Спаркса, включая подшивки “Gaceta de Colombia” и “Conductor” (Богота), “Patriota de Guayaquil”, разрозненные номера чилийских газет, переписку Сантандера и Паэса, разнообразные правительственные отчеты и законодательные документы[1303]. С отъездом Кашинга в Старый Свет латиноамериканский проект “North American Review”, по сути, прекратил свое существование. В марте 1830 г. Спаркс сложил с себя редакторские полномочия и продал свою долю в журнале.

Окончательно разочаровавшись в эксперименте «южных братьев», Спаркс с чистой совестью мог обратить все свои силы на изучение Войны за независимость США. Он повернул от революции, принесшей хаос, к революции, давшей процветание и стабильность, от Боливара к Вашингтону. Спаркс мечтал быть республиканским летописцем Западного полушария, но в итоге воспевал лишь часть его северной половины.

Следует обратить внимание на еще одно, весьма существенное обстоятельство: с самого начала Спаркс мыслил свой замысел предельно широко, стремясь наладить связи со всеми уголками Латинской Америки, за одним лишь, однако

огромным исключением – монархической Бразилии. О бывшем португальском владении за годы редакторства Спаркса журнал не опубликовал ни одной заметки, сам Спаркс даже не пытался завязать переписку с Рио-де-Жанейро. Не означает ли это, что Спаркс ценил в Латинской Америке лишь ее революционный республиканский эксперимент, а не иберийскую культуру в широком смысле слова, а стало быть, монархия Нового Света теряла для него всякий интерес? Недаром же, надеясь на свержение Педру I, он считал, что бразильская система представляет лишь «своего рода аномальную независимость»[1304].

Оговоримся, Спаркс не считал, что наследники Испании органически неспособны к «разумной свободе» – подобного рода расовые взгляды были ему чужды. Даже в наиболее мрачном письме Александру Эверетту от 14 мая 1827 г. Спаркс не терял надежды, что свобода когда-нибудь воцарится в южных республиках, пусть это произойдет и через много лет. Не врожденные качества, а печальное историческое наследие испанского колониализма препятствовало, на его взгляд, развитию Латинской Америки по благословенному пути северного соседа.

Впереди Спаркса ждала долгая плодотворная жизнь: он станет пионером биографического жанра и публикации исторических источников в США, первым профессором истории в Гарварде, а затем президентом этого университета. Но про Латинскую Америку он больше не вспоминал. Если судить по каталогу его библиотеки, после 1820-х гг. Спаркс прекратил покупать книги на эту тему. Кажется, единственным его приобретением в последующие 30 лет станут две карты Мексики 1847 года да две карты Центральной Америки (1852, 1856)[1305]. Спаркс стал, перефразируя оборот Ральфа Уолдо Эмерсона (1803–1882), «американским ученым», но его Америка не выходила за рамки собственной страны. «Новая история Америки» Спаркса в итоге включила Вашингтона, Франклина, дипломатические документы Американской революции, в общем, была историей Соединенных Штатов. В 1820-е гг. Спаркс опережал свое время: к мысли о единстве американской истории, так называемой Большой Америке (Greater America), вернется уже в 1920-е гг. пионер латиноамериканистики в США Герберт Юджин Болтон (1870–1953).

«Вашингтон» или «Бонапарт» Юга? Боливар в глазах североамериканцев

Борьба Испанской Америки за независимость неотделима от личности Симона Боливара. Не сразу, примерно с 1821–1823 гг. из всех вождей повстанцев именно Боливар становится для североамериканцев «Вашингтоном Юга». Следствием метафоры «Боливар – Вашингтон» служит, на наш взгляд, отождествление Освободителя со всей революцией Испанской Америки. Примерно в 1825 г. в нем повсеместно начинают видеть не одного из генералов, а образ самой революции, которая также обретает человеческий облик, – ее олицетворением стал Боливар. Такое отождествление, очевидно, представляет собой мощный психологический механизм, рождающий симпатию к молодым республикам Нового Света. Намного легче следить и сопереживать поступкам одного человека, нежели пытаться разобраться в хитросплетениях освободительной борьбы. Именно это обстоятельство оправдывает данный анализ: перипетии в отношении североамериканцев к Освободителю в более резкой, порой несколько упрощенной, форме повторяют изменение общественного взгляда на всю Латинскую Америку. Боливар глазами североамериканцев – это своеобразный барометр оценки латиноамериканской революции в целом[1306].

В Латинской Америке сравнение «Боливар – Вашингтон Юга» прозвучало 2 января 1814 г., в день провозглашения Боливара диктатором Венесуэлы[1307]. Североамериканские газеты впервые использовали метафору осенью 1821 г., а в течение 1823 г. она стала расхожим риторическим приемом. Что означает эта метафора? Ее предпосылки очевидны: Боливар, подобно Вашингтону, ведет восстание колоний Нового Света против власти европейской державы, борется за национальную независимость. Это сходство внешнее.

Симон Боливар

Но североамериканцы мечтали видеть и более глубокое подобие: Вашингтон олицетворял восходящие к античности идеалы защиты республики от тирании – отстояв провозглашенную независимость, он перешел от военного труда к гражданскому, а затем, проведя государство через первые испытания и сочтя долг исполненным, вернулся на свою плантацию, ушел в частную жизнь. Таким образом, сравнение с Вашингтоном ведет дальше, к избранному самим Вашингтоном идеалу Цинцинната. Добровольный же отказ от власти является высшей из республиканских добродетелей[1308]. Как и Вашингтон, Боливар заявлял о готовности снять с себя властные полномочия, отпускал на волю своих рабов. Очевидно, сторонники латиноамериканских революционеров стремились закрепить за Боливаром лестное сравнение с первым президентом США. Такое сравнение является также частью более широкого сопоставления двух революций, о котором мы говорили выше.

В 1826 г. североамериканцы готовились встретить 50-летие своей независимости. В связи с этим метафора «Вашингтон – Боливар» приобретала удвоенную мощь: 50-летняя годовщина любого события – всегда последний настоящий юбилей, когда еще живы многие очевидцы, но число их сокращается с каждым днем, и потому значимость подвига чувствуется с особой остротой. Именно в те годы возникают идеи создания музея в вашингтоновском поместье Маунт-Верноне, а Банкер-Хилл был спасен от застройки[1309]. Триумфальное возвращение маркиза де Лафайета и его тур по Соединенным Штатам в 1824–1825 гг. еще больше усилили внимание североамериканцев к наследию Войны за независимость. В той республиканской эйфории имена Вашингтона, Лафайета и Боливара не раз будут звучать вместе.

Пик славы Освободителя приходится на 1825 – начало 1826 гг. Затем после провала Панамского конгресса и усиления центробежных сил в Великой Колумбии Боливар стремительно теряет популярность в либеральных кругах Европы и Америки. Его порой жесткие меры вызывали резкое неодобрение североамериканцев. Боливар по-прежнему олицетворял собою латиноамериканскую революцию, но Освободителя считали уже не Вашингтоном Юга, а эпигоном Бонапарта[1310]. Таким образом, разочарование в Боливаре и пессимизм в отношении всей Латинской Америки питали и взаимно усиливали друг друга.

Метафора «Вашингтон – Боливар» складывалась постепенно. Североамериканцы будто бы искали, кто заслуживает такого почетного сравнения. Так, на праздновании 4 июля 1817 г. в Саванне (Джорджия) звучал тост: «За Южную Америку. Пусть ей достанутся Вашингтон – вести армии к победе и независимости, и

Джефферсон – дать ей гражданское правление…»[1311]. В следующем году в Нью-Йорке провозглашали пожелание, чтобы у «патриотов» был «Вашингтон во главе, или больше Сан-Мартинов». О Вашингтоне для патриотов мечтали и национальные гвардейцы Цинциннати (Огайо)[1312]. Наконец, когда после победы в Чили Сан-Мартин передал власть О'Хиггинсу, восторженный газетчик писал, что карьерой генерала руководит «свет прославленного героя, которого он избрал образцом для подражания (model), – бессмертного Вашингтона»[1313]. Брэкенридж в своем памфлете 1817 г. Вашингтоном Южной Америки также считал не Боливара, а Сан-Мартина[1314]. Газета Бэптиса Ирвайна употребила такой эпитет по отношению к уругвайскому генералу Артигасу[1315]. В 1819 г. Уильям Дуэйн писал о вождях южноамериканской революции (во множественном числе, но имен не называя!), благородно стремящихся подражать Вашингтону[1316]. Наконец, в том же году этого сравнения, видимо, впервые удостоился Боливар – на английском языке, но в венесуэльской революционной газете. Британский офицер писал, что «Боливар столь же заслуживает благодарности своей страны и восхищения всего мира, как сам Вашингтон – и подобно ему, Боливара будут почитать при жизни, а память его останется бессмертной»[1317].

Только в 1817 г. англоязычный читатель впервые мог прочесть довольно подробные биографические сведения о Боливаре[1318]. Порой он удостаивался благожелательного комментария, но не более того. В самом начале нового похода против испанцев, "Columbian Centinel" замечал: «Каковы бы ни были заслуги Боливара – *настоящего патриота и храброго человека* (курсив мой – А. И.), его экспедиция, вероятно, не увенчается успехом»[1319]. Об ожесточенных боях в Испанской Вест-Индии в США поступали противоречивые донесения как патриотов, так и роялистов. Об одной и той же битве на карибском острове Маргарита в одном номере газеты порой публиковались полярно противоположные донесения[1320]. Южанин Пойнсет считал необходимым выяснить, каковы связи венесуэльского главнокомандующего с властями Гаити и сколько негров служит в его армии[1321]. Подчеркнем, что Боливар рассматривался в это время лишь как один из наиболее заметных среди других латиноамериканских военачальников, но не как мыслитель или политик[1322].

Видимо, первым североамериканцем, лично встретившимся и говорившим с генералом Боливаром, был «особый агент» Бэптис Ирвайн. Он пробыл в Новой Гранаде вторую половину 1818 – начало 1819 гг., пытаясь добиться возмещения убытков за захват

каперами повстанцев двух кораблей США. Именно Ирвайну довелось стать единственным гостем из Соединенных Штатов (и одним из всего двух иностранцев) на Ангостурском конгрессе. После первой встречи он был очарован Боливаром как человеком «либеральных принципов», блестящим и красноречивым собеседником[1323]. Но первые сомнения в герое появляются уже через месяц, когда агент заметил «испепеляющее тщеславие» генерала.

Ирвайн считал замыслы Боливара дон-кихотскими и утверждал, что любые перемены приведут к лучшему, хотя страна уже понесла трудно поправимый урон: «Правление Диктатора вызвало неурядицы (disorders), для исправления которых потребуются долгие годы и огромные усилия. Он может хвастать, что уничтожил репутацию и доверие к своей стране, и обрел врагов вместо друзей. Он может хвастать, что разрушил или никогда не развивал ее ресурсы и превратил плантации в пустыню, особенно в Миссиях; и он действительно может хвалиться, что не раз подавал губительные примеры безнравственности. Его речи и прокламации либо прямо лживы, либо так построены, чтобы нести много недомолвок и обмана». «Раскол» (Dissimulation) и «дух интриги» Ирвайн называл среди «ведущих черт» «главного шарлатана». «Без какого-либо военного образования он подражает языку Наполеона, без луча подлинного политического знания или намека на нравственность он обезьянничает стиль и (говорят) претендует на характер Вашингтона»[1324]. Плохое впечатление не смог загладить даже Ангостурский конгресс, идея и ход проведения которого вызвали очевидное одобрение Ирвайна[1325].

Заметим, что взгляды Ирвайна не получили никакого распространения в периодической печати и не могли повлиять на восприятие Боливара североамериканской публикой. Примечательно, однако, что всего за несколько месяцев балтиморский журналист прошел ровно тот же путь, какой предстоит пройти общественному мнению США за несколько лет, – от восхищения Боливаром – борцом за свободу, до ненависти к Боливару – военному диктатору. Безусловно, неглубокий и неуравновешенный Ирвайн не вдумывался в характер Освободителя, а лишь пользовался уже сложившимися готовыми либерально-республиканскими клише.

Как раз во время проведения Ангостурского конгресса, которому предстояло принять Колумбийскую конституцию, Боливар впервые привлек внимание североамериканцев не только как военачальник, но и как государственный муж. Анонимный корреспондент (с подавляющей долей уверенности – Бэптис

Ирвайн) в целом поддерживал линию Боливара на конгрессе, высказанное им желание сложить с себя властные полномочия, но возражал против замысла пожизненного сената и, по собственному утверждению, не мог легко расстаться с былой враждой к Боливару «как человеку неумеренного тщеславия и плохому руководителю»[1326].

Другой корреспондент, очевидно, капеллан миссии коммодора Перри (целью ее было наладить связи с революционерами и противодействовать каперству) Джон Хэмблтон утверждал, что «абсолютный диктатор» Боливар ставит свою волю выше закона[1327]. Примечательно, что никто пока не обратил внимание на централистские взгляды Боливара, считавшего федерализм США нежизнеспособным в Южной Америке[1328]. В целом оценка Боливара и его военных успехов в Колумбии и Венесуэле отдельными изданиями зависела от их взглядов на Латинскую Америку в целом – так, “National Intelligencer” был скорее оптимистичен[1329], а “Columbian Centinel” недоверчив[1330]. Критик «идеи Западного полушария» Эдвард Эверетт, подчеркивая различия испанской и англо-саксонской политических культур, писал, что никакие усилия не смогут сделать из Боливара Вашингтона – метафора появилась, но пока в отрицательном смысле[1331].

Газеты широко перепечатывали прокламации Боливара, полученные либо прямо через корреспондентов, либо через периодику революционеров или через вест-индские издания, такие как британский “Jamaica Courant” или голландский “Сига £ao Courant” Публикуя, например, обращение Боливара от 14 октября 1820 г., редакторы отмечали, что оно – «продукт широкого ума, дышит миром и доброй волей даже к врагам страны, но в тоже время смело утверждает независимость и решимость отстаивать ее наперекор всем препятствиям»[1332].

Именно к концу 1821 г. относится примечательное событие: Уильям Дуэйн, видимо, впервые в североамериканской прессе сравнил Боливара с Вашингтоном – он заслужил такое сравнение, когда после победы при Карабобо объявил на Кукутском конгрессе об отказе от власти[1333]. Совсем скоро, когда до США дойдет весть об отказе Боливара от жалованья, сравнение повторят многие газеты, даже обычно скептический “Columbian Centinel”. «Часто замечают», писало бостонское издание, «что *патриотический вождь* революционеров Испанской Америки всегда считал примером для подражания великого *патриотического вождя* Северной Америки». Отказ от жалованья показывает, как верен Боливар своему идеалу. Найлс замечает, что «Боливар дельно воспроизводит славнейшие (most illustrious)

черты характера нашего Вашингтона». Если Боливар будет «стойким до конца», он заслужит честь называться «отцом своей страны»[1334]. Журналист, правда, не сразу решился поместить Боливара рядом с первым президентом США, отмечая, что его поступки на пути восстановления прав свободного народа превосходят подвиги всех патриотов, кроме разве самого Вашингтона[1335]. Но затем тон Найлса становится увереннее, и осенью 1822 г. он уже смело утверждает, что Боливар достоин стоять наравне с Вашингтоном «как копия великого оригинала». Гражданские таланты этого героя не уступают военным: «Он точно является самым прославленным солдатом *и* государственным мужем нашего времени»[1336].

«Война не на жизнь, а на смерть» (guerra a muerte) на территории Новой Гранады и Венесуэлы укрепила славу Освободителя. Наконец, судьбоносное, как выяснится впоследствии, свидание Боливара с Сан-Мартином в Гуаякиле 26–27 июля 1822 г. окончательно определит, кому уготована честь стать «Вашингтоном Юга». Отныне пламенный блестящий Боливар окончательно затмил спокойного и основательного Сан-Мартина, который предпочел отойти от дел и уехать во Францию[1337].

Тосты и декорация республиканских торжеств, о которых широко писала пресса, способствовали закреплению изобретенной метафоры. Еще в конце 1822 г. представитель США в Великой Колумбии полковник Чарльз Тодд (1791–1871) провозглашал на приеме у генерала Карлоса Сублетте (1789–1870) тост, где, словно цитируя Найлса, подчеркивал боливаровское «точное подражание» Вашингтону[1338].

22 февраля 1823 г. в Боготе Тодд устроил праздник в честь дня рождения Вашингтона – все «душевно (heartily) ели и пили за республиканизм». Тосты за Вашингтона *(«северный свет»)* и «прославленного» Боливара пока еще не объединяли воедино[1339].

На балу в честь 4 июля звучали разные здравицы – за Колумбию и США, за Джефферсона, Монро, Клея и Сантандера, но главную провозгласил сам Тодд в присутствии Сантандера – «Память Освободителя Севера, дальнейшие успехи Освободителя Юга»[1340]. Теперь имена Вашингтона и Боливара оказались уже нераздельно связаны.

Наконец, 28 октября 1823 г. в Каракасе торжественно отметили день рождения Боливара, украсив залу портретами венесуэльца и виргинца и провозглашая тост за двух великих героев, «объединенных общей целью»[1341]. Как мы видим, в течение 1823 г. метафора «Боливар – Вашингтон» окончательно

стала риторическим общим местом, не вызывая больше никакого удивления[1342].

Параллельно, в 1821–1823 гг. укреплялась и другая связь – имя Боливара стало стойко связываться с революцией Испанской Америки. Именно в честь Боливара, а не, скажем, Сан-Мартина, энтузиаст Торнтон назвал задуманный им идеальный город, эскиз плана которого датирован 22 апреля 1822 г., то есть еще до «Гуаякильского свидания». Увы, теперь невозможно понять, где именно в Латинской Америке автор хотел реализовать этот классицистический проект[1343]. Любимая внучка Джефферсона Элеанора Кулидж восторженно называла Боливара с его «богоподобным духом» «величайшим героем нашего времени»[1344].

О таком отождествлении Боливара и революции в общественном мнении можно говорить твердо лишь применительно уже к 1825 году, который действительно стал наиболее удачным в жизни Освободителя. Хорошим доказательством этого положения вновь служит анализ тостов. Здравицы в поддержку борьбы Латинской Америки за независимость звучат в Северной Америке по крайней мере с 1816 г., но имя Боливара в них поначалу не упоминалось. В 1825 г. все меняется – тосты за «южных братьев» уступают место здравицам в честь их Освободителя. 1 января 1825 г. на ужине в честь Лафайета в Конгрессе и Сенате США звучали тосты и за Южную Америку, и за «Боливара – Вашингтона Юга»[1345]. Национальные гвардейцы столицы, празднуя 4 июля, уже не упомянули Южную Америку в целом, зато посвятили целых два тоста Боливару, «Вашингтону Юга». На еще одном празднестве в окрестностях Вашингтона вспомнили «Симона Боливара, борца (champion) за Южноамериканскую Свободу»[1346]. День Независимости Лафайет встретил в Олбани, где на прием были приглашены колумбийцы – посланник Хосе Мария Саласар и генерал Мануэль Кортес Кампоманес. Разумеется, в здравицах имя освободителя Южной Америки всегда стояло рядом с именем освободителя северной части полушария. Президент Сената штата Нью-Йорк противопоставил Вашингтона, Боливара и Лафайета Цезарю, Наполеону и Итурбиде. Зал был украшен бюстами Вашингтона и Лафайета, портретами Боливара и губернатора штата Деуитта Клинтона[1347].

На ужине в честь сенатора Джосайи Джонстона (1784–1833) в Новом Орлеане также звучал лишь тост за «Лафайета и Боливара – Вождей-Патриотов в деле всеобщей свободы»[1348]. Боливар был героем не только сторонников администрации, но и ее противников. Тост за «Вашингтона Южной Америки» звучал на

ужине в честь Эндрю Джексона в маленьком кентуккийском Пэрисе наряду со здравицами в честь Джефферсона, Лафайета и сенатора Джонсона, будущего оппонента участия США в Панамском конгрессе[1349]. Такой настрой сохранялся до лета 1826 г.[1350] О Южной Америке ораторы не вспоминали – за весь континент говорило теперь одно имя Боливара.

И еще один яркий пример: из шести населенных пунктов, названных именем Боливара в Соединенных Штатах, четыре были основаны именно в 1825 г.[1351]

Как мы видим, пик славы Боливара в США совпал с американским туром маркиза де Лафайета[1352]. Такое обстоятельство, обострив внимание североамериканцев к ценностям борьбы за свободу, явно способствовало популярности наследника республиканской славы.

Символический образ союза республиканских кумиров – Вашингтона, Лафайета и Боливара – ярче всего отразился в следующем событии. Пасынок Вашингтона Джордж Вашингтон Кастис (1781–1857) приготовил в Маунт-Верноне особые подарки Боливару. Первым была золотая медаль, когда-то преподнесенная городом Вильямсбергом жене первого президента Марте Вашингтон в честь подвигов мужа. Вряд ли можно найти предмет, более наполненный республиканской символикой североамериканского мессианизма. Возле изображенных на медали 13 звезд флага США было начертано “In hoc signo vinces” – «Сим победиши». Другая надпись гласила “Virtute et Labore florent Respublicae” – «Добродетелью и усердием процветают республики». В трактовке Кастиса, «Созвездие Американской Славы явится порабощенным, подобно Константинову Кресту в небесах, запрещая отчаяние и внушая надежду и веру…». А вот после решающей победы (очевидно, под покровительством тринадцати звезд!) и установления республики придет черед «добродетели и усердия». Ведь всем борющимся, чтобы «свергнуть ярмо угнетения, обрести естественные права человечества», необходимы «мудрость и отвага (valor)».

Вторым подарком был медальон с копией знаменитого портрета Вашингтона кисти Стюарта. Изображение окружено римским лавровым венком с надписью “Pater Patriae” – «Отец отчизны». Латинское посвящение гласило: *“Auctoris Libertatis Americanae in Septentrione banc imaginem dat Filius ejus adoptatus. Fill qui gloriam similem in Austro adoptus esf* – «Образ творца американской свободы на севере дарит его приемный сын. Тому, кто подобную славу принял на юге». Прядь волос «патриарха» в медальоне – точно так же, как в перстне Лафайета. Кастис был убежден, что потомки прославят Боливара как «Избавителя

(Deliverer), Вашингтона Юга»[1353].

Итак, в 312 г. Христос явил крест Константину, возвещая создание христианской империи, в 1825 г. американская республика указует Боливару путь империи свободы. Перед нами – законченное воплощение республиканизма как сложившейся «гражданской религии» (civil religion) США со своим ясно очерченным пантеоном, в который, казалось, был принят и Боливар. Сегодня нам трудно понять, насколько значимым казался современникам этот жест приемного сына Вашингтона.

Дары передал колумбийскому посланнику Саласару сам Лафайет[1354]. В сопроводительном письме француз желал удачи «торжественной встрече в Панаме» – этому «славному завершению Ваших трудов». Кастис в письме от 4 июля (!) называл Боливара «Вашингтоном Юга», писал, что подаренная медаль «трепетно хранилась в семье, пока для спасения своей страны не взошел другой Вашингтон, Благодетель Человечества». Получив дары с некоторым запозданием, Боливар ответил Кастису и Лафайету, назвав Вашингтона «прославленным деятелем (promoter) общественной реформы», а Лафайета «гражданином-героем». Когда Лафайет переслал Кастису письмо Освободителя, тот был горд обладать письмами «величайших из ныне живущих людей»[1355].

Ярче всего звучит в этой истории республиканский лейтмотив, но на втором плане постоянно возникает «идея Западного полушария». Кастис желал бы видеть свои дары в «архивах Южноамериканской Свободы», чтобы им могли воздать дань уважения (homage) «все американцы». Боливар в ответе Кастису называл Вашингтона «первым благодетелем колумбова континента».

Североамериканцам явно нравилось символически объединять трех республиканцев-героев – Вашингтона, Лафайета, Боливара. На ужине в честь Лафайета в Цинциннати (Огайо), генерал и сенатор Уильям Гаррисон, обращаясь к нему, сравнил славу маркиза со славой «Вашингтона и Боливара»[1356]. 22 февраля 1825 г., в день рождения Вашингтона, Уильям Тюдор устроил в Лиме ужин в честь Лафайета. В тот вечер Боливар, уже торжественно посетивший утром фрегат военно-морского флота США[1357], очаровал североамериканского консула речью в честь французского героя. Он «полностью понял наши чувства (so fully entered into our feelings)», – писал Тюдор[1358]. Узнав о том приеме, поверенный в делах в Бразилии Конди Рэгет заметил: «Присутствие Боливара, избранный день и повод встречи создают удачную связь идей (a fine association of ideas), которая произведет глубокое впечатление в Соединенных Штатах»[1359].

Тюдор включил Боливара в число почетных членов Bunker Hill Memorial Association[1360].

Веру в Боливара укрепил его очередной отказ от президентства Колумбии[1361]. От «подлинно второго Вашингтона» ждали тогда любых подвигов, например, похода в монархическую Бразилию для защиты Буэнос-Айреса[1362]. Журналы и газеты публиковали весьма точные описания его внешности, выражающей «энергию» и «щедрость», «решительность, предприимчивость, деятельность, гордое нетерпение и упорный, непреклонный дух», отмечали его «здравые и практические взгляды»[1363].

Первый посланник США в Великой Колумбии Ричард Андерсон считал, что если Боливар, «самый знаменитый из ныне живущих» (ведь ни Вашингтона, ни Бонапарта нет в живых) откажется от власти и вернется в Колумбию частным лицом, то станет в ряд самых прославленных деятелей новой истории и будет «справедливо считаться одним из благодетелей рода человеческого»[1364].

Восхищался Боливаром и губернатор Нью-Йорка Деуитт Клинтон: «Каждый шаг поднимает его еще выше в Общественном Мнении этой Страны»[1365]. И хотя обычно скептически настроенный Александр Эверетт опасался, что Боливар и его ближайший сподвижник Антонио Хосе де Сукре (1795–1830) могут изменить своей благородной натуре и «разочаровать надежды всего мира, превратиться не в Вашингтонов, а в Кромвелей и Бонапартов», он все же считал такой ход событий лишь гипотетическим[1366]. В своей книге Эверетт остерегался прежде времени сопоставлять Боливара с Вашингтоном, но верил, что Освободитель справится с искушениями, достойно пройдет через испытания и удалится в частную жизнь, приблизившись к Вашингтону как никто другой из всех героев мировой истории[1367].

Когда ранним летом 1826 г. вышла первая самостоятельная североамериканская работа про революции в испанских колониях, гравюра «неутомимого» «Вашингтона Юга» была помещена на ее шмуцтитуле. Ее автор Джон Милтон Найлс подчеркивал либеральные взгляды Боливара: итогом его образования, европейского путешествия, дружбы с просветителями стало понимание, что *«свобода* – это естественная стихия для человека». Панамский конгресс Найлс считал благороднейшим начинанием «непобедимого солдата свободы», которому история заготовила редкую честь – «он освободил большую часть земли, чем кто-либо когда-то успел поработить» [1368].

Эксцентричный профессор Трансильванского университета

(Кентукки) Константин Рафинеск (1783–1840) готовил двухтомную «Общую историю Америки», где XV столетие называлось «веком Колумба, или открытий», XVI – «веком Кортеса, или завоеваний», XVII – «веком Пенна, или поселений», XVIII – «веком Вашингтона, или независимости», наконец, XIX – «веком Боливара, или освобождения»[1369].

Североамериканцы не были одиноки в своих, пожалуй, чересчур цветистых энкомиях Освободителю. В эти годы Боливара боготворили Веллингтон, Байрон, Бентам, Констан, Гумбольдт, Гете[1370].

Все переменилось буквально в течение нескольких месяцев. К осени 1826 г. в Соединенные Штаты одновременно пришли две вести – о провале Панамского конгресса и о проекте конституции Боливии. Если первая, конечно, вызвала разочарование в первую очередь среди сторонников Латинской Америки, то вторая породила уже целый вал изумленного негодования.

Еще в Ангостуре Боливар отделил свободу общественную от безграничной индивидуальной свободы, которую предлагали просветители в своих абстрактных построениях[1371]. Либерализм и laissez-faire североамериканской модели были ему внутренне чужды. Боливар явно не верил в «равенство возможностей», но считал, что государство должно действенно вмешиваться в защиту равенства подлинного. Со скепсисом относился Освободитель и к попыткам прямого переноса конституционного опыта США на латиноамериканскую почву. Столкнувшись с трудностями государственного строительства в освобожденных странах, Боливар решил создать новый гибрид демократии и монархии. Итогом раздумий Освободителя стал проект Боливийской конституции, составленный им в Лиме в мае 1826 г.: весьма громоздкая конструкция предусматривала четыре ветви власти (четвертая, избирательная, состояла из выборщиков, по одному на 10 граждан), трехпалатный парламент (одна из них – палата цензоров – защищает «мораль, науки, искусство, образование и печать», воздает почести героям и карает самых опасных преступников) и института пожизненного президентства (с правом выбора преемника!)[1372].

Радикально-руссоистская, а не либеральная трактовка равенства, отсутствие имущественного ценза, народный суверенитет сочетались в проекте с чуть ли не монархической властью президента. В целом структура выглядит крайне сложной и вряд ли жизнеспособной. О ее подлинном содержании до сих пор спорят специалисты, причем размах оценок колеблется от патриархального патернализма до революционного якобинства.

Мнение североамериканцев, впрочем, было почти полностью

единодушным: Боливийская конституция есть предательство республиканских принципов и скатывание к абсолютизму. Следует оговорить, что ни аболиционизм Боливара, ни его руссоистские устремления не были замечены североамериканцами, по крайней мере, гласно. Критики конституции обсуждали и осуждали исключительно предложенную в ней модель власти. По мысли Освободителя, полномочия пожизненного президента весьма ограничены, но общественное мнение США единодушно увидело в таком институте шаг к узурпации, тирании и монархии.

Сообщая о принятии Боливийской конституции Гуаякилем, Кито и Панамой, Найлс восклицал: эта конституция «делает *Боливара* диктатором – абсолютным сувереном!». Найлс боится пока делать окончательные выводы, делает скидку на «особые обстоятельства», но не скрывает своей тревоги: Боливар, чье имя должно было войти в историю рядом с Вашингтоном, может оказаться *«предателем свободы»*[1373].

Бостонская газета с удовлетворением сообщала, что чилийцы сформировали федеральное правительство (по образцу североамериканского), «назвали Боливара чудовищем», а аргентинские авторы «высмеяли боливийский кодекс [конституцию]»[1374].

Возможно, крупнейший конституционный теоретик того времени Джеймс Мэдисон передавал Лафайету, что конституция Боливара, «кажется, по своему облику не совсем принадлежит к американской семье». «Я пока не видел деталей; показывает ли она его [Боливара] отступником, либо же народ там, по его мнению, пока еще слишком темен (benighted) для самоуправления – вот в чем может быть вопрос»[1375]. В целом всегда благожелательный к Боливару Калеб Кашинг назвал конституцию «в основных чертах антиреспубликанской, если не абсурдной и неуместной (impolitic)»[1376]. Посланник США в Чили Хеман Аллен, высылая экземпляр конституции, был убежден, что Боливар установит подобный режим также в Перу, Колумбии и Чили и станет «императором» всех этих государств[1377].

Филадельфийский купец Бенджамин Чеу был чуть ли не единственным наблюдателем, отнесшимся к Боливийской конституции если не одобрительно, то хотя бы терпимо. Он верил, несмотря на все, что Боливар никогда «не будет тираном». Недостатком Основного закона Чеу считал лишь его чрезмерную сложность, но пока Боливар у власти, «нация останется республиканской». Ну а после его ухода народ скорее всего упростит запутанную систему[1378].

Характерно, что до 1830 г. в США так и не появилось ни

одного обстоятельного разбора этого политического документа – текст, видимо, показался слишком необычным, даже странным[1379]. Вместо этого разбору подверглась личность его автора.

Зима 1826/1827 гг. – время неопределенности и разногласий в оценке Боливара. Один стереотип уходил, другой еще предстояло выработать. Газетчики публиковали разноречивые заметки. Так, приводя несколько документов антисепаратистской политики Боливара в Кито и Гуаякиле, “Baltimore Gazette” стыдила журналистов, особенно нью-йоркских, за их наветы против Освободителя – те «винили его во всем гнусном и презренном», но в их примерах нет «ни тени правды». Боливара, как всегда, отличают «непоколебимое пристрастие к свободе» и неподдельный патриотизм[1380].

Весной 1827 г. в поддержку Боливара выступил поверенный в делах в Колумбии Бофорт Уоттс. В донесении Клею он подчеркивал «внутреннюю моральную силу в этом человеке», которая «вдохновляет мужество в патриоте»[1381]. На следующий день Уоттс направил письмо Боливару, где, одобряя его действия, заявлял, что без Освободителя в Колумбии «все потеряно»[1382].

Боливар счел это письмо «новым доказательством интереса» США к колумбийским делам и решил его опубликовать[1383]. Новый министр иностранных дел Рестрепо сразу понял, что Уоттсу придется отвечать в Вашингтоне за столь смелое высказывание[1384]. А ведь, естественно, из колумбийских газет письмо попало в североамериканские. Уоттс оправдывался, подчеркивая, что не предназначал письмо к публикации[1385].

Североамериканец даже заручился благожелательным письмом от бывшего министра иностранных дел Великой Колумбии Хосе Рафаэля Ревенги и переслал его Клею[1386]. В защиту Уоттса выступил и сам Боливар[1387]. Клей признал, что именно заступничество спасло Уоттса от сурового выговора за превышение полномочий[1388], но ответ государственного секретаря на послание был весьма обескураживающим. Клей воспользовался возможностью преподать Освободителю урок, так сказать, истинного республиканизма.

Еще недавно главный сторонник «южных братьев» в США, Генри Клей писал в своем единственном письме Боливару, что поддержка Латинской Америки общественным мнением его страны вырастала из «надежды, что вместе с независимостью будут учреждены свободные институты, обеспечивающие благо гражданской вольности». Но ожидания не оправдываются: сохранение большой регулярной армии и авторитарные тенденции Боливара не внушали государственному секретарю

оптимизма[1389]. Итак, история несколько непродуманного выражения поддержки Освободителю завершилась весьма унизительно, напоминая учительский выговор ученику.

Джексоновцы изменили отношение к Боливару уже в ходе Панамских дебатов 1826 г. Свергнув тиранию *«родителя»,* южноамериканские государства должны теперь противостоять узурпации «их отпрыска», – говорили на одном из приемов в Филадельфии[1390].

Деуитт Клинтон был по-прежнему убежден, что образцом для Боливара служит Вашингтон, а не Бонапарт[1391]. В 1827 г. имя Освободителя в последний раз звучит на празднованиях 4 июля. Во Фрэмингеме, штат Массачусетс, наряду с тостом за «Вашингтона и Лафайета», пили за «Боливара, капризную (uncertain) звезду Юга. Пусть он не окажется простым дрожащим огоньком, теряющимся в ровном блеске светила нашего Вашингтона»[1392].

С весны 1827 г. разноголосица оценок уступает место новому стереотипу: Боливар – предатель свободы, изменивший ее целям ради личной власти[1393]. Критика курса Освободителя в прессе молодых государств воспринималась в США с одобрением[1394].

Нельзя, впрочем, считать, что в конце 1820-х гг. Боливара видели исключительно в черном свете. Старый образ еще сохранял определенную силу в североамериканском сознании. Так, только в 1827 г. вышла книга лейтенанта Ричарда Бэйча о путешествии по Великой Колумбии 1822–1823 гг. 14 ноября 1822 г. Бэйч посетил поместье Боливара в Сан-Матео (хозяина в это время, правда, не было) и оставил о нем восторженный отзыв. Боливара-военачальника он сравнивает одновременно и с Фабием Кунктатором, и с Мюратом – когда необходимо, Освободитель выжидает, когда надо – бросается в атаку. Созданный из «алмаза и огня», он привык выносить любые невзгоды, пусть тяготы эти преждевременно состарили революционера. Слава и почести ничуть не изменили Боливара, он остался тем же бескорыстным республиканцем. Его амбиции служат не ему лично, а общему делу.

«Привычно» сравнивая Боливара с Вашингтоном, Бэйч находит в обоих «ту же незаинтересованность, упорство, преданность и любовь к подлинной славе». Но если Вашингтон имел дело с народом, привыкшим к самоуправлению, свободе слова и совести, Боливару пришлось «сражаться с древними и глубоко укорененными предрассудками, встретиться с невежеством, расколом, предательством и тщеславием соперничающих вождей, разделенных широкими просторами страны, не знающих и не доверяющих друг другу», идти на

жестокие меры. Потому мужество первого «пассивно», а второго – «активно». Вашингтон должен был покоряться развитому общественному мнению, Боливар – управляет им, бесстрашно беря всю ответственность за поступки на себя. Власть Вашингтона зиждилась на понимании граждан, Боливар опирается на силу страстей, энтузиазм и силу (“*prestige*”) своего имени[1395]. Впрочем, Бэйч, возможно, писал свой текст раньше, но запоздал с публикацией.

Сторонником Боливара оставался Бенджамин Чеу, веривший в конечную победу республиканизма в Колумбии[1396]. Хвалебную статью о Боливаре в духе тех, что появлялись в 1825 – начале 1826 гг., опубликовал летом 1828 г. “National Intelligencer”. В самых высоких словах автор превозносит не только военный талант Освободителя, но и веротерпимость, любовь к философии и справедливости, бескорыстность, строгое соблюдение закона. Его любят и армия, и народ.

Боливар презирает предложенную ему корону, ведь, приняв ее, станет напоминать Наполеона, а его единственное желание – «звание доброго гражданина»[1397]. Он не был удовлетворен независимостью лишь собственной страны, что сделал Вашингтон, – и потому освободил также Перу и Боливию.

Эта статья неизвестного автора очевидно представляет собой ответ на критику Освободителя. Вот, к примеру, в каких возвышенных словах объясняется жестокость Боливара в ходе войны: «Чувства человека уступают чувствам патриота, и он жертвует филантропию на алтарь необходимости – приняв войну не на жизнь, а на смерть». «Постоянство – его вера, свобода – его надежда», – увенчивает автор образ республиканского героя[1398].

Североамериканское общественное мнение одобрило подавление Боливаром сепаратизма Паэса в Венесуэле. В частности, в поддержку Освободителя высказался Калеб Кашинг в статье для “North American Review”[1399]. Одним из последних автор сравнивает Боливара с Вашингтоном – первый «выступил, чтобы править возмущенными стихиями на Юге», так же как второй правил ими на севере. Кашинг сознательно решил не обсуждать другие действия Боливара, которые вызывали столь бурную реакцию соотечественников[1400].

Во время сочинения статьи Кашинг спрашивал совета редактора журнала, считает ли тот, что Боливар стремится к созданию единого государства Колумбии, Перу и Боливии, чтобы поставить себя пожизненным президентом. «Замышлял ли Боливар, из соображений бесчестной амбиции, создать такое положение вещей, при котором диктатура необходима, или же он действовал исключительно под властью событий вне его

контроля, и он остается подлинным патриотом», – задумывался Кашинг[1401].

Через день после получения письма Спаркс ответил из Маунт-Вернона: «Я не хочу отступать, на шатких основаниях, от человека, который поступал как патриот во многих сложных и тяжелых ситуациях (many tempting and trying scenes), и действительно принес много добра (has really been an instrument of great good) делу свободы в Южной Америке, но в нынешнем положении вещей мое уважение к его характеру сильно ослабло, и я опасаюсь за конечные итоги его деятельности». В письме Александру Эверетту Спаркс назвал недавнего кумира «падающей колонной»[1402].

Если стремление Боливара сохранить единство Великой Колумбии и не допустить отделения Венесуэлы в США поддержали, то его действия против консервативной оппозиции в Перу вызвали единогласное осуждение. В качестве диктатора Перу Боливар пытался навязать стране свою конституцию в духе Боливийской и провести радикальные социально-экономические реформы, направленные в первую очередь на улучшение положения индейцев. И то и другое было не по душе консервативной креольской верхушке.

У США не было прямых интересов в колумбийско-перуанских отношениях, а сведения о крайне непростом для понимания конфликте поступали из довольно ограниченных источников. Неудивительно, что для современников в США протест Перу против планов Боливара и последовавшая война служили поводом для риторических упражнений на тему борьбы гордых граждан против иностранной могущественной деспотии. На короткое время Перу стала для североамериканцев своего рода Польшей Южной Америки – маленьким государством, отстаивающем свободу против большого соседа-тирана. Важную роль в создании такого образа сыграл Уильям Тюдор.

Сперва, впрочем, североамериканская пресса видела в возвращении Боливара в Перу в 1823 г. надежду на «скорое окончание анархии»[1403]. Анонимный корреспондент из Лимы боялся, что если роялистский генерал Хосе де Кантерак (1787–1835) победит истощенные войска Боливара, независимость Перу окажется под серьезной угрозой[1404].

Найлс восхищался уважением Боливара к индейскому населению: «Великий и добрый Боливар отменил миту в Перу». Если раньше к индейцам и полукровкам, составляющим четыре пятых населения страны, относились «чуть лучше, чем к рабам», то теперь они *«граждане»*[1405]. Самое лучшее впечатление осталось после встречи с Боливаром у морского офицера Хайрема

Полдинга (1797–1878)[1406].

Примерно так же вначале оценивал события и Тюдор: присутствие Боливара «необходимо для спокойствия Перу, [так как] слишком многое указывает, что в его отсутствие фракции разорвут страну». Настрой дипломата меняется лишь весной 1826 г. Сперва это лишь недовольство – Боливар рассматривает «нестройные действия гражданского правительства» как «нарушение военной субординации». Но уже в мае все резко меняется – консул пишет о «глубоком лицемерии» Боливара, столь долго обманывавшем мир. Он войдет в историю как «один из самых низких (groveling) военных узурпаторов». Тюдор сообщал о любви Боливара к «подлому чрезмерному поклонению» и его мстительности – «при малейшей оппозиции он дает волю неограниченному насилию», считал, что Боливар стремится создать государство в границах империи Инков, а то и всей Испанской Америки, подчеркивал его «неумеренное сумасшедшее тщеславие» и суетность[1407]. Видимо, именно Тюдор впервые использовал в связи с Боливаром новое сравнение – с Бонапартом: «Теперь образец генерала Боливара – Наполеон, и его тщеславие столь же безгранично: он стремится быть не только главой Колумбии и двух Перу, но и включить в свои владения Чили и Буэнос-Айрес»[1408].

Особое отвращение Тюдора вызывало стремление Боливара навязать перуанцам боливийскую конституцию «под штыками генерала Сукре». Когда Лима приняла ее и избрала Боливара пожизненным президентом, Тюдор считал это итогом манипуляций его сторонников и контроля военных: «кажется, этот фарс был проделан повсюду, в той же форме и с одинаковым равнодушием»[1409].

Первые сведения о недовольстве перуанцев Боливаром пришли в США осенью 1826 г.[1410] Зимой 1826 г. газеты публиковали письмо из Лимы, автор которого был настроен в высшей степени критически. Он утверждал, что перуанский народ понял истинные – монархические – замыслы Боливара, недоволен присутствием колумбийских войск в стране. «Думаю, нынешнее мнение о Боливаре в Соединенных Штатах и Европе изменится, еще до конца этого года он запятнает великую славу, которую заслужил как бескорыстный патриот, и его перестанут ставить рядом с Вашингтоном как спасителя своей страны», – заключает анонимный автор письма[1411]. Но звучали и другие голоса: “National Intelligencer” говорил о «глубоком сожалении» перуанцев всех сословий об отъезде Боливара, тревожном ожидании опасностей, которые неизбежно грядут в его отсутствие[1412].

Переворот в Лиме 26 января 1827 г., когда в отсутствие Освободителя к власти пришли антиболивариста во главе с генералом Хосе де ла Маром, вызвал поддержку североамериканской прессы и дипломатов. Еще в самом конце 1826 г. Тюдор отмечал недовольство многих размещенных в Перу колумбийских офицеров[1413].

Тюдор явно ждал переворота и радовался ему. Высылая Спарксу составленную Боливаром новую конституцию Перу, он боялся перлюстрации и писал эзоповым языком: «Маска, впрочем, спадет с главного жонглера…». Уже после смены власти Тюдор, используя полюбившееся сравнение, сообщал своему шурину коммодору Стюарту, что «рад, что оставался [в Перу] достаточно долго, чтобы увидеть, как были разгромлены планы беспринципного узурпатора, и надеяться, что его замыслы разбиты навсегда, а характер предстанет перед миром без маски (will be fully unmasked to the world)»[1414]. Спарксу тоже пришелся по душе придуманный Тюдором образ. Ссылаясь на полученное письмо, журналист считал перуанскую конституцию «абсурдной» и заключал: «С главного мага сорвана маска»[1415].

В апреле 1827 г. Тюдор предсказывал «вероятный конец через несколько месяцев конституции Боливара и его самого – и то и другое держалось на диктате штыка». Был бы Боливар «честным человеком», считал Тюдор, он вернулся бы в Колумбию после победы при Аякучо, обретя истинную славу. В итоге же генерал погубил обе страны[1416].

Возможно, именно Уильям Тюдор был автором опубликованных в “National Intelligencer” писем, где утверждалось, что перуанцы свергли «иго Боливара» «без малейшего беспорядка или кровопролития»[1417]. Цитируя газеты Лимы, пресса США называла боливаровскую конституцию Перу «ненавистной (odious) народу»[1418].

Переломить новый настрой было уже невозможно. Секретарь посольства в Мексике Эдвард Тэйло сообщал своему брату о перуанской «счастливой и бескровной революции», уничтожившей «злые планы» и «порочные семена» военного деспотизма. На смену образу Вашингтона Юга пришло определение «эпигон Наполеона». Тэйло, сравнивал централизм Колумбии с бонапартистской Францией – это лишь «иное имя для военного деспотизма». Первый, впрочем, «еще более централистский и деспотический». А мир еще называл Боливара Вашингтоном! – возмущался дипломат[1419]. «Нашему полушарию Бонапарт не нужен», – писал он, узнав о начале войны Колумбии с Перу[1420].

Освободитель представал теперь в длинном ряду военных

деспотов, «баловней судьбы, кто поднялся к славе на руинах свободы», – Цезарь, Кромвель, Бонапарт, Итурбиде, Боливар. Нельзя вознаграждать военные победы гражданской властью: удачливый генерал поставит себя выше закона, неудачливый – образует мятежную партию[1421]. Кстати, подобный антиармейский настрой шел на руку администрации, боровшейся с притязаниями генерала Эндрю Джексона. Ну а сами джексоновцы не любили Боливара еще со времен Панамских дебатов.

Можно представить, насколько тяжело Освободителю было узнавать о подобных обвинениях. Ведь зрелище коронации Наполеона стало одним из потрясений его юности. И в свои последние годы Боливар настойчиво повторял, что «времена монархий уже прошли»: «Я не Наполеон и быть им не хочу, не желаю подражать и Цезарю, а менее всего – Итурбиде… Титул *Освободителя* выше всех титулов, которые когда-либо были пожалованы за доблесть человеческую»[1422].

Окончательным ударом по репутации Боливара в США стали его разногласия со сторонником федерализма и либерализма в североамериканском духе вице-президентом Колумбии Франсиско Сантандером. На смену составленной под влиянием Основного закона США Кукутской конституции Боливар предложил свой проект, который, по мнению североамериканских журналистов, «очень слабо напоминал республиканскую систему». В их глазах Боливар окончательно стал деспотом, и единственная надежда состоит в том, что деспотизм его будет, так сказать, «просвещенным», как в Риме Траяна или Антонинов[1423]. Обсуждавший проект Конвент в Оканье затянул дебаты и в итоге был распущен в июне 1828 г., а Боливар принял чрезвычайные полномочия. Недовольная сантандеристская оппозиция готовила заговор, который был раскрыт и жестко подавлен в сентябре 1828 г.

Североамериканцы единодушно поддержали заговорщиков, представляя действия Освободителя против Сантандера как «не имеющий оправдания один из наиболее недостойных поступков в жизни Боливара»[1424]. Кстати, в заговоре, возможно, были замешаны и граждане США: сестра полковника Лоулесса (Lawless) из Сент-Луиса, а также два ее сына – офицеры на колумбийской службе. Женщина перенесла недолгое заключение, а дети были изгнаны из страны[1425].

Дальнейшие неурядицы в Колумбии уже мало тревожили североамериканское общество. Боливар воспринимался лишь как один из удачливых генералов, способных лишь на государственные перевороты[1426].

В войне Боливара с Перу симпатии североамериканского общественного мнения были на стороне перуанских властей. В развитие этих чувств свой вклад внес яркий уроженец Лимы, недавний президент Панамского конгресса, председатель Верхового суда Перу Мануэль Видаурре (1773–1841), живший в США в 1822–1824 гг. Еще в начале 1826 г. он восхищался Боливаром, но затем перешел в непримиримую оппозицию и предпочел покинуть страну Одна из его первых антиболиваровских статей была перепечатана в США[1427].

Вторую половину 1828 г., до начала декабря[1428], Видаурре провел в Бостоне. В августе 1828 г. на обеде в знаменитом Фанейл-Холле (Faneuil Hall) он пожелал, чтобы дух Вашингтона вдохновлял «американцев Юга» и назвал Соединенные Штаты «старшей сестрой». Газета считала Видаурре «почетным гостем», ищущим убежища от «преследования Деспота, который под ширмой (guise) Свободы и блага дорогого Народа, по-имперски властвует (is now bearing imperial Sway) в Южной Америке»[1429]. Видаурре был горд оказанным ему вниманием[1430].

В своем письме в “Massachusetts Journal” перуанец называет Боливара тираном, чья цель – учреждение «абсолютизма в мире Колумба». Очевидно, что когда-то он заслужил «алтарь в храме бессмертия», но потом «гений зла привел его к падению». Примечательно, что если речь Видаурре на открытии Панамского конгресса вызвала в свое время ироническую реакцию газетчиков, то теперь к его пышному стилю претензий не было[1431].

В те дни августа-сентября 1828 г. ведущая бостонская газета “Columbian Centinel” публикует целый ряд антиболиваровских публикаций. В первой из них автор назвал Колумбию «бывшей республикой», *«Рабы»* («когда-то *Граждане*») которой подчинились Боливару, действующему «с помощью штыков наемного войска и интриг». Первой целью узурпатора становится соседнее независимое Перу – страна, «имевшая разум распознать его пороки и мужество сопротивляться его тирании»[1432]. Рядом – рассуждение, что целью Боливара является создание из «южноамериканской нации» «республиканской империи», включающей в том числе и Перу Когда Боливар говорит «республика», он делает это лишь, чтобы усыпить внимание, ведь его подлинная цель – империя. Вывод – необходимо поддержать сантандеристскую оппозицию[1433].

Разочарованию североамериканского общественного мнения в Боливаре могли в какой-то, пусть весьма ограниченной степени, способствовать и резко критические свидетельства вернувшихся домой британских офицеров-добровольцев[1434]. Большее воздействие, очевидно, оказало возвращение в июне 1827 г.

в Северную Америку недавнего руководителя реформой образования Великой Колумбии Джозефа Ланкастера, который так и не получил от Боливара вознаграждение за свой труд. «Боливар – тактика без мужества», – говорил он в одной из своих публичных лекций. Другое выступление он начал чтением адресованного ему хвалебного письма Освободителя, а закончил фразой: «Боливар Не Второй *Вашингтон*»[1435].

Печальным итогом дипломатических отношений США с правительством Боливара стала колумбийская миссия генерала Гаррисона, того самого Гаррисона, кто в 1825 г. ставил Боливара в один ряд с Вашингтоном и Лафайетом. Прибывший в Боготу 5 февраля 1829 г., незадолго до конца перуано-колумбийской войны, прямолинейный офицер сразу установил связи со сторонниками сантандеристской партии и заговорщиками генерала Кордовы[1436].

Главным поступком Гаррисона в Колумбии стало открытое письмо Освободителю, написанное в августе 1829 г., но отправленное лишь 27 сентября, сразу после отставки с дипломатического поста. Веря, что только Боливару по силам спасти страну от ужасов анархии, посланник обвинял правителя в неоправданных «деспотических мерах», утверждая, что даже анархия лучше деспотизма: «Из анархии может возникнуть лучшее правительство; но чтобы разбить раз сковавшие нацию цепи военного деспотизма, порою требуются поколения (ages)».

Гаррисон критиковал Боливара за возвращение полномочий монастырям (11 июля 1828 г.), раздувание армии, призывал отменить чрезмерные налоги, алькабалу, монополии. Главное же, что должен был сделать Освободитель – сократить число монахов и священников, солдат и офицеров. Тогда Колумбия воскреснет, оживет торговля.

Нужно заметить, что антиболиваровский пыл генерала не имел расистского оттенка. В отличие от многих англо-саксонских современников, Гаррисон считал, что «народ Колумбии обладает многими чертами характера, подходящими для республиканского правления». А это значит, что в их невзгодах виноват исключительно Боливар с его ключевыми ошибками[1437].

Соответственно, устранить беды может только Освободитель. Гаррисон сохранял последнюю надежду, что Боливар осознает ошибки и направит усилия на борьбу с главными врагами Колумбийской республики – раздутой армией и церковью[1438].

Во взглядах Тюдора и Гаррисона – двух дипломатов, противников Боливара, существует серьезное различие: первый считал, что революционер всегда был военным деспотом, который просто притворялся героем-освободителем (отсюда любимый им

и перенятый Спарксом образ сорванной со злодея маски); второй думал, что Боливар, так сказать, «начал за здравие, а кончил за упокой» – то есть его политика сперва действительно была благотворной для Испанской Америки.

Латиноамериканцы-корреспонденты Джареда Спаркса стремились защитить Боливара. Так, даже сторонник политики США аргентинский федералист Морено вновь сравнивал Освободителя с «вашим бессмертным Вашингтоном». Он был убежден, что Боливар является «лучшей опорой свободы в Южной Америке и что приписываемые ему монархические взгляды – дело рук его врагов»[1439].

Подчеркнем, что отношение самого Боливара к северному соседу было столь же противоречивым, что и у североамериканцев к личности его самого[1440]. Хотя Освободитель никогда не верил в заимствование политической системы США, в 1826 г. он, вспоминая о своем посещении Северной Америки в 1807 г., сказал поверенному в делах Бофорту Уоттсу, что именно тогда впервые увидел образец «разумной свободы» (rational freedom)[1441]. Очевидно, Боливар понимал, как изменилось отношение к нему в Соединенных Штатах. В 1829 г. он даже хотел назначить посланником в Вашингтон одного из самых преданных ему людей – полковника Даниэля Флоренсио О'Лири (1801–1854), ведь именно в США, где «мои враги безусловно попытаются разорвать меня на части», «мне более всего нужен кто-то, способный меня защитить»[1442]. В своем известном письме английскому поверенному в делах Патрику Кэмпбеллу (1779–1857) Освободитель писал, что Соединенные Штаты «похоже, само Провидение предназначило для того, чтобы обрушить на Америку напасти, прикрываясь именем свободы»[1443].

Не следует, видимо, чересчур строго судить североамериканцев за их непонимание трагедии Боливара, отчаянно искавшего пути примирения традиционных иберoамериканских институтов с потребностями общественного развития. Ведь европейские либералы, такие как, скажем, Бенжамен Констан, также не понимали Освободителя. И сегодня североамериканцам, с их верой в либеральную республику и недоверием к централизованной власти, сложно понять, что их рецепты подходят не всем государствам.

К концу 1820-х гг., когда былая слава Боливара в США уже померкла, с большой двухчастной статьей о нем выступил Калеб Кашинг[1444]. Именно Кашингу принадлежит честь называться первым североамериканским «боливароведом». Если в статье о Паэсе 1827 г. Кашинг сознательно воздержался от обсуждения

действий Освободителя[1445], то к 1829–1830 гг. его мнение сложилось уже окончательно, и он решился обнародовать наблюдения.

Кашинг различает Боливара – храброго бескорыстного героя и великого полководца (автор в деталях описывает его вклад в освобождение Великой Колумбии и Перу), и Боливара – государственного деятеля. По его мнению, Освободитель – плохой политик, не верящий в республиканизм. Впервые эти черты проявились еще в Ангостуре, где в своей речи Боливар, по мнению Кашинга, не скрывал пристрастия к монархии, «антиреспубликанских убеждений».

По сути, Кашинг развивает популярную в ранней республике теорию неизбежного заговора власти против свободы[1446]. Уже Панамский конгресс, казавшийся современникам «великолепным замыслом», на деле был созван Освободителем, чтобы создать южноамериканскую империю: по словам Видаурре, Боливар якобы хотел, чтобы полушарие было разделено на четыре части – США, Мексику и Центральную Америку, Бразильскую империю и, наконец, империю самого Боливара. Этот замысел был вовремя разгадан Видаурре, а также Аргентиной и Чили, что и объясняет спасительный для Южной Америки саботаж конгресса.

Следующий шаг – это «абсурдная» Боливийская конституция, с наследственным президентом и постоянной армией. Затем следует восстание Паэса, которое, подозревал Кашинг, неспроста совпало по времени с роспуском Перуанского конгресса. Одним словом, создается впечатление, что не обстоятельства вели Боливара к принятию чрезвычайных полномочий – но что он сам создавал такие обстоятельства, которые сделали возможным путь к неограниченной власти.

Боливар лишь притворялся, что идеалом считает Вашингтона, на самом деле свой дворец в Магдалене он украсил изображениями Наполеона. Своими махинациями, заключал Кашинг, он намеренно свел Южную Америку к печальному выбору между анархией и деспотизмом. К 1830 г. Боливар из Освободителя стал «безответственным военным диктатором».

Сдержаннее Кашинг выразился в своей обширной, точной, насыщенной подробностями статье о Боливаре для первого издания “Encyclopaedia Americana”[1447]. Восхищаясь талантами Освободителя, но признавая и обоснованность критики, он писал: «Если Боливару суждено стать Цезарем Южной Америки, даже враги признают, что его намерения, как и у Цезаря, верны. Он стремится к правильному исполнению правосудия, поощряет искусства, науки и все великие интересы нации и, если достигнет абсолютной власти, то наверняка использует ее мудро и

благородно. Однако пока не станет ясно, что свободы страны защищены от его тщеславия, звать Боливара *Вашингтоном Юга* преждевременно».

На основании своих статей Кашинг явно хотел написать книгу о Боливаре, свидетельством чему служат собранные им в особую папку подготовительные материалы[1448]. Этому замыслу не довелось осуществиться, но сохранились наброски к предисловию, составленные, видимо, около 1829–1830 гг. Здесь становится ясно, что Кашинг так и не решил, как войдет Боливар в историю, будет ли его имя соперничать со славой Вашингтона или окажется в памяти рядом «с падшим завоевателем и свергнутым узурпатором [Наполеоном]».

Тогда же, в конце 1820-х гг., в свет вышли и первые серьезные англоязычные мемуары об Освободителе, принадлежавшие военным

Уильяму Миллеру и Дюкудре-Гольштейну. Генерала Уильяма Миллера, англичанина по происхождению, сделавшего блестящую карьеру в войне за независимость Испанской Америки, невозможно обвинить в антипатии к Освободителю[1449]. Так, краткий очерк жизни Боливара, доведенный до его знаменитого «Гуаякильского свидания» с Сан-Мартином в 1821 г., был составлен для этой книги генералом Сукре – любимцем Освободителя[1450].

Миллер, хорошо знавший Боливара, далек от панегирического тона. В детальном очерке он отмечает разные стороны его характера и манер – беспрерывно работающий, напряженный ум и постоянную занятость, яркий, пусть и чересчур пышный, слог, переменчивость мнений о людях, подчас капризность темперамента, испорченного лестью и поклонением. Боливар весьма склонен к личным оскорблениям, но приносит извинения и не злопамятен. Он любит прекрасный пол, ревнив, ценит вальсы и очень быстро, пусть и не совсем изящно, танцует. Он любит развлекать гостей изысканной едой, разговорчив в компании и любит произносить тосты, но сам равнодушен к гастрономии и вину и даже не курит. Он равнодушен к деньгам, но жаждет славы.

Такой образ романтического героя, скорее всего, пришелся больше по душе европейской публике, нежели трезвомыслящим североамериканцам. Причем, безусловно, им не могли понравиться слова автора о восхищении Боливара английской традицией, политическими институтами, наконец, английскими офицерами[1451].

Мемуарист спокойно повествует о неудачах Боливара с Панамским конгрессом, Боливийской конституцией в Перу и

Колумбии, стараясь понять причины ошибок, кроющихся, на его взгляд, в вере в сильную руку (strong government) и иллюзиях единства американских государств, которые на деле ничем не отличаются от европейских. Человек Старого Света, Миллер лишен республиканских иллюзий и предрассудков североамериканцев, потому, не лелея преувеличенные надежды, не испытал и разочарования[1452]. Но что англичанину Миллеру представлялось естественным ходом вещей, для североамериканского читателя наверняка выглядело горьким пробуждением после замечательного сна.

В своей рецензии на книгу Миллера Кашинг колебался в оценке Освободителя. Боливар – «один из величайших вождей (captains) эпохи», поднимающийся с новой силой после падений. Но, увы, в последние годы каждый кризис многострадальной Великой Колумбии в конечном итоге вел Боливара, как когда-то Наполеона, к неограниченной высшей власти. Казнен адмирал Падилья, в опале Сантандер – стойкие друзья республиканских институтов. Почести, оказываемые Боливару в Колумбии, прямо указывают, что следующим естественным шагом станет провозглашение монархии.

Боливар уже, по сути, стал диктатором, пускай форма правления, как при Октавиане Августе, остается республиканской. Все же, как одновременно с ним Гаррисон, осенью 1829 г. Кашинг не терял надежды, что, быть может, увидев последствия своих действий и рост оппозиции, Боливар одумается, не сделает последнего шага к узурпации короны, спасет Колумбию от деспотизма и «восстановит уважение и доверие Америки»[1453].

Если генерал Миллер старался написать взвешенный портрет Освободителя, то другой иностранный офицер на колумбийской службе, Дюкудре-Гольштейн в своих воспоминаниях, выдержавших два североамериканских, английское, немецкое и французское издания, дал волю чувствам[1454]. Аристократ, республиканец, наполеоновский офицер, знакомый Лафайета, самозваный генерал и авантюрист, организатор попытки освободить Пуэрто-Рико от власти испанцев, Дюкудре-Гольштейн тихо доживал свой век профессором новых языков только что основанного колледжа городка Женевы, штат Нью-Йорк. Первый том воспоминаний о Боливаре и латиноамериканской революции открывается парадным портретом Освободителя, но текст создает иное впечатление: книга выдержана в восходящем еще к Прокопию Кесарийскому и крайне популярном в XVIII в. жанре «тайной истории» – разоблачения незаслуженно прославленного правителя.

Подобно многим иностранцам – участникам войны за независимость Латинской Америки, Дюкудре-Гольштейн не приобрел в тропиках ни славы, ни денег. Теперь он не жалел эпитетов в отношении былого кумира либералов. Как располагает мемуарист своего героя или, вернее, антигероя в уже сложившейся сетке сравнений Вашингтон – Наполеон – Кромвель?[1455]

Если Вашингтон отказывался от власти, то Боливар, по мнению автора, с 1812 г. делал все, чтобы добиться абсолютных полномочий. Вашингтон доверял французским союзникам, а Боливар – не верил иностранцам. Рядом с Вашингтоном Боливар – *«лилипут»*[1456].

В манерах и поведении, быстроте движений и любви к роскоши при простоте одежды Боливар стремится подражать Наполеону, он столь же амбициозен и властолюбив, но, как считал бывший бонапартист, не обладает военными и административными талантами французского императора. В доказательство правоты автор цитирует английского полковника Густавэса Хипписли (1766/1770 – 1831), также считавшего, что неуравновешенный Боливар обезьянничает (ape) поступки Наполеона, не обладая талантами последнего[1457].

Вечно в неустанном движении, худой, невысокий, нервный, усталый Боливар выглядит на 65 лет – куда старше своего возраста. Как и Миллер, Дюкудре-Гольштейн отмечает любовь Боливара к тостам, вальсам, говорит о его любви к верховой езде и легкой французской литературе, помимо которой он якобы ничего не читает. Воспитание дает ему возможность скрывать недостатки. В целом Боливар понимает абстрактное человечество лучше, чем своих соотечественников.

Порой Дюкудре-Гольштейн опускается до некрасивых сплетен: он пытается опровергнуть сложившееся представление о европейском путешествии молодого Боливара, считая, что в Париже аристократ был увлечен не самообразованием, а вредными для здоровья светскими увеселениями[1458].

Повторяя уже ставшие к тому времени общим местом слова про нехватку точных данных о Латинской Америке и ошибках газетчиков, автор утверждает, что либеральное общественное мнение просто не хотело верить правде о Боливаре, принимая ее за пропаганду Священного союза и врагов свободы: «Без точного и положительного знания фактов каждый человек создавал свой образ (idea) Боливара, в соответствии с собственными желаниями и запутанными, неверными понятиями о событиях на том материке»[1459].

«Он, безусловно, редкий пример огромной амбиции без

таланта или добродетели», – но таковы ведь, увы, сами колумбийцы. В этом печальном совпадении и заключается, по мнению Дюкудре-Гольштейна, «великий секрет его власти». Победы Боливара объясняются не военным даром, а ошибками испанцев, их жестокостью в годы войны, вызвавшей ненависть местного населения[1460]. Сантандер, к примеру, намного способнее Боливара и в военном, и в гражданском отношении[1461].

После сказанного очевидно, что Боливар – несчастье нуждающейся в либеральных реформах Южной Америки. Он ничем не лучше других военных вождей: «У Боливара нет ни добродетели, ни твердости, ни таланта, достаточного, чтобы поднять себя выше собственного горизонта посредственности, страсти, амбиции и тщеславия», – заключает автор[1462].

В приложении Дюкудре-Гольштейн поместил тексты перуанских противников Боливара – мемуар маркиза Торре Тагле, где тот предпочитает «сердечный и откровенный союз с испанцами» боливаровскому «разорению и смерти» (16 марта 1824 г.), и уже упоминавшееся нами письмо Мануэля Видаурре в “Massachusetts Journal”[1463].

Трудно создать образ более непривлекательный, чем создал в своих воспоминаниях Дюкудре-Гольштейн. Его Боливар – не гений, не дьявол, не падший ангел, в нем отсутствует даже демоническое обаяние, он всего-навсего посредственность, тщеславный и жалкий эпигон великих людей.

Мемуары Дюкудре-Гольштейна выделяются даже в общем антиболиваровском хоре. На популярность книги указывают хорошее полиграфическое оформление и переиздания. Ее материалы послужили основой для статей о Боливаре в нескольких русских справочниках, начиная с известного «Энциклопедического лексикона» А. А. Плюшара (1836)[1464].

Когда Карл Маркс готовил статью о Боливаре для «Новой американской энциклопедии», он опирался всего на три текста – только что рассмотренные мемуары Миллера, Дюкудре-Гольштейна (во французском переводе), а также свидетельство упоминавшегося нами английского офицера-добровольца Хипписли, который покинул венесуэльскую армию, не прослужив и полугода. Именно такая источниковая база и вновь актуальный антибонапартизм заставили Маркса повторить в своей статье старое сравнение, выставить Боливара подражателем Наполеону[1465].

В 1827 и 1830 гг. Калеб Кашинг и Александр Эверетт писали, что Боливар находится «в середине своей карьеры»[1466]. Увы, на самом деле и карьера, и земной путь Освободителя подходили к

концу. Боливар умер в своем поместье в Санта-Марте 17 декабря 1830 г. в час пополудни за несколько дней до отбытия в европейское изгнание. «Едем, народ не хочет, чтобы мы оставались на этой земле», – таковы были последние слова разочарованного героя.

Болезнь Освободителя не была тайной. Уже его прощальная прокламация от 10 декабря 1830 г. навела “National Intelligencer” на мысль о близости смерти Боливара[1467]. 16 декабря из доминиканской Бока-Чики отплыло судно «Медина», один из пассажиров которого по прибытии в Нью-Йорк подтвердил весть о тяжелом состоянии Освободителя, его соборовании и надеждах на выздоровление[1468].

Весть о смерти Боливара пришла в Северную Америку через Ямайку Корабль, шедший оттуда в виргинский порт Норфолк, принес официальное сообщение от 21 декабря о смерти Освободителя[1469]. Отдельные издания опубликуют потом его завещание[1470]. Вот и все, ни комментариев, ни некрологов. В этом равнодушии были едины как джексоновский “U.S. Telegraph”, так и вигский “National Intelligencer”. Некоторые газеты, например, бостонский “Columbian Centinel”, вообще не объявили о смерти Боливара. В то время североамериканцам было не до событий в мире – в стране уже запахло нуллификационным кризисом.

Достойным исключением среди газетных редакторов стал Найлс, написавший, видимо, единственный в североамериканской прессе некролог Освободителю:

> Время для оценки поведения и характера Симона Боливара еще не пришло. Очевидно, что он обладал личным мужеством и непобедимым упорством; до недавнего времени все люди, казалось, считали, что он торжественно служит свободе и правам человека. Некоторые из его поступков виделись нам, на таком огромном отдалении от сцены действия, странными, – многие боялись, что он стремится к власти сюзерена и короне. Мы считаем, впрочем, крайне вероятным, что все то, что казалось нам наиболее спорным (objectionable), могло быть итогом необходимости. Мы полностью убеждены, что народ новых южных государств не готов к свободной представительной власти – генералы там всё, а люди – не больше, чем пушечное мясо (fighting-machines) в руках вождей; ограничить последних и принести мир жителям Колумбии было, без сомнения, драгоценной мечтой Боливара – и он, вероятно, разумно

> полагал, что эти цели не могут быть достигнуты без учреждения *сильного* правительства, так как *моральная власть*, которой давно славятся Соединенные Штаты, едва ли ощутима среди смешанных и невежественных рас, составляющих население новых государств. Заслуги (value) Боливара можно будет лучше оценить по ходу событий, которые последуют после его смерти[1471].

Ни среди многих десятков тостов на праздновании 4 июля 1831 г., ни, скажем, в праздничной редакционной статье в “National Intelligencer”, упоминания о внешних делах почти полностью отсутствуют. Кому была теперь интересна мировая политика, когда народное внимание было приковано к раздиравшим Север и Юг спорам о тарифе! Разве что в Вашингтоне один из присутствующих вспомнил о новом фаворите либерального мира – на сей раз внимание пламенных республиканцев привлекла восставшая против России Польша[1472]. 7 июля столица узнает о смерти другого героя нашей истории, Джеймса Монро, – подобно Джефферсону и Адамсу, он умер в День независимости. Трагедия Латинской Америки и ее Освободителя к тому времени уже перестала волновать северного соседа.

О свергнутом кумире забыли надолго. Среди редких упоминаний его имени в североамериканской прессе – заметка под псевдонимом «Тацит», где автор не просто высмеивает уподобление Боливара Вашингтону, но и ставит его ниже Наполеона – последний, по крайней мере, не оставил после себя анархию[1473]. В 1844 г. автор книг для юношества (и бостонский издатель мемуаров Дюкудре-Гольштейна!) Сэмюэль Гудрич (1793–1860) так писал о Боливаре: «Одно время в нем видели одного из величайших людей нового времени. *Теперь он почти забыт* (курсив мой – *А. И.);* другое поколение, может быть, увидит возрождение его славы». Писатель оправдывает своего героя: «Боливара нельзя судить по мерке, которую мы применяем к характеру и достоинству Вашингтона. Хладнокровные, размеренные, умные и хорошо образованные североамериканцы, которые достигли независимости со сдержанностью, трезвостью и самоограничением, вызвавшими овацию (applause) и восторг всего мира, были совсем иным племенем (race) по сравнению с разнородным населением Колумбии, невежественным, непочтительным, суеверным, фанатичным, жестоким, мало продвинувшимся в цивилизации и подверженным любым внезапным порывам скорого и огненного южного темперамента. Посреди ревнивых фракций такими людьми невозможно было

править с помощью слабого инструмента писаной конституции»[1474]. Что ж, возможно, с этими словами согласился бы и сам Боливар.

В 1820-е гг. именно Боливар оказался для мира воплощением всей латиноамериканской революции. И его трагические последние годы, отчаянная борьба против сепаратизма и утрата доверия на родине и в мировом либеральном сообществе окончательно убедили североамериканцев, что южные соседи им совсем не «братья»: для рациональных республиканцев США Освободитель стал грустным символом неготовности бывших испанских колоний к независимости, доказательством общей истины – в необразованной стране невозможна такая роскошь как свободное правительство. Порой (и все чаще) разочарование носило расистский и антикатолический оттенок – «папистские» потомки южан-испанцев и индейцев недостойны республики. Особое недоверие вызывали стремления сохранить традиционное влияние церкви, опереться на армию как мотор социальной реформы, законодательно сдержать натиск фритредерского капитализма.

Образ Боливара как байронического романтического героя, гибнущего в схватке с судьбой, оказался чужд бодрому молодому духу Северной Америки. И Боливар, и его критики в США постоянно повторяли одно слово – «свобода», но понимали это понятие по-разному. Боливару, ставившему «общественную свободу» выше индивидуальной, было тесно и скучно в рамках классического англосаксонского либерализма, в котором североамериканцы видели воплощенный общественный идеал.

О Боливаре вспомнят в США в конце XIX века, когда панамериканизм встанет на политическую повестку дня. Ему вновь будут петь панегирики, большие города украсят памятники Освободителю, обычно полученные в дар от государств Латинской Америки. К тому времени усилия мемуариста Даниэля Флоренсио О'Лири и аргентинского писателя и политика Доминго Фаустино Сармьенто (1811–1888) окончательно вернут Боливару славу создателя независимой Испанской Америки. Но это уже совсем другая история.

Заключение

Война за независимость Латинской Америки стала важным испытанием как для внешней политики, так и для общественной мысли Соединенных Штатов. За короткий срок североамериканцы, по сути, впервые «открыли» для себя огромный иберийский мир, ставший одним из основных источников международных новостей. Они оценивали увиденное, руководствуясь либо идеологией Просвещения, классического республиканизма и нарождающегося либерализма, либо старыми национально-религиозными предубеждениями «черной легенды».

Вслед за первыми, весьма нерегулярными контактами 1806–1812 гг., отношение к южным соседям прошло в США через, по крайней мере, три стадии.

1) В 1815–1822 гг., после окончания войны с Англией и до признания независимости латиноамериканских государств, постоянный рост интереса публики к революции наталкивался на умеренный курс федеральной власти. Принятый курс на нейтралитет позволял североамериканским купцам выгодно торговать с обеими сторонами конфликта, а сулившие территориальные приобретения переговоры с Испанией лишали администрацию свободы рук.

В те годы сложилось достаточно влиятельное общественное течение в поддержку «южных братьев», сродни знаменитому филэллинству. Энтузиасты не только стремились содействовать скорейшему признанию независимости испанских колоний, но были убеждены в блестящих перспективах как самих новых южноамериканских государств, так и политики панамериканского единства. Развитию таких взглядов способствовало и общение с выдающимися эмигрантами из Латинской Америки, в первую очередь, с жившим в Филадельфии Мануэлем Торресом.

Среди наиболее деятельных участников этого неофициального движения были политики Генри Клей и некоторые его земляки-кентуккийцы, делавэрец Сизер Родни, глава Патентного ведомства Уильям Торнтон, журналисты Уильям Дуэйн, Иезекия Найлс, Томас Ритчи, публицист и законник Генри Брэкенридж. Их взгляды нашли свое воплощение в передовицах Уильяма Дуэйна в его газете “Aurora”, сочинениях Генри Брэкенриджа 1817 и 1819 гг., речах Генри Клея 1818–1821 гг.

Особняком выделяется круг сторонников чилийского генерала Хосе Мигеля Карреры, в который входили политик и дипломат Джо-эль Пойнсет, коммодор Дэвид Портер, судья

Теодорик Блэнд, его зять, чиновник и издатель Джон Скиннер, журналист Бэптис Ирвайн. Сеть энтузиастов латиноамериканской революции была особенно хорошо налажена в Филадельфии – космополитичном городе радикальных традиций, и Балтиморе, где многие моряки занялись каперским промыслом на стороне повстанцев против Испании и Португалии.

Революции в Западном полушарии привлекли внимание широкой публики (то есть тех, кто читал газеты, а в их число в США начала XIX столетия входили практически все грамотные люди). Патриоты-креолы в целом пользовались широким сочувствием североамериканцев, которые видели в борьбе испанских колоний логический итог собственной революции, однако не спешили оказать настоящую помощь.

Хотя латиноамериканским эмиссарам удалось привлечь внимание к своей революции в Соединенных Штатах и использовать связи своих сторонников, реальные политические достижения были весьма незначительны. Несмотря на многочисленные беседы с президентом и государственным секретарем, им не удалось ускорить признание независимости своих стран. Адамс упорно убеждал президента и кабинет в правильности избранного курса, не обращая внимания на общественное мнение. Попытки снарядить освободительные экспедиции с территории США неизменно оканчивались провалом и скорее вредили, чем помогали образу революции.

Кстати, даже Клей, призывая признать независимость «южных братьев» и стать во главе республиканского полушария, ни разу даже косвенно не намекнул на возможность военной поддержки революционеров, оставаясь тем самым в рамках политики нейтралитета, пусть и в широком толковании этого термина.

Сочувствие не исключало сомнений. Классический республиканизм, ставивший во главу угла гражданскую добродетель, и либерализм с его верой в прогресс и человеческую способность к исправлению пороков рождали одновременно надежды и скепсис: окажутся ли отягощенные тяжелым колониальным наследием испаноамерикан-цы достойны завоеванной свободы, – на этот вопрос энтузиастам следовало дать четкий ответ.

Таким ответом стала «идея Западного полушария» – ранний панамериканизм, восходящий к Джефферсону и развитый Брэкенриджем и Клеем. Подчеркивая не особенное, а общее в судьбах Нового Света, политики и публицисты утверждали единство всей Америки, которой предстояло стать оплотом свободы в мире. Генри Клей и его сторонники с Запада утверждали исключительность своего полушария, продолжая

джефферсоновскую линию антиурбанистического либерализма – просторы Нового Света должны были гарантировать уверенный прогресс и отсутствие свойственных Европе гражданских распрей. Развитие идеи увенчалось внешнеполитической программой «Американской системы» Клея (1821) – грандиозным соблазном республиканской общности Западного полушария в противовес монархическому Священному союзу Европы.

Увы, мысль о единстве Западного полушария зачастую входила в противоречие с ожесточенной фракционной борьбой в среде самих революционеров, чему североамериканцы часто были свидетелями. Наиболее показательна здесь деятельность Карреры и его «партии», расколовшая, например, латиноамериканскую комиссию 1817–1818 г. и явно ослабившая позиции патриотов. Очевидно, впрочем, что хотя сами «южные братья» любили прибегать к арсеналу «идеи Западного полушария», они никогда бы не пошли на заключение панамериканского союза под эгидой Соединенных Штатов, как это предлагал Клей в 1821–1824 гг.

Лояльный администрации Конгресс не поддержал радикальных предложений Клея, но дебаты по его резолюциям оказались весьма плодотворными. В их ходе был внесен заметный вклад в развитие понятий, названных затем доктриной Монро, – обобщенного выражения давно складывавшихся представлений о целях внешней политики Соединенных Штатов. Дальнейшую разработку получила теория «естественных границ» – первый шаг к «предопределению судьбы» 1840-х гг.

Путь к признанию независимости бывших испанских колоний открыли ратификация Трансконтинентального договора и приобретение Флориды. После 1821 г. Адамс уже мог не опасаться Испании. Несмотря на все усилия Клея, признание государств Латинской Америки совершилось в итоге по инициативе исполнительной, а не законодательной власти.

В историографии высказывались упреки Клею в недипломатичное™, преждевременности его антииспанских по своей сути выступлений до ратификации Трансконтинентального договора. Однако в результате его радикальные предложения, оказывая психологическое давление на Испанию, только способствовали скорейшей ратификации договора 1819 г. С 1817–1818 гг. Клей, и его сторонники в прессе убеждали власти и общественное мнение в неизбежности признания независимости испанских колоний. Но в том, что южные соседи вскоре получат независимость, не сомневался и сам Адамс. В конечном итоге Клей и Адамс не противостояли друг другу; каждый по-своему способствовал общему делу – росту территории и могущества Соединенных Штатов, что и обусловило внутреннюю логику их

примирения в 1824 г.

2) Следующая стадия охватывает 1822 – начало 1826 г., от признания независимости латиноамериканских государств до Панамских дебатов по вопросу участия США в первом межамериканском конгрессе. Настал краткий миг триумфа «идеи Западного полушария». Признание независимости Латинской Америки поддержали все общественные силы – и будущие виги, и будущие демократы.

Само слово «Америка» становилось нарицательным, означая либерально-республиканский, свободный, служило антонимом Европе, монархии, деспотизму. Не случайно первый посланник в Мексике Джоэль Пойнсет окрестил партию йоркинос, в создании которой сам участвовал, «американской». По сути, белый англоязычный мир утверждал монополию на слово «Америка», на трактовку понятия «американский», против чего, кстати, уже в те годы выступил мексиканский революционер Хосе Сервандо Тереса де Мьер, а позднее, в конце XIX в. – кубинец Хосе Марти (1853–1895) с его лозунгом «наша Америка» (nuestra America).

Североамериканцам льстило, что революционеры-креолы охотно обращались к идейному арсеналу 1776 года. Пусть профессиональный юрист Брэкенридж в 1819 г. предупреждал, что прямой перенос конституционного опыта США на латиноамериканскую почву невозможен[1475], янки (агент в Буэнос-Айресе и Чили Уильям Уортингтон, посланник в Перу Сэмюэль Ларнед (1788–1846), колонизатор Техаса Стивен Остин) увлеченно составляли для молодых государств проекты основных законов, естественно, по федеративному образцу

Большинство североамериканцев разделяли тогда убеждение в конечном успехе преобразований в Латинской Америке – убеждение, основанное на вере в прогресс, а не на знании иберийской культуры. Не случайно, что многие из идейных сторонников революции принадлежали к направлениям протестантизма, ставящим индивидуальное начало над коллективным и верящим в возможность действенных общественных реформ, в целом – деноминациям универсалистским, а не партикуляристским: Иезекия Найлс, Уильям Торнтон, Джозеф Ланкастер были квакерами, Джаред Спаркс – унитарием.

Объявление 2 декабря 1823 г. доктрины Монро с ее принципами неколонизации, невмешательства и «неперехода» не несло никаких обязательств, но утверждало заявку на ведущую роль в полушарии. Провозгласив ключевую роль региона для безопасности США, доктрина Монро подчеркивает не только историческую, но и географическую близость обеих Америк, хотя

последняя во многом являлась всего лишь производной меркаторовской проекции, ведь путь из Нью-Йорка в Лондон занимал меньше времени, чем, например, в Буэнос-Айрес или тем более в Вальпараисо.

Созыв Панамского межамериканского конгресса обещал стать удачной возможностью четко провозгласить и отстоять свои цели в Латинской Америке. Общественная дискуссия вокруг предполагаемого участия США должна была окончательно прояснить отношение к молодым государствам. Но подобно тому, как Клей сделал «латиноамериканский вопрос» основой своей критики администрации Монро, противодействие участию США в Панамском конгрессе запомнилось как первое открытое выступление джексоновской оппозиции кабинету Адамса.

3) После провала Панамского конгресса 1826 г. ранний панамериканизм прекратил свое существование. Неудача привела к стремительному разочарованию общественного мнения США в перспективах республиканизма в Латинской Америке. В ходе своей беседы с Клеем после ратификации Трансконтинентального договора Адамс осторожно заметил, что лишь *«время* должно быть испытанием для вашего и моего мнений»[1476]. Время, по крайней мере, в XIX веке, было, увы, на стороне скептика Адамса.

Реальность оказалась далека от риторики, и никто более не верил в блестящую будущность молодых республик. Нестабильность на грани полной анархии и гражданской войны в большинстве недавно провозглашенных государств Нового Света, политический курс Боливара, не стремившегося копировать пример северного соседа, – все эти обстоятельства резко ослабили интерес к «южным братьям».

Свой вклад внесли и неудачи дипломатов, с которыми сыграла дурную шутку странная смесь завышенных надежд, самодовольной уверенности в собственной правоте, пренебрежения обстоятельствами и часто (но, кстати, не всегда) религиозных и расовых предрассудков. Ими двигали как искреннее желание помочь республиканским собратьям, так и стремление добиться выгод для себя и своей страны, что подчас противоречило интересам латиноамериканских государств. Тех, кто решил искать счастья на юге и стремился честно служить молодым республикам, преследовали невзгоды, зато подчас везло авантюристам. Лавинообразная колонизация Техаса североамериканскими поселенцами в 1820-е гг. была частной инициативой, но соответствовала интересам государства и неизбежно прокладывала дорогу к войне с Мексикой. Какое уж тут межамериканское единство!

В некотором роде разочарование Соединенных Штатов в

революциях Латинской Америки стало окончательным прощанием с просветительским универсализмом, с юмовской верой в возможность быстрых социально-политических перемен сверху. Кто-то больше не надеялся на возможность подлинно республиканского правления в католических странах Испанской Америки (Бразилия, напомним, стала после независимости монархией), некоторые разочарованные энтузиасты, как южане (Пойнсет), так и северяне (коммодор Портер) дали волю расистским чувствам.

Джон Куинси Адамс называл друзей латиноамериканских патриотов «авантюристами и энтузиастами». Можно добавить: авантюристы часто были энтузиастами, и энтузиасты действовали как авантюристы. Купец, интеллектуал, революционер, журналист, капер часто объединялись в одном лице, будь то Уильям Робинсон, Дэвид Кертис Дефорест или Бэптис Ирвайн. Даже самые, казалось бы, бескорыстные энтузиасты старались не упустить возможность извлечь выгоду из своей деятельности в поддержку Латинской Америки: Уильям Торнтон закреплял свои права на обустройство пароходного сообщения в Колумбии и хотел разработать облик банкнот новых государств, Уильям Дуэйн пытался стать посредником в поставках оружия или получить дипломатическое назначение. С другой стороны, даже самые корыстные каперы, купцы, колонисты стремились просвещать революционеров: Дефорест и Остин пропагандировали в Ла-Плате и Мексике республиканские ценности и Конституцию США.

Первоначальные иллюзии были основаны на надеждах материальной выгоды и отвлеченных идеях. Североамериканцы восхищались «южными братьями», только если их путь соответствовал собственному республиканскому проекту. Но когда революционное марево рассеялось, экономическое значение новых государств для Северной Америки оказалось весьма незначительным, а избранный ими строй – далеким от англосаксонских идеалов. Это был иной мир, который энергичные янки не захотели понять, а тем более полюбить.

Примечательно, что значительная часть энтузиастов не были урожденными американцами. Среди них были европейские радикалы (в их числе – ирландские эмигранты), такие как Уильям Дуэйн, Уильям Торнтон, Бэптис Ирвайн, а также Уильям Коббет, бывшие наполеоновские офицеры, так сказать, профессиональные борцы за свободу – Дюкудре-Гольштейн, Орацио де Сантанджело. Они верили в Соединенные Штаты как либерального избавителя человечества, что оказалось чуждо становящемуся национальному духу страны. Когда 4 июля 1821 г. Джон Куинси

Адамс резко выступил против такого мессианизма, он не только следовал отцам-основателям, но и предопределил внешнеполитическую стратегию страны на долгие десятилетия.

В первой трети XIX в. Соединенные Штаты стремились открыть рынки иностранных государств, расширить права нейтрального судоходства, обеспечить принцип «неперехода» владений на континенте от одной европейской державы к другой, а главное, обеспечить территориальную экспансию. Латиноамериканская политика США при Мэдисоне, Монро, Адамсе полностью соответствовала этому общему курсу. Она нашла свое реальное отражение в Трансконтинентальном договоре, фритредерских соглашениях с латиноамериканскими государствами, в поддержке status quo карибских владений Испании, и, наконец, в закончившихся неудачей попытках мирного приобретения Техаса.

Подчеркнем, что к тому времени республика в США уже стала устойчивой формой существования сложившегося капиталистического общества. В Латинской Америке подчас похожее государственно-правовое обличье скрывало совсем иную реальность, чем в Соединенных Штатах. Североамериканцы чувствовали это противоречие, поначалу порой не решаясь признаться в этом. Вопреки ожиданиям автора «Американской системы», у единства Нового Света не оказалось социально-экономических оснований – слишком разными были общественный строй и структура хозяйства.

Надежды 1810-х – начала 1820-х гг. быстро сменились разочарованием в латиноамериканском будущем и идеях общности Западного полушария. Внешнеполитические цели, разработанные Клеем в его дипломатических инструкциях, не выходили за рамки строгого нейтралитета в духе Прощального послания Вашингтона. Победил пессимистический взгляд на межамериканские отношения. После 1829–1830 гг. южная половина полушария перестает привлекать внимание общественного мнения и властей США. «Такая Америка, как наша, – только одна»[1477], – в этой фразе Брэкенриджа выразились чувства многих былых энтузиастов.

Однако следует говорить не о падении интереса к Латинской Америке, а о его сужении и сознательном ограничении. Со второй половины 1820-х гг. и почти до конца XIX в. этот интерес сосредоточится на соседних регионах – Мексике и испанских владениях в Карибском бассейне. Он будет продиктован важнейшими задачами внешней политики США – экспансией и свободной торговлей. Провал Панамского конгресса сыграл в этой перемене существенную роль. Полагаем, что именно такое

ограничение собственных амбиций более всего соответствовало национальным интересам растущих Соединенных Штатов.

Для общественной мысли США именно опыт латиноамериканской революции во многом способствовал победе в XIX в. республиканского изоляционизма над активным мессианизмом. В джексоновскую эпоху Соединенные Штаты были менее всего увлечены мировыми событиями, чем когда-либо до того или после. «Промышленный», «рыночный» и «транспортный» перевороты, освоение западных земель постепенно превращали страну в экономику внутреннего рынка, а тревожные противоречия Севера и Юга целиком отвлекали все внимание общества. Но то раннее взаимное разочарование двух Америк оставило мрачный отпечаток на всей последующей истории Западного полушария.

Библиография

ИСТОЧНИКИ

Неопубликованные

БАЛТИМОР
Maryland Historical Society. Furlong Baldwin Library
Bland Papers
Skinner, John S. Photostat Copies. Ms 1846

БОСТОН
Massachusetts Historical Society
Adams Family Papers
George Bancroft Papers
Edward Hickling Bradford Family Papers
John Brazer Davis Papers
Correspondence of Alexander H. Everett
Everett-Noble Papers
Everett-Peabody Papers
C. E. French Collection of Autographs
William Tudor letters, 1824—1828

Boston Athenaeum
Commodore Isaac Hull Papers
William Tudor Papers

Houghton Library, Harvard University
Documents and letters by C. A. Rodney and others Relating to Argentina, 1818-1824
Jared Sparks collection of American Manuscripts. Part II. Jared Sparks Papers
Tudor Papers
Tudor Papers, Additional

Baker Library, Harvard Business School
Tudor Family Papers

ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ
Library of Congress
Caleb Cushing Papers
James Monroe Papers
David Porter Papers
Joel R. Poinsett Papers

Jeremy Robinson Papers
William Th ornton Papers

National Archives
Department of State, RG 43, Records of United States Participation in International
Conferences, Commissions, and Expositions
Records Relating to the First Panama Conference, 1825—1827
Department of State, RG 59, M 37, Letters from Special Agents, roll 4 (Biddle, Irvine)
Domestic Letters of the Department of State, 1784—1906
Miscellaneous Letters of the Department of State

ВУСТЕР, ШТАТ МАССАЧУСЕТС
American Antiquarian Society
Joseph Lancaster Papers

НЬЮ-ЙОРК
New York Public Library
Samuel Hill Papers
James Monroe Papers

New-York Historical Society
DeWitt Clinton Papers
Lynch and Aymar records, 1813 – 1819
Diary of a trip from Vera Cruz to the City of Mexico, 1815, taken by Josiah Smith; *[Idem]*. Diary of a trip from the City of Mexico to Tampico, 1816 (рукописный конволют)

Butler Library, Columbia University
DeWitt Clinton Papers

ФИЛАДЕЛЬФИЯ
American Philosophical Society
Duane Family Papers, William J. Duane Papers

Historical Society of Pennsylvania
Chew Family Papers Joel Roberts Poinsett Papers
Joel Roberts Poinsett Papers, Henry Gilpin Collection John Sergeant Papers
William Shaler Papers (Collection of Arthur C. Bining) Robert Walsh, Jr. Papers

Library Company

Prints Collection

Опубликованные

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Газеты

National Intelligencer (Washington, D.C.), 1815 – 1831
Columbian (New York), 1818
Columbian Centinel (Boston), 1815–1829, 1831
National Gazette (Philadelphia), 1826
Niles' Weekly Register (Baltimore), 1815–1829, 1831
Richmond Enquirer, 1815
U.S. Telegraph (Washington, D.C.), 1826, 1831

Журналы

American Quarterly Review (Philadelphia), 1827–1831
North American Review (Boston), 1815–1830
Portico (Baltimore), 1816 – 1818

Официальные материалы, дипломатическая переписка

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. Серия II. 1815–1830. Т. I (IX) – т. VIII (XVI) / Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М., 1974–1995.

Русские дипломаты о войне за независимость в Латинской Америке // ННИ. 1966. № 1, 5.

Bosch Garcia C. Documentos de la relacion de Mexico con los Estados Unidos. 2 vols. Mexico, 1983. Vol. I. El mester politico de Poinsett (Noviembre de 1824 – diciembre de 1829).

Britain and the Independence of Latin America, 1812–1830 / Ed. by Charles K. Webster. 2 vols. Oxford, 1938.

A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789–1897 / Published by Authority of Congress by James D. Richardson, a Representative from the State of Tennessee. Vol. II. Wash., D.C., 1896.

Correspondence of the Russian Ministers in Washington, 1818–1825 // AHR. Vol. 18. № 2, 3 (Jan., Apr. 1913).

The Debates and Proceedings in the Congress of the United States (Annals of Congress). 42 vols. Wash., D.C., 1834–1856 (материалы дебатов с 1824 г. изданы под названием – Register of Debates in Congress of the United States).

Diplomatic Correspondence of the United States Concerning the Independence of Latin-American Nations / Ed. by William R.

Manning. 3 vols. N.Y., 1925.

English Historical Documents / Gen. ed. David C. Douglas. Vol. XI. 1783–1832 / Ed. by Arthur Aspinall, Ernest Anthony Smith. L., 1959.

Hanke L. Baptis Irvine's Reports on Simon Bolivar // HAHR. Vol. 16. № 3 (Aug. 1936).

Moore J. B. A Digest of International Law… 8 vols. Wash., D.C., 1906. Vol. I, VI.

The New American State Papers: Naval Affairs. Vol. 3: Diplomatic Activities / Ed. by K. Jack Bauer. Wilmington (Del.), 1981.

Protocols of Conferences of Representatives of the Allied Powers respecting Spanish America, 1824–1825 // AHR. Vol. 22. № 3 (Apr. 1917).

Some Original Documents on the Genesis of the Monroe Doctrine / Publ. by Worthington Ch. Ford // MHS. Proceedings. 2nd series. Vol. XV. Boston, 1902.

The Suppressed Dispatch of H. U. Addington, Washington, November 3, 1823 / Ed. by Bradford Perkins // HAHR. Vol. 37. № 4 (Nov. 1957).

Urrutia F. J. Los Estados Unidos de America y las Naciones Hispanoamericanas de 1810 a 1830. Paginas de Historia Diplomatica. Madrid, 1918.

Treaties and Other International Acts of the United States of America / Ed. by Hunter Miller. 8 vols. Wash., D.C., 1931–1948. Vol. 2–3.

Бумаги и сочинения государственных деятелей, дипломатов, журналистов, ученых, современников событий

Боливар С. Избранные произведения: речи, статьи, письма, воззвания, 1812–1830 / Сост. и науч. ред. пер. А. Ф. Шульговский. М., 1983.

Ваттель Э., *де.* Право народов, или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов / Пер. с фр. В. Н. Дурденевского, Ф. А. Кублицкого, Э. М. Фабрикова. М., 1960 (ориг. изд. – L., 1758).

The Writings of John Quincy Adams / Ed. by Worthington Ch. Ford. 7 vols. N.Y., 1913–1917. Vol. V–VII.

Letters of John Quincy Adams to Alexander Hamilton [sic!] Everett, 1811–1837 // AHR. Vol. 11. № 1, 2 (Oct. 1905, Feb. 1906).

The Austin Papers / Ed. by Eugene Barker. 2 vols. Wash., D.C., 1924–1928.

Bayard Smith M. The First Forty Years of Washington Society in the Family Letters of Margaret Bayard Smith / Ed. by Gaillard Hunt. N.Y., 1906 (repr. – N.Y., 1965). *Bolivar S.* Cartas de Libertador / Ed.

Vicente Lecuna. 10 tomos. Caracas, 1929.

Idem. Obras Completas / Comp, y notas de Vicente Lecuna. 3 tomos. La Habana, 1950. Papers of John C. Calhoun / Ed. by W. Edwin Hemphill, et al. 28 vols., Columbia (S.C.), 1959–2003. Vol. 1-11.

Chateaubriand F. R. CEuvres Completes. 36 vols. P., 1836–1839. Vol. 27–29.

Circular Letters of Congressmen to Their Constituents / Ed. by Noble E.

Cunningham, Jr. 3 vols. Chapel Hill (N.C.), 1978.

The Papers of Henry Clay / Ed. by James F. Hopkins, Mary W. M. Hargreaves. 11 vols. Lexington (Ky.), 1959–1992. Vol. 1–7.

Jose Correa da Serra: Ambassadeur du Royaume-Uni de Portugal et Bresil a Washington, 1816–1820 / Ed. par Leon Bourdon. P, 1975.

Letters of William Duane / Publ. by Worthington Ch. Ford // MHS. Proceedings.

2nd series. Vol. XX. 1906–1907. Boston, 1907.

Once anos en Buenos Aires, 1820–1831. Las cronicas diplomaticas de John Murray Forbes / Compiladas, traduicidas y anotadas por Felipe A. Espil. Buenos Aires, 1956. The Writings of Albert Gallatin / Ed. by Henry Adams. 3 vols. Philadelphia, 1879. Vol. II. *Hanke L.* Simon Bolivar and Neutral Rights // HAHR. Vol. 21. № 2 (May 1941). Alexander von Humboldt s Correspondence with Jefferson, Madison, and Gallatin / Publ. by Helmut de Terra // American Philosophical Society Proceedings. Vol. 103. Philadelphia, 1959.

The Papers of Andrew Jackson / Ed. by Harold D. Moser, David R. Roth, et al. 7 vols. to date. Knoxville (Tn.), 1980–2007. Vol. Ill – VII.

Jefferson Family Letters – www.monticello.org/familyletters.

The Republic of Letters: The Correspondence between Thomas Jefferson and James Madison, 1776–1826 / Ed. by James Morton Smith. 3 vols. N.Y., 1995.

The Writings of Thomas Jefferson / Ed. by Albert Ellery Bergh. 20 vols. Wash., D.C., 1905.

The Life and Correspondence of Rufus King Comprising His Letters, Private and Official, His Public Documents and His Speeches / Ed. by his grandson Charles R. King. 6 vols. N.Y., 1900.

The Writings of James Madison / Ed. by Gaillard Hunt. 9 vols. N.Y., 1900–1910. Vol. VIII–IX.

Archivo del General Miranda / Dirig. y revisada por Vicente Davila. 24 tomos. Caracas, 1929–1950 (t. 16–24, La Habana).

The Writings of James Monroe / Ed. by Stanislaus Murray Hamilton. 7 vols. N.Y., 1898–1903. Vol. V–VII.

Letters of James Monroe / Publ. by Worthington Ch. Ford //

MHS. Proceedings. Vol. XLII. 1908–1909. Boston, 1909.

Correspondence between General William Winder and President Monroe with Reference to Proposals made by the United Provinces of South America / Publ. by Mary M. Kenway // HAHR. Vol. 12. № 4 (Nov. 1932).

Lemoine Villicana E. Morelos, su vida revolucionaria a traves de sus escritos y de otros testimonios de la epoca. Mexico, 1965.

Correspondence of James K. Polk / Ed. by Herbert Weaver. 10 vols. Nashville (Tn.), 1969–2004. Vol. 1–2.

Journal of Jonathan Russell, 1818–1819 / Publ. by Worthington Chauncey Ford // MHS. Proceedings. Oct. 1917 – June 1918. Vol. LI. P. 369–498. Boston, 1918.

The Life and Writings of Jared Sparks: Comprising Selections from His Journals and Correspondence / Ed. by Herbert B. Adams. 2 vols. Boston, 1893. Vol. I.

Life, Letters, and Journals of George Ticknor. 2 vols. Boston, 1876. Vol. I.

The Papers of Daniel Webster / Charles M. Wiltse, Editor, Alan R. Berolzheimer, Ass. Editor. 15 vols. Hanover (N.H.), 1974–1989.

The Private Correspondence of Daniel Webster / Ed. by Fletcher Webster. 2 vols. Boston, 1857.

Свидетельства североамериканских путешественников, купцов, дипломатов о Латинской Америке

[*Bache R.*] Notes on Colombia, Taken in the Years 1822 – 3, with an Itinerary of the Route from Caracas to Bogota and an Appendix. Philadelphia, 1827.

Baker M. The Voyage of the U.S. Schooner “Nonsuch” up the Orinoco: Journal of the Perry Mission / [by J. Hambleton] // HAHR. Vol. 30. № 4 (Nov. 1950).

Brackenridge H. *M.* Voyage to South America performed by order of the American Government in the Years 1817 and 1818, in the frigate Congress. 2 vols. Baltimore (Md.), 1819.

[Bradley H.] A voyage from the United States to South America, performed during the Years 1821, 1822, & 1823. Embracing a description of the city of Rio Janeiro, in Brazil; of every port of importance in Chili; of several in Lower Peru and of an eighteen months cruise in a Nantucket whaleship, The whole Interspersed with a variety of Original Anecdotes. Newburyport (Ma.), 1823.

Cleveland R. C. A Narrative of Voyages and Commercial Enterprises. Cambridge (Ma.), 1842.

[*Coffin I. F.*] Journal of a Residence in Chili. By a Young American, detained in that country, during the revolutionary scenes of 1817 – 18–19. Boston, 1823.

Duane W. A Visit to Colombia, in the Years 1822 & 1823, by Laguayra and Caracas, over the Cordillera to Bogota, and thence by the Magdalena to Carthagena. Philadelphia, 1826.

[*Fracker* G.] A Voyage to South America, with an Account of a Shipwreck in the River la Plata, in the Year 1817. By the Sole Surviver. Boston, 1826.

Johnston S. B. Letters Written During a Residence of Three Years in Chili, containing an account of the most remarkable events in the revolutionary struggles of that province. With an interesting account of the loss of a Chilean Ship, and Brig of War, by mutiny, and the consequent imprisonment and sufferings of several citizens of the United States, for six months, in the dungeons of Callao. Erie (Pa), 1816.

Langley H. D. Bolivar as Seen by an American Sailor // HAHR. Vol. 36. № 3 (Aug. 1956).

[*Poinsett J. R.*] Notes on Mexico: Made in the Autumn of 1822. Philadelphia, 1824.

Robinson W. D. Memoirs of the Mexican Revolution: including a Narrative of the Expedition of General Xavier Mina. With Some Observations on the Practicability of Opening a Commerce Between the Pacific and Atlantic Oceans, through the Mexican Isthmus in the Province of Oaxaca, and at the Lake of Nicaragua; and of the future importance of such commerce to the civilized world, and more especially to the United States. Philadelphia, 1820.

Sibley G. *C.* The Road to Santa Fe: The Journal and Diaries of George Champlin Sibley and Others Pertaining to the Surveying and Marking of a Road from the Missouri Frontier to the Settlements of New Mexico, 1825–1827 / Ed. by Kate L. Gregg. Albuquerque (N.M.), 1995 (1st ed. – 1952).

Tayloe E. T. Mexico, 1825–1828: the Journal and Correspondence of Edward Thornton Tayloe / Ed. by C. Harvey Gardiner. Chapel Hill (N.C.), 1959.

Свидетельства английских путешественников

Youthful America. Selections from Henry Unwin Addingtons *Residence in the United States of America, 1822, 23, 24, 25* / Ed. by Bradford Perkins. Berkeley (Ca.), 1960.

Graham M. Journal of a Residence in Chile during the year 1822, and a voyage from Chile to Brazil in 1823 / Ed. by Jennifer Hayward. Charlottesville (Va.), 2003 (1st ed. – L., 1824).

Hall B. Extracts from a Journal, written on the coasts of Chili, Peru, and Mexico, in the years 1820, 1821, 1822. 2 vols. 3rd ed. Edinburgh, 1824.

Hall B. Travels to North America in the Years 1827 and 1828.

2 vols. Philadelphia, 1829.

Hall F. Colombia: its present state, in respect of climate, soil, productions, population, government, commerce, revenue, manufactures, arts, literature, manners, education, and inducements to emigration. With itineraries, partly from Spanish surveys, partly from actual observation. Philadelphia, 1825.

Hardy R. W. H. Travels in the Interior of Mexico, in 1825, 1826, 1827, & 1828. L., 1829.

Hippisley G. A narrative of the expedition to the rivers Orinoco and Apure in South America: which sailed from England in November 1817, and joined the patriotic forces in Venezuela and Caraccas. L., 1819.

Narrative of a Voyage to the Spanish Main, in the ship "Two friends;" The occupation of Amelia Island, by McGregor, &c. – Sketches of the Province of East Florida; and Anecdotes Illustrative of the Habits and Manners of the Seminole Indians: with an Appendix, Containing a detail of the Seminole War, and the Execution of Arbuthnot and Ambrister. L., 1819.

Temple E. Travels in Various Parts of Peru, Including a Years Residence in Potosi. 2 vols. L., 1830.

Thomson f. Letters on the moral and religious state of South America; written during a residence of nearly seven years in Buenos Aires, Chile, Peru, and Colombia. L., 1827.

Памфлеты, политические трактаты, публицистика

An Appeal to the Government and Congress of the United States Against the Depredations committed by American Privateers on the Commerce of Nations at Peace with Us / By an American Citizen. N.Y., 1819.

Appeal to the Government and People of the United States, in behalf of the Independent South American Provinces. N.Y., 1818.

Bolivar y Europa en las cronicas, el pensamiento politico y la historiografia. Vol. I. Siglo XIX / Dir. por Alberto Filippi. Caracas, 1986.

[*Brackenridge* H. *M.*] South America: A Letter on the present state of that country to James Monroe, President of the United States, by an American. Wash., D.C., 1817.

Causas para declarar la Guerra a los Estados-Unidos del norte y delitos del ministro Poinsett / por un Amante de su Patria. Mexico, 1829.

[*Chew B.*] A Sketch of the Politics, Relations, and Statistics, of the Western World, and of those Characteristics of European Policy which most immediately affect its interests: intended to demonstrate the necessity of a Grand American Confederation and Alliance.

Philadelphia, 1827.

Cobbett W. Our Anti-Neutral Conduct Reviewed. N.Y. (?), 1817.

Duane W. The Two Americas, Great Britain, and the Holy Alliance, Wash., D.C., 1824.

[*Everett A. H.*] America: or A general survey of the Political Situation of the several powers of the Western Continent, with conjectures of their future prospects By a citizen of the United States. Philadelphia, 1827.

Idem. Eighteen Hundred and Twenty: A Poem. Part First. L., 1821.

[*Idem.*] Europe: or a general survey of the present situation of the principal powers; with conjectures on their future prospects: By a Citizen of the United States. Boston, 1822.

Gibson Ch. The Black Legend: Anti-Spanish Attitudes in the Old World and the New. N.Y., 1971.

[*Gongalves da Cruz A.*] Reply to the Author of the Letter on South America and Mexico, by an American; addressed to Mr. James Munroe, President of the United States, Printed at Washington, in this present year, 1817. Philadelphia, 1817.

Harrison B. Remarks of General Harrison, Late Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary of the United States To the Republic of Colombia, on certain charges made against him by that government. To which is added, and unofficial letter, from General Harrison to General Bolivar, on the affairs of Colombia; with Notes, Explanatory of his Views of the Present State of that Country. Wash., D.C., 1830.

Irvine B. Commerce of Southern America; Its Importance to Us, with some Remarks on a Canal at Darien and Other Cognate Subjects. Chiefly Extracted from a Report by B. Irvine. Philadelphia, [1822].

[Idem.] Strictures on a Voyage to South America. Baltimore (Md.), 1820.

Idem. Traits of Colonial Jurisprudence; or, A Peep at the Trading Inquisition of Cura9ao. Baltimore (Md.), 1824.

Jordan J. Serious Actual Dangers of Foreigners and Foreign Commerce, in the Mexican States: Useful information to all travellers in that country, and especially to the merchants of the United States; and equally important to the cabinets of Washington and London, and to the congress of Tacubaya. Philadelphia, 1826.

La Independencia de la Costa Firme Justificada por Thomas Paine Trenta Anos Ha / Extracto de sus Obras traducido del Ingles al Espanol por Don Manuel Garcia de Sena. Philadelphia, 1811 (Caracas, 1949).

Memorial of sundry inhabitants of the state of Massachusetts on the subject of privateering. Jan. 26, 1821. Wash., D.C., 1821.

[Monteagudo B.] An Essay on the Necessity of a General

Confederation among the Spanish American States, and A Plan for its Organization. A Posthumous Work of the Hon. Col. D. Bernardo Monteagudo / Transl. by Platt H. Crosby. Lima, 1825.

Murat A. Lettres sur les Etats-Unis; a un de ses amis d'Europe. P., 1830.

Onis L., de. Memoir Upon the Negotiations between Spain and the United States of America, which Led to the Treaty of 1819. With a Statistical Notice of that Country. Accompanied with an Appendix, Containing Important Documents for the Better Illustration of the Subject / Transl. from the Spanish, with Notes, by Tobias Watkins. Baltimore (Md.), 1821 (ориг. изд. – Madrid, 1820).

[Palacio Fajardo M.] Outline of Revolutions in Spanish America; or An Account of the *Origin, Progress, and Actual State of the War* Carried on between Spain and Spanish America; containing the Principal Facts which have Marked the Struggle. By a South-American. L., 1817 (N.Y., 1817; Hamburg, 1818, P., 1819).

Pazos [Kanki] V. The Exposition, Remonstrance and Protest of Don Vincente Pazos, Commissioner on Behalf of the Republican Agents established at Amelia Island, in Florida, under the Authority and in behalf of the Independent States of South America. Philadelphia, 1818.

Idem. Letters on the United Provinces of South America Addressed to the Hon. Henry Clay, Speaker of the House of Representatives of the U. States / Translated from the Spanish by Platt H. Crosby, Esq. N.Y., 1819.

Poinsett J. R. Exposicion de la conducta politica de los Estados-Unidos, para con las nuevas repdblicas de America. Mexico, 1827.

Pradt D.-G.-F., abbe de. Congres de Panama. P., 1825.

Idem. Des Colonies, et de la Revolution Actuelle de FAmerique. 2 vols. P., 1817.

Idem. Europe and America, in 1821; with an Examination of the Plan Laid Before the Cortes of Spain, for the Recognition of the Independence of South America / transl. by J. D. Williams. 2 vols. L., 1822. (ориг. изд. – P., 1822)

Idem. L'Europe et FAmerique en 1822 et 1823. 2 parties. P., 1824.

Robinson W. D. A Cursory View of Spanish America, particularly the neighbouring vice-royalties of Mexico and New Grenada, chiefly intended to elucidate the policy of an early connection between the United States and those countries. Georgetown, D.C., 1815.

Santangelo de Attelis O. Las cuatro primeras discusiones del Congreso de Panama / traducidas del autografo frances al espanol por L. de Zavala. Mexico, 1826.

Idem. Statement of Facts Relating to the Claim of Orazio de Attelis Santangelo, a Citizen of the United States, on the Government of

Mexico, preceded by some explanatory remarks, and followed by a specified list of accompanying documents. Wash., D.C. 1841.

Schmidt-Phiseldek C. F.}, von. Europe and America or the relative state of the civilized world at a future period / Transl. from the German by Joseph Owen. Copenhagen, 1820 (на нем. яз. – Copenhagen, 1820, 1832; на фр., дат. – Copenhagen, 1820; тж. – Amsterdam, 1820, Stockholm, 1821).

Stagg f. C. A. The Political Essays of William Shaler // William and Mary Quarterly. 3rd series. Vol. 59. № 2 (Apr. 2002). Web supplement (http://oieahc.wm.edu/wmq/ Apr02/Stagg.pdf).

Thornton W. Outlines of a Constitution for United North and South Columbia. Wash., D.C., 1815.

Torres M. An Exposition of the Commerce of Spanish America; with some observations upon its importance to the United States. Philadelphia, 1816.

[Tudor W.] Gebel Teir. Boston, 1829.

[Yard J.] Spanish America and the United States; or, Views of the Actual Commerce of the United States with the Spanish colonies: and of the effects of a war with Spain on that commerce. Also some observations on the probable intelligence of the emancipation of the Spanish colonies on the agriculture and commerce of Philadelphia. By a Merchant of Philadelphia. Philadelphia, 1818.

Учебники, исторические, биографические сочинения современников

Adams D. Geography; or, A Description of the World. 5th ed. Boston, 1820.

The Beauties of Modern History, commencing with the life and achievements of Alexander the First, Emperor of all the Russias; with the campaigns of Bonaparte; also, a correct History of South America, by Don Vincente Pazos. To which is added, the Admirable Works of Nature, and the Rights of Women Investigated. 2nd ed. Philadelphia, [ca. 1820].

Everett E. The Monroe Doctrine. N.Y., 1863 (первоначально в: Ledger. October 3, 1863).

Goodrich S. G. A System of Universal Geography… Boston, 1832.

Idem. Lights and Shadow of American History. Boston, 1844.

Lyman Eh., Jr. The Diplomacy of the United States. Being an Account of the Foreign Relations of the Country, from the first treaty with France, in 1778, to the present time. 2nd ed., with add. 2 vols. Boston, 1828.

Mackenzie E. An Historical, Topographical and Descriptive View of the United States of America, and of Lower and Upper Canada. With an Appendix, Containing a brief and comprehensive Sketch of

the Present State of Mexico and South America, and also of the Native Tribes of the New World. Newcastle upon Tyne, [1818].

Morse J. The American Universal Geography… 1st ed. 3 vols. Boston, 1793 (7th ed. 2 vols. Charlestown (Ma.), 1819).

[Niles J. M.] View of South America and Mexico, Comprising Their History, the Political Condition, Geography, Agriculture, Commerce, &c. of the Republics of Mexico, Guatemala. Colombia, Peru, the United Provinces of South America and Chili; with a Complete History of the Revolution, In Each of these INDEPENDENT STATES. By a Citizen of the United States. 2 vols. in one. N.Y., 1826.

Pazos [Kanki] V. Compendio de la Historia de los Estados Unidos de America. N.Y., 1825 (Paris, 1825; La Paz, 1976).

Perkins S. Historical Sketches of the United States, from Peace of 1815 to 1830. N.Y., 1830.

Reid /., Eaton J. H. The Life of Andrew Jackson, Major General in the Service of the United States comprising a History of the War in the South, from the Commencement of the Creek Campaign to the Termination of Hostilities before New Orleans. Philadelphia, 1817 (Tuscaloosa (AL), 1974 / Ed. by Frank L. Owsley, Jr.).

Walsh R., Jr. Poinsett *11* The National Portrait Gallery of Distinguished Americans. Vol. I. Philadelphia – N.Y. – L. / James B. Longacre (Phil.), James Herring (N.Y.), 1834.

Woodbridge W. Ch. A System of Universal Geography, on the principles of Comparison and Classification… Hartford (Ct.), 1824.

Worcester J. E. An Epitome of Modern Geography, with Maps; for the use of common schools. Boston, 1820.

Энциклопедии, справочники

Edinburgh Gazetteer or Geographical Dictionary. 6 vols. Edinburgh, 1822.

Encyclopaedia Americana. A Popular Dictionary of Arts, Sciences, Literature, History, Politics and Biography, brought down to the present time; including a copious collection of original articles in American Biography; on the basis of the seventh edition of the German Conversations-Lexicon / Ed. by Francis Lieber, assisted by E. Wigglesworth. 13 vols. Philadelphia, 1829–1833.

Encyclopaedia Britannica; or, a Dictionary of Arts, Sciences, and Miscellaneous Literature; Enlarged and Improved. 4th ed. 20 vols. Edinburgh, 1810.

New American Cyclopaedia. 16 vols. N.Y., 1857–1866 (статья К. Маркса о Боливаре – пер. в: *Маркс К., Энгельс* Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14).

Rees A. The Cyclopaedia; or, Universal Dictionary of Arts, Sciences, and Literature… First American Edition, Revised, Corrected,

Enlarged, and Adapted to this Country. 41 vols. Philadelphia, 1810–1824 (L., 1819).

Worcester J. E. A Geographical Dictionary, or Universal Gazetteer, Ancient and Modern. 2 vols. 2nd ed. Boston, 1823 (1st ed. – 1817).

Воспоминания, дневники

Adams Ch. F. Diary of Charles Francis Adams / Ed. by Aida DiPace Donald, David Donald. Vol. 1–4 (1820–1832). Cambridge (Ma.), 1964–1968.

Adams J. Q. Memoirs of John Quincy Adams: Comprising Portions of His Diary from 1795 to 1848 / Ed. by Ch. F. Adams. 12 vols. Philadelphia, 1874–1877. Vol. 3–7.

Anderson R. C., *Jr.* The Diary and Journal of Richard Clough Anderson, Jr., 1814–1826 / Ed. by Alfred Tischendorf, E. Taylor Parks. Durham (N.C.), 1964.

The Autobiography of Martin Van Buren / Ed. by John C. Fitzpatrick // Annual Report of the American Historical Association for the Year 1918. 2 vols. Vol. II. Wash., D.C., 1920.

Benton Eh. H. Thirty Years' View; or, A History of the Working of the American Government for Thirty Years, From 1820 to 1850. 2 vols. N.Y, 1854.

Brackenridge H. *M.* Recollections of Persons and Places in the West. 2nd ed., enlarged. Philadelphia, 1868 (1st ed. – Baltimore (Md.), 1834).

Ducoudray Holstein H. L. V. Memoirs of Gilbert Motier La Fayette. N.Y., 1824.

Idem. Memoirs of Simon Bolivar, President Liberator of the Republic of Colombia; and of his principal generals; comprising a secret history of the revolution, and the events which preceded it, from 1807 to the present time. 2 vols. L., 1830 (Boston, 1829, 1830).

Hill H. Recollections of an Octogenarian. Boston, 1884.

Idem. Reminiscences of Dr. George Edwards of Coquimbo, Chili, South America. Weymouth (Ma.), 1890.

Lancaster J. Epitome of some of the chief events and transactions in the Life of Joseph Lancaster, containing an account of the rise and progress of the Lancasterian system of education; and the authors future prospects of usefulness to mankind; Written by himself, and published to promote the education of his family. New Haven (Ct.), 1833.

Levasseur A. Lafayette en Amerique, en 1824 et 1825 ou Journal dun voyage aux Etats-Unis. 2 vols. P., 1829.

Miller W. Memoirs of General Miller, in the Service of the Republic of Peru. By John Miller. 2 vols. L., 1828.

Pazos Kanki V. Memorias Historico-Politicas. T. I. L., 1834 (2nd

ed. – La Paz, 1939). *Poore B. P.* Perley's Reminiscences of Sixty Years in the National Metropolis… 2 vols. Philadelphia, 1886. Vol. I.

Rush R. A Residence at the Court of London, comprising Incidents, Official and Personal, from 1819 to 1825. Second Series, 2 vols. Philadelphia, 1845.

Sargent N. Public Men and Events from the Commencement of Mr. Monroes Administration, in 1817, to the Close of Mr. Fillmore's Administration, in 1853. 2 vols. Philadelphia, 1875.

Историография

Общие труды по истории США, Латинской Америки, международным отношениям

Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М., 2001.

Бурстин Д. Американцы: национальный опыт. М., 1993.

Гонионский С. А. Колумбия. М., 1973.

Дебидур А. Дипломатическая история Европы. От Венского до Берлинского конгресса (1814–1878). М., 1947 (фр. изд. – Р., 1891). Т. I. Священный союз.

Ефимов А. В. Очерки истории США. От открытия Америки до окончания гражданской войны: 1492–1870 гг. 2-е перераб. и доп. изд. М., 1958.

Ефимов А. В. США. Пути развития капитализма. (Доимп. эпоха). М., 1969.

История XIX века / Под ред. Э. Лависса, А. Рамбо. Пер. с фр. под ред. Е. В. Тарле. 2-е испр. и доп. изд. М., 1938. Т. 3–4.

История внешней политики и дипломатии США, 1775–1877 / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М., 1994.

История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войны России с Наполеоном до Парижского мирного договора / Отв. ред. О. В. Орлик. М., 1995.

История Европы. Т. 5. От Французской революции конца XVIII века до первой мировой войны / Отв. ред. С. П. Пожарская. М., 2000.

История Перу с древнейших времен до конца XX века / Отв. ред. С. А. Созина, И. И. Янчук. М., 2000.

История США. Т. 1 / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М., 1983.

Киняпина Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX века. М., 1963. Культура Мексики / Отв. ред. В. А. Кузьмищев. М., 1980.

Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975.

Маныкин А. С. История двухпартийной системы в США (1789–1980). М., 1981. *Орлик* О. *В.* Россия в международных отношениях 1815–1829 гг. (От Венского конгресса до Адрианопольского мира). М., 1998.

Основы общей теории международных отношений / Под ред. А. С. Маныкина. М., 2009.

Очерки истории Аргентины / Под ред. В. И. Ермолаева, Н. М. Лаврова,

А. И. Штрахова. М., 1961.

Очерки истории Бразилии / Под ред. В. И. Ермолаева, Л. Ю. Слезкина, М. С. Альперовича. М., 1962.

Очерки истории Чили / Отв. ред. Н. М. Лавров. М., 1967.

Очерки новой и новейшей истории Мексики, 1810–1945 / Под ред. М. С. Альперовича, Н. М. Лаврова. М., 1960.

Принципы функционирования двухпартийной системы США: история и современные тенденции / Отв. ред. Е. Ф. Языков. Ч. 1. М., 1989.

Согрин В. В. Политическая история США XVII–XX вв. М., 2001.

Старцев А. И. Русско-американские этюды. М., 1995.

Фонер Ф. История Кубы и ее отношений с США. 2 тт. Т. 1. 1492–1845 / Пер. В. Л. Кона. М., 1963.

The American Secretaries of State and their Diplomacy / Ed. by Samuel F. Bemis. 10 vols. N.Y., 1927–1929, 1958. Vol. 4.

Armitage D. The Declaration of Independence: A Global History. Cambridge (Ma.), 2007. *Bailey T. A.* A Diplomatic History of the American People. 10th ed. Englewood Cliffs (N.J.), 1980 (1st ed. – 1940).

Bailyn B. The Ideological Origins of the American Revolution. Cambridge (Ma.), 1967, 1992 (рус. пер.: *Бейлин Б.* Идеологические истоки Американской революции / Пер. К. А. Осповата, Д. М. Хитровой. М., 2010).

Bemis S. F. A Diplomatic History of the United States. N.Y., 1942.

Idem. The Latin American Policy of the United States. N.Y., 1943.

The Cambridge History of American Foreign Relations / Ed. by Warren I. Cohen. 4 vols. Cambridge, 1993. Vol. 1. The Creation of a Republican Empire, 1776–1865 (by Bradford Perkins).

The Cambridge Modern History / Planned by Lord Acton, ed. by Adolfus W. Ward, George W. Prothero, Stanley Leathes. 11 vols. Cambridge, 1902–1909. Vol. VII. The United States. Vol. X. Restoration.

Carbia R. D. Historia de la Leyenda Negra Hispano-Americana. Buenos Aires, 1943. *Clayton L. A.* Peru and the United States: The Condor and the Eagle. Athens (Ga.), 1999.

Close Encounters of Empire: Writing the Cultural History of U.S. – Latin American Relations / Ed. by Gilbert M. Joseph, Catherine C. LeGrand, Ricardo D. Salvatore. Durham (N.C.), 1998.

Common Borders, Uncommon Paths: Race, Culture, and National Identity in U.S. – Mexican Relations / Ed. by Jaime E. Rodriguez O., Kathryn Vincent. Wilmington (Del.), 1997.

Cultures of United States Imperialism / Ed. by Amy Kaplan, Donald E. Pease. Durham (N.C.), 1993.

Curti M. The Growth of American Thought. N.Y., 1943.

De Conde A. A History of American Foreign Policy. 3rd ed. 2 vols. N.Y., 1978. Economics and World Power: An Assessment of American Diplomacy Since 1789 / Ed. by William H. Becker, Samuel Wells, Jr. N.Y., 1984.

Elliott J. H. Empires of the Atlantic World: Britain and Spain in America, 1492–1830. New Haven (Ct.), 2006.

Evans H. C., *Jr.* Chile and Its Relations with the United States. Durham (N.C.), 1927. *Ewell J.* Venezuela and the United States: From Monroe s Hemisphere to Petroleum's Empire. Athens (Ga.), 1996.

Frankel B. A. Venezuela y los Estados Unidos (1810–1888). Caracas, 1977.

Gilbert F. To the Farewell Address: Ideas of Early American Foreign Policy. Princeton (N.J.), 1961, 1970.

Goebel J. L., *Jr.* The Recognition Policy of the United States. N.Y., 1915.

Guerra y Sdnchez R. La expansion territorial de los Estados Unidos a expensas de Espana y de los paises hispanoamericanos. La Habana, 1964.

Heald M., Kaplan L. S. Culture and Diplomacy: the American Experience. Westport (Ct.), 1977.

Hendrickson D. C. Union, Nation, or Empire: The American Debate on International Relations, 1789–1941. Lawrence (Ks.), 2009.

Herring G. C. From Colony to Superpower: US Foreign Relations Since 1776 (Oxford History of the United States). N.Y., 2008.

Hill L. F. Diplomatic Relations between the United States and Brazil. Durham (N.C.), 1932.

History of American Presidential Elections, 1789–1968 / Ed. by Arthur M. Schle-singer, Jr., Fred L. Israel. 4 vols. N.Y., 1971. Vol. I.

History of U.S. Political Parties / Ed. by Arthur M. Schlesinger, Jr. 4 vols. N.Y., 1973. Vol. I. From Factions to Parties.

Hunt M. *H.* Ideology and U. S. Foreign Policy. New Haven (Ct.), 1987, 2009 (рус. изд. – М., 1988).

Jeffersonian Legacies / Ed. by Peter Onuf. Charlottesville (Va.), 1993 (4th ed. – 1999).

Kenworthy E. America/Americas: Myth in the Making of U.S. Policy Toward Latin America. University Park (Pa.), 1995.

Keyssar A. The Right to Vote: the Contested History of Democracy in the United States. N.Y., 2000.

La Feber W. The American Age: United States Foreign Policy at Home at Abroad since 1750. N.Y., 1989.

Langley L. D. The Americas in the Modern Age. New Haven (Ct.), 2003.

Idem. America and the Americas: The United States in the Western Hemisphere. Athens (Ga.), 1989.

Latand J. H. The United States and Latin America. Garden City, (N.J.), 1920 (enl. ed.; 1st ed. – Baltimore (Md.), 1900).

Lippmann W. U.S. Foreign Policy: Shield of the Republic. Boston (Ma.), 1943.

Logan J. A. No Transfer: An American Security Principle. New Haven (Ct.), 1961.

Long D. F. Gold Braid and Foreign Relations: Diplomatic Activities of U. S. Naval Officers, 1798–1883. Annapolis (Md.), 1988.

Madariaga S., *de.* The Decline of the Spanish American Empire. L., 1947.

Meinig D. W. The Shaping of America: A Geographical Perspective on 500 years of History. Vol. 2. Continental America, 1800–1867. New Haven (Ct.), 1993.

The New Cambridge Modern History. Vol. IX. War and Peace in an Age of Upheaval, 1793–1830 / Ed. by C. W. Crawley. Cambridge, 1965.

North D. C. The Economic Growth of the United States, 1790–1860. Englewood Cliffs (N.J.), 1961.

Novick P. That Noble Dream: The "Objectivity Question" and the American Historical Profession. Cambridge, 1988.

Parks E. T. Colombia and the United States, 1765–1934. Durham (N.C.), 1935.

Perkins D. The United States and Latin America. Baton Rouge (La.), 1961.

Idem. The Yield of the Years. Boston, 1969.

Peterson H. F. Argentina and the United States, 1810–1960. Albany (N.Y.), 1964.

Petrie D. A. The Prize Game: Lawful Looting on the High Seas in the Days of Fighting Sail. Annapolis (Md.), 1999.

Pike F. The United States and Latin America: Myths and Stereotypes of Civilization and Nature. Austin (Tex.), 1992.

Plummer B. G. Haiti and the United States: the Psychological Moment. Athens (Ga.), 1992.

Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton (N.J.), 1975.

Ported Vild H. Historia de Cuba en sus relaciones con los Estados Unidos y Espana. 4 tomos. La Habana, 1938–1941. T. I (1512–1853).

Powell Ph. W. Tree of Hate: Propaganda and Prejudices Affecting United States Relationships with the Hispanic World. N.Y., 1971.

Randall S. J. Colombia and the United States: Hegemony and Interdependence. Athens (Ga.), 1992.

Renouvin P., Duroselle J.-B. Introduction a l'histoire des relations internationales. P„1964.

Renouvin P. Le XIX-e siecle: 1. De 1815 a 1871: L'Europe des nationalites et l'eveil de nouveaux mondes. R, 1954 (serie "L'Histoire des Relations Internationales" / sous la dir. de Pierre Renouvin. T. 5).

Rippy J. F. South America and Hemisphere Defense. Baton Rouge (La.), 1941. *Robertson W. S.* Hispanic-American Relations with the United States. N.Y., 1923. *Idem.* History of the Latin-American Nations. N.Y., 1932 (N.Y., 1922, 1925).

Idem. The United States and Mexico. N.Y., 1926.

Romani R. National Character and Public Spirit in Britain and France, 1750–1914. Cambridge, 2002.

Safer W. F. Chile and the United States: Empires in Conflict. Athens (Ga.), 1990. *Schmitt K. M.* Mexico and the United States, 1821–1973: Conflict and Coexistence. N.Y., 1974.

Schoultz L. Beneath the United States: A History of U.S. Policy toward Latin America. Cambridge (Ma.), 1998.

Sheinin D. M. *K.* Argentina and the United States: An Alliance Contained. Athens (Ga.), 2006.

Traditions and Values: American Diplomacy, 1790–1865 / Ed. by Norman A. Graebner. Lanham (Md.), 1985.

Wood G. The Creation of the American Republic, 1776–1787. Chapel Hill (N.C.), 1969.

Zorrilla L. G. Historia de las relaciones entre Mexico y los Estados Unidos de America, 1800–1958. 2 vols. Mexico, 1965–1966.

Монографии по рассматриваемому периоду

Альперович М. С. Война за независимость Мексики (1810–1824). М., 1964.

Он же. Испанская Америка в борьбе за независимость. М., 1971.

Он же. Рождение мексиканского государства. М., 1979.

Он же. Франсиско де Миранда в России. М., 1986.

Болховитинов Н. *Н.* Доктрина Монро (происхождение и характер). М., 1959.

Он же. Русско-американские отношения. 1815–1832. М., 1975.

Война за независимость в Латинской Америке (1810–1826) / Отв. ред. Н. М. Лавров. М., 1966.

Додолев М. А. Венский конгресс в историографии XIX и XX веков. М., 2000.

Он же. Россия и Испания, 1808–1823: война и революция в Испании и русско-испанские отношения. М., 1984.

Ильина Н. Г. Колумбия: от колонии к независимости. 1781–1819 гг. М., 1976. *Комиссаров Б. Н.* Петербург – Рио-де-Жанейро: Становление отношений, 1808–1828. Л., 1987.

Ларин Е. А. Куба конца XVIII – первой трети XIX века. М.,

1989.

Медина М. Соединенные Штаты и Латинская Америка. XIX век (история экспансии США). М., 1974 (ориг. изд. – La Habana, 1968).

Перу: 150 лет независимости. М., 1971.

Подвиг Симона Боливара / Отв. ред. Ю. А. Зубрицкий. М., 1982.

Потокова Н. В. Аннексия Техаса Соединенными Штатами Америки, 1821–1845. Ростов н/Д, 1986.

Симон Боливар: История и современность / Под ред. А. Ф. Шульговского, Я. Г. Шемякина. М., 1985.

Слезкин Л. Ю. Россия и война за независимость в Латинской Америке. М., 1964. *Согрин В. В.* Идеологические течения в американской революции XVIII века. М., 1980.

Соловьева Т. С. Религиозная политика либеральных тори в Англии (20-ые гг. XIX века). М., 2000.

Трояновская М. О. США: у истоков двухпартийной системы. М., 1989.

Штрахов А. И. Война за независимость Аргентины. М., 1976.

Щелчков А. А. Война за независимость Чили. М., 2010.

Adelman }. Sovereignity and Revolution in the Iberian Atlantic. Princeton (N.J.), 2006.

Appleby J. Inheriting the Revolution: The First Generation of Americans. Cambridge (Ma.), 2000.

Belaunde V. A. Bolivar and the Political Thought of the Spanish American Revolution. Baltimore (Md.), 1938 (N.Y., 1967; исп. изд. – Madrid, 1959). *Belohlavek /.* M. “Let the Eagle Soar”: The Foreign Policy of Andrew Jackson. Lincoln (Neb.), 1985.

Bemis S. F. Early Missions from Buenos-Aires to the United States, 1811–1824. Worcester (Ma.), 1940.

Bernstein H. Making an Inter-American Mind. Gainesville (Fla.), 1961.

Idem. Origins of Inter-American Interest. N.Y, 1965 (1st ed. – N.Y., 1945).

Beyond the Founders: New Approaches to the Political History of the Early American Republic / Ed. by Andrew Robertson, David Waldstreicher, Jeffrey Pasley. Chapel Hill (N.C.), 2004.

Billingsley E. B. In Defense of Neutral Rights: the United States Navy and the Wars of Independence in Chile and Peru. Chapel Hill (N.C.), 1967.

The Birth of Modern Mexico, 1780–1824 / Ed. by Christon I. Archer. Wilmington (Del.), 2003.

Bornholdt L. Baltimore and Early Pan-Americanism: A Study in the Background of the Monroe Doctrine. Northampton (Ma.), 1949.

Brack G. M. Mexico Views Manifest Destiny, 1821–1846: An Essay

on the Origins of the Mexican War. Albuquerque (N.M.), 1975.

Brooks Ph. C. Diplomacy and the Borderlands. The Adams – Onis Treaty of 1819. Berkeley (Ca.), 1939.

Calderas F. Bolivar frente a Estados Unidos. Maracaibo, 1983.

Chandler Ch. L. Inter-American Acquaintances. 2nd enl. ed. Sewanee (Tn.), 1917 (1st ed. – Sewanee (Tn.), 1915).

Cunningham N. £., Jr. The Presidency of James Monroe. Lawrence (Ks.) 1996.

Dangerfield G. The Awakening of American Nationalism. 1815–1828. N.Y., 1965.

Idem. The Era of Good Feelings. N.Y., 1952.

Dominguez J. I. Insurrection or Loyalty: The Breakdown of the Spanish American Empire. Cambridge (Ma.), 1980.

Durey M. Transatlantic Radicals and the Early American Republic. Lawrence (Ks.), 1997.

Earle R. A. Spain and the Independence of Colombia, 1810–1825. Exeter, 2000.

Elkins S., McKitrick E. The Age of Federalism: The Early American Republic, 1788–1800. N.Y., 1993.

Freehling W. W. Prelude to Civil War: The Nullification Controversy in South Carolina, 1816–1836. N.Y., 1965.

Fuentes Mares J. Genesis del expansionismo norteamericano. Mexico, 1980.

Idem. Poinsett, Historia de una Gran Intriga. Sept. ed. Mexico, 1982.

Gallardo G. Joel Roberts Poinsett, agente norteamericano, 1810–1814. Buenos Ayres, 1984.

Goetzmann W. H. When the Eagle Screamed: The Romantic Horizon in American Diplomacy, 1800–1860. N.Y., 1966.

Gregory D. Brute New World: The Rediscovery of Latin America in the Early Nineteenth Century. L., 1992.

Griffin Ch. C. The United States and the Disruption of the Spanish Empire, 1810–1822. N.Y., 1937.

Hargreaves M. W. The Presidency of John Quincy Adams. The Presidency of John Quincy Adams. Lawrence (Ks.), 1985.

Hasbrouck A. Foreign Legionaries in the Liberation of Spanish South America. N.Y., 1928 (N.Y., 1969).

Hofstadter R. The Idea of a Party System: The Rise of Legitimate Oppositoin in the United States, 1780–1840. Berkeley (Ca.), 1969.

Horsman R. Race and Manifest Destiny: The Origins of American Racial Anglo-Saxonism. Cambridge (Ma.), 1981.

Howe D. W. What Hath God Wrought: The Transformation of America, 1815–1848 (Oxford History of the United States). N.Y., 2007.

Hunt A. H. Haiti's Influence on Antebellum America: Slumbering Volcano in the Caribbean. Baton Rouge (La.) 1988.

The Independence of Latin America / Ed. by Leslie Bethell. Cambridge, 1987.

Jaksic I. The Hispanic World and American Intellectual Life, 1820–1860. Houndmills, 2007.

Jaramillo J. D. Bolivar y Canning, 1822–1827. Desde el Congreso de Verona hasta el Congreso de Panama. Bogota, 1983.

Johnson J. J. A Hemisphere Apart: The Foundations of United States Policy toward Latin America. Baltimore (Md.), 1990.

Johnston H. *M.* Missions to Mexico: A Tale of British Diplomacy in the 1820s. L., 1992. *Kaufmann W. W.* British Policy and the Independence of Latin America, 1804–1828. New Haven (Ct.), 1951.

Kansil J. Q. John Quincy Adams and Latin America. Honolulu, 1983 (1st ed. – 1966). *Ketcham R.* Presidents Above Party: The First American Presidency, 1789–1829. Chapel Hill (N.C.), 1984.

Klamkin M. The Return of Lafayette, 1824–1825. N.Y., 1975.

Kossok M. Im Schatten der Heiligen Allianz: Deutschland und Lateinamerika, 1815–1830: zur Politik der deutschen Staaten gegeniiber der Unabhangigkeitsbewegung Mittel– und Siidamerikas. Berlin, 1964.

Kramer L. Lafayette in Two Worlds: Public Cultures and Personal Identities in an Age of Revolutions. Chapel Hill (N.C.), 1996.

Lang D. G. Foreign Policy in the Early Republic: The Law of Nations and the Balance of Power. Baton Rouge (La.), 1985.

Langley L. D. The Americas in the Age of Revolution, 1750–1850. New Haven (Ct.), 1996.

Idem. The Cuban Policy of the United States: A Brief History. N.Y., 1968.

Idem. Struggle for the American Mediterranean: United States – European Rivalry in the Gulf Caribbean, 1776–1904. Athens (Ga.), 1976.

Lepore J. A is For American: Letters and Other Characters in the Newly United States. NY, 2002.

Lewis J. E., Jr. The American Union and the Problem of Neighborhood: the United States and the Collapse of Spanish Empire, 1783–1829. Chapel Hill (N.C.), 1998. *Liss P. K.* Atlantic Empires: the Network of Trade and Revolution, 1713–1826. Baltimore (Md.), 1983.

Livermore Sh.} Jr. The Twilights of Federalism: The Disintegration of the Federalist Party, 1815–1830. Princeton (N.J.), 1962.

Lockey J. B. Pan-Americanism. Its Beginnings. N.Y., 1920.

Lynch J. The Spanish American Revolutions, 1808–1826. N.Y., 1973 (рус. изд. – *Линч Дж.* Революции в Испанской Америке. 1808–1826. М., 1979).

Maclntire J. B. Lafayette, the Guest of the Nation: the Tracing of the Route of Lafayette's Tour of the United States, 1824–1825. Northampton (Ma.), 1967. *Manning W. R.* Early Diplomatic Relations Between the United States and Mexico. Baltimore (Md.), 1916.

May E. The Making of the Monroe Doctrine. Cambridge (Ma.), 1975.

Merk F. Manifest Destiny and Mission in American History: A Reinterpretation. N.Y., 1963.

Murphy G. Hemispheric Imaginings: The Monroe Doctrine and Narratives of U.S. Empire. Durham (N.C.), 2005.

Myths, Misdeeds, and Misunderstandings: the Roots of Conflict in U.S. – Mexican Relations / Ed. by Jaime E. Rodriguez O., Kathryn Vincent. Wilmington (Del.), 1997.

Nagel P. C. This Sacred Trust: American Nationality, 1798–1898. N.Y., 1971.

Nichols R. F. Advance Agents of American Destiny, Philadelphia, 1956.

The North American Role in the Spanish Imperial Economy, 1760–1819 / Ed. by Jacques A. Barbier, Allan J. Kuethe. Manchester, 1984.

Orsi R. James Monroe contra la independencia Argentina. Buenos Ayres, 1983.

Owsley F., Jr., Smith G. Filibusters and Expansionists: Jeffersonian Manifest Destiny, 1800–1821. Tuscloosa (AL), 1997.

Paxson F. L. The Independence of the South-American Republics: A Study in Recognition and Foreign Policy. Philadelphia, 1903.

Pëzez L. A., *Jr.* Cuba and the United States: Ties of Singular Intimacy. Athens (Ga.), 2003 (1st, 2nd eds. – 1990, 1997).

P0rez-Mejia A. A Geography of Hard Times: Narratives about Travel to South America, 1780–1849 / Transl. by D. Chester. Albany (N.Y.), 2004 (исп. изд. – Medellin, 2002).

Perkins B. Castlereagh and Adams: England and the United States, 1812–1823. Berkeley (Ca.), 1964.

Perkins D. Hands off, A History of the Monroe Doctrine. Boston, 1941.

Idem. The Monroe Doctrine, 1823–1826. Cambridge (Ma.), 1927.

Idem. The Monroe Doctrine, 1826–1867. Baltimore (Md.), 1933.

Pessen E. Riches, Class, and Power Before the Civil War. Lexington (Ma.), 1973.

Platt D. C. Latin America and British Trade, 1806–1914. Edinburgh, 1972 (N.Y., 1973).

Pratt J. W. The Expansionists of 1812. N.Y., 1928.

La Repiiblica de las Floridas: Texts and Documents / Comp, by David Bushnell. Mexico, 1986.

ResOndez A.Changing National Identities at the Frontier: Texas and New Mexico, 1800–1850. Cambridge, 2005.

Revolutionary Currents: Nation Building in the Transatlantic World / Ed. by Michael A. Morrison, Melinda Zook. Lanham (Md.), 2004.

Ridjord J. Foreign Interest in the Independence of New Spain: An Introduction to the War of Independence. Durham (N.C.), 1935.

Rippy J. F. British Investments in Latin America, 1822–1949: A Case Study in the Operations of Private Enterprise in Retarded Regions. Minneapolis (Mn.), 1959.

Idem. Rivalry of the United States and Great Britain over Latin America, 1808–1830. Baltimore (Md.), 1929.

Rives J. L. The United States and Mexico, 1821–1848. A History of the relations between the two countries from the independence of Mexico to the close of the war with the United States. 2 vols. NY, 1913.

Rivoluzione Bolivariana: Istituzioni – Lessico – Ideologia / A cura di Mario Sabbatini // Quaderni Latinoamericani. Vol. VIII (1981).

Robertson W. S. France and Latin-American Independence. Baltimore (Md.), 1939.

Rodriguez O., /. The Independence of Spanish America. Cambridge, 1998.

Rolddn Vera E. The British Book Trade and Spanish American Independence: Education and Knowledge Transmission in Transcontinental Perspective. Aldershot (Hampshire) – Burlington (Vt.), 2003.

Rossignol M.-J. The Nationalist Ferment: The Origins of U.S. Foreign Policy, 1789–1812 / Transl. by Lillian A. Parrott. Columbus (Oh.), 2004 (ориг. изд. – P., 1994).

Russell G. John Quincy Adams and the Public Virtues of Diplomacy. Columbia (Ms.) 1995.

Scharf T. J. The Chronicles of Baltimore; being a complete history of “Baltimore Town” and Baltimore City from the earliest period to the present time. Baltimore (Md.), 1874 (repr. – Port Washington, N.Y., 1972).

Sellers Ch. The Market Revolution: Jacksonian America, 1815–1846. N.Y., 1991.

Semmes R. Baltimore as Seen by Visitors, 1783–1860. Baltimore (Md.), 1953.

Setser G. V The Commercial Reciprocity Policy of the United States, 1774–1829. Philadelphia, 1937.

Simon Bolivar: Essays on the Life and Liberty of the Liberator / Ed. by David Bushnell, Lester D. Langley. Lanham (Md.), 2008.

Stagg J. C. A. Borderlines in Borderlands: James Madison and the

Spanish-American Frontier, 1776–1821. New Haven (Ct.), 2009.

Stoan S. K. Pablo Morillo and Venezuela, 1815–1820. Columbus (Oh.), 1974.

Taylor G. R. Transportation Revolution. NY, 1951.

Tatum E. H., Jr. The United States and Europe, 1815–1823: A Study in the Background of the Monroe Doctrine. Berkeley (Ca.), 1936.

Turner F. J. Rise of the New West, 1819–1829. NY, 1906.

Tyler A. F. Freedoms Ferment. Phases of American Social History to 1860. Minneapolis (Mn.), 1944.

United States – Latin American Relations, 1800–1850. The Formative Generations / Ed. by T. Ray Shurbutt. Tuscaloosa (AL), 1991.

Vale B. Independence or Death! British Sailors and Brazilian Independence, 1822–1825. L., 1996.

Van Alstyne R. W. The Rising American Empire. N.Y., 1960 (2nd ed. – Chicago (111.), 1965).

Varg P. A. New England and Foreign Relations, 1789–1850. Hanover (N.H.), 1983.

Idem. United States Foreign Relations, 1820–1860. East Lansing (Mich.), 1979.

Vaughan E. Joseph Lancaster en Caracas (1824–1827). Y sus relaciones con el Libertador Simon Bolivar, con datos sobre las escuelas lancasterianas en Hispanoamerica en el siglo XIX, y apuntes sobre los esfuerzos que hizo la sociedad biblica britanica y extranjera en distribuir las sagradas escrituras en espanol en sus territorios. T. I–II. Caracas, 1987–1989.

Warren H. G. The Sword Was Their Passport: A History of American Filibustering in the Mexican Revolution. Baton Rouge (La.), 1943 (repr. – Port Washington (N.Y.), 1972).

The Wars of Independence in Spanish America / Ed. by Christon I. Archer. Wilmington (Del.), 2000.

Watson H. L. Andrew Jackson vs. Henry Clay: Democracy and Development in Antebellum America. Boston, 1998.

Weber D. J. The Mexican Frontier, 1821–1846: The American Southwest under Mexico. Albuquerque (N.M.), 1982.

Idem. Myth and History of the Hispanic Southwest. Albuquerque (N.M.), 1988.

Idem. The Spanish Frontier in North America. New Haven (Ct.), 1992.

Webster Ch. K. The Foreign Policy of Castlereagh, 1815–1822. L., 1925.

Weeks W. E. John Quincy Adams and American Global Empire. Lexington (Ky.), 1992.

Idem. Building the Continental Empire: American Expansionism from the Revolution to the Civil War. Chicago (111.), 1996.

Weinberg A. K. Manifest Destiny: A Study of Nationalist Expansionism in American History. Baltimore (Md.), 1935 (repr. – Chicago (111.), 1966).

Whitaker A. P. The United States and the Independence of Latin America, 1800–1830. Baltimore (Md.), 1941 (repr. – N.Y., 1964).

Idem. The Western Hemisphere Idea: Its Rise and Decline. Ithaca (NY), 1954.

Williford M. Jeremy Bentham on Spanish America: an Account of his Letters and Proposals to the New World. Baton Rouge (La.), 1980.

Исследования общественного мнения и журналистики

Американская проблематика в периодике XVIII–XX вв. / Отв. ред. В. А. Коленеко. М., 2004.

Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М., 2004 (ориг. изд. – N.Y., 1922).

Almond G. A. The American People and Foreign Policy. N.Y., 1950.

Bailey T. A. The Man in the Street: the Impact of American Public Opinion on Foreign Policy. N.Y., 1948 (repr. – Gloucester (Ma.), 1964).

Brooke J. L. To be 'Read by the Whole People': Press, Party, and Public Sphere in the United States, 1789–1840 // AAS. Proceedings. Vol. 110. Pt. 1. Worcester (Ma.), 2002.

Bauer W. Die oifentliche Meinung und ihre geschichtlichen Grundlagen. Ein Versuch. Tubingen, 1914.

Childs H. L. Public Opinion: Nature, Formation and Role. Princeton (N.J.), 1965.

Emery E. The Press and America: An Interpretative History of Journalism. Englewood Cliffs (N.J.), 1962 (1st ed. – 1954).

John R. Spreading the News: the American Postal System from Franklin to Morse. Cambridge (Ma.), 1995.

Luxon N. N. Niles' Weekly Register, News Magazine of the Nineteenth Century. Baton Rouge (La.), 1947.

Mott F. L. A History of American Magazines. 4 vols. Cambridge (Ma.), 1930–1938 (repr. – 1957). Vol. I–II.

Ozouf M. Le concept d'opinion publique au XVIIIe siecle // *Eadem.* L'Homme Regenere: Essais sur la Revolution Fraˆaise. P., 1989.

Pasley J. C. "The Tyranny of Printers": Newspaper Politics in the Early American Republic. Charlottesville (Va.), 2001.

Salmon L. M., The Newspaper and the Historian. N.Y., 1923.

Биографии

Исаев С. А. Джеймс Мэдисон: политическая биография. СПб., 2006.

Acosta Saignes M. Bolivar: Accion y Utopia del hombre de las dificultades. 3.ª ed.

Caracas, 1997 (l.ª ed. – La Habana, 1977).

Ammon H. James Monroe: The Quest for National Identity. N.Y., 1971.

Belohlavek J. M. Broken Glass: Caleb Cushing and the Shattering of the Union. Kent (Oh.), 2005.

Bemis S. F. John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy. N.Y., 1949.

Idem. John Quincy Adams and the Union. NY, 1956.

Barker H. *E.* The Life of Stephen F. Austin, Founder of Texas, 1793–1836: A Chapter in the Westward Movement of the Anglo-American People. Nashville (Tn.), 1925.

Bierck H. A., *Jr.* Vida Publica de Pedro Gual / Transl. par Leopoldo Landaneta. Caracas, 1947.

Bowman Ch. H., Jr. Vicente Pazos Kanki: Un Boliviano en la Libertad de America / Transl. de Raul Mariaga G. y Samuel Mendoza. La Paz, 1975.

Brant I. James Madison. 6 vols.. Indianapolis (Ind.), 1941–1961. Vol. 4–6 (1800–1836).

Davis Th. B., Jr. Carlos de Alvear, Man of the Revolution: the Diplomatic Career of Argentina's First Minister to the United States. Durham (N.C.), 1955.

Eaton C. Henry Clay and the Art of American Politics. Boston, 1957.

Eustis F. Augustus Hemenway, 1805–1876, Builder of the United States Trade with the West Coast of South America. Salem (Ma.), 1955.

Frothingham P. R. Edward Everett, Orator and Statesman. Boston, 1925 (repr. – Port Washington, N.Y., 1971).

Fuess C. M. The Life of Caleb Cushing. 2 vols. N.Y., 1923.

Greeley H. The Life and Public Services of Henry Clay, down to 1848 by Epes Sargent.

Edited and Compelled at Mr. Clay's Death by Horace Greeley. NY, 1860.

Keen B. David Curtis DeForest and the Revolution of Buenos Aires. New Haven (Ct.), 1947.

Keller W. F. The Nations Advocate: Henry Marie Brackenridge and Young America. Pittsburg (Pa.), 1956.

Lewis J. E., Jr. John Quincy Adams: Policymaker for the Union. Wilmington (Del.), 2001.

Lochemes M. F., sister. Robert Walsh: His Story. N.Y., 1941.

LongD. F. Nothing too Daring: A Biography of David Porter, 1780–1843. Annapolis (Md.), 1970.

Lynch J. Simon Bolivar: A Life. New Haven (Ct.), 2006.

Madariaga S., de. Bolivar. Coral Gables (Fla.), 1952.

Masur G. Simon Bolivar. Albuquerque (N.M.), 1948, 1969.

Mayo B. Henry Clay, Spokesman of the New West. Boston, 1937.

Nagel P. C. John Quincy Adams. A Public Life, A Private Life. Cambridge (Ma.), 1999 (1st ed. – N.Y., 1997).

Parsons L. H. John Quincy Adams. Madison (Wise.), 1998.

Parton D. M. The Diplomatic Career of Joel Roberts Poinsett. Wash., D.C., 1934.

Peterson M. D. The Great Triumvirate: Webster, Clay, and Calhoun. N.Y., 1987.

Phillips K. T. William Duane, Radical Journalist in the Age of Jefferson. N.Y., 1989.

Poore B. P. Biographical Sketch of John Stuart Skinner. Reprinted from "The Plough, the Loom and the Anvil" 1854 by John L. O'Connor. N.Y., 1924.

Porter D. D. Memoir of Commodore David Porter of the United States Navy. Albany (N.Y.), 1875.

Putnam H. *E.* Joel Roberts Poinsett; a Political Biography. Washington, D.C., 1935.

Remini R. V. Andrew Jackson and the Course of American Empire, 1767–1821. N.Y., 1977.

Idem. Andrew Jackson and the Course of American Freedom, 1822–1832. N.Y., 1981.

Idem. Henry Clay: Statesman for the Union. N.Y., 1991.

Idem. Martin Van Buren and the Making of the Democratic Party. N.Y., 1959.

Rippy /. F. Joel R. Poinsett, Versatile American. Durham (N.C.), 1935 (repr. – N.Y., 1968).

Robertson W. S. The Life of Miranda. 2 vols. N.Y., 1929 (repr. – N.Y., 1969).

Seaburg C., *Paterson S.* The Ice King: Frederic Tudor and His Circle. Boston (Ma.) – Mystic (Ct.), 2003.

Simmons M. *E.* Santiago F. Puglia, An Early Philadelphia Propagandist for Spanish American Independence. Chapel Hill (N.C.), 1977.

Van Deusen G. G. The Life of Henry Clay. Boston, 1937.

Статьи

Альперович М. С. О «белых пятнах» в истории Америки // ННИ. 1989. № 2.

Он же. Парагвайская революция первой половины XIX в.

в историографии США // АЕ. 1974. М., 1974.

Он же. Франсиско де Миранда и «отцы-основатели США» (1783–1806) // АЕ. 2001. М., 2003.

Он же, Ермолаев В. И., Лаврецкий И. R, Семенов С. И. 06 освободительной войне испанских колоний в Америке // Вопросы истории. 1956. № 11.

Болховитинов Н. *Н.* К вопросу о позиции США в войне Латинской Америки за независимость // Война за независимость в Латинской Америке (1810–1826) / Отв. ред. Н. М. Лавров. М., 1964.

Он же. К вопросу об угрозе интервенции Священного союза в Латинскую Америку. (Из предыстории доктрины Монро) // ННИ. 1957. № 3.

Он же. Присоединение Флориды Соединенными штатами // ННИ. 1959. № 5.

Власова М. А. Американская система Г. Клея и ее роль в идейном становлении вигской партии // Проблемы новой и новейшей истории / Отв. ред. Е. Ф. Языков. М., 1982.

Гонионский С. А. Территориальная экспансия США в начале XIX века // ННИ. 1958. № 5.

Исаев С. А. Джон Локк и мировоззрение отцов-основателей США // Проблемы всемирной истории: Сб. ст. в честь акад. А. А. Фурсенко. СПб., 2000.

Исэров А. А. США и Панамский конгресс 1826 года // АЕ. 2003. М., 2005.

Он же. «Техасский вопрос» в американской политике в 1815–1821 гг. // Вестник МГУ, серия «история». 2006. № 1.

Лафибер У. Американская историография внешней политики США // ННИ. 1993. № 1.

Потоков Е. Н. Две экспедиции Зебулона Монтгомери Пайка (1805–1806 – 1807) // АЕ. 1991. М., 1992.

Потокова Н. В. Причины и характер североамериканской колонизации Техаса (1821–1835) // АЕ. 1974. М., 1974.

Она же. Ранний период экспансии США в Техас (конец XVIII в. – 1819 г.) // Экспансионистская политика США в первой пол. XIX века / Отв. ред. С. Ф. Хроленок. Иркутск, 1981.

Романова Н. *Х.* К вопросу о политике США в отношении Испании (первая четверть XIX в.) // АЕ. 1977. М., 1977.

Терехов В. И. Борьба течений внутри республиканской партии в «эру доброго согласия» (1815–1824) // Политические партии США в новое время / Отв. ред. Н. В. Сивачев. М., 1981.

Трояновская М. О. Начало англо-американской войны 1812–1815 гг. и формирование концепции национальных интересов во внешней политике США // Вестник МГУ. Сер. 8 «история». 1997.

№ 1.

Она же. Признание Соединенными Штатами независимых латиноамериканских государств в контексте подготовки доктрины Монро // Исторический опыт Америки: взгляд российских и американских историков / Отв. ред. А. С. Маныкин, Ю. Н. Рогулев, Е. Ф. Языков. М., 2005.

Филимонова М. А. Идея федерации в XVIII веке и создание конституции США // АЕ. 2002. М., 2004.

Она же. Классический республиканизм в американской и французской революциях конца XVIII века // ННИ. 2004. № 1.

Цыганков А. П., Цыганков П. А. Кризис идеи «демократического мира» // Международные процессы. Т. 3. № 3 (сент. – дек. 2005).

Щелчков А. А. Восстания в Верхнем Перу в 1809 году. К 200-летию начала войны за независимость в Испанской Америке // ННИ. 2009. № 4.

Adelman J. An Age of Imperial Revolutions // AHR. Vol. 113. № 2 (Apr. 2008).

Idem. The Rites of Statehood: Violence and Sovereignity in Spanish America, 1789–1821 // HAHR. Vol. 90. № 3 (Aug. 2010).

Bierck H. A., Jr. Pedro Gual and the Patriot Effort to Capture a Mexican Port, 1816 // HAHR. Vol. 27. № 3 (Aug. 1947).

Blaufarb R. The Western Question: The Geopolitics of Latin American Independence // AHR. Vol. 112. № 3 (June 2007).

Bornholdt L. The Abbe de Pradt and the Monroe Doctrine // HAHR. Vol. 24. № 2 (May 1944).

Bostart R.; DeNovo J. A. Samuel Flagg Bemis // MHS. Proceedings. Vol. LXXXV. Boston, 1973.

Bowman Ch. H., Jr. Manuel Torres, A Spanish American Patriot in Philadelphia, 1796–1822 // Pennsylvania Magazine of History and Biography. Vol. 94. № 1 (Jan. 1970).

Brading D. A. Classical Republicanism and Creole Patriotism: Simon Bolivar (1783–1830) and the Spanish American Revolution. University of Cambridge, 1983.

Browning W. E. Joseph Lancaster, James Thomson, and the Lancasterian System of Mutual Instruction, with Special Reference to Hispanic America // HAHR. Vol. 4. № 1 (Feb. 1921).

Cappon L. J. Jared Sparks: The Preparation of an Editor // MHS. Proceedings. Vol. XC. 1978. Boston, 1979.

Cayton A. R. The Debate over the Panama Congress and the Origins of the Second Party System // The Historian. Vol. 47. № 2 (Feb. 1985).

Chandler Ch. L. United States Commerce with Latin America at the Promulgation of the Monroe Doctrine // Quarterly Journal of

Economics. Vol. 38. № 3 (May 1924).

eleven A. N. The First Panama Mission and the Congress of the United States // Journal of Negro History. Vol. 13. № 3 (July 1928).

Coleman K. Mythology of the Monroe Doctrine: Reflections on the Social Psychology of Hegemony // Latin America, the United States, and the Inter-American System / Ed. by John D. Martz, Lars Schoultz. Boulder (Co.), 1980.

Cox I. J. The Louisiana – Texas Frontier // Southwestern Historical Quarterly. Vol. 10. № 1 (July 1906); Vol. 17. № 1. (July 1913). № 2 (Oct. 1913).

Crapol E. P. John Quincy Adams and The Monroe Doctrine: Some New Evidence // Pacific Historical Review. Vol. 48. № 3 (Aug. 1979).

Dalleo P. T. Thomas McKean Rodney: U.S. Consul in Cuba: The Havana Years, 1825–1829 // Delaware History. Vol. 22. № 3 (Spring – Summer 1987).

Damas G. C. Simon Bolivar, El Culto Heroico y la Nacion // HAHR. Vol. 63. № 1 (Feb. 1983).

Dyer G. *B., Dyer Ch. L.* The Beginnings of a United States Strategic Intelligence System in Latin America, 1809–1826 // Military Affairs. Vol. 14. № 2 (Summer 1950).

Faye S. Commodore Aury *11* Lousiana Historical Quarterly. Vol. 24. № 3 (July 1941).

Felstiner M. L. Kinship Politics in the Chilean Independence Movement // HAHR. Vol. 56. № 1 (Feb. 1976).

Fitz C. *A.* “A Stalwart Motor of Revolutions”: An American Merchant in Pernambuco, 1817–1825 // The Americas. Vol. 65. № 1 (July 2008).

Galey J. H. Salem’s Trade with Brazil, 1801–1870 // Essex Institute Historical Collections. Vol. 107. Salem (Ma.), 1971.

Gilderhus M. *T.* Samuel Flagg Bemis and U.S. – Latin American Relations [SHARF, Presidential Address] // Diplomatic History. Vol. 21. № 1 (Winter 1997).

Gilmore R. L., *Harrison J. P.* Juan Bernardo Elbers and the Introduction of Steam Navigation on the Magdalena River // HAHR. Vol. 28. № 3 (Aug. 1948).

Gleijeses P. The Limits of Sympathy: The United States and the Independence of Spanish America // Journal of Latin American Studies. Vol. 24. № 3 (Oct. 1992).

Graser M. World History in a Nation-State: The Transnational Disposition in Historical Writing in the United States // Journal of American History. Vol. 95. № 4 (Mar. 2009).

Greene J. P., Knight F. W., Guedea V, *Rodriguez* O. /. AHR Forum: Revolutions in the Americas // AHR. Vol. 105. № 1 (Feb. 2000).

Gribbin W. A Matter of Faith: North Americans Religion and South

American Independence // Americas. Vol. 31. № 4 (Apr. 1975).

Griffin Ch. C. Privateering from Baltimore during the Spanish American Wars for Independence // Maryland Historical Magazine. Vol. 35. № 1 (Mar. 1940).

Hackett Ch. W. The Development of John Quincy Adams's Policy with Respect to an American Confederation and the Panama Congress, 1822–1825 // HAHR. Vol. 8. № 4 (Nov. 1928).

Hanke L. Dos Palabras on Antonio de Ulloa and the *Noticias Secretas* // HAHR. Vol. 16. № 4 (Nov. 1936).

Henry M. Joel R. Poinsett, a North American Diplomat in Spanish America, 1811–1829 / Paper Presented at the 10th Anniversary Atlantic Seminar Conference, Harvard, August 8-13, 2005.

Eadem. Privateering Along the Coast of the United States, 1815–1821 // Cahiers Charles V. № 39 (Dec. 2005). L'Amerique: Des Colonies aux Republiques / Dir. par Marie-Jeanne Rossignol, Lucia Bergamasco.

Horsman R. The Dimensions of an "Empire for Liberty": Expansion and Republicanism, 1775–1825 // Journal of the Early Republic. Vol. 9. № 1 (Spring 1989).

Hoskins H. L. The Hispanic American Policy of Henry Clay, 1816–1828 // HAHR. Vol. 7. № 4 (Nov. 1927).

Jenkins J. A., *Sala B. R.* The Spatial Theory of Voting and the Presidential Election of 1824 // American Journal of Political Science. Vol. 42. № 4 (Oct. 1998).

Jones C. *P.* The Images of Simon Bolivar as Reflected in Ten Leading British Periodicals, 1816–1830 // The Americas. Vol. 40. № 3 (Jan. 1984).

Keen B. The Black Legend Revisited: Assumptions and Realities // HAHR. Vol. 49. № 4 (Nov. 1969).

LaFeber W. The Evolution of the Monroe Doctrine from Monroe to Reagan // Redefining the Past: Essays in Diplomatic History in Honor of William Appleman Williams. Corvallis (Ore.), 1986.

Malanson J. J. The Congressional Debate over U.S. Participation in the Congress of Panama, 1825–1826: Washingtons Farewell Address, Monroes Doctrine, and the Fundamental Principles of U.S. Foreign Policy // Diplomatic History. Vol. 30. № 5 (Nov. 2006).

Manning W. R. An Early Diplomatic Controversy between the United States and Brazil // HAHR. Vol. 1. № 2 (May 1918).

Idem. Poinsett's Mission to Mexico: A Discussion of his Interference in Internal Affairs // American Journal of International Law. Vol. 7. № 4 (Oct. 1913).

Idem. Texas and the Boundary Issue, 1822–1829 // Southwestern Historical Quarterly. Vol. 17. № 3 (Jan. 1914).

Moore J. B. Henry Clay and Pan Americanism // The Collected

Papers of John Bassett Moore. 7 vols. New Haven (Ct.), 1944. Vol. IV.

Nichols R. F. William Shaler: New England Apostle of Rational Liberty // New England Quarterly. Vol. 9. № 1 (Mar. 1936).

Paquette G. The Dissolution of the Spanish Atlantic Monarchy // The Historical Journal. Vol. 52. № 1 (2009).

Idem. The Image of Imperial Spain in British Political Thought, 1750–1800 // Bulletin of Spanish Studies. Vol. 81. № 2 (2004).

Idem. The Intellectual Context of British Diplomatic Recognition of the South American Republics, c. 1800–1830 // Journal of Transatlantic Studies. Vol. 2. № 1 (2004).

Paquette R. The Everett – Del Monte Connection: A Study in the International Politics of Slavery // Diplomatic History. Vol. 11. № 1 (Winter 1987).

Pasley J. Conspiracy Theory and American Exceptionalism from the Revolution to Roswell // A Paper Presented at "Sometimes an Art": A Symposium in Celebration of Bernard Bailyn's Fifty Years of Teaching and Beyond, May 13, 2000 – www.conspiracy.pasleybrothers.com.

Patriarca S. Indolence and Regeneration: Tropes and Tension of Risorgimento Patriotism // AHR. Vol. 110. № 2 (Apr. 2005).

Pereira Salas E. Un comerciante norteamericano en nuestras costas: Samuel Hill y sus viajes (1815–1822) // RCHG. T. LXXVI. № 84; T. LXXVII. № 85 (enero-avril, mayo-agosto 1935).

Idem. Henry Hill, comerciante, vice-consul y misionero // RCHG. Tomo LXXXVII. № 95 (julio-dic. 1939).

Idem. Jeremias Robinson, agente norteamericano en Chile (1818–1823) // RCHG. Tomo LXXXII. № 90 (enero-junio 1937).

Idem. La Mision Bland en Chile // RCHG. Tomo LXXVIII. № 86 (sept.-dic. 1935). *Idem.* La Mision Worthington en Chile // RCHG. Tomo LXXX. № 88 (mayo-agosto 1936).

Perkins B. Early American Foreign Relations: Opportunities and Challenges // Diplomatic History. Vol. 22. № 1 (Winter 1998).

Perkins D. Europe, Spanish America, and the Monroe Doctrine // AHR. Vol. 27. № 2 (Jan. 1922).

Idem. Russia and the Spanish Colonies, 1817–1818 // AHR. Vol. 28. № 4 (July 1923). *Idem.* "We Shall Gladly Teach", Presidential Address Read at the Annual Dinner of the American Association, Dec. 29, 1956 // AHR. Vol. 62. № 2 (Jan. 1957). *Phillips K. T.* Democrats of the Old School in the Era of Good Feelings // The Pennsylvania Magazine of History and Biography. Vol. 95. № 3 (July 1971). *Pletcher D. M.* United States Relations with Latin America: Neighborliness and Exploitation (A Review Article) // AHR. Vol. 82. № 1 (Feb. 1977).

Racine K. "This England and This Now": British Cultural and Intellectual Influence in the Spanish American Independence Era //

HAHR. Vol. 90. № 3 (Aug. 2010). *Reinhold F. L.* New Research on the First Pan-American Congress Held at Panama in 1826 // HAHR. Vol. 18. № 3 (Aug. 1938).

Rippy /· F. Bolivar as Viewed by Contemporary Diplomats of the United States // HAHR. Vol. 15. № 3 (Aug. 1935).

Idem. Britain's Role in the Early Relations of the United States and Mexico // HAHR. Vol. 7. № 1 (Feb. 1927).

Robertson W. S. The Monroe Doctrine Abroad in 1823–1824 // American Political Science Review. Vol. 6. (Nov. 1912).

Idem. Russia and the Emancipation of Spanish America, 1816–1826 // HAHR. Vol. 21. № 2 (May 1941).

Idem. The Recognition of the Hispanic American Nations by the United States // HAHR. Vol. 1. № 3 (Aug. 1918).

Idem. The Recognition of the Spanish Colonies by the Motherland // HAHR. Vol. 1. № 1 (Feb. 1918).

Idem. South America and the Monroe Doctrine, 1824–1828 // Political Science Quarterly. Vol. 30. № 1 (Mar. 1915).

Idem. The United States and Spain in 1822 // AHR. Vol. 20. № 4 (July 1915). *Rosenberg E.* A Call to Revolution: A Roundtable on Early U. S. Foreign Relations // Diplomatic History. Vol. 22, № 1 (Winter 1998).

Russell G. Virtue and the Tragedy of the Statesman // New England Quarterly. Vol. 69. № 1 (Mar. 1996).

Salvatore R. North American Travel Narratives and the Ordering/ Othering of South America (c. 1810–1860) // Journal of Historical Sociology. Vol. 9. № 1 (Mar. 1996). *Schellenberg T. R.* Jeffersonian Origins of the Monroe Doctrine // HAHR. Vol. 14. № 1 (Feb. 1934).

Shepherd W. R. Bolivar and the United States // HAHR. Vol. 1. № 3 (Aug. 1918). *Stagg J. C. A.* James Madison and George Mathews: The East Florida Revolution of 1812 Reconsidered // Diplomatic History. Vol. 30. № 1 (Jan. 2006).

Idem. The Madison Administration and Mexico: Reinterpreting the Gutierrez-Magee Raid of 1812–1813 // William and Mary Quarterly. 3rd series. Vol. 59. № 2 (Apr. 2002).

Stewart W. Argentina and the Monroe Doctrine, 1824–1828 // HAHR. Vol. 10. № 1 (Feb. 1930).

Idem. The Diplomatic Service of John M. Forbes at Buenos-Aires // HAHR. Vol. 14. № 2 (May 1934).

Idem. The South American Commission, 1817–1818 // HAHR. Vol. 9. № 1 (Feb. 1929).

Idem. United States – Argentine Commercial Negotiations of 1825 // HAHR. Vol. 13. № 3 (Aug. 1933).

Stoler M. A. War and Diplomacy: Or, Clausewitz for Diplomatic Historians // Diplomatic History. Vol. 29. № 1 (Jan. 2005).

Temperley H. W. V. The Later American Policy of George Canning // AHR. Vol. 11. № 4 (July 1906).

Thibaud C. “Coupe tetes, brhle cazes”. Peurs et desirs d’Haiti dans TAmerique de Bolivar // Annales: Histoire, Sciences Sociales. 2003. № 2.

Warren H. G. Xavier Mina’s Invasion of Mexico // HAHR. Vol. 23. № 1 (Feb. 1943). *Weeks W. E.* John Quincy Adams’ “Great Gun” and the Rhetoric of American Empire // Diplomatic History. Vol. 14. № 1 (Winter 1990).

Whitaker A. P. Jose Silvestre Rebello: The First Diplomatic Representative of Brazil in the United States // HAHR. Vol. 20. № 3 (Aug. 1940).

Wilgus A. C. Some Activities of United States Citizens in the South American Wars of Independence, 1808–1824 // Louisiana Historical Quarterly. Vol. 14. № 2 (Apr. 1931).

Winn W. B. The Efforts of the United States to Secure Religious Liberty in a Commercial Treaty with Mexico, 1825–1831 // Americas. Vol. 28. № 3 (Jan. 1972). *Woodward C. V.* The Age of Reinterpretation // AHR. Vol. 66. № 1 (Oct. 1960).

Диссертации

Филимонов И. В. Взаимоотношения Венесуэлы, Великобритании и США во время войны за независимость (1810–1826). Дисс… к.и.н. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1993.

Arragon R. F. The Congress of Panama. 2 vols. Harvard University, 1923.

Campbell R. Henry Clay and the emerging nations of Spanish America, 1815–1829. University of Virginia, 1966.

Gronet R. W. Early Latin American – United States Contacts: an Analysis of Jeremy Robinson’s Communications to the Monroe Doctrine Administration. Catholic University of America, 1970.

Heckard J. L. The Crossroads of Empire: The 1817 Liberation and Occupation of Amelia Island, East Florida. University of Connecticut, 2006.

Henry M. Vers une Amerique? Les relations entre les Etats-Unis et les nouvelles republiques hispano-americaines, 1810–1826. Universite Paris-VII, 2004.

Morley M. R. The Edge of Empire: Henry Clay’s American System and the Formulation of American Foreign Policy, 1810–1833. University of Wisconsin, 1972.

Pine J. C. The Role of United States Special Agents in the Development of a Spanish American Policy, 1810–1822. University of Colorado, 1955.

Solnik B. B. Contemporary American Opinion on the Spanish

American Wars of Independence, 1808–1824. New York University, 1960.

Справочные издания

Словарь американской истории с колониальных времен до Первой мировой войны / Под ред. А. А. Фурсенко. СПб., 1997.

American Diaries: An Annotated Bibliography of Published American Diaries and Journals. 2 vols. Vol. 1 (1492–1844) / Ed. by Laura Arksey, Nancy Pries, Marcia Reed. Detroit (Mich.), 1983.

American Newspapers, 1821–1936: A Union List of Files Available in the United States and Canada / Ed. by Winifred Gregory. N.Y., 1937.

Bemis S. F., *y Gardner* G. G. Guide to the Diplomatic History of the United States, 1775–1921. Wash., D.C., 1935.

Biographical Directory of the American Congress. 1774–1971. Wash., D.C., 1971.

Bias B. C. Venezuela: 5 siglos de imprenta. Caracas, 1998.

Bolton H. *E.* Guide to Materials for the History of the United States in the Principal Archives of Mexico. Wash., D.C., 1913.

Brigham C. History and Bibliography of American Newspapers, 1690–1820. 2 vols. Worcester (Ma.), 1947.

Calendar of Joel R. Poinsett Papers in the Henry D. Gilpin Collection / Ed. by Grace E. Helman, Bernard S. Levin. Philadelphia, 1941.

Catalogue of the Library of the American Philosophical Society Held in Philadelphia for Promoting Useful Knowledge. Philadelphia, 1824.

Catalogue of the Library of Jared Sparks; with a list of bound historical manuscripts collected by him, conditionally bequeathed to Harvard College, and now deposited in its library. Cambridge (Ma.), 1871.

Colon M. L. Impresos en Espanol Publicados en Filadelfia Durante Los Anos 1800 a 1835. M.Sc. diss. Catholic University of America, 1951 (дополнено в письме: Manon Theroux to Monica Henry, Aug. 21, 2000 – Philadelphia, Library Company).

Cosentino A. F. The Paintings of Charles Bird King (1785–1862). Wash., D.C., 1977. *Cushing W.* Index to the North American Review, Volumes I–CXXV. 1816–1877. Cambridge (Ma.), 1878.

Dicccionario Porrda de historia, biografia y geografia de Mexico. 2 tomos. 3.ª ed. Mexico, 1970.

Dictionary of American Biography / Ed. by Allen Johnson and Dumas Malone. 22 vols. N.Y., 1928–1940.

Forster H. The South Sea Whaler. Sharon (Ma.), 1985.

Guide to American Foreign Relations since 1700 / Ed. by Richard

Dean Burns. Santa Barbara (Ca.), 1983.

Handbook of Texas Online (основано на издании: New Handbook of Texas / Ed. by Ron Tyler, Douglas E. Barnett, Roy R. Barkley, Penelope C. Anderson, Mark F. Odintz. 6 vols. Austin (Tex.), 1996) – www.tshaonline.org/handbook/online. Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. 2 parts. Wash., D.C, 1975.

International Encyclopedia of the Social Sciences / Ed. by David L. Sills. 19 vols. N.Y., 1968–1991.

James Monroe, 1758–1831: Chronology – documents – bibliographical aids / Ed.

by James Elliot. Dobbs Ferry (N.Y.), 1969.

National Cyclopaedia of American Biography. N.Y., 1898–1945. 32 vols. (cont.). *Reilly B. F., Jr.* American Political Prints, 1766–1876: A Catalog of the Collections in the Library of Congress. Boston, 1991.

Remini R. V, *Miles E. A.* The Era of Good Feelings and the Age of Jackson, 1816–1841. Arlington Heights (111.), 1979.

Running for President: the Candidates and Their Images, 1789–1896 / Ed. by Arthur M. Schlesinger, Jr., Fred L. Israel, David J. Trent. NY, 1994.

Senators of the United States: A Historical Bibliography / Comp, by Jo Anne McCormick Quatannens. Wash., D.C., 1995.

Shavit D. The United States in Latin America: A Historical Dictionary. Westport (Ct.), 1992.

The United States Congressional Directories, 1789–1840 / Ed. by Perry M. Goldman, James S. Young. N.Y., 1973.

Weitenkampf F. Political Caricature in the United States In Separately Published Cartoons: An Annotated List. N.Y., 1953.

СОКРАЩЕНИЯ

АЕ – Американский ежегодник

ВПР – Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. Серия II. 1815—830. Т. I (IX) – т. VIII (XVI). / Отв. ред. А. Л. Нарочницкий М., 1974—995.

ННИ – Новая и новейшая история

AAS – American Antiquarian Society, Worcester (Ma.)

AHR – American Historical Review

AQR – American Quarterly Review (Philadelphia, 1827–1837)

BILA – Britain and the Independence of Latin America, 1812–1830 / Ed. by Charles K. Webster. 2 vols. Oxford, 1938

DCLA – *Manning W. R.* Diplomatic Correspondence of the United States Concerning the Independence of Latin-American Nations. 3 vols. Wash., D.C., 1925.

HAHR – Hispanic American Historical Review

HSP – Historical Society of Pennsylvania, Philadelphia

LC – Library of Congress, Wash., D.C.

MDHS – Maryland Historical Society, Baltimore

MHS – Massachusetts Historical Society, Boston

MJQA – Memoirs of John Quincy Adams: Comprising Portions of His Diary from 1795 to 1848 / Ed. by Ch. F. Adams. 12 vols. Philadelphia, 1874–1877.

NAR – North American Review (Boston, 1815–1940)

PHC – Th e Papers of Henry Clay / Ed. by James F. Hopkins, Mary W. M. Hargreaves. 11 vols. Lexington (Ky.), 1959–1992.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИИ И КАРТ

Испанская и Португальская империи в XVI–XIX вв. С. **51.**

Рост территории США, кон. XVIII в. – 1820-е гг. С. 153.

Война за независимость и образование независимых государств Латинской Америки. С. 189.

Джон Куинси Адамс. Гравюра Эшера Брауна Дюранда (1796–1886) по портрету Томаса Салли (1783–1872). 1826. С. 85.

Джеймс Монро. Гравюра Николя-Эсташа Морэна (1799–1850) по портрету Гилберта Стюарта (1755–1828) ок. 1817 г. 1828. С. 85.

Генри Клей. Гравюра Питера Маверика (1780–1831) по портрету Чарльза Бирда Кинга (1785–1862). 1822. В руке Клея – текст его резолюции о признании независимости стран Латинской Америки от 10 февраля 1821 г. С. 86.

Октагон. Арх. Уильям Торнтон. 1798–1800. В этой усадьбе вырос Эдуард Торнтон Тэйло. Фото автора (2005). С. 97.

Церковь св. Марии – католическая церковь Филадельфии. 1763, 1810. Фото автора (2005). С. 114.

Хосе Мигель Каррера. Портрет Мигеля Венегаса Сифуэнтеса (1907–1979). 1950. Собрание Club de la Union (Сантьяго, Чили). С. 117.

Мемориальная доска Мануэля Торреса на западной стене церкви св. Марии (Филадельфия). Фото автора (2005). Могила Торреса не сохранилась. С. 192.

Дэвид Портер. Гравюра из: National Cyclopaedia of American Biography Being the History of the United States. N.Y., 1929. Vol. II. P. 98. С. 253.

Здание францисканского монастыря, где в 1826 г. проходили заседания Панамского конгресса. Фото Марии Марисовой (2010). С. 274.

Джоэль Робертс Пойнсетт. Гравюра из: National Cyclopaedia of American Biography Being the History of the United States. N.Y., 1929. Vol. VI. P. 435. С. 287.

Уильям Тюдор. Портрет Гилберта Стюарта. Ок. 1809. Репродукция портрета в: MHS. Proceedings. Vol. I. 1791–1835. Boston, 1879. Between pp. 428–429. С. 305.

Джеймс Ланкастер. Портрет Джона Хэзлита (1767–1837). Ок. 1818. Национальная портретная галерея (Лондон). С. 320.

Джаред Спаркс. Акварель на слоновой кости Анны Клэйпул Пил (1791–1878). 1827. Филадельфийский художественный музей. С. 331.

Унитаристская церковь в Балтиморе, где в 1819–1823 гг.

служил Джаред Спаркс. Арх. Максимилиан Годфруа (1765 – после 1840). 1817. Фото автора (2009). С. 334.

Симон Боливар. Портрет Мартина Товара и Товара (1827–1902). 1883. С. 361.

В оформлении книги использованы фрагмент гравюры «Америка» (ок. 1588–1589) из серии «Четыре континента» Адриана Колларта (Adrian Collaert, ок. 1560–1618) по эскизу Мартина де Воса (Marten de Vos, ок. 1531/1532-1603), а также карта Нового Света (сентябрь 1821 г.) Адриена-Юбера Брю (Adrien-Hubert Вше, 1786–1832).

SUMMARY

The Latin American struggle for independence ended the sequence of Enlightenment Revolutions. It was the last Atlantic revolution at the end of the heroic age of transoceanic early modern capitalism, the last "pre-telegraph" war of sailing ships and privateers. Simultaneously these controversial events laid the basis for the future development of the Western Hemisphere.

After the War of 1812 the Early Republic was analyzing its tumultuous experience: the concepts of "natural borders" and "political gravitation", the "American system" program, and the Monroe Doctrine were developed or elaborated during the Era of Good Feelings. The United States perceived their exceptional situation as the only large democratic republic at the periphery of the Vienna system and tried to understand its national goals. The young nation was simultaneously developing its national identity and searching for its place in the world.

The 1810s – 1830s debates about the annexation of Florida and Texas became a part of a wider discussion of the United States' national interests. This discussion included challenges of how to build relations with its imperial neighbors: powerful and rational Britain and weakening and often unpredictable Spain (and then with Spain's former colonies which were seldom politically stable).

Back then even sectional differences were not strong enough to shake the universal belief in the continental "destiny" of the United States. For good reason one of the most ardent (and definitely most effective) expansionists was John Quincy Adams from New England.

The Latin American fight for independence became a serious challenge for the United States, one which demanded a strong response. Even after the 1822 recognition of Latin American nations the United States still faced the challenge of deciding how to treat them. Were they allies and partners in the struggle with European influence or rather distant neighbors from the point of their geographic position, political culture, and economic interests? The active Hemisphere policies were able to put the United States in the vanguard of the emerging republican community and simultaneously bring their own complications for its position in the wider world. The correct decision was hard to identify since the United States had no strong army and no professional diplomatic corps.

The Latin American Wars of Independence became an important challenge both for U.S. foreign policy and public thought. In a short period North Americans "discovered" a large Iberian world which became one of the main sources of international news. Alas, North

Americans judged this world either by the rigid ideology of Enlightenment, classical republicanism and nascent liberalism or by the older "black legend" prejudice.

Following initial, rather irregular contacts, the United States attitude towards its Southern neighbors passed through at least three stages.

1) In 1815–1822 after the War of 1812 and before the recognition of Latin American nations the growing public interest towards the revolutions of the Western Hemisphere faced the moderate political line of the federal administration. The neutrality line allowed North American merchants to profit from commerce with both sides of the conflict, and the negotiations with Spain restrained the Administration.

The public movement in support of "South brethren" was rather influential and may be compared with "Philhellenism" of 1820s. Enthusiasts tried to promote the diplomatic recognition of Spanish colonies and expressed confidence of brilliant prospects for both new Latin American states and of Pana-merican unity politics. The development of such views was also fostered by communication with outstanding emigrants from Latin America, first and foremost, with Manuel Torres who resided in Philadelphia.

Among the most active participants of this unofficial movement were Henry Clay and his several Kentuckian countrymen, Caesar Rodney (Delaware), Head of the Patent Office William Thornton, journalists William Duane, Hezekiah Niles, Thomas Ritchie, writer and lawyer Henry Brackenridge.

The circle of the Chilean general Jose Miguel Carrera's supporters stood alone and included politician and diplomat Joel Roberts Poinsett, Commodore David Porter, Maryland Judge Theodorick Bland, his son-in-law public official and publisher John Skinner, journalist Baptis Irvine. The network of Latin American revolutions enthusiasts was especially strong in Philadelphia (a cosmopolitan city with radical traditions) and in Baltimore where privateering against Spain and Portugal provided ample income for mariners unemployed after the end of the Napoleonic wars.

Creole patriots generally enjoyed the sympathies of North Americans who treated the struggles of Spanish colonies as a logical result of their own revolution, but were slow to help southern neighbors. Despite their many conversations with Latin American emissaries, James Monroe and John Quincy Adams did not promote diplomatic recognition. Attempts to organize liberation expeditions from the U.S. territory always failed and consequently injured the image of Spanish American revolutions.

Even Henry Clay who called for recognition of the independence

of “South brethren” and United States leadership in the republican Hemisphere never hinted at the possibility of the military support for Latin America. Thus, he was remaining within the neutrality course in its wider construction.

And sympathies did not exclude doubts. Classical republicanism (which underlined civil virtue) and liberalism (with its belief in progress and human capability to correct vices) bore both hopes and skepticism: would the Spanish Americans burdened by colonial heritage be ready for freedom?

The “Western Hemisphere idea” (Arthur P. Whitaker s term), which juxtaposed republican New World with monarchical Europe and stressed the unity of both Americas, became an optimistic answer to this question. This early Panamericanism stems from Thomas Jefferson and was developed by Henry Marie Brackenridge and Henry Clay. Underlining the common features in New World development, politicians and pamphletists were stressing the unity of both Americas, destined to become a bulwark of freedom in the world. This idea was crowned by the international aspect of Clay s “American system” (1821) – a huge temptation of Western hemisphere republican unity as counter-balance to the European monarchical Holy Alliance.

Alas, the “Western Hemisphere idea” often contradicted the factional strifes among revolutionaries themselves. The best example is provided by the activities of Jose Miguel Carrera and his “party” which split the South American commission of 1817–1818 and weakened the positions of “South brethren” in the United States. Evidently, though the Creole revolutionaries liked to employ the “Western Hemisphere idea” notions, they would have never accepted Henry Clay s 1821–1824 plan of the Panamerican union under the aegis of the United States.

The Congress loyal to the Monroe administration did not support Clay’s radical proposals, but the debates on his motions were fruitful. These discussions contributed to the Monroe Doctrine – a generalized expression of shared ideas about the goals of United States diplomacy. The development of the “natural borders” theory represented a step towards the “Manifest Destiny” of 1840s.

The ratification of the Transcontinental treaty and the annexation of Florida opened the way to the diplomatic recognition of former Spanish colonies. After 1821 Adams chose not to worry about Spains reaction. Clays radical program only contributed to the ratification of the Transcontinental Treaty by pressuring Spain. In the final account the opponents Clay and Adams did not contradict each other; both of them were promoting the common cause (the growth of U.S. territory and power) which conditioned the inner logic of their rapprochement in 1824.

2) The next stage encompasses 1822 – early 1826 (from the recognition of Latin American nations to the Panama debates). This comprised a temporary flourishing of the "Western Hemisphere idea" triumph and the peak of enthusiasm towards the southern neighbors. The recognition of the Latin American nations was universally supported.

The word "America" started to imply liberal and republican serving as an antonym to Europe, monarchy, despotism. The first U.S. Minister in Mexico Joel Roberts Poinsett deliberately called the *Yorkinos* party which he helped to create "American" *(Partido Americana)*. In the end, white English speakers appropriated the monopoly on the notion of "America".

North Americans were flattered by the fact that creole revolutionaries so readily addressed the ideology of 1776. The Special Agent in the United Provinces of the River Plate and Chile, William Worthington, the Minister in Peru, Samuel Larned, the Texas colonizer, Stephen Austin, even drafted federal constitutional projects for the new nations.

The majority of North Americans now shared a conviction in the final success of the Latin American transition – a conviction founded upon the belief in progress but not on the knowledge of Iberian culture. Not coincidentally, many of the Spanish American Revolution supporters belonged to universalist Protestant denominations which stress the individual over the collective and believe in the possibility of effective social reforms: Hezekiah Niles, William Thornton, Joseph Lancaster were Quakers, Jared Sparks was Unitarian.

The proclamation of the Monroe Doctrine with its principles of non-colonization, non-interference and no-transfer did not entail any responsibilities but laid claim to the leading role in the Western Hemisphere.

The convocation of the inter-American Panama Congress promised to become a good opportunity to proclaim and defend U.S. aims in Latin America. The public discussion around the supposed U.S. participation in Congress activities was destined to clarify attitudes towards new nations of the Western Hemisphere. But just as Henry Clay made the "Spanish American question" a basis for his criticism of the Monroe administration, protests against U.S. participation in the Panama Congress became the first overt action of the Jacksonian opposition to the Adams cabinet.

3) After the failure of the Panama Congress of 1826 early Pan-Americanism ceased to exist. This setback led to the rapid disappointment of U.S. public opinion in the republican prospects of Latin America. The instability at the verge of anarchy and civil war in most of the new nations, and Simon Bolivar s political agenda which,

far from copying the northern neighbor's experience, weakened the North American interest towards "South brethren".

The failures of U.S. diplomats also contributed to this disillusionment. They were guided by a strange mixture of exalted hopes, arrogant self-confidence, neglect of circumstances, and often (but not always) racial and religious prejudice. U.S. representatives were moved both by a sincere wish to help republican friends and by a desire to attain their personal and national goals, which sometimes contradicted the needs of Latin American states. Those who decided to seek happiness in the South and tried to serve young republics honestly were regularly plagued by troubles but unprincipled adventurers often achieved success. The vigorous colonization of Texas by North American settlers in the 1820s was a private initiative but it corresponded with U.S. national interests and almost irreversibly led to the war with Mexico.

The disappointment of the United States in the Latin American revolutions to a certain extent bid farewell to Enlightenment universalism, to the Humean belief in the possibility of fast socio-political changes from above. Certain contemporaries deemed Catholic countries of Latin America unfit for republican government; certain disillusioned enthusiasts, both Southerners (Joel Roberts Poinsett) and Northerners (Commodore David Porter), expressed racist feelings.

John Quincy Adams called the supporters of Latin American revolutionaries "adventurers and enthusiasts". We may add that adventurers often were enthusiasts, and enthusiasts acted as adventurers. A merchant, intellectual, revolutionary, journalist, privateer often merged in one person, e.g., William Robinson, David Curtis DeForest or Baptis Irvine. Even the most self-denying enthusiasts tried not to miss an opportunity to profit from their activities in support of Latin America: William Thornton received a right to organize steamboat communication in Columbia and intended to design the bank notes of new nations; William Duane sought to become an intermediary in the weapon supply or to be appointed to a diplomatic position. On the other hand, even the most selfish privateers, merchants, colonists aspired to enlighten the revolutionaries: David Curtis DeForest and Stephen Austin promoted republican values and the U.S. Constitution in Argentina and Mexico.

The initial illusions were founded upon the hopes of material gain, and abstract ideas. North Americans admired "South brethren" only when the latter were successfully following their way of "rational freedom". After the revolutionary haze thinned, the economic importance of new nations for North America turned out to be rather limited, and their political system seemed remote from Anglo-Saxon ideals.

Remarkably many supporters of the “South brethren” movement were not native North Americans. Among them were European radicals (including Irish emigrants) such as William Duane, William Thornton, Baptis Irvine and also William Cobbett, former officers of Napoleon such as Ducoudray Holstein and Orazio de Santangelo. They believed in the United States as the liberal redeemer of mankind – an idea alien to the nascent national spirit of the country. When on July 4, 1821, John Quincy Adams harshly criticized such messianism he did not just follow the Founding Fathers but also determined his country’s international strategy for decades to come.

In the first third of the nineteenth century the United States aimed to open foreign markets, broaden neutral rights, guarantee the “no-transfer” of colonial dominions in the Americas from one European power to another, and most importantly, provide for territorial expansion. Latin American policies under Madison, Monroe, Adams and Clay corresponded with this general impetus. It found its logical reflection in the Transcontinental treaty, free trade agreements with Latin American nations, support of the status quo in the Spanish Caribbean dominions (Cuba and Puerto-Rico), ans in the failed attempts of the Texas purchase.

In Latin America similar political and legal forms often masked realities different from those in the United States where liberal republicanism had become a stable form of the development of capitalist society. North Americans felt this contradiction, though in the beginning they did not want to admit it. In spite of the hopes of the “American system” ideologue, the New World unity had no strong socio-economic background.

Disappointment in the Latin American potential and the Western Hemisphere unity soon followed the hopes of 1810s – early 1820s. The goals elaborated by Clay as the State Secretary in his diplomatic instructions did not go beyond strict neutrality, in the spirit of George Washingtons *Farewell Address.* The pessimistic view of inter-American relations prevailed. After 1829–1830 the Southern part of the Hemisphere ceases to attract the attention of public opinion and the U.S. government. “There is but one America like ours”[1478] – this phrase expressed the feelings of many former enthusiasts.

The interest in Latin America did not expire but was narrowed and conscientiously limited. From the late 1820s and almost until the end of the nineteenth century this interest was focused on the neighboring regions – Mexico and Spanish dominions in the Caribbean. It would be dictated by the major challenges of U.S. foreign policy: expansion and free trade.

Thus, Latin American revolutionary experience contributed to the victory of republican isolationism over active messianism in the

nineteenth-century United States. And the early mutual disappointment of both Americas left a gloomy mark on the subsequent history of the Western Hemisphere.

Книги, изданные русским фондом содействия образованию и науке

Более подробную информацию о наших книгах (аннотации, оглавления, отдельные главы) Вы можете найти на сайте: www.s-and-e.ru

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ:

1. Назаренко А.В. «Древняя Русь и славяне». Из серии: Древнейшие государства Восточной Европы
2. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Античные источники. Том I». Подосинов А.В. (составитель). Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г.
3. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Византийские источники. Том II». Бибиков М.В. (составитель). Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г.
4. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Восточные источники. Том III». Коновалова И.Г. (составитель). Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г.
5. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Западноевропейские источники. Том IV». Составитель А.В. Назаренко. Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г.
6. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Древнескандинавские источники. Том V». Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н… Мельникова Е.А
7. Столярова Л.В., Каштанов С.М.: «Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.)»
8. «Древнейшие государства Восточной Европы. Пространство и время в средневековых текстах». Ответственный редактор Глазырина Г.В.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ТЕХНИКИ:

9. Котельников В.Р.: «Отечественные авиационные поршневые моторы 1910–2009»
10. Степанов А.С.: «Развитие Советской Авиации в Предвоенный Период (1938 – первая половина 1941 года)»

АНТИЧНОСТЬ И ВИЗАНТИНИСТИКА:

11. Люттвак Эдвард Н. «Стратегия Византийской империи». Edward N. Luttwak: “The Grand Strategy of the Byzantine Empire”. Перевод с английского А.Н. Коваль

12. Позднев М.М. «Психология искусства. Учение Аристотеля»

13. Суриков И.Е.: «Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин»

14. Суриков И.Е.: «Античный полис»

15. «Gaudeamus Igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова». Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г., Цецхаладзе Г.Р.

16. Ревзин Григорий: «Путешествие в Античность»

17. Смышляев А.Л.: «История Древнего Рима от Ромула до Гракхов», учебное пособие

18. Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия. Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики».

19. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 1

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ:

20. Антонец Е.В.: «Введение в Римскую Палеографию»

21. «Вопросы эпиграфики. Выпуск 1». Под редакцией Авдеева А.Г.

22. «Вопросы Эпиграфики. Выпуск 2». Под редакцией Авдеева А.Г.

23. «Вопросы Эпиграфики. Выпуск 3». Ответственный редактор Авдеев А.Г.

БЕЗ СЕРИИ:

24. Евсеева Л.М., Лидов А.М., Чугреева Н.Н.: «Спас Нерукотворный в русской иконе».

25. Ахмед Рашид: «Талибан». Перевод с английского Поваляев М.В.

26. В.В. Бибихин. «Слово и событие. Писатель и литература». Собрание сочинений. Том I.

27. А.М. Фомин. «Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918–1923»

28. Юлиана Нориджская. Откровения Божественной Любви / Пер. вступ. ст., примеч., подгот. среднеангл. текста Ю. Дресвиной. Julian of Norwich. Revelations of Divine love / Edition, introduction, translation and commentaries by Juliana Dresvina

КНИГИ, ПЛАНИРУЮЩИЕСЯ К ИЗДАНИЮ В 2011 ГОДУ

(книги, уже готовые к изданию, или находящиеся на стадии редактуры и верстки):

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Каштанов С.М.: «Исследование о молдавской грамоте XV века»

2. Мереминский С.Г.: «История Англов. Генрих Хантингдонский»

3. Баранова С.И.: Керамическая «летопись» колокольни храма Святых Адриана и Наталии (Святых Апостолов Петра и Павла) в Москве.

4. «Каталог нательных крестов, обнаруженных в ходе археологических исследований в Москве в 1989–2009 гг.». Под руководством Главного археолога города Москвы, академика РААСН и ААН, профессора Александра Григорьевича Векслера

5. Каталог «Скандинавские древности на территории Руси. VIII–XIII вв.». Руководители проекта: д.и.н. Мельникова Е.А., д.и.н. Петрухин В.Я., к.и.н. Пушкина Т.А., д-р И. Янссон

6. Аржанов Ю.Н. «Сирийские ветхозаветные псевдоэпиграфы»

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ:

7. Столярова Л.В.: «Детектив 16-го века: расследование причин смерти царевича Дмитрия на базе сохранившихся исторических источников»

8. В.А. Ткаченко «Некрополь Свято-Троицкой Сергиевой лавры конца XIV – начала XX1 в.»

9. Евсеева Л.М.: «Аналойные иконы в Византии и Древней Руси. Образ и литургия»

10. «Древнейшие государства на территории Восточной Европы». Ежегодный сборник статей, за 2008 год – посвящен юбилею Пашуты. Ответственный редактор Мельникова Е.А., Институт Всеобщей Истории

11. Монография: «Древняя Русь в свете зарубежных источников». Под редакцией Т.Н. Джаксон», И.Г. Коноваловой, Е.А. Мельниковой, А.В. Подосинова, Г.В. Глазыриной. Данная монография издается в комплекте с пятитомником одноименной хрестоматии: «Античные источники», «Византийские источники», «Древнескандинавские источники», «Восточные источники», «Западноевропейские источники».

ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА:

12. Логинов К.К.: «Обряды, обычаи и конфликты традиционного жизненного цикла русских Водлозерья».

13. Криничная Н.А.: «Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины, поверья Карелии и сопредельных областей».

14. Лобанова Н.В., В.Ф. Филатова: «Археологические

памятники в районе Онежских петроглифов»

15. Лобанова Н.В.: «Петроглифы Онежского озера»

16. Кривощапова Ю.А.: «Русская народная энтомология: этнолингвистический аспект»

ЕВРОПЕЙСКАЯ МЕДИЕВИСТИКА:

17. Мереминский С.Г.: «Формирование традиции: английское историопи-сание вторая половина 11 – первая половина 12 веков»

18. Виноградов П.Г.: «Средневековое поместье в Англии». Подготовка книги к переизданию, комментарии и вступительная статья Гладков А.К.

19. Виноградов П.Г.: «Римское право в средневековой Европе». Подготовка книги к переизданию, комментарии и вступительная статья Гладков А.К.

20. Виноградов П.Г.: «Исследования по социальной истории Англии в Средние века». Подготовка книги к переизданию, комментарии и вступительная статья Гладков А.К.

21. Виноградов П.Г.: «Исследование по истории феодального строя Ланго-бардской Италии». Подготовка книги к переизданию, комментарии и вступительная статья Гладков А.К.

22. Гимон Т.В.: «Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование»

23. Перевод книги: «Stender-Petersen A. Die Varagersage als Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus, 1934". Редактура и подготовка вступительной статьи Е.А. Мельникова

24. Перевод книги: «Goetz L.K. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Liibeck, 1922." Редактура и подготовка вступительной статьи Е.А. Мельникова

ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ:

25. Платошкин Н.Н. Трехтомное издание книги: «История Мексиканской революции»: 1-й том: «Предпосылки и ход революции: 1910–1917 года»;

26. Платошкин Н.Н. Трехтомное издание книги: «История Мексиканской революции»:2-й том: «Революция у власти: 1917–1928 года»;

27. Платошкин Н.Н. Трехтомное издание книги: «История Мексиканской революции»:3-й том: «Коренные реформы: 1928–1940 года».

28. Платошкин Н.Н.: «Чили: кризисы 1964–1973 годов. Влияние США»

29. Платошкин Н.Н.: «Интервенция США в Доминиканской республике 1965 года»

АНТИЧНОСТЬ И ВИЗАНТИНИСТИКА:

30. Домановский А.Н.: «Государственный контроль и регулирование торговли в Византии IV–IX вв.»

31. Сорочан С.Б.: «Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры»

32. Гай Юлий Цезарь (книга 1): «Записки о войне с галлами». Введение и комментарии Соболевский С.И.

33. Гай Юлий Цезарь (книга 2): «Записки о войне с галлами». Введение и комментарии Соболевский С.И.

34. Лидов А.М.: «Росписи Ахталы»

35. Суриков И.Е.: «Античная Греция: политика в контексте эпохи. Година междоусобиц»

36. «Латинские Панегирики – XII – PANEGYRICI LATINI». Перевод с латинского языка, статья, комментарии и приложение И.Ю. Шабага

37. Помпоний Мела, «Описание Земли». Перевод с латыни, комментарии и подготовка текста – коллектив авторов под редакцией А.В. Подосинова

ИСТОРИЯ 20-ГО ВЕКА:

38. «Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений» (отв. ред. Н.И. Егорова).

39. «Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова». (Отв. ред. Н.И. Егорова).

40. Куликов В.П.: «История Русского Военного Воздушного Флота 1885–1917»

41. Сборник статей по материалам семинара «Холодная война». Составитель Степанов А.С.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ:

42. «Вопросы эпиграфики. Выпуск 4», сборник статей, ответственный редактор Авдеев А.Г.

МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК, ГЕОПОЛИТИКА И ГЕОЭКОНОМИКА И ДР.:

43. Люттвак Э. «Стратегия: логика войны и мира». Перевод с английского: Edward N. Luttwak “The Strategy: Logic of War and Peace”

44. Люттвак Э. «Политические перевороты: практическое пособие»: Edward N. Luttwak “Coup d’Etat: Practical Handbook”

45. Рахаев Д.Я.: «Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века»

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ:

46. Рязановский А.Р.: Пособие по математике для поступающих в «математические вузы»: «500 способов и методов решения задач по математике»

47. Абрамсон Я.И.: «Учебное пособие по математике для учащихся начальных классов»

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОЛЬГИ СЕДАКОВОЙ:

48. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Стихи (1-й том),

49. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Переводы (2-й том),

50. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Poetica (3-й том),

51. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Moralia (4-й том)»

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИИ БИБИХИНА В.В.:

52. Бибихин В.В: «Введение в философию права». Том II

53. Бибихин В.В: «Новый Ренессанс». Том III

notes

Примечания

1

Удачный, на наш взгляд, термин предложен недавно по аналогии с известным «Восточным вопросом» – *Blaufarb R.* The Western Question: The Geopolitics of Latin American Independence // AHR. Vol. 112. № 3 (June 2007).

2

Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. С. Барчуновой. М., 2004 (англ, изд. – N.Y., 1922). С. 97.

3

Правила каперства детально изложены в: *Petrie D. A.* The Prize Game: Lawful Looting on the High Seas in the Days of Fighting Sail. Annapolis (Md.), 1999.

Cm.: *Setser V. G.* The Commercial Reciprocity Policy of the United States, 1774–1829. Philadelphia, 1937. P. 183–186, 193.

5

Diplomatic Correspondence of the United States Concerning the Independence of Latin-American Nations / Ed. by William R. Manning. 3 vols. N.Y., 1925. Публикацию Мэннинга дополняют: *Urrutia F. /*. Los Estados Unidos de America y las Naciones Hispanoamericanas de 1810 a 1830. Paginas de Historia Diplomatica. Madrid, 1918; *Hanke L.* Baptis Irvine's Reports on Simon Bolivar // HAHR. Vol. 16. № 3 (Aug. 1936). Тексты договоров в: Treaties and Other International Acts of the United States of America / Ed. by Hunter Miller. 8 vols. Wash., D.C., 1931–1948. Vol. 2–3.

Bosch Garcia C. Documentos de la relacion de Mexico con los Estados Unidos. 2 vols. Mexico, 1983. Vol. I. El mester politico de Poinsett (Noviembre de 1824 – diciembre de 1829).

7

Once anos en Buenos Aires, 1820–1831. Las cronicas diplomaticas de John Murray Forbes / Compiladas, traduicidas y anotadas por Felipe A. Espil. Buenos Aires, 1956.

MHS. Adams Family Papers.

9

HSP. Joel Roberts Poinsett Papers; HSP. Joel Roberts Poinsett Papers, Henry Gilpin Collection; LC. Joel Roberts Poinsett Papers.

MHS. Correspondence of Alexander H. Everett; Everett-Noble Papers; Everett-Peabody Papers.

11

National Archives. Department of State, RG 43, Records of United States Participation in International Conferences, Commissions, and Expositions. Records Relating to the First Panama Conference, 1825–1827; Department of State, RG 59, M 37, Domestic Letters of the Department of State, 1784–1906; Miscellaneous Letters of the Department of State.

Britain and the Independence of Latin America, 1812–1830 / Ed. by Charles K. Webster. 2 vols. Oxford, 1938.

13

Some Original Documents on the Genesis of the Monroe Doctrine / Publ. by Worthington Ch. Ford // MHS. Proceedings. 2nd series. Vol. XV. Boston, 1902; *Moore J. B. A* Digest of International Law… 8 vols. Wash., D.C., 1906. Vol. VI.

Harvard University. Houghton Library. Tudor Papers; Tudor Papers, Additional; Harvard Business School. Baker Library. Tudor Family Papers; Boston Athenaeum. William Tudor Papers; MHS. William Tudor letters, 1824–1828; C. E. French Collection of Autographs.

LC. Peter Force Collection – Jeremy Robinson Papers.

MHS. Adams Family Papers.

17

Memoirs of John Quincy Adams, Comprising Portions of His Diary from 1795 to 1848 / Ed. by Charles F. Adams. 12 vols. Philadelphia, 1874–1877; MHS. Adams Family Papers. Reels 4 – 48. Задача полного издания дневника Адамса была поставлена уже очень давно, но пока “Adams Family Papers Project” в 1981 г. опубликовал только два тома, относящиеся ко временам Войны за независимость. С февраля 2006 г. рукописный дневник доступен on-line: www.masshist.org/jqadiaries. Дело академической публикации отложено на неопределенный срок после завершения работы по изданию бумаг Джона Адамса, что произойдет в лучшем случае через 50 лет.

The Writings of John Quincy Adams / Ed. by Worthington Ch. Ford. 7 vols. N.Y., 1913–1917.

19

The Writings of James Monroe / Ed. by Stanislaus Murray Hamilton. 7 vols. N.Y., 1898–1903; LC. James Monroe Papers; New York Public Library. James Monroe Papers.

The Papers of Henry Clay / Ed. by James F. Hopkins, Mary W. M. Hargreaves, et al. 11 vols. Lexington (Ky.), 1959–1992. Vol. 1–7.

21

The Writings of Thomas Jefferson / Ed. by Albert Ellery Bergh. 20 vols. Wash., D.C., 1905.

The Writings of James Madison / Ed. by Gaillard Hunt. 9 vols. N.Y., 1900–1910. Vol. VIII–IX.

23

The Writings of Albert Gallatin / Ed. by Henry Adams. 3 vols. Philadelphia, 1879. Vol. II.

24

The Papers of Andrew Jackson / Ed. by Harold D. Moser, David R. Roth, et al. 6 vols. to date. Knoxville (Tn.), 1980–2002. Vol. Ill – V.

25

The Papers of Daniel Webster / Charles M. Wiltse, Editor, Alan R. Berolzheimer, Ass. Editor. 15 vols. Hanover (N.H.), 1974–1989.

26

The Papers of John C. Calhoun / Ed. by W. Edwin Hemphill, et al. 28 vols., Columbia (S.C.), 1959–2003. Vol. 1-11.

The Austin Papers / Ed. by Eugene C. Barker. 2 vols. Wash., D.C., 1924–1928.

Archivo del General Miranda / Dirig. y revisada por Vicente Davila. 24 tomos. Caracas, 1929–1950. (tomos 16–24, La Habana); *Lemoine Villicana E.* Morelos, su vida revolucionaria a traves de sus escritos y de otros testimonies de la epoca. Mexico, 1965; *Bolivar S.* Cartas de Libertador / Ed. Vicente Lecuna. 10 tomos. Caracas, 1929; *Idem.* Obras Completas / Comp, y notas de Vicente Lecuna. 3 tomos. La Habana, 1950; *Hanke L.* Simon Bolivar and Neutral Rights // HAHR. Vol. 21. № 2 (May 1941). Важнейшая часть наследия Боливара доступна в хорошем комментированном издании на русском языке: *Боливар* С. Избранные произведения: речи, статьи, письма, воззвания, 1812–1830 / Сост. и науч. ред. пер. А. Ф. Шульговский. М., 1983.

29

Register of Debates in Congress… 29 vols. Wash., D.C., 1825–1837.

30

The Debates and Proceedings in the Congress of the United States… (далее – Annals of Congress). 42 vols. Wash., D.C., 1834–1856.

31

Бурстин Д. Американцы: национальный опыт. М., 1993. С. 396, 397.

Griffin Ch. C. The United States and the Disruption of the Spanish Empire, 1810–1822. N.Y., 1937. P. 132.

33

A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789–1897 / Published by Authority of Congress by James D. Richardson, a Representative from the State of Tennessee. Wash., D.C., 1896. Vol. II.

34

MJQA. Vol. III. P. 372 (запись от 2 июня 1816 г.).

35

См.: *Emery J.* The Press and America: an Interpretative History of Journalism. 2nd ed. Englewood Cliffs (N.J.), 1962. P. 173–187; *John R.* Spreading the News: the American Postal System from Franklin to Morse. Cambridge (Ma.), 1995. В 1810 г. на одного свободного американца приходилось в среднем 4,1 газетных экземпляра в год, в 1828 г. – уже 6,3 – *Brooke J. L.* To be 'Read by the Whole People': Press, Party, and Public Sphere in the United States, 1789–1840 // Proceedings of the AAS. Vol. 110. Pt. 1. Worcester (Ma.), 2002. P. 62.

36

Niles' Weekly Register. Vol. 10 (Mar. – Sept. 1816). Кстати, такое посвящение – единственное в своем роде, Найлс ни до, ни после выхода этого тома никогда так не поступал.

См.: *Phillips K. T.* William Duane, Radical Journalist in the Age of Jefferson. N.Y., 1989. Esp. p. 509–510.

38

Даже после краха федералистской партии газета упрямо сохраняла свой девиз «массачусетский федералист» (в 1818–1829 гг. – «американский федералист») и в начале 1830-х гг. Редактором газеты до ноября 1828 г. был Бенджамин Рассел (1761–1845).

39

Как правило, первые 13 тостов (по первоначальному числу штатов) утверждались заранее. Затем шли так называемые volunteer toasts, которые предлагал любой присутствующий на торжестве.

Harvard University. Houghton Library. Jared Sparks collection of American Manuscripts. Part II. Jared Sparks Papers. Небольшая часть опубликована в: The Life and Writings of Jared Sparks: Comprising Selections from His Journals and Correspondence / Ed. by Herbert B. Adams. 2 vols. Boston, 1893.

Library of Congress. Caleb Cushing Papers. Boxes 1–7, 201, 211.

Cushing W. Index to the North American Review, Volumes I. – CXXV. 1816–1877. Cambridge (Ma.), 1878.

[Brackenridge H. M.] South America: A Letter on the present state of that country to James Monroe, President of the United States, by an American. Wash., D.C., 1817. О значимости текста говорят его перепечатка в лондонском периодическом сборнике памфлетов “Pamphleteer” и перевод на французский язык известным публицистом аббатом де Прадтом – *Brackenridge* H *M.* Recollections of Persons and Places in the West. 2nd ed., enlarged. Philadelphia, 1868. P. 286–288.

44

Robinson W. D. A Cursory View of Spanish America, particularly the neighbouring vice-royalties of Mexico and New Grenada, chiefly intended to elucidate the policy of an early connection between the United States and those countries. Georgetown, D.C., 1815. Шэвит в своем справочнике “The United States in Latin America: A Historical Dictionary” (Westport (Ct.), 1992) указывает неверный год смерти (1822), хотя с Робинсоном (уже тяжело больным) встречался Дуэйн в июне 1823 г. В марте 1824 г. Робинсон написал статью, которую опубликует “National Intelligencer”. Ко времени выхода в свет книги Дуэйна Робинсона уже не было в живых – *Duane W. A* Visit to Colombia, in the Years 1822 & 1823, by Laguayra and Caracas, over the Cordillera to Bogota, and thence by the Magdalena to Carthagena. Philadelphia, 1826. P. 622; National Intelligencer, August 31, 1824. 9 мая 1824 г. посланник в Боготе Ричард Андерсон записал в дневнике известие о смерти Робинсона в Каракасе – The Diary and Journal of Richard Clough Anderson, Jr., 1814–1826 / Ed. by Alfred Tischendorf, E. Taylor Parks. Durham (N.C.), 1964. P. 148.

45

Appeal to the Government and People of the United States, in behalf of the Independent South American Provinces. N.Y., 1818. Автора этого памфлета установить не удалось.

46

[Yard /.] Spanish America and the United States; or, Views of the Actual Commerce of the United States with the Spanish colonies: and of the effects of a war with Spain on that commerce… Philadelphia, 1818… Автором этого памфлета традиционно считается Ярд, хотя в каталоге Colon указан некий Джозеф Грабб (Grubb) – см.: Catalogue of the Library of the American Philosophical Society… Philadelphia, 1824. P 184. № 718; *Colon M. L.* Impresos en Espanol Publicados en Filadelfia Durante Los Anos 1800 a 1835. Catholic University of America, 1951. № 41; *Whitaker A. P.* The United States and the Independence of Latin America, 1800–1830. Baltimore (Md.), 1941. P. 128n.

Irvine B. Commerce of Southern America; Its Importance to Us… Philadelphia, [1822]; *Duane W.* The Two Americas, Great Britain, and the Holy Alliance, Wash., D.C., 1824.

Thornton W. Outlines of a Constitution for United North and South Columbia. Wash., D.C., 1815; *[Chew B.]* A Sketch of the Politics, Relations, and Statistics, of the Western World, and of those Characteristics of European Policy which most immediately affect its interests: intended to demonstrate the necessity of a Grand American Confederation and Alliance. Philadelphia, 1827; *[Idem.] Mutius Scaevola.* [On the American Confederation] // Democratic Press. March 18, 1825. Атрибуция Чеу известного памфлета Муция Сцеволы впервые проведена в данной работе.

49

[Everett A. H.] Europe: or a general survey of the present situation of the principal powers; with conjectures on their future prospects. Boston, 1822; *[Idem.]* America: or a general survey of the Political Situation of the several powers of the Western Continent, with conjectures of their future prospects. Boston, 1827 (исп. изд. – Northampton (Ma.), 1828).

Onis L., de. Memoir Upon the Negotiations between Spain and the United States of America, which Led to the Treaty of 1819… Baltimore (Md.), 1821 (ориг. изд. – Madrid, 1820).

Poinsett J. R. An Exposition of the policy of the United States towards the new Republics of America *11* National Intelligencer, September 5, 1827; DCLA. Vol. III. P. 1663–1668; *Harrison B.* Remarks of General Harrison, Late Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary of the United States To the Republic of Colombia, on certain charges made against him by that government… Wash., D.C., 1830.

[Gongalves da Cruz A.] Reply to the Author of the Letter on South America and Mexico, by an American… Philadelphia, 1817; *[Monteagudo B.]* An Essay on the Necessity of a General Confederation among the Spanish American States, and A Plan for its Organization. Lima, 1825; *[Palacio Fajardo* M.] Outline of Revolutions in Spanish America; or An Account of the *Origin, Progress, and Actual State of the War* Carried on between Spain and Spanish America; containing the Principal Facts which have Marked the Struggle. L., 1817; *Pazos [Kanki] V.* The Exposition, Remonstrance and Protest of Don Vincente Pazos, Commissioner on Behalf of the Republican Agents established at Amelia Island, in Florida, under the Authority and in behalf of the Independent States of South America. Philadelphia, 1818; *Idem.* Letters on the United Provinces of South America Addressed to the Hon. Henry Clay, Speaker of the House of Representatives of the U. States. N.Y., 1819; *Torres M.* An Exposition of the Commerce of Spanish America; with some observations upon its importance to the United States. Philadelphia, 1816.

Irvine B. Cursory Notes on Venezuela. Baltimore, September 1819 – National Archives. RG 59, M 37, roll 4.

Brackenridge H. *M.* Voyage to South America, performed by order of the American Government in the Years 1817 and 1818, in the frigate Congress. 2 vols. Baltimore (Md.), 1819.

55

Reise nach Siidamerika. Leipzig, 1821. Bd. 1–2; Voyage to Buenos Ayres: performed in the years 1817 and 1818, by order of the American government. L., 1820. Испанское издание, также сокращенное, вышло совсем недавно: La independencia argentina: viaje a America del Sud por orden del gobierno americano en los anos 1817 y 1818 en la fragata “Congress” / prologo y traduccion de Carlos A. Aldao. Buenos Aires, 1999.

56

[Poinsett J. R.] Notes on Mexico: Made in the Autumn of 1822. Philadelphia, 1824 (L., 1825).

Robinson W. D. Memoirs of the Mexican Revolution: including a Narrative of the Expedition of General Xavier Mina… Philadelphia, 1820. О планах Бентама см.: *Williford* M. Jeremy Bentham on Spanish America: an Account of his Letters and Proposals to the New World. Baton Rouge (La.), 1980.

Duane W. A Visit to Colombia, in the Years 1822 & 1823.

Cleveland R. C. A Narrative of Voyages and Commercial Enterprises. Cambridge (Ma.), 1842; *[Coffin I. F.]* Journal of a Residence in Chili. By a Young American, detained in that country, during the revolutionary scenes of 1817 – 18–19. Boston, 1823; *Johnston S. B.* Letters Written During a Residence of Three Years in Chili, containing an account of the most remarkable events in the revolutionary struggles of that province… Erie (Pa), 1816; *[Fracker* G.] A Voyage to South America, with an Account of a Shipwreck in the River la Plata, in the Year 1817. Boston, 1826. Джонстон потом поступил на службу в чилийский флот и попал в заточение в Кальяо.

Hill H. Recollections of an Octogenarian. Boston, 1884; *Idem.* Reminiscences of Dr. George Edwards of Coquimbo, Chili, South America. Weymouth (Ma.), 1890.

61

[Bradley H.] A voyage from the United States to South America, performed during the Years 1821, 1822, & 1823… Newburyport, 1823 (2 eds.; 5th ed. – Chili and Peru in 1824. Boston, 1824). В каталоге Sabin (№ 12215, 12749, 100814) в качестве вероятных авторов книги названы некие Томас Беннет или Вашингтон Чейз, Shoemaker пишет только о Беннете. Другой каталог упоминает, помимо уже указанных авторов, еще Генри Брэдли – *Forster H.* The South Sea Whaler. Sharon (Ma.), 1985. № 10. На самом деле именно Генри Брэдли и был автором книги, так как на с. 38 второго издания упоминается имя повествователя на испанском языке – Энрике.

62

Фрагменты Брэкенриджа о Буэнос-Айресе: Niles' Weekly Register. Vol. 14. P. 261–263, 288–289 (June 13, 20, 1818) – перепечатано в: National Intelligencer, June 25, 27, 1818. Vol. 15. P. 188–190, 202–205 (November 14, 21, 1818). Выдержки об экспедиции Мины из книги Робинсона: National Intelligencer. June 1, 1820.

В частности: *Hall B.* Extracts from a Journal, written on the coasts of Chili, Peru, and Mexico, in the years 1820, 1821, 1822. 2 vols. 3rd ed. Edinburgh, 1824; *Hall F.* Colombia: its present state, in respect of climate, soil, productions, population, government, commerce, revenue, manufactures, arts, literature, manners, education, and inducements to emigration… Philadelphia, 1825; Narrative of a Voyage to the Spanish Main, in the ship

“Two friends;”… L., 1819.

B: Once anos en Buenos Aires, 1820–1831. Las cronicas diplomaticas de John Murray Forbes…

LC. Peter Force Collection – Jeremy Robinson Papers. Reel 62.

Tayloe E. T. Mexico, 1825–1828: the Journal and Correspondence of Edward Thornton Tayloe / Ed. by C. Harvey Gardiner. Chapel Hill (N.C.), 1959.

New York Public Library. Samuel Hill Papers.

New-York Historical Society. Diary of a trip from Vera Cruz to the City of Mexico, 1815, taken by Josiah Smith; *[Idem]*. Diary of a trip from the City of Mexico to Tampico, 1816.

69

Harvard University Houghton Library. Documents and letters by C. A. Rodney and others Relating to Argentina, 1818–1824. Конволют составлен одним из первых латино-американистов США Чарльзом Чэндлером (1883–1962) при распродаже архива Родни после слома семейного дома в Уилмингтоне, штат Делавэр, в 1919 г. Чэндлер ошибочно атрибутировал почерк Брэкенриджа Родни. Об этом источнике знал лишь Джон Пайн (Pine), но почти не использовал его в своей диссертации 1955 г. и не разобрался в авторстве дневника. В палеографическом анализе рукописи ценную помощь оказала сотрудница библиотеки Элизабет Фэлси (Falsey).

MdHS. Furlong Baldwin Library Bland Papers. Case B (Box 5).

Benton, Th. H. Thirty Years' View; or, A History of the Working of the American Government for Thirty Years, From 1820 to 1850. 2 vols. N.Y, 1854.

Sargent N. Public Men and Events from the Commencement of Mr. Monroe's Administration, in 1817, to the Close of Mr. Fillmore's Administration, in 1853. 2 vols. Philadelphia, 1875.

Miller W. Memoirs of General Miller, in the Service of the Republic of Peru. By John Miller. 2 vols. L., 1828.

Ducoudray Holstein H. L. V. Memoirs of Simon Bolivar, President Liberator of the Republic of Colombia… 2 vols. L., 1830 (первые изд. – Boston, 1829, 1830).

Worcester J. A Geographical Dictionary, or Universal Gazetteer, Ancient and Modern. 2 vols. 2nd ed. Boston, 1823; Edinburgh Gazetteer, or Geographical Dictionnary. 6 vols. Edinburgh, 1822.

Morse J. The American Universal Geography… 2 vols. 7th ed. Charlestown (Ma.), 1819; *Woodbridge W. Ch.* A System of Universal Geography on the principles of Comparison and Classification… Hartford (Ct.), 1824; *Adams D.* Geography; or, A Description of the World. 5th ed. Boston, 1820; etc.

77

[Niles J. M.] View of South America and Mexico, Comprising Their History the Political Condition, Geography, Agriculture, Commerce, &c. of the Republics of Mexico, Guatemala. Colombia, Peru, the United Provinces of South America and Chili; with a Complete History of the Revolution, In Each of these Independent States. 2 vols in one. N.Y., 1826.

Lyman T., Jr. The Diplomacy of the United States. Being an Account of the Foreign Relations of the Country, from the first treaty with France, in 1778, to the present time. 2nd ed. 2 vols. Boston, 1828.

Perkins S. Historical Sketches of the United States, from Peace of 1815 to 1830. N.Y., 1830.

Latani J. H. The United States and Latin America. Baltimore (Md.), 1900; *Paxson F. L.* The Independence of the South-American Republics: A Study in Recognition and Foreign Policy. Philadelphia, 1903.

Ярким примером мифологизации доктрины Монро в начале XX века стали слова основательницы церкви христианской науки (Christian Science) Мэри Бейкер Эдди: «Я строго верю в доктрину Монро, в нашу конституцию и законы Господа». В год празднования столетнего юбилея документа церковь поместила объявление с этой цитатой на всю полосу “New York Times”.

Perkins D. The Monroe Doctrine, 1823–1826. Cambridge (Ma.), 1928; *Idem.* The Monroe Doctrine, 1826–1867. Baltimore (Md.), 1933; *Idem.* The Monroe Doctrine, 1867–1907. Baltimore (Md.), 1937. Впоследствии Перкинс опубликовал сокращенный вариант трехтомника: *Idem.* Hands off, A History of the Monroe Doctrine. Boston, 1941 (и др. изд.).

Тж.: *Idem.* Europe and Spanish America, and the Monroe Doctrine // AHR. Vol. 27. № 2 (Jan. 1922); *Idem.* Russia and the Spanish Colonies, 1817–1818 *I I* AHR. Vol. 28. № 4 (July 1923).

Perkins D. The Yield of the Years. Boston, 1969. P. 117.

Поправка Теодора Рузвельта к доктрине (Roosevelt Corollary, 1904) призовет к вмешательству США в дела Латинской Америки. Крупнейший представитель школы «новых левых» Уолтер Лафибер считает это событие свидетельством окончательного империалистического перерождения доктрины – *LaFeber W.* The Evolution of the Monroe Doctrine from Monroe to Reagan // Redefining the Past: Essays in Diplomatic History in Honor of William Appleman Williams. Corvallis (Ore.), 1986.

Robertson W. S. The Monroe Doctrine Abroad in 1823–1824 // American Political Science Review. Vol. 6. (Nov. 1912); *Idem.* South America and the Monroe Doctrine, 1824–1828 // Political Science Quarterly. Vol. 30. № 1 (Mar. 1915). Тж.: *Robertson W. S.* Hispanic-American Relations with the United States. N.Y., 1923; *Idem.* Russia and the Emancipation of Spanish America // HAHR. Vol. 21. № 2 (May 1941); *Idem.* The Recognition of the Hispanic American Nations by the United States // HAHR. Vol. 1. № 3 (Aug. 1918); *Idem.* The Recognition of the Spanish Colonies by the Motherland // HAHR. Vol. 1. № 1 (Feb. 1918); *Idem.* The United States and Spain in 1822 // AHR. Vol. 20. № 4 (July 1915).

May E. The Making of the Monroe Doctrine. Cambridge (Ma.), 1975.

Болховитинов Н. *Н.* Доктрина Монро (происхождение и характер). М., 1959. С. 6; *Он же.* К вопросу об угрозе интервенции Священного союза в Латинскую Америку. (Из предыстории доктрины Монро) // ННИ. 1957. № 3; *Он же.* К вопросу о позиции США в войне Латинской Америки за независимость // Война за независимость в Латинской Америке. М., 1964; *Он же.* Присоединение Флориды Соединенными штатами // ННИ. 1959. № 5. См. тж. принадлежащие ему главы в первом томе «Истории США» (М., 1983) и «Истории внешней политики и дипломатии США. 1775–1877» (М., 1994).

Трояновская М. О. Признание Соединенными Штатами независимых латиноамериканских государств в контексте подготовки доктрины Монро // Исторический опыт Америки: взгляд российских и американских историков / Отв. ред. А. С. Маныкин, Ю. Н. Рогулев, Е. Ф. Язьков. М., 2005. Особ. с. 36.

Bemis S. F. The Latin-American Policy of the United States. N.Y., 1943; *Idem.* John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy. N.Y., 1949; *Idem.* John Quincy Adams and the Union. N.Y., 1956.

90

См.: *Bostart R., DeNovo J. A.* Samuel Flagg Bemis // MHS. Proceedings. Vol. FXXXV. Boston, 1973. P. 117–129. Любимый пример Бимиса – приобретения Луизианы и Аляски, сделанные без какой-либо оглядки на общественное мнение.

91

См., например: *Bailey T. A.* The Man in the Street: the Impact of American Public Opinion on Foreign Policy. N.Y., 1948.

Tatum E. H., Jr. The United States and Europe, 1815–1823: A Study in the Background of the Monroe Doctrine. Berkeley (Ca.), 1936.

Rippy J. F. Rivalry of the United States and Great Britain Over Latin America (1808–1830). Baltimore (Md.), 1929. См. **тж.:** *Idem.* Britain's Role in the Early Relations of the United States and Mexico // HAHR. Vol. 7. № 1 (Feb. 1927); *Idem.* British Investments in Latin America, 1822–1949: A Case Study in the Operations of Private Enterprise in Retarded Regions. Minneapolis (Mn.), 1959.

Webster Ch. K. Introduction // Britain and the Independence of Latin America. P. 78–79. В 1944 г. это обширное введение было напечатано отдельной книгой.

Bemis S. F. Early Missions from Buenos-Aires to the United States, 1811–1824. Worcerster (Ma.), 1940.

Perkins B. Castlereagh and Adams: England and the United States, 1812–1823. Berkeley (Ca.), 1964. Тж.: *Idem.* The Creation of a Republican Empire, 1776–1865 // The Cambridge History of American Foreign Relations. 4 vols. Cambridge, 1993. Vol. 1.

Griffin Ch. C. The United States and the Disruption of the Spanish Empire, 1810–1822; *Idem.* Privateering from Baltimore during the Spanish American Wars for Independence // Maryland Historical Magazine. Vol. 35. № 1 (Mar. 1940); *Whitaker A. P.* The United States and the Independence of Latin America, 1800–1830. Baltimore (Md.), 1941; *Idem.* Jose Silvestre Rebello: The First Diplomatic Representative of Brazil in the United States // HAHR. Vol. 20. № 3 (Aug. 1940).

Griffin Ch. C. The United States and the Disruption of the Spanish Empire. P. 284.

Whitaker A. P. The Western Hemisphere Idea: Its Rise and Decline. Ithaca (N.Y.), 1954. О зарождении идеи писал Гарри Бернштейн – *Bernstein H.* Making an Inter-American Mind. Gainesville (Fla.), 1961; *Idem.* Origins of Inter-American Interest. N.Y, 1965 (1st ed. – 1945).

100

Henry M. Vers une Amerique? Les relations entre les Etats-Unis et les nouvelles republiques hispano-americaines, 1810–1826. Ph.D. Paris-VII, 2004. Влияние «идеи Западного полушария» ощущалось и во второй половине XX века. Декстер Перкинс указывал, что интерес к межамериканским отношениям явно превосходит их реальное значение для Соединенных Штатов – *Perkins D.* The United States and Latin America. Baton Rouge (La.), 1961.

Такое мнение разделяют ведущие представители дисциплины: *Hunt* M. *H.* The Long Crisis in U.S. Diplomatic History: Coming to Closure *I I* Diplomatic History. 1991. Vol. 16. № 1 (Winter 1992); *Hogan M. J.* The “Next Big Thing”: The Luture of Diplomatic History in a Global Age [SHARE Presidential Address] // Diplomatic History. Vol. 28. № 1 (Jan. 2004).

Так, ни одна из 27 книг, удостоенных премий Общества историков американских международных отношений (SHARP) с 1991 г., не посвящена эпохе до Гражданской войны. С 1991 г. число статей в “Diplomatic History” по раннему периоду внешней политики США упало вдвое по сравнению с 1977–1990 гг. В 1977–1989 из 285 статей только 8 публикаций относятся к 1815–1861 гг. – *Lewis Jr.* The Pounding Remember [рец. на: *Hendrickson D.* C. Peace Pact: The Lost World of the American Pounding. Lawrence (Ks.), 2003] // Diplomatic History. Vol. 29. № 2 (Apr. 2005). P. 335; *Brauer K.* The Great American Desert Revisited: Recent Literature and Prospects for the Study of American Poreign Relations, 1815–1861 // Diplomatic History. Vol. 9. № 4 (Pall 1985). P. 396.

103

См.: *Stoler M. A.* War and Diplomacy: Or, Clausewitz for Diplomatic Historians // Diplomatic History. Vol. 29. № 1 (Jan. 2005). P. 5n.

104

Иное название: школа «открытых дверей».

105

Coleman K. The Political Mythology of the Monroe Doctrine: Reflections on the Social Psychology of Hegemony // Latin America, the United States, and the Inter-American System / Ed. by John D. Martz, Lars Schoultz. Boulder (Co.), 1980. P. 95 – 114.

106

United States – Latin American Relations, 1800–1850. The Formative Generations / Ed. by T. Ray Shurbutt. Tuscaloosa (AL), 1991. Один пример: уделяя много места дипломатической службе Уильяма Тюдора, автор, даже не работавший в его архиве, останавливается лишь на его деятельности в Лиме, «забыв» о назначении Тюдора поверенным в делах в Рио в 1827 г. – Ibid. P. 48–65.

Schoultz L. Beneath the United States: A History of U.S. Policy toward Latin America. Cambridge (Ma.), 1998.

Weeks W. E. John Quincy Adams' "Great Gun" and the Rhetoric of American Empire // Diplomatic History. Vol. 14. № 1 (Winter 1990); *Idem.* John Quincy Adams and American Global Empire. Lexington (Ky.), 1992; *Idem.* Building the Continental Empire: American Expansionism from the Revolution to the Civil War. Chicago (111.), 1996; *Lewis J. E., Jr.* The American Union and the Problem of Neighborhood: The United States and the Collapse of the Spanish Empire, 1783–1829. Chapel Hill (N.C.), 1998; *Idem.* John Quincy Adams: Policymaker for the Union. Wilmington (Del.), 2001.

В частности: *Goetzmann W. H.* When the Eagle Screamed: The Romantic Horizon in American Diplomacy 1800–1860. N.Y., 1966.

Lippmann W. U.S. Foreign Policy: Shield of the Republic. Boston, 1943. P. 49; *Woodward C. V.* The Age of Reinterpretation // AHR. Vol. 66. № 1 (Oct. 1960).

О Кубе: *Portell Vild H.* Historia de Cuba en sus relaciones con los Estados Unidos y Espana. 4 tomos. La Habana, 1938–1941; *Langley L. D.* The Cuban Policy of the United States: A Brief History N.Y., 1968. Марксистская интерпретация: *Foner Ph. S.* A History of Cuba and Its Relations with the United States. 2 vols. N.Y., 1962 (рус. пер. – *Фонер Ф.* История Кубы и ее отношений с США. 2 тт. М., 1963–1964). О Мексике: *Rives G. L.* The United States and Mexico, 1821–1848. 2 vols. N.Y., 1913; *Manning W. E.* Early Diplomatic Relations Between the United States and Mexico. Baltimore (Md.), 1916; *Robertson W. S.* The United States and Mexico. N.Y., 1926; *Zorrilla L. G.* Historia de las relaciones entre Mexico y los Estados Unidos de America, 1800–1958. 2 vols. Mexico, 1965–1966; *Brack G. M.* Mexico Views Manifest

Destiny, 1821–1846: An Essay on the Origins of the Mexican War. Albuquerque (N.M.), 1975. О Колумбии: *Parks E. T.* Colombia and the United States, 1765–1934. Durham (N.C.), 1935. О Венесуэле: *Frankel B. A.* Venezuela y los Estados Unidos (1810–1888). Caracas, 1977. Об Аргентине: *Peterson H. F.* Argentina and the United States, 1810–1960. Albany (N.Y.), 1964. О Чили: *Evans H.* C., *Jr.* Chile and Its Relations with the United States. Durham (N.C.), 1927; а также многочисленные статьи Эухенио Перейры Саласа (Eugenio Pereira Salas) в RCHG. О Бразилии: *Hill L. F.* Diplomatic Relations between the United States and Brazil. Durham (N.C.), 1932.

112

См. соответствующие главы М. С. Альперовича в первом томе «Истории США» (М., 1983) и «Истории внешней политики и дипломатии США, 1775–1867» (М., 1994); *Потокова Н. В.* Аннексия Техаса Соединенными Штатами Америки, 1821–1845. Ростов н/Д, 1986; *Она же.* Причины и характер североамериканской колонизации Техаса (1821–1835) // АЕ. 1974. М., 1974; *Она же.* Ранний период экспансии США в Техас (конец XVIII в. – 1819 г.) // Экспансионистская политика США в первой пол. XIX века / Отв. ред. С. Ф. Хроленок. Иркутск, 1981.

Randall S. J. Colombia and the United States: Hegemony and Interdependence. Athens (Ga.), 1992.

Safer W. C. Chile and the United States: Empires in Conflict. Athens (Ga.), 1990.

Rabe S. G. Marching Ahead (Slowly): The Historiography of Inter-American Relations [Bernath Lecture] // Vol. 13. № 3 (Summer 1989); *Friedman* M. *P.* Retiring the Puppets, Bringing Latin America Back In: Recent Scholarship on United States-Latin American Relations // Diplomatic History. Vol. 27. № 3 (November 2003).

116

Perkins D. We Shall Gladly Teach, Presidential Address Read at the Annual Dinner of the American Historical Association, Dec. 29, 1956 // AHR. Vol. 62. № 2 (Jan. 1957). P. 291–309; *Idem.* Yield of the Years. P. 119. Кстати, в своей рецензии на «Доктрину Монро» Н. Н. Болховитинова Перкинс признал, что в своих трудах недооценивал роль экономических факторов в ее провозглашении.

117

Болховитинов Н. *Н.* Русско-американские отношения. 1815–1832. М., 1975. С. 2.

Renouvin P.} Duroselle J.-B. Introduction a l'histoire des relations internationales. P., 1964.

119

A Call to Revolution: A Roundtable on Early U.S. Foreign Relations // Diplomatic History. Vol. 22. № 1 (Winter 1998). P. 63 – 120. Особенно следует выделить выступление Брэдфорда Перкинса: *Perkins B.* Early American Foreign Relations: Opportunities and Challenges // Ibid. P. 115–120.

Lewis J., Jr. The Founding Remember. P. 335–338.

Stagg J. C. A. Borderlines in Borderlands: James Madison and the Spanish-American Frontier, 1776–1821. New Haven (Ct.), 2009.

Об идее Лэнгли см.: *Brauer K.* Op. cit. P. 399 passim.

Kagan R. Dangerous Nation: America's Place in the World from Its Earliest Days to the Dawn of the Twentieth Century. N.Y., 2006; *Hendrickson D.* C. Peace Pact: The Lost World of the American Founding. Lawrence (Ks.), 2003; *Idem.* Union, Nation, or Empire: The American Debate over International Relations, 1789–1941. Lawrence (Ks.), 2009.

Herring G. C. From Colony to Superpower: US Foreign Relations Since 1776. N.Y., 2008.

125

См.: Diplomatic History Today: A Round Table // Journal of American History. Vol. 95. № 4 (Mar. 2009).

Heald M., Kaplan L. S. Culture and Diplomacy: the American Experience. Westport (Ct.), 1977.

Cultures of United States Imperialism / Ed. by Amy Kaplan, Donald E. Pease. Durham (N.C.), 1993.

Это название связано с идеей сместить фокус с национального государства на иные объекты исследований, например, регионы, как это делают сторонники «теории

пограничных земель» (borderlands theory). Последние рассматривают под этим углом американо-мексиканские и иногда американо-канадские отношения и стремятся объявить весь мир одной большой «пограничной зоной» культур и политических самосознаний. Отменить национальные границы хотя бы в своих исследованиях – мечта постнационалистов.

129

Close Encounters of Empire: Writing the Cultural History of U.S. – Latin American Relations / Ed. by Gilbert M. Joseph, Catherine C. LeGrand, Ricardo D. Salvatore. Durham (N.C.), 1998. P. 500–501. Темы статей в этом солидном и часто цитируемом сборнике также почти целиком относятся к XX веку – См.: *Friedman* M. *P.* Op. cit. P. 634–635.

Murphy G. Hemispheric Imaginings: The Monroe Doctrine and Narratives of U.S. Empire. Durham (N.C.), 2005.

131

О США и Латинской Америке см., например: *Hayward J.* Introduction // *Graham* M. Journal of a Residence in Chile during the Year 1822, and a Voyage from Chile to Brazil

in 1823. Charlottesville (Va.), 2003; *Pirez-Mejia A. A* Geography of Hard Times: Narratives about Travel to South America, 1780–1849 / Transl. by D. Chester. Albany (N.Y.), 2004 (Spanish ed. – 2002).

Salvatore R. North American Travel Narratives and the Ordering/ Othering of South America (c. 1810–1860) // Journal of Historical Sociology. Vol. 9. № 1 (Mar. 1996).

133

Hall B. Travels to North America in the Years 1827 and 1828. Philadelphia, 1829. Vol. I. P. 274. Между прочим, Холлу очень понравился Бостон, где он, конечно, не чувствовал себя в экзотическом «ориентальном» окружении.

См.: Palgrave Advances in International History / Ed. by Patrick Finley. Houndmills, 2005. Ср.: AHR Conversation: On Transnational History // AHR. Vol. 111. № 5 (Dec. 2006);

Graser M. World History in a Nation-State: The Transnational Disposition in Historical Writing in the United States // Journal of American History. Vol. 95. № 4 (Mar. 2009).

135

Идея писать единую историю Нового Света и связанных с ним метрополий принадлежит Джеку Грину (Университет Джонса Хопкинса) и Бернарду Бейлину (Гарвардский университет). В Гарварде с 1995 г. проходят ежегодные семинары по отдельным проблемам «истории Атлантики». О современном понимании «атлантических революций» см.: *Greene J. P., Knight F. W., Guedea* V, *Rodriguez* O., /. AHR Forum: Revolutions in the Americas // AHR. Vol. 105. № 1 (Feb. 2000). P. 92 – 152; *Adelman J.* An Age of Imperial Revolutions // AHR. Vol. 113. № 2 (Apr. 2008); *Langley L. D.* The Americas in the Age of Revolution, 1750–1850. New Haven (Ct.), 1996; *Idem.* The Americas in the Modern Age. New Haven (Ct.), 2003.

Liss P. K. Atlantic Empires: the Network of Trade and Revolution, 1713–1826. Baltimore (Md.), 1983.

Johnson J. J. A Hemisphere Apart: The Foundations of United States Policy toward Latin America. Baltimore (Md.), 1990.

Особенно: *DangerfieldG.* The Awakening of American Nationalism. 1815–1828. N.Y., 1965; *Appleby J.* Inheriting the Revolution: The First Generation of Americans. Cambridge (Ma.), 2000.

McCoy D. R. The Elusive Republic: Political Economy in Jeffersonian America. Chapel Hill (N.C.), 1980.

Sellers Ch. The Market Revolution: Jacksonian America, 1815–1846. N.Y., 1991.

Stagg J. C. A. Mr. Madison's War: Politics, Diplomacy, and Warfare in the Early Republic, 1783–1830. Princeton (N.J.), 1983.

Onuf P., Onuf N. Federal Union, Modern World: The Law of Nations in an Age of Revolution, 1776–1814. Madison (Wise.), 1993. На интеллектуальные корни классического республиканизма обратили внимание Бернард Бейлин, Гордон Вуд, Джон Покок.

Robertson A. W. The Language of Democracy: Political Democracy in the United States and Britain, 1790–1900. Charlottesville (Va.), 2005 (1st ed. – 1995).

Термин восходит к немецкому философу, выходцу из Франкфуртской школы Юргену Хабермасу, который обозначил понятием “Offentlichkeit” информационный мир, созданный буржуазией Просвещения. Книга Хабермаса “Strukturwandel der Offentlichkeit” вышла в 1962 г., но была переведена на английский язык только в 1989 г., после чего в кругу исследователей ранней республики начался настоящий взрыв интереса к этой концепции, во многом перекликающейся с понятием «гражданского общества». См., например: Alternate Histories of the Public Sphere (Forum) // William and Mary Quarterly. 3rd series. Vol. 62. № 1 (Jan. 2005). Об информации см.: *John R.* Op. cit.; *Brooke J. L.* Op. cit.

145

Beyond the Founders: New Approaches to the Political History of the Early American Republic / Ed. by Andrew Robertson, David Waldstreicher, Jeffrey. Chapel Hill (N.C.), 2004. «Новая новая политическая история» – очевидный ответ на «новую политическую историю» с ее вниманием к количественным методам и статистике.

Romani R. National Character and Public Spirit in Britain and France, 1750–1914. Cambridge, 2002.

147

См.: *Whitaker A. P.* The United States and the Independence of Latin America, 1800–1830. Baltimore (Md.), 1941. P. 2 – 22; The North American Role in the Spanish Imperial Economy, 1760–1819 / Ed. by Jacques A. Barbier, Allan J. Kuethe. Manchester, 1984.

Depons F. R. J. A Voyage to the Eastern Part of Terra Firma, or the Spanish Main, in South America, During the Years 1801, 1802, 1803, and 1804… / Transl. by Washington Irving. 3 vols. N.Y., 1806; *Humboldt A., von.* Political Essay on the Kingdom of New Spain / Transl. by J. Black. 2 vols. N.Y., 1811.

149

Robertson W. The History of America. 2 vols. Philadelphia, 1812 (1st ed. – L., 1777); *Molina J. I.* Geographical, Natural and Civil History of Chile / Transl. by W. Shaler, R. Alsop. Middletown (Ct.), 1808 (на основе трудов, изданных в Болонье в 1782,1787 гг.; независимое англ. изд. – L., 1809); На Гумбольдте и журнале "Mercurio Peruano" основаны известные компиляции Уильяма Уолтона (1784–1857): *Walton W.* Present State of the Spanish Colonies. 2 vols. L., 1810; *Idem.* Expose on the Dissentions of Spanish America… L., 1814. Cm.: *Whitaker A. P.* Op. cit. P. 144n.

Cm.: *Gibson Ch.* The Black Legend: Anti-Spanish Attitudes in the Old World and the New. N.Y, 1971.

Примечательно, кстати, что мексиканский революционер, монах-доминиканец Хосе Сервандо Тереса де Мьер (1763–1827) называл «Законы Индий» «нашей Magna Carta» – Великой хартией вольностей. См.: *Racine K.* “This England and This Now”: British Cultural and Intellectual Influence in the Spanish American Indepedence Era // HAHR. Vol. 90. № 3 (Aug. 2010). P. 432.

Такой подсчет Лас Касаса, кстати, ставился под сомнение многими авторами, в том числе энциклопедистом из Уэльса Абрахамом Рисом (1743–1825). См.: *Rees A.* The Cyclopaedia; or, Universal Dictionary of Arts, Sciences, and Literature… First American Edition, Revised, Corrected, Enlarged, and Adapted to this Country. Philadelphia, 1810–1824 (англ. изд. – L.: Longman, 1819). Vol. II (“America”).

153

Powell Ph. W. Tree of Hate: Propaganda and Prejudices Affecting United States Relationships with the Hispanic World. N.Y., 1971. P. 10, 93 – 112. См. **тж.:** *Paquette G.* The Image of Imperial Spain in British Political Thought, 1750–1800 // Bulletin of Spanish Studies. Vol. LXXXI. № 2 (2004). Esp. p. 196.

См.: *Paquette G.* The Intellectual Context of British Diplomatic Recognition of the South American Republics, c. 1800–1830 // Journal of Transatlantic Studies. Vol. 2. № 1 (2004). P. 82–83, 92.

155

Freneau Ph. The Rising Glory of America (1786) // *Gibson Ch.* Op. cit. P. 151–154.

Напомним, что уравнение католиков в правах (Catholic emancipation) в Великобритании произошло лишь в 1829 г., причем против воли большинства – *Соловьева Т С.* Религиозная политика либеральных тори в Англии (20-ые гг. XIX века). М., 2000. С. 66–77, 122–178. Описание ужасов инквизиции было излюбленной темой готических романов, например, знаменитого «Мельмота-скитальца» (1820) Чарльза Мэтьюрина (1780–1824).

157

[Tudor W] Gebel Teir. Boston, 1829. P. 51.

Цит. в: *Трояновская М.* О. Признание Соединенными Штатами независимых латиноамериканских государств в контексте подготовки доктрины Монро // Исторический опыт Америки: взгляд российских и американских историков / Отв. ред. А. С. Маныкин, Ю. Н. Рогулев, Е.Ф. Языков. М., 2005. С. 26. Антикатолицизм новоанглийских интеллектуалов окажется чрезвычайно живучим: в 1939 г. в рецензии на книгу католического историка о Филиппе II гарвардский профессор Роджер Мерримэн прибегнет, по сути, к тем же выражениям, что и путешественники начала XIX в., говоря о «невежестве и легковерности автора», «абсурдной некомпетентности», «предрассудках» – цит. по: *Novick P.* That Noble Dream: The “Objectivity Question” and the American Historical Profession. Cambridge, 1988. P. 203n; 366n.

159

Washington. South America // National Intelligencer. December 27, 1817.

160

Motion and Speech on Recognition of the Independent Provinces of the River Plata, March 24–25, 1818 // PHC. Vol. 2. P. 520–522.

161

Speech on Adams – De Onis Treaty, April 3,1820 // PHC. Vol. 2. P. 814. Любопытно, что Инквизиция в Испании была запрещена как раз менее чем за месяц до речи Клея – 9 марта.

162

Morse J. The American Universal Geography… 2 vols. 7th ed. Charlestown (Ma.), 1819. Vol. I. P. 780, 832.

163

Woodbridge W. Ch. A System of Universal Geography, on the principles of Comparison and Classification… Hartford (Ct.), 1824. P. 208.

164

Niles' Weekly Register. Vol. 12. P. 184 (May 17, 1817); Vol. 25. P. 210 (December 6, 1823).

165

Johnston S. B. Letters Written During a Residence of Three Years in Chili, containing an account of the most remarkable events in the revolutionary struggles of that province… Erie (Pa.), 1816. P. 44, 200–201.

166

[Bradley H.] A voyage from the United States to South America, performed during the Years 1821, 1822, & 1823… Newburyport (Ma.), 1823. P. 41. Речь идет о городе Сан-Карлос.

167

[Bache R.] Notes on Colombia, Taken in the Years 1822 – 3… Philadelphia, 1827. P. 95–96, 235.

Ibid. P. 100, 235.

Ibid. P. 157, 209, 217–219, 246.

170

Cleveland R. J. A Narrative of Voyages and Commercial Enterprises. Cambridge (Ma.), 1842. Vol. I. P. 185–186.

Op. cit. Vol. II. P. 180, 199–200.

Op. cit. Vol. I. P. 219–223.

173

Niles' Weekly Register. Vol. 29. P. 39 (September 17, 1825).

174

Ibid. Vol. 31. P. 136 (October 28, 1826). Ср. почти те же слова («религия и *наличность*»), возможно, того же корреспондента в: National Intelligencer, October 19, 1826 (по “Norfolk Herald”).

175

Niles' Weekly Register. Vol. 8. P. 293–294 (June 24, 1815); National Intelligencer. June 27, 1815.

Morse J. Op. cit. Vol. I. P. 689 (о Мексике); *Duane W.* A Visit to Colombia, in the Years 1822 & 1823, by Laguayra and Caracas, over the Cordillera to Bogota, and thence by the Magdalena to Carthagena. Philadelphia, 1826. P. 77 (о Каракасе), 489–490 (о Боготе).

177

National Intelligencer. May 10, 1817 (о Буэнос-Айресе), November 7, 1818 (о Бразилии); December 7, 1822 (о Мексике); October 19, 1826 (о Гватемале).

[Bache R.]. Op. cit. P. 43–44. См. **тж.:** *[Fracker* G.] A Voyage to South America, with an Account of a Shipwreck in the River la Plata, in the Year 1817. Boston, 1826. P. 123.

179

Уияльм Тюдор – Айзеку Халлу, 2 сентября 1824 г. – Boston Athenaeum. Papers of Commodore Isaac Hull. Box 1. Folder 7.

180

Niles' Weekly Register. Vol. 29. P. 260 (December 24,1825); Vol. 31. P. 136 (October 28,1826).

Ibid. Vol. 29. P. 102 (October 15, 1825).

[Niles J. M] Op. cit. Vol. I. P. 128. Vol. II. P. 179; National Intelligencer, March 27, 1827.

183

Джон Ритчи – Джоэлю Пойнсету, 2 июня 1826 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers. Vol. 3. Folder 11.

Niles' Weerly Register. Vol. 28. P. 336 (July 23, 1825).

185

Хеман Аллен – Джону Куинси Адамсу, 29 апреля, 26 мая 1824 г. Цит. по: United States – Latin American Relations, 1800–1850. The Formative Generations / Ed. by T. Ray Shurbutt. Tuscaloosa (AL), 1991. P. 236.

186

Стивен Остин – Джеймсу Остину, 20 мая, 13 июня 1823 г. – The Austin Papers / Ed. by Eugene C. Barker. Wash., D.C., 1924–1928. Vol. II. Pt. 1. P. 645, 671.

187

Эдвард Торнтон Тэйло – Бенджамину Оглу Тэйло, 8 февраля 1826 г. – Mexico, 1825–1828: the Journal and Correspondence of Edward Thornton Tayloe / Ed. by C. Harvey Gardiner. Chapel Hill (N.C.), 1959. P. 114. Незадолго до того Тэйло был возмущен «кощунством» обряда освящения скота: Эдвард Торнтон Тэйло – родителям, 15 января 1826 г.-Op. cit. P. 112.

188

Brackenridge H. *M.* Voyage to South America performed by order of the American Government in the Years 1817 and 1818, in the frigate Congress. Baltimore (Md.), 1819. Vol. II. P. 42, 301. Речь шла о праздновании независимости Чили в Буэнос-Айресе в 1818 г.

189

Duane W. Op. cit. P. 87–92, 484–487 (о священниках); 80–81, 419, 423–424, 546 (о процессиях). Редкое по своему нейтральному настрою описание религиозной процессии в Рио см. тж. в: *Fracker* G. Op. cit. P. 96.

Duane W. Op. cit. P. 447, 435–437.

191

Irvine B. Commerce of Southern America; Its Importance to Us, with some Remarks on a Canal at Darien and Other Cognate Subjects. Philadelphia, [1822]. P. 6–8.

Об источниках политической культуры ранней республики см., в частности: *Bailyn B.* The Ideological Origins of the American Revolution. Cambridge (Ma.), 1967 (рус. пер. – *Бейлин Б.* Идеологические истоки Американской революции. М., 2010); *Wood G.* The Creation of the American Republic, 1776–1787. Chapel Hill (N.C.), 1969; *Pocock J. G. A.* The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton (N.J.), 1975. В отечественной литературе: *Согрин В. В.* Идеологические течения в американской революции XVIII века. М., 1980; *Филимонова М. А.* Классический республиканизм в американской и французской революциях конца XVIII века // ННИ. 2004. № 1. С. 47–64.

Romani R. National Character and Public Spirit in Britain and France, 1750–1914. Cambridge, 2002. P. 3.

Cm.: Op. cit. P. 165–171.

Woodbridge W. Ch. Op. cit. P. 205.

Romani R. Op. cit. P. 159–200.

197

Цит. по: *Robertson W. S.* The Life of Miranda. N.Y., 1929. Vol. II. P. 246.

Columbian Centinel. June 11, 1817.

199

Томас Джефферсон – Александру фон Гумбольдту, 13 июня 1817 г. – Alexander von Humboldt's Correspondence with Jefferson, Madison, and Gallatin / Publ. by Helmut de Terra // American Philosophical Society. Proceedings. Vol. 103. Philadelphia, 1959. P. 794.

200

[Poinsett J. R.] Mexico // AQR. Vol. II. № 4 (Sept. – Dec. 1827). P. 353.

201

[Reed W. B.] Ward's Mexico // AQR. Vol. IV. № 7 (Sept. – Dec. 1828). P. 110–111.

Encyclopaedia Britannica… 4th ed. Edinburgh, 1810. Vol. XIX. P. 542–543. Vol. XIII. P. 783.

Rees A. The Cyclopaedia; or, Universal Dictionary of Arts, Sciences, and Literature. Philadelphia, 1810–1824. Vol. XXIV. “Spain”.

204

[Poinsett J. R.] Notes on Mexico: Made in the Autumn of 1822. L., 1824. P. 37, 161–163.

Woodbridge W. Ch. Op. cit. P. 223, 247, 273, 276–279.

Ibid. P. 273, 276, 247.

207

Hall F. Colombia: its present state, in respect of climate, soil, productions, population, government, commerce, revenue, manufactures, arts, literature, manners, education, and inducements to emigration… Philadelphia, 1825. P. 71–72.

Brackenridge H. *M.* Op. cit. Vol. II. P. 294.

209

LC. Jeremy Robinson Papers (Peter Force Collection). Reel 62. Запись в дневнике от 13 февраля 1818 г.

210

Джон Форбс – Джону Куинси Адамсу, 18 января 1821 г. – MHS. Adams Family Papers. Reel 451, LXX, 219.

211

Baker M. The Voyage of the U.S. Schooner “Nonsuch” up the Orinoco: Journal of the Perry Mission // HAHR. Vol. 30. № 4 (Nov. 1950). P. 484 (запись от 16 июля 1819 г.). «Индейцы, впрочем, врожденно праздны до предела», – писал анонимный корреспондент, объясняя нелюбовь к труду малыми потребностями – Views of Colombia [letter from Carthagena, August 22, 1826] // National Intelligencer. November 2, 1826.

Morse J. Op. cit. Vol. I. P. 772.

213

Стивен Остин – Джеймсу Брауну Остину, 8 июля 1822 г. – Austin Papers. Vol. II. Pt. 1. P. 531. Эта цитата приводится тж. в: *Weber D. J.* Myth and History of the Hispanic Southwest. Albuquerque (N.M.), 1988. P. 157.

214

[Poinsett J. R.] Notes on Mexico: Made in the Autumn of 1822. L., 1824. P. 37, 161–163.

215

Хеман Аллен – Джону Куинси Адамсу, 23 октября 1824 г., 9 февраля 1825 г. Цит. по: United States – Latin American Relations, 1800–1850. The Formative Generations. P. 235. Те же слова в: Хеман Аллен – Джареду Спарксу, 4 февраля, 4 апреля 1826 г. – Harvard University. Houghton Library. Jared Sparks collection of American Manuscripts. Part II. Jared Sparks Papers. MS Sparks 153.

216

New YorkPublic Library. Samuel Hill Papers. Запись в судовом журнале от 7 октября 1821 г.

217

Яркий пример: Александр Хилл Эверетт, противник рабства, любивший подчеркнуть достоинства африканской расы и веривший в прогресс Азии, тем не менее искренне полагал, что судьба индейцев – раствориться в цивилизации, – и считал такой ход дел правильным и справедливым – *[Everett A. H]* America… Boston, 1827. P. 212–225, 360.

См.: *Wood G.* Op. cit. P. 91 – 124. Кстати, «праздность» и «возрождение» – важные понятия итальянского Рисорджименто, восходящие к Макиавелли и Монтескье. См.: *Patriarca S.* Indolence and Regeneration: Tropes and Tension of Risorgimento Patriotism // AHR. Vol. 110. *Ж* 2 (Apr. 2005).

219

Shaler W. Essay IV. Notes on Manners and Society in Havana Cuba [после ноября 1811 г. и до 7 янв. – 9 марта 1812 г.] – *Stagg J. C. A.* The Political Essays of William Shaler *11* William and Mary Quarterly. 3rd series. Vol. 59. № 2 (Apr. 2002). Web supplement (http://oieahc.wm.edu/wmq/apr02/stagg.pdf).

Brackenridge H. *M.* Op. cit. Vol. II. P. 294.

221

[Idem] South America: A Letter on the present state of that country to James Monroe, President of the United States… Wash., D.C., 1817. P. 14–15.

Ibid. P. 17.

Woodbridge W. Ch. Op. cit. P. 247, 279; *Morse }.* Op. cit. Vol. I. P. 774, 837–838, 863.

Appeal to the Government and People of the United States, in behalf of the Independent South American Provinces. N.Y., 1818. P. 2.

225

National Intellligencer. July 2, 1818 (письмо от 9 февраля 1818 г.).

Colombia // N.Y. Evening Post. B: National Intelligencer. August 30, 1825.

Заметим, что генерал Франсиско Эстебан Гомес мулатом не был. Судя по сохранившимся портретам, кожа Гомеса была светлее, чем у Боливара.

Duane W. Op. cit. P. 332, 343. Тж.: Ibid. P. 568.

[Bache R.] Op. cit. P. 19, 141.

[Niles J. MJ Op. cit. Vol. И. P. 26.

231

[Chew B.] A Sketch of the Politics, Relations, and Statistics, of the Western World… Philadelphia, 1827. P. 123, 125, 132–136.

National Intelligencer. July 24, 1817.

233

To the Editors // National Intelligencer. March 3, 1818.

Democratic Press. B: National Intelligencer. November 25, 1817.

National Intelligencer. August 1, 1825

См. **с.** 263–264, 266

237

Подробно об этом см.: *Johnson J. J.* A Hemisphere Apart: The Foundations of United States Policy toward Latin America. Baltimore (Md.), 1990. P. 70–73.

Southern Patriot. B: National Intelligencer. May 29, 1817.

Niles' Weekly Register. Vol. 13. P. 222 (November 29, 1817); Vol. 21. P. 64, 273–274 (September 21, December 29,1821). Тж.: Ibid. Vol. 14. P. 189 (May 9,1818); Vol. 21. P. 273–274 (December 29, 1821); Vol. 29. P. 384 (February 11, 1826).

Ibid. Vol. 21. P. 223 (December 1, 1821).

241

Педро Гуаль – Уильяму Торнтону, 20 августа, 7 октября 1815 г. – LC. William Thornton Papers. Reel 2.

Columbian Centinel. May 15, 1816.

О классическом республиканизме и креольском национализме в Испанской Америке см.: *BradingD. A.* Classical Republicanism and Creole Patriotism: Simon Bolivar (1783–1830) and the Spanish American Revolution. University of Cambridge, 1983. Ср.: Rivoluzione Bolivariana: Istituzioni – Lessico – Ideologia / A cura di Mario Sabbatini // Quaderni Latinoamericani. Vol. VIII (1981).

Русский перевод первого и последнего текстов см. в: *Штрахов А. И.* Война за независимость Аргентины. М., 1976. С. 354–371; *Боливар С.* Избранные произведения, 1812–1830. М., 1983. С. 49–65. В 1812 г. Тереса де Мьер издал в Лондоне «Кратчайшее известие» Лас Касаса со своим предисловием – эту книгу перепечатали в Боготе в 1813 г. и в Филадельфии в 1821 г.

245

Цит. по: *Щелчков А. А.* Восстания в Верхнем Перу в 1809 году. К 200-летию начала войны за независимость в Испанской Америке // ННИ. 2009. № 4. С. 49.

Motion and Speech on Recognition of the Independent Provinces of the River Plata, March 24–25, 1818 // PHC. Vol. 2. P. 528–529; *Brackenridge* H. M. Op. cit. Vol. II. P. 359–372; *[Bradley H.]* Op. cit. P. 66.

247

См. перевод в: *Штрахов А. И.* Указ. соч. С. 372, 373, 374–375.

248

Педро Гуаль – Уильяму Торнтону, 20 августа 1815 г. – LC. William Thornton Papers. Reel 2.

[Palacio Fajardo M.]. Outline of Revolutions in Spanish America; or An Account of the *Origin, Progress, and Actual State of the War* Carried on between Spain and Spanish America; containing the Principal Facts which have Marked the Struggle. By a South-American. London: Longman, et al., 1817 – 362 pp.; N.Y.: James Eastburn, 1817 – 219 pp.). Американское издание, как всегда, в полтора раза тоньше, а значит, доступнее английского за счет экономии на полях и величине кегля. Тж.: Der Freiheitskampf im Spanischen Amerika. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1818 – 254 pp.; Revolutions de PAmerique espagnole, ou Recit de lorigine, des progress et de Petat actuel de la guerre entre LEspagne et PAmerique Meridionale. *2ème* ed. P.: Mongie Paine, 1819 – 430 pp. (перевод с англ., но с дополнением о событиях после 1816 года); Bosquejo de la revolucion en la America Espanola. Caracas, 1953.

Outline of the Revolutions… L., 1817. P. 20–21.

251

Ibid. P. 43–45, 66. Рассказ о действиях Кальехи попал в прессу США: *Fuentes Mares J.* Genesis del expansionismo norteamericano. Mexico, 1980. P. 42.

252

Cm.: *Adams J.* Q. Observations on the Memorial, and Documents addressed by Don Vicente Pazos, to the President of the United States [1818] – MHS. Adams Family Papers. Reel 445. F. 232b.

253

Родни выслал Монро книгу, кратко изложив взгляды автора: Сизер Родни – Джеймсу Монро, 31 октября 1817 г. – LC. Papers of James Monroe. Reel 6.

254

О популярности его книги о Южной Америке см.: Генри Клей – Висенте Пасосу, 27 июля 1819 г. – PHC. Vol. 2. P. 701.

Bowman Ch. H., Jr. Vicente Pazos Kanki: Un Boliviano en la Libertad de America. La Paz, 1975.

Pazos [Kanki] V. Letters on the United Provinces of South America / Transl. by Platt H. Crosby. N.Y: Seymour; L.: Miller, 1819. В те годы Пасос еще не подписывался своим вторым, индейским родовым именем – Канки. За эту книгу автор был избран в Нью-Йоркское историческое общество. Вплоть до 1840-х гг. он оставался единственным южноамериканцем – почетным членом общества – *Bowman Ch. H., Jr.* Op. cit. P. 191.

Pazos [Kanki] V. Op. cit. P. 83.

Ibid. P. 248–249, 115.

Ibid. P. 102.

Ibid. P. 83–84.

Ibid. P. 113.

Ibid. P. 122–124. См. тж.: *Pazos [Kanki] V.* Compendio de la Historia de los Estados Unidos de America. N.Y., 1825; P., 1825.

263

Idem. Letters on the United Provinces of South America. P. 106–107.

Idem. The Exposition, Remonstrance and Protest of Don Vincente Pazos, Commissioner on Behalf of the Republican Agents established at AMELIA ISLAND, in FLORIDA, under the Authority and in behalf of the Independent States of South America. Philadelphia, 1818. P. 26.

265

Цит. по: *Carbia R. D.* Historia de la Leyenda Negra Hispano-Americana. Buenos Aires, 1943. P. 163. Сходные взгляды высказывал в те же годы соотечественник Бильбао Хосе Викторино Ластаррия (1817–1888).

Powell Ph. W. Op. cit. P. 113–127. Cp.: *Adelman J.* Sovereignity and Revolution in the Iberian Atlantic. Princeton (N.J.), 2006. P. 211.

267

Джон Куинси Адамс – Ричарду Андерсону, 27 мая 1822 г. – Writings of John Quincy Adams / Ed. by Worthington Ch. Ford. 7 vols. N.Y., 1913–1917. Vol. VII. P. 442–443.

См.: *Hanke L.* Dos Palabras on Antonio de Ulloa and the *Noticias Secretas H* HAHR. Vol. 16. № 4 (November 1936). P. 507–514; *Powell Ph. W.* Op. cit. P. 111. Примечательно, что в США сокращенное, по сути, пропагандистское издание «Тайных заметок» вышло в Бостоне в 1851 г. – явно в рамках борьбы против католической ирландской эмиграции.

269

[Sparks/.] Mr. Poinsett's Notes on Mexico; *Idem.* South America [рец. на: Observaciones sobre les Leyes de Indias, y sobre la Independencia de America. Por Luis Soper Mendez. Publicadas en La Biblioteca Americana. Londres, 1823] // NAR. Vol. XX. № 46 (Jan. 1825). P. 86–89; NAR. Vol. XIX. № 44 (July 1824). P. 158–208.

270

[Poinsett J. R.] Mexico // AQR. Vol. VIII. № 14. (Mar. – June 1830). P. 452.

См.: *Jaksic I.* The Hispanic World and American Intellectual Life, 1820–1860. Houndmills, 2007.

Cm.: *Whitaker A. P.* The Western Hemisphere Idea: Its Rise and Decline. Ithaca (N.Y.), 1954. P. 1–40.

273

Джон Превост – Джону Куинси Адамсу, 13 февраля, 8 марта 1818 г. – цит. по: *Pine J.* C. The Role of United States Special Agents in the Development of a Spanish American

Policy, 1810–1822. Ph.D. University of Colorado, 1955. P. 391, 400. Второе письмо было также анонимно опубликовано в: National Intelligencer. July 2, 1818.

274

From Angostura // Charleston City Gazette. B: National Intelligencer. February 17,1820.

Niles' Weekly Register. Vol. 24. P. 402 (August 30, 1823).

Niles' Weekly Register. Vol. 27. P. 168 (November 13, 1824) – речь от 11 ноября.

Duane W. Op. cit. P. 418.

Moore J. M. The Anniversary Ode // National Intelligencer. July 7, 1824.

Fracker G. Op. cit. P. 128.

National Intelligencer. July 12, 1825.

281

Niles' Weekly Register. Vol. 9. P. 170 (November 4, 1815).

282

Даже автор лучшей книги по географии эрудированный Иедидия Морзе вынужден был признать отсутствие достойных источников о современных перуанцах и мексиканцах – *Morse J.* Op. cit. Vol. I. P. 689.

283

Niles' Weekly Register. Vol. 9. P. 141 (November 4, 1815). Эта цитата приводится тж. в: *Whitaker A. P.* Op. cit. P. 170. Ср.: Appeal to the Government and People of the United States, in behalf of the Independent South American Provinces. P. 2. Еще в 1813 г. географ Уильям Дарби удивлялся «очевидному равнодушию», «апатии», с которой правительство и народ США смотрят на события в Южной Америке – Niles' Weekly Register. Vol. 16 (Mar. – Sept. 1819). Supplement. P. 45.

284

Джаред Спаркс – Джоэлю Пойнсету, 9 августа 1825 г. – The Life and Writings of Jared Sparks Comprising Selections from His Journals and Correspondence by Herbert B. Adams. 2 vols. Boston, 1893. Vol. I. P. 310.

285

О правительственной политике подробно повествуют Бимис, Уитекер, Гриффин, Брукс, Уикс, Льюис, Стэгг, что избавляет нас от необходимости детально останавливаться на этом сюжете.

286

См.: *Remini R. V.* Henry Clay: Statesman for the Union. N.Y., 1991. P. 200–203, 277–278. Драматический разрыв дружбы Клея и Кендалла произойдет в основном по вине первого в 1825 г.

Кстати, истории о жестокости (реальной или мнимой) расквартированных в Бостоне британских солдат служили действенным пропагандистским инструментом вигов накануне Войны за независимость. См.: *Филимонова М. А.* Роль прессы в Американской революции в оценке современников (Культура Просвещения, свобода печати и манипуляция сознанием) // Американская проблематика в периодике XVIII–XIX вв. / Отв. ред. В. А. Коленеко. М., 2004. С. 33–35.

288

The Brazils // Columbian Centinel. December 7,1822 (письмо из Баии от 20 октября).

289

См., например: *Robinson W. D.* Memoirs of the Mexican Revolution… Philadelphia, 1820. P. 322–323.

290

[Cushing CJ Restrepo s Colombia // AQR. Vol. V. № 9 (Mar. – June 1829). P. 54.

291

The Era of Revolution // Essex Register. B: National Intelligencer. November 20, 1818.

[Niles J. M.] Op. cit. Vol. 2. P. 41.

Morse]. Op. cit. Vol. I. P. 779.

[Everett A. H.] America. P. 173–176. Тж.: Appeal to the Government and People of the United States, in behalf of the Independent South American Provinces. P. 2.

295

[Yard /.] Spanish America and the United States; or, Views of the Actual Commerce of the United States with the Spanish colonies: and of the effects of a war with Spain on that commerce… Philadelphia, 1818. P. 5.

[Brackenridge H. M.\ South America: A Letter on the present state of that country to James Monroe, President of the United States by an American. Wash., D.C., 1817; *Idem.* Voyage to South America.

Lautaro. № 1 // National Intelligencer. September 30, 1817.

298

Speech on the Independence of Latin America, March 28, 1818 – PHC. Vol. II. P. 552; From Angostura // Charleston City Gazette. B: National Intelligencer. February 17, 1820; National Intelligencer. July 8, 1826 (тост на празднике 4 июля в Арлингтоне, Виргиния).

Об этом см. подробно в IV главе.

Brackenridge H. *M.* Op. cit. Vol. II. P. 291.

301

Philadelphia Aurora. B: National Intelligencer. October 22,1819. Тж.: *[Brackenridge* H. M.*]* South America… P. 24–25. Сравнение военной ситуации: *Idem.* Voyage to South America. Vol. II. P. P. 170–171,269; *[Coffin I. F.]* Journal of a Residence in Chili… Boston, 1823. P. 236.

302

Motion and Speech on Recognition of the Independent Provinces of the River Plata; Speech on the Independence of Latin America, March 24–25, 28, 1818 – PHC. Vol. II. P. 552, 528–529, 549, 552.

303

Niles' Weekly Register. Vol. 26. P. 334 (July 17, 1824).

Robinson W. D. Op. cit. P. 373.

305

Brackenridge H. M. Voyage to South America. Vol. II. P. 253 (цит.: *Ovid.* Metamorph. I, 19–20).

Серьезную попытку осмыслить насилие войн за независимость в Испанской Америке недавно предпринял Джереми Адельман: *Adelman J.* The Rites of Statehood: Violence and Sovereignity in Spanish America, 1789–1821 // HAHR. Vol. 90. № 3 (Aug. 2010).

National Intelligencer. June 24,1815; Niles' Weekly Register. Vol. 12. P. 208 (May 24,1817).

National Intelligencer. November 22, 1817.

Ibid. April 26, 1823.

310

Niles' Weekly Register. Vol. 13. P. 29, 62 (September 6, 1817). В прессе США Морильо стал символом поистине звериной жестокости испанских войск. См. тж.: Ibid. Vol. 10. P. 284–286 (June 22, 1816); Vol. 13. P. 12, 375 (August 30, 1817; January 31, 1818); Vol. 14. P. 132 (April 18, 1818); Vol. 25. P. 135 (November 1, 1823); National Intelligencer, July 27, 1816; December 16,1817; November 14, 1818. Показательна, к примеру, история об отравлении больных в госпиталях – Niles' Weekly Register. Vol. 9. P. 364 (January 13, 1816). О казнях испанских офицеров лишь однажды рассказал "Columbian Centinel" (September 11, 1819). О Мексике см.: *Robinson W. D.* Op. cit. P. 325–327. Сегодня очевидно, что Морильо (кстати, умеренный конституционалист) не был замешан во всех тех зверствах, в которых его привычно обвиняют латиноамериканские учебники истории. См.: *Stoan S. K.* Pablo Morillo and Venezuela, 1815–1820. Columbus (Oh.), 1974; The Wars of Independence in Spanish America / Ed. by Christon I. Archer. Wilmington (Del.), 2000.

Brackenridge H. *M.* Op. cit. Vol. II. P. 325–328.

312

National Intelligencer. August 5, 1817. Консул США в столице Пернамбуку Ресифе, купец Джозеф Рэй, подобно многим предствителям своей страны, деятельно помогал революционерам, нарушая дипломатические инструкции. См.: *Fitz C. A.* “A Stalwart Motor of Revolutions”: An American Merchant in Pernambuco, 1817–1825 *11* The Americas. Vol. 65. № 1 (July 2008).

313

Pazos [Kanki] V. The Exposition, Remonstrance and Protest of Don Vincente Pazos, Commissioner on Behalf of the Republican Agents… Philadelphia, 1818. P. 10–11. Напомним, что сам Пасос был кечуа.

National Intelligencer. September 3, 1816.

См.: *Scharf T. J.* The Chronicles of Baltimore… Baltimore (Md.), 1874; *Semmes R.* Baltimore as Seen by Visitors, 1783–1860. Baltimore (Md.), 1953; *Bornholdt L.* Baltimore and

Early Pan-Americanism: A Study in the Background of the Monroe Doctrine. Northampton (Ma.), 1949; *Griffin Ch. C.* Privateering from Baltimore during the Spanish American Wars for Independence // Maryland Historical Magazine. Vol. 35. № 1 (Mar. 1940); *Henry M.* Privateering Along the Coast of the United States, 1815–1821 // Cahiers Charles V. № 39 (БёсетЬге 2005). L'Amerique: Des Colonies aux Republiques / Dir. par Marie-Jeanne Rossignol, Lucia Bergamasco. История каперства на службе революционеров Латинской Америки до сих пор изучена недостаточно.

Lemoine Villicana E. Morelos, su vida revolucionaria a traves de sus escritos y de otros testimonios de la epoca. Mexico, 1965. P. 562.

317

Cobbett W. Our Anti-Neutral Conduct Reviewed. N.Y. (?), 1817.

Griffin Ch. C. Op. cit. P. 8 – 10.

319

Baltimore Federal Republican. B: National Intelligencer. December 18, 1819.

320

An Appeal to the Government and Congress of the United States Against the Depredations committed by American Privateers on the Commerce of Nations at Peace with Us. / By an American Citizen. N.Y., 1819; The Struggle in South America // Philadelphia Democratic Press. B: National Intelligencer. March 15,1817; Ibid. November 24,1818; July 3,1819.

321

Memorial of sundry inhabitants of the state of Massachusetts on the subject of privateering. Jan. 26, 1821. Referred to the Committee on Commerce. Wash., D.C., 1821.

322

[Gallison /.] The Practice of Privateering considered in a review; first published in the North American Review for July 1820 // Ibid. P. 9 – 32.

Columbian Centinel. November 30,1816; August 30, November 1,1817; June 30, August 11, 1819; June 16, 1824.

324

Джон Куинси Адамс – Иду де Невилю, 15 апреля 1819 г. – Writings of John Quincy Adams. Vol. VI. P. 543–545.

325

National Intelligencer. January 6, 1820.

Niles' Weekly Register. Vol. 11. P. 173 (November 2,1816); Vol. 15. P. 89 (October 3,1818); Vol. 16. P. 112 (April 3,1819); Vol. 17. P. 75–76 (October 2,1819). Vol. 20. P. 192 (May 19,1821).

Ammon H. James Monroe: The Quest for National Identity. N.Y., 1971. P. 436, 652n. См. тж.: *Gleijeses P.* The Limits of Sympathy: The United States and the Independence of Spanish America // Journal of Latin American Studies. Vol. 24. № 3 (Oct. 1992). P. 483 – 484n.

MJQA. Vol. IV. P. 182–183, 413–414, 426 (записи от 27 ноября 1818 г., 18 августа, 29 октября 1819 г.); Генри Брэкенридж – Джону Куинси Адамсу, 1 августа 1819 г. – цит. по: *Keller W. F.* The Nation's Advocate: Henry Marie Brackenridge and Young America. Pittsburg (Pa.), 1956. P. 227.

329

MJQA. Vol. IV. P. 426–427 (запись от 29 октября 1819 г.).

330

Commission of Judge Bland, District Court of Maryland, November 23,1819 – MdHS. Furlong Baldwin Library. Bland Papers. Case A (Box 4).

331

Ibid. P. 426–427, 436, 437, 515–516 (записи от 29 октября, 10, 13 ноября 1819 г., 1 февраля 1820 г.). 5 января 1820 г. кандидатура Блэнда была утверждена Сенатом.

Baltimore Patriot. March 2,1820. B: National Intelligencer. March 7,1820. В мае того же года другой суд над членами экипажа “Irresistible” состоялся уже в Ричмонде – Ibid. May 27,1820.

333

Niles' Weekly Register. Vol. 17. P. 75–76 (October 2, 1819). О непреклонности Петерса: *Griffin Ch. C.* Op. cit. P. 6n.

334

Onis L., *de.* Memoir Upon the Negotiations between Spain and the United States of America, which Led to the Treaty of 1819… / Transl. from the Spanish, with Notes, by Tobias Watkins. Baltimore (Md.), 1821 (orig. ed. – Madrid, 1820). P. 133. Онис называет балтиморских каперов пиратами, так как не признает право испаноамериканских повстанцев выдавать *lettres de marque.* Тж.: Хосе Писарро – Джорджу Эрвингу, 17 августа 1817 г. – DCLA. Vol. III. P. 1944.

335

Jose Correa da Serra: Ambassadeur du Royaume-Uni de Portugal et Bresil a Washington, 1816–1820 / Ed. par Leon Bourdon. P., 1975. P. 370, 379–384, 516, 521–522, 560–561; *Hill L. F.* Diplomatic Relations between the United States and Brazil. Durham (N.C.), 1932. P. 17–20.

MJQA. Vol. IV. P. 298–301 (запись от 16 марта 1819 г.); Sketch of instructions for agents for South America – Notes for Department of State", March 24, 1819 // Writings of James Monroe. Vol. VI. P. 92 – 102, esp. pp. 92–93.

См.: *Peterson H. F.* Argentina and the United States, 1810–1960. Albany (N.Y.), 1964. P. 66–70.

См.: *Phillips K. T.* William Duane, Radical Journalist in the Age of Jefferson. N.Y., 1989. Esp. pp. 493–527; *Idem.* Democrats of the Old School in the Era of Good Feelings // The Pennsylvania Magazine of History and Biography. Vol. 95. № 3 (July 1971). P. 363–382.

339

Niles' Weekly Register. Vol. 13. P. 222 (November 29, 1817); National Intelligencer. August 26, 1820; Columbian Centinel. June 26, 1822.

340

MJQA. Vol. IV. P. 507–509, 514 (записи от 18, 27 января 1820 г.).

341

Литература о Торнтоне – утописте, враче, изобретателе, одном из архитекторов здания Конгресса – крайне невелика. Предпринятое было издание его бумаг остановилось на 1802 г. О деятельности Торнтона по созданию «универсального алфавита»: *Lepore J.* A is For American: Letters and Other Characters in the Newly United States. N.Y., 2002. P. 42–60.

Thornton W. Outlines of a Constitution for United North and South Columbia. Wash., D.C., 1815. По признанию автора, план был составлен еще около 1800 г. Экземпляр памфлета находился в библиотеке Джефферсона – *Lockey J. B.* Pan-Americanism. Its Beginnings. N.Y., 1920. P. 273η.

343

Джозеф Фэй – Уильяму Торнтону, 29 марта 1816 г. – LC. William Thornton Papers. Reel 2.

Onis I., *de.* Op. cit. P. 129.

Patricius. // U.S. Telegraph. April 17, 1826.

346

Уильям Джефферсон – Александру Гумбольдту, 6 декабря 1813 г. – Writings of Thomas Jefferson / Ed. by Albert Ellery Bergh. Wash., D.C., 1905. Vol. XIV. P. 21–22.

Pazos [Kanki] V. Letters on the United Provinces of South America. P. 242–244; *Irvine B.* Op. cit. Esp. p. 14.

См. его работы: *Pradt D.-G.-F., abbi de.* Des Colonies, et de la Revolution Actuelle de EAmerique. 2 vols. P., 1817; *Idem.* Europe and America, in 1821; with an Examination of the Plan Laid Before the Cortes of Spain, for the Recognition of the Independence of South America / transl. by J. D. Williams. 2 vols. L., 1822; *Idem.* L'Europe et EAmerique en 1822 et 1823. 2 parties. P., 1824; *Idem.* Congres de Panama. P., 1825; etc.

Bornholdt L. The Abbe de Pradt and the Monroe Doctrine // HAHR. Vol. 24. № 2 (May 1944). P. 201–221. Тж.: *Schellenberg T. R.* Jeffersonian Origins of the Monroe Doctrine // HAHR. Vol. 14. № 1 (Feb. 1934).

Bolivar S. Cartas de Libertador / Ed. Vicente Lecuna. Caracas, 1929. Vol. V. P. 258–260; *Masur G.* Simon Bolivar. 2nd rev. ed. Albuquerque (N.M.), 1969. P. 399. О признании его вклада Конгрессом Колумбии: National Intelligencer. Dec. 25, 1821.

351

Джон Куинси Адамс – Джону Адамсу, 21 декабря 1817 г. – Writings of John Quincy Adams. Vol. VI. P. 275; *Brackenridge* H. *M.* Op. cit. Vol. II. P. 102–103.

См.: *Schellenberg T. R.* Op. cit. P. 3–7 passim.

353

Speech on South American Independence, May 10, 1820 – PHC. Vol. 2. P. 856.

354

Александр Эверетт – Джону Куинси Адамсу, 27 июля 1820 г. – MHS. Correspondence of Alexander Hill Everett. Reel 1; *[Everett A. H].* Europe… Boston, 1822. P. 3; *[Idem]* America…. Philadelphia, 1827. P. 182.

355

Джаред Спаркс – Александру Эверетту, 13 декабря 1825 г. – Harvard University. Houghton Library. MS Sparks 147c. P. 43, 44.

[Cushing C] Bolivar and the Bolivian Constitution //NAR. Vol. XXX. № 66 (Jan. 1830). P. 48.

357

Pradt D.-G.-F., abhe de. Des Colonies, et de la Revolution Actuelle de EAmerique. Vol. II. P. 157–247; National Intelligencer. June 7, 12; June 17, July 3, 1817. Прадт не верил в жизнеспособность огромных государств, предсказывая в том числе и распад Соединенных Штатов по горным хребтам. Анонимный корреспондент спорил с аббатом, доказывая, что строительство дорог свяжет страну воедино – National Intelligencer. July 15, 1817. Впоследствии газета опубликует не столь спорные выдержки из книги 1821 г. о морском могуществе – National Intelligencer. November 9, 1821.

358

19 апреля 1817 г., после вечера у мадам де Сталь, где присутствовали, в частности, Александр фон Гумбольдт, Август Шлегель и Хемфри Дэви, Джордж Тикнор записал, что после выхода книги де Прадта «в Париже все говорят» о Южной Америке. Надежды аббата на скорейшее освобождение колоний разделяют «все республиканцы Парижа» во главе с мадам де Сталь. Аббат де Прадт славился как собеседник: «[Г]оворят, из всего французского общества он наиболее *разумен* в разговоре» (is said to have the most *esprit* in conversation), – записал Тикнор в парижском дневнике зимой 1818–1819 гг. – Life, Letters, and Journals of George Ticknor. Boston, 1876. Vol. I. P. 128–129, 257n.

Из консервативного и умеренного лагерей назовем Гете, Шатобриана, Шмидта-Фисельдека, позднее Токвиля.

Solnik B. B. Contemporary American Opinion on the Spanish American Wars of Independence, 1808–1824. Ph.D. New York University, 1960. P. 325. Тж.: *Puentes Mares J.* Op. cit. P. 1.

361

Bolivar’s Bulletins // Columbian Centinel. July 10, 1816.

Ibid. August 5, November 4, 22, 1815; May 22, 1816.

Ibid. July 31,1816; Spanish American Affairs; South American Affairs; Defeat of Bolivar; Bolivars Defeat Confirmed // Ibid. August 21, 24, 28 30, 1816.

Ibid. 27 July 1816; March 19, June 11, 1817.

Ibid. August 28, October 5, November 20, 1816.

News from South America // Philadelphia Freeman Journal. B: Richmond Enquirer. April 22, 1815; National Intelligencer. April 20, 1815. Ответ: A *Columbian.* On the South American Affairs // Richmond Enquirer. April 26, 1815.

367

Niles' Weekly Register. Vol. 10. P. 432 (August 24,1816); Vol. 11. P. 32 (August 31, 1816).

368

См., например: Ibid. Vol. 9. P. 364 (January 13, 1816); Vol. 10. P. 351, 380, 400 (July 20, August 3, August 10, 1816); Vol. 11. P. 32 (August 31, 1816).

369

Baltimore American (письмо из Ангостуры от 12 октября 1819 г.). В: National Intelligencer. December 4, 1819.

MJQA. Vol. IV. P. 70 (запись от 28 марта 1818 г.).

Pereira Salas E. La Mision Worthington en Chile // RCHG. Tomo LXXX. № 88 (mayo-agosto 1936); *Wilgus A.* C. Some Activities of United States Citizens in the South American Wars of Independence, 1808–1824 // Louisiana Historical Quarterly. Vol. 14. № 2 (Apr. 1931). P. 195–196; *Pine J.* C. Op. cit. P. 278, 359–360.

Brackenridge H. *M.* Recollections of Persons and Places in the West. 2nd ed. Philadelphia, 1868. P. 145; National Intelligencer. November 1, 1818; MJQA. Vol. V. P. 57 (запись от 1 апреля 1820 г.).

MJQA. Vol. IV. P. 444–445 (запись от 22 ноября 1819 г.).

Pine J. C. Op. cit. P. 336–337.

375

См.: *Rippy J. F.* Joel R. Poinsett, Versatile American. Durham (N.C.), 1935. P. 35–60; *Parton D. M.* The Diplomatic Career of Joel Roberts Poinsett. Wash., D.C., 1934 P. 30–35; *Gallardo G.* Joel Roberts Poinsett, agente norteamericano, 1810–1814. Buenos Ayres, 1984.

376

Джоэль Пойнсет – Ричарду Рашу, 23 марта 1817 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers. Vol. 2. Folder 1.

MJQA. Vol. IV. P. 300 (запись от 16 марта 1819 г.).

MJQA. Vol. IV. P. 507 (запись от 18 января 1820 г.).

[Yard /.] Op. cit. P. 56–58.

Columbian Centinel. February 14, 1816.

Billingsley E. B. In Defense of Neutral Rights: the United States Navy and the Wars of Independence in Chile and Peru. Chapel Hill (N.C.), 1967; *Long D. F.* Gold Braid and Foreign Relations: Diplomatic Activities of U.S. Naval Officers, 1798–1883. Annapolis (Md.), 1988. P. 51–87.

382

Columbian Centinel. July 30, October 6, November 10, 1819.

Ibid. July 12, 1820.

Niles' Weekly Register. Vol. 17. P. 191 (November 20, 1819); Vol. 18. P. 89–91 (April 1, 1820). Дело "Macedonian" тянулось по крайней мере до 1858 г. – Register of Debates. 35th Congress, 1st sess. Exec. Doc. № 58.

National Intelligencer. August 14, 1819; AURORA vs. TRUTH // Columbian Centinel. April 29, 1820.

M. // Columbian Centinel. January 13, 1821.

387

[Brackenridge H. *M.]* South America: A Letter on the present state of that country to James Monroe, President of the United States by an American. Wash., D.C., 1817. P. 44–45.

388

Simmons M. *E.* Santiago E Puglia, An Early Philadelphia Propagandist for Spanish American Independence. Chapel Hill (N.C.), 1977. Esp. p. 25–40. Первым призвал к независимости Хуан Пабло Вискардо и Гусман («Письмо к испаноамериканцам», 1791), но его текст был впервые напечатан лишь в конце 1790-х гг. В 1821 и 1822 гг. на волне увлечения латиноамериканской революцией крупнейшее филадельфийское издательство

“Carey & Lea” выпустило новые издания памфлета Сантьяго Пульи.

389

La Independencia de la Costa Firme Justificada por Thomas Paine – Trenta Anos Ha – Extracto de Sus Obras… Phildalphia, 1811. В Буэнос-Айресе эту книгу рекламировал капер Дэвид Кертис Дефорест – Gaceta de Buenos Aires. Marzo 31, 1816. Цит. в: *Keen B.* David Curtis DeForest and the Revolution of Buenos Aires. New Haven (Ct.), 1947. P. 101–102.

390

К 1812 г. эта книга выдержала уже три издания – *Pereira Salas E.* La Mision Bland en Chile // RCHG. Tomo LXXVIII. № 86 (sept.-dic. 1935). P. 82.

391

См.: *Colon M. L.* Impresos en Espanol Publicados en Filadelfia Durante Los Anos 1800 a 1835. Catholic University of America, M.Sc. diss., 1951. Серьезное дополнение к этому каталогу см. в письме: Манон Теру (Manon Theroux) – Монике Анри (Monica Henry), 21 августа 2000 г. (копия письма вложена в экземпляр каталога Colon в филадельфийской Library Company). Согласно каталогу Colon, основная масса книг была выпущена в 1816–1829 гг. – 80 наименований. В 1800–1814 гг. было издано всего 34 книги, в 1830–1835 гг. – 19. Вторым по значимости книжным центром был, видимо, Нью-Йорк, где только в 1825 г. издательство “Tompkins & Floyd” выпустило по крайней мере историю США Висенте Пасоса, «Философский словарь» и поэмы Вольтера, рамсеевскую биографию Вашингтона. В 1824 г. там был издан Рокафуэрте. Публикация книг на испанском языке в Нью-Йорке пока совершенно не изучена. Дюкудре-Гольштейн со ссылкой на книготорговца пишет о партии испанских книг из Нью-Йорка в Картахену в 1826 г. Под влиянием священников экземпляры «Философского словаря» были отправлены обратно в Нью-Йорк – *Ducoudray Holstein H. L. V.* Memoirs of Simon Bolivar, President Liberator of the Republic of Colombia; and of his principal generals; comprising a secret history of the revolution, and the events which preceded it, from 1807 to the present time. L., 1830. Vol. I. P. 54–55.

Биографические данные о Торресе см.: *Bowman Ch. H., Jr.* Manuel Torres, A Spanish American Patriot in Philadelphia, 1796–1822 // Pennsylvania Magazine of History and Biography. Vol. 94. № 1 (Jan. 1970). P. 26–53; *Duane W.* Op. cit. P. 609; Philadelphia Aurora. July 16, 1822 – в: Niles' Weekly Register. Vol. 22. P. 347–349 (July 20, 1822).

393

Именно как винокур Мануэль Торрес записан в хранящейся в Library Company филадельфийской адресной книге за 1801 г.

Об ирландском (затем и шотландском) миграционном потоке, ранних годах Дуэйна см.: *Durey M.* Transatlantic Radicals and the Early American Republic. Lawrence (Ks.), 1997.

Cm.: Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash., D.C., 1975. Pt 2. P. 904–905, 907.

Torres M. An Exposition of the Commerce of Spanish America; with some observations upon its importance to the United States. Philadelphia, 1816.

397

Columbian Centinel. November 4, 11, 18, 1815. Торрес, очевидно, был знаком с Паттерсонами по званым вечерам у доктора Каспара Уистара (1761–1818), где собиралась верхушка филадельфийского общества – см.: *Pessen E.* Riches, Class, and Power before the Civil War. Lexington (Ma.), 1973. P. 224.

Op. cit. P. 9, 33–36, 14.

399

Op. cit. P. 14–17. Как обычно, в своей аргументации Торрес ссылается на Гумбольдта, утверждавшего в первой главе первой книги своего труда, что в Каракасе многие отрасли сельского хозяйства развиты лучше, чем в Новой Испании. Автор, в частности, пишет о возможности выращивать в долине Боготы чай – примечательно, что чайные плантации действительно появились в Колумбии, но уже во второй половине XX века.

400

The Beauties of Modern History… also, a correct History of South America, by Don Vincente Pazos… 2nd ed. Philadelphia, [ca. 1820]. P. 140–143, 167–173.

Альперович М. С. Франсиско де Миранда и «отцы-основатели» США (1783–1806) // АЕ. 2001. М., 2003; *Robertson W. S.* Op. cit. Vol. I. P. 293–327; *Brant I.* James Madison. Vol. 4.

Indianapolis (Ind.), 1953. P. 323–339. Обильные материалы содержатся в: Archivo del General Miranda / Dirig. y revisada por Vicente Davila. Caracas, 1929–1950. T. XVII–XVIII.

Griffin Ch. C. The United States and the Disruption of the Spanish Empire, 1810–1822. N.Y., 1937. P. 50–55; *Whitaker A. P.* Op. cit. P. 67–71.

403

Pedro Gual to Thornton, 8 мая 1816 г. 22 июля 1817 г. – LC. William Thornton Papers. Reel 3. Гуаль провел в доме Уистара всю вторую половину 1816 г., начиная с мая.

404

Педро Гуаль – Уильяму Торнтону, 20 августа, 7 октября 1815 г. – Ibid. Reel 2. О североамериканском этапе жизни Гуаля см.: *Bierck H.* A., *Jr.* Vida Publica de Pedro Gual. Caracas, 1947. P. 95–138.

405

Симон Боливар – Педро Гуалю, 11 ноября 1816 г. Цит. по: Ibid. P. 136.

См., например: Niles' Weekly Register. Vol. 9. P. 331, 364 (January 6, 20, 1816); *Bierck H.* A., *Jr.* Op. cit. P. 106–107.

Ibid. P. 113; *Bowman Ch. H., Jr.* Vicente Pazos Kanki. P. 119–130.

Louisiana Courier. March 1, 1816. B: Mexico and South-America // National Intelligencer. April 4, 1816.

409

Хосе Альварес де Толедо – Уильяму Торнтону, 17 октября 1816 г., Педро Гуаль – Уильяму Торнтону, 2 ноября 1816 г. – LC. William Thornton Papers. Reel 2.

410

Педро Гуаль – Уильяму Торнтону, 19 ноября 1816 г. – Ibid. Reel 2. Гуаль передал документы о предательстве Толедо в балтиморскую прессу, откуда весть перепечатывалась газетами по всей стране. В частности: Niles' Weekly Register. Vol. 11. P. 291–292 (December 28, 1816); тж.: *Bierck H. A., Jr.* Pedro Gual and the Patriot Effort to Capture a Mexican Port, 1816 // HAHR. Vol. 27. № 3 (Aug. 1947). P. 456–466.

411

Уильям Торнтон – Хосе Альваресу де Толедо, 24 июля 1816 г.; Уильям Торнтон – Педро Гуалю, 25 июля 1816 г. – Ibid. Reel 2; Хосе Мигель Каррера – Джоэлю Пойнсету, 30 июля 1816 г. – HSR Joel R. Poinsett Papers. Vol. 1. Folder 19. Уинфилд Скотт вряд ли мог предвидеть, что в войне 1846–1848 гг. станет военным губернатором Мехико.

Columbian Centinel. July 23, 1817.

413

См.: Baltimore American. July 17, 1816; Philadelphia Weekly Aurora. July 30, August 6, 1816; *Bierck H. A., Jr.* Op. cit. P. 119–123; *Warren H. G.* The Sword Was Their Passport: A History of American Filibustering in the Mexican Revolution. Baton Rouge (La.), 1943. P. 153–154.

Robinson W. D. Op. cit.; *Warren H. G.* Op. cit. P. 146–172; *Idem.* Xavier Mina's Invasion of Mexico // HAHR. Vol. 23. № 1 (February 1943).

415

Niles' Weekly Register. Vol. 12. P. 334–335, 346–347 (July 19, 26, 1817). Vol. 13. P. 12, 29, 62, 221–222 (August 30, September 6, 13, November 29, 1817); Mexico [из "Aurora"] B: National Intelligencer. July 24, 1817.

General Mina // Ibid. November 18, 1817.

417

Baltimore Patriot (по чрезвычайному выпуску Gaceta de Mexico, October 31, 1817). December 13, 1817. B: Capture of Gen. Mina // National Intelligencer. December 16, 1817; Niles' Weekly Register. Vol. 13. P. 267 (December 20, 1817).

418

Niles' Weekly Register. Vol. 13. P. 267, 324 (December 20, 1817; January, 10, 1818); Gen. Mina not Dead (no: Baltimore Federal Republican) // National Intelligencer. March 28, 1818. Найлс перепечатал новость из "Boston Patriot", но не верил ей.

419

Niles' Weekly Register. Vol. 13. P. 360 (January 24, 1818).

New Orleans Gazette. June 21, 1819. B: Mina alive, For the Third Time // National Intelligencer. July 21, 1819 (со скептическим комментарием).

National Intelligencer. June 1,1820; *Robinson W. D.* Op. cit.; *Warren H. G.* Op. cit. P. 75.

Rippy J. F. Joel R. Poinsett, Versatile American. Durham (N.C.), 1935. P. 35–60.

423

Хосе Мигель Каррера – Джоэлю Пойнсету, 26 января 1816 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers. Vol. 1. Folder 19.

Griffin Ch. C. Op. cit. P. 128–129; *Rippy J. F.* Op. cit. P. 62–64.

Brackenridge H. *M.* Vojage to South America. Vol. I. P. 234, 237.

Bowman Ch. H., Jr. Op. cit. P. 125, 130–131; *Griffin Ch. C.* Op. cit. P. 127–128.

South America // National Intelligencer. February 1, 1816.

Whitaker A. P. Op. cit. 162–164. Свидетельств о статьях Пойнсета не сохранилось, но, зная склонность Пойнсета писать много и быстро, логично предположить, что некоторые тексты принадлежали его перу.

Johnston S. B. Letters Written During a Residence of Three Years in Chili, containing an account of the most remarkable events in the revolutionary struggles of that province… Erie (Pa), 1816. Esp. pp. 37–38, 50–81. О Джонстоне: *Chandler Ch. L.* Inter-American Acquaintances. 2nd ed. Sewanee (Tn.), 1917. P. 74–77.

From Buenos Ayres // Columbian Centinel. June 18, 1817.

Rippy J. F. Op. cit. P. 64–65. Гриффин пишет о пяти кораблях, что явно слишком много для столь небольшого числа добровольцев.

См., например: Хосе Мигель Каррера – Джоэлю Пойнсету, 9 октября 1818 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers. Vol. 2. Folder 2.

National Intelligencer. February 14, 1818.

N.Y. Columbian. May 5, October 27 (no: Maryland Censor), 1818.

435

Бэптис Ирвайн – Джону Куинси Адамсу, 24 января, 7, 13 февраля 1818 г. – MHS. Adams Family Papers. Reel 442.

Niles' Weekly Register. Vol 12. P. 365 (August 2, 1817); Late from Buenos Ayres // Baltimore Patriot; Maryland Censor. B: National Intelligencer. March 28, December 12, 1818.

437

Уильям Уортингтон – Джону Куинси Адамсу, 4 июля 1818 г. – DCLA. Vol. II. P. 932.

О клановости в ранней чилийской политике см.: *Felstiner M. L.* Kinship Politics in the Chilean Independence Movement // HAHR. Vol. 56. № 1 (Feb. 1976). Ср.: *Щелчков А. А.* Война за независимость Чили. М., 2010. С. 88 – 109, 237–242.

[Palacio Fajardo M.] Outline of Revolutions in Spanish America… N.Y., 1817. P. 162–177; *Miller W.* Memoirs of General Miller, in the Service of the Republic of Peru… L., 1828. Vol. I. P. 108–119, 382–384; *Graham M.* Journal of a Residence in Chile During the Year 1822… Charlottesville (Va.), 2003 (orig. ed. – L., 1824). P. 201–207, 212–213, 255–256. О Брэкенридже и его полемике со Скиннером см. с. 132–151.

440

Late from Chile, October 7,1819 // Baltimore Patriot. B: National Intelligencer. January 20, 1820. С другой стороны, даже «карреристская» “NY Columbian” перепечатала (в отсутствие Ирвайна, выполнявшего тогда правительственное поручение в Венесуэле) хвалебное известие о победе Сан-Мартина при Майпу – N.Y. Columbian. November 6, 1818 (по: Baltimore Mercurial Advertiser).

441

Late and interesting from Chili, August 29,1820 // National Intelligencer. January 11,1821.

Ibid. June 16, 1821.

443

Генри Кеннеди – Джону Сердженту, январь-февраль 1826 г., 20 сентября 1826 г. – HSP. The Papers of John Sergeant. Vol. 3. Folders 9,11; National Intelligencer. February 14,1818.

Ibid. О дальнейшей карьере: *Chandler Ch. L.* Op. cit. P. 114–138.

445

Джоэль Пойнсет – Бэптису Ирвайну, 18 июня 1822 г.; Бэптис Ирвайн – Дэвиду Портеру, 2 августа 1822 г. – LC. David D. Porter Papers. Vol. 2. Об этой провальной попытке свергнуть испанскую власть на Пуэрто-Рико см. подробно в главе III.

446

Узнав о присоединении Западной Флориды, Александр I улыбнулся посланнику Джону Куинси Адамсу и учтиво кивнул: «Все понемногу расширяются в этом мире» (“On s’agrandit toujours un peu dans ce monde”). Этой фразой царь намекнул как на тревожившие его успехи Наполеона, так и на недавнее присоединение к Российской империи Финляндии. Цит. по: *Bemis S. F.* John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy. N.Y., 1949. P. 302.

Среди авторов законопроекта были Генри Клей и Уильям Кроуфорд. См.: Annals of Congress. 11th Congress. 3rd sess. Vol. 1. Col. 373; PHC. Vol. 1. P. 520–522.

Новый Орлеан уже в те времена был крупнейшим экономическим центром. Если посмотреть на карту Северной Америки, очевидно, что контроль над рекой Миссисипи, по сути, означает контроль над всей тогдашней территорией Соединенных Штатов. Не зря Новый Орлеан стал мишенью крупного британского десанта в декабре 1814 г., разгром которого прославил Эндрю Джексона.

449

Bailey T. A. A Diplomatic History of the American People. Englewood Cliffs (N.J.), 1980 (1st ed. – 1940). P. 163–164. Детальная история аннексии Флориды представлена в свежей монографии: *Stagg J. C. A.* Borderlines in Borderlands: James Madison and the Spanish-American Frontier, 1776–1821. New Haven (Ct.), 2009.

Bierck H. A., Jr. Op. cit. P. 139.

451

Педро Гуаль – Уильяму Торнтону, 8, 28 июля 1817 г. – LC. William Thornton Papers. Reel 3.

Pazos V. The Exposition, Remonstrance and Protest of Don Vincente Pazos, Commissioner on Behalf of the Republican Agents established at AMELIA ISLAND, in FLORIDA, under the Authority and in behalf of the Independent States of South America. P. 12–13.

453

Whitaker A. P. Op. cit. 224, 337n. В середине 1817 г. ходили слухи о покупке Флориды за целых 8 миллионов долларов – Washington City Gazette. В: Niles' Weekly Register. P. 365–366 (August 2, 1817).

MJQA. Vol. IV. P. 53–55 (записи от 7, 13, февраля 1818 г.).

FayeS. Commodore Aury//Louisiana Historical QuarterlyVol.24. № 3 (July 1941). P.611–697.

Hasbrouck A. Foreign Legionaries in the Liberation of Spanish South America. N.Y., 1928. P. 140–142.

Adams J. Q. Observations on the Memorial, and Documents addressed by Don Vicente Pazos, to the President of the United States. [1818] – MHS. Adams Family Papers. Reel 445. F. 232b passim.

Niles Weekly Register. Vol. 12. P. 319, 347, 365–366 (July 12, July 26, August 2, 1817). Об истории «республики» на Амелии см.: La Repdblica de las Floridas: Texts and Documents / Comp, by David Bushnell. Mexico, 1986; *Owsley F., Jr.*, *Smith G.* Filibusters and Expansionists: Jeffersonian Manifest Destiny, 1800–1821. Tuscaloosa (Al.), 1997. P. 118–140; *Heckard J. L.* The Crossroads of Empire: the 1817 Liberation and Occupation of Amelia Island, East Florida. Ph.D. University of Connecticut, 2006.

459

В 1820-е – 1830-е гг. Мак-Грегор будет распространять в Англии облигации, чтобы финансировать колонизацию некой несуществующей страны в Центральной Америке, касиком которой он якобы являлся – *Rolddn Vera E.* The British Book Trade and Spanish American Independence: Education and Knowledge Transmission in Transcontinental Perspective. Aldershot (Hampshire) – Burlington (Vt.), 2003. P. 105.

Narrative of a Voyage to the Spanish Main, in the ship “Two friends;” The occupation of Amelia Island, by McGregor… L., 1819. P. 85 – 151; Педро Гуаль – Уиляьму Торнтону, 6 июля 1817 г. – LC. William Thornton Papers. Reel 3.

461

Педро Гуаль – Уильяму Торнтону, 17 сентября 1817 г. – Ibid. Reel 3. Ходили слухи, что Гуаль может быть назначен губернатором – Niles' Weekly Register. Vol. 13. P. 206 (November 22, 1817).

462

Отдельные экземпляры, напечатанные типографом Р. Финдли (R. Findley), сохранились в AAS. Повстанцы выступают то от имени «республики Амелии», то «республики Флорид». Порой прокламации Ори попадали в прессу США; см., например: Niles' Weekly Register. Vol. 13. P. 206–207 (November 22, 1817).

Bowman Ch. H., Jr. Op. cit. P. 148.

MJQA. Vol. IV. P. 74–75 (запись от 5 апреля 1818 г.). Любопытно, что отец Форбсов был едва ли не единственным англиканским священником во Флориде во время ее британской оккупации после Семилетней войны.

National Intelligencer. July 24, 29, August 2, 1817 (со ссылками на Саванну, штат Джорджия); Charleston City Gazette. В: National Intelligencer. September 6, 1817; Niles' Weekly Register. Vol. 12. P. 376 (August 9, 1817).

National Intelligencer. August 21, 27, September 20, 27, 1817; Columbian Centinel. August 6, 9, September 17, 1817.

A *Columbian* // National Intelligencer. October 16, 25, 1817; Ibid. August 26, 1820. “Columbian” обозначает две грани самосознания Торнтона – как жителя столичного “District of Columbia” и как гражданина всего западного полушария. Статьи Торнтона

вызвали критические отклики. Их авторы поддерживали борьбу Латинской Америки, но выступали против участия граждан Соединенных Штатов в освободительных экспедициях: A *North Columbian; F.* M. // Ibid. November 1, 18, 1817.

Columbian Centinel, July 19, 26, 30, 1817.

National Intelligencer, November 16, 1817; Philadelphia Democratic Press. B: National Intelligencer. November 25, 1817.

Dangerfield G. The Era of Good Feelings. N.Y., 1952. P. 125.

471

MJQA. Vol. IV. P.12–16 (запись от 30 октября 1817 г.). Нападение на Гальвестон долго откладывалось, так как остров являлся частью Техаса, а не Флориды. «Республика» Лаффита была уничтожена только в мае 1820 г. (сам Лаффит был высажен на техасский берег) – *Bemis S. F.* Op. cit. P. 307–308η.

MJQA. Vol. IV. P. 31 (запись от 24 декабря 1817 г.).

Columbian Centinel. January 10, 14, 1818; *LongD. F.* Op. cit. P. 55–56.

MJQA. Vol. IV. P. 516 (запись от 1 февраля 1820 г.).

Philadelphia Aurora. January 13 – March 3, 1818. B: *Phillips K. T.* Op. cit. P. 502–503.

MJQA. Vol. IV. P. 31–32, 36–39,42 (записи от 26 декабря 1817 г., 6, 8,9,12,15 января 1818 г.); A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789–1897. Wash., D.C., 1896. Vol. II. P. 23–25.

Pazos V. Op. cit. P. 3–4, 13, 21–22.

Adams J. Q. Observations on the Memorial, and Documents addressed by Don Vicente Pazos, to the President of the United States. F. 232a – e.

MJQA. Vol. IV. P. 55, 57 (записи от 23, 27 февраля 1818 г.).

См.: *Adams J.* Q. Observations on the Memorial, and Documents addressed by Don Vicente Pazos. F. 232b; *Idem.* Report on South American Independence, March 25, 1818 // Writings of John Quincy Adams. Vol. VI. P. 301–304.

481

MJQA. Vol. IV. P. 14, 31 (записи от 29 октября, 24 декабря 1818 г.).

482

Джон Куинси Адамс – Мануэлю де Агирре, 27 августа 1818 г. – National Archives. RG 59. Notes from the Department of State to Foreign Ministers and Consuls in the United States. Reel 1. R 337–339. Опубл. в: Writings of John Quincy Adams. Vol. VI. R 446–451. Напомним, что Восточный берег (Banda Oriental) – территория, спорная между Аргентиной и Бразилией. К 1828 г. она завоюет свою независимость как государство Уругвай. Парагвай был частью вице-королевства Буэнос-Айрес, но в 1811 г. доктор Хосе Гаспар Франсия (1766–1840) объявил его независимым и запретил любые контакты с иностранцами.

Keen B. David Curtis DeForest and the Revolution of Buenos Aires. New Haven (Ct.), 1947. R 130–131.

MJQA. Vol. IV. R 88–90, 190–192, 202–205, 223–225 (записи от 7, 8 мая, 14 декабря 1818 г., 2, 20, 22 января 1819 г.); Джон Куинси Адамс – Дэвиду Кертису Дефоресту, 31 декабря 1818 г. – MHS. Adams Family Papers. Reel 146. Переписка Адамса с Лино де Клементе и Дефорестом впервые была опубликована в: Niles' Weekly Register. Vol. 16. Supplement. P. 74–85. О миссии Дефореста:. *Keen B.* Op. cit. P. 135–157.

485

Аноним – Джону Куинси Адамсу, 20 июня 1818 г. – MHS. Adams Family Papers. Reel 443. См. тж.: MJQA. Vol. IV. P. 102 (запись от 21 июня 1818 г.).

486

Педро Гуаль – Уильяму Торнтону, 20 августа 1815 г. – William Thornton Papers. Reel 2.

487

[Gongalves da Cruz A.] Reply to the Author of the Letter on South America and Mexico, by an American; addressed to Mr. James Munroe, President of the United States, Printed at Washington, in this present year, 1817. Philadelphia, 1817. P. 5 passim. Автор цитирует также 17 главу Второзакония, где Господь ограничил власть царя Самуила. Этот редкий памфлет, принадлежащий перу агента революционеров из бразильского Пернамбуку в США, удалось разыскать, но не в Филадельфии, а в коллекциях Бостонского Атенеума. О его авторстве: *Keller W. F.* Op. cit. P. 192.

Bowman Ch. H., Jr. Op. cit. P. 147.

Pazos V. Op. cit. P. 4, 25.

490

Педро Гуаль – Уильяму Торнтону, 2 ноября 1816 г. – William Thornton Papers. Reel 2.

N.Y. Columbian. August 3,1819; National Intelligencer. August 14, 1819; Niles' Weekly Register. Vol. 16. Supplement. P. 42–46.

492

Джеймс Монро – Джоэлю Пойнсету, 25 апреля 1817 г.; Джоэль Пойнсет – Джеймсу Монро, 6 мая 1817 г. – HSP. Joel Roberts Poinsett Papers. Vol. 2. Folder 1.

Brackenridge H. *M.* Recollections of Persons and Places in the West. P. 232, 235–236.

Генри Брэкенридж – Уолтеру Форварду, 29 сентября 1817 г. – Ibid. P. 285. Брэкенридж вошел в анналы североамериканского книжного дела как автор первого

бестселлера, написанного по заказу издателей, – истории англо-американской войны 1812–1815 гг., которую он сочинил всего за 6 недель.

495

[Brackenridge H. *M]* South America: A Letter on the present state of that country to James Monroe, President of the United States, by an American. Wash., D.C., 1817.

Ibid. P. 24–29, 44.

497

Ibid. P. 14–21. Рядом Брэкенридж пишет: «Американцы повсюду – народ трезвомыслящий, мягкий в манерах, но терпеливый, храбрый и упорный».

Ibid. P. 17–19, 23–24, 30–31.

Ibid. P. 22, 31–32, 40–42, 51–52.

Ibid. P. 34 passim.

Ibid. P. 26, 37, 47–50.

National Intelligencer. October 28, 1817.

503

Niles' Weekly Register. Vol. 13. P. 181 (November 15, 1817); *[Keller W. F.]* Op. cit. P. 193.

504

Дэвид Портер – Генри Брэкенриджу, 26 июля 1817 г. – цит. в: Ibid. P. 193.

[Brackenridge H. *M.]* Op. cit. P. 34–35.

[Gongalves da Cruz A.] Op. cit.

507

North American Pamphlet on South American Affairs // Pamphleteer. L., 1818. Vol. 13. P. 35–83; L.: J. Ridgeway; J. Booth, 1818. В том же году в Лондоне вышел и памфлет против Брэкенриджа.

Brackenridge H. *M.* Recollections of Places and People in the West. P. 286–288. Брэкенриджу особенно льстило, что французский аббат счел его «мыслителем» европейского уровня.

509

National Intelligencer. September 30, October 2, 4, 7, 11,16,18, 1817. Первая публикация – в: Richmond Enquirer.

510

Об авторстве: Дэвид Портер – Джоэлю Пойнсету, 23 августа 1817 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers. Vol. 2. Folder 2. Вряд ли кто-то охарактеризовал Скиннера лучше, чем Джон Куинси Адамс: «Бандит, патриот и филантроп так переплелись в нем, что я не могу смотреть на него без смешанного чувства отвращения и уважения» – MJQA. Vol. IV. P. 516 (запись от 1 февраля 1820 г.).

511

О героическом сопротивлении арауканов испанцам Скиннер расскажет позднее под тем же псевдонимом: *Lautaro*. Of Chili; *Idem*. Araucana // American Watchman. B: National Intelligencer. July 23, August 4, 27, 1818.

National Intelligencer. December 2,1817; January 1, February 14,1818. Письма Фокиона появлялись также в “Richmond Enquirer”. Отдельное издание: The Essays of Phocion, on the Policy of the United States in Relation to the War between Spain andher Colonies. Wash., D.C., 1818.

513

Yankee. On South America // National Intelligencer. October 16, 1817.

514

National Intelligencer. December 2,1817. Письмо Фокиона появилось в ежедневном выпуске газеты 1 декабря.

Weeks W. John Quincy Adams and American Global Empire. Lexington (Ky.), 1992. P. 97–99, 170, 208n.

516

MJQA. Vol. IV. P. 23–24 (запись от 22 ноября 1817 г.). Любопытно, что “Baltimore Patriot” и “Aurora” приписывали авторство писем Фокиона самому португальскому посланнику Корреа да Серре и филадельфийскому журналисту Роберту Уолшу – Philadelphia Aurora, December 13, 1817. В: Jose Correa da Serra: Ambassadeur du Royaume-Uni de Portugal et Bresil a Washington, 1816–1820. P. 343.

517

Lewis J. E., Jr. The American Union and the Problem of Neighborhood, 1783–1829. Chapel Hill (N.C.), 1998. P. 242n. Хэй уже пользовался таким псевдонимом, хорошо знал политику администрации, наконец, критически упоминал письма Лаутаро в переписке с Монро.

518

Кристофер Гор – Руфусу Кингу, 21 декабря 1817 г. – The Life and Correspondence of Rufus King Comprising His Letters, Private and Official, His Public Documents and His Speeches. 6 vols. N.Y., 1900. Vol. VI. P. 87. Взгляды Гора на мировую политику явно претерпели изменения: в нач. 1800-х гг. он часто встречался с Миранда и даже пытался помочь ему в организации освободительной экспедиции – *Robertson W. S.* Op. cit. Vol. I. P. 255, 262–263, 289.

519

MJQA. Vol. IV. P. 13–16 (записи от 24,25,30 октября 1817 г.); *Monroe J.* [Notes for the Cabinet Meeting], October 31, 1817 – LC. James Monroe Papers. Series I. Reel 6.

National Intelligencer. November 11, 1817; Niles' Weekly Register. Vol. 13. P. 185–189 (November 15, 1817). Перевод речи войдет и в приложение ко второму тому его книги о миссии.

521

[Brackenridge H. *M.]* South America. P. 42–43.

Idem. Voyage to South America, performed by order of the American Government in the Years 1817 and 1818, in the frigate Congress. Baltimore, 1819. Vol. I. P. 234–235. Уитекер почему-то записывает Брэкенриджа в стан «карреристов». На эту ошибку впервые указала Борнхольдт. См.: *Whitaker A. P.* Op. cit. P. 249; *Bornholdt L.* Op. cit. P. 86η.

523

Джеймс Монро – Сизеру Родни, 20 ноября 1817 г. – цит. по: *Lewis J. E.} Jr.* Op. cit. P. 108; Сизер Родни, Теодорик Блэнд – Джону Куинси Адамсу, 24 ноября 1817 г. – MHS. Adams Family Papers. Reel 440.

524

Генри Брэкенридж – Ричарду Рашу, 28 июля 1817 г. – цит. по: *Keller W. F.* Op. cit. P. 182.

525

Pereira Salas E. La Mision Bland en Chile *I I* RCHG. Tomo LXXVIII (sept.-die. 1935). № 86. P. 90; *Bemis S. F.* Early Missions from Buenos-Aires to the United States, 1811–1824. Worcester (Ma.), 1940. P. 32n. Скиннер одолжил эти деньги в ноябре 1816 г., незадолго до отплытия Карреры из Балтимора.

526

Теодорик Блэнд – Джеймсу Монро, 15 ноября 1817 г., 14 апреля 1818 г. – LC. James Monroe Papers. Reel 6. Блэнд, впрочем, оговорился, что не возражает и против Брэкенриджа.

Columbian Centinel. June 18, October 11, 1817.

Brackenridge H. *M.* Voyage to South America. Vol. I. P. 99 – 183.

Ibid. Vol. I. P. 125–126.

530

Ibid. Vol. I. P. 118, 141–142, 153–157, 172–176. Кстати, в качестве одного из образцов новых исследований, проливающих свет на подлинное значение Бразилии, Брэкенридж называет труды русского путешественника и дипломата барона Г. И. Лангсдорфа (1774–1852).

531

Ibid. Vol. I. P. 149–153. «Сколько нужно всякой чепухи, чтобы короновать монарха», – писал Генри Брэкенридж своему балтиморскому другу, издателю журнала

“Portico”, а в скором будущем – переводчику сочинения Луиса де Ониса о Трансконтинентальном договоре 1819 г., врачу Тобиасу Уоткинсу (1780–1855) – цит. по: *Keller W. F.* Op. cit. P. 200.

Ibid. Vol. I. P. 131–134.

Ibid. Vol. I. P. 130–131П, 142, 145, 153, 165.

Ibid. Vol. I. P. 232–233.

535

Ibid. Vol. I. P. 234–240. Затем, уже в Буэнос-Айресе, Брэкенридж был потрясен радостной реакцией «карреристов» при вести о поражении Сан-Мартина и О'Хиггинса возле Тальки (16 марта 1818 г.). Зато, когда через несколько дней, пришли новости о блистательной победе Сан-Мартина при Майпу (5 апреля 1818 г.), окончательно завоевавшей свободу Чили, они не скрывали уныния – Ibid. Vol. II. P. 301–302. Приветствуя освобождение Чили войсками Сан-Мартина, "Delaware Watchman" особенно отмечал его непричастность к казни братьев Каррера за участие в заговоре – Delaware Watchman (по материалам "Gazette Extraordinaire de Buenos Ayres"). B: Niles' Weekly Register. Vol. 14. P. 367, 384–387 (August 1, 1818).

Brackenridge H. *M.* Op. cit. Vol. I. P. 240.

Bemis S. F. Op. cit. P. 30–33; *Whitaker A. P.* Op. cit. P. 162–163. Этот долг мог быть выплачен не только по иску Карреры к Буэнос-Айресу, но и по иску самого Скиннера к Чили.

Brackenridge H. *M.* Op. cit. Vol. I. 276–277, 283.

539

Уильям Болдуин – Уильяму Дарлингтону, 3 марта 1817 г. – цит. по: *Keller W. F.* Op. cit. P. 204.

Harvard University. Houghton Library. Documents and letters by C. A. Rodney and others Relating to Argentina, 1818–1824. F. 1 – 31v. Как мы указывали в вводном разделе, дневник переговоров вел Брэкенридж, но сохранился он в бумагах Родни, который пользовался им для составления отчета. Сокращенное изложение опубликовано в: *Brackenridge* H. *M.* Op. cit. Vol. I. P. P. 308 passim. О приеме миссии Пуэйрредоном: Baltimore Telegraph (по: Gazette de Buenos Ayres). В: National Intelligencer. June 30, 1818.

541

Niles' Weekly Register. Vol. 14. P. 325–326 (July 4, 1818). Бал состоялся 26 марта.

542

Теодорик Блэнд – Джеймсу Монро, 14 апреля 1818 г. – LC. James Monroe Papers. Reel 6; National Intelligencer. June 27, 1818.

543

MJQA. Vol. IV. P. 159–160 (запись от 4 ноября 1818 г.).

Notes on the Report &c. (запись от 7 июля 1818 г.) – MdHS. Furlong Baldwin Library. Bland Papers. Case B (Box 5); *Pereira Salas E.* Op. cit. P. 91 – 102. Блэнд прибыл в Чили 5 мая и уехал 14 июля.

Delaware Watchman. B: Niles' Weekly Register. Vol. 14. P. 209–211,261 – 263,288–289 (May 23, June 13, 1818). Esp. p. 262; National Intelligencer, June 25, 27, 1818.

Ibid. Vol. 14 (August 22, 1818). P. 430–432. Письмо от 11 марта.

N.Y. Columbian. July 3, 1818.

Light in the South // Ibid. July 24,1818.

South American Affairs (в оси. no: Norfolk Beacon) // Niles' Weekly Register. Vol. 14. P. 358 (July 18, 1818).

Delaware Watchman. July 18, 1818. Цит. в: *Keller W. F.* Op. cit. P. 214.

551

DCLA. Vol. I. P. 382–439 (Блэнд); 486–494 (Грэхем), 495–515 (Родни и Грэхем). В составлении последнего доклада, видимо, принимал участие Брэкенридж.

552

Delaware Watchman. B: Niles' Weekly Register. Vol. 15. P. 220 (November 28, 1818).

553

Джон Куинси Адамс – Джоэлю Пойнсету, 23 октября 1818 г.; Джоэль Пойнсет – Джону Куинси Адамсу, 4 ноября 1818 г. – Niles' Weekly Register. Vol. 16. Supplement. P. 46–74; DCLA. Vol. I. P. 439–486.

Ibid. Vol. IV. P. 159–160, 182–183 (записи от 4, 27 ноября 1818 г.).

555

Ibid. Vol. IV. P. 158–159, 166–167 (записи от 3, 7 ноября 1818 г.).

556

Джеймс Мэдисон – Джеймсу Монро, 18 февраля 1819 г. – The Writings of James Madison / Ed. by Gaillard Hunt. 9 vols. N.Y., 1900–1910. Vol. VIII. P. 421–423.

См.: *Bornholdt L.* Baltimore and Early Pan-Americanism: A Study in the Background of the Monroe Doctrine. Northampton (Ma.), 1949. P. 81–92.

558

Уильям Брэкенридж – Уильяму Шелеру, 21 апреля 1819 г. – цит. по: *Keller W. F.* Op. cit. P. 211.

О Рио-де-Жанейро: Baltimore Chronicle. В: National Intelligencer. August 14, 1818. О Буэнос-Айресе: Niles' Weekly Register. Vol. 15. P. 188–190, 202–205 (November 14,21,1818).

Delaware Watchman. July 25, 1818. B: Niles' Weekly Register. Vol. 14. P. 430–432 (August 22, 1818).

Bornholdt L. Op. cit. P. 81.

Brackenridge H. M. Op. cit. Vol. II. P. 205, 212, 225–226. Сравнение военной стратегии северо– и южноамериканцев – Ibid. Vol. II. P. 170–171, 269. Как и Джефферсон, Итурри критиковал распространенное в XVIII в. представление о врожденной неполноценности природы и населения Америки.

563

Ibid. Vol. II. P. 210, 214–215, 267–268, 272–273. В свою очередь, новоанглийская пресса отмечала, что испаноамериканцы цитируют видного федералиста Фишера Эймса (1758–1808) – Salem Gazette. В: Columbian Centinel. March 19, April 2, 1817.

Brackenridge H. M. Op. cit. Vol. И. P. 182–184, 217–218, 235.

Ibid. Vol. II. P. 176–177, 181–182; 171.

Brackenridge H. *M.* Op. cit. Vol. I. P. 118. Vol. II. P. 301.

567

[Irvine B] Strictures on a Voyage to South America. Baltimore (Md.), 1820. Cm.: *Pine J. C.* Op. cit. P. 501.

Keller W. F. Op. cit. P. 212–213, 222.

569

Генри Брэкенридж – Джеймсу Монро, около 1820 г. [Notes on Spanish American Affairs. P. 1–4, 13] – New York Public Library. James Monroe Papers. Reel 5.

570

См.: PHC. Vol. 2. P. 129, 257–258, 287–288, 316–317, 386–387, 443–446, 584–585, 590–594, 618, 704–705, 789. Vol. 3. P. 261–262; etc. Адамс считал Родни участником клейевской партии (“Clayite”) – MJQA. Vol. V. P. 437 (запись от 2 декабря 1821 г.).

571

См.: *Remini R. V.* Op. cit. P. 12, 239, 273, 738–739. Давняя дружба была прервана в 1824 г., когда Ритчи счел поведение Клея при подведении итогов президентских выборов предательством. Клей и Ритчи торжественно помирятся при заключении компромисса 1850 г.

PHC. Vol. 1. P. 507–516. Представляет интерес сохранившийся план Клея к речи со ссылками на источники. Необходимые сведения он черпал из французской просветительской литературы XVIII в. в английских переводах (в том числе и из «Истории обеих Индий» аббата Рейналя) – Ibid. Vol. 1. P. 505–507.

Remini R. V. Op. cit. P. 66.

PHC. Vol. l.P. 758–759.

Ibid. Vol. 2. P. 135–136.

Ibid. P. 155–156.

Whitaker A. P. Op. cit. P. 217–219.

PHC. Vol. 2. P. 289–292; 402–405; 492–493; 493–503; 505–506.

Ibid. P. 291.

В другой своей речи Клей процитирует статью, опубликованную в близком к английским правительственным кругам “Quarterly Review” в июле 1817 г., где откровенно утверждалось, что нейтралитет есть не что иное, как «удобный предлог» к последующему признанию независимости Южной Америки – Ibid. P. 536.

581

Кстати, один из основоположников международного права Эмерик де Ваттель (1714–1767), к авторитету которого Клей неоднократно взывал, признавал возможность (при соблюдении «огромной осторожности») нарушения принципа невмешательства, если речь идет о борьбе против тирана (его пример – поддержка Нидерландами борьбы против Якова II). См.: *Ваттель Э., де.* Право народов, или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960. Кн. 2. Гл. IV. § 56.

Клей указал на действительно спорную проблему тогдашнего международного права. Ср. названия параграфов у изобретателя самого термина «нейтралитет» Ваттеля – § 110 («Как можно разрешать набор войск, предоставлять займы или продавать всякого рода товары, не нарушая нейтралитета») и § 111 («О торговле нейтральных стран с воюющими») – *Ваттель* Э., *де.* Указ. соч. С. 480–483.

583

MJQA. Vol. IV. P. 31, 40 (записи от 6, 24 декабря 1817 г., 13 января 1818 г.).

584

The Diary and Journal of Richard Clough Anderson, Jr., 1814–1826 / Ed. by Alfred Tischendorf, E. Taylor Parks. Durham (N.C.), 1964. P. 78, 80 (записи от 19,24 января 1818 г.).

585

Remarks on Appropriation for Commissioners to South America; Motion and Speech on Recognition of the Independent Provinces of the River Plata; Speech on the Independence of Latin America; Remarks on Recognition of South American Independence // PHC. Vol. 2. P. 508–511; 512–539; 541–560; 667–668.

Perkins D. The Monroe Doctrine, 1823–1826. Cambridge (Ma.), 1927. P. 45–46. Историк подчеркивал неоспоримое влияние этих речей на формулировку доктрины Монро – Ibid. P. 99–100.

PHC. Vol. 2. P. 516, 520, 530, 552–553.

588

Это почти прямая цитата из Гумбольдта. См.: *Селиванова* Н. *М.* Культура колониальной Мексики // Культура Мексики / Отв. ред. В. А. Кузьмищев. М., 1980. С. 59–66.

589

Его переводчиком был Генри Брэкенридж. См. с. 139.

PHC. Vol. 2. P. 517.

Ibid. P. 524–525, 547–548.

Ibid. P. 525.

Ibid. P. 538.

Annals of Congress. 15th Congress. 1st sess. Col. 1647.

595

Niles' Weekly Register. Vol. 14. P. 295 (June 20,1818); The Diary and Journal of Richard Clough Anderson, Jr. P. 84 (запись от 13 июля 1818 г.).

Appeal to the Government and People of the United States, in behalf of the Independent South American Provinces.

National Intelligencer, June 15, 1818; Niles' Weekly Register. Vol. 14. P. 295 (June 20, 1818); PHC. Vol. 2. P. 572–573.

Цит. по: *Webster Ch. K.* The Foreign Policy of Castlereagh, 1815–1822. L., 1925. P. 416.

599

Niles' Weekly Register. Vol. 12. P. 208 (May 24, 1817). Найлс пишет о решении «Верховного конгресса Мексики», который на самом деле был распущен еще в декабре 1815 г. после разгрома Морелоса. Благодарность Клею вынесла Хунта Хаухильи (Junta de Jaujilla) – единственная действовавшая на то время революционная структура.

См.: *Remini R. V.* Op. cit. P. 175.

601

PHC. Vol. 3. P. 206–207, 327; 474–475.

См., напр.: Ibid. P. 458.

603

Кстати, все сухопутные войска США составляли в 1818 г. 8155 человек (из них – 647 офицеров) – Historical Statistics of the United States. Wash. D.C., 1975. Pt. 2. P. 1142.

См.: Джеймс Монро – Эндрю Джексону, 19 июля 1818 г. – Writings of Thomas Jeiferson. Vol. VI. P. 58; Джон Куинси Адамс – Джорджу Эрвингу, 28 ноября 1818 г. —

см. в: *Bailey T. A. A* Diplomatic History of the American People. 10th ed. Englewood Cliffs (N.J.), 1980. P. 172.

Весь ход переговоров детально изложен в: *Brooks Ph.* C. Diplomacy and the Borderlands. The Adams – Onis Treaty of 1819. Berkeley (Ca.), 1939; *Griffin Ch. C.* Op. cit. Esp. p. 161–243; *Weeks W. E.* Op. cit.

MJQA. Vol. IV. P. 274. Утверждение Адамса не было минутным преувеличением. В старости Адамс вновь назовет подписание договора 1819 г. «самым важным моментом в своей жизни», итогом наиболее успешных переговоров, когда-либо проводившихся Соединенными Штатами – MJQA. Vol. XII. P. 78 (запись от 27 сентября 1844 г.).

607

Текст договора: *Brooks Ph.* C. Op. cit. Append. I. P. 205–214.

Пытаясь доказать права США на Техас, Адамс отвергал условие uti possidetis 1763 г. (итог Семилетней войны) и ссылался на территориальные притязания Людовика XIV и его земельные пожалования. Если же права на Техас принадлежали Франции, тогда по условиям покупки Луизианы (1803) они переходили Соединенным Штатам.

609

MJQA. Vol. V. P. 68–69 (запись от 13 апреля 1820 г.).

610

Иски восходили к событиям 1802–1803 гг.: испано-американский договор Пинкни 1795 г. гарантировал право граждан США на хранение грузов в Новом Орлеане. Хотя по договору Сан-Ильдефонсо 1800 г. Луизиана перешла к Франции, Испания продолжала управлять этой территорией. 18 октября 1802 г. испанские власти запретили хранить грузы – и такое нарушение договора действовало вплоть до покупки Луизианы в 1803 г. К 8 июня 1824 г. законными были признаны 1800 исков на общую сумму почти в пять с половиной миллионов долларов, так что выплаты по каждому из них были сокращены на 8,33 % – *Brooks Ph.* C. Op. cit. P. 192. Эти выплаты дали повод ошибочно называть договор Адамса – Ониса «покупкой Флориды».

611

Brooks Ph. C. Op. cit. P. 135, 176–183, 190, 197n; *Griffin Ch.* C. Op. cit. P. 191–220; *Болховитинов* Н. *Н.* Русско-американские отношения, 1815–1832. М., 1975. С. 70–73.

Messages and Papers of the Presidents. Vol. II. P. 54–62.

Remini R. V. Op. cit. P. 177–192; *Van Deusen G. G.* The Life of Henry Clay. Boston, 1937. P. 148.

Annals of Congress. 16th Congress. 1st sess. Vol. 1. Col. 947–948.

615

Ibid. Vol. 2. Col. 1451.

Messages and Papers of the Presidents. Vol. II. P. 68. Именно эти обширные и разнообразные материалы, опубликованные в приложении к “Annals of Congress” и вошедшие в “American State Papers”, послужат почвой для обвинения администрации в недостаточной твердости и зависимости от иностранных держав. Материалы включали не только американскую дипломатическую переписку, но и документы держав европейского концерта.

617

Annals of Congress. 16th Congress. 1st sess. Vol. 2. Col. 1619. Лаундс здесь обоснованно ссылается на договор Пинкни. Нужно отметить, что к этому времени Флорида уже давно была de facto занята американскими войсками.

Messages and Papers of the Presidents. Vol. II. P. 69–70.

619

О претензиях на Техас см. с. 223, 225–229.

620

Генри Клей – Джону Криттендену, 14 декабря 1819 г; Генри Клей – Джону Криттендену, Джонатану Расселу, 29 января 1820 г. – PHC. Vol. 2. P. 732, 768–771. Письмо своему протеже (до разрыва в конце 1822 г.) и земляку, видному дипломату Джонатану Расселу Клей направил в ответ на его длинные комментарии, разъясняющие в том числе и некоторые вопросы международного права – Ibid. P. 755–762. «Эссе» Рассела было использовано Клеем в его речи 3 апреля. Его он также показывал «двум друзьям», одним из которых был Лаундс, одобривший рассуждения Рассела – См.: Ibid. P. 798. В свою очередь Рассел, прочтя текст дебатов по резолюциям от 28 марта, будет «удивлен слабости доводов и убежденности в суждениях» оппонентов Клея – Ibid. P. 852.

621

Генри Клей – Джонатану Расселу, 24 марта 1820 г. – Ibid. P. 797.

Конституция отводит право заключать международные договоры (treatymaking power) Президенту и Сенату (§ 2 разд. 2 ст. II). Таким образом, полномочия нижней палаты в области внешних сношений оказываются ограниченными. Однако право распоряжения территорией или иной собственностью государства входит в сферу компетенции Палаты представителей, причем «ничто в этой Конституции не может толковаться в ущерб законным притязаниям Соединенных Штатов…» (§ 2 разд. 3 ст. IV). Таким образом, вопрос о распоряжении территорией действительно нельзя решать, не ставя нижнюю палату в известность (См. тж. разд. 3 ст. II).

623

PHC. Vol. 2. P. 800.

Ibid. P. 802–803.

Remini R. V. Op. cit. P. 173.

PHC. Vol. 2. P. 812. Речь идет о законе об оккупации Восточной Флориды, принятом в январе 1811 г.

Ibid. P. 814.

Ibid. P. 804–807.

Ibid. P. 808.

Annals of Congress. 16th Congress. 1st sess. Vol. 2. Col. 1731–1736.

Ibid. Col. 1737–1738.

Ibid. Col. 1743–1744. Арчер ошибался – обоюдная ратификация договора до конца сессии Конгресса (то есть до 15 мая) была невозможна, поскольку Кортесы, которым предстояло ратифицировать соглашение с испанской стороны, открылись лишь 9 июля.

Ibid. Col. 1752–1756. Здесь Арчер, видимо, вспоминает события 1810 г., когда провозглашенная североамериканскими переселенцами республика Батон-Руж заявила о своем желании вступить в США. Так часть испанской Западной Флориды перешла в состав Луизианы.

Болховитинов Н. *Н.* Доктрина Монро (происхождение и характер). М., 1959. С. 81–83. Болховитинов подчеркивает неразрывную связь доктрины «предопределения судьбы» с теорией «естественных границ».

Annals of Congress. 16th Congress. 1st sess. Vol. 2. Col. 1762, 1768.

Ibid. Col. 1769.

Ibid. Col. 1770–1771.

638

PHC. Vol. 2. P. 817. Форма первой резолюции объясняется тем, что, хотя назначение послов находится в компетенции президента и Сената, выплата им жалования, относясь к бюджету, зависит от нижней палаты.

Messages and Papers of the Presidents. Vol. II. P. 70–72.

Клей долго шел к этой лаконичной формулировке. Ср. выражение в речи от 3 апреля 1820 г.: «Европа имеет свою систему, мы – свою» – PHC. Vol. 2. P. 806. Идея «Американской системы» под эгидой Соединенных Штатов впервые была высказана Брэкенриджем в 1817 г. – *[Brackenridge* H. *M.]* South America. A Letter on the Present State of That Country to James Monroe. P. 37.

PHC. Vol. 2. P. 853–859.

Annals of Congress. 16th Congress. 1st sess. Vol. 2. Col. 2229–2230.

Bemis S. F. John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy. P. 352.

PHC. Vol. 3. P. 22, 23–24.

Annals of Congress. 16th Congress. 2nd sess. Vol. 1. Col. 1029–1055, 1071.

Судьба всех участников дебатов, кроме Лаундса и Рея, была связана с двумя штатами – Виргинией и граничащим с ней Кентукки. За исключением Рея, они происходили

из послереволюционного поколения политиков. Все, кроме Лаундса и Робертсона, учились в колледже Уильяма и Мэри, а потом занимались юридической практикой в Кентукки. Кстати, наставник самого Клея Джордж Уит (1726–1806) также закончил колледж Уильяма и Мэри, а затем возглавил в нем первую в Северной Америке кафедру права.

См. National Intelligencer. Dec. 25, 1821.

National Intelligencer. September 20, 1823; Niles' Weekly Register. Vol. 24. P. 402 (August 30, 1823).

El Amigo de la Patria. Marzo 1, 1822. Цит. по: *Arragon R. F.* The Congress of Panama. Ph.D. Harvard University, 1923. Vol. I. P. 239n.

650

[Everett E] South America *I I* NAR. Vol. 12. № 31 (April 1821). P. 435.

Выражаю благодарность профессору Фелипе де Аленкаштру (Paris-IV), указавшему мне на это обстоятельство.

652

О портрете см.: *Remini R. V.* Henry Clay. P. 626–627. Репродукция приведена на обложке этой книги, а тж. в: *Watson H. L.* Andrew Jackson vs. Henry Clay: Democracy and Development in Antebellum America. Boston, 1998. P. 42. Первая авторская версия находится сейчас в филадельфийской “Union League”, погрудная реплика – в вашингтонской Национальной портретной галерее (NPG. 93.476). Картина послужила источником большого количества гравюр.

Chandler Ch. L. Op. cit. P. 149.

Ст. XVI договора определяла предельный срок ратификации в 6 месяцев. Этим и объяснялась необходимость вторичной ратификации Сенатом. Адамс заметил, что четыре голоса противников договора принадлежат «приспешникам» (minions) Клея – MJQA. Vol. V. P. 285–286 (запись от 19 февраля 1821 г.).

Дипломатическая деятельность генерала Вивеса по сути свелась к этому чисто церемониальному эпизоду. После ратификации он был назначен генерал-капитаном Кубы.

Messages and Papers of the Presidents. Vol. II. P. 83–84; Annals of Congress. 16th Congress. 2nd sess. Vol. 1. Col. 375, 401.

657

См., например: Джон Куинси Адамс – Мануэлю де Агирре, 27 августа 1818 г. – National Archives. RG 59. Notes from the Department of State to Foreign Ministers and Consuls in the United States. Reel 1. P. 337–339.

MJQA. Vol. V. P. 180 (запись от 21 сентября 1820 г.).

659

MJQA. Vol. V. P. 324–326 (запись от 9 марта 1821 г.). Адамс также считал, что, став президентом, Клей станет орудием западных и южных штатов, но зато высоко оценил программу внутренних улучшений и отметил его «широкие либеральные взгляды» и личное обаяние. Так была заложена почва будущего сближения.

PHC. Vol. 2. P. 869; Vol. 3. P. 68–69. Материальное положение Клея в то время действительно было незавидно. 1 марта 1821 г. Клей обратился к президенту Монро с просьбой выплатить ему 4500 долларов (половину годового жалованья посланника) в качестве возмещения расходов в период заключения договора в Генте (Клей знал, что Адамс получил эти деньги еще в 1816 г.). После дотошного рассмотрения просьбы сумма (за незначительным вычетом) была выплачена в середине 1822 г. – Ibid. Vol. 3. P. 54–55, 59–60, 182–183, 188–190, 195, 257–258.

Ibid. Vol. 3. P. 79–82; Niles' Weekly Register. Vol. 20. P. 301–302 (July 7, 1821).

PHC. Vol. 3. P. 80. Хотя Клей и не говорит, кто будет играть главную роль в этом новом союзе, он, конечно, подразумевает Соединенные Штаты – достаточно вспомнить его речь от 10 мая 1820 г. – Ibid. Vol. 2. P. 857.

Bemis S. F. John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy. N.Y., 1949. P. 362.

Annals of Congress. 16th Congress. 1st sess. Vol. 2. Col. 1763.

Этой статье историки традиционно придают большое значение, что связано, видимо, с вниманием к ней Адамса. Однако вряд ли можно говорить о реальности такого англо-американского сближения до смерти одного из творцов Священного Союза – министра иностранных дел Каслри, покончившего с собой в 1822 г. Нам представляется, что статья в “Edinburgh Review” преследовала скорее внутриполитические цели и была нацелена против «истинно торийского» правительства Ливерпуля и в том числе – против Каслри.

Dangerfield G. The Awakening of American Nationalism, 1815–1828. P. 164; *Bemis S. F.* Op. cit. P. 353, 365.

National Intelligencer. July 10, 1821.

См.: *Whitaker A. P.* The United States and the Independence of Latin America, 1800–1830. Baltimore (Md.), 1941. P. 344–369; *Bemis S. F.* Op. cit. P. 356–357; *Weeks W. E.* John Quincy Adams' "Great Gun" and the Rhetoric of American Empire // Diplomatic History. Vol. 14. № 1 (Winter 1990). Характерно, что публика восприняла в первую очередь джингоистский пафос речи Адамса, а не изложенную в ней суть его внешнеполитических взглядов. Об этом с сожалением писал сам Адамс – *Bemis S. F.* Op. cit. P. 358.

669

См. тж. пояснения Адамса к речи: Джон Куинси Адамс – Роберту Уолшу, 10 июля 1821 г. – The Writings of John Quincy Adams / Ed. by Worthington Ch. Ford. 7 vols. N.Y., 1913–1917. Vol. VII. P. 113–118. Поддержка республиканского изоляционизма перекликается с уже цитировавшимся нами высказыванием Брэкенриджа о Бразилии: «Мы не ищем прозелитов республиканизма; достаточно знать, что наши собственные институты наиболее совершенны; у других есть то же право на такое же мнение и такое правительство, какое им лучше подходит» – *Brackenridge* H. *M.* Voyage to South America… Baltimore (Md.), 1819. Vol. I. P. 165. Слова Адамса и в наши дни регулярно цитируют критики неумеренно активной внешней политики США.

670

П. И. Полетика – К. В. Нессельроде, 12 (24) июля 1821 г. – Correspondence of the Russian Ministers in Washington, 1818–1825 // AHR. Vol 18 (Jan. 1913). P. 327–328. К донесению Полетика приложил опубликованный текст речи Адамса, на полях которого сделал многочисленные критические замечания. В частности, возле слов Адамса о неотъемлемых правах человека Полетика напомнил о двух миллионах черных рабов и ограбленных индейцах – см.: *Bemis S. F.* Op. cit. P. 357–358.

671

A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789–1897. Vol. II. Wash., D.C., 1896. P. 116–118.

Columbian Centinel. March 27, 1822.

Annals of Congress. 17th Congress. 1st sess. Vol. 1. Col. 825,828,1238–1241,1314-1319,1403.

674

Джеймс Монро – Роберту Гарнету, 29 марта 1822 г. – Writings of James Monroe / Ed. by Stanislaus Murray Hamilton. 7 vols. N.Y., 1898–1903. Vol. VI. P. 214–215, 215n.

675

Хоакин де Андуага – Джону Куинси Адамсу, 9 марта 1822 г.; Джон Куинси Адамс – Хоакину де Андуаге, 6 апреля 1822 г. – National Intelligencer. May 2,1822, Supplement. Перепечатано в: *Moore J. B.* A Digest of International Law… Wash., D.C., 1906. Vol. I. P. 86–88.

676

Джеймс Мэдисон – Джеймсу Монро, 6 мая 1822 г. – Writings of James Madison / Ed. by Gaillard Hunt. 9 vols. N.Y., 1900–1910. Vol. IX. P. 89–91. Мэдисон также указывал на возможность осложнений с антиреспубликанской Россией. Эти опасения оказались совершенно беспочвенны.

677

Джеймс Монро – Джеймсу Мэдисону, 10 мая 1822 г. – Writings of James Monroe. Vol. VI. P. 284–285. Почти дословно: Джеймс Монро – Томасу Джефферсону, 14 марта 1822 г. – Ibid. P. 213–214.

National Intelligencer. May 9, 1822.

Columbian Centinel. March 20, 1822.

680

Роберт Уолш – Джареду Спарксу, 29 января 1826 г. – Harvard Univerisity. Houghton Library. MS Sparks 153.

681

National Gazette. March 11, 1822; *[Hale N.]* Mexico // NAR. Vol. XIV. № 35 (Apr. 1822). P. 420–446. Цит. в: *Whitaker A. P.* Op. cit. P. 384.

682

MJQA. Vol. VI. P. 17 (запись от 11 июня 1822 г.). Адамс считал Дуэйна «авантюристом», а его газету – «самой клеветнической в Соединенных Штатах» – Ibid. Vol. IV. P. 508 (запись от 18 января 1820 г.).

683

Джеймс Монро – Джонатану Расселу, 12 марта 1822 г. – Writings of James Monroe. Vol. VI. P. 212. Сторонник Клея предприниматель Бенджамин Тайлер считал, что медлящий с отправкой посланников Монро «боится собственной тени»: Бенджамин Тайлер – Генри Клею, 24 июня 1822 г. – PHC. Vol. 3. P. 242.

MJQA. Vol. V. P. 492 (запись от 19 апреля 1822 г.).

Ibid. Vol. VI. P. 24 (запись от 20 июня 1822 г.).

Ibid. Ibid. P. 23 (запись от 19 июня 1822 г.).

687

Philadelphia Aurora, July 16, 1822; National Gazette. B: National Intelligencer, July 20, 21, 1822; Niles' Weekly Register. Vol. 22. P. 347–349 (July 20, 1822).

688

Уильям Дуэйн – Томасу Джефферсону, 25 июня 1824 г. – Letters of William Duane / Publ. by Worthington Ch. Ford // MHS. Proceedings. 2nd series Vol. XX. 1906–1907. Boston, 1907. P. 377–381; *Duane W.* A Visit to Colombia, in the Years 1822 & 1823, by Laguayra and Caracas, over the Cordillera to Bogota, and thence by the Magdalena to Carthagena. Philadelphia, 1826.

689

MJQA. Vol. VI. P. 25 (запись от 20 июня 1822 г.).

Bemis S. F. The Latin American Policy of the United States. N.Y., 1943. P. 47.

Вгаиег К. J. 1821–1860. Economics and the Diplomacy of American Expansionism *I I* Economics and World Power: An Assessment of American Diplomacy Since 1789. N.Y, 1984. P. 76–78.

692

Александр Эверетт (Гаага) – Джону Куинси Адамсу, 19 апреля 1822 г. – MHS. Correspondence of Alexander Hill Everett. Reel 1. Vol. 3; Альберт Галлатин – Джону Куинси Адамсу, 26 апреля 1822 г. – Writings of Albert Gallatin / Ed. by Henry Adams. Philadelphia, 1879. Vol. II. P. 240–241 (DCLA. Vol. II. P. 1396–1397).

Cm.: *Moore /. B.* Op. cit. Vol. I. P. 90–92.

Bemis S. F. John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy. P. 361.

695

Джон Куинси Адамс – Сизеру Родни, Ричарду Андерсону, 17, 27 мая 1823 г. – Writings of John Quincy Adams. Vol. VII. P. 424–486; (DCLA. Vol. I. P. 186–209). Эти инструкции считались основой латиноамериканской политики США в 1820-е гг. См.: Генри Клей – Джоэлю Пойнсету, 26 марта 1825 г. – PHC. Vol. 4. P. 167. Наиболее детальный разбор содержания см.: *Whitaker A. P.* Op. cit. P. 410–420.

696

Бенджамин Тайлер – Генри Клею, 24 июня 1822 г. – PHC. Vol. 3. P. 241.

697

Англия признала независимость государств Латинской Америки в январе 1825 г. См.: English Historical Documents / Gen. ed. David C. Douglas. Vol. XI. 1783–1832 / Ed. by Arthur Aspinall, Ernest Anthony Smith. L., 1959. P. 966–969.

698

См., например: Джон Форбс – Джону Куинси Адамсу, 25 ноября, 17 декабря 1824 г. – Once anos en Buenos Aires, 1820–1831. Las cronicas diplomaticas de John Murray Forbes / Compiladas, traduicidas y anotadas por Felipe A. Espil. Buenos Aires, 1956. P. 324, 332–333; донесения Генри Клею Аллена, Пойнсета, Тюдора, Эверетта, Кинга, Мак-Ри, Форбса на протяжении мая – декабря 1825 г. – PHC. Vol. 4. P. 324, 415, 435, 751, 777, 907. Об активности английских горнодобывающих компаний в Мексике и Бразилии:

Джеймс Уилкинсон – Генри Клею, 20 августа 1825 г.; Конди Рэгет – Генри Клею, 12 мая 1825 г. – Ibid. Vol. 4. P. 581–584, 371.

См.: *Rippy J. F.* Rivalry of the United States and Great Britain Over Latin America (1808–1830). Baltimore (Md.), 1929. P. 137–149, 254–286; *Webster Ch. K.* Introduction // BILA. P. 39 passim.

Подсчитано по: *Chandler Ch. L.* United States Commerce with Latin America at the Promulgation of the Monroe Doctrine // Quarterly Journal of Economics. Vol. 38. № 3 (May 1924). P. 481; Historical Statistics of the United States. Wash D.C., 1975. Pt. 2. P. 886, 904, 907; *Perkins D.* The Monroe Doctrine, 1823–1826. Cambridge (Ma.), 1927. P. 250; *Pitkin T.* A Statistical View of the Commerce of the United States of America. New Haven (Ct.), 1835 (в: *Болховитинов* Н. *Н.* Доктрина Монро (происхождение и характер). М., 1959. С. 132–137); *Rippy J. F.* Op. cit. P. 303–304; *Robertson W. S.* Hispanic-American Relations with the United States. N.Y., 1923. Appendix 1.

701

Делия Стюарт – Уильяму Тюдору, 9 января 1823 г. – Harvard Business School. Baker Library. Tudor Family Papers – II. Vol. 37. William Tudor Papers. Folder 4.

702

Винсент Грэй – Генри Клею, 30 сентября 1825 г. – PHC. Vol. 5. P. 740.

703

Альберт Галлатин – Генри Клею, 30 ноября 1827 г. – Ibid. Vol. 6. P. 1335.

Зорина А. М. Освободительное движение на Кубе в первой четверти XIX века // Война за независимость в Латинской Америке (1810–1826). М., 1964. С. 134, прим. 122; *Dalleo P. T.* Thomas McKean Rodney: U.S. Consul in Cuba: The Havana Years, 1825–1829 *11* Delaware History. Vol. 22. № 3 (Spring – Summer 1987). P. 210–212.

Portell Vild H. Historia de Cuba en sus relaciones con los Estados Unidos y Espana. 4 tomos. La Habana, 1938–1941. T. I. P. 280.

706

Джозеф Гонсолв и др. – Генри Клею, 17 февраля 1827 г. – PHC. Vol. 6. P. 206.

Болховитинов Н. *Н.* Русско-американские отношения. 1815–1832. М., 1975. С. 358–373.

ScharfJ. T. The Chronicles of Baltimore… Baltimore (Md.), 1874. P. 407.

На протяжении десятилетий Торнтон и Ферфакс судились с Робертом Фултоном, отстаивая (кстати, не без оснований) свой приоритет в изобретении парохода.

710

Уильям Торнтон – Педро Гуалю, 23 Apr. 1817 г., 8 февраля 1822 г.; Педро Гуаль – Уильяму Торнтону, 19 ноября, 25, 26 декабря 1816 г. – Ibid. Reels 2, 3. Торнтон обращался и к властям Венесуэлы: Уильям Торнтон – Лино де Клементе, 27 апреля 1819 г. – Ibid. Reel 3. О своих правах он также говорил с Хуаном Херманом Россио.

711

Томас Хэлси – Джону Тэйло, 7 ноября 1815 г.; Уильям Торнтон – Верховному директору и Конгрессу Буэнос-Айреса, 1 августа 1816 г.; Томас Хэлси – Уильяму Торнтону, 11 мая 1817 г.; Уильям Торнтон – Мануэлю де Сарратеа, 8 июня 1820 г. – LC. William Thornton Papers. Reels 2, 3. В последнем письме Торнтон также предлагает верховному правителю Ла-Платы свои услуги в разработке облика национальной валюты.

712

Уильям Торнтон – Генри Хиллу, 20 апреля 1819 г.; Уильям Торнтон – Корреа да Серре, 20 апреля 1819 г.; Корреа да Серра – Уильяму Торнтону, 6 мая 1819 г. – Ibid. Reel 3.

The Bolivar // Niles' Weekly Register. Vol. 28. P. 86 (April 9, 1825). Тж.: National Intelligencer. January 12, 1828. Брэкенридж надеялся даже на создание пароходной линии от Вальпараисо до Гуаякиля – Генри Брэкенридж – Джеймсу Монро, около 1820 г. [Notes on Spanish American Affairs. P. 5] // New York Public Library. James Monroe Papers. Reel 5. О перспективах речного пароходного сообщения во «внутренней Америке» см.: *Anon. A* slight Geographical and Political Sketch of Peru in December 1823. P. 2 – HSP. The Papers of John Sergeant. Vol. 3. Folder 5.

Gilmore R. L., Harrison J. P. Juan Bernardo Elbers and the Introduction of Steam Navigation on the Magdalena River // HAHR. Vol. 28. № 3 (Aug. 1948). P. 358.

715

Цит. в: National Intelligencer. October 9, 1817. См. **тж.:** *[Brackenridge* H. *M.]* South America: A Letter on the present state of that country to James Monroe… Wash., D.C., 1817. P. 32 – 33n.

Тж.: Passage across the Isthmus of Darien // Nashville Clarion. B: National Intelligencer. September 2,1820. Тж.: *Irvine B.* Commerce of Southern America… Philadelphia, [1822]. P. 4, 32–54.

717

Robinson W. D. Memoirs of the Mexican Revolution… With Some Observations on the Practicability of Opening a Commerce Between the Pacific and Atlantic Oceans, through the Mexican Isthmus in the Province of Oaxaca, and at the Lake of Nicaragua; and of the future importance of such commerce to the civilized world, and more especially to the United States. Philadelphia, 1820. P. 339–378.

718

См.: Генри Клей – Антонио Хосе Каньясу, 18 апреля 1825 г.; Генри Клей – Уильяму Миллеру, 22 апреля 1825 г.; Генри Клей – Ричарду Андерсону, Джону Сердженту, 8 мая 1826 г. – PHC. Vol. 4. P. 263–264; 279–280. Vol. 5. P. 335–336. Идея строительства канала обсуждалась также с Англией и Нидерландами – см.: Чарльз Дэшвуд – Джону Бэкхаузу, 1 мая 1830 г. – BILA. Vol. I. P. 344–345.

Albany Argus; Boston Patriot – цит. в: National Intelligencer. August 26,31, September 7, 1826. Об английском конкуренте см.: Niles' Weekly Register. Vol. 28. P. 152–153 (May 7, 1825). На деле строительство канала займет 10 лет (1904–1914). Детали плана и его критику см. в: *[Cushing* C.] Republic of Central America // NAR. Vol. XXVI. № 58 (Jan. 1828). P. 140–143.

National Intelligencer. May 10, 1827.

Ibid. May 13, 1828.

Призывы к иммиграции см. в: Ibid. August 13, 31,1824; *Hall F.* Colombia: its present state… and inducements to emigration. Philadelphia, 1825.

723

О любви перуанок и чилиек к шелку: *Pazos [Kanki] V.* Letters on the United Provinces of South America… N.Y., 1819. P. 104–106; *[Bradley H.]* A voyage from the United States to South America… Newburyport (Ma.), 1823. P. 24–25; *Anon.* A slight Geographical and Political Sketch of Peru in December 1823. P. 7; *Pirez-Mejia A.* A Geography of Hard Times: Narratives about Travel to South America, 1780–1849. Albany (N.Y.), 2004. P. 119–120.

724

Материалы по торговле в 1826–1839 гг.: MHS. Edward Hickling Bradford Family Papers. В подшивке “South Amercan Markets” (1826–1830) прекрасно сохранились многочисленные образцы китайского шелка.

См.: *[Bradley H.]* Op. cit. P. 134.

Eustis F. A. Augustus Hemenway, 1805–1876, Builder of the United States Trade with the West Coast of South America. Salem (Ma.), 1955.

Hall B. Extracts from a Journal, written on the coasts of Chili, Peru, and Mexico, in the years 1820, 1821, 1822. 3rd ed. Edinburgh, 1824. Vol. II. P. 291–293.

См.: *Болховитинов* Н. *Н.* Указ. соч. С. 133–134.

См.: *Head F. B.* Rough Notes taken during some rapid journeys across the Pampas and among the Andes. L., 1826; *Temple E.* Travels in Various Parts of Peru, Including a Year's Residence in Potosi. 2 vols. L., 1830; *Hardy R. W. H.* Travels in the Interior of Mexico, in 1825, 1826, 1827, & 1828. L., 1829; *Gregory D.* Brute New World: The Rediscovery of Latin America in the Early Nineteenth Century. L., 1992. P. 148–153.

730

Рудольф Аккерман – Джозефу Ланкастеру, 4 октября 1826 г. – AAS. Papers of Joseph Lancaster. Box 13. Folder 6.

Cm.: *Rippy J. F.* British Investments in Latin America, 1822–1949: A Case Study in the Operations of Private Enterprise in Retarded Regions. Minneapolis (Mn.), 1959. P. 17–25.

Torres M. An Exposition of the Commerce of Spanish America… Philadelphia, 1816. P. 33–35.

733

Хосе Деустуа (Deustua) – А. А. Исэрову, 20 февраля 2006 г. (архив автора).

Messages and Papers of the Presidents. Vol. II. P. 209, 218. Текст доктрины Монро мы приводим в переводе Н. Н. Болховитинова – *Болховитинов* Н. *Н.* Доктрина Монро. С. 309, 309–310 (Приложение № 1).

735

Слова Адамса при обсуждении текста послания Монро – MJQA. Vol. VI. P. 179 (запись от 7 ноября 1823 г.).

См.: *Logan J. A.* No Transfer: An American Security Principle. New Haven (Ct.), 1961; *Болховитинов* Н. *Н.* Русско-американские отношения, 1815–1832. С. 223–233; *Be-mis S. F.* Op. cit. P. 395. В 1870 г. принцип «неперехода» был официально признан частью доктрины Монро. Само выражение восходит к принятой в январе 1811 г. секретной резолюции Конгресса по Восточной Флориде.

Rush R. A Residence at the Court of London, comprising Incidents, Official and Personal, from 1819 to 1825. Philadelphia, 1845. P. 412 passim. Об этих беседах публике стало известно только с изданием мемуаров.

См.: *Болховитинов* Н. *Н.* Доктрина Монро. С. 215–226; *Tatum E. H.} Jr.* The United States and Europe, 1815–1823: A Study in the Background of the Monroe Doctrine. Berkeley (Ca.), 1936; *May E.* The Making of the Monroe Doctrine. Cambridge (Ma.), 1975. P. 1 passim. Несколько меньшее значение придают беседам Каннинга и Раша Перкинс и Бимис – *Perkins D.* Op. cit. P. 59 passim.; *Bemis S. F.* Op. cit. P. 376–381. О равнозначности двух поводов (но не факторов – английский был важнее): *Crapol E. P.* John Quincy Adams and The Monroe Doctrine: Some New Evidence // Pacific Historical Review. Vol. 48. № 3 (August 1979). P. 413–418. См. **тж.:** Джеймс Монро – Томасу Джефферсону, декабрь 1823 г. – Some Original Documents on the Genesis of the Monroe Doctrine // MHS. Proceedings. 2nd series. Vol. XV. Boston, 1902. P. 412.

См.: *Perkins D.* Op. cit. P. 104–143; *Болховитинов* Н. *Н.* Указ. соч. С. 153–186; *Он же.* К вопросу об угрозе интервенции Священного союза в Латинскую Америку. (Из предыстории доктрины Монро) // ННИ. 1957. № 3; *Kossok M.* Im Schatten der Heiligen Allianz: Deutschland und Lateinamerika, 1815–1830: zur Politik der deutschen Staaten gegeniiber der Unabhangigkeitsbewegung Mittel– und Siidamerikas. Berlin, 1964. S. 97-137.

Louisiana Courier, March 1, 1816. B: A *Lover of Liberty*. Mexico and South-America // National Intelligencer. April 4, 1816.

Spanish Colonies // National Intelligencer. October 14, 1817.

MJQA. Vol. IV. P. 85–86 (запись от 1 мая 1818 г.).

743

Niles' Weekly Register. Vol. 12. P. 174, 286 (May 10, June 28, 1817).

[Brackenridge H. *M.]* Op. cit. P. 40–41, 46, 50; *Lautaro.* № 5 // National Intelligencer. October 11, 1817.

Appeal to the Government and People of the United States, in behalf of the Independent South American Provinces. N.Y., 1818. P. 21–23.

Harvard University. Houghton Library. Documents and letters by C. A. Rodney and others Relating to Argentina, 1818–1824. F. 26 verso (запись **ok.** 10 марта 1818 **г.).**

Phillips K. T. William Duane, Radical Journalist in the Age of Jefferson. N.Y., 1989. P. 500.

Motion and Speech on Recognition of the Independent Provinces of the River Plata, March 24–25, 1818 // PHC. Vol. 2. P. 532, 534.

Spain and America // Columbian Centinel. July 8, 1818.

750

Дэниел Шелдон – Джону Куинси Адамсу, 20 октября 1818 г. – DCLA. Vol. II. P. 1385.

751

Journal of Jonathan Russell, 1818–1819 / Publ. by Worthington Ch. Ford // MHS. Proceedings. Oct. 1917 – June 1918. Vol. LI. Boston, 1918. P. 385–386, 398–399 (записи от 28 ноября 1818 г., 7 января 1819 г.).

752

Джеймс Монро – Эндрю Джексону, 21 декабря 1818 г. [абзац, оставшийся в черновике] – The Papers of Andrew Jackson / Ed. by Harold D. Moser, David R. Roth, et al. 7 vols. to date. Knoxville (Tn.), 1980–2007. Vol. IV P. 258n.

American. For the Centinel // Columbian Centinel. November 11, 1818; Уильям Уиндер – Грегорио Гарсиа де Тагле, 5 июня 1818 г. – LC. Papers of James Monroe. Reel 7.

754

Джеймс Мэдисон – маркизу де Лафайету, 25 ноября 1820 г. – Writings of James Madison. Vol. IX. P. 35–36.

755

Эндрю Джексон – Джону Кэлхуну, ок. 20 августа 1823 г. – The Papers of John C. Calhoun / Ed. by W. Edwin Hemphill, et al. 28 vols. Columbia (S.C.), 1959–2003. Vol. 8. P. 236.

MJQA. Vol. VI. P. 185 (запись от 13 ноября 1823 г.). Тж. о Кэлхуне: Ibid. P. 206 (запись от 26 ноября 1823 г.).

757

Джон Куинси Адамс – Альберту Галлатину, 19 мая 1818 г. – Writings of John Quincy Adams. Vol. VI. P. 317; MJQA. Vol. VI. P. 185–186 (запись от 15 ноября 1823 г.).

758

Ibid. P. 195 (запись от 23 ноября 1823 г.). Осенью 1823 г. Адамс сказал английскому представителю Эддингтону, что идея «активного и существенного вмешательства» Европы в дела Испанской Америки «слишком абсурдна, чтобы ее лелеять» – The Suppressed Dispatch of H. U. Addington, Washington, November 3, 1823 / Ed. by Bradford Perkins // HAHR. Vol. 37. № 4 (Nov. 1957). P. 485.

759

Niles' Weekly Register. Vol. 25. P. 209–210 (December 6, 1823). Тот же слух попал и в "Baltimore Federal Gazette" – перепечатано в: National Intelligencer. December 9, 1823. Текст послания Монро – Niles' Weekly Register. Vol. 25. P. 214–220. Чуть позднее Найлс писал, что Испания якобы надеется на помощь России и готова обещать за нее базу в Средиземноморье – Ibid. Vol. 25. P. 309–310 (January 17, 1824).

London Courier. November 11, 1823. B: Columbian Centinel. January 7, 1824; Niles' Weekly Register. Vol. 26. P. 6 (March 6, 1824).

Spain, the Holy Alliance, and America // National Intelligencer. November 18, 1823.

762

Baltimore Morning Chronicle. December 5, 1823. Перепечатано в: National Intelligencer. December 9, 1823.

763

Джон Криттенден – Джеймсу Монро, 30 декабря 1823 г. – цит. по: *Cunningham N. E., Jr.* The Presidency of James Monroe. Lawrence (Ks.), 1996. P. 161; 161–162, 223n.

Игра слов: US – «США» и «нам».

Holy Alliance // Columbian Centinel. January 3, 1824.

766

Дэниел Кук – избирателям, 30 мая 1824 г. – Circular Letters of Congressmen to Their Constituents / Ed. by Noble E. Cunningham, Jr. 3 vols. Chapel Hill (N.C.), 1978. Vol. III. P. 1232.

См., например: *Everett E.* The Monroe Doctrine. N.Y., 1863 (первонач. в: Ledger, October 3., 1863). В 1940 г. так трактовали события Уолтер Липман и президент Рузвельт – *Bemis S. F.* Op. cit. P. 400–401. Первый историк дипломатии США, современник событий Теодор Лайман считал, что интервенцию остановил меморандум Полиньяка, и даже не упомянул в связи с этим доктрину Монро *Lyman Eh., Jr.* The Diplomacy of the United States. Being an Account of the Foreign Relations of the Country, from the first treaty with France, in 1778, to the present time. 2nd ed., with add. Boston, 1828. Vol II. P. 484.

768

Александр Эверетт – Джону Куинси Адамсу, 8 декабря 1823 г.; 12 января 1824 г. – MHS. Correspondence of Alexander Hill Everett. Reel 1. Vol. 4.

769

[Everett A. Щ America… Philadelphia, 1827. P. 53, 239, 244–261, 274, 282, 285.

Rush R. Op. cit. P. 458.

771

См., например, уже цитированную нами заметку в: London Courier. November 11, 1823. В: Columbian Centinel. January 7,1824; Niles' Weekly Register. Vol. 26. P. 6 (March 6,1824).

Columbian Centinel. December 3, 1823.

Morning Chronicle. Перепечатано в: Baltimore Federal Gazette; The Holy Alliance, and the United States of America // National Intelligencer. August 5, 1824. Обвинения лондонских журналистов в адрес Поццоди-Борго см. тж.: Spain and Her Late Colonies // National Intelligencer. February 3, 1824; Columbian Centinel. August 11, 1824.

Hall F. Colombia: its present state… Philadelphia, 1825.P. 6.

775

Уильям Уортингтон – Джареду Спарксу, 26 апреля 1824 г. – Harvard University. Houghton Library. MS Sparks 153; Джон Форбс – Джону Куинси Адамсу, 22 мая 1824 г. – Once anos en Buenos Aires, 1820–1831. P. 293. Последовательным противником таких взглядов был Уильям Дуэйн: повторяя оборот из речи Клея 1818 г., он назвал идею интервенциии «немыслимой химерой» – *Duane W.* The Two Americas, Great Britain, and the Holy Alliance, Wash., D.C., 1824. P. 33. Тж.: *Idem.* A Visit to Colombia, in the Years 1822 & 1823… Philadelphia, 1826. P. 525.

Мариано Кули и Салес (так в изд.! надо: Мариано Куби и Сол ер) – Джеймсу Монро, 17 декабря 1823 г. – Writings of James Monroe. Vol. VI. P. 419–420.

Семенов С. И. Образ Соединенных Штатов Америки в ибероамериканском мире // Американская цивилизация как исторический феномен / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М., 2001. С. 230.

См.: *Perkins D.* Op. cit. P. 194–197.

779

Жозе Сильвештр Ребелью – Генри Клею, 6, 16 апреля 1825 г. – PHC. Vol. 4. P. 222–223, 261.

780

Генри Клей – Жозе Сильвештру Ребелью, 13 апреля 1825 г. – Ibid. P. 243–245.

781

Генри Клей – Конди Рэгету, 14 апреля 1825 г. – Ibid. P. 251–255.

782

Хосе Мария Саласар – Джону Куинси Адамсу, 2 июля 1824 г. – DCLA. Vol. II. P. 1282. О желательности союза говорил посланнику Андерсону министр иностранных дел Педро Гуаль – The Diary and Journal of Richard Clough Anderson, Jr., 1814–1826 / Ed. by Alfred Tischendorf, E. Taylor Parks. Durham (N.C.), 1964. P. 132 (запись от 22 января 1824 г.).

783

Джон Куинси Адамс – Хосе Марии Саласару, 6 августа 1824 г. – в: *Hackett Ch. W.* The Development of John Quincy Adams's Policy with Respect to an American Confederation and the Panama Congress, 1822–1825 // HAHR. Vol. 8 (Nov. 1928). P. 509–510.

См.: Treaties and Other International Acts of the United States of America / Ed. by Hunter Miller. 8 vols. Wash., D.C., 1931–1948. Vol. 2. P. 163–185. Известие о подписании и первая публикация: National Intellligencer. December 4,1824; June 11,1825. Конвенция по борьбе с работорговлей не была ратифицирована Сенатом США.

785

The Diary and Journal of Richard Clough Anderson, Jr. P. 165 (запись середины сентября 1824 г.). Ход переговоров: Ibid. P. 132–167.

Впрочем, есть свидетельства о трудностях с проведением договора в жизнь – см., например: Абрахам Ноне – Генри Клею, 31 августа 1825 г. – PHC. Vol. 4. P. 612.

787

The Diary and Journal of Richard Clough Anderson, Jr. P. 169; 185 (запись от 28 янв. 1825 г.).

788

Джон Форбс – Джону Куинси Адамсу, 1 июня 1824 г. – MHS. Adams Family Papers. Reel 465; Dinner to the late Mr. Rodney // National Intelligencer. Aug. 27, 1824. Кстати, дипломаты заказали перевод послания Монро и деятельно распространяли его: Сизер Родни – губернатору Мендосы Педро Молине и Сотомайору, 16 февраля 1824 г.; Джон Форбс – Джону Куинси Адамсу, 15 мая 1824 г. – Harvard University. Houghton Library. Documents and letters by C. A. Rodney and others Relating to Argentina, 1818–1824. F. 78; MHS. Adams Family Papers. Reel 464.

National Intelligencer. August 10, 1823.

790

Джон Форбс – Джону Куинси Адамсу, 3 июня 1824 г. – MHS. Adams Family Papers. Reel 465.

Такое название впервые было употреблено еще в ноябре 1820 г. в “Richmond Enquirer” – см.: *Ammon H.* James Monroe. The Quest for National Identity. N.Y., 1971, P. 493.

О выборах см., например: *Hopkins J. F.* The Election of 1824 // History of American Presidential Elections, 1789–1968 / Ed. by Arthur M. Schlesinger, Fred L. Israel. N.Y., 1971.

793

Сам Клей долго был уверен, что при подсчете голосов выборщиков он опередит Кроуфорда (все зависело от штата Нью-Йорк) и легко победит при голосовании в Конгрессе – Генри Клей – Фрэнсису Бруку, 26 ноября 1824 года – PHC. Vol. 3. P. 888.

794

Генри Клей – Питеру Портеру, 7 декабря 1824 года – Ibid. P. 892.

Детальный анализ этого сложного и запутанного вопроса см.: *Remini R. V.* Henry Clay: Statesman for the Union. N.Y., 1991. P. 172. P. 251–272; *Idem.* Andrew Jackson and the Course of American Freedom, 1822–1832. N.Y., 1981. P. 74–99; *Peterson M. D.* The Great Triumvirate: Webster, Clay, and Calhoun. N.Y., 1987. P. 116–131.

MJQA. Vol. VI. P. 464–465.

Youthful America. Selections from Henry Unwin Addington s *Residence in the United States of America,* 1822, 23, 24, 25 / Ed. by Bradford Perkins. Berkeley (Ca.), 1960. P. 92–93.

Whitman W. The People and John Quincy Adams. Цит. по: *Lafeber W.* The American Age: United States Foreign Policy at Home at Abroad since 1750. N.Y., 1989. P. 87.

799

В новейшей историографии программа Адамса и Клея изображается как предвестник индустриального развития страны, а программа Джексона – как «план прошлого». См.: *Howe D. W.* What Hath God Wrought: The Transformation of America, 1815–1848. N.Y., 2007; *Watson H. L.* Andrew Jackson vs. Henry Clay: Democracy and Development in Antebellum America. Boston, 1998; *Согрин В. В.* Политическая история США XVII–XX вв. М., 2001. С. 102 слл. (Согрин ссылается в первую очередь наработы ДжонаЭшуорта 1980-х – 1990-хгг.).

800

В своей речи в Лексингтоне 9 июня 1842 г. Клей признает, что, приняв пост государственного секретаря, он совершил одну из главных ошибок в своей жизни – PHC. Vol. 9. P. 708–716. Более того, само исполнение обязанностей далось Клею с величайшим трудом. Работая по 12–14 часов в день, он некоторое время был на грани нервного истощения – см.: Генри Клей – Чарльзу Хэммонду, 4 апреля 1825 г.; Генри Клей – Фрэнсису Бруку, 6 апреля 1825 г.; Генри Клей – Джеймсу Брауну, 9 мая 1825 г. – Ibid. Vol. 4. P. 211, 221, 335–336.

Treaties and Other International Acts… Vol. 3. P. 209–233.

802

N.Y. Mercurial Advertiser. September 4, 1822. B: National Intelligencer, September 11, 1822; United States and Colombia // Baltimore Federal Gazette (no: Jamaica Public Advertiser). B: National Intelligencer. November 11, 1823.

803

Baltimore American. B: National Intelligencer. June 17, 1823.

804

Лукас Аламан – Генри Клею, 27 августа 1823 г. – PHC. Vol. 3. P. 474–475.

805

Джон Кэлхун – Джозефу Смиту, 10 марта 1825 г.; Speech at Edgfield Court House, S.C. June 1, 1825 – Papers of John C. Calhoun. Vol. 10. P. 11, 25; Niles' Weekly Register. Vol. 28. P. 296 (July 9, 1825).

Treaties and Other International Acts… Vol. 2. P. 499 (пер. Н. Д. Луцкова в: История внешней политики и дипломатии США, 1775–1877 / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М., 1994. С. 92). Эта формулировка восходит к франко-испанскому договору в Сан-Ильдефонсо 1800 г.

807

См.: *Cox I. /.* The Louisiana – Texas Frontier // Southwestern Historical Quarterly. Vol. X. № 1 (July 1906).

Потокова Н. В. Ранний период экспансии США в Техас (конец XVIII в. – 1819 г.) // Экспансионистская политика США в первой половине XIX века / Отв. ред. С. Ф. Хроленок. Иркутск, 1981. С. 70–71; *Потоков Е. Н.* Две экспедиции Зебулона Монтгомери Пайка (1805-1806-1807) // АЕ. 1991. М., 1992.

809

Северная граница покупки Луизианы была определена англо-американской конвенцией 1818 г. по 49°с. ш. (реальная демаркация будет проведена лишь в 1872–1876 гг.). Та же конвенция, продленная в 1827 г., определит статус «совместного освоения» Орегона.

810

Томас Джефферсон – Джеймсу Монро, 4 февраля 1816 г. – The Writings of Thomas Jefferson / Ed. by Albert Ellery Bergh. 20 vols. Wash., D.C., 1905. Vol. XIV. P. 432–434.

811

PHC. Vol. 2. P. 458.

[Brackenridge H. *M.]* Op. cit. P. 50.

Brooks Ph. C. Diplomacy and the Borderlands. The Adams – Onis Treaty of 1819. Berkeley (Ca.), 1939. P. 100, 196; *Whitaker A. P.* Op. cit. P. 43–44, 370–371; *Remini R. V.* Andrew Jackson and the Course of American Empire. P. 382. О планах французских эмигрантов см.: *Warren H. G.* The Sword Was Their Passport: A History of American Filibustering in the Mexican Revolution. Baton Rouge (La.), 1943. P. 189–232.

814

Томас Джефферсон – Генри Дирборну, 5 июля 1819 г.; он же – Джеймсу Монро, 14 мая 1820 г. – Writings of Thomas Jefferson. Vol. XIX. P. 271–272; Vol. XV. P. 251–252. Слова Джефферсона о богатстве Техаса оказались пророческими, хотя он и предположить не мог, что основным источником благосостояния штата станет ничем в его время не примечательная черная маслянистая жидкость – нефть.

815

Джеймс Монро – Томасу Джефферсону, 20 мая 1820 г. – The Writings of James Monroe. Vol. VI. P. 119–123.

Цит. по: *Griffin Ch. C.* Op. cit. P. 235.

817

Цит. по: *Remini R. V.* Op. cit. P. 390. Тж.: *Brooks Ph. C.* Op. cit. P. 170–171. В 1844 г., когда Адамс в речи в Конгрессе вспомнил, что и сам Джексон поддерживал границу по реке Сабине, генерал в крайне резкой форме обвинил его во лжи – *Remini R. V.* Op. cit. P. 390.

818

Джеймс Монро – Альберту Галлатину, 26 мая 1820 г. – цит. по: *Dangerfield G.* The Era of Good Feelings. N.Y., 1952. P. 452n.

Альперович М. С. Война за независимость Мексики (1810–1824). М., 1964. С. 265; *Потокова Н. В.* Указ. соч. С. 80–81; *Rives G. L.* The United States and Mexico, 1821–1848. 2 vols. N.Y., 1913. Vol. I. Op. cit. P. 126–127; *Zorrilla L. G.* Historia de las relaciones entre Mexico y los Estados Unidos de America, 1800–1958. 2 vols. Mexico, 1965–1966. T. I. P. 44–45; *Warren H. G.* Op. cit. P. 233–254.

PHC. Vol. 2. P. 802–803.

Annals of Congress. 16th Congress. 1st sess. Vol. II. Col. 1762–1763.

822

Здесь Клей точен: территория Техаса составляет 692,1 тыс. км^2, а территория Флориды – 151,7 тыс. км^2.

PHC. Vol. 2. P. 810–812.

824

Annals of Congress. 16th Congress. 1st sess. Vol. II. Col. 1752–1754. Бросаются в глаза явные ошибки в описании природы Техаса и Флориды.

Ibid. Col. 1756–1758.

826

Здесь депутат ошибается. В Техасе никогда не выращивали кофе.

827

Ibid. Col. 1760–1762, 1764. Ср.: Генри Клей – Амосу Кендаллу, 16 апреля 1820 г. – PHC. Vol. 2. P. 823.

Источник этих совершенно необоснованных слухов определить не удалось.

Annals of Congress. 16th Congress. 1st sess. Vol. II. Col. 1764–1767.

830

MJQA. Vol. V. P. 67 (запись от 13 апреля 1820 г.).

Annals of Congress. 16th Congress. 1st sess. Vol. II. Col. 1736–1738.

Ibid. Col. 1769, 1772–1774.

Ibid. Col. 1781. Фамилия политика произносится именно «Рей», а не «Ри». См.: *Исаев С. А.* Джеймс Мэдисон: политическая биография. СПб., 2006. С. 19.

834

В письме Криттендену от 29 января 1820 г. он писал: «С принятием этих двух мер Флорида – наша без единого усилия» – PHC. Vol. 2. P. 769. Та же точка зрения изложена в письме Адаму Битти от 22 января, найденном уже после публикации второго тома PHC – *Remini R. V.* Henry Clay: Statesman for the Union. P. 172.

835

А ведь представителей Северо-Востока даже после принятия Миссури было большинство – 65 из 160. Только 31 депутат представлял «новый Запад» (Кентукки, Миссури) и так называемый старый Северо-Запад (Огайо, Индиана, Иллинойс). 64 были южанами – подсчитано по: *May E.* Op. cit. P. 176–179 (table 5).

Benton T. H. Thirty Years' View or A History of the Working of the American Government for Thirty Years from 1820 to 1850. 2 vols. N.Y., 1854–1856. Vol. I. P. 17. Еще в 1818–1819 гг. Бентон начал в газете “St. Louis Enquirer” деятельную кампанию в поддержку приобретения Техаса и Орегона.

837

Empresarios (предприниматели) – лица, получившие согласно мексиканскому законодательству официальные права на владение землей и поселение колонистов.

Bolton H. *E.* Guide to Materials for the History of the United States in the Principal Archives of Mexico. Wash., D.C., 1913. P. 223.

839

К 1825 г. число поселенцев составляло, по мексиканским оценкам, свыше 5 тысяч, если не считать около 10 тысяч нелегальных колонистов на пограничной полосе возле реки Сабины – см.: The Austin Papers / Ed. by Eugene Barker. 2 vols. Wash., D.C., 1924–1928. Vol. I. Pt II. P. 1766 (приведено в: *Болховитинов* Н. Н. Указ, соч. С. 117–118).

840

Стивен Остин – Уильяму Кэрру, 4 марта 1829 г. – Austin Papers. Vol. II. P. 177–179.

Каждая следующая линия располагается южнее предыдущей. Река Рио-Гранде является нынешней южной границей Техаса.

842

Генри Клей – Джоэлю Пойнсету, 26 марта 1825 г. – PHC. Vol. 4. P. 173. Напомним, что именно неспособность Испании сдерживать семинолов (это обязательство было включено в договор Пинкни) стала формальным поводом для приобретения Соединенными Штатами Флориды по Трансконтинентальному договору.

843

Джоэль Пойнсет – Генри Клею, 27 июля 1825 г. – Ibid. P. 556. См. тж.: Джоэль Пойнсет – Генри Клею, 5 августа 1825 г. – Ibid. P. 567.

844

Генри Клей – Джозефэсу Стюарту, 1 декабря 1825 г. – Ibid. P. 871–872. Это ответ на несохранившееся письмо Стюарта, где тот интересовался мнением государственного секретаря по «техасскому вопросу».

845

Джоэль Пойнсет – Генри Клею, 20 сентября 1825 г. – Ibid. P. 666. В том же месяце английский поверенный в делах Генри Уорд в разговорах с мексиканскими политиками, по своим собственным словам, «неоднократно намекал» на опасность, исходящую от Соединенных Штатов в отношении Техаса. См.: *Rippy J. F.* Britain's Role in the Early Relations of the United States and Mexico // HAHR. Vol. 7. № 1 (Feb. 1927). P. 13 passim.

846

Генри Клей – Джоэлю Пойнсету, 15 марта 1827 г. – PHC. Vol. 6. P. 308–309.

847

MJQA. Vol. VII. P. 239–240 (запись от 14–15 марта 1827 г.).

848

Джоэль Пойнсет – Генри Клею, 10 мая 1827 г. – Ibid. P. 540–541. Пойнсет подчеркивал, что мексиканское правительство отчаянно нуждается в деньгах. Отсюда следовало сделать вывод, что покупка Техаса, может быть, и реальна, но Мексика просто торгуется, надеясь больше заработать на сделке.

849

Джоэль Пойнсет – Генри Клею, 8 января 1828 г. – Ibid. Vol. 7. P. 21.

850

Стивен Остин – Учредительной хунте, 16 января 1823 г.; Стивен Остин – Джеймсу Остину, 20 мая 1823 г. – Austin Papers. Vol. I. Pt. 1. P. 568–572, 645. Проект конституции и «план федерального правительства» – Ibid. P. 601–627, 656–669.

851

Стивен Остин – Джеймсу Остину, 25 декабря 1822 г., 1 января, 10 мая, 13 июня 1823 г. – Ibid. P. 560–562, 566, 639, 670.

852

Стивен Остин – Джеймсу Остину, 20 мая, 13 июня 1823 г. – Ibid. P. 645, 671. Цитата приводится тж. в: “Scarce More than Apes”: Historical Roots of Anglo-American Stereotypes of Mexicans in the Border Region // *Weber D. J.* Myth and History of the Hispanic Southwest. Albuquerque (N.M.), 1988. P. 153–167.

853

Джеймс Остин – Э. Перри, 23 февраля 1827 г. – Austin Papers. Vol. I. Pt. 2. P. 1605–1606.

854

Стивен Остин – Джоэлю Пойнсету, 3 ноября 1827 г. – Ibid. Vol. I. Pt. 2. P. 1704.

855

[Poinsett /. R.] Mexico // AQR. Vol. VIII (March-June 1830). № 14. P. 472 – 73.

Rippy J. F. Joel R. Poinsett, Versatile American. Durham (N.C.), 1935. P. 115.

857

London Courier. July 9, 1825. Цит. по: Niles' Weekly Register. Vol. 28. P. 354 (August 6, 1825). О происхождении этой фразы см.: *Болховитинов* Н. *Н.* Русско-американские отношения. 1815–1832. С. 309. Важные сведения о политике США в отношении Кубы в 1820–1823 гг. см.: *Он же.* Доктрина Монро. С. 121–128.

858

О причинах лояльности кубинцев см.: *Dominguez J. I.* Insurrection or Loyalty: The Breakdown of the Spanish American Empire. Cambridge (Ma.), 1980. Esp. p. 216–218; *Ларин Е. А.* Куба конца XVIII – первой трети XIX века. М., 1989. Особ. с. 256–259. Марксист Филип Фонер морально осуждает креолов, но, в сущности, приходит к тем же выводам, что и позднее Домингес – *Фонер Ф.* История Кубы и ее отношений с США. Т. 1 (1492–1845). М., 1963.

859

Томас Джефферсон – Генри Дирборну, 5 июля 1819 г.; Томас Джефферсон – Джеймсу Монро, 24 октября 1823 г. – Writings of Thomas Jefferson. Vol. XIX. P. 271–272; Vol. XV. P. 477–480. Впервые мысль о возможном присоединении Кубы была высказана Джефферсоном еще 16 августа 1807 г. в письме Мэдисону – Ibid. Vol. XI. P. 327. В том же духе высказывался Джоэль Пойнсет в разговоре с Чарльзом Инджерсоллом 7 февраля 1823 г.: «Куба созрела для союза с Соединенными Штатами» – *Moore J. B.* Op. cit. Vol. I. P. 584, 582. Тж.: Ibid. Vol. VI. P. 380. Без Кубы, писал Кэлхун Джексону, «наша федерация неполна» – *Logan J. A.* Op. cit. P. 148. Даже квакер и утопист Торнтон еще в 1805 г. считал законными оккупацию Флориды и Кубы: Уильям Торнтон – Джеймсу Мэдисону, 3 октября 1805 г. Цит. в: *Brant I.* James Madison. Vol. 4. Indianapolis (Ind.), 1953. P. 290.

860

Генри Брэкенридж – Джеймсу Монро, около 1820 г. [Notes on Spanish American Affairs. P. 13] – New York Public Library. James Monroe Papers. Reel 5; *Robinson W. D.* Op. cit. P. 374–378.

Logan J. A. Op. cit. P. 148.

862

MJQA. Vol. VI. P. 71–74 (записи от 27, 30 сентября 1822 г.).

863

См., например: Niles’ Weekly Register. Vol. 24. P. 72–73 (April 5, 1823).

864

MJQA. Vol. VI. P. 137–139 (запись от 15 марта 1823 г.). См. тж.: *Ларин Е. А.* Указ, соч. С. 206–207.

Columbian Centinel. April 2,12,16,1823. Цит. тж.: *Whitaker A. P.* Op. cit. P. 404–405.

866

Джон Куинси Адамс – Хью Нельсону, 28 апреля 1823 г. – *Moore J. B.* Op. cit. Vol. I. P. 583. Перевод приведен в: *Болховитинов* Н. *Н.* Указ. соч. С. 126. Отметим, что метафора Адамса восходит к высказыванию Клея о Флориде в апреле 1820 г. На это сходство впервые обратил внимание Пьеро Глейджесес: *Gleijeses P.* The Limits of Sympathy: The United States and the Independence of Spanish America // Journal of Latin American Studies. Vol. 24. № 3 (Oct. 1992). P. 491n. Еще раньше, в 1817 г., Брэкенридж замечал: «В политике, как и в астрономии, действует закон природы – меньшие тела вращаются вокруг больших» – *[Brackenridge* H. M.] Op. cit. P. 9.

867

Генри Клей – Александру Эверетту, 27 апреля 1825 г. – PHC. Vol. 4. P. 298.

868

Poinsett J. R. Notes on Mexico, made in the autumn of 1822, accompanied by an Historical Sketch of the Revolution, and Official Reports. Philadelphia, 1824. P. 220 (перевод в: *Зорина А. М.* Указ. соч. С. 117–118).

869

Фрэнсис Блэк – Джону Куинси Адамсу, 28 июля 1822 г. – National Archives. RG-59. P-689. Miscellaneous Letters of the Department of State.

870

Томас Робертсон – Генри Клею, 20 апреля 1825 г. – PHC. Vol. 4. P. 271–275.

Клей высоко оценил письмо Робертсона. Он хотел назначить его секретным агентом Соединенных Штатов на Кубе с жалованием поверенного в делах, однако Робертсон, не считавший разведывательную деятельность уместным для себя занятием, отказался – см.: Генри Клей – Томасу Робертсону, 7 декабря 1825 г.; Томас Робертсон – Генри Клею, 19 января 1826 г. – Ibid. P. 882–884; Vol. 5. P. 47–48. Секретным агентом США на Кубе стал в итоге вскоре скончавшийся Дэниел Кук – см.: Генри Клей – Дэниелу Куку, 12 марта 1827 г.; Дэниел Кук – Генри Клею, 12 марта 1827 г.; Генри Клей – Франсиско Дионисио Вивесу, 14 марта 1827 г. – Ibid. Vol. 6. P. 295–296, 302–303.

872

См.: Генри Эддингтон – Джорджу Каннингу, 21 мая 1825 г. – BILA. Vol. II. P. 518–520.

873

См., например: Томас Хэндэсид Перкинс – Уильяму Тюдору, 26 сентября 1825 г. – Harvard University. Houghton Library. Tudor Papers. Vol. 2.

874

«В руках Испании ее порты открыты, ее пушки безмолвны и безвредны, и ее положение обеспечено взаимной ревностью и интересами морских держав Европы», – писал Клей о Кубе в инструкциях посланнику в Мексике: Генри Клей – Джоэлю Пойнсету, 26 марта 1825 г. – PHC. Vol. 4. P. 174–175.

Болховитинов Н. *Н.* Русско-американские отношения, 1815–1832. С. 309.

876

Генри Клей – Генри Миддлтону, 10 мая 1825 г. – PHC. Vol. 4. P. 355–362.

877

Генри Клей – Руфусу Кингу, 11 мая 1825 г.; Генри Клей – Джеймсу Брауну, 13 мая 1825 г. – Ibid. P. 366–367, 372–373.

878

Ф. В. Тейль – К. В. Нессельроде, 14 (26 мая) 1825 г. – ВПР. Т. VI (XIV). С. 175–176 (перевод – с. 176–177); MJQA. Vol. VII. P. 8 – 10 (запись от 19 мая 1825 г.).

879

См., например: *Bemis S. F.* Op. cit. P. 540. Эта точка зрения восходит к первой скептической реакции Каннинга на предложение Соединенных Штатов: «Россия стоит неизменно в этом вопросе» (Руфус Кинг – Генри Клею, 9 августа 1825 г. – PHC. Vol. 4. P. 572). Ее живучесть связана со слабым знанием русских источников американскими историками. Даже в недавнем исследовании автор, по сути, уходит от анализа реакции России на предложение Соединенных Штатов, ограничиваясь ссылкой на донесения Миддлтона. См.: *Gleijeses P.* Op. cit. P. 492.

См.: *Болховитинов* Н. *Н.* Указ. соч. С. 308–357.

881

К. В. Нессельроде – Генри Миддлтону, 20 августа (1 сентября) 1825 г. – ВПР. Т. VI (XIV). С. 243–244 (перевод – с. 245); Генри Миддлтон – Генри Клею, 8 сентября 1825 г. – PHC. Vol. 4. P. 630.

882

Ф. В. Тейль – К. В. Нессельроде, 14 (26) декабря 1825 г. Цит. по: *Болховитинов* Н. *Н.* Указ. соч. С. 322–323.

883

К. В. Нессельроде – Х. А. Ливену, К. О. Поццоди-Борго, Д. М. Алопеусу, Д. П. Татищеву, 3 (15 сентября) 1825 г. – ВПР. Т. VI (XIV). С. 255–256 (перевод – с. 256); Генри Миддлтон – Генри Клею, 8 сентября 1825 г. – PHC. Vol. 4. P. 630–631.

884

Франсиско Сеа Бермудес – Александру Эверетту, 12 июля 1825 г.; герцог дель Инфантадо – Александру Эверетту, 8 июля 1826 г. – MHS. Everett-Noble Papers. Box 3. Folders “1825”, “1826, June – July”. Весь ход переговоров см.: Александр Эверетт – Генри Клею, 8, 25 сентября, 20 октября, 21 ноября, 2, 12 декабря 1825 г., 14 февраля 1826 г. – PHC. Vol. 4. P. 689, 751, 841, 875, 903. Vol. 5. P. 101–102.

885

К. В. Нессельроде – П. Я. Убри, 4 (16) сентября 1825 г. – ВПР. Т. VI (XIV). С. 257–258 (перевод – с. 258).

886

П. Я. Убри – К. В. Нессельроде, 11 (23 ноября) 1825 г. – Цит. по: *Болховитинов* Н. *Н.* Указ. соч. С. 340.

887

Александр Эверетт – Генри Клею, 24 февраля; 5 апреля; 2,25 июня 1826 г. – PHC. Vol. 5. P. 131–132, 215–216, 504; П. Я. Убри – герцогу дель Инфантадо, 10 июня 1826 г. – в: *Болховитинов* Н. *Н.* Указ. соч. С. 342–343.

Там же. С. 343.

889

Генри Клей – Хосе Марии Саласару, Пабло Обрегону, 20 декабря 1825 г. – Ibid. Vol. 4. P. 929–931; Хосе Мария Саласар – Генри Клею, 30 декабря 1825 г. – Ibid. P. 957–958. Мексиканский посланник в своем ответе лишь сообщил, что переслал своему правительству пожелания Соединенных Штатов: Пабло Обрегон – Генри Клею, 4 января 1826 г. – Ibid. Vol. 5. P. 9.

890

Хосе Мария Саласар – Генри Клею, 19 марта 1826 г. – Ibid. P. 180–181. Предложение было переслано в Мадрид: Генри Клей – Александру Эверетту, 13 апреля 1826 г. – Ibid. P. 236–238.

891

Александр Эверетт – герцогу дель Инфантадо, 10 июня 1826 г. – DCLA. Vol. III. P. 2130–2131.

892

Александр Эверетт – Генри Клею, 7 ноября 1826 г. – Ibid. P. 2137–2139.

893

См.: Джеймс Браун Генри Клею, 15 июля; 26 августа – PHC. Vol. 4. P. 536–537, 593. Редакторы публикации протоколов конференций Священного союза полагали, что этим шагом Браун превысил свои полномочия – Protocols of Conferences of Representatives of the Allied Powers Respecting Spanish America, 1824–1825 // AHR. Vol. 22. № 3 (Apr. 1917). P. 614n. Споря с этой точкой зрения, Болховитинов указывает, что «предложение Брауна соответствовало общему курсу правительства США в отношении Кубы и Пуэрто-Рико, и посланник никогда не был дезавуирован» – *Болховитинов* Н. *Н.* Указ. соч. С. 326. Исследователь ссылается также на частное письмо Адамса Брауну от 20 мая 1825 г., в котором президент разрешал посланнику действовать «относительно всей проблемы столь свободно, как сочтет нужным».

894

Protocols of Conferences of Representatives of the Allied Powers Respecting Spanish America, 1824–1825. P. 615.

895

Джеймс Браун – Генри Клею, 26 августа, 13 сентября, 19 сентября 1825 г. – PHC. Vol. 4. P. 594–595, 640, 656. В частном письме от 19 сентября Браун в том числе замечал, что у Священного союза нет никаких намерений «раздавить Дух свободы в Американском полушарии».

См.: *Webster Ch. K.* Introduction // BILA. Vol. I. P. 40.

897

Генри Уорд – Джорджу Каннингу, 29 мая 1826 г. – BILA. Vol. I. P. 509; Джоэль Пойнсет – Генри Клею, 1 февраля 1826 г. – PHC. Vol. 5. P. 80.

898

К. В. Нессельроде – П. Я. Убри, 17 (29) сентября 1827 г.; П. Я. Убри – К. В. Нессельроде, 13 (25) февраля 1828 г. – ВПР. Серия II. Т. VII (XV). С. 241–244 (перевод – с. 244–246), 433–436 (перевод – с. 436–438). См. тж.: К. В. Нессельроде – П. Я. Убри, 4 (16) мая 1827 г. – Там же. С. 88–96 (перевод – с. 97 – 102).

899

Джордж Каннинг – Руфусу Кингу, 21 августа 1825 г. См. тж.: Джордж Каннинг – Руфусу Кингу, 7 августа, 8, 15 сентября, 21 ноября 1825 г., 10, 13, 19 января

1826 г.; Руфус Кинг – Джорджу Каннингу, 24 августа, 13, 21 сентября 1825 г., 9, 12 января 1826 г.; Руфус Кинг – Генри Клею, 12 августа 1825 г. – BILA. Vol. II. P. 520–541; PHC. Vol. 4. P. 574.

900

Генри Клей – Руфусу Кингу, 17 октября 1825 г. – Ibid. P. 743–745.

901

См.: Джордж Каннинг – виконту Гранвиллю, 20 января 1826 г.; виконт Гранвилль – Джорджу Каннингу, 26 января 1826 г. – BILA. Vol. I. P. 205, 206–207.

902

Отметим еще одно обстоятельство: в марте 1825 г., когда Соединенные Штаты еще не определились твердо в своем противодействии провозглашению Кубой независимости, Генри Клей выступил именно за всеамериканские гарантии этой независимости, тем самым отвергая возможные соглашения с Европой по этому вопросу. См.: Генри Клей – Джоэлю Пойнсету, 26 марта 1826 г. – PHC. Vol. 4. P. 175.

903

Джордж Каннинг – Чарльзу Воэну, 8 февраля 1826 г. – BILA. Vol. II. P. 543.

См.: *Robertson W. S.* The Recognition of the Spanish Colonies by the Motherland // HAHR. Vol. 1. № 1 (Feb. 1918).

Cm. **c.** 270–271.

906

Джеймс Браун – Генри Клею, 13 февраля, 23 февраля, 23 марта, 12 апреля, 29 сентября 1827 г. – PHC. Vol. 6. 193, 226, 345, 438, 1092.

907

Александр Эверетт – Генри Клею, 7 января 1827 г. – MHS. Correspondence of Alexander H. Everett. Reel 2; PHC. Vol. 6. P. 27.

[Everett A. H.] Op. cit. P. 212–225. Подобно позднейшим афроамериканским теоретикам, Эверетт считал жителей Древнего Египта неграми.

В 1829 г. Эверетт познакомился с кубинским аболиционистом Доминго дель Монте и поддерживал с ним дружескую переписку до конца жизни. См.: *Paquette R.* The Everett – Del Monte Connection: A Study in the International Politics of Slavery *11* Diplomatic History. Vol. 11. № 1 (Winter 1987).

Ларин Е. А. Указ. соч. С. 169, 207, 233–235, 253–255; *Фонер* Ф. Указ. соч. С. 150–151; *Portell Vild H.* Op. cit. T. I. P. 239–245; *Jaksic I.* The Hispanic World and American Intellectual Life, 1820–1860. Houndmills, 2007. P. 66.

910

Филемон Томас – Генри Клею, 30 апреля 1825 г. – PHC. Vol. 4. P. 313.

911

The Diary and Journal of Richard Clough Anderson, Jr. P. 241 (запись от 1 марта 1826 г.).

912

Индейское название острова Пуэрто-Рико.

См.: *Ducoudray Holstein H. L. V.* Memoirs of Gilbert Motier La Fayette. N.Y., 1824.

Cm.: *Idem.* Memoirs of Simon Bolivar, President Liberator of the Republic of Colombia; and of his principal generals; comprising a secret history of the revolution, and the events which preceded it, from 1807 to the present time. L., 1830. P. v, etc.; Niles' Weekly Register. Vol. 10. P. 380 (August 3, 1816).

Ducoudray Holstein H. L. V. Op. cit. P. vi, 192–193.

Ibid.; *Irvine B.* Traits of Colonial Jurisprudence; or, A Peep at the Trading Inquisition of Curasao. Baltimore (Md.), 1824. P. 6–7.

917

Бэптис Ирвайн – Дэвиду Портеру, 2 августа 1822 г. – LC. David D. Porter Papers. Vol. 2; *Irvine B.* Op. cit. P. 6–7; *Idem.* Commerce of Southern America… Philadelphia, [1822]. P. 14; Puerto Rico Expedition *I I* National Intelligencer. February 25, 1823.

918

Мигель де ла Порре (генерал-капитан Пуэрто-Рико) – Дэвиду Портеру, 6 марта 1823 г. – LC. David D. Porter Papers. Vol. 2.

919

Irvine B. Traits of Colonial Jurisprudence… P. 7; MJQA. Vol. VI. P. 81 (запись от 23 октября 1822 г.).

Фонер Ф. Указ. соч. С. 134–135.

Baltimore Federal Gazette; Philadelphia Union – в: National Intelligencer, December 3, 1822.

922

Puerto Rico Expedition // National Intelligencer. February 25, 1823; Niles' Weekly Register. Vol. 24. P. 46–48 (March 29, 1823).

923

Бэптис Ирвайн – Генри Клею, 18, 20, 29 января 1824 г.; Генри Клей – Джеймсу Монро, 12 июня 1824 г. – PHC. Vol. 3. P. 594–596, 600, 618–619, 775.

National Intelligencer. April 19, 1823.

925

Ibid. April 1, 1824. В письме говорится, что Ирвайн прибыл в Ла-Гуайру 29 февраля.

926

MJQA. Vol. VI. P. 480 (записи от 10, 13 ноября 1824 г.).

927

MJQA. Vol. VI. P. 105 (запись от 25 ноября 1822 г.).

928

Джон Куинси Адамс – Джону Форситу, 3 января 1823 г. – Writings of John Quincy Adams. Vol. VII. P. 355.

929

Лонг справедливо замечает, что в деле Портера налицо было несоответствие целей и средств – вторжение Джексона во Флориду помогло заключению Трансконтинентального договора, действия Портера лишь грозили усложнить отношения не только с Испанией, но, как думал Монро, и с молодыми республиками Латинской Америки – *Long D. F.* Gold Braid and Foreign Relations: Diplomatic Activities of U.S. Naval Officers, 1798–1883. Annapolis (Md.), 1988. P. 66.

930

Chateaubriand F. R. CEuvres completes. 36 vols. P., 1836–1839. Vol. 29. Polemique. Opinions et discours. P. 208–224.

931

Ibid. P. 224–231; 245–246. Реплика Шатобриана почти дословно восходит к выступлению герцога Ришелье на Ахенском конгрессе в сентябре 1818 г., где тот сравнивал «молодую, пылкую, богатую плодами любого климата» республиканскую Америку и измученную революциями «старую, монархическую, перенаселенную» Европу – цит. в: *Arragon R. F.* The Congress of Panama. Ph.D. Harvard University, 1923. Vol. I. P. 240. Либералы Байрон («Бронзовый век», 1823) и Констан (статьи в “Courier Fra^ais”), напротив, горячо поддерживали идею Панамского конгресса – Bolivar y Europa en las cronicas, el pensamiento politico y la historiografia. Vol. I. Siglo XIX / Dir. por Alberto Filippi. Caracas, 1986. P. 423–427.

932

Ответ одного южноамериканца – кабальеро с этого острова, 6 сентября 1815 г. – *Боливар* С. Избранные произведения: речи, статьи, письма, воззвания, 1812–1830 / Сост. и науч. ред. пер. А. Ф. Шульговский. М., 1983. С. 63 *(Bolivar S.* Cartas de Libertador / Ed. Vicente Lecuna. Caracas, 1929. Vol. I. P. 202). Идея созыва конгресса именно в Панаме принадлежит еще Франсиско де Миранде – *Masur G.* Simon Bolivar. 2nd rev. ed. Albuquerque (N.M.), 1969. P. 534n.

933

См., например: Un pensamiento sobre el Congreso de Panama [Lima, febrero de 1826]; Симон Боливар – Франсиско Сантандеру, 11 марта, 30 мая 1825 г. – *Bolivar S.* Op. cit. Vol. IV. P. 288, 291, 348.

Lockey J. B. Pan-Americanism. Its Beginnings. N.Y., 1920. P. 393–395; *Parks E. T.* Colombia and the United States, 1765–1834. Durham (N.C.), 1935. P. 139–140; *Глинкин А. Н.* Дипломатия Симона Боливара. М., 1991. С. 222–223. Кстати, Боливар предвидел сопротивление южных плантаторов участию США в конгрессе и надеялся на него – *Arragon R. F.* Op. cit. Vol. II. P. 239. Сантандер также стоял за приглашением Бразилии на конгресс.

[Brackenridge H. *M]* Op. cit. P. 34.

936

Джон Куинси Адамс – Ричарду Андерсону, 27 мая 1823 г. – DCLA. Vol. I. P. 205.

The Diary and Journal of Richard Clough Anderson, Jr. P. 159, 173.

См.: *Bemis S. F.* Op. cit. P. 545; *Remini R. V.* Op. cit. P. 276.

Democratic Press. March 18, 1825; The Politics of the Two Americas // National Intelligencer. April 26, 1825. Через год эту статью перепечатал противник Панамской миссии Дафф Грин как доказательство авантюрных замыслов сторонников участия США в конгрессе: U.S. Telegraph. April 14, 1826.

Register of Debates. 19th Congress. 1st sess. Col. 2363 (18 апреля 1826 г.). *Bemis S. F.* Op. cit. P. 545; *Remini R. V.* Op. cit. P. 276. Редакторы собрания бумаг Генри Клея не включили эту статью в публикацию. Локки, напротив, с оговорками следует за Ингхэмом – *Lockey J. B.* Op. cit. P. 403–408.

941

[Chew B.] A Sketch of the Politics, Relations, and Statistics, of the Western World, and of those Characteristics of European Policy which most immediately affect its interests: intended to demonstrate the necessity of a Grand American Confederation and Alliance. Philadelphia, 1827. Esp. pp. 197–199. Об авторстве Чеу писал анонимный корреспондент: Democratic Press. May 30, 1826. В: National Intelligencer. August 17, 1826. Странно, что памфлет Чеу и эта заметка ускользнули от внимания историков. К сожалению, архив семейства Чеу содержит исключительно семейную и деловую переписку и не проливает свет на общественные взгляды Бенджамина Чеу – HSP. Chew Family Papers.

Messages and Papers of the Presidents. Vol. II. P. 302.

NAR. Vol. 22. № 50 (Jan. 1826). P. 162–177.

944

Этот памфлет был переведен на английский и издан в Лиме Платтом Кросби – рукопись перевода в: HSP. John Sergeant Papers. Vol. 3. Folder 8.

945

См.: *Whitaker A. P.* Op. cit. P. 569–570. Краткое изложение тезисов статьи: Niles' Weekly Register. Vol. 29. P. 365 (February 4, 1826).

946

См.: Генри Клей – Алберту Галлатину, 8 ноября 1825 г.; Генри Клей – Ричарду Андерсону, 25 ноября 1825 г. – PHC. Vol. 4. P. 801, 851.

947

MJQA. Vol. VII. P. 156, 158, 160 (записи от 20, 22, 25 октября 1825 г.).

948

Альберт Галлатин – Генри Клею, 10 ноября 1825 г. – PHC. Vol. 4. P. 813. Ссылка на незнание испанского языка не выглядит столь уж убедительно, ведь родным языком Галлатина был французский, и он наверняка мог читать по-испански. В ходе же переговоров использование главного дипломатического языка того времени выглядело бы вполне естественно.

949

Генри Клей – Альберту Галлатину, 10 ноября 1825 г.; Альберт Галлатин – Генри Клею, 14 ноября 1825 г.; Генри Клей – Джону Сердженту, 16 ноября 1825 г. – Ibid. P. 814, 826, 832–833.

950

The Diary and Journal of Richard Clough Anderson, Jr. P. 237 passim.

951

См. текст особого послания президента от 26 декабря 1825 г.: Messages and Papers of the Presidents. Vol. II. P. 318–320.

Материалы сенатских дебатов см.: Register of Debates. 19 Congress. 1st sess. Col. 142–344, 384–405, 366, 589, 597–619, 623–642, 665–667, 671. Анализ дебатов см.: *Arragon R. F.* Op. cit. Vol. II. P. 376–519; *Perkins D.* Op. cit. P. 211–222; *Cayton A. R.* The Debate over the Panama Congress and the Origins of the Second Party System *I I* The Historian. Vol. 47. № 2 (February 1985); *Gleijeses P.* Op. cit. P. 495–502; *Malanson J. J.* The Congressional Debate over U.S. Participation in the Congress of Panama, 1825–1826: Washington's Farewell Address, Monroe's Doctrine, and the Fundamental Principles of U.S. Foreign Policy // Diplomatic History. Vol. 30. № 5 (Nov. 2006); *Hendrickson D.* C. Union, Nation, or Empire: The American Debate on International Relations, 1789–1941. Lawrence (Ks.), 2009. P. 94 – 103.

Messages and Papers of the Presidents. Vol. II. P. 329–340.

Ibid. P. 330, 332. Адамс прямо цитирует Библию (Лк.: 2, 14).

Ibid. P. 340.

National Intelligencer. April 22, 1826; Columbian Centinel. April 22, May 3, 6, 1826; National Gazette. May 2, 1826 (последние две газеты снабдили речь восторженными комментариями); Register of Debates. 19th Cong., 1st sess. Col. 2254–2277; The Papers of Daniel Webster / Charles M. Wiltse, Editor, Alan R. Berolzheimer, Ass. Editor. 15 vols. Hanover (N.H.), 1974–1989. Series 4: Speeches and Formal Writings. Vol. 1. P. 201–235.

957

Cm.: The Autobiography of Martin Van Buren / Ed. by John C. Fitzpatrick. Wash., D.C., 1920. P. 199–201.

Arragon R. F. Op. cit. Vol. II. P. 461–489; *Remini R. V.* Martin Van Buren and the Making of the Democratic Party. N.Y., 1959. P. 100–101, 105–113, 115–116; *Idem.* Henry

Clay: Statesman for the Union. P. 291–292; *Cayton A. R.* Op. cit.; *Dangerfield* G. The Era of Good Feelings. N.Y., 1952. P. 356 passim.

959

Подсчитано по: Dictionary of American Biography / Ed. by Allen Johnson and Dumas Malone. 22 vols. N.Y., 1928–1940; National Cyclopaedia of American Biography. 32 vols. (continued). N.Y., 1898–1945; The United States Congressional Directories, 1789–1840 / Ed. by Perry M. Goldman, James S. Young. N.Y., 1973.

См.: *Horsman R.* Race and Manifest Destiny: The Origins of American Racial Anglo-Saxonism. Cambridge (Ma.), 1981. P. 97. Бентон пугал публику «черными генералами и мулатами-сенаторами» – *Benton T. H.* Op. cit. Vol. I. P. 69.

Freehling W. W. Prelude to Civil War: The Nullification Controversy in South Carolina, 1816–1836. N.Y., 1965. P. 357.

962

Harvard University. Houghton Library. MS Sparks 141e (MS Sparks 123 Hist., vol. 12), запись от 30 марта 1826 г.

Niles' Weekly Register. Vol. 30. P. 1, 12–13, 33–35,169–170 (March 4,18, May 6,1826).

См.: *Cayton A. R.* Op. cit. Кэйтон, правда, ошибочно утверждает, что *вся* Новая Англия поддержала миссию. На экономическую аргументацию северной прессы указывает Рейнхольд: *Reinhold F. L.* New Research on the First Pan-American Congress Held at Panama in 1826 // HAHR. Vol. 18. № 3 (Aug. 1938).

965

Джозеф Джист – избирателям, 8 мая 1826 г. – Circular Letters of Congressmen to Their Constituents, 1789–1829. Vol. III. P. 1321–1322. Сам Джист подчеркивал, что не принадлежит ни к одной из этих партий.

966

The Diary and Journal of Richard Clough Anderson, Jr. P. 249 (запись от 8 апреля 1826 г., когда в Боготу дошли вести от 24 февраля).

Register of Debates. 19th Congress. 1st sess. Col. 401,403. Были и другие выпады в адрес Клея: так, представитель Мэриленда Джон Уимс (1778–1862) назвал государственного секретаря «великим политическим некромантом» – Ibid. Col. 2296 (15 апреля 1826 г.).

968

United States Telegraph. March 27, 1826. Клей полагал, что автором этой статьи также был Рэндольф – см.: Томас Джезэп – Эдварду Тэттноллу, 3 апреля 1826 г. – в: PHC. Vol. 5. P. 212.

969

Джон Криттенден – Генри Клею, 27 апреля 1826 г. – Ibid. P. 277; The Diary and Journal of Richard Clough Anderson, Jr. P. 261. Наиболее подробное описание дуэли одним из секундантов: *Benton T. H.* Op. cit. Vol. I. P. 70–77.

Remini R. V. Martin Van Buren and the Making of the Democratic Party. P. 137.

General Congress of Panama; *Observer*. Congress of Panama *I I* Columbian Centinel. December 14, 1825; March 11, 25, 1826.

Arragon R. F. Op. cit. P. 465–467.

973

См.: U. S. Telegraph. February 7, 1826 – May 8, 1826. Статьи против Панамского конгресса появляются практически в каждом номере и, пусть не блещут оригинальностью, захватывают неискушенного читателя энергией и напором.

U.S. Telegraph. April 6, 1826.

The Mystery Explained //U.S. Telegraph. March 9, 1826.

U.S. Telegraph. March 2, April 14, 1826.

977

См., например: Niles' Weekly Register. Vol. 29. P. 182, 273 (November 19, December 31, 1825).

Аррагон убедительно показывает, что джексоновская пресса была активнее в ходе Панамских дебатов: *Arragon R. F.* Op. cit. Vol. II. P. 61 In.

979

Brooke J. L. To be ‘Read by the Whole People’: Press, Party, and Public Sphere in the United States, 1789–1840 // AAS. Proceedings. Vol. 110. Pt. 1. Worcester (Ma.), 2002. Esp. pp. 47, 89. Кризис перехода Брук относит к 1830-м гг.

Luxon N N. Niles' Weekly Register, News Magazine of the Nineteenth Century. Baton Rouge (La.), 1947. P. 49–50.

Bemis S. F. Op. cit. P. 556; *Remini R. V.* Op. cit. P. 297–300. Лэнгли называет инструкции «искусно сотканным доказательством в пользу односторонней американской политики в делах [Западного] полушария» – *Langley L. D.* Struggle for the American Mediterranean: United States – European Rivalry in the Gulf Caribbean, 1776–1904. Athens (Ga.), 1976. P. 47.

Lockey J. B. Op. cit. P. 409–410. Детальный разбор инструкций см.: Ibid. P. 409–419, 421–426. О влиянии Адамса пишет и Бимис – см.: *Bemis S. F.* Op. cit. P. 556.

983

Messages and Papers of the Presidents. Vol. II. P. 331, 333–335.

984

Генри Клей – Ричарду Андерсону, Джону Сердженту, 8 мая 1826 г. – PHC. Vol. 5. P. 313–344.

985

Амфиктионии – союзы греческих племен, живших возле общего святилища и объединявшихся для его защиты. Спорные вопросы решались на третейском суде. О создании «амфиктионии» американских государств мечтал сам Боливар – см., например: *Глинкин А. Н.* Указ. соч. С. 206.

986

В 1825 г. президент Гаити Буайе в обмен на признание независимости согласился выплатить французским плантаторам солидную компенсацию и вдвое снизить все пошлины для французских коммерсантов – *Гонионский* С. *А.* Гаитянская трагедия. М., 1974. С. 42–57. Против такой, чисто номинальной независимости, предупреждал 6 декабря 1825 г. в своем первом ежегодном послании Адамс – Messages and Papers of the Presidents. Vol. II. P. 302. Он повторил это предупреждение в особом послании от 26 декабря – Ibid. P. 318. США признали независимость Гаитянской республики только в 1862 г., позднее всех других государств.

См.: *Rippy J. F.* Op. cit. P. 203–216.

В черновике инструкций содержался снятый потом довольно резкий выпад против монархической Бразилии, то есть, по сути, против Англии, которая поддерживала создание конституционных монархий на американском континенте.

989

PHC. Vol. 5. P. 331.

См.: *Гонионский* С. А. Указ. соч. С. 5 – 57; *Gleijeses P.* Op. cit. P. 502–505. Пример негритянской республики Гаити служил своего рода «пугалом» в системе аргументации южных плантаторов, причем реальное положение дел на острове мало кого интересовало – *Hunt A. N.* Haiti's Influence on Antebellum America: Slumbering Volcano in the Caribbean. Baton Rouge (La.), 1988.

Заметим, что и сам Боливар не являлся сторонником освобождения Кубы любой ценой. См.: Симон Боливар – Франсиско Сантандеру, 20 мая 1825 г. – *Боливар* С. Указ. соч. С. 122.

992

Маркиз де Лафайет – Дэниелу Уэбстеру, 12 марта 1826 г. – The Private Correspondence of Daniel Webster / Ed. by Fletcher Webster. Boston, 1857. Vol. I. P. 403.

993

Spanish American Observations on the Instructions given by the President of the United States of America [sic!] to the representatives of that Republic at the Congress held at Panama in 1826… L., 1829. Cm.: *Lockey J. B.* Op. cit. P. 286 passim; *Bemis S. F.* Op. cit. P. 560–561; *Remini R. V.* Op. cit. P. 175; *Moore J. B.* Henry Clay and Pan Americanism *I I* The Collected Papers of John Bassett Moore. 7 vols. New Haven (Ct.), 1944. Vol. IV.

Cm.: *Lockey J. B.* Op. cit. P. 420 – 424.

The Times. May 18, 1829. Цит. по: Ibid. P. 420.

996

Серджент опасался тропического лета и очень долго готовился к поездке. Он отплыл из Филадельфии только 1 декабря 1826 г. – см.: Джон Серджент – Генри Клею, 17 ноября 1826 г. – PHC. Vol. 5. P. 935. Плыть в Панаму было уже бессмысленно, так что Серджент направился в Мехико, где вместе с Пойнсетом ожидал созыва нового конгресса в Такубайе. Андерсон, впрочем, тоже вряд ли успел бы даже к концу Панамского конгресса: он отправился в путь из Боготы 12 июня и 11 июля (день начала болезни) только подошел к Картахене – The Diary and Journal of Richard Clough Anderson, Jr. P. 263–270.

997

С марта по начало июня 1827 г. Серджент направил Клею более десяти донесений, в которых описывал невозможность созыва конгресса – см.: Ibid. Vol. 6. P. 124–126, 168–169, 201–202, 262, 334–335, 368, 375, 453–454, 512, 542–543, 646–647. Тж.: Джоэль Пойнсет – Джону Куинси Адамсу, 8 июня 1827 г. – MHS. Adams Family Papers. Reel 480. 17n; HSP. Joel R. Poinsett Papers. Vol 4. Folder 12.

998

В отечественной литературе ход Панамского конгресса подробнее всего описан в: *Глинкин А. Н.* Указ. соч. С. 191–262; *Он же.* У истоков латиноамериканского единства // Подвиг Симона Боливара / Отв. ред. Ю. А. Зубрицкий. М., 1982. С. 82–88.

Masur G. Op. cit. P. 415.

1000

См., например: *Rippy J. F.* Op. cit. P. 240–246; *Kaufmann W. W.* British Policy and the Independence of Latin America, 1804–1828. New Haven (Ct.), 1951. P. 212–216.

1001

Эдвард Докинс – Джорджу Каннингу, 15 октября 1826 г. – BILA. Vol. II. P. 422–424. Говоря о проявленном в Мадриде неблагоразумии, Докинс имеет в виду поведение посланника США Александра Эверетта, не скрывшего от общественного мнения заинтересованности своей страны в сохранении власти Испании на Кубе и Пуэрто-Рико.

1002

National Gazette; Niles' Weekly Register. Vol. 31. P. 44–47 (September 16, 1826).

1003

Messages and Papers of the Presidents. Vol. II. P. 356.

1004

The Autobiography of Martin Van Buren. P. 199–201; *Benton T. H.* Op. cit. Vol. I. P. 65–66.

1005

Ibid. P. 66.

1006

Sargent N. Public Men and Events from the Commencement of Mr. Monroes Administration, in 1817, to the Close of Mr. Fillmore's Administration, in 1853. Philadelphia, 1875. Vol. I. P. 115–117.

1007

Биограф Ван-Бюрена не верит в это свидетельство Сарджента – *Remini R. V.* Martin Van Buren and the Making of the Democratic Party. P. 116.

Benton T. H. Op. cit. Vol. I. P. 69, 65, 92.

1009

Напрашивается любопытное сравнение. После Второй мировой войны война между социалистическими государствами казалась немыслимой. Такой взгляд старался опровергнуть югославский политик Эдвард Кардель в своей книге «Социализм и война» (1960). Он оказался прав: 1960-е гг. ознаменовались неоднократными пограничными столкновениями СССР и Китая, поставившими эти страны в 1969 г. на грань широкомасштабной войны (события на острове Даманском). Критический обзор «теории демократического мира» см. в: *Цыганков А. П., Цыганков П. А.* Кризис идеи «демократического мира» // Международные процессы. Т. 3. № 3 (сент. – дек. 2005).

См., например: *Whitaker A. P.* Op. cit. P. xii, 597 passim.

1011

Уильям Дуэйн – Томасу Джефферсону, 20 июня 1826 г. – Letters of William Duane // MHS. Proc. 2nd series. Vol. XX. 1906–1907. Boston, 1907. P. 386–387; Чарльз Тодд – Генри Клею, 8 мая 1823 г. – PHC. Vol. 3. P. 414.

1012

Niles' Weekly Register. Vol. 33. P. 276 (December 29, 1827); Vol. 34. P. 140 (April 26, 1828); Vol. 35. P. 41, 165, 349–350, 403–405 (September 13, November 8, 1828; January 24, 31, February 14, 1829).

1013

Александр фон Гумбольдт – Уильяму Дуэйну, 21 августа 1828 г. – цит. по: *Phillips K. T.* Op. cit. P. 526. Филипс ссылается на фотостат этого письма в: American Philosophical Society. Duane Family Papers, William J. Duane Papers. К сожалению, с тех пор он был утерян.

1014

Уильям Торнтон – Генри Клею, 5 октября 1826 г.; Уильям Торнтон – Джорджу Каннингу, 25 июня 1823 г. – LC. William Thornton Papers. Reel 3; National Intelligencer. April 5, 1828; Niles' Weekly Register. Vol. 34. P. 101 (April 5, 1828).

1015

Santangelo de Attelis O. Statement of Facts Relating to the Claim of Orazio de Attelis Santangelo, a Citizen of the United States, on the Government of Mexico, preceded by some explanatory remarks, and followed by a specified list of accompanying documents. Wash., D.C., 1841; *Jordan J.* Serious Actual Dangers of Foreigners and Foreign Commerce, in the Mexican States… Philadelphia, 1826. Имя «Джон Джордан», которым адвокат Сантанджело подписал свой памфлет, вероятно, являлось псевдонимом.

Судьба неистового республиканца Орацио де Сантанджело одновременно и удивительна, и типична для той эпохи. Маркиз из Молизе, он сражался в итальянской и русской кампаниях Наполеона и получил генеральский чин из рук самого Иоахима Мюрата, стал карбонарием и участвовал в неаполитанской революции 1820 г. и испанской 1823 г., а затем после их поражения бежал в 1824 г. в США, а в 1825 г. переехал в Мексику. В 1833 г. эксцентричный маркиз вновь вернулся в Мексику, откуда был опять выслан в 1835 г. за защиту техасских колонистов в своей газете. Тогда он продолжил агитацию за независимость Техаса в Новом Орлеане. В 1844 г. Сантанджело поддерживал президентскую предвыборную кампанию Генри Клея в Нью-Йорке, а в 1847 г. вернулся на родину, где принял участие в восстании за объединение Италии. Старый маркиз умер в гавани Чивитавеккья на пути обратно в США – Handbook of Texas Online (www.tshaonline.org/handbook/online/articles/SS/fsa60.html); *Resindez A.* Changing National Identities at the Frontier: Texas and New Mexico, 1800–1850. Cambridge, 2005. P. 146–147.

Lyman Th., Jr. Op. cit. Vol. II. P. 485.

1017

A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789–1897. Wash., D.C., 1896. Vol. II. P. 318–320, 329, 340, 384–385.

Ibid. P. 410–411.

1019

Неиндейское население Техаса в начале XIX в. составляло всего около 7 тыс. жителей – см.: *Альперович М.* С. США и Латинская Америка во второй трети XIX века // История внешней политики и дипломатии США, 1775–1877 / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М., 1994. С. 201.

Rippy J. F. Rivalry of the United States and Great Britain over Latin America. Baltimore (Md.), 1929. P. 247–253, 258 passim.

1021

Джоэль Пойнсет – Джеймсу Монро, 23 января 1823 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers. Vol. 2. Folder 8.

1022

Отказываясь от предложения, Джексон ссылался на Пойнсета и подчеркивал нецелесообразность признания режима Итурбиде, что стало бы предательством по отношению к мексиканским республиканцам: Эндрю Джексон – Джеймсу Монро, 19 февраля 1823 г., Эндрю Джексон – Джону Кофи, 10 марта 1823 г. – The Papers of Andrew Jackson / Ed. by Harold D. Moser, David R. Roth, et al. 7 vols. to date. Knoxville (Tn.), 1980–2007. Vol. V / Ed. by Harold D. Moser, David R. Roth, George H. Hoemann. Knoxville (Tn.), 1996. P. 251–252, 258.

1023

См., например: The First Forty Years of Washington Society in the Family Letters of Margaret Bayard Smith. N.Y., 1906. P. 165–166.

1024

Джоэль Пойнсет – Джосайе Джонсону, 4 февраля 1825 г.; Джоэль Пойнсет – Джеймсу Монро, 8 февраля 1825 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers, Gilpin Collection. Folder “1825”.

1025

MJQA. Vol. VI. P. 506 (запись от 11 февраля 1825 г.).

1026

Manning W. R. Early Diplomatic Relations Between the United States and Mexico. Baltimore (Md.), 1916. P. 31–42; *Rippy J. F.* Joel R. Poinsett, Versatile American. Durham (N.C.), 1935. P. 104–105. Предложение см.: Сэмюэль Сазард – Джоэлю Пойнсету, 17 июля 1824 г. – HSP. Papers of Joel R. Poinsett. Vol. II. Folder 10.

1027

На это впервые указал Декстер Перкинс – *Perkins D.* The Monroe Doctrine, 1823–1826. Cambridge (Ma.), 1927.. P. 199–200. Текст инструкций: Генри Клей – Джоэлю Пойнсету, 26 марта 1825 г. – PHC. Vol. 4. P. 166–177.

1028

С. Кэмберленг – Джоэлю Пойнсету, 30 марта 1825 г. Цит. по: *Parton D. M.* The Diplomatic Career of Joel Roberts Poinsett. Wash., D.C., 1934. P. 72.

1029

Джоэль Пойнсет – Джосайе Джонсону, 31 октября 1825 г.; Джоэль Пойнсет – Генри Клею, 4 июня, 5, 10 августа 1825 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers, Gilpin Collection. Folder

“1825”; PHC. Vol. 4. P. 415, 567, 573. См.: **Джоэль** Пойнсет – Генри Клею, 12 октября 1825 г., 26 августа 1826 г. – Ibid. Vol. 4. P. 733–734. Vol. 5. P. 649. В донесении от 12 октября 1825 г. Пойнсет также отмечал, что президент Гвадалупе Виктория «никогда не станет другом Соединенных Штатов», что «страна спокойна… [но] в республике без добродетели (virtue) и с большой регулярной армией всегда существует опасность». Пойнсет постоянно использовал синонимы «американская система» и «американская семья».

1030

См.: Генри Уорд – Джорджу Каннингу, 22, 27–28, 30 сентября 1825 г., 29 мая 1826 г. – BILA. Vol. I. P. 479–480,485-489,489–493, 508–510. Отзыв Уорда, в основном, был связан с его неумеренными финансовыми тратами: всего за два года он потратил 50 тысяч долларов – см.: *Rippy J. F.* Rivalry of the United States and Great Britain over Latin America. P. 99, 265, 285. Английский взгляд см. в: *Johnston* H. M. Missions to Mexico: A Tale of British Diplomacy in the 1820s. L., 1992.

1031

Томас Киттера (Kittera) – Джоэлю Пойнсету, 5 июня 1826 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers. Vol. 3. Folder 11; *Fuentes Mares J.* Poinsett, Historia de una Gran Intriga. Mexico, 1982. P. 98–99.

1032

Джоэль Пойнсет – Джону Куинси Адамсу, 26 апреля 1827 г. – MHS. Adams Family Papers. Reel 480.

1033

Джоэль Пойнсет – Джосайе Джонсону, 10 ноября 1826 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers, Gilpin Collection. Folder “1826”. Термин «американская партия» укрепился и использовался не только Пойнсетом. Ср.: Уильям Пэррот – Стивену Остину, 7 ноября 1827 г. – The Austin Papers / Ed. by Eugene Barker. Wash., D.C., 1924–1928. Vol. I. Pt. 2. P. 1708.

1034

National Gazette. B: National Intelligencer. December 13,1825; February 18,1826; Niles' Weekly Register. Vol. 29. P. 259 (December 24, 1825).

1035

National Intelligencer. August 17, 1826. На праздновании 4 июля тост за Пойнсета стал одним из трех в поддержку «южных братьев».

Parton D. M. Op. cit. P. 106–107; *Johnston* H. *M.* Op. cit. P. 209–210.

1037

Джоэль Пойнсет – Джосайе Джонсону, 25 мая, 31 октября 1825 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers, Gilpin Collection. Folder “1825”.

1038

Недоверие Уорда к католической церкви Ирландии в полной мере проявится, когда он станет депутатом парламента – см.: *Johnston* H. *M.* Op. cit.

1039

См. с. 59.

1040

Джоэль Пойнсет – Генри Клею, 18 июля, 13 сентября, 18 сентября 1825 г. – PHC. Vol. 4. P. 545, 640–641, 699–700.

1041

Генри Клей – Джоэлю Пойнсету, 9 ноября 1825 г. – Ibid. P. 802–805.

1042

Treaties and Other International Acts of the United States of America / Ed. by Hunter Miller. 8 vols. Wash., D.C., 1931–1948. Vol. 3. P. 414–416.

1043

Джоэль Пойнсет – Генри Клею, 12 июля 1826 г. – PHC. Vol. 5. P. 543–544. Генри Клей остался весьма неудовлетворен текстом договора: Генри Клей – Джоэлю Пойнсету, 27 сентября 1826 г. – Ibid. P. 721–723.

1044

Нератификация договора Мексикой стала для Соединенных Штатов неожиданностью. Будучи уверен в успешной ратификации, Адамс 8 февраля направил договор на рассмотрение в Сенат, не дожидаясь известий из Мехико – Messages and Papers of the Presidents. Vol. II. P. 373.

Cm.: *Setser V.* G. The Commercial Reciprocity Policy of the United States, 1774–1829. Philadelphia, 1937. P. 247–249.

Так, например, разъяснял мексиканским властям содержание договора Генри Уорд – *Rippy J. F.* Op. cit. P. 97.

1047

Brack G. M. Mexico Views Manifest Destiny, 1821–1846: An Essay on the Origins of the Mexican War. Albuquerque (N.M.), 1975. P. 39–42.

Treaties and Other International Acts… Vol. 3. P. 599–633.

1049

См.: Генри Клей – Джоэлю Пойнсету, 26 марта, 24 сентября 1825 г.; Джоэль Пойн-сет – Генри Клею, 18 июня, 22 июля, 17 августа 1825 г. – PHC. Vol. 4. P. 176, 682; 447–448, 549, 578. Инициатором идеи строительства дороги был миссурийский сенатор Томас Харт Бентон.

1050

См.: *Sibley G. C.* The Road to Santa Fe: The Journal and Diaries of George Champlin Sibley and Others Pertaining to the Surveying and Marking of a Road from the Missouri Frontier to the Settlements of New Mexico, 1825–1827 / Ed. by Kate L. Gregg. Albuquerque (N.M.), 1995.

1051

Джоэль Пойнсет – Генри Клею, 14 января, 18 января, 17 мая 1826 г. – PHC. Vol. 5. P. 36, 44, 372; Генри Клей – Джоэлю Пойнсету, 23 июня 1826 г. – Ibid. P. 496.

1052

National Intelligencer. January 12, 17, 1828. Лишь позднее были услышаны критические голоса. Бостонская газета назвала изгнание «ненужной жестокостью» – Columbian Centinel. June 28, 1828. Кстати, многие испанские беженцы отправлялись из Мексики на Кубу через Новый Орлеан на североамериканских кораблях – *Hall B.* Travels to North America in the Years 1827 and 1828. Philadelphia, 1829. Vol. II. P. 287–288.

Cm. **c.** 231–234.

1054

Джоэль Пойнсет – Джону Куинси Адамсу, 8 июня 1827 г. – MHS. Adams Family Papers. Reel 480.

1055

Exposicion de la conducta politica de los Estados-Unidos, para con las nuevas repdblicas de America. Mexico, 1827.

1056

National Gazette, September 1, 1827; Niles' Weekly Register. Vol. 33. P. 13–14, 23–26 (September 1, 8, 1827); National Intelligencer. September 5, 1827. Полный перевод документа см. в: DCLA. Vol. III. P. 1663–1668. Текст манифеста был, естественно, прислан и государственному секретарю: Джон Серджент – Генри Клею, 1 августа 1827 г. – PHC. Vol. 6. P 838–839. Сам Пойнсет выслал его Уолшу в "National Gazette": Джоэль Пойнсет – Джосайе Джонсону, 6 октября 1827 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers, Gilpin Collection. Folder "1827".

1057

Джоэль Пойнсет – Джону Куинси Адамсу, 26 апреля, 8 июня, 18 июля 1827 г. – MHS. Adams Family Papers. Reel 480; HSP. Joel R. Poinsett Papers. Vol 4. Folder 12. Тж.: Джоэль Пойнсет – Генри Клею, 8, 10 августа 1827 г. – MHS. Adams Family Papers. Reel 480; Джоэль Пойнсет – Джеймсу Монро, 7 февраля 1828 г. – EC. Papers of James Monroe. Reel 9.

1058

В письме другу он писал: «Наше величие и Процветание триумфально опровергли их теорию, что большая и протяженная республика есть неосуществимая (visionary) схема»: Джоэль Пойнсет – Джосайе Джонсону, 6 октября 1827 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers, Gilpin Collection. Folder “1827”

1059

Джоэль Пойнсет – Джосайе Джонсону, 24 сентября 1828 – HSP. Joel R. Poinsett, Gilpin Collection. Folder “1828”.

1060

Генри Клей – Джону Куинси Адамсу, 15, 23 августа, 24 сентября 1827 г. – PHC. Vol. 6. P. 906, 950–952, 1063–1064. Клей планировал заменить Пойнсета виргинцем Джеймсом Барбуром (1775–1842), тогда занимавшим пост военного министра. Свои первые сомнения в Пойнсете Клей выразил по возвращении своего сына из Мехико: MJQA. Vol. VII. P. 276–277 (запись от 24 мая 1827 г.).

1061

Джон Куинси Адамс – Генри Клею, 1 октября 1827 г.; Генри Клей – Джоэлю Пойнсету, 9 ноября 1827 г. – PHC. Vol. 6. P. 1101–1102, 1284–1286.

Rippy J. F. Joel R. Poinsett, Versatile American. P. 124.

1063

Джоэль Пойнсет – Джосайе Джонсону, 15 августа 1827 г. Тж.: он же – тому же, 6 октября 1827 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers, Gilpin Collection. Folder “1827”.

1064

Роберт Уолш – Джоэлю Пойнсету, 12 ноября 1826 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers. Vol. 3. Folder 17.

1065

[Poinsett J. R.] Mexico // AQR. Vol. II. № 4 (Sept. – Dec. 1827). P. 338–362.

Ibid. P. 344–345, 360.

1067

[Poinsett J. R.] Mexico // AQR. Vol. VIII. № 14 (Mar. – June 1830). P. 459.

1068

Джоэль Пойнсет – Джосайе Джонсону, 9 ноября 1827 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers, Gilpin Collection. Folder “1827”.

1069

См.: Джоэль Пойнсет – Джону Куинси Адамсу, 26 апреля 1827 г.; он же – Джосайе Джонсону, 9 ноября 1827 г. – MHS. Adams Family Papers. Reel 480; HSP. Joel R. Poinsett Papers, Gilpin Collection. Folder “1827”. Кстати, Пойнсет предвидел не только победу йоркинос, но и мятеж эскосесес.

[Poinsett J. R.] Op. cit. P. 461.

1071

См.: *[Walsh R.]* Joel Poinsett // The National Portrait Gallery of Distinguished Americans. Philadelphia – N.Y. – L., 1834. Vol. 1. s.p.

National Intelligencer. January 24, 27, February 7, 1829.

1073

Джоэль Пойнсет – Джосайе Джонсону, 24 сентября 1828 г., 11 февраля 1829 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers, Gilpin Collection. Folders “1828”, “1829 (2)”

1074

Антонио Санта Анна – Джоэлю Пойнсету, 3 января 1829 г.; Висенте Герреро – Джоэлю Пойнсету, 11 января 1829 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers. Vol. 5. Folders 11, 12.

1075

Висенте Герреро – Эндрю Джексону, 1 июля 1829 г. – Цит. по: *Rippy J. F.* Op. cit. P. 128–129.

1076

Causas para declarar la Guerra a los Estados-Unidos del norte y delitos del ministro Poinsett / por un Amante de su Patria. Mexico: C. C. Sebring, 1829.

[Poinsett J. R.] Op. cit. P. 469.

1078

Cm.: Niles' Weekly Register. Vol. 28. P. 50, 232 (March 13, May 22, 1830).

1079

National Intelligencer. September 20, 1828. Обрегону было 32 года.

Guedea V, *Rodriguez* O., *J. E.* How Relations between Mexico and the United States Began // Myths, Misdeeds, and Misunderstandings: the Roots of Conflict in U.S. – Mexican Relations. Wilmington (Del), 1997. P. 37; *Fuentes Mares J.* Op. cit. P. 216. Последняя книга под заголовком «Пойнсет, история большой интриги» выдержала с 1951 по 1982 гг. семь изданий, последнее – тиражом в семь тысяч экз., что свидетельствует о важности темы для мексиканского сознания.

Заметим, что пойнсеттия стала не единственным вкладом посланника в знания о Мексике. Пойнсет отправлял собранные им индейские древности и литературу в Американское философское общество, за что был избран его членом: Пьер Дюпонсо – Джоэлю Пойнсету, 9 ноября 1826 г., 3 марта 1827 г., 15 августа 1827 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers. Vol. 3. Folder 17. Vol. 4. Folders 5, 13.

1081

From Colombia [по статьям в “Aurora” и “N.Y. Mercurial Advertiser”] // National Intelligencer. December 6,1827; The Colombian Republic // Baltimore American. B: National Intelligencer. October 21, 1828.

1082

Cm.: *Parks E. T.* Colombia and the United States, 1765–1934. Durham (N.C.), 1935. P. 153–158.

1083

MJQA. Vol. VII. P. 223, 232 (записи от 9,26 февраля 1827 г.). Vol. VIII. P. 4, 17 (записи от 20, 28 мая 1828 г.).

1084

Генри Клей – Уильяму Гаррисону, 13 октября 1828 г. – Цит. по: *Parks E. T.* Op. cit. P. 154.

1085

Harrison B. Remarks of General Harrison, Late Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary of the United States To the Republic of Colombia, on certain charges made against him by that government. To which is added, and unofficial letter, from General Harrison to General Bolivar, on the affairs of Colombia; with Notes, Explanatory of his Views of the Present State of that Country. Wash., D.C., 1830. P. 4.

1086

Уильям Гаррисон – Мартину Ван-Бюрену, 27 марта, 27 мая 1829 г. – Цит. по: Ibid.

Harrison B. Op. cit. P. 12–18. Об открытых письмах Уоттса и Гаррисона Боливару см. с. 378–379, 390.

1088

Эдвард Тэйло – Джоэлю Пойнсету, 24 марта 1829 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers. Vol. 5. Folder 14.

1089

Хосе Мария де Пандо – Уильяму Тюдору, 4 января 1827 г.; Альфред Кобб (консул в Арике) – Уильяму Тюдору, 27 января, 16 июля 1827 г. – Harvard Univerisity. Houghton Library. William Tudor Papers. Box 2, 1.

1090

См.: **Уильям** Тюдор – Генри Клею 12 июня 1825 г.; 28 февраля 1826 г., 11 июня 1826 г.; Сэмюэль Смит – Генри Клею, 23 октября 1826 г. – PHC. Vol. 4. P. 435. Vol. 5. P. 138, 426–427, 818.

1091

Генри Клей – Джеймсу Кули, 6 ноября 1826 г. – Ibid. P. 865–870. О подготовке инструкций см.: Генри Клей – Сэмюэлю Смиту, 26 октября 1826 г. – Ibid. P. 830–831.

1092

См. переписку Тюдора с Никсоном и Маколлом, Мэлингом, Фермином де Иманой, Льяверией – Harvard University. Houghton Library. William Tudor Papers; Boston Athenaeum. William Tudor Papers.

1093

См.: Айзек Халл – Уильяму Тюдору 15 января 1826 г. – Harvard University Houghton Library William Tudor Papers. Box 1.

1094

Уильям Тюдор – Генри Клею, 5 июля 1826 г. – PHC. Vol. 5. P. 526–527.

1095

Уильям Тюдор – Джареду Спарксу, 2 декабря 1826 г., 19 февраля 1827 г. – Harvard University. Houghton Library. MS Sparks 153.

1096

Делия Тюдор Стюарт (дочь) – Уильяму Тюдору, 13 января 1828 г.; она же – ему же, 8 сентября 1828 г. – Harvard University. Houghton Library William Tudor Papers. Box 2; MHS. William Tudor Letters Received. По иронии истории, Делии-младшей (1816–1898) предстоит стать матерью еще одного героя освободительного движения – ирландского патриота Чарльза Парнелла (1846–1891).

1097

Уильям Радклиф – Джоэлю Пойнсету, 3 декабря 1828 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers. Vol. 5. Folder 9.

1098

Альфред Кобб – Уильяму Тюдору, 16 июля 1826 г. – Harvard University. Houghton Library William Tudor Papers. Box 1.

1099

Хеман Аллен – Генри Клею, 1 сентября 1825 г. – PHC. Vol. 4. P. 614.

Rippy J. F. Rivalry of the United States and Great Britain Over Latin America. P. 138.

1101

См.: **Джон** Форбс – Генри Клею, 26 марта; 30 марта 1825 г. – PHC. Vol. 4. P. 179, 197.

1102

Генри Клей – Джону Форбсу, 14 февраля 1825 г. – Ibid. Vol. 4. P. 246–250.

1103

См.: *Stewart W.* United States – Argentine Commercial Negotiations of 1825 *11* HAHR. Vol. 13. № 3 (Aug. 1933). P. 367–371.

1104

Инструкции государственного секретаря поверенному в делах в Буэнос-Айресе включали полномочия на подписание договора – Генри Клей – Джону Форбсу, 14 апреля 1825 г. – PHC. Vol. 4. P. 246–250. Однако сделано ничего не было. Уже после завершения аргентино-бразильской войны борьба унитариев и федералистов ввергла Аргентину в гражданскую войну. После ухода Клея с поста государственного секретаря Форбс утверждал, что в провале переговоров якобы виновен Клей, настаивавший в своих инструкциях от 14 апреля 1825 г. на договоре по принципу взаимности в противовес принципу наибольшего благоприятствования. – см.: *Rippy J. F.* Op. cit. P. 143η.

1105

Джон Форбс – Генри Клею, 17–22 июня, 15 июля, 3 августа, 5 сентября, 25 октября 1826 г.; Генри Клей – Джону Форбсу, 23 октября 1826 г. – PHC. Vol. 5. P. 437–438, 548–549, 588, 670, 828, 817–818.

National Intelligencer, May 17, 19, 29, June 5, 7; Niles' Weekly Register. Vol. 32. P. 250 (June 9, 1827); Columbian Centinel, June 25, 1827.

1107

MJQA. Vol. VII. P. 272–273, 401 (записи от 12 мая 1827 г., 10 января 1828 г.). 10 января 1828 г. за Рэгета приходил просить сенатор от Пенсильвании, сторонник администрации Адамса Уильям Маркс (1778–1858).

1108

Philadelphia Gazette, May 27 1828; United States Telegraph, June 2, 1828; тж.: Ibid. April 9, May 8, July 8, September 22,1828 – цит. в: *Hargreaves M. W.* The Presidency of John Quincy Adams. Lawrence (Ks.), 1985. P. 75, 336n. Тж.: Ibid. P. 78–79.

1109

Джон Куинси Адамс – Уильяму Тюдору, 27 декабря 1827 г. – MHS. Adams Family Papers. Oversize.

1110

См.: Treaties and Other International Acts… Vol. III. P. 485–487. В ходе аргентино-бразильской войны Бразилия активно задерживала иностранные суда, объявив блокированным все вражеское побережье. Выплаты Бразилии растянулись на 20 лет и составили в общей сложности 166845 долларов – Ibid. P. 487–505.

Ibid. P. 451–484. Ход переговоров см.: Генри Клей – Уильяму Тюдору, 23 октября 1827 г., 29 марта, 31 марта 1828 г.; Уильям Тюдор – Генри Клею, 5 августа, 27 августа, 30 сентября, 22 октября 1828 г. – PHC. Vol. 6. P. 1179–1184. Vol. 7. P. 200–203, 205–206, 416–417,442 – 443,477,513–514. См. тж.: *Hill L. F.* Diplomatic Relations between the United States and Brazil. Durham (N.C.), 1932. P. 26–73.

Treaties and Other International Acts… Vol. III. P. 195–199; 523–525.

1113

См., например: Niles' Weekly Register. Vol. 39. P. 175, 224, 241 (November 6, 27; December 4, 1830). О тяжелейшем состоянии Великой Колумбии, наступившем после, казалось, благополучного 1825 г., см.: *[Cushing* С.] [Рец. на:] Miller's Memoirs // AQR. Vol. VI. № 11. (Sept. – Dec. 1829). P. 16.

1114

Chandler Ch. L. Inter-American Acquaintances. Sewanee (Tn.), 1917. P. 114–138; *WilgusA.* C. Some Activities of United States Citizens in the South American Wars of Independence, 1808–1824 // Louisiana Historical Quarterly. Vol. 14. № 2 (Apr. 1931). P. 182–203.

1115

Porter D. D. Memoir of Commodore David Porter of the United States Navy. Albany (N.Y.), 1875. P. 346–347. Североамериканское общественное мнение было на стороне коммодора. См., например: Columbian Centinel. September 27, 1826. Со ссылкой на нью-йоркский источник газета даже утверждала, что Лафайет заплакал, узнав о приговоре Портеру по «делу Фахардо».

1116

Дэвид Портер – Джоэлю Пойнсету, 21 августа 1825 г. Официальное приглашение: Пабло Обрегон – Дэвиду Портеру, 24 сентября 1825 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers, Gilpin Collection. Folder “David Porter to J. R. Poinsett and miscellaneous, 1816–1829”

1117

Дэвид Портер – своей жене Эвелине Портер, 1, 5, 26 июля 1826 г. – LC. Papers of David D. Porter. Vol. 3.

1118

Дэвид Портер – своей жене Эвелине Портер, 11 ноября 1826 г. – Ibid. Vol. 4; Дэвид Портер – Джоэлю Пойнсету, 26 июля, 6, 30 сентября 1826 г. – Joel R. Poinsett Papers, Gilpin Collection. Folder “David Porter to J. R. Poinsett…” В последнем письме Портер утверждал, что настоящие морские офицеры получатся только из следующего поколения мексиканцев.

1119

Джон Зэндер (Zander) – Дэвиду Портеру, Новый Орлеан, 6 апреля 1827 г.; Фредерик Гэй – Дэвиду Портеру, Бостон, 14 июля 1827 г. Рекомендации офицеров см., например: Томас Ширли – Дэвиду Портеру, 24 января, 25 февраля 1827 г., etc. – LC. Papers of David D. Porter. Vol. 4.

1120

Дэниел Ингаллс (Ingalls), мл. – Дэвиду Портеру, 16 июля 1827 г.; Мэлон Диккинсон – Дэвиду Портеру, 13 апреля 1827 г. – Ibid. Box 15. Folder “1827”.

1121

Уильям и Джозеф Дювалль, поставщики флота США, – Дэвиду Портеру, 12 мая 1827 г.; Уильям Портер – Дэвиду Портеру, 12 мая 1827 г., etc. – Ibid. Vol. 4.

1122

Томас Пинкни – Дэвиду Портеру, 31 мая 1827 г. – Ibid. В бумагах Портера сохранились и другие рекомендации Джона Рутледжа. Речь, видимо, идет о том самом Джоне Генри Ратледже (1809–1830), который покончил с собой в имении Хэмптон, поскольку родственники противились его женитьбе на девушке неблагородного звания.

1123

Freemans Journal (Philadelphia). November 2, 1826. B: National Intelligencer. November 7, 1826.

1124

Commodore Porter // National Intelligencer. October 11, 1825 (статья написана, когда возможность такого перехода только обсуждалась).

1125

[Cushing/.] Mexico // NAR. Vol. XXIII. № 53 (Oct. 1826). P. 475.

1126

The Navy of Mexico // National Intelligencer. December 30,1826 (сведения от 13 октября).

1127

Ibid. May 31, 1827.

Porter D. D. Op. cit. P. 352–355.

1129

См. меморандум Портера 1827 г. о действиях флота с ноября 1826 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers, Gilpin Collection. Folder “David Porter to J. R. Poinsett…”

1130

Дэвид Портер – Джоэлю Пойнсету, 23 июня 1827 г. – Ibid.

1131

Он же – ему же, 7 января 1828 г. – Ibid. Призовые деньги – сумма от продажи трофеев, которая в установленных долях делится между членами экипажа боевого корабля. В США это правило было отменено только в 1899 г., а в Англии – вообще в 1948 г. См.: *Petrie D. A.* The Prize Game: Lawful Looting on the High Seas in the Days of Fighting Sail. Annapolis (Md.), 1999.

1132

Дэвид Портер – Роберту Хейну, декабрь 1829 г. – LC. Papers of David D. Porter. Box 15. Folder “1828–1829”. F. 3 verso.

1133

Узнав о пожаловании, Портер стал отстаивать идею строительства канала через Теуантепек, видимо, в надежде заработать. Получить имущественные права на эти 372 тыс. акров не удалось и к 1875 г. – земля к тому времени была уже много раз передарена – *Porter D. D.* Op. cit. P. 368, 383–384. О семейных долгах см.: Уильям Д. Смит (Банк США) – Эвелине Портер, 5 ноября 1828 г. – LC. Papers of David D. Porter. Vol. 4.

1134

См., например: Дэвид Портер – Джоэлю Пойнсету, 15 марта 1827 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers, Gilpin Collection. Folder “David Porter to J. R. Poinsett…” В этом письме Портер даже надеется, что Пойнсету удастся убедить мексиканское правительство выстроить пароход.

1135

Дэвид Портер – Джоэлю Пойнсету, 29 августа, 10, 14 ноября 1827 г. – Ibid.

1136

Гильермо (Уильям) Уайз (Wyse) – Дэвиду Портеру, 19 ноября 1828 г. – LC. Papers of David D. Porter. Vol. 4.

1137

См.: Эдвард Гриттен – Дэвиду Портеру, 30 августа 1828 г. – Ibid.

1138

Дэвид Портер – Джоэлю Пойнсету, 6 сентября; 26 июля, 30 сентября 1826 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers, Gilpin Collection. Folder “David Porter to J. R. Poinsett…”

1139

Дэвид Портер – Джоэлю Пойнсету, 19–20 января, 30 октября 1827 г. – Ibid.

1140

Несколько свидетельств см. в: *Старцев А. И.* Русско-американские этюды. М., 1995. С. 162–164.

1141

См.: Дэвид Портер – Джоэлю Пойнсету, 27,29 февраля, 8 марта, 3,16 июня, 4 июля 1828 г. Вопрос о пенсии сестре Портера вызвал разговоры в прессе. См.: Noticioso Comercial y Cientifico (Veracruz). № 598, Febrero 20, 1829 (статья “Un Patriota” против Портера); Ibid. Suplemento. № 602 (статья “Un Marino” в поддержку Портера). Власти всячески задерживали решение, требуя официального подтверждения, что погибший офицер не был женат: Монтесума – Дэвиду Портеру, 21 февраля 1829 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers, Gilpin Collection. Folder “David Porter to J. R. Poinsett.. ”. История попала и в американские газеты: National Intelligencer. May 17, 1828. О битве “Guerrero” 10 февраля 1828 г. см.: *LongD. F.* Nothing too Daring: A Biography of David Porter, 1780–1843. Annapolis (Md.), 1970. P. 272–274. Потеря этого фрегата стала для слабого мексиканского флота тяжелейшим ударом.

Porter D. D. Op. cit. P. 388–389; *LongD. F.* Op. cit. P. 278–279.

1143

Commodore Porter // National Intelligencer. September 11, 1828.

1144

Niles' Weekly Register. Vol. 35. P. 41 (September 13, 1828). Тж.: Ibid. Vol. 35. P. 165 (November 8, 1828). «Тысячи моряков» – это, конечно, преувеличение.

Ibid. Vol. 35. P. 85 (October 4, 1828).

Porter D. D. Op. cit. P. 391.

1147

Дэвид Портер – Роберту Хейну, декабрь 1829 г. – LC. Papers of David D. Porter. Box 15. Folder “1828–1829”.

Цит. в: *LongD. F.* Op. cit. P. 283.

1149

Напомним, что смысл системы – в опоре учителя на старших, более подготовленных учащихся («мониторов»), которые учат младших детей и помогают следить за порядком. Учебники обычно построены по принципу вопросов и ответов – Ланкастер даже называл их катехизисами. При соблюдении строгой дисциплины один учитель может заниматься с 200–300 учениками, что, очевидно, резко удешевляет расходы на школы, делает образование доступным. Система использовалась не только в странах Европы и Америки, но и среди индейцев чероки, в Сьерра-Леоне, Сенегале – AAS. Papers of Joseph Lancaster. Box 14. Folder 4 (Testimonials).

1150

Racine K. “This England and This Now”: British Cultural and Intellectual Influence in the Spanish American Indepedence Era // HAHR. Vol. 90. № 3 (Aug. 2010). P. 440.

1151

From Peru // Baltimore American. B: National Intelligencer. June 30, 1825.

1152

См.: *Шульговский А.* Ф. О социальных и политических идеалах Боливара // *Боливар* С. Избранные произведения. М., 1983. С. 217, 220.

Racine K. Op. cit. P. 438–442.

1154

Хуан Херман Россио – Мануэлю Торресу, 1 сентября 1819 г. – *Urrutia F. J.* Los Estados Unidos de America y las Naciones Hispanoamericanas de 1810 a 1830. Paginas de Historia Diplomatica. Madrid, 1918. P. 176–177.

1155

В сочинении «Об общественном образовании» Боливар, обычно подчеркивавший уважение к католицизму, призывает хмурых учителей старой складки убираться в Саламанку (этот университет был одним из последних оплотов схоластического знания в Европе). Вообще его критика старого образования – это, по сути, критика образования католического – *Боливар* С. Указ. соч. 132, 131–136. Сторонником ланкастерской системы был ярый антикатолик Висенте Пасос – *Pazos [Kanki] V.* Letters on the United Provinces of South America. N.Y., 1819. P. 106–107; *Idem.* Memorias Historico-Politicas. T. I. L., 1834. P. 336–339.

1156

Уильям Торнтон – Мануэлю де Сарратеа, 8 июня 1820 г. – LC. William Thornton Papers. Reel 3. Vol. 5. До 6 марта 1820 г. Мануэль де Сарратеа возглавлял правительство Буэнос-Айреса, и весть о его смещении не успела дойти до Торнтона.

1157

Thomson J. Letters on the moral and religious state of South America; written during a residence of nearly seven years in Buenos Aires, Chile, Peru, and Colombia. L., 1827. См.: *Browning W. E.* Joseph Lancaster, James Thomson, and the Lancasterian System of Mutual Instruction, with Special Reference to Hispanic America // HAHR. Vol. 4. № 1 (Feb. 1921). Высокие оценки деятельности Томсона см. в: National Intelligencer, June 1, 1820 (цит. по: Baltimore Patriot); *Miller W.* Memoirs of General Miller, in the Service of the Republic of Peru. L., 1828. Vol. II. P. 311; *Graham M.* Journal of a Residence in Chile during the Year 1822, and a Voyage from Chile to Brazil in 1823. Charlottesville (Va.), 2003. P. 36–37.

Thomson J. Op. cit. P. 294.

1159

[Sparks J.] Gold and Silver in Mexico *11* NAR. Vol. XXI. № 49 (Oct. 1825). P. 442. Школу в Гуадалахаре возглавлял один из первых учеников Ланкастера Ричард Джонс, женатый на его единственной дочери Элизабет. Один из внуков педагога войдет в число влиятельных государственных чиновников при Порфирио Диасе – *Vaughan E.* Joseph Lancaster en Caracas (1824–1827). Y sus relaciones con el Libertador Simon Bolivar, con datos sobre las escuelas lancasterianas en Hispanoamerica en el siglo XIX, y apuntes sobre los esfuerzos que hizo la sociedad biblica britanica y extranjera en distribuir las sagradas escrituras en espanol en sus territorios. T. I–II. Caracas, 1987–1989. Vol. II. P. 179.

1160

Ланкастер покинул Лондон 15 июня и прибыл в Нью-Йорк 29 августа 1818 г. См.: National Intelligencer, Aug. 29, 1818; *Lancaster J.* Epitome of some of the chief events and transactions in the Life of Joseph Lancaster, containing an account of the rise and progress of the Lancasterian system of education; and the author's future prospects of usefulness to mankind; Written by himself, and published to promote the education of his family. New Haven (Ct.), 1833. P. 11; AAS. Papers of Joseph Lancaster. Box. 3. Lolder 1; Box 15. Bolder 6 (Notes on Emigration to the U.S., 1818). О банкротстве см.: Ibid. Box 15. Lolder 10 (Broadsides and Newspapers).

1161

Например, в июле 1819 г. во время лекционного тура по Массачусетсу Ланкастер проехал 845 миль, выступил в общей сложности перед 15780 слушателями и заработал 704 доллара – Ibid. Box 15. Polder 6.

Robertson W. S. The Life of Miranda. N.Y., 1929. Vol. II. P. 85; *Vaughan E.* Op. cit. T. I. P. 29–30. Двух молодых венесуэльцев впоследствии направили в Лондон, чтобы те выучились ланкастеровской методике. Всего в Англии в 1810-е – 1820-е гг. прошли обучение ланкастеровскому методу по крайней мере восемь выходцев из Испанской Америки – *Racine K.* Op. cit. P. 439.

1163

Брук Янг – Джозефу Ланкастеру, 2, 16 октября 1823 г. – AAS. Papers of Joseph Lancaster. Box 3. Polder 2.

1164

Гильермо (sic!) [Уильям] Гамильтон – Джозефу Ланкастеру, 31 декабря 1823 г.; Роберт Лоури – Джозефу Ланкастеру, 20 января 1824 г. – Ibid. Box 3. Folder 2 (оригинал первого письма – Box 13. Folder 5).

1165

Роберт Лоури – Джозефу Ланкастеру, 11, 27 февраля 1824 г. – Ibid. Box 3. Folder 2.

1166

Брук Янг – Джозефу Ланкастеру, 24 мая, 16 июня 1824 г. – Ibid.

1167

Х. Мендоса – Роберту Портеру, 7 апреля 1827 г. – Ibid. Box 13. Folder 6; *Lancaster J.* Op. cit. P. 40. На учебное заведение было ассигновано три тысячи песет в год.

1168

Джозеф Ланкастер – Деуитту Клинтону, 10 февраля 1824 г. – Columbia University. Butler Library. Papers of DeWitt Clinton. Reel 4. Vol. 12.

1169

Рудольф Аккерман – Джозефу Ланкастеру, 5 мая 1825 г. – AAS. Papers of Joseph Lancaster. Box 3. Folder 2. P. 129 (оригинал в: Box 13. Folder 5). Испаноязычные издания Рудольфа Аккермана для Латинской Америки изучены в превосходной монографии: *Rolddn Vera E.* The British Book Trade and Spanish American Independence: Education and Knowledge Transmission in Transcontinental Perspective. Aldershot (Hampshire) – Burlington (Vt.), 2003. Основное место в этом издательском потоке занимали именно учебники (катехизисы) для ланкастерских школ.

1170

Сэмюэль Паулс (Powles), 14 мая 1825 г. – AAS. Papers of Joseph Lancaster. Box 3. Folder 2. P. 130.

1171

Дж. Хоу – Джозефу Ланкастеру, 4 марта 1826 г., 13 февраля 1827 г. – Ibid. P. 150, 160.

1172

Рудольф Аккерман – Джозефу Ланкастеру, 3 ноября 1825 г. – Ibid. P. 137–138.

1173

Подполк. Брук Янг – Джозефу Ланкастеру, 20 августа 1825 г. – Ibid. P. 134.

1174

[Niles J. M.] View of South America and Mexico… N.Y., 1826. Vol. 2. P. 28. Vol. 1. P. 125, 202. Сведения Найлса восходят к статье в: Niles' Weekly Register (перепечатано из: Dumphries Courier). Vol. 28. P. 179 (May 21,1825). См. **тж.:** *[Sparks J.]* Travels in Colombia // NAR. Vol. XX. № 48 (July 1825). P. 177.

1175

Деуитт Клинтон – Джозефу Ланкастеру, 26 сентября 1825 г. – AAS. Papers of Joseph Lancaster. Box 3. Folder 2.

1176

The London Courier. November 16, 1825. По: El Colombiano. September 21, 1825 – вырезки в: A AS. Papers of Joseph Lancaster. Box 15. Folder 7; Niles' Weekly Register. Vol. 29. P. 121 (October 22, 1825).

1177

Б. Салливан – Джозефу Ланкастеру, 23 августа 1825 г.; Огден Найлс – ему же, 5 сентября 1825 г.; Деуитт Клинтон – ему же, 26 сентября 1825 г.; Джон Уэстон (Балтимор) – ему же, 18 октября 1825 г.; Дж. Хоу – ему же, 29 октября 1825 г. – Ibid. Box 3. Folder 2. P. 134–135, 137.

1178

Томас Уайт – Генри Клею, 20 марта 1826 г. – PHC. Vol. 5. P. 184–185.

1179

Рудольф Аккерман – Джозефу Ланкастеру, 4 октября 1826 г. См. тж.: Х. Дж. Лад (Lud) – Джозефу Ланкастеру, 28 февраля, 16 июня 1826 г.; Рудольф Аккерман – ему же, 11 февраля 1826 г. – AAS. Papers of Joseph Lancaster. Box 3. Folder 2. P. 162–163, 149, 156, 148–149 (оригинал писем Аккермана в: Box 13. Folder 6). Последняя попытка получить деньги: Джозеф Ланкастер – Дж. Паулсу, 1 марта 1827 г. – Ibid. Box 13. Folder 7.

1180

Рудольф Аккерман – Джозефу Ланкастеру, 3 ноября, 7 декабря 1825 г.; Дж. Паулс – Дж. Д. Паулсу, 24 декабря 1825 г. – Ibid. Box 3. Folder 2. P. 137–138, 140, 142.

1181

Дж. Хоу – Джозефу Ланкастеру, 23 августа 1826 г. – Ibid. Box 3. Folder 2.

1182

Джозеф Ланкастер – Деуитту Клинтону, 19 октября 1826 г. – Butler Library, Columbia University. Papers of DeWitt Clinton. Reel 4. Vol. 14.

1183

Republic of Colombia // Baltimore Gazette. B: National Intelligencer. July 17, 1827.

Vaughan E. Op. cit. T. II. P. 75–82, 92 – 102; *Lancaster J.* Op. cit. P. 37.

1185

Джеймс Хэммонд – Джозефу Ланкастеру, 19 марта 1827 г. – A AS. Papers of Joseph Lancaster. Box 13. Folder 7.

1186

Джеймс Ланкастер – Симону Боливару, 2, 22 марта 1827 г. – Ibid.

Lancaster J. Op. cit. P. 53.

Ibid. P. 37, 40.

1189

New York Daily Advertiser. По: National Intelligencer. June 26, 1827.

1190

Джон Ховард – Мэри Ланкастер, 8 августа 1827 г. – AAS. Papers of Joseph Lancaster. Box 3. Folder 3. P. 177.

1191

Лекция 1827 г., тж. лекция 30 апреля 1829 г. – Ibid. Box 15. Folder 7 (Misc. Mss., 1820–1829). Ланкастер, естественно, не скрывал своего гнева. Так, на своем экземпляре патриотического сочинения “La Aguila de Colombia” («Орел Колумбии») он надписал «Орел Колумбии 1826 [год] Дурной (wicked) орел» – Ibid.

Lancaster]. Op. cit.

1193

The Diary and Journal of Richard Clough Anderson, Jr., 1814–1826 / Ed. by Alfred Tischendorf, E. Taylor Parks. Durham (N.C.), 1964. P. 139, 179, 186 (записи от нач. марта, 5 декабря 1824 г., нач. февраля 1825 г.); Джон Форбс – Джону Куинси Адамсу, 18 января 1821 г., 26 января – 24 февраля, 18 апреля, 18 августа 1823 г.; Джон Форбс – Джеймсу Монро, 22 марта 1824 г. – MHS. Adams Family Papers. Reels 451,459; Once anos en Buenos Aires, 1820–1831. P. 242, 256; LC. Papers of James Monroe. Reel 8.

1194

Это обстоятельство поразило Адамса: MJQA. Vol. VIII. P. 17–18 (запись от 29 мая 1828 г., при вести о смерти Кули). В 1820 г. в Вашингтоне сразу после возвращения из Рио умер поверенный в делах Грэхем, чье здоровье также было подорвано тропическим климатом. Известие о смерти Роберта Лоури в Ла-Гуайре 22 января 1826 г. – Niles' Weekly Register. Vol. 29. P. 425 (February 25, 1826).

1195

Взглядам этого второго поколения федералистов посвящена недавняя работа: *Foletta M.* Coming to Terms with Democracy: Federalist Intellectuals and the Shaping of an American Culture. Charlottesville (Va.), 2001. Автор, к сожалению, опирается почти исключительно на статьи в “North American Review”, что явно ограничивает ценность книги. О журнале в целом см.: *Mott F. L.* A History of American Magazines. 4 vols. 3rd ed. Cambridge (Ma.), 1957. Vol. II. P. 219–261.

MottF. L. Op. cit. P. 227; *Cappon L. J.* Jared Sparks: The Preparation of an Editor // MHS. Proceedings. Vol. XC. 1978. Boston, 1979. P. 8–9.

1197

Эдвард Эверетт – Джареду Спарксу, 17 мая 1821 г. – Harvard University. Houghton Library. Jared Sparks collection of American Manuscripts. Part II. Jared Sparks Papers. MS Sparks 153.

1198

Вклад Спаркса в “North American Review” был подведен им в конце жизни: MS Sparks 132. Vol. I.

1199

MS Sparks 141d. F. 11–12, 31–35 (записи от 29 мая, 1, 2, 6, 8, 9, 21, 25 августа 1823 г.). Впрочем, несмотря на различия во взглядах на журнал, Спаркс продолжал слать Эдварду Эверетту готовившиеся к печати статьи, слушал его мнение насчет авторов, редакторской политики. Об этом свидетельствует их переписка в MS Sparks 147, MS Sparks 153.

1200

Забегая вперед, заметим, что расчет Спаркса оправдался. Тираж журнала вырос до 2932 экз. в 1826 г. и до примерно 3200 в 1830 г. (этот рекорд был побит только после Гражданской войны). Свыше 100 экз. выписывали в Англии. Купив журнал за 10900 долларов, через три года Спаркс продал его четверть за 4 тысячи, а в 1830 г. – оставшиеся три четверти новому редактору Александру Эверетту уже за 15 тысяч. Таким образом, с гордостью отмечал Спаркс, цена издания за семь лет выросла почти вдвое – MS Sparks 141d. F. 34–35; MS Sparks 123 Hist. Vol. 12 (запись от 10 марта 1830 г.); *Mott F. L.* Op. cit. R 231; *Cappon L. /.* Op. cit. R 12. После избрания в Конгресс и переезда из Бостона в Вашингтон Эдвард Эверетт радостно обнаружил, насколько влиятелен журнал, насколько широко его читают члены Конгресса и дипломаты. «В целом, я нахожу “Review” намного более важной машиной (engine), чем мог предполагать. Журнал сидит слишком прочно, чтобы ему могли повредить незначительные интриги» (is seated too deeply, to be shaken by every little cabals) – Эдвард Эверетт – Джареду Спарксу, 2 февраля 1826 г. – MS Sparks 153.

1201

MS Sparks 141d. F. 55 (запись от 12 августа 1826 г.); Калеб Кашинг – Джареду Спарксу, 26 июля 1825 г., 19 мая 1829 г. – MS Sparks 153.

1202

Эдвард Эверетт – Джоэлю Пойнсету, 3 августа, 29 сентября 1820 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers. Vol. 2. Folder 4.

1203

[Everett E.] South America [рец. на: *Funes G.* Ensayo de la historia civil del Paraguay, Buenos-Ayres, y Tucuman. Buenos Ayres, 1816] // NAR. Vol. XII. № 31 (Apr. 1821). P. 433–443.

1204

О духовном строе этого поколения «наследников революции» см.: *Appleby J.* Inheriting the Revolution: The First Generation of Americans. Cambridge (Ma.), 2000.

1205

MS Sparks 141d. F. 34 (запись от 18 августа 1823 г.). Спаркс понимал, что бостонские коллекции – библиотека Эбелинга в Гарварде, Атенеум, Массачусетское историческое общество – представляют наилучшие возможности для такого начинания. Подчеркнем, что переданная в 1819 г. в Гарвард библиотека гамбургского географа Кристофа Даниэля Эбелинга (1741–1817) включает труды по всей Америке, а не только по ее северной половине. Именно ее фонды использовал Эдвард Эверетт, когда писал статью о Чили для апрельского номера 1824 г. – Эдвард Эверетт – Джареду Спарксу, 23 февраля 1824 г. – MS Sparks 153.

1206

Bernstein H. Making an Inter-American Mind. Gainesville (Fla.), 1961. P. 145.

1207

См.: MdHs. Furlong Baldwin Library. Bland Papers. Case A (Box 4) – Case B (Box 5).

1208

MS Sparks 141d. F. 38. См. тж.: Уильям Уортингтон – Джареду Спарксу, 6 ноября 1823 г. – MS Sparks 153. Предложение Уортингтона так и осталось на бумаге, в число авторов он не вошел.

1209

Джон Бейли – Джареду Спарксу, 4 декабря 1823 г. – MS Sparks 153.

1210

Джаред Спаркс – Джону Куинси Адамсу (через Джона Бейли), 9 марта 1824 г. – The Life and Writings of Jared Sparks: Comprising Selections from His Journals and

Correspondence / Ed. by Herbert B. Adams. 2 vols. Boston, 1893. Vol. I. P. 294–295 (авторская копия: MS Sparks 147c. P. 19–20).

1211

Джон Куинси Адамс – Ричарду Андерсону, Сизеру Родни, Ниниану Эдвардсу, 31 марта 1824 г. – MHS. Adams Family Papers. Reel 146. Letterbook. P. 253.

1212

Джаред Спаркс – Сизеру Родни, Ричарду Андерсону, Хеману Аллену, 28 июня 1824 г. – Life and Writings of Jared Sparks. Vol. I. P. 295–296 (MS Sparks 147c. P. 22–23). Родни умер до получения этого письма. Сопроводительное письмо Адамса см.: Джон Куинси Адамс – Ричарду Андерсону, Сизеру Родни, Ниниану Эдвардсу, 31 марта 1824 г. – MHS. Adams Family Papers. Reel 146. Letterbook, 28 Sept. 1817 – 19 May 1831,

“Public”. P. 253.

1213

Джаред Спаркс – Мануэлю Морено, 18 декабря 1826 г. – MS Sparks 147c. P. 249.

1214

MS Sparks 141d. F. 39,41,43 (записи от 24 февраля, 11 апреля, 22 мая 1824 г.) См. тж.: Мариано Кули и Салес (sic!) – Джеймсу Монро, 17 декабря 1823 г. – The Writings of James Monroe / Ed. by Stanislaus Murray Hamilton. N.Y., 1898–1903. Vol. VI. P. 419–420. Справедливости ради, следует отметить, что и предыдущий редактор “North American Review” также считал своим долгом выучить испанский: он брал уроки в течение трех недель, чтобы прочитать для журнального обзора «Историю Парагвая» Грегорио Фунеса – *Mott F. L.* Op. cit. P. 231.

1215

Хосе Мария Саласар – Джареду Спарксу, 19 июля 1824 г. – MS Sparks 153. Саласар исполнит свое обещание – MS Sparks 141d, записи от 27 августа, 6 сентября 1824 г. (Бостон). F. 44, 45.

1216

MS Sparks 141d. F. 41, 43 (записи от 22 апреля, 24 апреля 1824 г.).

1217

Уильям Уортингтон – Джареду Спарксу, 26 апреля 1824 г. – Life and Writings of Jared Sparks. Vol. I. P. 294.

1218

Джаред Спаркс – Хуану Гарсиа дель Рио, 5 апреля 1824 г. – MS Sparks 147b. P. 27–28. Спаркс читал издания “Biblioteca Americana”, например, книгу Луиса Лопеса Мендеса о «Законах Индий».

1219

См. Эдвард Эверетт – Джареду Спарксу, б.д. [конец 1823 г.] – MS Sparks 153.

1220

[Everett E.] Chili [Рец. на ‘.*[Coffin I. F.]* Journal of a Residence in Chili… Boston, 1823] – NAR. Vol. XVIII. № 43 (Apr. 1824). P. 288–314.

Ibid. P. 310.

1222

Эдвард Эверетт – Джареду Спарксу, 23 февраля 1824 г. – MS Sparks 153. Эверетта особенно раздражало, что все североамериканцы, включая Пойнсета, из всех книг по Чили знают только один труд аббата Хуана (Джованни) Молины.

1223

[Sparks J.] South America [рец. на: Observaciones sobre les Leyes de Indias, y sobre la Independencia de America. Por Luis Soper Mendez. Publicadas en La Biblioteca Americana. Londres, 1823] // NAR. Vol. XIX. № 44 (July 1824). P. 158–208. Подробный анализ статьи см. в разделе «Как создавался образ Латинской Америки в США» первой главы.

Ibid. P. 159, 162, 207–208.

1225

[Cushing C.] Insurrection of Tupac Amaru [рец. на: *Funes G.* Ensayo de la Historia Civil de Paraguay, Buenos Ayres y Tucuman. Buenos Ayres, 1817] // NAR. Vol. XX. № 47 (Apr. 1825). P. 283–309. Сын Спаркса Элиот полагал, что статья о Тупаке Амару была написана совместно Спарксом и Кашингом (Элиот Спаркс – Уильяму Пулу (Чикагская публичная библиотека), 28 октября 1881 г. – MS Sparks 132. Vol. I), однако их переписка ясно свидетельствует, что единственным автором статьи был Кашинг. См.: Калеб Кашинг – Джареду Спарксу, 13 октября (высылая почти завершенную рукопись), 26 ноября 1824 г. – MS Sparks 153. В ответном письме Спаркс, по своему обыкновению, просит сократить первоначальный вариант статьи, делает несколько замечаний по ее содержанию и высылает дополнительный материал по теме – книгу Пасоса Канки 1819 г.: Джаред Спаркс – Калебу Кашингу, 18 октября 1824 г. – LC. Caleb Cushing Papers. Box 4. Folder “Sept. – Oct. 1824”.

1226

Калеб Кашинг – Джареду Спарксу, 22 октября 1824 г. – MS Sparks 153.

1227

[Cushing C.] Op. cit. P. 284, 308.

1228

[Sparks/.] Hall's Colombia [рец. на: *Hall F.* Colombia, its Present State… Philadelphia, 1825] // NAR. Vol. XX. № 47 (Apr. 1825). P. 441–444.

1229

[Idem.] Travels in Colombia [рец. на: *Cochrane Ch. S.* Journal of a Residence and Travels in Colombia, during the Years 1823 and 1824. L., 1825] // NAR. Vol. XX. № 48 (July 1825). P. 153–177.

Ibid. P. 154–155, 165–167.

1231

Cm.: National Intelligencer. October 25, 1825.

1232

[Idem.] Mr. Poinsett's Notes on Mexico *11* NAR. Vol. XX. № 46 (Jan. 1825). P. 77. Ровно туже фразу использовал Спаркс и в отношении Колумбии (NAR. Vol. XX. № 48 (July 25). P. 175).

1233

[Idem.] Gold and Silver in Mexico [рец. на: A Report on the Expediency of Augmenting the Duties on the Exportation of Gold and Silver… August 9, 1824] // NAR. Vol. XXI. № 49 (Oct. 1825). P. 429–443.

1234

Лукас Аламан – Джареду Спарксу, 25 марта 1826 г. – MS Sparks 153. Зная об осведомленности Аламана в горном деле, Спаркс, конечно, очень хотел, чтобы подобную статью написал он сам, и в своем письме даже предложил ее примерный план. Джаред Спаркс – Лукасу Аламану; 15 сентября 1826 г.; Джаред Спаркс – Джоэлю Пойнсету, 27 сентября 1825 г. – MS Sparks 147 c. P. 184–188; HSP. Joel R. Poinsett Papers. Vol. III. Folder 2.

1235

[Idem.] Mexico // NAR. Vol. XXI. № 51 (Apr. 1826). P. 461–464.

[Idem.] Travels in Colombia. P. 154.

1237

Так, статье о книге Пойнсета о Мексике Спаркс, обсуждая Кортеса, разбирает труды Берналя Диаса, Лас Касаса, Клавихеро – *[Idem.]* Mr. Poinsett's Notes on Mexico. P. 86–89.

1238

Джаред Спаркс – Джоэлю Пойнсету, 9 августа 1825 г. – Life and Writings of Jared Sparks. Vol. I. P. 310 (оригинал в: HSP. Papers of Joel Poinsett. Vol. 3. Folder 4; авторская копия в: MS Sparks 147c. P. 28–31).

1239

Джаред Спаркс – Уильяму Тюдору, 24 сентября 1825 г. (получено в Лиме 9 февраля 1826 г.) – MHS. William Tudor letters received.

1240

Роберт Уолш – Джареду Спарксу, 18 августа, 16 сентября, 11 ноября 1825 г. – MS Sparks 153.

1241

Джаред Спаркс – Хосе Мануэлю Рестрепо; Лукасу Аламану, 10 августа; 27 сентября 1825 г.; Джону Форбсу, 12 сентября 1826 г. и др. – MS Sparks 147c. P. 31–34. 34–36,180.

1242

Джаред Спаркс – Мануэлю де Саласу, 24 сентября 1825 г. – MS Sparks 147b. P. 143–145.

1243

Джаред Спаркс – Уильяму Тюдору, 8 сентября 1826 г. – MS Sparks 147c. P. 154.

1244

Хеман Аллен – Джареду Спарксу, 19 марта 1825 г., 4 февраля, 4 апреля 1826 г. Затем Аллен рекомендовал Спаркса Сэмюэля Ларнеда, а потом и сам начал активно слать материалы – Он же – тому же, 8 мая, 10 июня, 8 июля 1826 г., 17 февраля 1827 г. – MS Sparks 153.

Rippy J. F. Joel R. Poinsett, Versatile American. P. 197.

1246

Уильям Филипс – Джареду Спарксу, 30 января 1827 г. – MS Sparks 153.

1247

Джаред Спаркс – Уильяму Тюдору; Он же – Хеману Аллену, 10 февраля 1826 г.; он же – Роберту Лоури (Ла-Гуайра), 13 февраля 1826 г.; он же – Ричарду Андерсону,

13 февраля 1826 г., он же – Джоэлю Пойнсету, 10 марта 1826 г. – Harvard University. Houghton Library. Tudor Papers Additional; MS Sparks 147c. P. 60, 63–64, 75–76, 87–88.

1248

Уильям Тюдор – Джареду Спарксу, 31 июля 1826 г., 19 февраля 1827 г. – MS Sparks 153.

1249

Ричард Андерсон – Джареду Спарксу, 19 мая 1826 г. – MS Sparks 153.

1250

Джаред Спаркс – Ричарду Андерсону, 27 октября 1825 г. – MS Sparks 147c. P. 39–41.

1251

Ричард Андерсон – Джареду Спарксу, 19 апреля 1826 г. – MS Sparks 153; Life and Writings of Jared Sparks. Vol. I. P. 314–315 (в отрывках).

1252

The Diary and Journal of Richard Clough Anderson, Jr. P. 245–250 (записи от 24 марта, 6 апреля, 19 апреля 1826 г.). В конце мая Андерсон вернется к сочинительству, правда, последние его опыты не сохранились – Ibid. P. 258 (записи от 27, 30 мая 1826 г.).

1253

MS Sparks 141d. F. 53–55 (запись от 12 августа 1826 г.). О том, что статья Андерсона слишком затянута и требует сокращения см. тж.: Эдвард Эверетт – Джареду Спарксу, 20 июля 1826 – MS Sparks 153.

1254

MS Sparks 132. Vol. VI. Item 42: *[Cubiy Soler M]* Comunicado para el Aguila. Revista Norte Americana (1827). Статья была написана до конца июля 1827 г. – см.: Мариано Куби и Солер – Джареду Спарксу, 30 июля, 15 сентября 1827 г. – MS Sparks 153.

1255

Джаред Спаркс – Александру Эверетту, 13 декабря 1825 г. – MS Sparks 147c. P. 47.

1256

[Sparks /.] Gold and Silver in Mexico. P. 432.

1257

Джаред Спаркс – Джоэлю Пойнсету, 27 сентября 1825 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers. Vol. III. Folder 2.

1258

Джаред Спаркс – Уильяму Тюдору, 24 сентября 1825 г. – MHS. William Tudor letters received.

1259

Джаред Спаркс – Джоэлю Пойнсету, 9 августа 1825 г. – Life and Writings of Jared Sparks. Vol. I. P. 310.

1260

Джаред Спаркс – Александру Эверетту, 13 декабря 1825 г. – MS Sparks 147c. P. 43.

1261

MS Sparks 141e (MS Sparks 123 Hist. Vol. 12) – записи от 27 марта (Вашингтон), 30 марта (Виргиния) 1826 г.

1262

[Idem] Alliance of the Southern Republics *I I*NAR. Vol. XXII. № 50 (Jan. 1826). P. 162–177.

1263

Запись в дневнике от 20 мая 1826 г. – MS Sparks 141e (MS Sparks 123 Hist. Vol. 12).

1264

Джаред Спаркс – Александру Эверетту, 13 декабря 1825 г. – MS Sparks 147c. P. 47.

1265

О статье см. с. 258–259.

1266

Спаркс откровенно признавался в просчете со статьей: Джаред Спаркс – Хосе Мануэлю Рестрепо, 13 февраля 1826 г.; запись в дневнике от 20 мая 1826 г. (разговор с Клеем) – MS Sparks 147c. P. 69–70; 141e (MS Sparks 123 Hist. Vol. 12).

1267

Эдвард Эверетт – Джареду Спарксу, 2 февраля 1826 г. – MS Sparks 153.

1268

Запись от 20 мая 1826 г. (Вашингтон) – MS Sparks 141e (MS Sparks 123 Hist. Vol. 12).

1269

[Idem] South America. P. 162–163; *[Idem]* Travels in Colombia. P. 156, 165–166; *[Idem]* Mr. Poinsett's Notes on Mexico. P. 78–79; *[Idem]* Gold and Silver in Mexico. P. 443. В успех мексиканского федерализма Спаркс поверил только к весне 1826 г. – см.: *[Idem]* Mexico. P. 461–464.

1270

Дневник путешествия см. в: MS Sparks 141e (MS Sparks 123 Hist. Vol. 12). Идея публикации бумаг Вашингтона возникла у Спаркса раньше, в 1824 г.

1271

Джаред Спаркс – Александру Эверетту, 12 сентября 1826 г. – Life and Writings of Jared Sparks. Vol. I. P. 327. См. **тж.:** Джаред Спаркс – Генри Клею, 15 сентября 1826 г. – MS Sparks 147c. P. 192.

1272

Хосе Мануэль Рестрепо – Джареду Спарксу, 14 октября 1826 г. (получено 28 декабря 1826 г.) – MS Sparks 153.

1273

Джаред Спаркс – Хосе Мануэлю Рестрепо, 10 марта 1827 г. – MS Sparks 147d. P. 7–9.

1274

[Cushing C] Bolivar and the Bolivian Constitution // NAR. Vol. XXX. № 66 (Jan. 1830). P. 26–61. Эдвард Эверетт, кстати, предлагал Спарксу заказать эту статью русскому дипломату и регулярному автору журнала Валленштейну: Эдвард Эверетт – Джареду Спарксу, 8 ноября 1827 г. – MS Sparks 153.

1275

Джаред Спаркс – Мануэлю Морено, 21 декабря 1826 г. – MS Sparks 147c. P. 251.

1276

Хосе Мария Саласар – Джареду Спарксу, 6 мая 1825 г. – MS Sparks 153.

1277

[Sparks /.] Form of Government in Buenos Ayres // NAR. Vol. XXIV. № 54 (Jan. 1827). P. 236–244; Мануэль Морено – Джареду Спарксу, Лондон, 10 сентября 1829 г. Тж. см. его же письмо от 8 июня 1827 г. – MS Sparks 153.

1278

«Лучшее часто враг хорошего» (фр.).

1279

Леандро де Миранда – Джареду Спарксу, 9 июля 1826 г. (получено 5 сентября) – MS Sparks 153.

1280

Джаред Спаркс – Леандро де Миранде, 18 сентября 1826 г. – MS Sparks 147c. P. 199–202.

1281

Хосе Мануэль Рестрепо – Джареду Спарксу, 29 сентября 1826 г. (получено 7 мая 1827 г.) – MS Sparks 153. Централистский эксперимент в Великой Колумбии провалился – ее необратимый распад начался как раз в 1826 г. с венесуэльским восстанием генерала Паэса.

1282

MS Sparks 141e (копия: MS Sparks 123 Hist. Vol. 12) – запись от 7 мая 1827 г. (Маунт-Вернон, Виргиния).

1283

Джаред Спаркс – Александру Эверетту, 14 мая 1827 г. – Life and Writings of Jared Sparks. Vol. I. P. 327–329 (MS Sparks 147d. P. 72–81).

1284

[Idem] Travels in La Plata in Chile [рец. на: *Head F. B.* Rough Notes taken during some rapid journeys across the Pampas and among the Andes. L., 1826] // NAR. Vol.XXV. № 55 (Apr. 1827). P. 295, 319–321.

1285

См.: *[Idem]* Mexico. P. 464; *[Idem]* Travels in Colombia. P. 163; Джаред Спаркс – Хосе Мануэлю Рестрепо, 10 августа 1825 г. – MS Sparks 147c. P. 34.

1286

Resprepo]. M. Historia de la revolucion de Republica de Colombia. 10 tomos. P.: Libreria Americana, 1827.

1287

Cm.: *[Sparks /.]* Mexico. P. 462; *[Idem.]* Form of Government in Buenos Ayres. P. 244.

1288

Юлий Валленштейн – Джареду Спарксу, 9 августа 1827 г. – MS Sparks 153. Подробно передавая вести от Серджента, автор грустно резюмировал, что «политическое положение Мексики плачевно (dismal)».

1289

Джоэль Пойнсет – Джареду Спарксу, 4 января 1827 г. (получено 27 февраля) – Life and Writings of Jared Sparks. Vol. I. P. 313.

1290

Джаред Спаркс – Хеману Аллену; Сэмюэлю Ларнеду; Джеймсу Кули, 14 июля 1827 г. – MS Sparks 147c. P. 134–135, 136, 136–137.

1291

Джаред Спаркс – Джоэлю Пойнсету, 12 марта 1828 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers. Vol. 5. Folder 3. Это письмо – запоздалый ответ на присылку Пойнсетом своего ответа на манифест Веракруса.

1292

Со второй половины 1826 г. (начало проекта Спаркса по истории Войны за независимость США) редактор действительно стал намного реже писать для журнала. См. составленный им список статей для “North American Review” в: MS Sparks 130. Boxes 1–3.

Например, только в 1826 г. Кашинг участвовал в неудачной кампании в Конгресс против Джона Варнума, сочинил и выпустил в свет две книги (по истории Ньюберипорта и политэкономии), среди прочего писал также статьи о Христофоре Колумбе и Мексике для “North American Review”. Естественно, в срок статья о Колумбе сдана не была (7 ноября Кашинг извиняется за задержку), но к концу года работа все же была закончена. Задержался Кашинг и с заметкой о Мексике. См.: Калеб Кашинг – Джареду Спарксу, 26 июля 1825, 21 сентября, 7 ноября, 24 декабря 1826 – MS Sparks 153; Джаред Спаркс – Калебу Кашингу, 4 сентября 1826 г. – LC. Caleb Cushing Papers. Box 5. Folder “September 1826”. Кашинг также писал обзоры для конкурента “North American Review” – филадельфийского “American Quarterly Review”, публиковал справочные статьи на латиноамериканские темы в “Annual Register” и первом 13-томном издании “Encyclopaedia Americana” (Philadelphia: Carey & Lea, 1829–1833). К весне 1829 г. общий объем опубликованных Кашингом книг, журнальных статей и переводов составил 1655 страниц. См.: Калеб Кашинг – Джареду Спарксу, 6, 16 апреля 1827 г. – MS Sparks 153; LC. Caleb Cushing Papers. Box 2. Diary. Jan. 17, 1829 – Oct. 15, 1830 (запись от 30 апреля 1829 г.). Отъезд Кашинга в Европу 5 июня 1829 г. во многом объяснялся необходимостью поправить здоровье, прийти в себя от переутомления – *Fuess* C. M. The Life of Caleb Cushing. N.Y., 1923. Vol. I. P. 98–99. В единственной академической биографии Кашинга его деятельность 1820-х гг. практически не освещена – *Belohlavek J. M.* Broken Glass: Caleb Cushing and the Shattering of the Union. Kent (Oh.), 2005.

1294

Вернувшись домой после европейского тура, Кашинг выпустит воспоминания об Испании – *Cushing C.* Reminiscences of Spain: the country, its people, history, and monuments. 2 vols. Boston, 1833. В 1829 г. он составил жизненный план, в который входило написание историй Перу Мексики, Испанской империи в Америке, биографий Колумба, Веспуччи, Кортеса. Задумывался Кашинг и о биографии Боливара. Впрочем, ничего из задуманного не было выполнено, поскольку все время будет отнимать политическая и дипломатическая карьера.

1295

[Cushing C.] Columbus; New Documents Concerning Columbus // NAR. Vol. XXI. № 49 (Oct. 1825); Vol. XXIV. № 55 (Apr. 1827).

1296

[Idem.] Compagnoni's America // NAR. Vol. XXVII. № 60 (July 1828).

1297

[Idem.] Insurrection of Tupac Amaru.

1298

[Idem.] Insurrection of Paez in Colombia *I I* NAR. Vol. XXV. № 57 (Oct. 1827). Работа над статьей о «квази-восстании» (*quasi-insurrection*) началась в начале марта и была завершена в срок к 15 апреля 1827 г. См.: Калеб Кашинг – Джареду Спарксу, 11 марта, 6 апреля 1827 г. – MS Sparks 153.

1299

[Idem.] Mexico // NAR. Vol. XXIII. № 53 (Oct. 1826).

1300

[Idem.] Republic of Central America *I I* NAR. Vol XXVI. № 58 (Jan. 1828). P. 127–145. План этой статьи, как, видимо, и многих других, был разработан самим Спарксом. Автор выслал статью в конце октября 1827 г. и намеренно решил не излагать причины и ход разгоревшейся в Центральной Америке гражданской войны: Калеб Кашинг – Джареду Спарксу, 7 июля, 22 октября 1827 г. – MS Sparks 153.

1301

[Idem.] Simon Bolivar [рец. на: *Restrepo J. M.* Historia de la Revolucion de la Republica de Colombia. P., 1827]; Bolivar and the Bolivian Constitution // NAR. Vol. XXVIII. № 62 (Jan. 1829). P. 203–226; Vol. XXX. № 66 (Jan. 1830). P. 26–61. Анализ этой статьи см. ниже, в следующем разделе главы.

[Idem.] Republic of Central America. P. 129.

1303

Калеб Кашинг – Джареду Спарксу, 19 мая 1829 г. – MS Sparks 153.

1304

[Sparks /.] Travels in Colombia. P. 154.

1305

См. Catalogue of the Library of Jared Sparks; with a list of bound historical manuscripts collected by him, conditionally bequeathed to Harvard College, and now deposited in its library. Cambridge, 1871. Покупка карт Мексики явно связана с войной 1846–1848 гг., карт Центральной Америки – с договором Клейтона – Булвера, строительством железной дороги через Панаму и авантюрой Уильяма Уокера (1824–1860) в Никарагуа.

Такой анализ еще никем пока не проводился. Пайк в целом удачно и ярко сравнивает Боливара с Вашингтоном, но его краткие замечания не носят систематического характера – *Pike F.* The United States and Latin America: Myths and Stereotypes of Civilization and Nature. Austin (Tex.), 1992. P. 63–66. Небольшая статья Лестера Лэнгли представляет собой лишь подборку некоторых высказываний об Освободителе Джона Куинси Адамса, Генри Клея и Эндрю Джексона в основном 1815–1820 гг. – *Langley L. D.* The Image of Simon Bolivar in the United States in the Revolutionary Era // Simon Bolivar: Essays on the Life and Liberty of the Liberator / Ed. by David Bushnell, Lester D. Langley. Lanham (Md.), 2008. P. 123–134.

Ханке верно заметил, что непосредственно с Боливаром встречались не так много североамериканцев – *Hanke L.* Baptis Irvine's Reports on Simon Bolivar // HAHR. Vol. 16. № 3 (Aug. 1936). P. 362–363.

Об образе Боливара в Англии и России см.: *Jones C. P.* The Images of Simon Bolivar as Reflected in Ten Leading British Periodicals, 1816–1830 // The Americas. Vol. 40. № 3 (Jan. 1984); *Комиссаров Б. Н.* Симон Боливар в русской общественной мысли XIX – начала XX вв. // Симон Боливар: История и современность / Под ред. А. Ф. Шульговского, Я. Г. Шемякина. М., 1985.

1307

Chandler Ch. L. Op. cit. P. 90–91. Сравнение поддерживалось латиноамериканцами и впоследствии. Так, объясняя отказ Колумбии от помощи Аргентине в 1825 г., каракасская газета писала: «дон-кихотская политика» – это «не политика Вашингтона, не политика Боливара» – Colombiano. 21 de septembre, 1825. Цит. по: National Intelligencer. October 20, 1825. Впервые определение «новый Вашингтон» («Вашингтон Южной Америки») было употреблено в отношении Франсиско де Миранды – летом 1806 г. в “Haytian Gazette”, а затем в 1808 г. в известном памфлете, опубликованном под псевдонимом «Уильям Берк» – Archivo del General Miranda / Dirig. y revisada por Vicente Davila. 24 tomos. Caracas, 1929–1950. T. XXIII. P. 173; *Альперович М.* С. Франсиско де Миранда в России. М., 1986. С. 36.

1308

Thornton W. Outlines of a Constitution for United North and South Columbia. Wash., D.C., 1815. P. 6. Ср.: «Ода к Наполеону Бонапарту» (1814) Байрона.

1309

О Маунт-Верноне как национальном музее и республиканском пантеоне Войны за независимость: *[Everett A. H.]* America… Philadelphia, 1827. P. 325–333. Холм, на котором произошла первая битва Войны за независимость, защитил представитель именитой бостонской семьи, будущий консул в Лиме Уильям Тюдор. Он стал основателем Bunker Hill Monument Association – объединения, целью которого было возвести на месте битвы грандиозный памятник.

Примечательно, что такая система сравнений живет до сих пор. Авторам солидного современного труда неожиданно изменяют сдержанность и чувство меры, когда речь заходит о сопоставлении Вашингтона с Освободителем: они видят в Боливаре лживого эгоиста с «импульсами конкистадора», которого, разумеется, следует сравнивать не с величественным виргинцем, а с амбициозным корсиканцем – *Elkins S., McKitrick E.* The Age of Federalism: The Early American Republic, 1788–1800. N.Y., 1993. P. 43–44. Эти рассуждения конца XX в. вполне могли быть напечатаны в какой-нибудь североамериканской газете конца 1820-х гг.

1311

National Intelligencer. July 29, 1817.

1312

National Intelligencer. July 21, 28, 1818.

1313

South American Characters // National Intelligencer. August 18, 1818. Перепечатано из: American Watchman (Wilmington, Del.).

1314

[Brackenridge H. *M]* South America: A Letter on the present state of that country to James Monroe, President of the United States by an American. Wash., D.C., 1817. P. 44. 7 июня 1818 г. тост за «генерала Сан-Мартина – Вашингтона Юга» провозгласил командующий экскадрой США Джеймс Биддл на обеде у верховного директора Чили Бернардо О'Хиггинса – Notes &c, on Chile by T. Bland – MdHs. Furlong Baldwin Library. Bland Papers. Case B (Box 5).

1315

N.Y. Columbian. May 5, 1818.

1316

Philadelphia Aurora. B: National Intelligencer. October 22, 1819.

1317

A British Officer in the service of Venezuela, Margarita, July 1,1819 // Correo del Orinoco. 27 de noviembre, 1819. Цит. по: *Lynch J.* Simon Bolivar: A Life. New Haven (Ct.), 2006. P. 124. Нам не удалось найти перепечатку этого текста в североамериканской прессе.

1318

[Palacio Fajardo M.] Outline of Revolutions in Spanish America; or An Account of the Origin, Progress, and Actual State of the War Carried on between Spain and Spanish America; containing the Principal Facts which have Marked the Struggle. By a South-American. L., 1817. P. 87–91.

1319

Columbian Centinel. July 31, 1816. (сведения из Александрии и Чарльстона). См. тж. скептические комментарии в: Ibid. August 24, 28, 1816. Вашингтонская газета была настроена оптимистичнее: National Intelligencer. May 28, June 18, 1816.

1320

National Intelligencer. March 27, 1817. Сведения о поражении Боливара (“Bolivar Defeated”) пришли с британских Багам (Nassau Paper), заметка о его блестящей победе перепечатана из: Baltimore Telegraph”. March 26, 1817. Ср.: Columbian Centinel. October 30, 1816. Приведя свидетельство с Тринидада о поражении и выдержку из “New York Mercantile Advertiser” о победе, газета склонялась поверить первому. Ср.: Niles’ Weekly Register. Vol. 19. P. 221 (December 2, 1820) – о действиях в Венесуэле.

1321

Джоэль Пойнсет – Ричарду Рашу, 23 марта 1817 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers. Vol. 2. Folder 1.

1322

Клей, например, в своей знаменитой речи о признании независимости Латинской Америки (28 марта 1818 г.) говорит о «Боливаре и других командирах патриотов» – PHC. Vol. 2. P. 557.

1323

Бэптис Ирвайн – Джону Куинси Адамсу, 20 июля 1818 г. – *Hanke L.* Op. cit. P. 364. Напомним, что спор насчет возмещения убытков вынудил Боливара пространно изложить свои взгляды на каперство – см. четвертый раздел первой главы.

1324

Бэптис Ирвайн – Джону Куинси Адамсу, 14 сентября, 1 октября, 15 октября, 29 октября, 2 ноября 1818 г. – Ibid. P. 365–369.

1325

Бэптис Ирвайн – Джону Куинси Адамсу, 16 февраля 1819 г. – Ibid. P. 369–372; 369п. См. тж. неизданную книгу Ирвайна, где он сожалеет, что занятость военными делами оставила Боливара в «арьергарде политической науки»: *Irvine B.* Cursory Notes on Venezuela. Baltimore (Md.), September 25, 1819. P. 211, 229 – National Archives. RG 59. M 37. Roll 4 (Biddle, Irvine).

1326

Letters from Angostura, February 16, 19, 21, 1819 // American Farmer. Перепечатано в: National Intelligencer. April 15, 1819. Напомним, что “American Farmer” издавался лично знавшим Ирвайна балтиморским почтмейстером Скиннером. Ирвайн был единственным североамериканцем в Ангостуре, наконец, идеи, высказанные в этих статьях, почти дословно совпадают со взглядами Ирвайна в донесениях Адамсу – поддержка Ангостурского конгресса и в целом действий Боливара при сомнении в его личных качествах.

1327

Columbian Centinel. October 6, 1820 (письмо со шхуны коммодора Перри “Nonsuch” от 13 августа). Текст письма почти слово в слово совпадает с записью в дневнике Хэмблтона от 26 июля 1819 г. – *Baker M.* The Voyage of the U.S. Schooner “Nonsuch” up the Orinoco: Journal of the Perry Mission // HAHR. Vol. 30. № 4 (Nov. 1950). P. 489–490.

1328

См.: Речь в Ангостуре // *Боливар* С. Избранные произведения: речи, статьи, письма, воззвания, 1812–1830 / Сост. и науч. ред. А. Ф. Шульговский. М., 1983. С. 81–82.

1329

National Intelligencer. December 4, 1819 (письмо из Ангостуры от 12 октября, перепечатанное в: Baltimore American); Jan. 8, 1820 (“Latest from Angostura”, November 13, 1819); February 17, 1820 (известие о победе в Бояке из: Charleston City Gazette). Роялистский взгляд из Ла-Гуайры: Ibid. April 15, 1820.

Ср. Columbian Centinel. May 23, 1818; September 11, October 2, 1819. Оптимистичнее: Ibid. July 1, 1820.

1331

[Everett E.] South America // NAR. Vol. XII. № 31 (Apr. 1821). P. 434–435.

1332

National Intelligencer. March 1, 1821. Перепечатано из: National Advocate (New York). February 25, 1821. Сведения из: Curasao Courant.

1333

Philadelphia Aurora. Перепечатано в: Niles Weekly Register. Vol. 21. P. 30–31 (September 8, 1821). Ответ конгресса, где тот просил Боливара остаться, также был переведен: Ibid. Vol. 21. P. 62–63 (September 21, 1821).

1334

Columbian Centinel. October 20, 1821; Niles' Weekly Register. Vol. 21. P. 143–144 (October 27, 1821) – цит. тж. в: *Luxon N. N.* Niles' Weekly Register, News Magazine of the Nineteenth Century. Baton Rouge (La.), 1947. P. 199; National Intelligencer. November 3, 1821. Газеты приводили переписку Боливара с Конгрессом, опубликованную 21 июля в газете Маракайбо (получена в Нью-Йорке 16 октября). «Подражание» (imitation) не несет здесь отрицательного оттенка, ведь речь идет об античной добродетели подражания совершенному герою. Ср. давнюю традицию “imitatio Christi”.

1335

Niles' Weekly Register. Vol. 21. P. 290 (January 5, 1822).

Ibid. Vol. 23. P. 115 (October 26, 1822).

1337

Напомним, что в Гуаякиле (нынешний Эквадор) Боливар и Сан-Мартин решали, кому придется нанести последний удар по роялистам в Нижнем Перу и освободить Верхнее Перу (впоследствии Боливия). Генералов разделяли и политические разногласия по вопросу дальнейшего политического устройства этих стран. У Сан-Мартина было меньше войск, и он уступил Боливару. Кстати, «Гуаякильское свидание» пресса США почти обошла стороной, уделив событию лишь короткие заметки. См., например: New York Commercial Advertiser. Цит. в: National Intelligencer. December 12, 1822. Между прочим, по складу своей личности Сан-Мартин скорее подошел бы на роль «Вашингтона Юга» – он прежде всего был немногословным военным, а не законодателем и политическим мыслителем, как Боливар.

National Intelligencer. December 10, 1822; Niles' Weekly Register. Vol. 23. P. 232 (December 14, 1822).

1339

Baltimore American [по письму из Боготы от 25 марта]. В: National Intelligencer. June 17, 1823.

1340

Baltimore Federal Gazette. B: National Intelligencer. September 20, 1823.

1341

Washington and Bolivar // Niles' Weekly Register. Vol. 25. P. 229 (December 13, 1823).

1342

См., например: *Webster D.* Speech at Faneuil Hall on the Election of 1825, April 3, 1825 – The Papers of Daniel Webster / Charles M. Wiltse, Editor, Alan R. Berolzheimer, Ass. Editor. 15 vols. Hanover (N.H.), 1974–1989. Series 4. Vol. 1 P. 169–174.

В честь Освободителя, как и в честь первого президента США, называли детей: в апреле 1823 г. в кентуккийском поместье на свет появился Симон Боливар Бакнер (Buckner, Sr.) – будущий генерал Конфедерации, чье боевое крещение пришлось, естественно, на войну с Мексикой.

1343

City of Bolivar, April 22, 1822 – LC. William Thornton Papers. Reel 3 (Vol. 5).

1344

Элеанора Кулидж – Николасу Тристу, 22 декабря 1823 г.; 30 марта 1824 г. – LC. Papers of Nicholas Trist (www.monticello.org/familyletters). Любопытно, что жившая в рабовладельческом Монтичелло Элеанора в письме луизианцу Тристу восхищенно отмечает, что Боливар освободил своих рабов.

1345

National Intelligencer. January 4, 1825; Niles' Weekly Register. Vol. 27. P. 291–292 (January 8,1825); *Levasseur A.* Lafayette en Amerique, en 1824 et 1825 ou Journal dun voyage aux Etats-Unis. 2 vols. P., 1829. Vol. II. P. 75; PHC. Vol. 4. P. 1–2. Тост за Боливара провозгласил Генри Клей.

National Intelligencer. July 7, 1825; *Levasseur A.* Op. cit. Vol. II. P. 533–535.

Ibid. July 12, 1825; *Levasseur A.* Op. cit. Vol. II. P. 533–535.

1348

National Intelligencer. July 19, 1825. Ужин состоялся 8 июля.

1349

Ibid. September 1, 1825. Прием состоялся 16 августа.

1350

Richmond Dinner to Monroe; 4th of July Celebration in Arlington, Va. // Ibid. July 1, 8, 1826.

1351

Городки в штатах Нью-Йорк, Огайо, Теннесси, Виргинии (теперь в Западной Виргинии).

1352

См. воспоминания секретаря Лафайета: *Levasseur A.* Op. cit. Vol. II. P. 586–587.

1353

A Present for Bolivar // National Intelligencer. July 4 (!), 1825.

1354

Джордж Вашингтон Кастис – Симону Боливару, 4 июля 1825 г.; Лафайет – Симону Боливару, 1 сентября 1825 – National Intelligencer. September 3, 1825; Columbian Centinel. September 10, 1825. Здесь говорится и еще об одном подарке – гравюре Вашингтона. В Джермантауне близ Филадельфии Лафайет встретился с учившимся там юным племянником Боливара Фернандо (1810–1898) и сказал ему, что его дядя «твердым шагом идет по пути, проложенному Вашингтоном» – *Levasseur A.* Op. cit. Vol. II. P. 558.

1355

Симон Боливар – Джорджу Вашингтону Кастису, 25 мая 1826 г.; Хосе Мария Саласар – Джорджу Вашингтону Кастису, 4 сентября 1826 г. – National Intelligencer. September 14, 1826; Niles' Weekly Register. Vol. 31. P. 63, 219 (September 23, December 2, 1826); National Intelligencer. November 28, 1826. Боливар надел подаренный медальон на бал в честь своего возвращения в Боготу у английского поверенного в делах Кэмпбелла, чем, естественно, был польщен североамериканский дипломат Уоттс – National

Intelligencer. February 13, 1827. Обо всей истории см. тж.: *Levasseur A.* Op. cit. Vol. II. P. 586–589 (именно он указывает, что подаренная медаль была из чистого золота).

1356

Cincinnati Gazette. Перепечатано в: National Intelligencer. June 23, 1825. Прием состоялся 19 мая.

1357

Langley H. D. Bolivar as Seen by an American Sailor // HAHR. Vol. 36. № 3 (Aug. 1956). P. 329–332.

1358

Уильям Тюдор – Айзеку Халлу, 28 февраля 1825 г. – Boston Athenaeum. Papers of Commodore Isaac Hull. Box 1. Folder 7.

1359

Конди Рэгет – Уильяму Тюдору, 26 июля 1825 г. Цит. в: Уильям Тюдор – Айзеку Халлу, 25 января 1826 г. – Ibid. Box 1. Folder 9.

1360

Уильям Тюдор – Симону Боливару, 1, 5 марта 1826 г.; Симон Боливар – Уильяму Тюдору, 4, 15 марта 1826 г.; Дэниел Уэбстер – Симону Боливару, 11 сентября 1826 г. – Columbian Centinel. October 7, 1826; Papers of Daniel Webster. Series 1. Vol. 2. P. 467.

1361

National Intelligencer. 21 May, 1825.

1362

New York Evening Post. December 28,1825 (письмо из Буэнос-Айреса от 30 октября). Опровержение слуха: Ibid. December 29, 1825. Перепечатано в: National Intelligencer. January 3, 1826.

1363

[Sparks /.] Travels in Colombia. P. 171–173; Procor's Narrative. B: National Intelligencer. March 4, 1826.

1364

The Diary and Journal of Richard Clough Anderson, Jr. P. 154, 185 (записи от 20 июля 1824 г., 28 января 1825 г.).

1365

Деуитт Клинтон – Джозефу Ланкастеру, 26 сентября 1825 г. – AAS. Papers of Joseph Lancaster. Box 3. Folder 2.

1366

Александр Эверетт – герцогу дель Инфантадо, 20 января 1826 г. – MHS. Correspondence of Alexander Hill Everett. Reel 1. Любопытно, что эпитет «Вашингтон Юга» позднее был применен и в отношении сподвижника Боливара Антонио де Сукре – так называется биография генерала (“El Washington del Sur”), которую написал знаменитый чилийский историк Бенхамин Викунья Макенна (Vicuna Mackenna, 1831–1886).

1367

[Everett A. H.] Op. cit. P. 181–183.

[Niles J. M.] Op. cit. Vol. 2. P. 99, 68–73, 128.

1369

Константин Рафинеск – Джоэлю Пойнсету, 20 ноября 1826 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers. Vol 3. Folder 17.

1370

См.: *Masur G.* Bolivar. Albuquerque (N.M.), 1969. P. 489. Гете даже вывесил основные даты биографии Освободителя над дверью своей спальни. В 1822 г. Байрон назвал именем Освободителя свою прогулочную шхуну. О Констане и Бентаме см.: *Шульговский А.* Ф. Указ. соч. С. 231–237. Как свидетельствует секретарь Лафайета Левассер, «либеральная Европа» ставила Боливара рядом с Вашингтоном – Avertissement de l'Editeur // Histoire de Bolivar, par le General Ducoudray Holstein. P., 1831. Vol. I. P. v. Ср.: «Бронзовый век» (1823) Байрона. Самым пылким поклонником героя в России был Н. А. Полевой, который писал в своем журнале: «Симон Боливар есть один из замечательнейших людей в новейшей Американской истории. Многие называют его Южно-Американским Вашингтоном» // Московский телеграф. Ч. 3. № 9 (май 1825 г.). С. 187. Частично цит. в: *Комиссаров Б. Н.* Указ. соч. С. 259.

1371

См.: Речь в Ангостуре – *Боливар* С. Указ. соч. С. 76–96, особ. с. 91.

1372

Послание Учредительному конгрессу Боливии // *Боливар С.* Указ. соч. С. 140–147.

1373

Colombia // Niles' Weekly Register. Vol. 31. P. 242 (December 16, 1826).

Columbian Centinel. July 7, 1826.

1375

Джеймс Мэдисон – маркизу де Лафайету, ноябрь 1826 г. – Writings of James Madison / Ed. by Gaillard Hunt. 9 vols. N.Y., 1900–1910. Vol. IX. P. 264.

[Cushing C.] Insurrection of Paez in Colombia. P. 110.

1377

Хеман Аллен – Генри Клею, 7 августа 1826 г. – PHC. Vol. 5. P. 594.

1378

[Chew B.] A Sketch of the Politics, Relations, and Statistics, of the Western World, and of those Characteristics of European Policy which most immediately affect its interests: intended to demonstrate the necessity of a Grand American Confederation and Alliance. Philadelphia, 1827. P. 102, 130–131.

1379

См. с. 351–352.

1380

Very important and interesting Information from Colombia // Baltimore Gazette. B: National Intelligencer. December 21, 1826.

1381

Бофорт Уоттс – Генри Клею, 14 марта 1827 г. – DCLA. Vol. II. P. 1309.

1382

Бофорт Уоттс – Симону Боливару, 15 марта 1827 г. – National Intelligencer. June 19, 1827. Заметим, что как раз в июне “National Intelligencer” опубликовал несколько резко отрицательных отзывов о Боливаре. Уоттс сперва выражал сомнение в республиканизме Боливара, но после личной встречи стал его горячим поклонником, убежденным, что лишь Освободителю с его «упорной энергией» по силам спасти Колумбию от анархии – Бофорт Уоттс – Генри Клею, 14 октября; 28 ноября, 14, 27 декабря 1826 г. – PHC. Vol. 5. P. 793; 961, 1002, 1039.

1383

Хосе Ревенга – Бофорту Уоттсу, 21 апреля 1827 г. – DCLA. Vol. II. P. 1310.

1384

Хосе Мануэль Рестрепо – Бофорту Уоттсу, 12 июня 1827 г. – Ibid. P. 1314 —

1385

Бофорт Уоттс – Генри Клею, 14 июня 1827 г. – Ibid. P. 1315–1318.

1386

Хосе Рафаэль Ревенга – Генри Клею, 25 сентября 1827 г. (вложено в: Бофорт Уоттс – Генри Клею, 28 сентября 1827 г. – PHC. Vol. 6. P. 1069, 1087.

1387

Симон Боливар – Генри Клею, 21 ноября 1827 г. – *Bolivar S.* Obras Completas / Comp, y notas de Vicente Lecuna. 3 tomos. La Habana, 1950. Vol. 2. P. 719–720; PHC. Vol. 6. P. 1298–1299.

1388

Генри Клей – Хосе Ревенге, 30 января 1828 г. – PHC. Vol. 7. P. 69–70.

1389

Генри Клей – Симону Боливару, 27 октября 1828 г. – Ibid. P. 517–518.

1390

Dinner to Mr. Ingham, Phila. // American Centinel (Philadelphia). B: National Intelligencer. December 9, 1826.

1391

Деуитт Клинтон – Джозефу Ланкастеру, 28 декабря 1826 г. – AAS. Papers of Joseph Lancaster. Box 3. Folder 2.

Columbian Centinel. July 11, 1827.

1393

South America // National Intelligencer. May 3, 1827 (по статьям из: N.Y. American, N.Y. Mercurial Advertiser, National Gazette).

New York American. B: Ibid. September 15, 1827.

1395

[Bache R.] Notes on Colombia, Taken in the Years 1822 – 3, with an Itinerary of the Route from Caracas to Bogota and an Appendix. Philadelphia, 1827. P. 119–122. Ханке почему-то пропустил этот отзыв Бэйча – *Напке L.* Op. cit. P. 362п.

Chew B. Op. cit. P. 106–107.

1397

Указание на известное письмо Боливара Хосе Паэсу от 6 марта 1826 г.

1398

National Intelligencer. June 12,1828 (статья датирована «Вашингтон, 9 июня 1828 г.»).

Ibid. January 13, February 5, 24; May 3, 1827; О сокращении армии Боливаром тж.: – From Colombia // Ibid. December 6, 1827 (по заметкам в “N.Y. Mercurial Advertiser”,

“Aurora”); *Cushing* C. Op. cit. В статье Кашинга Боливар ставится в один ряд с Цезарем, Вашингтоном и Бонапартом (p. 90) и называется «ведущим гением всей революции» (p. 93).

1400

Ibid. P. 111.

1401

Калеб Кашинг – Джареду Спарксу, 6 апреля 1827 г. – MS Sparks 153.

1402

Джаред Спаркс – Калебу Кашингу, 17 апреля 1827 г.; Он же – Александру Эверетту, 14 мая 1827 г. – MS Sparks 147c. P. 44–45; Life and Writings of Jared Sparks. Vol. I. P. 328.

1403

N.Y. Mercurial Advertiser. B: National Intelligencer. August 6,1823. Тж.: Niles' Weekly Register. Vol. 25. P. 171 (November 15, 1823).

1404

State of War in Peru [по письму из Лимы в Буэнос-Айрес от 7 ноября 1823 г.] – National Intelligencer. March 23, 1824.

1405

Peru // Niles' Weekly Register. Vol. 29. P. 276 (December 31, 1825).

1406

Хайрем Полдинг – Айзеку Халлу, 15 июля 1824 г. – Boston Athenaeum. Papers of Commodore Isaac Hull. Box 1. Folder 6.

1407

Уильям Тюдор – Генри Клею, 4 июня 1825 г., 25 апреля, 18 мая, 12 июня, 26 июля; 21 ноября, 1 августа, 13 декабря 1826 г. – DCLA. Vol. III. P. 1782–1783; PHC. Vol. 4. P. 416. Vol. 5. P. 271, 373, 426, 572, 942, 583, 999. Тж.: Уильям Тюдор – Айзеку Халлу, 16 августа 1826 г. – Boston Athenaeum. Papers of Commodore Isaac Hull. Box 1. Folder 11.

1408

Уильям Тюдор – Генри Клею, 5 июля 1826 г. – PHC. Vol. 5. P. 527. См. тж.: Он же – Джоэлю Пойнсету, 3 февраля 1827 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers. Vol. 4. Folder 3.

1409

Он же – Генри Клею, 11 июня, 25 августа, 21 ноября 1826 г. – PHC. Vol. 5. P. 426, 646–647, 942

1410

Columbian Centinel. September 30, October 25, 1826.

1411

Interesting from Peru // Franklin Gazette. B: National Intelligencer. December 2, 1826. Опубликованное письмо было отправлено из Лимы в Филадельфию 31 июля 1826 г.

1412

Peru // National Intelligencer. February 17, 1827.

1413

Уильям Тюдор – Генри Клею, 24 декабря 1826 г. – PHC. Vol. 5. P. 1033.

1414

Уильям Тюдор – Джареду Спарксу, 23 декабря 1826 г. (получено 15 апреля 1827 г.); Уильям Тюдор – коммодору Чарльзу Стюарту, 6 мая 1827 г. – MS Sparks 153; Harvard University Houghton Library. Tudor Papers. Box 3. См. тж.: Уильям Тюдор – Джареду Спарксу, 19 февраля 1827 г. – Life and Writings of Jared Sparks. Vol. I. P. 317–318.

1415

Джаред Спаркс – Калебу Кашингу, 17 апреля 1827 г. – MS Sparks 147c. P. 44–45.

1416

Уильям Тюдор – Джоэлю Пойнсету, 23 апреля 1827 г. См. тж.: он же – ему же, 24 ноября 1826 г., 15–19 сентября, 11 ноября 1827 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers. Vol. 4. Folders 4–5, 17, 15–16.

1417

Revolution in Peru // National Intelligencer. June 23, 1827 (по письмам из Лимы от 20, 25 февраля).

1418

Ibid. June 28,1827; Niles' Weekly Register. Vol. 32. P. 294 (June 30,1827) – по газетам на 10 февраля 1827 г.

1419

Эдвард Торнтон Тэйло – Бенджамину Оглу Тэйло, 18 апреля 1827 г. – Mexico, 1825–1828: the Journal and Correspondence of Edward Thornton Tayloe. P. 156–157.

1420

Он же – Джоэлю Пойнсету, 10 августа 1828 г. – HSP. Joel R. Poinsett Papers. Vol. 5. Folder 7.

Political Arena, October 21, 1828. B: National Intelligencer. November 4, 1828.

1422

Симон Боливар – Хосе Паэсу, 6 марта 1826 г. – *Боливар* С. Указ. соч. С. 139 *(.Bolivar S.* Op. cit. Vol. 1. P. 688–689; Vol. 2. P. 322). Цит. в: *Шульговский* А. Ф. Указ, соч. С. 213.

1423

The Colombian Republic // Baltimore American. B: National Intelligencer. October 21, 1828.

1424

On the Affairs of Colombia // New York Daily Advertiser. November 11, 1828. В: National Intelligencer. November 15, 1828. Сантандер характеризуется в статье как твердый защитник законности и умелый руководитель.

Harrison B. Op. cit. P. 32.

1426

См.: Niles' Weekly Register. Vol. 39. P. 175, 224, 241 (November 6, 27; December 4, 1830).

1427

Affairs of Colombia // National Intelligencer. August 15,1827. Первонач. в: El Telegrafo de Lima. 7 de abril, 1827.

1428

Columbian Centinel. December 6, 1828.

1429

Columbian Centinel. August 23, 1828. Подобное сравнение использовал вскоре после смерти Боливара и Сантандер: во время своего недолгого пребывания в США он называл колумбийцев «младшими братьями североамериканцев» – *Шульговский А. Ф.* Указ. соч. С. 226.

1430

См.: Ф. Салес (Sales) – редактору “Boston Patriot” Джону Б. Дэвису, 25 сентября 1828 г. – MHS. Papers of John Brazer Davis. Folder “1824–1825”. Высылая перевод одного из текстов Видаурре, корреспондент называл его «гением», «действительно великим человеком и, по моему скромному мнению, настоящим республиканцем».

1431

Columbian Centinel. August 23, 1828. Перепечатано из: Massachusetts Journal. August 19, 1828. Текст приводится тж. в: *Ducoudray Holstein H. L. V.* Memoirs of Simon Bolivar, President Liberator of the Republic of Colombia; and of his principal generals; comprising a secret history of the revolution, and the events which preceded it, from 1807 to the present time. L., 1830 (1st eds. – Boston, 1829, 1830). Vol. II. P. 306–307.

1432

Columbian Centinel. August 16, 1828.

1433

Bolivar and a Southern Empire // New York Daily Advertiser. В: National Intelligencer. August 20, 1828. Тж. см.: Ibid. September 6, 10, 1828. Статья подчеркивает, что понятие «нация» из якобинского лексикона, а слова «республика» и «империя» «диаметрально противоположны». Анонимный автор забыл про джефферсоновскую «империю для свободы».

The present state of Colombia… by an officer late in the Colombian service. L., 1827; *Devereux J.* Recollections of a service of three years during the war… of extermination… L., 1828. *Chesterton G. L.* Narratives of the Proceedings in Venezuela, in South America, in the years 1819 and 1820… L., 1820; *Hippisley G.* A narrative of the expedition to the rivers Orinoco and Apure in South America: which sailed from England in November 1817, and joined the patriotic forces in Venezuela and Caraccas. L., 1819.

1435

Конспекты к лекциям 1827 г., 20 апреля 1829 г. (Олбани) – AAS. Papers of Joseph Lancaster. Box 15. Folder 7 (Misc. Mss., 1820–1829). О пребывании Джозефа Ланкастера в Великой Колумбии см. с. 319–329.

См.: *Parks E. T.* Op. cit. P. 154–157.

1437

Уильям Гаррисон – Симону Боливару, 27 сентября 1829 г. – *Harrison B.* Op. cit. P. 44–53 (esp. p. 48, 52).

Harrison B. Op. cit. P. 56.

1439

Мануэль Морено – Джареду Спарксу, Лондон, 10 сентября 1829 г. – MS Sparks 153.

1440

См., например: *Bushnell D.* The United States as Seen by Simon Bolivar: Too Good a Neighbor // Simon Bolivar: Essays on the Life and Legacy of the Liberator. P. 135–145.

1441

Calderas F. Bolivar frente a los Estados Unidos. Maracaibo, 1983. P. 1.

Shepherd W. R. Bolivar and the United States // HAHR. Vol. 1. № 3 (Aug. 1918). P. 297; *Parks E. T.* Op. cit. P. 153.

1443

Симон Боливар – Патрику Кэмпбеллу, 5 августа 1829 г. – *Боливар С.* Указ. соч. С. 169. Одновременно Боливар не терял надежд улучшить отношения с США в связи с приходом к власти дружественного, как он думал, генерала Эндрю Джексона – военного человека как и сам Освободитель. См.: письма Боливара генералу Рафаэлю Урданете (1829); Томас Патрик Мур – Мартину Ван-Бюрену, 21 января 1830 г. – *Shepherd W. R.* Op. cit. P. 296; *Parks E. T.* Op. cit. P. 158.

1444

[Cushing C.] Simon Bolivar; *[Idem.]* Bolivar and the Bolivian Constitution // NAR. Vol. XXVIII. № 62 (Jan. 1829). P. 203–226; Vol. XXX. № 66 (January 1830). P. 26–61.

1445

Калеб Кашинг – Джареду Спарксу, 6, 16 апреля 1827 г. – MS Sparks 153.

См.: *Bailyn B.* The Ideological Origins of the American Revolution. Cambridge (Ma.), 1967. P. 77–80, 124–131, 144–159; *Pasley J.* Conspiracy Theory and American Exceptionalism from the Revolution to Roswell *11* A Paper Presented at “Sometimes an Art”: A Symposium in Celebration of Bernard Bailyn's Fifty Years of Teaching and Beyond, May 13, 2000 – www.conspiracy.pasleybrothers.com.

1447

Encyclopaedia Americana / Ed. by Francis Lieber, ass. by Edward Wigglesworth. 13 vols. Philadelphia, 1829–1833. Vol. II. 1830. P. 169–176. На авторство энциклопедической статьи указывают, в частности, следующие письма: Эдуард Уигглсуорт – Калебу Кашингу, 18 апреля, 14 мая, 2 сентября 1828 г., 5 мая 1829 г. – LC. Caleb Cushing Papers. Boxes 144, 6.

1448

LC. Caleb Cushing Papers. Box 211. Folder “Simon Bolivar”.

1449

Memoirs of General [William] Miller, in the Service of the Republic of Peru. By John Miller. 2 vols. L., 1828. В написании мемуаров Уильяму Миллеру помогал его брат Джон.

Ibid. Vol. II. P. 276–293.

1451

Ibid. P. 292–293.

1452

Ibid. P. 297–310.

1453

[Cushing C.] [Рец. на:] Miller’s Memoirs // AQR. Vol. VI (Sept.-Dec. 1829). № 11. P. 15, 20–22.

1454

Ducoudray Holstein H. L. V. Op. cit. Boston, 1829, 1830; L., 1830; P., 1831 (фр. изд., которое должно было быть дополнено очерком Альфонса Виолле (Viollet), выпустил секретарь Лафайета Огюст Левассер). Автор работал над книгой более пяти лет, закончив ее 4 февраля 1829 г. Сведения о карьере Освободителя в основном даны на июль 1828 г – Ibid. P. 83–87, 171. Выдержки из мемуаров приведены в: Wars of Independence in Spanish America / Ed. by Christon I. Archer. Wilmington (Del.), 2000.

1455

Заметим, что для бывшего наполеоновского офицера Бонапарт – не отрицательный, а в целом положительный образ гениального военного и администратора. Кромвель же – однозначно «тиран и поработитель своей страны» – *Ducoudray Holstein H. L. V.* Op. cit. Vol. I. P. 76–77.

Ibid. Vol. I. P. 171. Vol. II. P. 1–3, 243.

Ibid. Vol. II. P. 238–239, 240–241.

Ibid. Vol. I. P. 83–87. Автор прямо спорит, например, с хвалебным биографическим очерком в эмигрантском “El Mensagero” (London: Ackermann, 1823).

1459

Ibid. Vol. I. P. 76, 79.

Ibid. Vol. II. P. 243, 245–248, 249–250.

1461

Ibid. Vol. II. P. 95–96.

Ibid. Vol. II. P. 267.

Ibid. Vol. II. P. 288–306, 306–307.

Комиссаров Б. Н. Указ. соч. С. 263 слл.

1465

The New American Cyclopaedia. 16 vols. N.Y., 1857–1866. Vol. Ill (1858) – (*Маркс К.*, *Энгельс* Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 226–240). Первым подверг свидетельство Дюкудре-Гольштейна основательной критике немецкий историк Георг Гервинус (1805–1871). См.: *Альперович М.* С., *Ермолаев В. И., Лаврецкий И. Р.*, *Семенов С. И.* Об освободительной войне испанских колоний в Америке // Вопросы истории. 1956. № 11. С. 62–64; *Альперович М. С.* О «белых пятнах» в истории Америки // ННИ. 1989. № 2. С. 59–62; *Коссок М.* Симон Боливар – первый бонапартист Латинской Америки? // Симон Боливар: История и современность. С. 174–181.

[Cushing C.] Op. cit. P. Ill; *[Everett A.* Я.] Op. cit. P. 181; Encyclopaedia Americana. Vol. II. P. 175.

1467

National Intelligencer. Jan. 27, 1831. Текст опубликован по-русски: *Боливар* С. Указ, соч. С. 179.

1468

De Mosquera T. C. To the Editors of the Mercantile Advertiser *11* N.Y. Commercial Advertiser, January 18, 1831; U.S. Telegraph. January 24, 1831.

1469

Death of Bolivar // U.S. Telegraph; National Intelligencer. February 15, 1831; Niles' Weekly Register. Vol. 39. P. 456 (February 19, 1831) – no: Norfolk Beacon. February 9, 1831; Jamaica Courant. January 6, 1831.

National Intelligencer. February 24, 1831 – no: N.Y. Journal of Commerce; Gaceta de Carthagena. December 26, 1830.

1471

Death of Bolivar // Niles' Weekly Register. Vol. 39. P. 456 (February 19, 1831). Слова о «генералах» перекликаются с заметками от 6, 27 ноября и почти дословно («они [генералы] всё, люди и их права – ничто») – от 4 декабря 1830 г. – Ibid. P. 175, 224,241. Интересно высказывание Найлса о неформальной «моральной власти» США. Как известно, высказанная на Ангостурском конгрессе идея дополняющих классическое разделение властей особых органов «моральной власти» (poder moral) являлась важной стороной политической доктрины Боливара.

National Intelligencer. July 6, 1831.

Ibid. June 8, 1839. B: LC. Caleb Cushing Papers. Box 211. Folder “Simon Bolivar”.

Goodrich S. G. Lights and Shadow of American History. Boston, 1844. P. 156–157.

1475

Brackenridge H. *M.* Voyage to South America, performed by order of the American Goverment in the Years 1817 and 1818, in the frigate Congress. Baltimore (Md.), 1819. Vol. II. P. 257.

1476

MJQA. Vol. V. P. 325 (запись от 9 марта 1821 г.).

Brackenridge H. *M.* Op. cit. Vol. II. P. 301.

1478

Henry Marie Brackenridge, *Voyage to South America, performed by order of the American Government in the Years 1817 and 1818, in the frigate Congress* (Baltimore (Md.), 1819), II, 301.